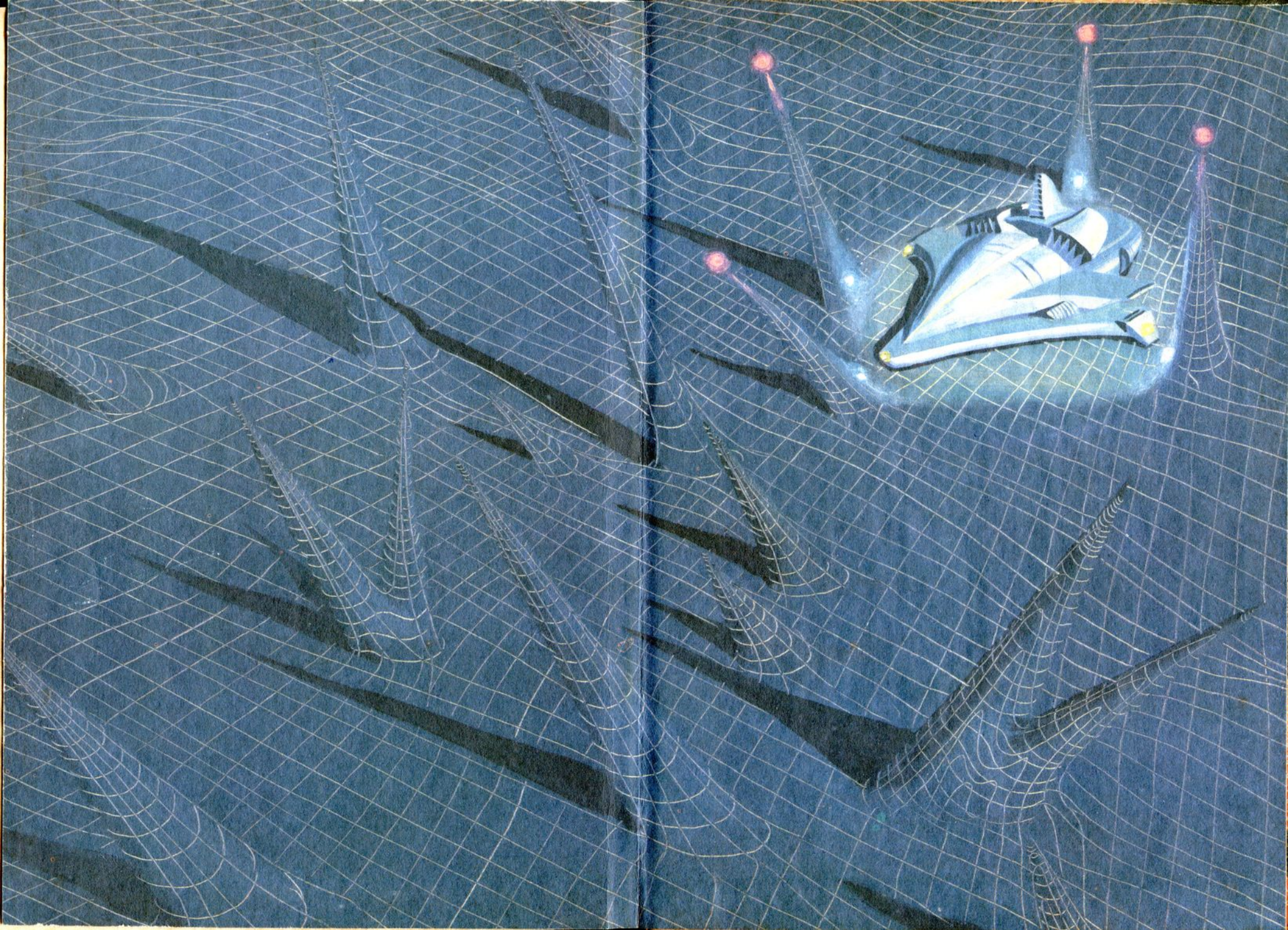

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

УЗНИКИ НЕБА

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ДЕТЕКТИВ

УЗНИКИ НЕБА

Фантастические романы

НИЖНИЙ НОВГОРОД
ГИПП «Нижполиграф»
1993

ББК 84.0 США, Вл.

У 34

Оформление В. ГОЛОВИНА

Узники неба. Фантастические романы. Пер. с англ. В. Черных, Е. Красильниковой, М. Астафьева. Составитель Н. Резанова.— Нижний Новгород: ГИПП «Нижполиграф», 1993.— 432 с.; ил.

ISBN 5-7628-0021-0

Столкновение людей с могущественной сверхцивилизацией (М. Муркок, «Ритуалы бесконечности»), шпионская операция в далеком будущем (Дж. Рэнкин, «Операция «Яманак»), война на затерянной в космосе планете (К. Мак-Апп, «Узники неба») — сюжеты и коллизии романов современных зарубежных писателей увлекательны, остроумны и неотступно держат читателей в напряжении.

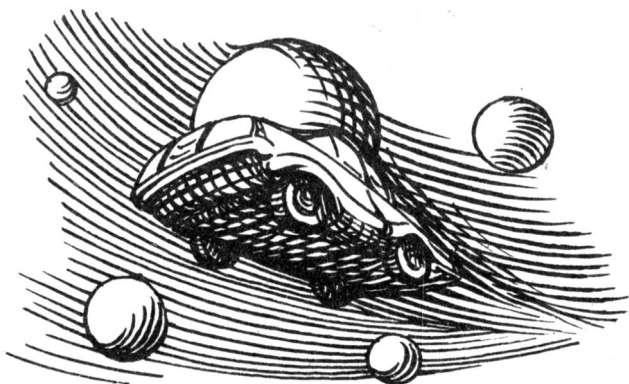
у 4703040100—011 без объявл.
93

ББК 84.0 США, Вл.

ISBN 5-76 28-0021-0

© Перевод, оформление. Издательство «Флокс». 1993

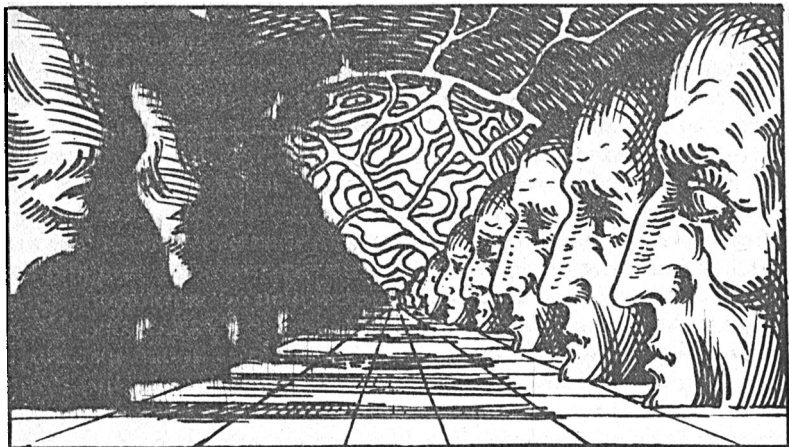
МАЙКЛ МУРКОК

Ритуалы бесконечности

Посвящается Джимми Болларду

Художник
А. МИХАЙЛОВ

Когда настанет час кончины мира
И время очищенья каждой твари,
То все кругом из рая станет адом.

*Кристофер Марло
«Доктор Фаустус»*

ПРОЛОГ

...И так они лежали, вне пространства и времени, каждая — заключенная в собственной орбите, каждая из планет, называемых «Земля».

Пятнадцать шаров, пятнадцать сгустков материи, наделенных одним именем. Да, когда-то они, должно быть, казались одинаковыми, но теперь были совершенно различны. Одна почти полностью состояла из пустыни и океана и нескольких лесов гигантских уродливых деревьев в северном полушарии, другая, планета темного обсидиана, словно пребывала в вечных сумерках, третья представляла собой соты из многоцветного хрусталя, а еще одна обладала единственным континентом, кольцом окружающим огромную лагуну. Обломки крушения Времени, заброшенные и умирающие, населенные все уменьшающимся числом разумных обитателей, по большей части не подозревающих о гибели, надвигающейся на их миры.

Эти миры существовали в некоем подпространственном колодеце, сотворенном в дополнение к серии глобальных экспериментов...

ВЕЛИКАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ПУСТЫНЯ

Согласно коду профессора Фаустаффа этот мир был обозначен как Земля-3. Сам же профессор вел свой пламенно-красный «бьюик», резко выделяющийся на пыльном шоссе, что пересекало сверкающую сухим бриллиантовым блеском пустыню, заботливо придерживая руль, подобно капитану шхуны, прокладывающему путь среди предательских мелей.

По обеим сторонам тянулась пустыня, огромная, безлюдная, дикая и молчаливая под палящими лучами солнца, что висело в зените на металлически-голубом небе. На этой альтернативной Земле мало что имело, кроме пустыни и океана, и одно служило продолжением другого.

За рулем профессор мурлыкал про себя какую-то песенку, удобно раскинувшись на обоих передних сиденьях. Солнце играло на капельках пота, выступившего на его красном от загара лице, отражалось от линз его полароидных очков, сияло на деталях «бьюика», еще не успевших потускнеть под пылью пустыни. Мотор ревел, как зверь, а профессор Фаустафф бездумно подпевал в такт.

На нем была гавайская рубаша и золотистые пляжные шорты, на ногах — разбитые сандалии, и бейсбольная кепка венчала его голову. Он весил почти двадцать стоунов, а ростом был добрых шести с половиной футов. Крупный мужчина. Хотя он не забывал следить за дорогой, тело его было абсолютно расслаблено, мозг отдыхал. Он был дома на этой планете так же, как и на десяти с лишним других. Экология этой Земли не способствовала, конечно, поддержанию человеческой жизни. Ничего не поделаешь. Человеческую жизнь здесь и на всех других мирах, за исключением двух, поддерживали профессор Фаустафф и его команда. Большая ответственность. Профессор нес ее с привычным спокойствием.

Столица Великой Америки, Лос-Анджелес, осталась в двух часах позади него, а он направлялся в Сан-Франциско, где находилась его штаб-квартира. Он должен был быть там на следующий день, а пока профессор собирался остановиться в мотеле, который, как ему было известно, имелся по этому маршруту, заночевать и снова выехать с утра.

Вглядываясь вперед, Фаустафф неожиданно заметил на обочине шоссе человеческую фигуру. Подъехав ближе, он увидел, что это девушка, одетая только в купальный костюм. Она махала рукой, призывая его остановиться. Он притормозил. Девушка была хорошенькая, рыжая, с длинными прямыми волосами, прелестным остреньким веснушчатым носиком и крупным чувственным ртом.

Фаустафф остановил машину рядом с девушкой.

— В чем проблема?

— В шофере грузовика, который собирался подбросить меня

до Фриско, а когда я отказалась позабавиться с ним среди кактусов, вышвырнул меня,— голос у нее оказался мягкий и несколько ироничный.

— Разве он не понимал, что вы могли умереть, прежде чем здесь проехал бы кто-нибудь еще?

— Может, он этого и хотел. Уж очень он огорчился.

— Садитесь.— Многие молодые женщины притягивали Фаустаффа, но рыжие были для него особенно привлекательны. Когда она втиснулась на пассажирское сиденье рядом с ним, его дыхание слегка участилось против обычного. Ее лицо, казалось, приняло более серьезное выражение, когда он разглядывал ее, но при этом она промолчала.

— Меня зовут Нэнси Хант,— представилась она.— Я из Лос-Анджелеса. А вы?

— Профессор Фаустафф. Живу во Фриско.

— Профессор? Не похож. Скорее, бизнесмен, а может, даже и художник.

— Очень жаль, но должен признаться, что я физик — физик на все руки, так сказать.— Он улыбнулся, и она улыбнулась в ответ. Взгляд ее потеплел. Как большинство женщин, она уже поддавалась мужской привлекательности Фаустаффа. Сам он находил это нормальным и никогда не задавался вопросом, почему ему так везет в любви. Может быть, именно его умение без лишних вопросов радоваться любви как таковой в основном и привлекало женщин. Добродушная натура и безыскусное уважение ко всем телесным наслаждениям, характер, не требовательный к окружающим, и служили основной базой для успеха Фаустаффа у женщин. Ел ли он, пил, курил, занимался любовью, разговаривал, изобретал, помогал людям или доставлял какое-либо удовольствие — Фаустафф делал это с такой непосредственностью, такой свободой, что это не могло не показаться привлекательным для большинства людей.

— Что вы собираетесь делать во Фриско, Нэнси?— спросил он.

— О, я просто ощутила тягу к путешествиям. Я была на вечеринке у бассейна, она мне осточертела, я вышла на улицу и увидела, что подъезжает грузовик, тормознула его и спросила водителя, куда он едет. Он сказал: «Во Фриско», вот я и решила ехать во Фриско.

Фаустафф фыркнул.

— Вы импульсивны. Мне это нравится.

— Мой дружок называл меня унылой, а не импульсивной,— она улыбнулась.

— Ваш дружок?

— Да, мой экс-дружок, с нынешнего утра, надо думать. Он проснулся, сел в постели и заявил: «Если ты не выйдешь за меня,

Нэнси, я сейчас уйду». Выходить за него я не хотела, о чем и сообщила. Он ушел.— Она рассмеялась.— Прекрасный был парень.

Шоссе пролегало среди бесплодной пустыни. За разговором Фаустафф и Нэнси, естественно, придвигались все ближе, пока Фаустафф не обнял девушку, обвив рукой ее плечи, а несколько позже поцеловал.

После полудня они оба расслабились и довольствовались тем, что молчаливо наслаждались обществом друг друга.

Пляшущий спидометр, визг шин, стреляющий выхлоп, вибрирующие шасси, духота, песок, что хлещет по ветровому стеклу, и огромное желтое солнце в раскаленной синеве. Широкая сверкающая пустыня протянулась на сотни миль во всех направлениях, и ее однообразие нарушали только несколько бензозаправочных станций и мотелей вдоль редких автострад, случайных плоскогогорий и кактусов. Только Город Ангелов, в самом центре пустыни, лежал во внутренней части страны. Все другие города, такие, как Сан-Франциско, Нью-Орлеан, Сент-Луис, Санта-Фе, Джексоновилл, Хьюстон и Феникс располагались на побережье. Пришелец с другой Земли не узнал бы очертаний континента.

Профессор Фаустафф, напевая себе под нос что-то без слов, крутил руль, лавируя между выбоинами на шоссе и наиболее высокими песчаными наносами. Резкий зуммер оборвал его мурлыканье и его покой. Он бросил взгляд на девушку и принял решение, хоть и пожал плечами. Открыл бардачок и нащупал потайной передатчик. Послышался голос, крайне настойчивый, но пока еще сдержанный.

— Фриско вызывает профессора Ф. Фриско вызывает профессора Ф.

— Профессор Ф. слушает,— сказал Фаустафф, глядя на дорогу перед собой и слегка отжимая акселератор.

Нэнси нахмурила брови.

— Что это еще?— спросила она.

— Всего лишь личная рация. Так я поддерживаю связь со своей конторой.

— Профессор Ф. слушает вас,— спокойно повторил он.— Учитывайте положение С.,— Фаустафф предупреждал базу, что рядом с ним кто-то есть.

— Понял. Два сообщения. Предполагается близкая ситуация Н. М. на 3-15, районы по сети 33, 34, 41, 42, 49, 50. Представители на 3-15 просят помощи. Предлагают вам использовать для контакта И-эффekt.

— Так плохо?

— Судя по их словам, так плохо.

— О'кей. Делайте все как можно скорее. Вы сказали — два сообщения.

— Мы нашли туннель — или его следы. Не наш. Вероятно, агента У-легиона. Кстати, он где-то в вашем секторе. Думаем, это вам не безынтересно.

Неожиданно Фаустафф подумал о том, нет ли здесь связи, и снова бросил взгляд на Нэнси.

— Благодарю, — передал он. — Прибуду во Фриско завтра. Информировать меня обо всех критических ситуациях.

— О'кей, профессор, даю отбой.

Фаустафф снова засунул руку в бардачок и повернул выключатель.

Нэнси усмехнулась.

— Фу! Если вы, физики, всегда на такой манер разговариваете, то я рада, что в школе не учила ничего, кроме эсперанто.

Фаустафф знал, что должен подозревать ее, но никак не мог поверить, что в ней таится угроза.

Его контора во Фриско не пользовалась рацией без крайней необходимости. Они сообщили ему, что пятнадцатой и последней альтернативной Земле угрожает Ситуация Нестабильной Материи. А она могла означать полное разрушение планеты. Обычно представители его команды и сами были в силах управиться с С.Н.М. И если они просили о помощи, значит, дела очень плохи. Позже Фаустафф должен оставить девушку где-нибудь и воспользоваться приспособлением, лежащим сейчас в багажнике автомобиля — так называемый инвокер, который был в состоянии обеспечить связь Фаустаффа с кем-нибудь из его представителей через подпространственные уровни, так что профессор мог переговорить с ним непосредственно и точно узнать, что же случилось на Земле-15. Вторая часть сообщения касалась врагов — загадочных У-легионов, которые, как считал Фаустафф, предназначались для создания ситуаций Н.М., где бы они ни появились. Агенты или агент У-легиона были уже здесь, на этой Земле, и следили за ним. Вот почему он должен подозревать Нэнси Хант и проявлять осторожность. Ее появление на шоссе было странным, хоть он и склонен был верить ее словам.

Она снова улыбнулась, вытащила из кармана его рубашки сигареты и зажигалку,插插ила сигарету ему в зубы и высекла огонь, так что он вынужден был наклонить к ней свою крупную голову.

К вечеру, когда солнце уже начало окрашивать небо безумными цветами, показалась ограда мотеля. Вывеска гласила:

LA PLEJ BONAN MOTELON

Nagejo — Muziko — Amuzoj.

Немного дальше они могли разглядеть строения мотеля и другую вывеску:

PLUVATA MORGAI

Bonvolu esti kunni.

Фаустафф довольно свободно читал на эсперанто. Это был официальный язык, хотя в повседневной жизни им мало кто пользовался. Вывески предлагали ему самый лучший мотель, бассейн, музыку и развлечения. Мотель, не без юмора названный «Дождь наавтра», приглашал его воспользоваться гостеприимством.

Сразу за ограждением они свернули на дорогу, ведущую к автостоянке. Там в тени навеса стояли только две машины. Одна — черный «форд-тандербед», другая — белый английский «МГ». Симпатичная девушка в пышной юбке наподобие балетной пачки, бывшей, несомненно, частью ее униформы, и в кепке с козырьком, возникла перед ними, стоило лишь им выйти из машины. Фаустафф подмигнул ей, возвышаясь рядом, как великан. Солнечные очки он убрал в карман и утирал пот желтым носовым платком.

— Номера есть?— спросил он.

— Конечно,— девушка улыбнулась, быстро переводя взгляд с Фаустаффа на Нэнси.— Сколько?

— Один двойной или два одинарных, без разницы,— ответил он.

— Не уверена, что у нас найдется кровать вашего размера, мистер.

— Я свернусь клубочком,— засмеялся Фаустафф.— Не беспокойтесь об этом. Я тут оставил кое-какие вещи в машине. Если я ее закрою и запру, они будут в достаточной безопасности?

— Все воры, какие есть в округе — это койоты,— отвечала она,— но они скоро научатся водить машины, когда поймут, что кроме машин здесь нечего красть.

— Что, дела так плохи?

— А они бывают хороши?

— Но ведь между вами и Фриско есть несколько мотелей,— сказала Нэнси, цепляя Фаустаффа под руку.— Как же они держатся?

— В основном за счет государственных дотаций. Они содержат заправочные станции и мотели вдоль Великого Американского Пустыря, верно? А то как же иначе попасть в Лос-Анджелес?

— На самолете?— предположила рыженькая.

— Я тоже так думаю,— сказала девушка.— Но шоссе и мотели были здесь до того, как открылись авиакомпании, поэтому, полагаю, правительство поступает правильно. Кроме того, некоторые люди предпочитают ездить через пустыню на автомобиле.

Фаустафф вернулся к «бьюику» и включил защитный колпак. Он загудел и начал расширяться, покрывая собой автомобиль. Фаустафф закрепил его и вылез наружу. Запер двери, отпер багажник, повернул переключатели на некоторых деталях оборудования, снова запер. Затем, приобняв рыженькую, он произнес:

— Отлично, давай слегка перекусим.

Девушка в кепке и в балетной юбке указала им путь к главному зданию. В нем было около дюжины номеров.

В ресторане был еще один посетитель. Он сидел у окна, глядя на пустыню. Выходила большая полная луна.

Фаустафф вместе с рыженькой уселся у стойки и просмотрел меню. Оно предлагало бифштекс, гамбургер и вариации из разных стандартных закусок. Все та же девушка, приветствовавшая их приезд, показалась в дверях и сказала:

— Что будете заказывать?

— Вы делаете здесь всю работу?— спросила Нэнси.

— Большой частью. Мой муж следит за газовыми насосами и выполняет самую грубую работу. Остальное не так уж трудно — разве что поддерживать все более-менее в порядке.

— Пожалуй,— заметила Нэнси.— Мне стейк побольше, жаркое с кровью и салат.

— Мне то же, но по четыре порции,— сказал Фаустафф.— Потом три содовой «Радуга» и шесть чашек кофе со сливками.

— Побольше бы посетителей вроде вас,— сказала девушка без тени насмешки. Она взглянула на Нэнси.— Что-нибудь на десерт, дорогуша?

Рыженькая улыбнулась.

— Ванильное мороженое и кофе со сливками.

— Идите, садитесь. Все будет через десять минут.

Они перебрались к столу у окна. Впервые Фаустафф увидел лицо другого посетителя. Он был бледен, с коротко остриженными черными волосами и залысинами на лбу, холеной острой черной бородкой и усами, с аскетическим складом лица. Губы его кривились, когда он смотрел на луну. Неожиданно он повернулся, взглянул на Фаустаффа, отвесил легкий поклон и снова уставился на луну. Глаза у него были блестящие, черные и сардонические.

Немного погодя вернулась девушка с подносом в руках.

— Ваши бифштексы вот в этой тарелке,— сказала она, поставив поднос на стол,— а ваши закуски вот в тех двух меньших. О'кей?

— Прекрасно,— кивнул Фаустафф.

Девушка переставила все тарелки с подноса на стол и отошла. Несколько поколебавшись, она обернулась к другому посетителю:— Будете заказывать еще что-нибудь... э... герр Стевел... сэр?

— Стеффломеис,— произнес он, улыбаясь. Хотя выражение его лица было исключительно любезным, в нем мелькнул тот же отблеск сарказма, который Фаустафф уже заметил. Казалось, это обидело девушку. Она только фыркнула и поспешила обратно за стойку. Стеффломеис снова кивнул Фаустаффу и Нэнси.

— Я — приезжий в вашей стране,— сказал он,— и боюсь, что

мне следовало принять какой-либо псевдоним, который было бы легче произносить.

Рот у Фаустаффа был набит бифштексом и он не мог сразу отреагировать, но Нэнси вежливо спросила:

— И откуда же вы, мистер...?

— Стеффломеис, — рассмеялся тот. — Моя родина — Швеция.

— Вы здесь по делу или на отдыхе? — осторожно поинтересовался Фаустафф. Стеффломеис лгал.

— И то, и другое понемножку. Пустыня великолепна, не так ли?

— Однако жарковата, — хихикнула рыженькая. — Я не думаю, что вы привыкли к такому там, откуда приехали.

— Летом в Швеции достаточно тепло, — отвечал Стеффломеис.

Фаустафф осторожно разглядывал Стеффломеиса. Подозрение профессора еще не вполне сформировалось, но что-то говорило ему, что Стеффломеису верить нельзя.

— Куда же вы направляетесь? — спросила девушка. — В Лос-Анджелес или Фриско?

— В Лос-Анджелес. У меня кое-какие дела в столице.

Лос-Анджелес или, точнее, Голливуд, где располагался президентский Блитающий Дом и Храм Правительства, был столицей Великой Американской Конфедерации.

Фаустафф управился со вторым и третьим бифштексами.

— Вы, должно быть, один из тех людей, о которых мы только что говорили, — сказал он, — из тех, кто предпочитает езду по летам.

— Я не слишком люблю летать, — согласился Стеффломеис. — И разве таким образом можно узнать страну, верно?

— Конечно, нет, — подтвердила рыженькая, — если вам нравятся картинки такого рода.

— Я их обожаю, — улыбнулся Стеффломеис. Поднялся, изящно поклонился им обоим. — А теперь, пожалуйста, извините меня. Завтра мне очень рано вставать.

— Спокойной ночи, — произнес Фаустафф с полунабитым ртом. И снова в черных глазах Стеффломеиса мелькнуло это таинственное выражение. Снова он быстро отвернулся. И покинул ресторан, кивнув девушке, которая стояла за стойкой, и готовила содовую для Фаустаффа. Когда он вышел, девушка выбралась из-за стойки и подошла к их столу.

— Что вы о нем скажете? — спросила она Фаустаффа.

Фаустафф засмеялся, и посуда задребезжала.

— У него несомненный талант привлекать к себе внимание. Вероятно, он из тех, кто самоутверждается, разыгрывая таинственность перед окружающими.

— Без сомнения, — с энтузиазмом согласилась девушка. — Если вы имеете в виду то, о чем я думаю, то я с вами согласна. Меня от него прямо в дрожь бросает.

— А по какой дороге он приехал? — спросил Фаустафф.

— Не заметила. Он назвал в качестве адреса гостиницу в Л. А. Выходит, он приехал из Л. А.

Нэнси покачала головой.

— Нет. Как раз туда он едет. Он нам сказал.

Фаустафф пожал плечами и снова рассмеялся.

— Если я верно его раскусил, то сейчас он добился того, чего хотел — люди говорят о нем и удивляются ему. Я подобных парней встречал и раньше. Забудем о нем.

Затем девушка проводила их в номер. Там стояла большая двухспальная кровать.

— Она больше, чем наши стандартные кровати, — сказала она. — Можно сказать, сработано специально для вас.

— Вы очень любезны, — улыбнулся Фаустафф.

— Спокойной ночи, добрых снов.

— Спокойной ночи.

Рыженькая поторопилась забраться в постель сразу же, как девушка вышла. Фаустафф обнял ее и поцеловал, потом выпрямился, достал маленькую зеленую облегающую бархатную шапочку из кармана и приладил ее на голове прежде, чем начать раздеваться.

— Ты псих, Фасти, — захихикала рыженькая, сидя в постели, так что ее даже затрясло от смеха. — Я в тебе никогда не разберусь.

— А ты, дорогуша, никогда и не захочешь, — сказал он, раздеваясь и гася свет.

Тремя часами позже он был разбужен от того, что голову его что-то сжало слабой беззвучной вибрацией.

Он сел, отбросил одеяло и, по возможности осторожно, чтобы не потревожить девушку, выбрался из постели.

Инвокер готов. Следует вытащить его в пустыню, и чем скорее, тем лучше.

ТРОЕ В МАЙКАХ

Профессор Фаустафф выскользнул из номера — его огромное обнаженное тело двигалось с неожиданной грацией — и поспешил на автостоянку к своему «бьюику».

Инвокер был готов. Он составлял компактную сеть аппаратуры и был снабжен рукоятками для удобства перенесения. Профессор вытащил его из багажника «бьюика» и потащил прочь от стоянки и motelа, подальше в пустыню.

Через десять минут он устроился в лунном свете и принялся играть на контрольной панели инвокера. Он вращал диски и нажимал кнопки. Белый лучик мигнул и погас, мигнул красный, зеленый, затем работа аппаратуры вроде бы приостановилась. Профессор

Фаустафф отошел назад. Теперь полупрозрачные лучи света, казалось, брызнули из инвокера, вычерчивая во тьме геометрические чертежи. Поодаль среди них начала проступать фигура, сперва призрачная, а потом обретающая плотью. Вскоре там стоял человек.

Он был в комбинезоне, с забинтованной головой, тощий и небритый. Он крутил диск, что наподобие часов был прикреплен к его запястью, и ни на что не обращал внимания.

— Джордж?

— Привет, профессор. Вы где? Я получил вызов. Вы можете сделать поскорей? Как вы нужны на базе.— Джордж Форбс говорил бессвязно, что вовсе на него не походило.

— У вас там и впрямь неприятности. Обрисуйте ситуацию.

— Нашу главную базу атаковали У-легионы. В качестве наиболее действенного оружия они использовали деструкторы на вертолетах с небольшой высоты. Мы их прозевали, пока они не подошли близко. Мы приняли бой, но эти сволочи, как обычно, ударили и сразу же отступили, а потом повторили подобную атаку пять минут спустя и оставили нас, пятерых выживших из двадцати трех, с поврежденной аппаратурой и уничтоженным адьюстором. Пока мы здесь зализываем раны, они, должно быть, готовят создание С.Н.М. Мы старались достать их на еле дышащем адьюсторе, но игра не стоила свеч. Мы сами угодим в С.Н.М., если не поостережемся, и тогда можете списывать 3-15 со счетов. Нам нужен новый адьюстор и команда в полном составе.

— Сделаю все, что смогу,— пообещал профессор.— Но у нас нет лишних адьюсторов; ты знаешь, как долго их строить. Мы можем пойти на риск доставить один откуда-нибудь еще, думаю, 3-1 в наибольшей безопасности.

— Спасибо, профессор. Вы даете нам надежду — мы уже не верим, что вы сможете что-то для нас сделать. Но если вы все-таки сможете...— Лицо Форбса исказилось. Он выглядел таким измученным, что, похоже, был не в силах реально осознать, где он находится и что говорит.— Мне бы лучше вернуться. О'кей?

— О'кей,— сказал профессор.

Форбс нажал на диск на своем запястье и начал растворяться в воздухе, поскольку инвокер 3-15 возвращал его обратно сквозь подпространственные уровни.

Фаустафф знал, что ему необходимо как можно скорее быть во Фриско. Придется ехать ночью. Он поволок инвокер обратно к мотелю.

Когда он приблизился к стоянке, то увидел рядом со своим «бьюиком» какой-то силуэт, и, казалось, фигура эта силится открыть дверь машины. Фаустафф рывкнул:

— Чем это ты там занимаешься, подонок?— оставил инвокер и двинулся навстречу фигуре.

По приближении Фаустаффа фигура выпрямилась и обернулась. Это оказался не Стеффломеис, а женщина, белокурая, загорелая, с аккуратно уложенной химической завивкой, как у портняжного манекена,— такой род завивки предпочитают обычно старые дамы. Но она была молодой.

Открыв от изумления рот, она увидела, что на нее надвигается упитанный гигант, облаченный только в зеленую бархатную шапочку, и отступила от машины.

— Вам бы не помешало одеться,— сказала она.— Если я закричу, вас арестуют.

Фаустафф рассмеялся и остановился.

— Кто меня арестует? Зачем вы пытались открыть мою машину?

— Я думала, что это моя.

Фаустафф взглянул на английский «М.Г.» и на «тандербед». — Сейчас не настолько темно, чтобы ошибиться,— сказал он. Полная желтая луна стояла высоко в небе.— Которая ваша?

— «Тандербед».

— Значит, «М.Г.»— Стеффломеиса. Я все же не верю, чтоб вы могли совершить подобную ошибку,— спутать красный «бьюик» с черным «тандербедом».

— Я не причинила вреда вашей машине. Я только хотела заглянуть внутрь. Мне стало интересно, что это у вас там за аппарат.— Она указала на маленький портативный компьютер на заднем сиденье.— Вы ведь ученый, не так ли,— профессор или что-то в этом роде?

— Кто вам сказал?

— Здешний хозяин.

— Ясно. Понял. Ваше имя, милашка?

— Мэгги Уайт.

— Так вот, мисс Уайт, в будущем держите свой нос подальше от моей машины.— Подобная грубость была не в характере Фаустаффа, но он был уверен, что она лжет, как лгал Стеффломеис, и был расстроен беседой с Джорджем Форбсом. К тому же его удивляла абсолютная антисексуальность Мэгги Уайт. Это было непохоже на него — находить какую-либо женщину непривлекательной, они всегда чем-нибудь да привлекают, но в этой его не влекло ничего. Причем подсознательно он понимал, что столь же непривлекателен для нее. И это создавало неловкость, хоть он и не понимал почему.

Он проследил за ее броском от стоянки к номерам. Увидел, что она вошла в один и захлопнула дверь. Вернулся к инвокеру и перенес его в багажник. Тщательно запер. Затем он последовал к номерам, как и Мэгги Уайт. Он должен разбудить Нэнси и трогаться. Чем скорее он встретится со своей командой, тем лучше.

Нэнси зазевалась и ударилась головой, когда забиралась в машину. Фаустафф вывел «бьюик» на шоссе, переключил скорость и нажал на акселератор.

— Что за спешка, Фасти?— Вид у нее был сонный. Фаустафф поднял ее с постели неожиданно, так же, как и хозяина мотеля, чтобы расплатиться с ним.

— Критическая ситуация в моей конторе во Фриско. Ничего такого, о чем бы тебе стоило беспокоиться. Извини, что я тебя разбудил. Постарайся выспаться, пока мы едем, а?

— А что случилось ночью? Ты вроде бы ссорился на автостоянке с девушкой, или что-то такое... Что ты там делал?

— Отвечал на звонок из конторы. Кто тебе сказал?

— Хозяин. Рассказал, пока заполнял бак твоей машины.— Она улыбнулась.— И будто бы ты был совсем нагишом. Он думает, что ты псих.

— Возможно, он и прав.

— У меня мелькнула мысль, что девушка и Стеффломеис как-то связаны. Они имеют отношение к твоей критической ситуации?

— Может быть.— Фаустафф вздрогнул. На нем не было иной одежды, кроме рубахи и шортов, а ночь в пустыне была холодной.— Может быть, чистильщики, но...— он размышлял вслух.

— Чистильщики?

— О, просто бездельники — вроде контркоманды. Я не знаю, кто они. Но хотел бы знать.

Немного погодя Нэнси уснула. Восходящее солнце превратило пустыню в царство красных песков и черных глубоких теней. Высокие кактусы, простирая ветки подобно рукам декламирующих актеров, выстроились в отдалении: окаменевшие пророки, запоздало прорицающие гибель, настигшую их.

Фаустафф вдохнул холодный рассветный воздух, неожиданно ощутив печаль и одиночество, и вернулся к своим размышлениям, в надежде, что они могут дать какой-то ключ к идентификации герра Стеффломеиса и Мэгги Уайт. Ехал он очень быстро, подстегиваемый мыслью, что, если поскорее не попадет во Фриско, с 3-15 все будет кончено. Позже проснулась Нэнси и потянулась, жмурясь от сильного света. Пустыня мерцала в знойном тумане, расплывшемся во всех направлениях.

Нэнси восприняла странную природу континента безо всяких вопросов. Для нее она всегда была такой. Фаустафф знал, что пять лет назад все было по-другому — до того, как едва удалось приостановить большую С.Н.М. Тут было нечто такое, что он, возможно, никогда не сможет полностью уяснить — на планете произошли глобальные физические изменения, но обитатели ее, казалось, ничего не заметили. Иногда Ситуация Н.М. сопровождалась у людей глубокими психическими изменениями — возможно, простейшим

примером могли служить массовые галлюцинации, связанные с летающими тарелками, не так давно имевшими место в его родном мире. Но эта галлюцинация была тотальной. Человеческая психика оказалась даже гораздо более адаптабельной, чем человеческая физиология. Возможно, это был единственный путь, каким люди могли сохранить в безопасности свое сознание от безумия, охватившего планеты подпространства. Массовая галлюцинация не всегда бывала полной, но те, кто вспоминал прежние условия существования, разумеется, признавались сумасшедшими. К тому же на массовом уровне сознание имело время приспособиться. Например, жители Великой Америки теперь не понимали, что их территория — единственно обитаемая на планете, кроме одного острова на Филиппинах. Они продолжали говорить о других странах, хотя понемногу их и забывали, но страны эти существовали только в их воображении — таинственные и романтические, куда никто в действительности не ездил. Стеффломеис сразу выдал себя, сказав, что он из Швеции. Фаустафф знал, что на З-3 края, прежде называвшиеся Скандинавией, Северной Европой и Южной Россией, представляют один гигантский лес. Никто там не жил — все были уничтожены большой С.Н.М., зацепившей также и Американский континент. Деревья в тех краях все чудовищно огромны, гораздо больше, чем североамериканские секвойи, превосходя пропорции страны, где они произрастали. И это еще был один из лучших результатов коррекции С.Н.М. На всех пятнадцати альтернативных Землях, знакомых Фаустаффу, Ситуации Нестабильной Материи уже проявились и были прерваны. В результате миры стали странными травестиями оригинала, и чем дальше вы удалялись по подпространственному коридору, тем более неземными представлялись эти Земли. Но многим их обитателям удалось выжить, а это главное. Причиной стараний Фаустаффа и его команды было спасение жизни. Хорошая причина для того, чтоб ради нее побеспокоиться, хоть и казалось, что они сражаются в долгой изматывающей битве против У-легионов. Он был уверен, что Стеффломеис и Мэгги Уайт представляют У-легион, и их появление возмущает опасность для него, если не для всей его организации. Во Фриско по прибытии ему могли предоставить новую информацию. Он надеялся на это. Его обычная уравновешенность грозила покинуть его.

Наконец вдали стали различимы башни Фриско. Дорога здесь была шире, а заросли кактусов — гуще, чем в пустыне. За Фриско простиралось голубое туманное море, однако все суда в его гавани были каботажного фрахта.

Степенные темпы Фриско, столь противоположные бешеному водовороту, из которого он выбрался в Л.А., привели Фаустаффа в несколько лучшее расположение духа, пока он ехал мирными старыми улицами, сохранившими некий аромат старой Америки,

той Америки, что реально существовала только в ностальгических воспоминаниях поколения, рожденного перед Первой Мировой войной. Надписи на уличных вывесках в эдвардианском стиле, дразнящие запахи тысяч деликатесов, звон троллейбусных сигналов эхом отдавался между серых и желтых домов, воздух был тихим и теплым, люди прогуливались по тротуарам, либо были различимы у стоек баров в прохладных интерьерах ресторанчиков и салунов. Фаустафф любил Фриско, отдавая ему первенство среди всех городов Великой Америки, вот почему он выбрал его местом для своей штаб-квартиры, предпочтя столице.

Не то, чтоб ему мешала атмосфера суматохи и нервозности, скорее, он ею наслаждался, но во Фриско витал сильнейший дух неизменности, чем где-либо на 3-3, поэтому в первую очередь психологически это было наилучшее место для его штаб-квартиры.

Он проехал к Норт-Бич и вскоре притормозил возле китайского ресторана, на теплых окнах которого были изображены золотые драконы. Он обернулся к рыженькой.

— Нэнси, как ты смотришь на китайскую кухню и возможность умыться?

— О'кей. И, значит, ботинки врозь? — Она заметила, что он не собирается к ней присоединиться.

— Что ты! Но у меня есть срочное дело, которое я должен исполнить. Если попозже я не вернусь, иди по этому адресу. — Он вытащил маленькую записную книжку из кармана рубашки и написал свой личный адрес. — Это моя квартира. Располагайся как дома. — Он протянул ей ключ. — И скажи там, в ресторане, что ты — моя приятельница.

Ей, казалось, было неловко выпрашивать у него дальше, она кивнула, выбралась из машины — все в том же купальнике — и направилась к ресторану.

Фаустафф подошел к двери дома, следующего за рестораном, и позвонил. Человек лет тридцати, темноволосый, крепкий, одетый в майку, белые джинсы и черные туфли, открыл дверь и кивнул, увидев Фаустаффа. Спереди на его майке красовалось выведенное по трафарету изображение циферблата больших старинных часов. Похоже, это была некая эмблема.

Фаустафф сказал: — Мне нужна помощь, чтобы перенести аппаратуру из багажника. Кто-нибудь еще есть?

— Махон и Харви.

— Я думаю, наверху нам будет что обсудить между собой. Скажете им?

Мужчина — имя которого было Карл Пеппиат — исчез и сразу же вернулся еще с двумя, тех же лет и сложения, хотя один из них был блондин. Одеты они были так же, с изображением часов на майках.

Они помогли Фаустаффу перенести электроинвокер и портативный компьютер через дверь по узкой лестнице. Фаустафф запер за ними дверь и приглядывал за молодыми людьми, пока они не внесли аппаратуру в маленькую комнату на первом этаже. Стены там были голы и несло плесенью. По еще более обшарпанной лестнице они поднялись на следующий этаж, где было устроено нечто вроде гостиной, битком набитой старой удобной мебелью. Там повсюду в беспорядке лежали журналы и стояли пустые стаканы. Трое в майках расположились в креслах, глядя на Фаустаффа, который подошел к коктейль-бару в стиле двадцатых годов, налил себе большой стакан бурбона, добавил кубики льда и, прихлебывая, повернулся к остальным.

— О проблеме 3-15 вам уже известно.

Трое кивнули. Махон и был тем человеком, который накануне связывался с Фаустаффом.

— Я надеюсь, вы уже подготовили команду в помощь тем, кто спасся?

— Они в пути,— сказал Харви.— Но что им по-настоящему нужно, так это адьюстор. Запасного у нас нет, а доставлять с другой альтернативы опасно. Если У-легион атакует планету без адьюстора, можете сказать «прости» этому миру.

— 3-1 еще не подвергалась атаке,— продолжал размышлять Фаустафф.— Нам лучше послать их адьюстор.

— Итак, это ваше решение,— произнес Махон, поднимаясь.— Я пойду и свяжусь с 3-1.

Он покинул комнату.

— И пусть мне по возможности докладывают ситуацию,— успел сказать ему Фаустафф прежде, чем за ним закрылась дверь. Он повернулся к двум оставшимся: — Думаю, что я уже столкнулся с людьми, сделавшими туннель, который вы нашли.

— Кто они — чистильщики или из У-легиона? — спросил Харви.

— Не уверен. На чистильщиков они не похожи, а У-легионеры обычно сразу атакуют. И не болтаются в мотелях.— Фаустафф рассказал о своей встрече с теми двумя.

Пеппиат нахмурился: — Готов поклясться — Стеффломеис — не настоящее имя.— Пеппиат был один из лучших их лингвистов. Он знал главные языки всех альтернатив и столь же хорошо — многие второстепенные.— Не звучит. Разве что, может, по-немецки, но даже и тогда...

— Давай пока забудем до будущих времен об его имени,— сказал Фаустафф.— Лучше послать двух человек проследить за ними. Хорошо бы — двух агентов класса Эйч. Понадобятся магнитозаписи, их фотографии — все, что можно подшить к делу. Вся обычная информация — постоянное местонахождение и прочее. Можем мы их засечь, Кен?

— Мы придерживаем нескольких агентов класса Эйч. Они решат, что работают на службу безопасности — класс Эйч верит, что мы — какая-то правительственная контора. Можете использовать пятерых, что сейчас есть в распоряжении.

— Так много пока не нужно. Ограничимся двумя.— Далее Фаустафф заметил, что те двое, возможно, находятся в Л.А. или во Фриско, судя по их словам. Автомобили их вычислить не трудно — он записал номера, когда ночью покидал стоянку.

Допив стакан, Фаустафф придвинул к себе пачку донесений, лежащих на столе. Щелкнул по ним.

— Похоже, грузы поступают достаточно регулярно,— кивнул он.— Как ситуация с пресной водой?

— Нужно бы побольше. Конечно, вторичный цикл уже используется, но пока не установим большие опреснители морской воды, придется ввозить воду с 3-6.— Земля-6 была миром, состоящим теперь единственно из океанов пресной воды.

— Хорошо,— Фаустафф начал расслабляться. Проблема 3-15 сильно измотала его, хотя на этой стадии он мало что мог изменить. Прежде он только раз был свидетелем Полного разрушения несуществующей ныне 3-16, планеты, где погиб его отец, когда С.Н.М. полностью вышла из-под контроля. И ему не хотелось думать, будто то, что случилось, может случиться где-нибудь еще.

— Есть новый рекрут, с которым вы, возможно, захотите переговорить лично,— сказал Харви.— Геолог с этой планеты. Он сейчас на главной штаб-квартире.

Фаустафф сдвинул брови.

— Значит, придется ехать на 3-1. Лучше бы мне его повидать. Кроме того, мне нужно побывать на 3-1. Там потребуют объяснений насчет адьюстора. Они начнут нервничать, и будут правы.

— Естественно. Я свяжусь с вами, если обнаружится просвет относительно этого Стеффлоенса и девушки.

— У вас есть свободная постель? Мне нужно поспать пару часов. Работать на износ — без толку.

— Конечно. Вторая слева наверху.

Фаустафф что-то проворчал и направился наверх, хотя он мог сутками обходиться без сна, во многом благодаря инстинкту, требовавшему восстанавливать энергию всякий раз, когда представлялся случай. Он лег на смятую постель и, после пары укусов совести, касающихся Нэнси, провалился в сон.

ИЗМЕНЯЮЩИЕСЯ ВРЕМЕНА

Фаустафф проспал около двух часов, встал, умылся, побрился и покинул дом, служивший жильем для команды на Земле-3.

Он прошел по направлению к Китайскому кварталу и вскоре достиг большого здания, прежде бывшего шикарным публичным домом с салуном и танцзалом на первом этаже и интимными номерами на одну ночь — на втором. Снаружи дом выглядел ветхим, краска выцвела и облупилась. Изукрашенная вывеска с названием осталась еще с прежних времен. Оно было не слишком оригинально — «Золотые ворота». Фаустафф отпер дверь своим ключом и вошел.

Внутри все выглядело примерно так же, как тогда, когда заведение навсегда прикрыла полиция. Все, что не было затянато выцветшим плюшем, покрывала позолота. Большой танцевальный зал с бaramи в обоих концах припахивал отчасти плесенью, отчасти сыростью. Стены за стойками баров украшали большие зеркала, но те были засижены мухами.

В середине этажа располагалось электронное оборудование. Оно было скрыто под кожухом из тусклого металла, и его предназначение было нелегко определить. Для постороннего многие диски и индикаторы выглядели сущей бессмыслицей.

Широкая лестница вела с первого этажа на верхнюю галерею. Там стоял, положив руки на перила, мужчина в стандартной майке, джинсах и туфлях, и, наклонясь вниз, смотрел на профессора.

Фаустафф кивнул ему и начал подниматься по лестнице.

— Привет, Джас.

— Привет, профессор.— Джас Холлом улыбнулся.— Новости есть?

— Слишком много. Говорят, у вас есть новый рекрут?

— Верно,— Джас ткнул пальцем в сторону ближайшей двери.— Он здесь. Обычная история — парень был озадачен парадоксами окружающей среды. Его исследования привели его к нам. Мы его взяли.

Команда Фаустаффа отдавала предпочтение рекрутам именно того типа, что описал Холлом. Это был наилучший путь, обеспечивающий как высокие качества рекрутов, так и полное соблюдение секретности. Профессор не держался за секретность ради нее самой, но не был связан с правительством и заявлял о себе только потому, что, как предсказывал ему опыт, многие правительственные чиновники сами становились винтиками в работе его организации.

Фаустафф поднялся на галерею и подошел к двери, на которую указал Холлом, но, прежде чем войти, кивнул на аппаратуру внизу.

— Как работает адьюстор? Его давно испытывали?

— Адьюстор и туннеллер — в полном порядке оба. Будете сегодня пользоваться туннеллером?

— Возможно.

— Тогда я спущусь и проверю его. Махон в коммуникационной комнате, если вы хотите его повидать.

— Я его уже видел. Поговорю с рекрутом.— Фаустафф толкнул дверь и вошел.

Новый рекрут оказался высоким, хорошо сложенным, с волосами песочного цвета молодым человеком лет двадцати пяти, сидевшим в кресле и читавшим журнал, который взял со стола в центре. Он встал.

— Я — профессор Фаустафф.— Он протянул руку, и светловолосый пожал ее с некоторой осторожностью.

— Я — Джерри Боуэн, геолог в здешнем университете.

— Вы — геолог. Обнаружили изъян в диаграммах «Истории горных пород», верно?

— Да, но беспокоила меня экология Великой Америки, а не геология. Я начал расспрашивать, но как только разговор касался некоторых тем, все кругом словно бы оказывались в полусне. Вроде...

— Массовой галлюцинации?

— Да, но где объяснение?

— Не знаю. Вы начали искать?

— Да. Я нашел это место, понял, что оно является неиссякаемым источником всяческого добра и разных припасов. Это объяснило, что именно поддерживает жизнь страны. Потом я постарался переговорить с одним из ваших людей, надеясь узнать побольше. Он многое рассказал мне. В это слишком трудно поверить.

— Вы хотите сказать — в альтернативы?

— Во все, что там творится.

— Хорошо, я расскажу вам все о них, но я обязан предупредить вас, что, если после того, как вы услышите эту историю, вы не присоединитесь к нам, мы сделаем то, что делаем всегда...

— Что?..

— У нас есть приспособление для безболезненного промывания мозгов — оно не только сотрет из вашей памяти все, что вы узнали о нас, но также исключит воспоминания о тех ваших интересах, что привели вас сюда. О'кей?

— О'кей. Что же дальше?

— Я собираюсь дать наглядную иллюстрацию к тому, что мы не дурачим вас относительно подпространственных альтернативных миров. Я возьму вас на другую альтернативу — мою родную планету. Мы называем ее 3-1. Это самая молодая из альтернатив.

— Самая молодая? Слишком тяжело представить.

— Представьте, когда услышите побольше. У нас не так много времени. Хотите отправиться немедленно?

— Будьте уверены!— Боуэн был нетерпелив. Он обладал лег-

ко возбудимым умом, и Фаустафф замечал, что, вопреки его энтузиазму, его интеллект сейчас перерабатывает информацию, взвешивая ее. Недурно. А также значит, что для его убеждения не понадобится слишком много позитивной информации.

Когда Фаустафф и Джерри Боуэн спустились на первый этаж, Джас Холлом работал у самой большой машины. Чувствовалась сильная вибрация пола, и некоторые индикаторы были активированы.

Фаустафф выступил вперед, проверяя индикаторы: — Отлично работает. — Он глянул на Боуэна. — Еще пара минут, и будет готово.

Через две минуты из машины послышалось пронзительное гудение. Потом воздух перед туннеллером заполнился клубящимся туманом, который все сворачивался и сворачивался в спираль, пока неуловимо меняющиеся цвета не стали яркими, а часть комнаты в непосредственной близости от туннеллера — прозрачной и наконец исчезла.

— Туннель готов, — сказал Фаустафф Боуэну. — Идем.

Боуэн последовал за Фаустаффом к туннелю, проложенному машиной сквозь подпространство.

— Как это работает? — недоверчиво спросил Боуэн.

— Позже расскажу.

— Одну минуту. — Холлом что-то поправлял в настройке. — Чуть было не отправил вас на 3-12. — Он рассмеялся. — О'кей, можно!

Фаустафф ступил в туннель и рывком потянул за собой Боуэна. Сам он двигался впереди.

«Стены» туннеля были серыми и смутными, они казались пленкой, за которой лежал вакуум, более абсолютный, чем космос. Ощувив это, Боуэн вздрогнул: Фаустафф мог ему только посоветовать.

По прошествии девятнадцати секунд, чувствуя зудение кожи, не сопровождаемое другими болезненными эффектами, Фаустафф ступил в довольно убогое помещение — фабричный сарай или товарный склад. Боуэн произнес:

— Фу! Это хуже, чем поезд призраков!

Хотя значительная часть оборудования сейчас была не видна, само оборудование здесь было идентичным тому, что помещалось в только что покинутой ими комнате. Кроме него в этой скудно освещенной комнате ничего не было. Открылась стальная дверь, и вошел маленький толстый человек в обычном свободном костюме. Он снял очки, сопроводив это жестом удивления и радости и, двигаясь с неожиданной легкостью, запрыгал по ступенькам к Фаустаффу.

— Профессор! Я слышал, что вы прибываете.

— Привет, доктор Мэй. Рад вас видеть. Это Джерри Боуэн с 3-3. Возможно, он будет с нами работать.

— Хорошо, хорошо. Значит, вам нужна лекционная комната. Хм...— Мэй смолк, губы его искривились.— Вы знаете, нас сильно обеспокоило, что 3-15 реквизирует наш адьюстор. Мы, правда, строим еще один, но...

— Это был мой приказ. Извините, доктор. В конце концов 3-1 никогда не подвергалась налетам. Это самое безопасное место.

— Но риск остается. Налет может произойти как раз в это время. Простите за настойчивость, профессор. Мы понимаем, что положение критическое. И было бы излишним еще раз напоминать вам, что в случае С.Н.М. нам нечем будет с ней бороться.

— Конечно. А сейчас — в лекционную комнату.

— Сказать, чтоб вас никто не беспокоил?

— Разве что поступят дурные известия. Я ожидаю сообщения с 3-3 и 3-15. На обеих — неприятности, связанные с У-легионом.

— Понял.

Коридор, как показалось Боуэну, располагался в здании крупного офиса. Когда они ехали в лифте, он гадал, что там может быть — снаружи, естественно.

В действительности все строение было центральной штаб-квартирой организации Фаустаффа — многоэтажное здание, расположенное на одной из главных улиц Хайфы. Зарегистрировано оно было как офис Транс-Израильской Экспортной Компании. Если бы власти когда-нибудь заинтересовались им, они ничего бы не сделали, не предупредив Фаустаффа заранее. Отец Фаустаффа был уважаемой фигурой в Хайфе, и его таинственное исчезновение стало в некотором роде легендой. Возможно, благодаря доброму имени его отца, Фаустаффа и не беспокоили.

Они подошли к двери с табличкой «Лекционная комната». Внутри было несколько рядов стульев, обращенных к небольшому проекционному экрану. Рядом с экраном стоял стол — нечто вроде контрольной панели управления.

— Садитесь, мистер Боуэн,— сказал доктор Мэй в то время, как Фаустафф прошел к столу и уместился в кресле. Мэй, скрестив руки, уселся рядом с Боуэном.

— Я постараюсь быть по-возможности краток,— начал Фаустафф,— и собираюсь использовать несколько слайдов и кинокадров, чтобы проиллюстрировать то, что хочу сказать. Я, разумеется, также отвечу на вопросы. Но полностью во все детали, которые вы захотите узнать, вас должен посвятить доктор Мэй. Идет?

— Идет,— сказал Боуэн.

Фаустафф нажал на кнопку, приглушая свет.

— Хотя кажется, что мы уже многие годы путешествуем че-

рез подпространственные уровни, — начал он, — в действительности мы находимся в контакте с ними только с 1971 года — двадцать восемь лет. Открытие альтернативных планет осуществил мой отец, работая здесь, в Хайфе, в Технологическом институте.

На экране возникло изображение — фотография высокого, довольно мрачного человека — с другим Фаустаффом, его сыном, у него не было почти никакого сходства. Он был тощ, с огромными меланхолическими глазами, большими руками и ногами, и походил на комического актера в роли голодающего.

— Это он. Он был атомным физиком, и чертовски хорошим. Родился в Европе, провел некоторое время в немецком концентрационном лагере, бежал в Америку и участвовал в работе над бомбой. Америку он покинул сразу же после взрыва в Хиросиме, немного путешествовал, исполнял работу, направляемую Английским Обществом Ядерных Исследований, потом получил приглашение приехать в Хайфу, где проводились очень интересные работы в области высокоэнергетических частиц. Такие исследования особенно увлекали моего отца. Его главным устремлением, которое он скрывал от всех, кроме моей матери и меня — было создать изобретение, способное противостоять атомному взрыву — всего лишь выключить бомбу, и точка. Глупая мечта, конечно, и ему хватило ума это осознать. Но он всегда считал, что должен продолжать работу, если есть хотя бы шанс. Хайфа предложила ему этот шанс — или он так думал. Его собственная работа с высокоэнергетическими частицами подала ему идею, что спасительное изобретение может быть наконец создано путем эффекта коррекции нестабильных элементов направленным потоком высокоэнергетических частиц, так, чтобы, контактируя, смешанные частицы стали единой цепью, некоей оболочкой вокруг нестабильных атомов, которая, так сказать, «успокоит» их и позволит им легко и свободно распределяться.

У некоторых ученых в Хайфском Технионе появлялась та же идея, и ему предложили возглавить исследования.

Он работал в течение года и вскоре подошел к созданию прибора, который был прообразом наших адьюсторов — «выправителей» в их наиболее примитивном виде. Тем временем умерла моя мать. Однажды отец и несколько других ученых, проводя испытания, допустили ошибку в регулировке деталей, составлявших прибор. Безуспешно пытаясь наладить управление, они создали первый «туннель». Естественно, они не знали, что это такое, но исследования вскоре дали им информацию о подпространственных альтернативных Землях. Дальнейшие исследования, проводимые в бешеном темпе параллельно с работой над адьюстором, туннеллером и инвокером, принесли знания о двадцати четырех планетах, альтернативных нашей Земле! Они существовали в том,

что мой отец назвал «подпространством» — серии «напластований», лежащим как бы под нашим собственным пространством, уходя все глубже и глубже. Не прошло и года после открытия, как осталось только двадцать альтернатив, и они стали свидетелями гибели одной из планет. К концу второго года оставалось семнадцать альтернатив, и они знали, что происходит.

Каким-то образом вступало в силу полное разрушение планетарной атомной структуры. Оно начиналось в небольшой области и постепенно распространялось вширь, пока вся планета не расплылась в газ, а газ не рассеивался в пространстве, не оставив от планеты и следа. Малые области, где начинается уничтожение, мы теперь называем Локализацией Нестабильной Материи и в состоянии с ними бороться. То, что мой отец считал каким-то природным феноменом, было позднее определено как деятельность разумных существ, обладающих техникой, способной уничтожать материю.

Хотя мой отец был полон чисто научного любопытства, вскоре он был напуган фантастической потерей жизни, которую влекло за собой уничтожение альтернативных планет. Кто бы ни уничтожал планеты, это было хладнокровным убийством миллиардов людей за год.

Следует добавить, что все планеты сходны с нашей собственной — и вашей, мистер Боуэн, с приблизительно теми же стандартами цивилизации, государственными институтами, научными достижениями — хотя все они тем или иным путем ступили на тупиковый путь и пребывают в застое. Мы не знаем, почему это произошло.

На экране снова появилось изображение: это была не фотография, а картина, передававшая художественное восприятие мира, сходного с Землей, с Луной земного типа. Картина изображала планету, казавшуюся абсолютно серой.

— 3-15 сейчас, — сказал Фаустафф. — А вот как она выглядела десять лет назад.

Джерри Боуэн увидел мир, где господствовали зеленый и голубой цвета. Он не мог его узнать.

— 3-1 и сейчас так выглядит, — сказал Фаустафф и вызвал следующее изображение. Мир зеленого обсидиана, затянутый туманом, сумеречный, призрачный, с обитателями, похожими на вампиров.

— А вот так 3-14 выглядела менее десяти лет назад, — послышался голос Фаустаффа.

Изображение, которое затем последовало, было подобно тому, что Боуэн видел на второй картине — мир с преобладанием зеленых и голубых цветов, с четко выделяющимися очертаниями континентов.

— 3-13 в нынешнем состоянии,— сказал Фаустафф.

Мир слепяще яркого хрустала в шестиугольных структурах — как огромные пчелиные соты. В некоторых ячейках накапливались осадки земли и воды. Фильм показывал обитателей, влачащих голодное существование в этом странном мире.

— Такой 3-13 была.

Картина, идентичная тем двум, что Боуэн уже видел.

Далее все шло тем же порядком — миры гротескных и фантастических джунглей, пустынь, морей — и все первоначально были такими, как 3-1 сейчас. Только 3-2 походила на 3-1.

— 3-2 — мир, который остановился в развитии недавно, согласно нашему исчислению, только после 1960 года и начал разработку космических программ. Вы даже не знаете, что это такое, потому что развитие 3-3 остановилось раньше, насколько я помню, сразу после 1950. Это неожиданное прекращение всех видов прогресса остается для нас загадкой. Как я уже сказал, странные изменения происходят сразу со всеми людьми. Они ведут себя так, будто живут в постоянном сне, постоянном «сейчас». Старые книги и фильмы, изображающие другие страны, кроме той единственной, что им известно, игнорируются или воспринимаются как шутки. Время, таким образом, прекращает свое течение в любом аспекте. Это настигает всех, и лишь немногие, вроде вас, мистер Боуэн, способны вырваться. Во всех прочих отношениях эти люди нормальны.

— Чем же объясняются изменения, происходящие в этих мирах? — спросил Боуэн.

— Я к этому подхожу. Когда мой отец и его команда впервые обнаружили альтернативные миры в подпространстве, те уничтожались очень быстро. Они нашли возможность остановить это глобальное разрушение, строя адьюсторы, усовершенствовав первоначально созданные ими приборы так, чтоб они могли контролировать ситуации Н.М. там, где они случались.

Чтобы быть готовым к контролю над С.Н.М., где и когда бы они не возникали, мой отец и его команда начали готовить рекрутов, и вскоре была создана большая организация — почти такая же большая, как та, что я возглавляю теперь. Хорошо экипированные группы людей, готовых всегда быть на страже как физически, так и умственно, были размещены на всех альтернативах — тогда их оставалось пятнадцать, а не четырнадцать, как сейчас.

Постепенно организация крепла, не без помощи некоторых представителей тогдашнего Израильского правительства, которые также помогали сохранить деятельность отца и его команды. Адьюсторы были построены и установлены во всех мирах. Используя стабилизирующее излучение адьюстора, можно было в некоторой степени корректировать С.Н.М. — степень успеха зависела

от стадии, которой достигла С.Н.М. до того, как туда была доставлена и приведена в действие аппаратура. Так же дела обстоят и в наши дни. Хотя мы можем «успокаивать» разрушающуюся материю и возвращать к формам, приблизительно соответствующим первоначальным, мы не можем в точности продублировать оригинал. Чем глубже вы проникаете в подпространственные уровни, тем меньше у планеты сходства с оригиналом и тем сильнее влияние С.Н.М. Так, 3-15 — это мир серого пепла, извергаемого тысячами вулканов, прорвавшими кору планеты, 3-14 — стеклянная скала, а 3-13 ныне представляет собой в основном кристаллическую структуру. 3-12 вся покрыта джунглями, и так далее. Ближе к 3-1 миры более узнаваемы — особенно 3-2, 3-3 и 3-4. 3-4 повезло — там прогресс остановился перед первой мировой войной. Но она состоит теперь главным образом из Британских островов, Южной и Восточной Европы — все остальное либо запустело, либо покрыто водой.

— Итак, ваш отец основал организацию, а затем вы сменили его, верно? — спросил Боуэн из темноты.

— Отец погиб при полном уничтожении 3-16, — ответил Фаустафф. — С.Н.М. вышла из-под контроля, и он не успел спастись.

— Вы сказали, что причины С.Н.М. — не природные, кто-то вызывает их. Кто?

— Мы не знаем. Мы называем их У-легионом: легионом Уничтожения. Теперь они занимаются налетами на наши станции, и у них это дело так же удачно получается, как и создание С.Н.М. Они убили многих людей в открытую, не только исподтишка.

— Должен сказать, что трудно поверить, будто такая сложная организация, как ваша, может существовать и действовать.

— Она существует многие годы. Ничего странного здесь нет. Мы справляемся.

— Вы все время говорите об альтернативных Землях, а как насчет остальной вселенной? Помнится, несколько лет назад я читал о теории альтернативных вселенных.

— Мы можем быть абсолютно уверены только в существовании альтернативных Земель и, в некоторых случаях, их Лун. К сожалению, космические полеты еще не достигли совершенства, иначе бы мы проверили теорию на практике. Мой отец пришел к такому заключению в 1985 году, когда второй укомплектованный космический корабль достиг Марса и исчез. Считается, что на обратном пути он попал в метеоритный шторм. В действительности же он оказался на 3-5, а экипаж погиб при перегрузках во время прохождения через подпространство столь необычным путем. Это, кажется, доказывает, что на некотором расстоянии от Земли нет подпространственных альтернатив. Природное это явление или искусственное, я не знаю. Мы еще многого не понимаем.

— Вы думаете, что действуют какие-то силы, отличные от ваших?

— Да. У-легион тому свидетельство, но, хотя мы ведем постоянный поиск, мы не можем найти следов, откуда они приходят — хотя это, должно быть, где-то на З-1. Зачем они губят планеты и, в особенности, обитателей этих планет, путь, которым они идут, я понять не в состоянии. Это бесчеловечно.

— А истинная причина вашей деятельности, профессор, такой рискованной?

— Сохранение человеческой жизни, — сказал Фаустафф.

— И все?

Фаустафф улыбнулся: — И все.

— Итак, ваша организация противостоит, главным образом, У-легиону.

— Да, — последовала пауза. — Есть и другие люди, мы их называем чистильщиками. Они приходят с различных альтернатив, но большей частью с З-1, З-2, З-3 и З-4. В разных ситуациях они обнаружили нашу организацию и узнали, чем она занимается. Некоторые вышли на нас из любопытства, как вы, или наткнулись на нас случайно. Спустя годы они стали формироваться в банды, которые проникают на альтернативы через подпространство, грабят подчистую все, что могут, и продают в тех мирах, где есть спрос, используя З-1 в качестве главной базы, как и мы. Они — пираты, контрабандисты, пользующиеся краденой аппаратурой, которая прежде была нашей. Угрозы они не представляют. Они могут раздражать, вот и все.

— А не может быть так, что они связаны с этими У-легионами?

— Нет. Потому что, к примеру, разрушение планет — против их интересов.

— Я не догадался.

— Ну вот, это основное. Вы убеждены?

— Убежден и ошеломлен. Но есть некоторые детали, которые я бы хотел прояснить.

— Возможно, вам в силах помочь доктор Мэй?

— Да.

— Хотите присоединиться к нам?

— Да.

— Хорошо. Доктор Мэй объяснит вам все, что вы хотите узнать, потом вы познакомитесь с теми, с кем будете работать в одной связке. А сейчас, если вы не против, я вас оставлю.

Фаустафф попрощался с Боуэном и Мэем и покинул лекционную комнату.

ЧИСТИЛЬЩИКИ

Фаустафф гнал свой «бьюик» по направлению к центру Сан-Франциско, где была его частная квартира. Солнце садилось, и город выглядел мирным и романтическим. Движения на дорогах почти не было, и он мог ехать с высокой скоростью.

Припарковав машину, он направился к старому жилому дому, стоящему на холме, откуда открывался прекрасный вид на залив. Он поднялся на ветхом лифте и хотел открыть дверь, когда вспомнил, что отдал свой ключ Нэнси. Тогда он нажал на кнопку звонка. Одет он был в ту же пляжную рубашу, шорты и тенниски, в которых днем раньше покинул Лос-Анджелес, и жаждал помыться и переодеться.

Нэнси открыла дверь.

— Так ты пришел, — улынулась она. — С неприятностями покончено?

— Неприятности? Ах, да. У меня все схвачено. Забудь о них. — Он рассмеялся, сгреб ее в охапку, поднял и поцеловал. — Я голден, — сообщил он. — В холодильнике что-нибудь завалялось?

— Очень даже завалялось, — засмеялась она.

— Ну, давай что-нибудь перекусим и ляжем. — Он уже забыл, что хотел принять душ.

— Идея недурна, — сказала она.

Среди ночи внезапно зазвонил телефон. Фаустафф мгновенно проснулся и снял трубку. Нэнси повернулась, что-то пробормотала, но не проснулась.

— Фаустафф.

— Махон. Сообщение с 3-15. Дела плохи. Еще один визит У-легиона. Они просят помощи.

— Может быть, им нужен я?

— Да. Думаю, что дошло до этого.

— Вы в штаб-квартире?

— Да.

— Сейчас буду.

Фаустафф положил трубку и встал. И снова он постарался не потревожить Нэнси, которая, казалось, спала крепким сном. Он натянул черную майку, темные брюки и носки, затем зашнуровал свои старые тенниски.

Вскоре он уже гнал свой «бьюик» к китайскому кварталу, а немногим позже уже входил в «Золотые ворота», где его ждали Махон и Холлом.

Холлом работал с туннеллером, его лицо нетерпеливо дергалось.

Фаустафф прошел прямо к бару, открыл его, достал бутылку бурбона, стаканы и выставил их на стойку.

— Хотите выпить?

Холлом яростно мотнул головой. Махон отвернулся от Холлома, за которым внимательно наблюдал.

— У него затруднения, профессор. Не удастся проложить туннель достаточно глубоко. Не можем достичь 3-15.

Фаустафф кивнул: — Это доказывает, что там действует крупный У-легион. Это уже случалось в свое время на 3-6, помните? — Он налил себе полный стакан и разом проглотил его содержимое. Мешать Холлому, который знал о туннеллерах все, что нужно, и сам попросил бы помощи, если бы в ней нуждался, он не стал. Он прислонился к бару, налив себе еще один стакан, и напевал одну из любимых старых песен, застрывших в его памяти с юных лет. «Забери меня — я растворяюсь в кольцах дыма в моем мозгу, от туманных развалин времени я убегу, от замерзшей палой листвы, от дрожащей в страхе травы, от песчаных ветров, от неверных миров скорби безумной...» Это был «Господин Тамбурин» Боба Дилана. Вкусы Фаустаффа были старомодны, и современной поп-музыкой он не очень интересовался, считая ее чересчур претенциозной.

Холлом хмуро произнес: — Вы что, не понимаете, профессор? Я пытаюсь сосредоточиться.

— Извините, — Фаустафф сразу же смолк. Он забылся, стараясь припомнить, как давно им приходилось прорываться на 3-6 в последний раз, когда там возникла опасная ситуация.

Неожиданно Холлом завопил:

— Быстро, быстро, быстро — я не смогу долго его удерживать!

Воздух перед туннеллером уже начал колебаться. Фаустафф поставил свой стакан и бросился вперед.

Вскоре обозначился туннель. Он мерцал сильнее, чем обычно, и казался весьма нестабильным. Фаустафф знал, что при его разрыве он окажется один в глубине подпространства и мгновенно умрет. Не слишком подверженный страху смерти, Фаустафф страстно любил жизнь, и перспектива расставания с нею его отнюдь не восхищала. Борясь с собой, он быстро ступил в подпространственный туннель и двинулся вдоль серых мерцающих стен. Это путешествие длилось дольше, чем обычно, заняв около двух минут, прежде чем он вышел с другой стороны.

С ним поздоровался Пеппиат. Он был в составе добровольцев, прибывших на 3-15 с пополнением. Выглядел он страшно усталым.

— Рад видеть вас, профессор. Извините, но мы не могли воспользоваться туннеллером — ему конец.

— Да, тяжело вам приходится.

Инвокер был чем-то вроде подпространственного «черпака», работающего на общих принципах с родственными ему аппарата-

ми и мог быть использован для того, чтобы вытягивать агентов из эпицентров С.Н.М. или перебрасывать их через измерения без помощи туннеля. Туннель был безопаснее инвокера, работающего по принципу создания некоего панциря вокруг человека — так он продвигал человека через подпространственные пласты, разрывая их. Иногда они оказывали сопротивление и не разрывались. Тогда инвоцируемый человек пропадал навсегда.

Фаустафф оглянулся. Он находился в обширной пещере естественного происхождения. Было темно, пол сырой, на стенах шипели неоновые светильники, наполняя пещеру лучами, плясавшими, как факельные отсветы. Кругом валялись обломки разбитого электронного оборудования, большей частью уже явно бесполезного. У дальней стены два человека возились с чем-то, поставленным на скамью. По полу тянулись провода. Рядом двигались еще несколько человек. Они несли лазерные винтовки, силовые индикаторы, которые были закреплены у них на спинах. Винтовки были похищены из арсеналов правительства США на З-1, и техники в Хайфе пытались наладить их массовое производство, но пока что не преуспели. Люди Фаустаффа обычно не были вооружены, и сам он не отдавал приказа отвечать огнем на атаки У-легиона. Следовательно, кто-то здесь считал это необходимым. Фаустаффу это не нравилось, но он решил не задавать вопросов, поскольку дело было уже сделано. Среди принципов профессора самым прочным было убеждение, что их обязанность, подобно врачебной — сохранять жизнь, а не отнимать ее. В конце концов в этом весь *Raison d'être* * организации.

Фаустафф знал, что его присутствие на З-15 не имеет особого практического смысла, поскольку люди, работающие здесь, обучены справляться и с более отчаянными ситуациями, но считал, что пригодится для моральной поддержки, которой они могли от него ожидать. Фаустафф не склонен был предаваться самоанализу. Во всех делах, не касавшихся непосредственно его научных занятий, он поступал, повинаясь инстинкту, а не размышлениям. «Размышления ведут к несчастьям» — шутка, которой он однажды выразил свою подверженность эмоциям.

— Где все остальные? — спросил он Пеппиата.

— С адьюстором. Секторы 33, 34, 41, 42, 49, 50 были временно умиротворены, но У-легион вернулся. Очевидно, эти районы являются ключевыми. Мы стараемся взять их под контроль. Я и сам немедленно туда возвращаюсь.

— Я с вами.

Фаустафф ободрительно улыбался людям, встречавшимся им на пути к выходу. Пеппиат удивленно покачал головой.

— Их дух уже укрепился. Я не знаю, что вы для этого делаете,

* Смысл существования (фр.).

профессор, но вы помогаете людям почувствовать себя лучше.

Фаустафф рассеянно кивнул. Пеппиат включил контрольную панель рядом с большой стальной дверью. Дверь начала уходить в стену, впустив порыв ветра, несущего серый пепел, что, подобно дождю, падал с темного неба. Воняло серой. Фаустафф уже был знаком с положением на 3-15, где из-за непрерывной вулканической активности почти на всей территории планеты люди были вынуждены жить в пещерах вроде той, что они только что покинули. Однако условия их жизни были довольно комфортабельны благодаря грузам, отправляемым Фаустаффом с более удачливых миров.

Джип, уже успевший покрыться слоем пепла, ждал их.

Пеппиат сел за руль, а Фаустафф забрался на заднее сиденье. Пеппиат нажал на стартер, и джип начал пробираться через усыпанное пеплом пространство. Молчание этого мира нарушал только звук мотора. Падал пепел, и вдалеке клубился дым. Когда случайно дым немного рассеивался, на горизонте можно было разглядеть извергающийся вулкан.

Горло Фаустаффа заложило от пепла, заполнявшего серозный воздух. Это было серое видение какого-то заброшенного ада и бесконечной печали.

Позднее показалось квадратное здание, полупогребенное под пеплом.

— Одна из наших передающих станций, верно? — указал Фаустафф.

— Да. Ближайшая, которую наши коптеры могут достигать без затруднений с горючим. Коптер с главной базы уже ожидается.

Рядом со станцией стояло несколько человек. На них были защитные костюмы, кислородные маски и тяжелые дымчатые очки. Коптера, единственно возможного при данном типе местности летательного аппарата, Фаустафф видеть не мог. И даже когда они остановились, шум мотора послышался не раньше, чем коптер начал снижаться. Винты задребезжали, когда он уткнулся в пыль.

Как только коптер сел, из станции выбежали два человека. Они тащили хлопающие по ветру костюмы, подобные тем, что были на остальных, и забросили их в джип.

— Боюсь, что нам придется их надеть, профессор, — сказал Пеппиат.

Фаустафф пожал плечами: — Если нужно, хорошо.

Он взял предложенный ему костюм и начал натягивать его поверх своего собственного. Костюм жал, а Фаустафф ненавидел ощущение зажатости. На лицо он надел маску и очки. Это сразу же облегчило и дыхание, и видение.

Пеппиат уже прокладывал дорогу к коптеру через завалы мягкого пепла. Они взобрались на пассажирские места. Пилот повернулся к ним.

- Капсулы с горючим на исходе. Долго не протянем.
- Что там с С.Н.М.? — спросил Фаустафф.
- По-моему, паршиво. Здесь кое-кто из чистильщиков — мы их однажды видели — кружат вокруг, словно стервятники.
- Не слишком-то много они здесь начистят.
- Разве что брошенные запчасти, — сказал пилот.
- Конечно, — кивнул Фаустафф.

Пользуясь краденой или брошенной техникой, принадлежавшей организации Фаустаффа, чистильщики старались разжиться запасными частями где только возможно. При неразберихе, последующей нападению большого У-легиона, это было довольно легко сделать. При всем негодовании, которое вызывали действия чистильщиков, команда Фаустаффа имела приказ не применять против них силу. Чистильщики же, несомненно, готовы были при необходимости прибегнуть к силе, поэтому им все легко сходило с рук.

— Вы знаете, какая здесь банда? — спросил Фаустафф, когда коптер заправили горючим.

— Думаю, две банды, работающие сообща. Гордона Огга и Кардинада Орелли.

Фаустафф кивнул: Он знал обоих и встречался раньше с ними несколько раз. Кардинал Орелли был с 3-4, а Гордон Огг — с 3-2. Оба они принадлежали к людям, которые путем собственных расследований вышли на организацию Фаустаффа и работали в ней некоторое время, прежде чем «податься в пираты». Из подобных же людей в основном были сформированы и их банды. У Фаустаффа было до удивления мало дезертиров, но почти все они стали чистильщиками. Коптер начал подыматься в насыщенный пеплом воздух.

Через полчаса Фаустафф увидел впереди первые признаки С.Н.М.

Ситуация Нестабильной Материи сосредоточилась в радиусе десяти миль. Здесь больше не было серого пепла, а только кипение красок и разрывающий уши чудовищный шум.

Фаустафф с трудом сумел сосредоточить зрение и слух на С.Н.М. Зрелище и звучание нестабильной, разрушаемой материи были знакомы ему, но он никак не мог к ним привыкнуть.

Гигантские спиралевидные вихри материи закручивались в воздухе на сотни футов, а потом снова падали. Звуки было почти невозможно описать — словно рев тысячи приливных валов, вой терзаемых ударами огромных листов металла, грохот великих лавин.

По периметру этого ужасающего образца смертных мук природы кружили вездеходы и коптеры. Можно было разглядеть

большой адъюрстор, нацеленный на С.Н.М. — люди и машины казались гномами на фоне яростной бури нестабильных элементов.

Теперь они были вынуждены пользоваться для переговоров радио, закрепленным в их шлемах, но даже так слова были трудноразличимы через треск помех. Коптер приземлился, и Фаустафф выскочил, торопясь к адъюрстору.

Один человек стоял возле адъюрстора и, скрестив руки, приглядывал за инструментами.

Фаустафф коснулся его плеча.

— Да? — голос пробился сквозь треск.

— Фаустафф. Как ситуация?

— Более-менее стабильна, профессор. Я — Хольдан.

— С 3-2, верно?

— Верно.

— Где первоначальная команда с 3-15 — или то, что от нее осталось?

— Отправлена обратно на 3-1. Думаем, так лучше.

— Хорошо. Слышал, у вас был новый налет У-легиона.

— Точно — вчера. Для них это необычная интенсивность. Вы ведь знаете, они обычно нападают и убегают, никогда не идя на риск — но не в этот раз. Боюсь, что мы убили одного из них — умер мгновенно — очень жаль, что мы вынуждены были сделать это.

Фаустафф сдержался. Он ненавидел саму мысль о смерти, и особенно — о насильственной.

— Чем-нибудь могу помочь? — спросил он.

— Возможно, советом. Сейчас ничего делать не нужно. Мы надеемся успокоить сектор 59, и, похоже, сможем. Вы когда-нибудь видели нечто подобное?

— Только один раз — на 3-16.

Хольдан не отозвался, хотя подразумеваемое и так было ясно. Прорвался еще один голос. Настойчивый голос.

— Коптер 36 — на базу. С.Н.М. распространяется с сектора 41. Перебросьте адъюрстор туда — и побыстрее.

— Нам нужно еще штук десять адъюрсторов! — закричал Хольдан, махая рукой кружащему коптеру, пытающемуся подцепить адъюрстор магнитным захватом.

— Знаю! — прокричал в ответ Фаустафф. — Но у нас в запасе их нет! — он проследил, как захват замкнул адъюрстор и начал подыматься с ним, удаляясь в сторону сектора 41. Строить адъюрсторы было тяжело. А перебрасывать другие с остальных подпространственных планет — безумие.

Дилемма была неразрешима. Фаустаффу оставалось надеяться, что в конце концов и один адъюрстор справится с контролем и ликвидацией С.Н.М.

Настойчивый голос, в котором он немедленно опознал голос Пеппиата, произнес:

— Каково ваше мнение, профессор?

— Не знаю. — Он покачал головой. — Давайте вернемся в коптер и облетим местность по периметру.

Они забрались обратно в коптер и заняли свои места. Пеппиат объяснил пилоту, что делать. Коптер поднялся в воздух и приступил к облету С.Н.М. Внимательно глядя вниз, Фаустафф мог видеть, что возможность вернуть С.Н.М. под контроль существует. Когда представлен весь спектр, как сейчас, элементы способны в конце концов вернуться в исходное положение. Когда же они начинают трансформироваться, С.Н.М. принимает пурпурно-голубую окраску. Когда такое случается, сделать уже ничего невозможно.

Фаустафф сказал: — Вам лучше начать собирать все местное население в одном месте, и чем скорее, тем лучше. Мы должны подготовить эвакуацию.

— Мы не сможем эвакуировать всех, — возразил Пеппиат.

— Знаю, — устало сказал Фаустафф. — Мы только должны делать то, что сможем. Должны, во-первых, найти наилучшее место, куда их доставить. Может быть, где-нибудь есть ненаселенные местности, где они не смогут войти в контакт с аборигенами другого мира. Такого раньше никогда не было, и я не уверен, что встреча двух различных популяций может быть продуктивной, а нам ни к чему лишние заботы. — В его сознании вспыхнуло воспоминание о Стеффломеисе. — Возможно, подойдут Скандинавские леса на 3-3. — Мысленно он уже допускал, что с 3-15 покончено. Он был даже наполовину уверен в этом, но мозг его боролся с поразительной позицией, начинавшей его охватывать.

Неожиданно в его размышления вторгся пилот:

— Смотрите!

Около шести коптеров, летящих сомкнутым строем, прорезали вдали дождь пепла.

— Это не наши, — сказал пилот, круто накренив руль. — Я возвращаюсь на базу.

— Кто они? — спросил Фаустафф.

— Возможно, У-легионеры, — ответил Пеппиат. — А может, и чистильщики.

— У-легионеры! Снова!

У-легион редко нападал больше одного раза после создания С.Н.М.

— Я думаю, они готовятся разрушить 3-15, — сказал Пеппиат. — Вы знаете, профессор, мы обязаны обороняться. На карту поставлена жизнь.

Фаустафф всегда был неспособен найти логическое объяснение,

оправдывающее лишение жизни ради спасения жизни. И разум его пристыженно сдался, когда он кивнул и произнес, чувствуя стеснение в груди: — О'кей.

Коптер приземлился возле адъюстора, пилот выскочил и заговорил с Хольданом — главным оператором. Хольдан поспешил туда, откуда только что выбрались Фаустафф и Пеппиат. В его шлеме что-то трещало. Затем радио загремело со всей мощностью, на какую было способно:

— Тревога! Тревога! Всю охрану в сектор 50! У-легион готовится остановить адъюстор!

Спустя несколько секунд коптеры устремились к сектору 50, где приземлялись, высаживая вооруженных людей.

Глядя, как они занимают оборонительные позиции вокруг адъюстора, Фаустафф чувствовал себя бесконечно подавленным.

Затем начали появляться коптеры У-легиона. Фаустафф видел затянутые в черное фигуры в черных масках, закрывавших их головы, казавшиеся безликими. В руках они сжимали оружие.

Внезапно с одного из ведущих коптеров У-легиона вылетело едва различимое копье концентрированного света — луч лазерной винтовки. Человек, стоявший на земле, беззвучно упал.

Охрана адъюстора начала наводить оптические прицелы своих лазеров на приближающиеся коптеры. Те увернулись, но один из них взорвался.

Подобно узким, смертоносным лучам прожектора, лазеры ударили снова с удвоенной силой. То обстоятельство, что У-легионеры во всех атаках применяли оборудование, изготовленное на З-1, свидетельствовало для Фаустаффа, что они также пришли оттуда. Единственным прибором, бывшим у них на вооружении, который не видели Фаустафф и его команда, был Уничтожитель Материи. Фаустафф уже различал перевозивший его коптер — он летел позади остальных и заметно ниже.

Большинство людей Фаустаффа пало, и сам он с трудом удерживался от слез. Он чувствовал бессильную ярость, но еще ни разу не случалось, чтобы он решился на ответный удар по людям, пусть даже убийцам.

Еще один коптер взорвался, другой потерял управление и влетел прямо в С.Н.М. Фаустафф видел, как он озарился неописуемым светом, затем его очертания стали расти, расти, становясь по мере роста все более зыбкими, пока не исчезли совсем. Фаустафф содрогнулся. Он был отнюдь не в восторге от визита на З-15.

Затем он увидел, как несколько людей его команды упали сразу на одном месте и понял, что атакующие концентрируют обстрел. Он увидел, как лазерные лучи коснулись адъюстора, как металл оплавился и вспыхнул белым огнем. Коптеры взмыли вверх и полетели прочь, исполнив свою миссию.

Фаустафф бросился к адъютанту.

— Где Хольдан? — спросил он у охранника. Тот указал на один из трупов.

Фаустафф выругался и принялся крутить индикаторные диски адъютанта. Они были в полном беспорядке. Сам адъютант все еще работал, и его сердцевина не пострадала, но Фаустафф сразу понял, что понадобится слишком много времени на ремонт. Но зачем У-легионеры настолько усилили свои атаки, рискуя жизнями — даже теряя жизни — зачем? На них это не было похоже. Обычно они действовали строго в стиле «ударь — и убегай». Но Фаустафф отогнал от себя этот вопрос. Нужно было решать более насущные проблемы.

Он повернул усилитель в своем шлеме на полную мощность и закричал:

— Немедленно начинайте полный сбор населения! Применяйте план первичной эвакуации. С.Н.М. готовится к бесконтрольному распространению, и когда это случится, мы не успеем и заметить, как погибнет вся планета!

Коптер с захватом двинулся к адъютанту, но Фаустафф махнул, чтоб он летел прочь. Адъютант тяжел, и уйдет много времени, чтобы доставить его на базу. Важнее сейчас полная эвакуация всех людей из этого сектора. Так он и сказал пилоту по радио.

Команда отчаянно трудилась на фоне огромной, бескрайней завесы уничтожаемой материи, стремясь вырваться из этой зоны, а Фаустафф тем временем помогал людям в коптерах и давал инструкции, которые им требовались. Коптеров на всех не хватало, поэтому эвакуация должна была проходить в два этапа.

Наконец коптеры улетели, оставив небольшое количество людей, в том числе Фаустаффа и Пеппиата, чтобы потом вернуться за ними.

Фаустафф с отчаянием обернулся на С.Н.М., заметив, что спектр ее цветов начал сужаться. Это был сигнал опасности.

Оглядываясь, он увидел, что по серой равнине к ним приближаются какие-то машины, не похожие на джипы и тягачи его организации. По мере их продвижения он мог разглядеть сидящих в них людей, довольно странно одетых.

На заднем сиденье одного из джипов прямо восседал человек, одетый в красное — на голове красная шляпа, тело закутано в красную сутану. Маленькая кислородная маска закрывала его нос и рот, но Фаустафф узнал его по одежде. Это был Орелли, предводитель одной из крупнейших банд чистильщиков. За спиной у него висела лазерная винтовка, и еще одна такая же лежала на коленях.

Голос Пеппиата, перекрыв статические помехи, достиг его уха:

— Чистильщики не тратят времени зря. Должно быть, за адьюстором.

Оставшиеся охранники взяли оружие наизготовку, но Фаустафф крикнул:

— Не стреляйте! Адьюстор для нас бесполезен. Если они хотят рискнуть своими жизнями, чтоб его подчистить — пусть!

Теперь Фаустафф мог разглядеть фигуру в джипе, следующем за Орелли. Неправдоподобно тощий человек, в перетянутой португеей зеленой куртке, осыпанной пеплом, черных брюках и вымазанных пеплом высоких сапогах. Он был вооружен автоматом. Маска у него также была, но болталась на груди. Его лицо напоминало карикатуру на викторианского аристократа — костлявый орлиный нос, ухоженные черные усы и отсутствие подбородка. Это был Гордон Огг, занимавший когда-то высокий пост в организации Фаустаффа.

Джипы, приблизившись, остановились, и Орелли учтиво помахал маленькому отряду, стоящему возле разрушенного адьюстора.

— Думаю, право добычи за нами, профессор. Я полагаю, что это профессор Фаустафф. Там, в защитном костюме и шлеме. Узнаю незабываемую фигуру, — он был вынужден кричать сквозь грохот С.Н.М.

Орелли выпрыгнул из джипа и направился к команде. Огг поступил так же, передвигаясь припрыгивающей походкой, смахивающей на жирафью. Если Орелли был среднего роста и склонен к полноте, то Огг был ростом почти семь футов. Он перехватил автомат в левую руку и, выступив вперед, протянул Фаустаффу правую. Фаустафф пожал ее, поскольку сделать это было проще, чем демонстративно отказаться. Огг неопределенно и устало улыбнулся, отбросив назад грязные, покрытые пеплом волосы. За исключением экстремальных ситуаций, обычно он презирал всяческие защитные приспособления. Он был англичанином по своей любви к созданной в начале XIX века тайне того, каким должен быть истинный англичанин и как себя вести; романтик, с самого начала воспротивившийся Фаустаффу исключительно от скуки, порожденной рутинной организации профессора. Фаустаффу он все же нравился, хотя он не чувствовал никакой симпатии к Орелли, чья прирожденная лживость достигла полного расцвета на путях церкви, расположенной на 3-4. Даже его высокий интеллект не мог победить редкостной неприязни, которую испытывал Фаустафф к этому человеку, обладавшему столь сверхъестественно жестоким и предательским характером. Фаустаффа это озадачивало и расстраивало.

Глаза Орелли блеснули. Он мотнул головой в сторону адьюстора.

— Мы заметили У-легионеров, летящих обратно к своей базе,

и предположили, что у вас тут, профессор, может быть старый адъюстор, который вам больше не нужен. Нельзя ли на него посмотреть?

Фаустафф промолчал, и Орелли направился к прибору, принявшись тщательно его осматривать.

— Вижу, основа цела. Вопрос, главным образом, в разрушенных цепях. Думаю, мы даже сможем восстановить его, если захотим — хотя нам, конечно, не придется часто им пользоваться.

— Вам бы лучше его забрать, — жестко сказал Фаустафф. — Если вы будете болтаться вокруг с разговорами, вас накроет С.Н.М. Огг медленно кивнул.

— Профессор прав, Орелли. Пусть наши люди приступают к работе. Поторопи их.

Чистильщики начали инструктировать своих людей, какие именно части адъюстора готовить к погрузке. Пока Фаустафф, Пеппиат и остальные устало наблюдали, чистильщики работали. Огг покопился на Фаустаффа, потом снова глянул на него. Казалось, он несколько смущен. Фаустафф знал, что обычно он не работает с Орелли, что Огг презирает экс-кардинала так же сильно, как и сам Фаустафф. Он предположил, что причиной, по которой эти два человека объединили силы для совместной операции, была трудность прокладки туннеля на 3-15. Оггу следует сильно поостеречься, чтоб Орелли его не предал, когда необходимость в партнерстве отпадет.

Фаустафф отвернулся, чтобы взглянуть на С.Н.М. Медленно, но верно спектр приближался к пурпурно-голубому. Это означало наступление конечной фазы.

ГИБЕЛЬ ЗЕМЛИ-15

Когда коптеры вернулись, и забрали Фаустаффа и остальных на базу, оставив чистильщиков паковать детали адъюстора, профессор немедленно приступил к развертыванию планов эвакуации. Ему доложили, что с доставкой большинства жителей 3-15 на центральную базу возникли трудности. Будучи в неведении о Фаустаффе и его команде, они встречали их с подозрением и неохотно снимались с места. Некоторые из них, собранные из ближайших подземных общин, были уже на базе. Ошеломленные, не способные осознать, где они и что происходит, они, казалось, утратили связь со своим собственным «я». Фаустаффу было интересно наблюдать за ними, поскольку их реакция давала ему дополнительный материал, с помощью которого он надеялся понять сущность странных физических изменений, распространявшихся в популяциях обитателей подпространства. Его отстраненный научный интерес не ме-

шал, однако, ему подходить к каждому индивидуально и убеждать его, что лучше будет покинуть очаг поражения. Он понимал, что надо бы отправить несколько наиболее вызывающих к себе доверие членов команды с этой группой при перемещении в гигантские леса на 3-3. При всех трудностях группа все же была подготовлена к переходу через туннель на 3-3, и первые эвакуанты ступили внутрь.

Один за другим они вошли, и их проводили через туннель. Фаустафф чувствовал к ним жалость, когда они двигались там, как автоматы. Многие, несомненно, думали, что переживают странный сон.

Наконец последний из эвакуантов прошел туннель, и команда начала собирать свое оборудование.

Пеппиат отвечал за туннеллер и забеспокоился, когда подпространственный туннель начал мерцать.

— Я не удержу его открытым долго, профессор, — сказал он. Оставшиеся охранники тем временем уже ступили в туннель. — Вы — последний, — произнес он с некоторым облегчением, обернувшись к Фаустаффу.

— После вас, — сказал тот.

Пеппиат оставил управление туннеллером и шагнул вперед. Фаустаффу показалось, что он успел услышать его крик, когда туннель закрылся. Он бросился к туннеллеру и отчаянно попытался привести туннель в прежнее состояние. Но комбинация подпространственных блоков и неотвратимо приближающееся разрушение 3-15 сделали это невозможным. Наконец он оставил туннеллер и принялся крутить диск инвокера на своем запястье. Хотя, при таких условиях, оставалось мало надежды, что он сработает.

Похоже, он попал в ловушку на гибнущей планете.

Фаустафф, как всегда, действовал инстинктивно. Он выбежал из пещеры и направился к стоянке коптеров. Он одно время обучался пилотированию и надеялся, что сумеет достаточно вспомнить. Втиснув свое огромное тело на сиденье, он запустил мотор. Вскоре он смог поднять коптер в воздух. Характерное пурпурно-голубое зарево на горизонте свидетельствовало, что до полного разрушения планеты остается совсем мало времени.

Он направился на восток, где, как он полагал, разбили лагерь чистильщики. Оставалась единственная надежда, что они еще не улетели, и что их туннель действует. Впрочем, даже в этом случае оставался реальный шанс, что они откажутся ему помочь покинуть планету. Вскоре он увидел блеск пластиковых куполов временного лагеря, должно быть, принадлежавшего чистильщикам. Он не заметил никаких признаков активности и поначалу думал, что они ушли.

Он приземлился и вошел в первую палатку. Чистильщиков там не было, но лежали затянутые в черное трупы. Значит, это

вовсе не лагерь чистильщиков, он принадлежал У-легиону. Причину смерти У-легионеров он пока не смог определить. Он не пожалел времени на то, чтобы осмотреть один труп. Тот был еще теплым. Но отчего он умер?

Он выбежал из палатки и снова бросился к коптеру. Теперь он летел еще быстрее, подгоняемый необходимостью, пока не увидел внизу небольшую колонну джипов. С некоторым облегчением он понял, что они даже еще не достигли своей базы. Похоже, они направлялись к вулкану, находящемуся милях в десяти отсюда. Он предположил, что в этой операции у чистильщиков не было коптеров. Они сильно рисковали, используя весьма тихоходные турбо-джипы. «Они ли убили У-легионеров?» — размышлял Фаустафф. Если да, то все равно непонятно как.

Скоро он увидел их лагерь — скопище маленьких надувных куполов из материала, в котором он опознал новейший пластик, более устойчивый, чем сталь, и казавшийся хрупким, как бумага. Он использовался наиболее промышленно развитыми нациями на 3-1, главным образом, в военных целях.

Фаустафф посадил коптер, так стукнувшись при этом, что чуть не вылетел с сиденья. Вооруженный охранник, выглядевший в тяжелой шинели и шлеме так, будто его позаимствовали на какой-нибудь пожарной станции XIX века, немедленно вырос перед ним.

— Эй, вы ведь профессор Фаустафф? Где Огг, Орелли и все остальные?

— В пути, — ответил Фаустафф этому человеку, казавшемуся расположенным весьма дружелюбно. Он узнал в нем Ван Хорна, когда-то работавшего в его организации клерком по контролю за перевозками.

• — Как жизнь, Ван Хорн?

— Не так удобна, как в те времена, когда я работал на вас, профессор, но более разнообразна — и приносит гораздо больше удовольствия, знаете ли. Мы чертовски хорошо зарабатываем.

— Отлично, — сказал Фаустафф без всякой иронии.

— Ситуация здесь плоховата, верно, профессор?

— Очень плоха. Приближается полное разрушение.

— Полное разрушение! Тьфу! Хуже некуда. Надеюсь, скоро мы свалим отсюда.

— Чем скорее, тем лучше.

— Да. А вы что здесь делаете, профессор? Пришли предупредить? Это чертовски благородно. — Зная Фаустаффа, Ван Хорн знал и то, что он способен на такой поступок.

• Но Фаустафф покачал головой.

— Я это уже сделал. Нет, я пришел просить о помощи. Мой туннеллер сломался, и со мной будет покончено, если я не смогу пройти через ваш туннель.

— Конечно,— сказал, улыбаясь, Ван Хорн. Как большинство людей, он любил Фаустаффа, несмотря на то, что его банда и организация Фаустаффа были в какой-то мере противниками.— Почему бы и нет? Я полагаю, все будут рады помочь вам. В память о старом добром времени, а?

— Все, кроме Орелли.

— Кроме него. Он — ядовитая змея, профессор. Подлее не бывает. Я рад, что мой босс — Огг. Огг — парень со сдвигом, но хороший. А Орелли, профессор — ядовитая змея.

— Да,— Фаустафф рассеянно кивнул, глядя на джипы, приближающиеся сквозь дым и падающий пепел. В первом джипе он мог рассмотреть Орелли.

Орелли первым из чистильщиков заметил Фаустаффа. Мгновение он хмурился, а затем вкрадчиво улыбнулся.

— Снова профессор Фаустафф. Чем мы вам можем помочь? Вопрос был риторический, но Фаустафф ответил прямо:

— Предоставив мне шанс воспользоваться вашим туннелем.

— Нашим туннелем?— Орелли рассмеялся.— Но зачем? Ваш отец изобрел туннеллер, а теперь вы приходите к нам, презренным чистильщикам!

Фаустафф стерпел злобную забаву Орелли и объяснил, каким образом прервался его туннель. Пока Орелли слушал, его улыбка становилась все шире и шире. Но он молчал. Выглядел он, как кот, играющий с мышью, прежде чем ее съесть.

— Вы же понимаете, профессоор, что я должен обсудить этот вопрос со своим партнером. Нельзя принимать решения в спешке. Это может изменить наши жизни полностью — в ту или иную сторону.

— Я прошу вас о помощи, вот и все!

— Верно.

Гордон Огг приблизился своей скачущей походкой. Он был заметно удивлен, увидев здесь Фаустаффа.

— Что вы здесь делаете, профессоор?— спросил он.

— Профессор в затруднении,— отвечал ему Орелли.— Он хочет воспользоваться нашим туннелем, чтобы покинуть 3-15.

Огг пожал плечами.

— Почему бы нет?

Губы Орелли искривились.

— Ты слишком легкомыслен, Гордон. Слишком легкомыслен. «Почему бы нет?» — спрашиваешь ты. Потому что здесь может быть какая-то ловушка. Мы должны быть осторожны.

— Профессор Фаустафф не устраивает ловушек. Ты слишком подозрителен, Орелли.

— Лучше поостеречься, чем пожалеть, Гордон.

— Чепуха. Не стоит даже ставить вопроса об уходе профессора вместе с нами — если, конечно, мы сами сможем уйти.

Фаустафф увидел, как мгновенно изменилось выражение лица Орелли, обнажив неприкрытую злобу и коварство, потом его улыбка вернулась вновь.

— Очень хорошо, Гордон. Если хочешь поступать опрометчиво... — Он пожал плечами и отвернулся.

Огг спросил Фаустаффа, что же случилось, и Фаустафф ему рассказал.

Огг сочувственно кивнул. Поначалу бывший чем-то вроде британского военного дипломата, Огг сохранил вежливо-отстраненное обращение, и сам был по натуре, несомненно, добрым человеком, но за доброжелательными глазами и безупречными манерами таился байронический, романтический склад ума. Огг видел себя, даже если другие не разделяли этого мнения, флибустьером, вольным авантюристом, рискующим жизнью в страшных, губительных краях на подпространственных альтернативах. Огг жил опасной жизнью и, без сомнения, наслаждался ею, но во внешнем облике его оставалось нечто от неопределенности и благожелательности британского дипломата.

Огг проводил Фаустаффа в главную палатку, где его люди уже готовились к переходу через туннель вместе с добычей.

— Туннель на 3-11, — сказал Огг. — При сложившихся обстоятельствах, похоже, не стоит и пытаться проникнуть на 3-1 или 3-2.

— Возможно, мы должны были это понять, — пробормотал Фаустафф, думая о Пеппиате, погибшем в подпространстве.

3-11 — не слишком приятный мир, состоящий по большей части из высоких гор и бесплодных долин, но там он сможет связаться со своей местной базой и вскоре вернуться на 3-1.

В палатку вошел Орелли, улыбка его изливала на каждого братскую любовь.

— Мы готовы? — спросил он.

— Почти, — сказал Огг. — Люди складывают палатки и готовят к переходу основные тяжести.

— Я думаю, разумнее будет бросить оставшиеся джипы, — заметил Орелли. — Предсказание профессора обещает быть точным.

Огг нахмурился: — Точным?

— Снаружи, — Орелли махнул рукой. — Снаружи. Выгляньте наружу.

Фаустафф и Огг подошли к выходу из палатки и взглянули. Огромное, угрожающее пространство пурпурно-голубого сияния заполняло горизонт, быстро расширяясь. Его края окружала чернота,

более абсолютная, чем чернота открытого космоса. Серый пепел перестал падать, и почва была близка к тому, чтобы утратить свой изначальный вид.

Взамен она начинала кипеть красками.

Огг и Фаустафф, не произнося ни слова, вместе бросились к туннеллеру. Орелли в палатке уже не было. Разумеется, он не стал бы их ждать. И туннель уже выглядел так, будто был готов прерваться. Фаустафф последовал за Оггом, чувствуя тошноту при воспоминании о недавней смерти Пеппиата. Серые стены мерцали, грозя прорывом. Он двигался не шагом, не своей обычной походкой, но мчался, почти не чувствуя собственного веса, пока не обнаружил с облегчением, что стоит на каменистом горном склоне, кругом ночь, а над головой — большая полная луна. Рядом, чернея силуэтами во тьме, стояли другие. Фаустафф узнал фигуры Огга и Орелли.

Он чувствовал себя бесконечно подавленным. Вскоре от 3-15 не останется ничего, кроме быстро рассеивающегося газа. Даже чистильщики, казалось, разделяли это чувство. Они стояли вокруг в молчании, и слышно было только их дыхание.

В долине внизу Фаустафф мог теперь различить несколько огней, возможно, принадлежавших лагерю чистильщиков. Он не был уверен, что этот лагерь имеет отношение к его собственной базе на 3-11.

Фаустафф увидел двоих людей, карабкающихся вниз по склону, осторожно нащупывая дорогу. Другие последовали за ними, и вскоре весь отряд начал приближаться к лагерю. Фаустафф замыкал шествие.

Наконец они спустились в долину и остановились. Теперь Фаустафф разглядел, что лагеря здесь было два — другой на противоположной стороне небольшой долины.

Огг положил руку на плечо профессора:

— Идемте со мной, профессор. Мы направляемся в мой лагерь. Утром я доставлю вас на вашу здешнюю базу.

Орелли отвесил насмешливый поклон.

— *Bon voyage*, профессор. — Он направил своих людей к собственному лагерю. — Я хочу видеть тебя завтра, Гордон, чтобы обсудить раздел добычи.

— Очень хорошо, — сказал Огг.

В лагере Огга на 3-11 чувствовалось то же беспокойство, что и в только что покинутом на 3-15. Огг поместил Фаустаффа в своей личной палатке, где имелась дополнительная постель. Они были совершенно измучены и вскоре уснули, несмотря на мысли, не дававшие покоя обоим.

СТЕФФЛОМЕИС НА ГОРЕ

Сразу после рассвета Фаустафф был разбужен шумом событий, происходящих в лагере Гордона Огга. Самого Огга в палатке уже не было, и Фаустафф слышал его голос, отдающий приказы подчиненным. Похоже, здесь тоже началась паника. Фаустафф гадал, что такое могло произойти.

Он вышел из палатки так быстро, как только мог, и увидел Огга, наблюдающего за тем, как сворачивают лагерь. Туннеллер стоял на открытом воздухе, и техники-чистильщики работали с ним.

— Вы собираетесь в другой мир,— сказал Фаустафф, подходя к Оггу.— Что случилось?

— Мы получили сообщение, что на 3-3 можно отхватить хорошую добычу,— ответил Огг, крутя ус и стараясь не смотреть в лицо Фаустаффу.— Возле Сент-Луиса выправили небольшую С.Н.М., однако часть города была поражена и оставлена. Мы можем успеть, пока ситуацию полностью не взяли под контроль.

— Кто вам сообщил?

— Один из наших агентов. У нас тоже довольно хорошее коммуникационное оборудование, вы это знаете, профессор.

Фаустафф потер подбородок.

— Есть шанс пройти по туннелю вместе с вами?

Огг покачал головой.

— Думаю, мы и так уже оказали вам большую услугу, профессор. Мы здесь оставляем часть добычи, принадлежащую Орелли, и вы можете заключить с ним что-то вроде сделки. Однако будьте осторожны.

Да, Фаустаффу следовало остерегаться. Он чувствовал себя весьма уязвимым, оставляемый сомнительному милосердию Орелли, хотя у него не было намерения давить на Огга, чтобы тот взял его в туннель на 3-3. Он оцепенело смотрел, как чистильщики уносят свою аппаратуру и сами уходят сквозь подпространственный туннель, затем наблюдал странный эффект исчезновения самого туннеллера через им же созданный канал. Мгновение спустя после того, как туннеллер исчез, Фаустафф остался один в брошенном лагере Гордона Огга.

Огг покинул его, зная, что шансов быть убитым коварным Орелли у него пятьдесят на пятьдесят. Возможно, с точки зрения Огга, эти шансы превосходны. Фаустафф не стал останавливаться, чтобы подивиться психологии Огга. Вместо этого он зашагал прочь от лагеря по направлению к горам. Он решил, что лучше попытается сам найти дорогу до своей базы, чем доверится Орелли.

К полудню Фаустафф с трудом перебрался через два извилистых каньона и был на полпути к горам. Он проспал около часа,

прежде чем идти дальше. Он намеревался найти по возможности пологие горные склоны, где не было бы особенно тяжело карабкаться и не лежал бы снег, затруднявший его продвижение. А наверху он смог бы вернее сообразить, где именно он находится, и прикинуть маршрут. Он знал, что база где-то на северо-востоке от него, но, возможно, до нее придется обогнуть полмира. Бесплодная, почти полностью покрытая мрачными горными цепями, эта планета все же была Землей, имея примерно те же самые размеры. И даже если его база совсем неподалеку, он не должен рассчитывать на спасение раньше чем через неделю, а скорее — гораздо дольше. Он утешался тем, что все равно лучше быть здесь, чем в Орелли, и оставалась еще слабая надежда на поисковые отряды, хотя, вероятно, его уже считают убитым. А это было бы самым худшим. Не будучи самонадеян, он сознавал, что с его смертью организация может лишиться сердца. Хотя сам он мало что делал, кроме координации действий различных команд, да еще подавал советы» когда мог, — он был, несомненно, ключевой фигурой. И дальше больше — он был мотором всей организации. Без него она могла бы легко позабыть свою цель и отвернуться прочь от истинной причины своего существования — сохранения человеческой жизни.

Взмокший, обессиленный, Фаустафф наконец добрался до точки, расположенной менее чем в тридцати футах от вершины горы, откуда смог осмотреться, но не увидел ничего, кроме бесконечных скал. Он не узнавал местности. База, должно быть, в нескольких сотнях миль отсюда.

Он уселся на сравнительно пологом склоне, стараясь оценить свое затруднительное положение. По прошествии недолгого времени он заснул.

Проснулся он вечером от приглушенного покашливания у себя за спиной. Не веря своим ушам, он повернулся на этот звук, явно издаваемый человеком, и с некоторым удивлением узрел щеголеватую фигуру Стеффломеиса, сидящего на скале прямо над ним.

— Добрый вечер, профессор Фаустафф, — сказал Стеффломеис. Его черные глаза лучились двусмысленным юмором. — Я нахожу, что этот вид несколько скучен, а вы?

Депрессия Фаустаффа улетучилась, и он расхохотался над нелепостью этой встречи.

Стеффломеис, казалось, на секунду изумился.

— Почему вы смеетесь?

Фаустафф продолжал смеяться, медленно покачивая своей крупной головой.

— Итак, мы здесь, кругом на сотни миль нет ни одного живого существа, с которым можно было бы перекинуться словом...

— Верно, профессор, но...

— И вы пытаетесь представить нашу встречу случайностью. Куда вы на сей раз держите путь, герр Стеффломеис? В Париж? Или у вас здесь пересадка на самолет?

Стеффломеис снова улыбнулся.

— Полагаю, нет. Правду говоря, мне пришлось немало потрудиться, разыскивая вас после устранения 3-15. Если не ошибаюсь, «3-15» — это ваш термин для данного случая симуляции Земли.

— Так. Значит, симуляция? Что это означает?

— Альтернатива, если вам нравится.

— Вы имеете какое-то отношение к У-легиону?

— Существует некая связь между мной и legionами Уничтожения — какой подходящий термин. Его придумал тоже ваш отец?

— Думаю, так. Хорошо, и какая это связь? Что такое — У-легион? На кого они работают?

— Я не для того взял на себя труд посетить эту планету, чтобы всего лишь отвечать на ваши вопросы. Вы с вашим отцом доставили моим хозяевам очень много затруднений, знаете ли. Ни за что не поверите, как много. — Стеффломеис улыбался. — Вот почему я с такой неохотой выполняю их приказы, касающиеся вас.

— Кто ваши «хозяева»? Какие приказы?

— Они безусловно могущественные люди, профессор. И приказали мне убить вас, либо любым способом заставить вас прекратить вмешиваться в их планы.

— А вы, кажется, одобряете затруднения, которые я им доставляю, — сказал Фаустафф. — Значит, вы их противник? Что-то вроде двойного агента? Вы на моей стороне?

— Напротив, профессор, — ведь их и ваши цели во многом сходны. Я — ваш общий противник. Противник тех, кто полностью поглощен задачей творения и разрушения. Для меня это ничто. Я чувствую, что все должно умереть — медленно, сладострастно загнивая... — улыбка Стеффломеиса стала печальной. — Но я — преданный исполнитель. Я должен выполнять их приказы вопреки собственным эстетическим устремлениям.

Фаустафф рассмеялся, пораженный комичностью аффектации Стеффломеиса.

— Значит, вы влюблены в смерть?

Стеффломеис, казалось, воспринял вопрос как порицание.

— А вы, профессор, влюблены в жизнь. Жизнь, которая так несовершенна, груба, бесформенна! Отдайте мне ошеломляющую простоту смерти — над этим!

— У вас, кажется, что-то вроде юношеского отвращения к бессмыслице быта, — сказал Фаустафф наполовину себе самому. — Вы могли бы постараться не так натягивать удила — ослабьте их, по возможности.

Стеффломеис нахмурился, его самоуверенность исчезла, тем паче, что Фаустафф, напротив, успокоился, и в превосходном расположении духа обдумывал сказанное Стеффломеисом.

— Я думаю, вы дурак, профессор Фаустафф, вы — шут. Я отнюдь не юноша, поверьте. С высоты моего жизненного опыта ваш собственный сравним с жизнью поденки. Наивны вы, а не я.

— Итак, жизнь не доставляет вам никакого удовольствия?

— Я наслаждаюсь, лишь изучая упадок вселенной. Она умирает, профессор. Я живу достаточно долго, чтобы видеть — она умирает.

— Если это правда, при чем тут я или вы? — задумчиво спросил Фаустафф. — Возможно, все когда-нибудь умрет, но это не должно мешать нам наслаждаться жизнью, пока в ней есть чем наслаждаться.

— Но это же не цель! — вскричал, вскочив, Стеффломеис. — Не цель! Это все не имеет значения. Посмотрите на себя, как вы тратите время, сражаясь и проигрывая битвы при защите той или иной маленькой планетки — надолго ли? Зачем вы это делаете?

— Потому что это представляется стоящим делом. Или вы не чувствуете симпатии к людям, уничтожаемым при разрушении планеты? Стыдно не предоставить им шанс прожить столько, сколько возможно.

— Но на что им тратить свои глупые жизни? Они тупы, подвержены пьянству, мелочны, узки — жизнь не доставляет им подлинного наслаждения. Большинство из них даже не ценит искусства — лучшего из того, что они произвели. Они уже мертвы. Неужели вы не догадываетесь?

— Согласен, их удовольствия несколько ограничены. Но они доставляют им наслаждение, во всяком случае, большинству, — возразил Фаустафф. — И они довольствуются своей жизнью. Ведь не только радости жизни делают ее стоящей, знаете ли.

— Вы говорите, как один из них. Их развлечения вульгарны, их мысли глупы. Они не стоят того, чтобы тратить на них время. Вы — блестящий человек. Ваш разум устремлен к постижению таких вещей, которых они никогда не поймут. Даже их несчастья жалки и ограничены. Дайте симуляциям умереть, профессор, и пусть их обитатели умрут вместе с ними!

Фаустафф покачал головой с задумчивым удовольствием.

— Я не могу последовать вашему примеру, герр Стеффломеис.

— Вы надеетесь на их благодарность за эту вашу дурацкую приверженность?

— Конечно, нет. Они не понимают, что происходит — большинство из них. Возможно, я несколько заносусь, став, как вы говорите, препятствием на этом пути. Но я во многих отношениях вовсе не мыслитель, герр Стеффломеис. — Он рассмеялся. — Вероятно, вы правы — я, возможно, в некотором роде шут.

Стеффломеис, казалось, овладел собой, как если бы признание Фаустаффа вернуло ему самоуверенность.

— Ну, хорошо,— шутливо сказал он.— Вы согласны оставить планеты на смерть, как должно?

— О, я думаю, что буду продолжать делать, что смогу. Если только не умру здесь с голоду или не свалюсь с горы. Это предположение хоть и мало вероятно, но гипотетически возможно, когда вы оцените мои обстоятельства, верно? — он усмехнулся.

Фаустаффу показалось неуместным, что именно этот момент Стеффломеис выбрал для того, чтобы вытащить из кармана револьвер.

— Сознаюсь, вы представляете для меня загадку,— сказал Стеффломеис,— и я бы предпочел подольше понаблюдать, как вы дурчитесь. Но, поскольку настал подходящий момент, а мне надоело тянуть с выполнением приказа, думаю, я убью вас сейчас.

Фаустафф кивнул.

— Возможно, это лучше, чем голодная смерть,— допустил он, прикидывая, есть ли шанс запустить чем-нибудь существенным в Стеффломеиса.

ЛАГЕРЬ КАРДИНАЛА ОРЕЛЛИ

Неуклюжим, словно раз и навсегда заученным движением, Стеффломеис направил револьвер в голову Фаустаффа, в то время как профессор силился придумать, что бы получше предпринять. Он мог бы броситься на Стеффломеиса, или, наоборот, отскочить в сторону, рискуя свалиться с горного уступа. Пожалуй, лучше броситься...

Вероятно, он бы не преуспел, если бы Стеффломеис не отвернулся в то мгновение, когда он ринулся вперед, по возможности подобравшись, чтобы его массивное тело не попало на линию огня. Отвлек же Стеффломеиса раздавшийся над ним шум мотора.

Фаустафф одним ударом выбил револьвер у Стеффломеиса, и тот выстрелил с грохотом, эхом разнесшимся среди скал. Затем он ударил Стеффломеиса в живот, и бородатый упал.

Фаустафф подобрал оружие и прицелился в Стеффломеиса. Стеффломеис скривился и застонал от боли. Очевидно, он ожидал, что Фаустафф убьет его, и странное выражение появилось в его глазах — какой-то глубокий, сосредоточенный страх.

Коптер снижался. Фаустафф слышал его шум у себя за спиной и гадал, кто же его пилот. Рев мотора становился все громче и громче, пока совсем не оглушил его. Одежду его трепал ветер, поднятый винтами. Он начал бочком обходить Стеффломеиса, прикрывая его, и смог теперь увидеть тех, кто сидел в коптере.

Их было двое. Один из них, с привычной бесконечно жестокой улыбкой, был одетый в красное Кардинал Орелли, его лазерная винтовка была направлена прямо в живот Фаустаффу. Второй — не столь живописный пилот в коричневом комбинезоне и шлеме.

Орелли что-то кричал сквозь рев мотора, но Фаустафф не мог разобрать слов. Стеффломеис поднялся с земли и с любопытством смотрел на Орелли. На мгновение Фаустафф почувствовал, что Стеффломеис ему ближе, чем Орелли, затем осознал, что они оба — его враги, и Стеффломеису гораздо предпочтительнее быть на стороне Орелли. Орелли, должно быть, явился специально за ним, решил Фаустафф, глядя, как пилот умело сажает коптер немного ниже по склону. Винтовка Орелли по-прежнему была направлена на него. Шум мотора прекратился, и Орелли выпрыгнул из кабины на землю, направившись к ним с жестокой усмешкой, застывшей на губах.

— Мы потеряли вас, профессор,— сказал он.— Мы ждали вас у себя в лагере много раньше. Или вы сбились с дороги?

Фаустафф видел, что Орелли догадывается об истине — что он намеренно предпочел углубиться в горы, чем присоединиться к злобному бывшему священнику.

— Я еще не имел чести...— начал Орелли, с осторожной улыбкой обернувшись к Стеффломеису.

— Стеффломеис,— представился тот, ответив насмешливым взглядом.— А вы?

— Кардинал Орелли. Профессор Фаустафф называет меня «чистильщиком». Откуда вы, мистер Стеффломеис?

Губы Стеффломеиса скривились.

— Я, в некотором роде, странник. Сегодня здесь, завтра там, знаете ли.

— Вижу. Ладно, мы можем продолжить беседу в моем лагере. Это значительно удобнее.

Фаустафф понимал, что может представить довольно слабые возражения. Под конвоем Орелли они вместе со Стеффломеисом спустились к коптеру и забрались туда, втиснувшись на одинаково тесные задние сиденья. Сам Орелли уселся рядом с пилотом, построив винтовку так, что дуло постоянно было нацелено на них над его плечом, и закрыл дверь. Коптер снова взмыл вверх, развернулся и полетел обратно, в том направлении, откуда появился. Фаустафф, благодарный за передышку, хотя, возможно, ему следовало ожидать самого худшего от ненавидящего его Орелли, смотрел вниз на хмурые горы, простирающиеся цепь за цепью во всех направлениях.

Довольно скоро он узнал долину, и в поле зрения показался лагерь Орелли — скопление серых сборных домов, трудно различимых среди густого кустарника.

Коптер жестко приземлился, немного не долетев до лагеря. Орелли выбрался наружу, сделав знак Стеффломеису и Фаустаффу следовать за ним. Они прыгнули на землю и двинулись к лагерю. Орелли тихонько мурлыкал что-то, напоминающее грегорианский хорал. Казалось, он в превосходном расположении духа.

По знаку Орелли они пригнули головы и вошли в его палатку. Она была сделана из материала, позволяющего видеть изнутри то, что происходит снаружи, самому оставаясь невидимым. В центре палатки стояла машина, которую Фаустафф узнал. Кроме того, он также увидел лежащие перед ней два тела.

— Узнаете их? — небрежно спросил Орелли, направившись к сейфу в углу палатки, откуда он достал бутылку и стаканы. — Выпьете? К сожалению, могу предложить только вино.

— Благодарю вас, — сказал Фаустафф, но Стеффломеис покачал головой.

Орелли протянул Фаустаффу стакан, до краев наполненный красным вином.

— Сент-Эмильон 1953 года, с Земли-Два, — сказал он. — Думаю, вы найдете его приятным.

Фаустафф пригубил и кивнул.

— Так вы узнаете их? — повторил Орелли.

— Тела? Это У-легионеры, верно? — сказал Фаустафф. — Я видел подобных на 3-15. А машина выглядит как деструктор. Полагаю, вы собираетесь каким-то образом его использовать.

— Пока нет, но, несомненно, соберусь. А У-легионеры, знаете ли, не мертвы. У них сохраняется постоянная температура тела с тех самых пор, как мы их нашли. Мы, должно быть, проезжали их лагерь на 3-15 почти перед вами. Температура пониженная, но не более того. Однако они не дышат. Приостановленная жизнедеятельность?

— Чепуха, — сказал Фаустафф, допивая стакан. — Все эксперименты, проводимые в этом направлении, закончились крахом. Помните эксперименты в Мальме в 1991 году на 3-1? Помните скандал?

— Я, конечно, не могу этого помнить, — заметил Орелли, — поскольку я не уроженец 3-1. Но я об этом читал. Тем не менее это выглядит как остановка жизнедеятельности. Они живы, и, однако, они мертвы. Все наши попытки разбудить их не дали результата. Надеюсь, что вы, профессор, сможете помочь.

— Как я могу помочь?

— Возможно, вы узнаете, когда обследуете эту пару.

Пока они разговаривали, Стеффломеис нагнулся, изучая одного из распростертых У-легионеров. Тот был среднего роста, и под его черным комбинезоном угадывалось хорошее физическое сложение. Примечательно, что обе лежащие фигуры в точности по-

ходили друг на друга, как лицом, так и сложением. У них были коротко подстриженные светло-каштановые волосы, квадратные лица с бледной кожей, без пятен, но нездоровой структуры, особенно в нижней части лиц. Стеффломеис отодвинул одному из них веко, и Фаустафф испытал неприятный шок, когда прямо на него глянул голубой глаз. На мгновение показалось, что человек не спит, но не в силах двинуться. Стеффломеис позволил веку снова закрыться.

Он выпрямился, скрестив руки на груди.

— Замечательно, — сказал он. — Что вы предполагаете с ними сделать, Кардинал Орелли?

— Я еще не решил. Пока мой интерес чисто научный — я хочу узнать о них побольше. Они — первые У-легионеры, которых мы смогли захватить, так, профессор?

Фаустафф кивнул. Ему сильно хотелось, чтоб У-легионеры попали бы в чьи-нибудь другие руки, помимо Орелли. И он не отваживался даже представить, какое применение извращенный разум Орелли может найти для деструктора. С ним он способен шантажировать целые миры. Фаустафф решил уничтожить деструктор сразу же, как только ему представится подходящая возможность.

Орелли взял у него из рук пустой стакан, и, вернувшись к металлическому сейфу, вновь наполнил его. Фаустафф автоматически осушил второй стакан, хотя давно уже не ел. В обычном состоянии он мог выпить много, но сейчас вино уже слегка ударило ему в голову.

— Я думаю, мы должны вернуться в мою штаб-квартиру на 3-4, — сказал Орелли. — Там — лучшие условия для необходимых исследований. Надеюсь, профессор, вы примете мое приглашение и поможете мне.

— Полагаю, вы убьете меня, если я откажусь, — устало произнес Фаустафф.

— Уж конечно, не поблагодарю, — Орелли осклабился в акульей усмешке.

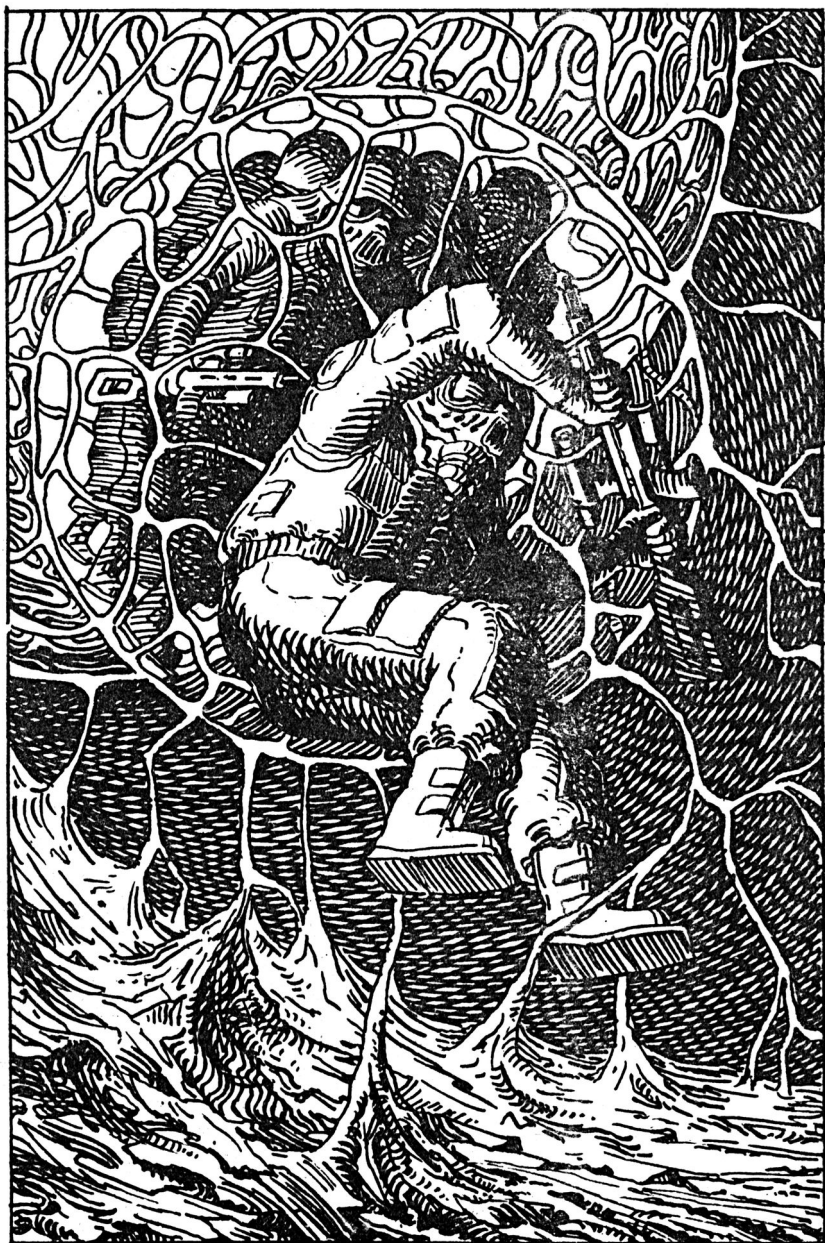
Фаустафф ничего не ответил. Он решил, что возвращение вместе с Орелли на 3-4 — в его интересах; там ему предоставится гораздо лучший шанс связаться со своей организацией и бежать.

— А что привело вас в этот бесплодный мир, мистер Стеффломеис? — спросил Орелли с деланной сердечностью.

— Я здесь исключительно потому, что здесь профессор Фаустафф. Я хотел с ним побеседовать.

— Побеседовать? Мне показалось, что в тот момент, когда я появился на сцене, вы с профессором были заняты чем-то вроде драки. Вы друзья? Никогда бы не подумал.

— Дискуссия была на время прервана вашим появлением, Кардинал, — сказал Стеффломеис. Взгляд его выражением циничного

обмана мог поспорить с Орелли.— Мы обсуждали некоторые философские проблемы.

— Философия? И в какой области? Лично я интересуюсь метафизикой. Полагаю, это не удивительно, если вспомнить мое прежнее призвание.

— О, мы говорили об относительных достоинствах жизни и смерти,— легкомысленно заметил Стеффломеис.

— Интересно. А я и не знал, что вы питаете склонность к философии,— промурлыкал Орелли, адресуясь к профессору. Фаустафф пожал плечами и подошел ближе к расprostертым У-легионерам, повернувшись спиной к Стеффломеису и Орелли.

Он нагнулся и коснулся лица одного из У-легионеров. Оно было чуть теплым, как пластик при комнатной температуре. На ощупь это было совсем не похоже на человеческую кожу.

Глупая словесная дуэль между Орелли и Стеффломеисом уже начинала ему надоедать. Они же явно наслаждались ею, продолжая спорить до момента, когда Орелли театрально прервал Стеффломеиса на середине тирады, в свое оправдание заметив, что время подгоняет и он должен заняться подготовкой к созданию туннеля через подпространство к своей штаб-квартире на 3-4. Когда он вышел из палатки, его сменили двое вооруженных людей. Стеффломеис метнул в Фаустаффа сардонический взгляд, но Фаустафф еще не понимал, какое место займет Орелли в его игре. Хотя охрана не позволила бы ему слишком быстро подойти к деструктору, он довольствовался тем, что изучал его, не сходя с места, пока не вернулся Орелли, сообщив, что туннель готов.

У-ЛЕГИОНЕРЫ

Еще более утомленный и очень голодный, Фаустафф прошел через туннель и обнаружил, что оказался в крипте церкви, выстроенной из камня в готическом стиле. Камень казался старым, но свежевывытым. Воздух был холоден и чуть влажен. На полу было свалено в кучи различное полевое оборудование чистильщиков. Комната слабо освещалась неоновой трубкой. Орелли и Стеффломеис уже прибыли и перешептывались между собой. Когда появился Фаустафф, они замолчали.

Вскоре после Фаустаффа были доставлены У-легионеры и деструктор. Тела У-легионеров несли люди Орелли. Сам он пошел впереди, открыв дверь в дальнем конце крипты и указывая путь наверх. Каменные ступени вели в великолепный интерьер огромной церкви, оживляемый солнечным светом, льющимя сквозь витражи. Единственным явным отличием от действующих церквей здесь было отсутствие скамей. Из-за этого создавалось впечатление

даже более обширного помещения, чем на самом деле. То, что Фаустафф видел перед собой, было сравнимо с прекраснейшими готическими соборами Бретани и Франции — вдохновенная дань творческому духу человечества. Церковная обстановка сохранилась — с центральным алтарем, кафедрой, органом и маленькими часовнями слева и справа, свидетельствуя о том, что церковь, по всей вероятности, была католической. Выпитое вино все еще несколько возбуждало Фаустаффа, и взгляд его блуждал по колоннам, где резьба четырнадцатого века являла святых, животных и растения, покуда не уперся прямо в высокий свод, пересеченный причудливой каменной паутиной, едва различимой в холодном сумраке.

Вновь опустив глаза, он увидел, что Стеффломеис смотрит на него с легкой усмешкой на губах.

Одурманенный красотой церкви, Фаустафф обвел вокруг себя рукой.

— А ведь это сработано теми, кого вы хотели бы уничтожить, Стеффломеис, — произнес он несколько высокопарно.

Стеффломеис пожал плечами.

— Приходилось видеть работу и получше. С моей точки зрения, профессор, это ограниченная архитектура, неуклюжая. Дерево, камень, сталь или стекло — независимо от того, какие материалы вы употребляете — они всегда неуклюжи.

— Итак, это вас не вдохновляет? — спросил Фаустафф.

Стеффломеис рассмеялся: — Нет. Вы наивны. Профессор.

Не в силах описать чувства, которые пробудила в нем церковь, Фаустафф ощутил замешательство, пытаясь представить, какие именно чувства пробудила бы в нем архитектура, близкая Стеффломеису, если бы он имел шанс с ней столкнуться.

— Где же эта ваша архитектура? — спросил он.

— Не в тех местах, что знакомы вам, профессор, — Стеффломеис продолжал увильнуть, и Фаустафф снова задал себе вопрос, не связан ли он каким-либо образом с У-легионами.

Орелли был занят наблюдением за своими людьми. Внезапно он обратился к ним.

— Что вы думаете о моей штаб-квартире?

— Очень впечатляет, — Фаустафф хотел бы сказать что-нибудь получше. — Она велика?

— Монастырь, пристроенный к собору. Те, кто живет там, следуют правилам, несколько отличным от тех, коим предавались прежние жильцы. Пройдем туда? Я велел подготовить лабораторию.

— Я хотел бы поесть, прежде чем приступить к занятиям, — сказал Фаустафф. — Надеюсь, ваша кухня так же превосходна, как все окружающее.

— Она даже лучше, если это возможно, — ответил Орелли. — Конечно, сперва мы поедим.

Позже все трое сидели в большой комнате, ранее служившей личным кабинетом аббата. Ниши были заставлены рядами книг, преимущественно религиозными трудами на разные темы; стены увешаны репродукциями картин. Большинство из них изображало различные версии «Искушения святого Антония» — здесь были представлены Босх, Брейгель, Грюневальд, Шонгауэр, Хайс, Эрнст и Дали, а также несколько других, которых Фаустафф не узнал. Еда была почти так же хороша, как похвалялся Орелли, а вино превосходное, из монастырского погреба. Фаустафф указал на репродукции.

— Ваше пристрастие, Орелли, или вашего предшественника?

— Его и мое, профессор. Вот почему я их здесь и оставил. Только, возможно, его интерес был слегка более маниакален, чем мой. Я слышал, в конце концов он помешался. Иные думали, что виной была одержимость, другие... — он улыбнулся своей жестокой усмешкой и несколько издевательски отсалютовал стаканом Босху, — *delirium tremens* *.

— И что же было причиной запустения монастыря — почему сейчас собор не действует? — спросил Фаустафф.

— Возможно, это прояснится, если я назову наше географическое местоположение на 3-4, профессор. Мы в районе, ранее называемом Северо-Западной Европой. Точнее, мы поблизости от места, где когда-то стоял город Гавр, хотя здесь, собственно говоря, нет ни признака города, ни моря. Припоминаете С. Н. М., что вы взяли под контроль в этих краях, профессор?

Фаустафф был озадачен. Он еще не видел, что лежит за монастырскими стенами, а окна, выходящие из монастыря, были плотно занавешены. Он предполагал, что находится в каком-то провинциальном городе. Теперь он встал и пошел к окну, отодвинув тяжелую бархатную портьеру. Было темно, но безошибочно различался отблеск льда. Под луной, уходя за горизонт, тянулось огромное ледяное поле. Фаустафф знал, что оно захватывает Скандинавию, часть России, Германию, Польшу, Чехословакию, отчасти Австрию и Венгрию, а в другом направлении покрывает половину Бретани до самого Гулля.

— Но здесь кругом лед на сотни миль, — сказал он, обернувшись к Орелли, сидевшему, попивая вино и продолжая улыбаться. — Каким образом на такой земле могло быть создано такое строение?

— Оно здесь уже было. И служит моей штаб-квартирой с тех пор, как я обнаружил его три года назад. Оно как-то избежало С.Н.М. и уцелело. Монахи бежали, прежде чем С.Н.М. дала реальный эффект. А я нашел его позже.

* Белая горячка (лат.).

— Но я никогда не слышал о чем-либо подобном, — сказал Фаустафф. — Собор и монастырь в сердце ледяной пустыни. Как они спаслись?

Орелли возвел глаза к потолку и ухмыльнулся.

— Возможно, божественное вмешательство.

— Полагаю, каприз, — заметил Фаустафф, снова усаживаясь. — Я видел подобные вещи, но столь впечатляющие — никогда.

— Оно соответствует моим пристрастиям, — сказал Орелли. — Уединенно, просторно, и с тех пор, как я установил кое-какое отопление, вполне комфортабельно. Меня это устраивает.

На следующее утро, в сборной лаборатории Орелли, Фаустафф смотрел на двоих обнаженных У-легионеров, лежащих перед ним на каталке. Он решил: одно из двух — или Орелли с ним играет, или и впрямь верит, что его познания простираются и на биологию. Сделать же он мог очень мало помимо того, чем занимался в данный момент — снимал показания электроэнцефалограмм. Было нецелесообразно выводить Орелли из заблуждения, поскольку профессор был убежден, что, если он не докажет свою полезность, Орелли может его убить.

Кожный покров легионеров по-прежнему напоминал чуть теплый пластик. Дыхание отсутствовало, конечности были расслаблены, глаза остекленели. Когда ассистенты расположили электроды на головах лежащих, он подошел к энцефалографу и принялся изучать диаграммы, которые начали поступать из машины. На них рисовалась волнообразная линия — постоянная волна, как если бы мозг был жив, но совершенно бездействовал. Показания прибора лишь подтвердили очевидное.

Фаустафф взял шприц и сделал первому У-легионеру инъекцию стимулянта. Второму он ввел депрессант.

Линии энцефалограмм совершенно не изменились.

Фаустаффу пришлось согласиться с предположением Орелли, что люди находятся в состоянии заторможенной жизнедеятельности всего организма.

Ассистенты Орелли, помогавшие ему, были столь невозмутимы, что слегка смахивали на изучаемых им субъектов. Он обернулся к одному из них и попросил включить рентгеновский аппарат. Аппарат выкатился вперед и сделал несколько снимков обоих У-легионеров. Ассистент протянул пластины Фаустаффу. Пары быстрых взглядов на снимки хватило, чтобы понять — хотя люди, распростерты на столе, казались обычными живыми существами, они ими не являются. Их органы были упрощены так же, как и костная структура.

Фаустафф положил снимки рядом с У-легионерами и сел. То,

что следовало из его открытия, наплывало на его сознание, но он чувствовал, что не в силах сосредоточиться. Эти создания могли появиться из дальнего космоса и могли представлять расу, искусственно произведенную на одной из параллельных планет.

Фаустафф уцепился за последнюю мысль. У-легионеры функционировали несообразно ни одному естественному закону, распространяющемуся на животных. Возможно, они искусственны — нечто вроде роботов. Хотя уровень научных знаний, необходимых для создания подобных роботов, еще нигде не продвинулся достаточно далеко, кроме З-1.

Кто же их создал? Откуда они пришли? Лишние данные с успехом могут запутать все еще больше.

Фаустафф зажег сигарету и расслабился, гадая, стоит ли обращать на это внимание Орелли. Он может и сам как-нибудь достаточно скоро обнаружить истину.

Он встал и попросил хирургические инструменты. С помощью рентгеновских снимков он был способен выполнить некоторые простые хирургические иссечения, не подвергая У-легионеров опасности. У одного он сделал надрез на запястье. Порез не кровоточил. Он взял соскобы кости, плоти и кожи. Попытался закрепить порез с помощью обычных агентов, но те не действовали. В конце концов он был вынужден просто заклеить порезы пластырем. Положил пробы под микроскоп, надеясь, что его знаний основ биологии хватит, чтобы опознать различия, которыми они могут обладать по сравнению с нормальной кожей, костью и плотью. Микроскоп выявил несколько весьма существенных различий, для опознания которых не требовалось специальных знаний. Нормальная клеточная структура, несомненно, полностью отсутствовала. Кость, казалось, состояла из металлического сплава, а плоть — из материала с мертвой клетчаткой, напоминающего пенистый пластик, хотя клетки были гораздо более многочисленны, чем у любого известного ему пластика.

Единственным выводом, который он мог сделать, исходя из этих доказательств, — У-легионеры не были в подлинном смысле живыми существами, но роботами, искусственно созданными людьми.

Материалы, пошедшие на их конструкцию, не были знакомы Фаустаффу. Сплав и пластик также указывали на превосходство этой технологии над технологией его мира.

В нем проснулось беспокойство, вызванное тем, что эти создания определенно не были произведены ни на одном из известных ему миров. К тому же они могли путешествовать через подпространство и, очевидно, были предназначены исключительно для манипулирования деструкторами. Из этого следовал наиболее вероятный вывод — У-легионеры были созданиями расы, действующей вне под-

пространства и, возможно, с базы в обычном космосе, за пределами Солнечной системы. Тогда, вероятно, атака имела не человеческий источник, как всегда полагал Фаустафф. Здесь была причина для беспокойства. Возможно ли понять мотивы, движущие негуманоидной расой? Не похоже. А не определив, почему они стремятся уничтожить планеты подпространства, казалось невозможным определить пути, которые способны остановить их на любой реальный отрезок времени.

Потом он принял решение. Он должен, наконец, уничтожить деструктор. Прибор лежал в углу лаборатории, подготовленный к исследованиям.

Только уничтожив деструктор, можно помешать Орелли использовать его или пытаться прибегнуть к шантажу, угрожая им воспользоваться. Что умножит количество опасных факторов.

Он двинулся к деструктору.

В этот момент он почувствовал покалывание на запястье и комната, казалось, стала блекнуть. Его замутило, голова у него закружилась, и воздух словно не проникал в легкие.

Он узнал эти ощущения.

Его зацепило инвокером.

ЗЕМЛЯ-НОЛЬ

Доктор Мэй явно испытывал облегчение. Он стоял, протирая очки, в голой пустой комнате, в которой Фаустафф опознал свою штаб-квартиру в Хайфе на Земле-Один.

Фаустафф ожидал, пока у него прояснится голова, перед тем как обратиться к Мэю.

— Мы уже думали, что нам никогда не удастся вас вернуть, — сказал Мэй. — Мы все время пытались это сделать, с тех самых пор, как вы пропали во время разрушения З-15. Я слышал, наш адьюстор уничтожен?

— Я сожалею, — сказал Фаустафф.

Мэй пожал плечами и вновь надел очки. Его круглое лицо выглядело необычно изможденным.

— Это ничто в сравнении с тем, что происходит. У меня есть для вас кое-какие новости.

— У меня для вас тоже, — Фаустафф подумал, что Мэй начнет взывать о помощи аккурат в самое неподходящее время. Но он не считал это достойным упоминания. Наконец он вернулся на собственную базу и, возможно, сумеет составить план, который полностью выведет Орелли из игры.

Мэй двинулся к двери. Техники уже разбирали большой инвокер, который вытянул Фаустаффа через подпространство сразу,

как только они уловили сигнал инвокационного диска на его запястье.

Фаустафф проследовал за Мэем в коридор, и Мэй вызвал лифт. Поднявшись на четвертый этаж, они прошли в офис Фаустаффа.

Там их ожидали несколько человек. В одних он узнал руководителей различных подразделений центральной штаб-квартиры, другие были специалистами по связи.

— Вы имеете сообщить нам что-либо, прежде чем мы начнем? — сказал Мэй, снимая трубку телефона, после первых взаимных приветствий. Он приказал принести кофе и положил трубку.

— На мое сообщение не уйдет много времени, — сказал Фаустафф, садясь в кресло. Он рассказал им о попытке Стеффломеиса убить его, и что, как выяснилось, Стеффломенс знает много больше о планетах подпространства, чем признался, когда ссылаясь на своих могущественных «хозяев» и указал, что организация Фаустаффа не сможет устоять перед крупной атакой, так же, как альтернативные миры. Затем он перешел к описанию «образцов» Орелли и сделанного им открытия.

Реакция оказалась не столь бурной, как он ожидал. Мэй просто кивнул, плотно сжав губы.

— Это согласуется с нашим собственным открытием, — сказал он. — Мы только что вступили в контакт с новой альтернативной Землей. Или, я бы сказал, с ее частью. В данный момент она лишь формируется.

— Альтернатива действительно создается? — возбуждение охватило Фаустаффа. — Мы не можем сидеть здесь — посмотрим как это происходит. Это может многое открыть нам...

— Мы постарались проникнуть на Землю-Ноль, как мы ее называли, но каждая попытка была блокирована. Эта Земля создается не естественным путем — здесь скрывается разум.

Фаустафф легко согласился. Логическим допущением было бы признать, что некая негуманойдная сила проявляет себя, как стало сейчас ясно, не только разрушая миры, но также их создавая. Добавим существование У-легионеров, Стеффломеиса, Мэгги Уайт — и это может сказать о многом. Последние события показали, что с этой точки зрения ситуация значительно ухудшилась. И трудностей, с которыми они столкнулись, больше, чем предполагалось.

Фаустафф взял чашку кофе с подноса, который успели принести.

Доктор Мэй, казалось, терял терпение.

— Что мы сможем сделать, профессор? Мы не готовы перейти в нападение, мы плохо экипированы даже для того, чтобы отразить новое крупное наступление У-легиона вроде того, с чем вы столкнулись на 3-15. Совершенно очевидно, что до сих пор эти силы только играли с нами.

Фаустафф кивнул и отхлебнул кофе.

— Нашей первоочередной задачей должна стать штаб-квартира Орелли, — сказал он и ощутил тошноту, переходя к следующему утверждению. — Она должна быть уничтожена со всем, что там находится.

— Уничтожена? — Мэй хорошо знал, как маниакально привержен Фаустафф своим воззрениям на святость жизни.

— Нам больше ничего не остается делать. Я никогда не думал — я надеялся, что никогда не окажусь в подобной ситуации, но нам придется только следовать принципу «убить нескольких ради спасения многих». — Даже когда Фаустафф говорил, он словно слышал собственный голос, совсем недавно твердивший, как опасно оправдывать спасение жизни при таких условиях.

Доктор Мэй, похоже, был почти удовлетворен.

— Вы сказали, он на 3-4. В местности, расположенной примерно между 38 и 62 секторами. Хотите возглавить экспедицию? Полагаю, мы должны послать коптеры с бомбами.

Фаустафф покачал головой.

— Нет, я не хочу туда отправляться. И вот что — дайте им пять минут на эвакуацию. Скажите, что это последнее предупреждение. Тогда им не хватит времени включить туннеллер и бежать с деструктором. Я опишу вам место — его легко опознать, это собор.

Когда доктор Мэй отправился готовить экспедицию, Фаустафф принялся изучать информацию, касавшуюся Земли-Ноль. Ее было очень мало. По-видимому, открытие произошло почти случайно. Во время разрушения 3-15, когда возросли трудности при создании туннелей между мирами, техники на 3-1 обнаружили, что их приборами отмечены необычайные показания. Их проверка привела к контакту с 3-0. Взятые пробы показали, что планета еще не стабильна, в этой стадии она — только сфера из элементов в состоянии мутации. Вскоре затем все попытки взять новые пробы были заблокированы, и приходилось довольствоваться лишь смутными показаниями о состоянии новой планеты. Все они действительно знали, что она там, но никто не знал, как она там оказалась и кто несет за это ответственность. Фаустафф, сверх того, хотел получить ответ на вопрос «почему?»

Возможно, это не научный подход, размышлял он, вставая. Никогда прежде у него не было такого сильного ощущения, что он потерял контроль над ситуацией, как теперь. В нынешней ситуации он мало что мог изменить. Поэтому он принял философское решение все бросить, отправиться к себе домой, в один из пригородов Хайфы, и проспать целую ночь — впервые за все последнее время, в надежде, что к утру его посетят какие-нибудь идеи.

Он покинул здание и вышел в жаркий полдень современного

делового города. Поймал такси и назвал свой адрес. Рассеянно слушал, как таксист рассуждает о кризисе, который, похоже, приключился, пока он отсутствовал. Он не мог уловить деталей, да и не особенно пытался, но, кажется, между Востоком и Западом опять завязалась очередная склока, на сей раз из-за какого-то государства в Юго-Восточной Азии и Югославии. После смерти Тито Югославия заигрывала с обоими блоками, и, хотя югославы неизменно противились всем колониальным потугам как Востока, так и Запада, их положение становилось все неустойчивее. Революция, предпринятая в сущности маленькой группкой коммунистических фундаменталистов, послужила для СССР и США предлогом для посылки Сил умиротворения. Из рассказа таксиста следовало, что были уже открытые столкновения между русскими и американцами, что русский и американский послы только что отозваны из соответствующих государств. Фаустафф, привыкший к тому, что такие происшествия периодически случаются, не способен был заинтересоваться ситуацией так же, как таксист. С его точки зрения, тот напрасно беспокоился. Вероятно, все уладится само собой. Так всегда бывает. Фаустаффу предстояло подумать о более важных вещах.

Такси остановилось возле его дома — небольшого бунгало, окруженного садом, полным цветущих апельсинов. Фаустафф расцеловался с таксистом и пошел по бетонной дорожке к передней двери. Пошарил по карманам в поисках ключа, но тот, как обычно, потерялся. Потянувшись к наддверному косяку, нащупал запасной ключ, отпер дверь, вернул ключ на место и вошел. В доме было прохладно, царил порядок. Он редко пользовался большинством комнат. Он прошел к себе в спальню, которая оставалась все в том же виде, в каком он оставил ее несколько недель назад. Всюду — на полу, на неприбранной кровати — валялась одежда. Он подошел к окну и открыл его. Включил в сеть телевизор, стоявший в изножье кровати, и направился напрямиком в ванную, под душ.

Когда он, обнаженный, вернулся в комнату, на постели сидела девушка, скрестив великолепные ноги и сложив на коленях не менее превосходные руки. Это была Мэгги Уайт, с которой Фаустафф столкнулся в тот раз, когда впервые встретил Стеффломеиса в мотеле посреди пустыни на 3-3.

— Привет, профессор, — холодно сказала она. — Вы что, никогда не пользуетесь одеждой?

Фаустафф вспомнил, что, когда впервые встретил ее, он тоже был обнажен. Он усмехнулся, что сразу позволило ему снова почувствовать себя свободнее.

— Так редко, как возможно, — улыбнулся он. — А вы тоже всегда стараетесь заставить меня в таком виде?

Ее улыбка, лишенная веселья, смутила его. Он гадал — может ли любовный акт пробудить в ней хоть какую-то настоящую эмо-

цию. Она действовала на него гораздо сильнее, чем Стеффломеис.

Она не отвечала.

— Ваш друг Стеффломеис на этот счет более скромн, — продолжал он. — Или вы с тех пор действовали с ним сообща?

— С чего вы взяли, что Стеффломеис — мой друг?

— Вы явно путешествовали вместе.

— Это еще не делает нас друзьями.

— Полагаю, нет. — Фаустафф выдержал паузу, а затем спросил: — Какие последние новости касательно симуляций? — Последним термином пользовался Стеффломеис. Он надеялся, что если представится более осведомленным, то спровоцирует ее выдать больше информации.

— Ничего свежего, — сказала она.

И снова Фаустафф удивился, как может женщина, столь богато одаренная внешне, выглядеть абсолютно бесполой.

— Зачем вы здесь? — спросил он, направляясь к платяному шкафу и доставая чистую одежду. Он натянул джинсы и перехватил ремнем свой объемистый живот.

«Перебрал в весе», — подумал он — ремень с трудом сошелся только на первой застежке.

— Визит вежливости, — сказала она.

— Не смешите меня. Я знаю, что сейчас идет процесс формирования новой Земли. Почему?

— Кто может объяснить тайны Вселенной, кроме вас — профессора, ученого?

— Вы?

— Я ничего не знаю о науке.

Из любопытства Фаустафф сел на постель рядом с ней и погладил ее колено. Она снова холодно улыбнулась, полузакрыв глаза, затем улеглась на спину.

Фаустафф лег рядом с ней, поглаживая ее живот. Он заметил, что дыхание ее оставалось ровным, даже когда он стал ласкать ее груди, расстегнув ее серый костюм. Он отодвинулся и встал.

— Может вы — Модель-Два? — спросил он. — Не так давно я препарировал У-легионера. Они — роботы, знаете ли, или андронды — я думаю, этот термин подходит.

Возможно, вспышка ярости в ее глазах ему почудилась. Но они явно на мгновение расширились, потом снова полузакрылись.

— А вы что такое? Андронд?

— Вы можете узнать, если займетесь со мной любовью.

Фаустафф улыбнулся и покачал головой.

— Дорогуша, вы — совершенно не мой тип.

— Я думала, что любая молодая женщина — ваш тип, профессор.

— Я тоже, пока не встретил вас.

Ее лицо оставалось бесстрастным.

— Зачем вы здесь? — спросил он. — Вы пришли не потому, что у вас кровь выиграла, это же ясно.

— Я говорила вам — визит вежливости.

— С приказаниями от ваших хозяев. Догадываюсь, какими.

— Убедить вас, что продолжать игру, в которую вы играете, — глупо. — Она пожала плечами. — Стеффломеис не смог убедить вас. Может быть, я смогу.

— Какую же линию вы выберете?

— Единственно разумную. Логическую. Или вы не в силах понять, что столкнулись с чем-то, недоступным вашему пониманию, что вы всего лишь мелкий раздражитель для тех, кто обладает почти абсолютной властью над параллельными...

— Симуляциями? Что же они симулируют?

— Плохо соображаете, профессор. Они, естественно, симулируют Землю.

— Тогда какую именно Землю они симулируют? Эту?

— Вы думаете, ваша чем-то отличается от остальных? Они все — симуляции. Ваша, до последнего времени, просто была последней из многих. Знаете, сколько всего было симуляций?

— Мне известно шестнадцать.

— Больше тысячи.

— Значит, вы уничтожили уже девятьсот восемьдесят шесть. Полагаю, на всех из них были люди. Вы — убийцы миллионов! — Фаустафф не мог сдержаться, потрясенный этим открытием до глубины души.

— Они задолжали нам свои жизни. И мы вправе их взять.

— Я не могу этого допустить.

— Включите телевизор. Прослушайте новости, — внезапно сказала она.

— Зачем?

— Включите и увидите.

Он подошел к выключателю и повернул его. Ради удобства он выбрал англоязычный канал. Там шло интервью с какими-то людьми. Они выглядели мрачно, голоса их были тусклы от фатализма.

Из слышанного Фаустафф понял, что между Востоком и Западом должна быть объявлена война. Эти люди даже не говорили о возможности иного исхода. Они обсуждали, какие районы могут уцелеть. В результате они так и не смогли определить, подобного места.

Фаустафф обернулся к Мэгги Уайт, которая снова улыбалась...

— Что это? Атомная война? Я не мог допустить такого. Считал, что это невозможно.

— Земля-Один обречена, профессор. Это факт. Пока вы бес-

покоились о других симуляциях, ваша собственная катится к разрушению. И вы не можете проклинать за это кого-то еще, профессор. Кто стал причиной гибели Земли-Один?

— Это, наверное, искусственно спровоцировано. Ваши люди...

— Нет, виной всему ваше общество.

— Но кто же создал само общество?

— Они, полагаю, но неумышленно. Когда такое случается с планетой, это не в их интересах, уверяю вас. Они надеются на опию. И отчаянно стараются создать ее.

— Их методы выглядят примитивно.

— Возможно и так — по их стандартам, но, конечно, не по вашим. Вы никогда не сможете понять всей сложности задачи, которую они ставят перед собой.

— Кто они?

— Люди. Если взглянуть глубже, их идеалы не так уж отличны от ваших. Их планы шире, вот и все. Человеческие существа должны умирать. Эта мысль многих из них огорчает. Им не симпатично...

— Не симпатично? Они походя уничтожают миры. Они допустили, чтоб это случилось... эта война — когда из ваших слов следует, что они могли ее остановить. Я не могу испытывать уважение к расе, которая так дешево ценит жизнь.

— Они — отчаянная раса. И прибегают к отчаянным средствам.

— Они когда-нибудь... размышляли?

— Конечно, много тысяч ваших лет назад, до того, как ситуация ухудшилась. Тогда были дебаты, аргументы, создались фракции. Было потеряно очень много времени.

— Ясно. Но если они так могущественны и хотят убрать меня со своего пути, почему же они не уничтожат меня, как уничтожают целые планеты? Ваши утверждения не стыкуются.

— Не слишком. Устранять отдельных индивидуумов — сложное дело. Этим должны заниматься агенты, вроде меня. Обычно находят целесообразным разрушить всю планету, если слишком много несогласных индивидуумов вмешивается в их планы.

— А вы собрались просвещать меня, рассказывая мне все об этом народе. Если мне предстоит погибнуть в атомной войне, это не дело.

— Я бы не стала рисковать. У вас обширный пай в области чистой удачи. Я бы пострадала, если бы рассказала вам больше, а вы бы сбежали.

— Как они могут наказать вас?

— Прошу прощения. Я достаточно рассказала вам, — она произнесла это скороговоркой, впервые за все время.

— Значит, я умру. Тогда зачем вы явились меня отговаривать, если знали, что это случится?

— Как я уже говорила, вы можете остаться в живых. Вы удачливы. Или вы просто не можете допустить, что вы усложняете ситуацию, впускаясь в дела, которые выше вашего понимания? Не можете допустить, что за всем этим стоит великая цель?

— Я не могу признать смерть необходимым злом, если вы это имеете в виду — или, скажем, преждевременная смерть.

— Это наивное, дешевое морализаторство.

— Так говорил и ваш друг Стеффломеис. Но это не для меня.

Я — человек простой, мисс Уайт.

Она пожала плечами.

— И вы никогда не поймете, не так ли?

— Не знаю, о чем вы говорите.

— О том, о чем говорю.

— Почему же вы, к примеру, не убили меня? — Он отвернулся и стал натягивать рубашку. Телевизор продолжал бубнить, но голоса звучали все глуше и глуше. — У вас была такая возможность. Я не знал, что вы в доме.

— Нам обоим — Стеффломеису и мне — предоставлена значительная свобода по части решения проблем. Меня кое-что удивляет в этих мирах, и вы в особенности. Я никогда прежде не занималась любовью. — Она встала и подошла к нему. — Я слышала, что у вас это хорошо получается.

— Только когда я получаю от этого удовольствие. Странно, что существа, подобные вам, так мало разбираются в человеческой психологии — а я в этом убедился.

— А вы во всех деталях понимаете психологию лягушек?

— Лягушачья психология неизмеримо примитивнее человеческой.

— Но не для созданий, чья психология неизмеримо сложнее человеческой.

— Я слишком устал, мисс Уайт. И должен вернуться в свою штаб-квартиру. Можете вычеркнуть меня из списка раздражителей. Я не надеюсь, что моя организация выживет в надвигающейся войне.

— А я надеюсь, что вы сбежите на какую-нибудь другую симуляцию. Это даст вам некоторую передышку.

Он с удивлением взглянул на нее. Она говорила почти с воодушевлением, почти с участием.

Он произнес более мягким тоном:

— Вы советуете?

— Если вам угодно.

Он нахмурился, глядя ей в глаза. Неожиданно он, сам не зная почему, ощутил к ней симпатию.

— Лучше будет, если вы уйдете сама, — коротко сказал он, поворачиваясь и толкая дверь.

Окрестные улицы были пусты. Для дневного времени это было несвойственно. Рядом остановился автобус. Фаустафф бросился, чтобы успеть вскочить в него. Так он мог доехать почти до самой штаб-квартиры. В автобусе, кроме него и шофера, никого не было.

Он чувствовал одиночество, когда они въезжали в Хайфу.

БЕГСТВО С 3-1

Фаустафф и доктор Мэй наблюдали, как люди с оборудованием спешили сквозь туннель, ведущий на 3-3. У Мэя было безнадежное выражение лица. Бомбы уже начали падать, и последняя сводка, которую они видели, сообщала, что Британия полностью уничтожена, так же, как пол-Европы.

Они выделили себе час на полную эвакуацию всех и вся. Доктор Мэй сверил часы и посмотрел на Фаустаффа.

— Время вышло, профессор.

Фаустафф кивнул и последовал за Мэем в туннель. Его было довольно трудно выбить из колеи — но, увидев, как организация, построенная им и его отцом, рушится, пораженная в самое сердце, он был несчастен и неспособен трезво рассуждать.

Путешествие сквозь серый туннель в знакомый плюшево-пололочный танцзал в «Золотых воротах», где расположилась главная перевалочная станция на 3-3, прошло довольно легко. Когда они прибыли, кругом стояли люди, тихо переговариваясь между собой и глядя на Фаустаффа. Он знал, что обязан их подбодрить. Пересилив себя, он улыбнулся.

— Нам всем необходимо выпить, — это было единственное, до чего он додумался и направился к пыльному бару. Обойдя его, он заглянул внутрь, вытащил бутылки и стаканы и расставил их на стойке. Остальные подошли и стали разбирать стаканы, которые он для них наполнил.

Фаустафф подтянулся и уселся на стойку.

— Мы в чертовски отчаянном положении, — сказал он. — Враги — а я, к сожалению, гораздо лучше представляю их себе, чем вы — по какой-то причине решили развернуть массированную атаку на подпространственные миры. Теперь ясно, что все их предшествующие атаки с участием У-легионеров трудно назвать серьезными. Мы, если хотите, недооценили противника. Честно говоря, мое мнение такое — довольно скоро они успешно уничтожат все подпространственные альтернативы, чего они и добиваются.

— Значит, мы ничего не можем сделать? — устало произнес доктор Мэй.

— Меня посетила только одна мысль, — сказал Фаустафф. — Мы знаем, что враги расценивают миры как нечто, подлежащее унич-

тожению. Но как тогда быть с 3-Ноль? Она только что создана — ими же или кем-то, равным им, из чего я заключаю, что для них не естественно желать уничтожения свежесозданного мира. Наш единственный шанс — проложить большой туннель на 3-Ноль и разместить нашу штаб-квартиру там. А затем мы сможем эвакуировать людей с других планет на 3-Ноль.

— Но что, если Земля-Ноль не сможет вместить так много людей? — спросил один из присутствующих.

— Придется вместить. — Фаустафф допил свой стакан. — Считаю единственным возможным направлением наших действий полную концентрацию на прокладке туннеля на 3-Ноль.

— Не вижу смысла, — доктор Мэй покачал головой, вперившись в пол. — Мы разбиты. Нам рано или поздно предстоит умереть, как и всем остальным. Почему бы нам не сдаться сейчас?

Фаустафф сочувственно кивнул.

— Я понимаю — но мы должны нести ответственность. Мы все приняли ее на себя, когда вступили в организацию.

— Это было до того, как мы узнали истинные размеры того, с чем столкнулись, — резко сказал Мэй.

— Возможно. Но разве в данном случае это основа для фатализма? Если нас собираются уничтожить, мы можем в последний раз постараться использовать наш последний шанс.

— И что потом? — Мэй поднял на него взгляд. Казалось, он был в ярости. — Еще пара дней перед тем, как враг решит уничтожить 3-Ноль? Не рассчитывайте на меня, профессор.

— Прекрасно, — Фаустафф оглядел остальных. — Кто чувствует то же, что доктор Мэй?

Большее-половины людей разделяли точку зрения Мэя. Из оставшихся почти половина колебалась.

— Прекрасно, — повторил Фаустафф. — Возможно, это и к лучшему, что мы сейчас разделимся. Все, кто готов приступить к работе, останутся здесь. Остальные могут уйти. Некоторые из вас уже знакомы с 3-3 и, вероятно, помогут тем, кто здесь впервые.

Когда Мэй и его сторонники ушли, Фаустафф обратился к местному шефу по коммуникациям Джону Махону и велел ему связаться с его коллегами на других подпространственных альтернативах, чтобы они начали работу по упреждению всеобщего разрушения. Агенты класса Эйч — те, кто работал на организацию, не понимая, что она собой представляет, были уволены. Когда Фаустафф коснулся этой темы, Махон прикусил пальцы.

— Только что вспомнил, — сказал он. — Помните, я послал нескольких агентов проследить за Стеффломеисом и Мэгги Уайт? Казалось, это было очень давно. Фаустафф кивнул.

— Полагаю, ничего нового?

— Единственная полученная нами информация — они распола-

гали собственным туннеллером — или, по крайней мере, каким-то иным способом перемещения сквозь подпространственные уровни. Два агента класса Эйч проследовали за ними в Л.-А. до коттеджа, который они использовали в качестве базы на З-З. Они больше не покидали коттеджа, а проверка показала, что их там нет. Агенты сообщили, что обнаружили электронное оборудование, назначение которого им неизвестно.

— Это согласуется с тем, что я сам выяснил,— сказал Фаустафф и поведал Махону о своих встречах с теми двумя.— Если бы мы только могли принудить их дать нам больше информации, то получили бы гораздо больший шанс на разрешение проблем. Махон согласился.

— Может быть, лучше всего нам отправиться в этот их коттедж, если выкроим время. Как вы думаете?

— Не уверен,— возразил Фаустафф.— Реальнее предположить, что они уже успели прибрать свою аппаратуру.

— Верно,— сказал Махон.— Забыл об этом. Сейчас мы не можем разбрасываться на то, чтобы послать кого-нибудь и посмотреть.

Фаустафф поднял металлический ящик. В нем содержалась информация о З-Ноль. Махону он сообщил, что идет к себе на квартиру и будет держать связь оттуда.

Он провел свой «бьюик» по солнечным улицам Сан-Франциско, и наслаждение атмосферой города на сей раз было омрачено его необычайно хмурым настроением.

И только когда он вошел к себе в квартиру и увидел, как аккуратно она прибрана, он вспомнил о Нэнси Хант. Сейчас ее не было. Он гадал, не бросила ли она его и ушла, хотя заметно было, что это лишь временное отсутствие.

Он прошел к своему столу и приступил к работе, поставив перед собой телефон. По мере изучения данных он сообщал посетившие его идеи своей команде в «Золотые ворота».

Нэнси вернулась около полуночи.

— Фасти! Ты выглядишь ужасно. Где ты был? Что-нибудь случилось?

— Кое-что. Можешь сделать мне кофе, Нэнси?

— Конечно.

Рыженькая побежала на кухню и через некоторое время вернулась с кофе и пончиками.

— Хочешь сэндвич, Фасти? Есть датская салями, ливерная колбаса, ржаной хлеб и немного картофельного салата.

— Сделай несколько. Я и забыл, что голоден.

— Значит, для этого есть очень важная причина,— сказала она, поставив поднос на стол рядом с ним, и вернулась на кухню.

Фаустафф размышлял, что возможен путь создания новой мо-

дели искривления подпространства, нечто, о чем они думали в прошлом, но отказались, не найдя адекватных методов. Он позвонил в «Золотые ворота», обсудил это с Махоном и велел ему найти все заметки, сделанные в это время. Он понимал, что, прежде чем что-нибудь получится, понадобится несколько дней хорошенько попотеть, и еще больше времени уйдет на постройку туннеллеров. Но у него хорошая команда, хоть и поредевшая, и если что-то можно сделать, они сделают.

В голове у него все поплыло, и он понял, что должен сделать некоторую передышку в работе и расслабиться. Когда Нэнси вернулась с сэндвичами, он подошел и сел подле нее на кушетку, поцеловал ее и принялся за еду. Затем откинулся назад, уже чувствуя себя лучше.

— Чем ты тут занималась, Нэнси?

— Крутилась на подхвате, поджидая тебя. Сегодня сходила, посмотрела кино.

— Про что?

— Про ковбоев. А ты чем был занят, Фасти? Я беспокоилась.

— Путешествовал. Неотложные дела, знаешь ли.

— Ты мог бы позвонить.

— Оттуда, где я был — нет.

— Ладно, а сейчас давай ляжем в постель и наверстаем потерянное время.

Он почувствовал себя еще несчастнее: — Не могу, — сказал он. — Я должен уйти, продолжать работать. Прости меня, Нэнси.

— Да что с тобой, Фасти? — Она сочувственно погладила его по руке. — Ты по-настоящему расстроен, верно? Это не связано с бизнесом?

— Да, я расстроен. Хочешь услышать историю целиком? — Он понимал, что нуждается в утешении Нэнси. Теперь не будет особого риска, если он расскажет ей всю историю. Он кратко обрисовал ситуацию.

Когда он закончил, она посмотрела на него с недоверием.

— Я доверяю тебе, — сказала она, — но я не могу — не могу всего этого допустить. Итак, мы все должны умереть, верно?

— Разве что я не придумаю, как помешать этому. И даже тогда большинство из нас будет уничтожено.

Затрезвонил телефон. Фаустаф снял трубку. Звонил Махон.

— Привет, Махон. Что у вас там?

— Проверяем новую теорию искривления. Похоже, в ней что-то есть, но я не поэтому звоню. Наверное, лучше сразу сказать вам, что на 3-14 и 3-15 — тотальное разрушение. Вы были правы. Враг пошел в наступление. Что мы можем сделать?

Фаустаф приступил к указаниям.

— Дайте приказ нашим командам эвакуировать всех, кого воз-

можно, с отдаленных миров. Несомненно, враг действует систематически. Остается надеяться, что мы сможем объединиться здесь и на 3-2 и принять бой. Лучше приказать перебросить все адьюторы на 3-2 и 3-3 и развернуть их здесь. Тогда у нас будет шанс. Мы должны драться.

— Еще кое-что,— сказал Махон.— Помните, Мэй организовывал экспедицию на 3-4 до того, как вы покинули 3-1?

— Верно. Они собирались бомбить штаб-квартиру Орелли. Они преуспели?

— Они ее не нашли и вернулись.

— Но они должны были ее найти — ее невозможно пропустить.

— Все, что они нашли — кратер во льду. Выглядел он так, будто целый собор исчез — переместился. Вы говорили, что там был Стеффломеис, и они захватили двоих У-легионеров и деструктор. Легко предположить, что Стеффломеис помогает Орелли. Вероятно, он знает возможности деструктора. Или, может быть, они в чем-то ошиблись и собор каким-то образом был уничтожен. Единственное, что можно с уверенностью утверждать — они исчезли.

— Не думаю, что они сами себя уничтожили,— отвечал Фаустафф.— Считаю, что мы их встретим в ближайшем будущем. И комбинация «Орелли—Стеффломеис» нам многим грозит.

— Я не забуду. И я должен еще подготовить план эвакуации. У вас есть для нас дополнительные указания?

Фаустафф почувствовал себя виноватым. Он потратил слишком много времени на разговор с Нэнси.

— Я дам вам дополнительные указания позже,— сказал он.

— О'кей,— Махон положил трубку.

— Теперь придется продолжать, Нэнси.— Фаустафф пересказал ей услышанное от Махона, уселся за стол и снова принялся за работу, делая заметки и вычисления в лежащем перед ним блокноте. Завтра ему необходимо будет вернуться в центр, чтобы воспользоваться компьютером.

Пока он работал, Нэнси снабжала его кофе и готовила ему перекусить. К восьми часам следующего дня он почувствовал — что-то случилось. Он собрал свои записи, сложил их в папку и уже собрался попрощаться с Нэнси, когда она сказала:

— Что, если я пойду с тобой, Фасти? Мне совсем не хочется болтаться здесь и ждать тебя.

— О'кей,— согласился он.— Идем.

По прибытии в «Золотые ворота» они обнаружили там посетителя. Это был Гордон Огг. Он вышел вперед вместе с Джоном Махоном через беспорядочное скопление техников и техники, заполнявших ныне танцевальный зал.

— Мистер Огг хочет видеть вас, профессор,— сказал Махон.— Думаю, он принес какие-то новости об Орелли.

— Нам лучше пройти наверх, Гордон,— заметил Фаустафф.

Они поднялись по лестнице на второй этаж и вошли в маленькую комнату, где была свалена в кучу старая мебель.

— К делу,— сказал Фаустафф, когда они разместились, где сумели. Нэнси оставалась с ними. Фаустафф не хотел просить ее, чтобы она подождала где-нибудь в другом месте.

— Я должен извиниться, что оставил вас на 3-11,— Огг оглаживал свои длинные усы, глядя еще более уныло, чем обычно.— Но тогда я понятия не имел, к чему идет дело. Вы, вероятно, все знаете — о разрушении 3-14 и 3-13, о войне, опустошающей 3-1?

— Да.— Фаустафф кивнул.

— И вы знаете, что Орелли объединился с ним вместе — с этим типом с комичным именем?..

— Стеффломеис. Я подозревал это. Хотя я еще не понял, какие у них могут быть общие интересы. Ведь вам и Орелли нужно, чтобы в основе все оставалось неизменным.

— Чистильщикам — да. Но у Орелли другие планы. Вот почему я решил увидеться с вами. Он связался со мной нынешним утром, на моей базе на 3-2.

— Выходит, он жив. Так я и думал.

— С ним был тот, другой тип — Стеффломеис. Они просили моей помощи, из чего я заключил, что Стеффломеис работал на другую группу, но совершил предательство. Все это было не совсем вразумительно, и я так и не смог понять, что это за «другая группа». Полагаю, это как-то связано с новым параллельным миром, что сейчас формируется...

— Верно — Земля-Ноль. Они еще что-нибудь о ней рассказали?

— Больше ничего. Стеффломеис сказал что-то насчет того, что она еще «не активирована», не знаю уж, в каком смысле. Во всяком случае, они планируют отправиться туда и создать там собственное правительство — что-то в этом духе. Орелли был осторожен, он мало разговаривал со мной. В основном он напирал на то, что все другие миры обречены на скорую гибель и ничто не в силах остановить происходящее и что мне следует быть в одной упряжке с ним и Стеффломеисом — тогда я ничего не потеряю, а кое-что и выиграю. Я ответил, что мне это неинтересно.

— Почему вы так поступили?

— Назовите это психологическим вывертом. Как вы знаете, профессор, я никогда не испытывал к вам враждебности и всегда стремился в столкновениях с вами или вашими людьми избегать насилия. Я предпочел оставить вас и работать на себя — это тоже можно считать психологическим вывертом. Но сейчас, когда, похо-

же, все рушится, я хотел бы знать, могу ли я чем-нибудь помочь.

Фаустафф был тронут признанием Огга.

— Уверен, что можете. Даже само ваше предложение помогло мне, Гордон. Я полагаю, вам не известно, каким образом Орелли и Стеффломеис собираются проникнуть на З-Ноль?

— Понятия не имею. Помимо прочего они собирались сначала на З-3, думаю, у них здесь какая-то аппаратура. Они, конечно, похвастались, что усовершенствовали туннеллер — Стеффломеис, кажется, соединил его с деструктором, захваченным Орелли. Я так понял, что теперь они могут перемещать через подпространство гораздо большие массы.

— Так вот что произошло с собором. Только где он сейчас?

— Собор?

Фаустафф объяснил. Огг сказал, что он об этом ничего не знал.

— У меня такое чувство, — заметил Фаустафф, — что перемещение собора не имеет реального значения. Это было сделано для того, чтобы продемонстрировать силу нового туннеллера. Но трудно понять, почему Стеффломеис предал своих. Вам лучше узнать следующее... — он повторил все, что знал о Стеффломеисе и Мегги Уайт.

Огг спокойно воспринял эту информацию.

— Чужая раса, манипулирующая человеческими существами откуда-то из-за пределов Земли. Звучит слишком фантастично. Но вы меня убедили.

— Думаю, что я сваял дурака, — сказал Фаустафф. — По вашим словам, они упоминали базу на З-3. Мы знаем о ней. Возможно, наконец предоставляется случай найти хоть что-нибудь. Хотите пойти и посмотреть, Гордон?

— Если вы захотите взять меня с собой.

— Захочу. Идем.

Все трое покинули комнату. Фаустафф запросил воздушный транспорт, но его не было в наличии. Он не решался подождать случайного попутного вертолета и не был уверен, что стоит реквизи́ровать один из тех, что используются для нужд эвакуации. Фаустафф взял свой «бьюик», и они двинулись из Сан-Франциско в сторону Лос-Анджелеса.

Они являли собой странное трио. Фаустафф правил, втиснув свое громоздкое тело на переднее сиденье. Нэнси и Огг разместились на задних. Огг настоял, чтобы захватить с собой автомат, с которым никогда не расставался. Высокий, тощий, он выпрямился во весь рост, сжимая оружие в руках. Он походил на викторианского аристократа на сафари, его взгляд был устремлен вперед, на длинную дорогу, уходящую в глубь Великой Американской пустыни.

ПЕРЕХОД

Они нашли дом, отмеченный для них на карте Махоном перед тем, как они выехали. Он располагался в районе Беверли-Хиллз, в тихом тупике примерно в полусотне ярдов от дороги. Перед фасадом лежала прекрасно ухоженная лужайка, к дому вела усыпанная гравием дорожка. По ней они и подъехали. Фаустафф слишком устал, чтобы соблюдать секретность. Они вышли из машины, и после того, как Фаустафф пару раз двинул по двери всей тяжестью своего тела, она открылась. Они прошли в просторный холл, из которого вела открытая лестница.

— Махон говорил, что оборудование они нашли в задней комнате, — сказал Фаустафф, двинувшись в упомянутом направлении. Он распахнул дверь. За ней стоял Орелли. Он был один, но винтовка его была направлена прямо в голову Фаустаффа. Его тонкие губы кривила улыбка.

— Профессор Фаустафф. А мы было вас потеряли.

— Оставьте свои подлые разговоры, Орелли, — внезапно Фаустафф метнулся в сторону и бросился на экс-кардинала, успевшего нажать на спусковой крючок. Луч прошел выше и прожег стену насквозь. Фаустафф принялся вырывать винтовку у огрызающегося Орелли. Тот явно не ожидал столь неожиданных действий от Фаустаффа, обычно избегавшего любых проявлений насилия.

Огг подошел к нему сзади, пока Нэнси караулила у дверей. Он приставил к спине Орелли дуло автомата и мягко сказал:

— Я убью тебя, Орелли, если ты не проявишь благоразумия.

— Предатель! — крикнул Орелли, выпустив винтовку. Казалось, он удивился и оскорбился тем, что Огг объединился с Фаустаффом против него. — Почему ты на стороне этого дурака?

Огг не снизошел до ответа. Он отсоединил контакты лазерной винтовки от силовых батарей на спине Орелли и швырнул ружье через комнату.

— Где Стеффломеис и прочие ваши люди, Орелли? — спросил Фаустафф. — Не испытывайте нашего терпения — мы хотим знать все и как можно быстрее. Мы готовы убить вас, если вы не скажете.

— Стеффломеис и мои люди на новой планете.

— З-Ноль? Как вам удастся перейти на нее, когда мы не можем?

— У Стеффломеиса гораздо большие возможности, чем у вас. Вы поступили глупо, оскорбив его. Человека с такими знаниями надо всячески обихаживать.

— Гораздо больше, чем его обихаживанием, я был озабочен тем, чтобы помешать ему убить меня, если вы помните.

Орелли повернулся к Оггу.

— А ты, Гордон, пошел против меня, друг-чистильщик. Я разочарован.

— У нас нет ничего общего, Орелли. Отвечай на вопросы профессора.

И вдруг Нэнси вскрикнула, на что-то указывая. Обернувшись, Фаустафф увидел, как воздух перед ним за клубился, а стена начала расплываться. Это формировался туннель, по которому должен был прибыть Стеффломеис.

Фаустафф поднял бесполезную лазерную винтовку и стоял, глядя, как мерцает и принимает очертания туннель. В нем преобладал красноватый цвет, а не тускло-серый, как в туннелях, которыми он привык пользоваться. Оттуда выступил Стеффломеис. Он был безоружен. И он улыбался, абсолютно не обескураженный увиденным.

— Что вы собираетесь делать, профессор? — Туннель за его спиной начал угасать.

— В первую очередь — получить информацию, герр Стеффломеис, — отвечал Фаустафф, чувствуя себя более уверенно, когда стало ясно, что Стеффломеис пришел один. — Вы дадите ее нам здесь, или придется доставить вас в нашу штаб-квартиру?

— Какую именно информацию, профессор Фаустафф?

— В первую очередь мы хотим знать, почему вы можете проникать на 3-Ноль, а мы — нет.

— Лучшая техника, профессор.

— Кто создал эту технику?

— Мои прежние хозяева. Я не смогу рассказать, как ее построить, только — как она работает.

— Хорошо, можете показать нам.

— Если хотите. — Стеффломеис пожал плечами и подошел к машине, несомненно, занимавшей центральное место среди прочего оборудования в комнате. — Нужно просто набрать координаты и повернуть выключатель.

Фаустафф решил, что Стеффломеис, по всей вероятности, не лжет и действительно не знает, по какому принципу работает туннельер. Нужно немедленно вызвать команду и осмотреть его досконально.

— Вы можете посторожить их, Гордон? — спросил он. — Я позвоню к себе в штаб-квартиру и прикажу прислать людей так скоро, как возможно.

Огг кивнул, и Фаустафф вернулся в холл, где заметил телефон. Связался с коммутатором и назвал нужный номер телефонистке. Ему пришлось звонить несколько раз, прежде чем он дождался ответа. Он попросил Махона.

Наконец Махон был на проводе, и Фаустафф поведал ему, что случилось. Махон обещал немедленно выслать команду на коптере.

Фаустафф уже собирался вернуться, когда услышал приближающиеся снаружи шаги. Он подошел к двери и увидел Мэгги Уайт.

— Профессор Фаустафф, — она кивнула, столь же явно не удивляясь его присутствию, как и Стеффломеис. Фаустафф начинал думать, что все его действия были заранее предусмотрены.

— Вы ожидали увидеть меня здесь? — спросил он.

— Нет. Стеффломеис тут?

— Да.

— Где?

— В задней комнате. Вам лучше присоединиться к нему.

Она обошла Фаустаффа, с любопытством взглянула на Нэнси, а затем прошла в комнату.

— Теперь они все у нас в руках, — произнес Фаустафф, чувствуя себя много лучше. — Подождем, пока прибудет команда, и тогда сможем заняться делом. Полагаю, — он повернулся к Стеффломеису, — вы или мисс Уайт не пожелаете рассказать нам всю историю до их прихода?

— Я могу, — сказал Стеффломеис, — в основном из-за того, что сейчас будет лучше, если я уговорю вас связать судьбу с Кардиналом Орелли и мной.

Фаустафф бросил взгляд на Мэгги Уайт.

— Вы разделяете мнение Стеффломеиса? И готовы рассказать мне больше?

Она покачала головой.

— Я бы не стала особенно доверять тому, что он вам рассказывает, профессор.

Стеффломеис взглянул на свои наручные часы.

— Теперь это не имеет значения, — почти весело сказал он. — Похоже, мы уже в пути.

Казалось, весь дом неожиданно подхватило порывом ветра, и Фаустафф мельком подумал — правильно Орелли назвал его дураком. Он обязан был понять — то, что можно сделать с гигантским собором, можно сделать также и с маленьким домиком.

Ощущение движения было кратким, но вид за окном резко изменился. В своей аморфности он производил впечатление незаконченного сценического задника. На нем были деревья и кусты, небо, освещенное солнцем, но ничто не выглядело реальным.

— Вы хотели попасть сюда, профессор, — улыбнулся Стеффломеис, — и вот мы здесь. Думаю, вы называете это «Земля-Ноль».

ОКАМЕНЕВШЕЕ МЕСТО

Мэгги Уайт взъерилась на Стеффломеиса, который в этот момент был явно полон самодовольства.

— Вы соображаете, что делаете? — зашипела она. — Пойти против...

— Меня это не волнует,— пожал плечами Стеффломеис.— Если Фаустафф смог так далеко зайти, значит, смогу и я — или мы, если вам угодно.— Его горящий взгляд обратился к Фаустаффу, еще не совсем оправившемуся от шока, вызванного переходом с 3-3 на 3-Ноль.

— Итак, профессор,— услышал Фаустафф голос Стеффломеиса.— Вы потрясены?

— Мне любопытно,— медленно произнес Фаустафф.

Орелли захихикал и двинулся к Фаустаффу, но был сразу остановлен каким-то нервным тычком автомата Огга. Выражение лица последнего стало решительным, но сам он казался растерянным. То же относилось и к Нэнси.

— Гордон! Брось оружие! — резко сказал Орелли.— Это был дурацкий жест. Сейчас с позиции силы говорим мы, независимо от того, из скольких автоматов вы в нас целитесь. Ты это понял? Обязан понять!

Фаустафф овладел собой.

— А что, если мы прикажем вам вернуть нас на 3-3? Мы можем убить вас, если вы откажетесь.

— Я вовсе не уверен, что вы убьете нас, профессор,— улыбнулся Стеффломеис.— И в любом случае на подготовку перемещения уйдет несколько часов. Нам также нужна техническая помощь. Все наши люди в соборе.— Он указал в окно, где над крышами и деревьями возвышался шпиль. Он выглядел неестественно мощным среди расплывчатого нереального окружения. Отчасти это впечатление достигалось тем, что, как понял Фаустафф, ненастоящим казался весь окружающий пейзаж, исключая шпиль.— А также,— продолжал Стеффломеис,— они поджидают нас и, если мы туда не вернемся, вскоре будут здесь.

— Пока что вы у нас,— напомнил ему Огг.— Мы можем обменять ваши жизни на безопасную транспортировку туда, откуда нас захватили.

— Можете,— согласился Стеффломеис.— Но чего вы этим добьетесь? Разве вы не стремились попасть на 3-Ноль? — Он взглянул на Фаустаффа.— Ведь это правда, профессор?

Фаустафф кивнул.

— Вам следует быть поосторожней, профессор,— вмешался Орелли.— Я серьезно говорю. Лучше вам играть на нашей стороне. Объединимся, а?

— Я предпочитаю быть сам по себе, в особенности, если вы проиграете,— сухо заметил Фаустафф.

— Продолжать борьбу — нереалистично, профессор. Подсчитайте свои потери.— Стеффломеис несколько нервно взглянул в окно.— Потенциальная опасность здесь велика, неактивированная симуляция достаточно хрупка. Несколько неправильных дейст-

вий с вашей стороны сделают, помимо прочего, почти невозможным возвращение на любую другую симуляцию...

— Симуляцию чего? — спросил Фаустафф, все еще пытаясь получить от Стеффломеиса конкретную информацию.

— Оригинала...

— Стеффломеис! — прервала его Мэгги Уайт. — Что вы делаете? Хозяева с легкостью могут решить отозвать вас!

Стеффломеис реагировал холодно.

— А как они нас достанут? — спросил он у нее. — Мы — наиболее хитроумные агенты, которые у них были.

— Они могут отозвать тебя — и ты это знаешь.

— Это нелегко — без всякого сотрудничества со мной. Им никогда не везло с симуляциями. Они делали слишком много попыток и слишком часто терпели провал. С нашим знанием мы можем противостоять им — мы можем стать независимыми, живя своей собственной жизнью. Мы можем оставить этот мир только полуактивированным и править им. И ничто нас не остановит.

Мэгги Уайт кинулась к Оггу и попыталась вырвать у него автомат. Он подался назад. Фаустафф схватил женщину, но та уже вцепилась в оружие обеими руками. Неожиданно оно выстрелило — оно было поставлено на полуавтоматический спуск. Пулевая очередь ушла в окно.

— Осторожно! — взвизгнул Стеффломеис.

Словно пораженная стрельбой, Мэгги Уайт опустила руки. Орелли двинулся к Оггу, но высокий англичанин направил на него оружие, и тот остановился.

Стеффломеис смотрел в окно.

Фаустафф глянул в том же направлении. Там, где пули попали в соседний дом, его стены стали рушиться. Одна треснула и осыпалась, но другие упали целиком и лежали на земле единым куском. Впечатление декорации сохранялось, хотя стены и обнажившийся интерьер дома, ныне рушившегося, были вполне прочными и материальными.

Стеффломеис повернулся к Мэгги.

— Вы обвиняли меня, а стали причиной того, что случилось. Полагаю, вы собираетесь попытаться убить меня.

— Так я и сделаю.

Стеффломеис ткнул пальцем в сторону Фаустаффа.

— Вот кого вы обязаны убить. Один из нас уже давно должен был сделать это.

— Сейчас я в этом не уверена, — сказала она. — Он может быть даже полезен хозяевам. В отличие от вас.

— Не уверен, — улыбнулся Стеффломеис, опустив руку. — Вы понимаете, что могли подтолкнуть своим поступком?

Она кивнула.

— А это вам не выгодно, не так ли, Стеффломеис?

— Это никому не выгодно,— сказал Стеффломеис, прищурившись.— И будет очень неприятно для Фаустаффа и прочих, включая вас, Орелли, вынужден я пояснить.

Орелли улыбался. Это была улыбка злобного самоанализа, словно он заглянул себе в душу и наслаждался злом, которое там обнаружил. Он прислонился к какой-то части оборудования и скрестил руки на груди.

— То, что вы говорите, Стеффломеис, звучит почти заманчиво.

Фаустафф начал терять терпение. Он чувствовал, что обязан предпринять какие-то действия, но не мог ничего придумать.

— Я думаю, нам пора нанести визит в собор,— произнес он импульсивно.— Давайте пойдем.

Стеффломеис явно понял неуверенность Фаустаффа. Он не двинулся, когда Огг указал автоматом на дверь.

— Почему же в соборе будет лучше? — насмешливо поинтересовался он.— Кроме того, что там больше наших людей.

— Верно,— отвечал Фаустафф.— Но мы должны немедленно выходить. У меня свои соображения, Стеффломеис. Двигайтесь, будьте любезны.

Тон его был необычайно твердым, и, отметив это, он был отнюдь не уверен, что доволен. Неужели его компромисс с самим собой настолько глубок, удивился он.

Стеффломеис пожал плечами и пошел, сопровождаемый Оггом, к двери. Орелли уже открывал ее.

Мэгги Уайт и Нэнси последовали за Оггом, а Фаустафф, приглаждавший за Мэгги, последним.

Они прошли в холл, и Орелли широко распахнул входную дверь. Лужайка и гравиевая дорожка очень мало отличались от тех, что они оставили на 3-3. Однако было в них что-то смутное, что-то бесформенное. Фаустафф подумал, что чувство, испытываемое ими, уже знакомо ему и, когда они двинулись по дорожке к улице, он понял — при всей кажущейся реальности, они переживают эффект, сходный с ощущениями необычайно натуралистического сна.

Эффект достигал полноты из-за неподвижности воздуха, абсолютной окружающей тишины. Хотя он мог чувствовать гравий, по которому ступал, при ходьбе... он не производил ни звука.

Даже когда он заговорил, его голос казался таким далеким, что возникало впечатление, что он облетает целую планету, прежде чем коснуться его ушей.

— Эта улица ведет к собору? — спросил он Стеффломеиса, указывая на улицу, начинавшуюся за лужайкой.

Губы Стеффломеиса были сжаты. Глаза, казалось, о чем-то предупреждали, когда он повернулся и кивнул Фаустаффу.

Орелли позволил себе несколько расслабиться. Он уже развязно двигался вдоль улицы и тоже повернул голову.

— Она одна и есть, профессор,— сказал он. Его голос тоже звучал словно издалека, хотя совершенно отчетливо.

Стеффломеис нервно взглянул на своего партнера. Фаустаффу показалось, что в глубине души он гадает, не допустил ли он ошибки, объединившись с Орелли. Фаустафф знал Орелли гораздо дольше, чем Стеффломеис, и был хорошо осведомлен, что экс-кардинал — в лучшем случае предательский и нервозный сообщник, подверженный настроениям, указывающим на сильное подсознательное стремление к смерти, ведущее его и всякого, кто с ним связан, к неоправданной опасности.

Желая, чтобы что-нибудь случилось, что-нибудь, с чем бы он мог наконец бороться, Фаустафф почти приветствовал такое настроение Орелли.

Они вышли на улицу. Там были припаркованы автомобили. Они были новые, и Фаустафф узнал последние модели 3-1 — доказательство того, что те, кто создавал «симуляции», начинали не на пустом месте.

Кругом никого не было. Земля-Ноль казалась необитаемой. Ничего живого. Даже деревья и кусты производили безжизненное впечатление.

Орелли остановился и с криком замахал руками.

— Они здесь, профессор! Они, должно быть, услышали выстрелы. Что вы теперь намерены делать?

Из-за угла показались с десятков бандитов Орелли, держащих лазерные винтовки наизготовку.

— Стоять! — рявкнул Фаустафф. — Орелли и Стеффломеис у нас в руках! — Затем, несколько опомнившись, он глянул на Огга, чувствуя, что тот сейчас более способен проявить инициативу.

Огг ничего не сказал, только широко расставил ноги и слегка повел автоматом. Лицо его приняло неопишимо суровое выражение. Люди Орелли остановились.

— Что вы теперь намерены делать, Фаустафф? — повторил Орелли.

Фаустафф снова глянул на Огга, но тот явно избегал встречаться с ним взглядом. Рядом стоял большой автомобиль на воздушной подушке. Взгляд Фаустаффа остановился на нем.

Стеффломеис тихо сказал:

— Было бы неблагоразумно что-то делать с автомобилем. Пожаруиста, профессор, не пользуйтесь вещами, которые здесь найдете.

— Почему? — спросил Фаустафф тем же тоном.

— Сделав это, вы можете так подтолкнуть последовательность событий, что они будут нарастать как снежный ком до тех пор,

когда уже никто не в силах будет контролировать их. Я говорю правду. Это сложный ритуал — каждая симуляция проходит свой ритуал, прежде чем стать полностью активированной. Стрельба пока не дала никакого результата — но если вы заведете автомобиль, это может быть началом исходного пробуждения...

— Я убью его, если вы подойдете ближе!

Огг обращался к людям Орелли, которые было двинулись с места. Он прицелился в Орелли, явно позабыв о Стеффломеисе. Обычно сдержанный, сейчас Огг казался подверженным стрессу. Он, должно быть, давно уже ненавидел Орелли, размышлял Фаустафф. Или ненавидел то, что представлял собой Орелли. Но всем было совершенно ясно, что Огг стремится убить Орелли.

Только сам Орелли, казалось, ощущал себя совершенно свободно, усмехаясь Оггу. Теперь Огг нахмурился. Он взмок, руки его дрожали.

— Гордон! — отчаянно крикнул Фаустафф, — если ты его убьешь, они начнут стрельбу.

— Знаю, — ответил Огг, и глаза его сузились.

Стоявшая за ними Мэгги Уайт бросилась бежать по дороге, прочь от людей Орелли. Один только Стеффломеис повернул голову и задумчиво проследил за ней взглядом.

Фаустафф решил сесть в машину. Он схватился за дверную ручку, нажал на кнопку, и дверь открылась. Он заметил, что ключи зажигания на месте.

— Приглядывай за ними, Гордон! — сказал он, забираясь на водительское место. — Иди сюда, Нэнси!

Нэнси последовала за ним, усевшись следом.

— Гордон! — позвал он, заводя мотор. Он понимал, что не учитывает возможности того, что машина не работает. Но мотор завелся.

Фаустафф снова окликнул Огга и с облегчением увидел, что тот приближается к машине. Нэнси открыла ему заднюю дверь, и он проскользнул внутрь. Его автомат был направлен по-прежнему на Орелли.

Фаустафф нажал на стартер. Автомобиль поднялся на своей воздушной подушке, и они двинулись по дороге, вначале медленно.

Раздался выстрел из лазерной винтовки. Луч прошел выше цели. Фаустафф переключил скорость, слыша, как Стеффломеис приказывает прекратить огонь.

— Фаустафф! — пронзительно завопил Стеффломеис и, хотя они были уже на значительном расстоянии, они превосходно его слышали. — Фаустафф! Вы и ваши друзья сильно пострадаете от этого!

По пути они миновали Мэгги Уайт, но ради нее не стали останавливаться.

СВАЛКА ВРЕМЕНИ

Когда Фаустафф выехал в нижнюю часть Лос-Анджелеса, он понял, что все отнюдь не столь нормально, как он полагал. Многие районы не были закончены, словно работа над «симуляцией» была остановлена или прервана. Дома были целы, на магазинах — знакомые вывески, но слишком часто он проезжал такое, что разбивало это впечатление.

Например, в дереве, стоящем среди сада, он узнал дерево Байера с редкой, примитивной листвой. Такие деревья произрастали в юрский период, сто восемьдесят миллионов лет назад.

Квартал, в котором, по воспоминаниям Фаустаффа, должен был располагаться большой кинотеатр, теперь представлял собой свободный участок земли. На нем были установлены индейские вигвамы, наподобие тех, что используются индейцами равнин Запада. Общий вид города все же не создавал впечатления, что он строился как музей. Кое-где были деревянные дома в стиле, типичном тремя столетиями ранее, совершенно новый «форд» модели «Т» 1908 г. с мерцающей черной эмалью, латунной арматурой и колесными спицами, выкрашенными в красный цвет. Витрина магазина демонстрировала дамские моды почти двухвековой давности.

Хотя по большей части город являл собой современный Лос-Анджелес 1999 года на 3-1, анахронизмы были многочисленны и легко заметны, составляя резкий контраст со всем окружающим. Это усиливало впечатление Фаустаффа, что все это ему снится. Он начал испытывать чувство безотчетного страха и дальше погнал машину очень быстро по направлению к Голливуду, не имея для этого никаких причин, кроме той, что туда вело шоссе, по которому он следовал.

Нэнси Хант сжала его руку. Сама близкая к истерике, она старалась успокоить его.

— Не беспокойся, Фасти,— сказала она,— мы выберемся отсюда. Я не могу даже поверить, что это реально.

— Это достаточно реально,— ответил он, слегка расслабившись.— Или, по крайней мере, опасно. Мы просто не можем... Я не знаю... бороться с этим местом... Есть что-то абсолютно неуловимое во всем этом — дома, улицы, обстановка... не конкретная вещь, та или иная...— Он обратился к Гордону Оггу, который сидел с мрачным видом, прижимая к себе автомат и прикрыв глаза.— Как ты себя чувствуешь, Гордон?

Огг двинулся на сиденье и глянул прямо на Фаустаффа, который полуобернул к нему голову. И увидел слезы в глазах Огга.

— Неприятно,— ответил Огг с некоторым усилием.— Дело не только в обстановке — дело во мне. Я не могу контролировать свои эмоции — или свой разум. Я чувствую, что этот мир не так уж

сильно нереален, как... — он прервался. — Возможно, это другое качество реальности. Это мы нереальны для нее — нас не должно быть здесь. Даже если у нас было право быть здесь, мы не должны были вести себя так, как вели. Дело, если хотите, в состоянии нашего рассудка. Вот что плохо — состояние нашего рассудка, а не место.

Фаустафф задумчиво кивнул.

— А как ты думаешь, хотел бы ты, чтоб твой рассудок вошел в состояние, которое требуется этому миру?

Отт заколебался, потом сказал:

— Нет, я так не думаю.

— Но я знаю, что ты имеешь в виду, — продолжал Фаустафф. — Со мной начинается то же самое. Нам придется принимать во внимание — этот мир хочет, чтобы мы изменили свою самотождественность. Ты хочешь изменить свою самотождественность?

— Нет.

— Вы имеете в виду личность? — спросила Нэнси. — У меня такое чувство, что в любой момент, стоит мне достаточно расслабиться, и я больше не буду собой. Это почти что смерть. Разновидность смерти. Я чувствую, что нечто во мне может уйти, но это может... обнажиться...

Их попытки выразить и проанализировать свои страхи не помогли. Теперь в автомобиле установилась атмосфера ужаса — они вытащили свои страхи наружу и неспособны были их контролировать.

Автомобиль несся по шоссе, унося свой груз страха. Безликое небо над ними добавляло впечатления, что время и пространство, которые они знали, больше не существуют, что они больше не владеют хотя бы потенциальным влиянием на ситуацию.

Фаустафф снова попытался заговорить, предложить, что, возможно, после всего случившегося им стоит вернуться и сдаться на милость Стеффломеиса, что он хотя бы сможет дать объяснение произошедшему с ними, что они могут согласиться на его предложение объединить силы, до тех пор, пока они не найдут возможности бежать с Земли-Ноль...

Он не мог уразуметь значения слов, произносимых собственным ртом. Двое других, казалось, его не слышат.

Большие руки Фаустаффа, сжимавшие руль, дико тряслись. Он едва противостоял побуждению разбить автомобиль.

Он еще некоторое время вел машину, а затем, с чувством безнадежности, неожиданно притормозил. Он склонился над рулем, лицо искажилось, изо рта вырывалось бормотание, в то время как другая часть его разума искала опоры в здравомыслии, которое должно было помочь ему выстоять против искажающего тождественность влияния З-Ноль. Но хотел ли он выстоять? Этот вопрос

проиизывал его сознание. Наконец, пытаясь ответить, он частично восстановил способность мыслить ясно. Да, он в конце концов это сделал — когда понял, что борется.

Он огляделся. В непосредственной близости домов не было. Несколько их виднелось в отдалении, как перед ним, так и за ним, но здесь шоссе проходило по чахлому лугу. Он выглядел как участок, который выровняли для посадки, а потом бросили. Однако взгляд его притягивала свалка.

С первого взгляда она казалась грудой мусора, огромным холмом разнообразного хлама.

Потом Фаустафф понял, что это не хлам. Все вещи выглядели новыми и целыми.

Повинуясь порыву, он вышел из машины и направился к этой огромной груде. Подойдя ближе, он убедился, что она даже больше, чем он вначале считал. Она возвышалась над ним на сотню футов. Он увидел греческую крылатую Победу из мрамора, в полной сохранности; аркебузу семнадцатого века, поблескивающую полированным дубом, медью и железом; большого китайского воздушного змея, на котором яркими насыщенными красками была нарисована голова дракона. Возле вершины лежал «Фоккер-триплан» образца, используемого в войне 1914—1918 годов, его каркас и обшивка были такими же новыми, как в день, когда он покинул завод. Здесь были вагонные колеса и нечто, смахивающее на египетский корабль, трон, который мог принадлежать византийскому императору, большая викторианская ваза, заполненная тяжелыми искусственными цветами, чучело волка, арбалет шестнадцатого века со стальной крестовиной, электрический генератор конца восемнадцатого века, комплект японских доспехов для лошади, укрепленный на превосходно вырезанной из дерева конской фигуре, барабан из Северной Африки, дышащая жизнью бронзовая статуя сингапурской женщины, скандинавский рунический камень и вавилонский обелиск.

Вся история, казалось, была наобум свалена в кучу. Это была гора сокровищ, как если бы безумный директор музея изыскал способ покончить со своим музеем и вытряхнул его содержимое на землю. Однако артефакты эти не выглядели музейными экспонатами. Все они казались абсолютно новыми.

Фаустафф приблизился к груде и оказался прямо перед ней. У ног его лежал овальный щит из дерева и кожи. Похоже, его можно было отнести к четырнадцатому веку, и был он сработан в Италии. Он был богато украшен золотой и красной росписью, и главным мотивом, проступающим в орнаменте, был мифический лев. Рядом, с другой стороны, лежали превосходные часы, датируемые примерно 1700 годом. Они были из стали и серебряной филигрании и могли оказаться работой Томаса Тампиона, величайшего часово-

го мастера своего времени. Немногие другие ремесленники, отстраненно подумал Фаустафф, могли бы создать подобные часы. Возле часов он увидел череп из голубого хрусталя. Он мог быть сделан только ацтеками в пятнадцатом веке. Фаустафф видел один такой в Британском музее. Хрустальный череп полускрывала гротескная церемониальная маска, выглядевшая словно была привезена из Новой Гвинеи, нарисованные черты ее изображали дьявола.

Фаустафф был ошеломлен богатством и красотой — а также утонченным разнообразием беспорядочно смешанных предметов. Как будто они представляли собой аспект того, за что он сражался с тех пор, как возглавил организацию вслед за своим отцом и согласился попытаться сохранить миры подпространства.

Он нагнулся и поднял тяжелые тампионовские часы, проводя пальцами по серебряному орнаменту. С обратной стороны на красном шнурке висел ключ. Фаустафф открыл стеклянную дверцу перед циферблатом и вставил ключ. Ключ плавно повернулся, Фаустафф стал заводить часы. Колесики внутри начали вращаться с мелодичным «тик-так». Фаустафф поставил стрелки на двенадцать часов и, осторожно держа часы, поставил их на землю. Хотя чувство нереальности всего окружающего оставалось сильным, этот поступок помог ему. Он уселся на корточках перед часами и постарался задуматься, повернувшись спиной к великой насыпи антиквариата.

Все свое внимание он сконцентрировал на часах, пытаясь при этом собрать воедино все, что знает о Земле-Ноль.

Совершенно ясно, что 3-Ноль — просто позднейшая из «симуляций», созданных кем-то, кому служили Стеффломеис, Мэгги Уайт и У-легионеры. Почти так же очевидно, что эта симуляция не отличается от тысячи других, прошедших ту же стадию. В таком случае его собственный мир должен быть сотворен таким же образом, его история начинается с той точки, где история 3-2 прекратила свое развитие. Это значит, что 3-1 была создана в начале шестидесятых, незадолго перед его собственным рождением, но, конечно, не до рождения его отца, а отец его открыл альтернативные миры в 1971 году. Неприятно было сознавать то, что его отец, многие люди, которых он когда-то знал и которых он знал и поныне, должны были быть «активированы» в мире, что первоначально был подобен 3-1.

Были ли обитатели его собственного мира перевезены с одной подпространственной планеты на другую? Если так, то как же они сумели воспринять новую среду обитания? Нет объяснения, как и в случаях, когда он гадал, почему обитатели других миров, помимо 3-1, без всяких вопросов воспринимали изменения в своем обществе и в своей географии, возникающие в результате серий Ситуаций Нестабильной Материи? Он часто удивлялся этому. Однажды он определил их как «живущих в постоянном сне и постоянном «сейчас»».

Различие Земли-Ноль было в том, что он чувствовал себя достаточно реальным, но вся планета, казалось, была спящим миром, также застывшем в статичном времени. При всех причудливых изменениях, происходивших на других подпространственных мирах, он никогда не испытывал от них такого впечатления — только от их обитателей.

Несомненно, приспособляемость, имевшая место на столь разительно изменяемых мирах, могла быть более или, напротив, менее, применена на 3-Ноль.

Он не мог додуматься, кто создал альтернативные Земли. Он мог только надеяться, что придет время, когда он будет в состоянии раз и навсегда получить ответы на все, пусть даже от Мэгги Уайт или Стеффломеиса. Фаустафф не мог даже предположить, зачем миры создаются, а затем разрушаются. Область науки, для которой необходима такая задача, была бы для него слишком изощренной, чтобы немедленно понять ее, даже если он никогда не изучал ее принципов.

Творцы подпространственных миров, похоже, не могли непосредственно вмешиваться в их дела. Вот почему они создали андроидов-У-легионеров, несомненно, для уничтожения собственной работы. Стеффломеис и Мэгги Уайт были сравнительно новым явлением. Они, очевидно, были либо людьми, либо роботами более совершенного типа, чем У-легионеры, и их работа не была прямо связана с уничтожением подпространственных миров, но с устранением случайных факторов вроде него самого.

Следовательно, эти творцы, кем бы они ни были, не способны полностью контролировать свои творения. Обитатели миров должны быть в значительной степени наделены свободной волей, иначе бы он и его отец никогда бы не смогли создать организацию, используемую для защиты и сохранения других альтернатив. Короче, творцы не были всемогущи в полном смысле этого слова — они не были даже всезнающими, иначе бы они действовали быстрее, чем поступили, посылая Стеффломеиса и Мэгги Уайт убрать его. По крайней мере, это придавало храбрости. Отсюда было также ясно, что Стеффломеис верил, что их можно послушаться, из-за чего он явно их предал и готов был восстать против них. На руку это было Фаустаффу или нет, он не мог сказать, ибо только Стеффломеис или Мэгги Уайт точно знали, против кого он восстает. Мэгги Уайт сохраняла верность. Возможно, она могла каким-то путем связаться со своими «хозяевами» и уже известила их о предательстве Стеффломеиса. Стеффломеиса, похоже, такая вероятность не беспокоила. Могли ли «хозяева» полагаться только на Стеффломеиса и Мэгги Уайт? Почему, в таком случае, они столь могущественны и в то же время столь бессильны? Еще один вопрос, на который он пока не мог дать ответа.

Фаустафф вспомнил, что он допускал возможность временно использовать Стеффломеиса в своих целях. Теперь он отверг эту мысль. Стеффломеис и Орелли оба доказали свою неверность: Стеффломеис — своим работодателям, Орелли — ему самому. Но Мэгги Уайт казалась лояльной к своим хозяевам, и однажды она сказала, что их и Фаустаффа идеалы в перспективе не столь уж различны.

Следовательно, нужно найти Мэгги Уайт. Если он собирается искать чьей-либо помощи, а это самоочевидно, остается она одна. Конечно, оставалась сильная вероятность, что она уже покинула Землю-Ноль или захвачена Стеффломеисом. Все, на что он мог теперь надеяться, думал он, — шанс связаться с творцами. Тогда, наконец, он точно узнает, против чего борется. Возможно, Мэгги Уайт можно будет уговорить. Не сказала ли она Стеффломеису, что он, Фаустафф, будет ближе ее хозяевам, чем сам Стеффломеис? Фаустафф не в состоянии был помешать им, но он продолжал надеяться, что найдет способ убедить их в безнравственности их действий.

Он понятия не имел, куда направлялась Мэгги. Единственное, что он мог предпринять — повернуть в обратном направлении и посмотреть, сумеет ли он ее отыскать.

Все это время он смотрел на часы, но только сейчас заметил положение стрелок — прошел ровно час. Он встал и прихватил с собой часы.

Оглядываясь, он по-прежнему ощущал, как на него наваливается нереальность всего происходящего, но чувствовал себя менее смущенным этим.

Он двинулся обратно к машине. И, только подойдя к ней и забравшись внутрь, он осознал, что Нэнси Хант и Гордона Огга там больше нет. Он посмотрел во всех направлениях, надеясь их увидеть, но они исчезли. Неужели они захвачены Стеффломеисом и Орелли? Или их нашла Мэгги Уайт и принудила уйти вместе с ней? Или они просто сбежали, полностью деморализованные страхом?

Теперь появилась дополнительная причина как можно скорее разыскать Мэгги Уайт.

РАСПЯТИЕ В СОБОРЕ

Когда он ехал по шоссе назад, глядя на виднеющийся впереди шпиль собора, выступающий над крышами домов, Фаустафф хотел бы, чтоб при нем было бы одно из тех ружей, что он видел на свалке. Он бы чувствовал себя лучше, располагая хоть каким-нибудь оружием.

Неожиданно он затормозил, увидев несколько фигур, приближающихся к нему по середине дороги. Они вели себя странно и, казалось, не замечали автомобиля.

Когда он приблизился, то узнал в них людей Орелли, но по-иному одетых. Это были необычные, театральные одежды того рода, что традиционно видишь на карнавалах. Одни были одеты римскими солдатами, другие — священниками, остальные были в женских платьях. Они двигались по шоссе, представляя собой преувеличенно торжественную процессию, охваченные необъяснимым восторгом.

Фаустафф не испытывал перед ними страха и включил автомобильный гудок. Они, казалось, не услышали. Очень медленно он повел среди них машину, вглядываясь в них, по возможности близко. Было что-то знакомое в этих костюмах, какую-то струну они в нем задевали, но он не стал вычислять, какую именно, и не считал, что у него есть на это время.

Он миновал их, а потом дом, в котором его транспортировали на Землю-Ноль. Дом выглядел значительно более реальным по контрасту с соседними. Он свернул за угол и увидел впереди собор. Тот стоял на собственном участке земли, обнесенном каменной стеной. Стены размыкали два массивных привратных столба, окованные железом ворота были открыты. Фаустафф проехал через них. Он чувствовал, что предосторожности здесь бесполезны.

Он остановил машину у восточного фасада собора, где располагался главный вход с высокими башнями с обеих сторон. Как и большинство соборов, этот, похоже, строился и перестраивался на протяжении нескольких веков, хотя в основном преобладал готический стиль с его непременными арками, окнами витражей и тяжелыми дверями с металлическим литьем.

Фаустафф поднялся на несколько ступенек и оказался перед дверями. Они были не заперты и, когда он толкнул их, немного приоткрылись, ровно настолько, чтоб можно было пройти. Он вошел в неф, и высокий свод воздвигся над ним. Скамей здесь не было, так же, как и в прошлый его приход. Но алтарь здесь теперь был и на нем горели свечи. Он был покрыт богато украшенным покровом. Фаустафф этого почти не заметил, поскольку его внимание привлекло распятие в натуральную величину, и не только в натуральную величину, но и натурально жизнеподобное. Фаустафф медленно подошел ближе, отказываясь верить в то, что — он уже знал это — было правдой.

Крест был из простого дерева, хотя и хорошо обработанного. Распятый человек был живым. Это был Орелли, обнаженный, с кровоточащими ранами на руках и ногах, грудь его медленно вздымалась и опадала, голова свесилась на грудь.

Теперь Фаустафф понял, кого изображали люди Орелли —

народ на Голгофе. Несомненно, именно они его и распяли. С возгласом ужаса Фаустафф бросился вперед и взобрался на алтарь, ища, как бы ему снять Орелли. От экс-кардинала несло потом, тело было изранено. На голове его был терновый венец.

Почему люди Орелли так с ним поступили? Это было, конечно же, не сознательное извращение христианства, не намеренное богохульство. Фаустафф сомневался, что бандитов Орелли религия волнует настолько, чтобы поступать подобным образом.

Ему нужно было чем-то выдернуть гвозди.

Затем Орелли поднял голову и открыл глаза. Фаустафф был потрясен спокойствием, которое увидел в этих глазах. Казалось, лицо Орелли превратилось не в пародию на Христа, но в его живое воплощение.

Орелли ласково улыбнулся Фаустаффу.

— Могу я помочь тебе, сын мой? — спросил он спокойно.

— Орелли? — Фаустафф не способен был произнести что-нибудь еще в этот момент. После паузы он наконец спросил:

— Как это случилось?

— Такова моя судьба, — отвечал Орелли. — Я это знал, и они поняли, что обязаны сделать. Ты видишь — я должен умереть.

— Это безумие! — Фаустафф попытался вырвать один из гвоздей. — Ты — не Христос! Что происходит?

— То, что должно, — сказал Орелли тем же самым тоном. — Ступай, сын мой. Не спрашивай об этом. Оставь меня.

— Но ты, Орелли — лжец, убийца, предатель! Ты... ты не заслуживаешь этого! Ты не имеешь права... — Фаустафф был атеистом, и христианство было для него одной из многих религий, уже переставших служить своим целям, но что-то в разыгрывающемся перед ним спектакле выводило его из равновесия. — Христос в Библии был идеей, а не человеком! — выкрикнул он. — Ты все вывернул наизнанку!

— Все мы идеи, — ответил Орелли, — свои ли собственные, или чьи-либо еще. Я — идея в их сознании, я — та же самая идея в своем собственном. То, что случилось — это истинно, это реально, это необходимо! Не пытайся помочь мне. Я не нуждаюсь ни в чьей помощи.

Хотя слова его звучали сдержанно, у Фаустаффа создалось впечатление, что Орелли также говорит со сверхъестественной ясностью. Это помогло ему кое-что понять в том, что пугало его на 3-Ноль. Этот мир не только грозил разрушением личности, он выворачивал человека наизнанку. Внешняя сущность Орелли ушла куда-то вглубь (если не была утрачена вовсе), а здесь выдало себя его внутреннее «я» — не Дьявол, которым он старался быть, но Христос, которым он хотел быть.

Фаустафф медленно опустился с алтаря, в то время как вслед

ему улыбался Орелли. Это была не идиотская улыбка, не безумная — это была улыбка преосуществления. Ее разумность и спокойствие ужасали Фаустаффа. Он повернулся к ней спиной и с усилием побрел к двери.

Когда он приблизился к ней, какая-то фигура выступила из тени под арками и коснулась его руки.

— Орелли не только умирает за вас, профессор, — улыбаясь, сказал Стеффломеис. — Он умирает из-за вас. Вы начали активацию. Поздравляю вас с подобной силой воли. А я было ожидал, что теперь вы покоритесь. Все остальные это уже сделали.

— Покориться — чему, Стеффломеис?

— Ритуалу. Ритуалу активации. Каждая новая планета должна ее пройти. При нормальных обстоятельствах все население свежеспеченной симуляции перед пробуждением должно сыграть свои мифические роли. «Работа перед сном, и сон пред пробуждением», — как когда-то сказал один ваш писатель. Вы, люди, знаете ли, время от времени высказываете разумное понимание своего положения. Идемте, — Стеффломеис вывел Фаустаффа из собора. — Я могу показать вам много больше. Зрелище принимает серьезный оборот. Не могу гарантировать, что вы его переживете.

Теперь в небе сияло солнце, отбрасывая яркий свет и тяжелые тени в мир, по-прежнему неживой. Солнце казалось разбухшим и отливало красным; Фаустафф заморгал и полез в карман за солнцезащитными очками, потом надел их.

— Это правильно, — усмехнулся Стеффломеис. — Облачайтесь в доспехи и изготовьтесь к интересной битве.

— Куда мы идем? — неуверенно спросил Фаустафф.

— В мир. Вы увидите его обнаженным. Каждый человек сегодня играет свою роль. Вы ведь победили меня, Фаустафф, хоть вы, возможно, и не поняли этого. Своими невежественными действиями вы привели З-Ноль в движение, и мне остается только надеяться, что З-Ноль, в свою очередь, победит вас, хотя я не уверен.

— Почему вы не уверены? — спросил Фаустафф, только отчасти заинтересованный.

— Есть уровни, к которым даже я не подготовлен, — ответил Стеффломеис. — Возможно, вы не найдете на З-Ноль своей роли. Возможно, вы устояли и сохранили свою личность, потому что уже живете свою роль. Не случилось ли так, что все мы недооценили вас?

ДЕЙСТВА НА ЗЕМЛЕ-НОЛЬ

Фаустафф не мог понять всего, что подразумевало утверждение Стеффломеиса, но позволил ему вывести себя с участка, занятого собором, в расположенный позади лесопарк.

— Знаете, сейчас мало что осталось от Земли-1, — небрежно бросил Стеффломеис, пока они шли. — Война была очень короткой. Думаю, в конечном счете, лишь несколько выживших пока держатся на этом свете.

Фаустафф догадался, что Стеффломеис намеренно выбрал этот момент, возможно, надеясь деморализовать его. Он сдержал нахлынувшие на него чувства потери и отчаяния и постарался отвечать как бы небрежно.

— Полагаю, именно этого и следовало ожидать.

Стеффломеис улыбнулся: — Возможно, вам приятно будет узнать, что многие люди в других симуляциях были перевезены на Землю-Ноль. Конечно, это не акт милосердия со стороны хозяев. Просто селекция наиболее пригодных для заселения Земли.

Фаустафф молчал. Впереди он различал несколько фигур. Хмурясь, он вглядывался в них сквозь деревья. Большинство из них были обнажены. Как и люди Орелли, они двигались на ритуальный кукольный манер, лица их были пусты. Здесь было примерно одинаковое количество мужчин и женщин.

Стеффломеис взмахнул рукой: — Они нас не видят — мы невидимы для них, пока они в этом состоянии.

Фаустаффу стало интересно.

— Что они делают?

— Определяют свои позиции в мире. Если хотите, подойдем поближе.

Стеффломеис подвел Фаустаффа к группе.

Фаустафф почувствовал, что наблюдает древнюю и примитивную церемонию. Люди, казалось, имитировали различных животных. Один человек укрепил на голове ветви, явно изображая самца оленя — сочетание человека, животного и растения, много значащее для Фаустаффа, хоть он и не знал почему. Одна женщина нагнулась и подобрала шкуру львицы, обмотав ее вокруг голого тела. Посередине пространства, занятого людьми, лежала целая гора звериных шкур. Некоторые уже натянули шкуры и маски. Здесь были воплощения медведей, сов, зайцев, волков, змей, орлов, летучих мышей, лис, барсуков и многих других животных. На другой стороне прогалины пылал костер.

В центре стояла женщина, на плечах ее была собачья шкура, лицо скрывала маска с нарисованной злобной собачьей мордой. Ее длинные черные волосы выбивались из-под маски и падали ей на спину. Танец вокруг нее стал преувеличенно церемонным, но гораздо быстрее, чем первоначально.

Фаустафф смотрел, и нервы его напрягались. Хоровод все больше сужался вокруг женщины-собаки. Она стояла равнодушно до того мгновения, пока группа неожиданно не остановилась, повернувшись к ней. Тогда она начала сгибаться, с долгим собачьим

воем, запрокинув назад голову и вытянув перед собой руки с растопыренными пальцами.

Толпа с ревом ринулась на нее.

Фаустафф бросился вперед, надеясь помочь девушке. Стеффломеис поймал его за руку.

— Слишком поздно,— сказал он.— Это никогда не тянется долго.

Толпа уже откатывалась назад. Фаустафф разглядел лежащий на земле изувеченный труп девушки, завернутый в собачью шкуру.

Увенчанный рогами человек с окровавленным ртом подбежал к костру и выхватил из него головню. Другие принесли уже заготовленные дрова и обложили ими труп. Дрова подожгли, и огонь разгорелся.

Улюлюкающая песня без слов полилась из уст собравшихся, и начался новый танец — на сей раз он, похоже, символизировал своего рода экзальтацию.

Фаустафф отвернулся.

— Но это не что иное, как магия — примитивное суеверие! Каким извращенным сознанием должны обладать ваши хозяева, если они могут творить научные чудеса — и допускают такое!

— Допускают? Они это поощряют. Это необходимо каждой симуляции.

— Как может ритуальное жертвоприношение быть необходимым современному обществу?

— И вы спрашиваете об этом после того, как ваша симуляция только что сама уничтожила себя? Здесь, знаете ли, мало разницы — только в степени и сложности. Эта женщина умерла быстро. Она могла бы умереть гораздо медленней от лучевой болезни на 3-1, если она родом оттуда.

— Но какой цели служит подобное действие?

Стеффломеис пожал плечами.

— Ах, практичный Фаустафф. Вы думаете, здесь есть цель?

— Я обязан так думать, Стеффломеис.

— Предполагается, что ритуал подобного рода служит определенной цели. Даже в вашей терминологии должно быть ясно, что примитивные люди выражают в ритуале свои страхи и желания. Трусливая собака, злонравная женщина — обе уничтожаются в действе, свидетелем коему вы стали.

— Хотя в действительности они продолжают существовать. Таким ритуалом ничего не достигнешь.

— Только временного чувства безопасности. Вы правы. Вы — рационалист, Фаустафф. Я по-прежнему не в состоянии понять, почему бы вам не объединить свои силы с моими — ведь я тоже рационалист. Вы цепляетесь за примитивные инстинкты, наивные идеалы. Вы не даете вашему же разуму воцариться над вами. Вот

почему вы потрясены только что увиденным. Никто из нас не в силах изменить этих людей, но мы можем использовать их слабости и, в конечном счете, выгадаем сами.

Фаустафф не собирався отвечать, но доводы Стеффломеиса оставались для него совершенно не убедительными. Он медленно покачал головой.

Стеффломеис сделал нетерпеливое движение.

— Упорствуешь? А я надеялся, что после разгрома вы объединитесь со мной! — Он рассмеялся.

Они вышли из парка и двинулись вдоль улицы. На лужайках, на тротуарах, в садах и на свободных местах разворачивались ритуальные действия Земли-Ноль. Стеффломеиса и Фаустаффа не замечали и не трогали. Это больше, чем возврат к дикости, размышлял Фаустафф, пока они брели между сценами темного карнавала, это полное усвоение индивидуальностями психологически-мифических архетипов. Как верно сказал Стеффломеис, у всех мужчин и женщин своя роль. Роли эти укладывались в несколько различных категорий. Более выдающиеся особи доминировали над остальными. Он видел мужчин и женщин в плащах с капюшонами, с закрытыми лицами, ведущих за собой десятки обнаженных аколитов, неся цепи или ветки деревьев, он видел, как мужчина совокуплялся с женщиной, одетой обезьяной, и как другая женщина руководила оргией, казалось, сама не принимая в ней участия. Повсюду были сцены кровопролития и зверства. Они напоминали Фаустаффу римские игры, Темные Века, нацизм. Но были здесь и другие ритуалы, казалось, несовместимые с остальными — более мирные, менее яростные ритуалы, сильно напоминавшие Фаустаффу те редкие церковные службы, что он посещал в детстве.

Какая-то позиция начала высветляться в его смятенном сознании, некое понимание, почему он отказывался согласиться со Стеффломеисом вопреки всему, что узнал с их первой встречи. Если он наблюдал магические церемонии, тогда они делились на два противоположных типа. Он мало знал об антропологии или суевериях, не доверял Юнгу * и находил мистицизм скучным, и, хотя слышал о черной и белой магии, не понимал различий, приписываемых им людьми. Возможно то, что ужасало его, было разновидностью черной. Тогда другие сцены, отмеченные им, были проявлением белой магии?

Его отпугивала сама идея о мышлении в терминах магии или суеверия. Он был ученым, и для него магия означала невежество и побуждала к невежеству. Это означало — бессмысленное убийство, фатализм, самоубийство, истерия. Неожиданно у него мельк-

* Юнг Карл Густав (1875—1961) — психолог и философ, ученик Фрейда, создавший «теорию архетипов», обыгрываемую в романе.

нула мысль, что это означало также водородную бомбу и Мировую войну. Короче, это означало отклонение человеческого фактора в одну сторону — полного принятия животного. Но чем была белая магия? Возможно, тоже невежеством. Черная разновидность вдохновляла звериное начало человеческой натуры, поэтому, вероятно, белая разновидность вдохновляла — что? — «божественное» начало? Волю к злу и волю к добру. На уровне идей в этом нет ничего дурного. Но человек не зверь и не божество, он — Человек. Интеллект — вот что выделяет его из прочих видов животных. Магия, насколько знал Фаустафф, отвергает разум. Религия, конечно, признает, но плохо вдохновляет. Только наука и признает, и вдохновляет его. Неожиданно Фаустафф увидел социальную и психологическую эволюцию человечества в чистом и ярком свете. Только наука принимала человека таким, каким он был, и открывала возможность применения всех его способностей.

И, однако, планета, на которой он находился, была творением великолепного развития науки — и в то же время здесь допускались странные магические ритуалы. В первый раз Фаустафф почувствовал, что творцы симуляции в чем-то допустили ошибку — ошибку по их собственным понятиям.

И как громом поразила его возможность того, что они даже не понимают, что делают.

Он повернулся, чтоб обсудить это со Стеффломеисом, который, как он полагал, следует за ним. Но Стеффломеис исчез.

ЧЕРНЫЙ РИТУАЛ

Фаустафф заметил Стеффломеиса перед тем, как тот успел свернуть за угол. Он бросился за ним, расталкивая не замечавших его участников ритуалов.

Когда Фаустафф снова увидел Стеффломеиса, тот садился в машину. Фаустафф окликнул его, но Стеффломеис не ответил. Он завел машину и быстро сорвался с места.

Поблизости был припаркован другой автомобиль. Фаустафф забрался в него и рванул в погоню.

Ему неоднократно приходилось отклоняться с пути, чтобы объехать скопления людей, которые, как и прочие, совершенно его не замечали, но он без особых трудностей смог держаться вслед Стеффломеису.

Тот ехал по дороге на Лонг Бич. Вскоре впереди стало различимо море. Стеффломеис следовал вдоль берега, и Фаустафф заметил, что даже морское побережье не свободно от ритуалов. Впереди показался большой старинный дом в стиле асиенды, и Фаустафф увидел, что Стеффломеис сворачивает в его сторону.

Фаустафф не был уверен, понимает ли Стеффломеис, что за ним следят. На всякий случай он остановил свой собственный автомобиль на некотором расстоянии от дома. Вылез и направился к дому.

К тому времени, когда Фаустафф с осторожностью добрался до стоянки, он обнаружил, что автомобиль пуст. Стеффломеис явно был уже в доме.

Парадная дверь была заперта. Фаустафф пошел вокруг дома, пока не оказался возле окна. Взглянул в окно. Оно принадлежало большой комнате, похоже, занимавшей весь нижний этаж.

Стеффломеис был там, так же, как и множество других. Увидел Фаустафф и Мэгги Уайт. Она мрачно смотрела на Стеффломеиса, на лице которого была знакомая издевательская усмешка. Мэгги была одета в свободную черную мантию. Капюшон был откинут ей на плечи. Кроме нее только на Стеффломеисе было что-то вроде священнического облачения.

На всех остальных были черные капюшоны — и больше ничего. Женщины стояли на коленях в центре, обратив склоненные головы к Мэгги Уайт. Мужчины выстроились вдоль стен. Некоторые держали большие черные свечи. Один сжимал огромный средневековый меч.

Сама Мэгги Уайт сидела в кресле, похожем на трон, в конце комнаты. Она что-то говорила Стеффломеису, который отмахнулся от нее и вышел из комнаты, чтобы через мгновение возвратиться в такой же мантии, как у нее.

Мэгги Уайт этого явно не одобряла, но, казалось, не в силах была остановить Стеффломеиса.

Фаустафф гадал, почему она оказалась вовлеченной в ритуал. Ведь очевидно, даже для него, что это ритуал черной магии, а Мэгги представляет в нем Королеву Тьмы или что-то в этом роде. Стеффломеис теперь сидел в другом конце комнаты и управлял свою мантию, улыбаясь Мэгги и говоря ей что-то, от чего она хмурилась еще сильнее.

Из того, что он знал о подобных вещах, Фаустафф предположил, что Стеффломеис изображает Князя Тьмы. Он припоминал, что женщина обычно имеет помощника-мужчину.

Двое мужчин вышли и вернулись с очень красивой юной девушкой. Ей было, несомненно, не больше двадцати, а скорее — много меньше. Она казалась совершенно ошеломленной, но не до состояния транса, как остальные. У Фаустаффа создалось впечатление, что она не находится под влиянием того психологического сдвига, что поразил остальных. Ее белокурые волосы растрепались, тело выглядело, словно натертое маслом.

Коленопреклоненные женщины поднялись, когда она вошла, и отступили к стенам, встав в один ряд с мужчинами.

С явным нежеланием Мэгги Уайт сделала знак Стеффломеису, который встал и развязной походкой направился к девушке, пародируя ритуальные движения собравшихся. Двое мужчин с силой пригнули девушку к полу, так что теперь она лежала на спине перед Стеффломеисом, который насмешливо смотрел на нее сверху вниз. Он полуобернулся к Мэгги и что-то сказал. Губы женщины стиснулись, в глазах была ярость. Фаустаффу показалось, что Мэгги, должно быть, готовится к чему-то, что ей не нравится, но делает это сознательно. Стеффломеис, с другой стороны, был доволен собой, явно наслаждаясь своей властью над остальными.

Он опустился на колени перед девушкой и начал ласкать ее тело. Фаустафф видел, как голова девушки неожиданно дернулась, и глаза блеснули, разрывая забытье. Он видел, что она пытается бороться. Двое мужчин выступили вперед и схватили ее.

Фаустафф огляделся и увидел большой плоский камень, служивший декоративным украшением сада. Он поднял его и швырнул в окно.

Он ожидал, что его поступок испугает собравшихся, но, заглянув в окно, увидел, что заметили его только Мэгги Уайт и Стеффломеис.

— Оставь ее, Стеффломеис, — сказал Фаустафф.

— Кто-то должен сделать это, профессор, — спокойно ответил Стеффломеис. — Кроме того, мы лучше всего подходим для этой работы — мисс Уайт и я. Мы действуем не под влиянием какого-либо инстинкта. В нас нет вожеления — не так ли, мисс Уайт?

Мэгги Уайт просто кивнула, не разжимая губ.

— В нас вообще нет никаких инстинктов, профессор, — продолжал Стеффломеис. — Это, думаю, является для мисс Уайт источником сожаления — но не для меня. В конце концов, вы сами — образчик того, как некоторые инстинкты могут вредить человеку.

— Я видел вас злым и испуганным, — возразил ему Фаустафф.

— Конечно, я могу переживать злость или страх, но это ведь ментальное состояние, не эмоциональное — или для вас нет различия в ваших же терминах, профессор?

— Почему вы принимаете участие в таких вещах? — Фаустафф проигнорировал вопрос Стеффломеиса и обращался к обоим.

— В моем случае — ради развлечения, — сказал Стеффломеис. — Я также способен испытывать чувственное удовольствие, хотя и не трачу времени на его поиски, как вам может показаться.

— В этом, возможно, есть нечто большее, — тихо заметила Мэгги Уайт. — Я уже говорила вам — может быть, они могут испытывать сильные наслаждения.

— Я свободен от вашей навязчивой идеи, мисс Уайт, — улыбнулся Стеффломеис. — Но я уверен, что вы ошибаетесь. Все, что

бы они ни делали — мелкомасштабно. — Он глянул на Фаустаффа. — Видите ли, профессор, мисс Уайт чувствует, что участие в этих ритуалах каким-то образом приобщает ее к таинственному экстазу. Она думает, что вы обладаете чем-то, чего мы лишены.

— Возможно, это и так, — сказал Фаустафф.

— Возможно, этого и не стоит иметь, — предположил Стеффломеис.

— Я не уверен, — Фаустафф взглянул на окружающих людей. Двое мужчин продолжали держать девушку, хотя сейчас она, казалось, впала в такое же состояние, как и они. — Но это должно быть не так.

— Конечно, нет, — тон Стеффломеиса был сардоническим. — Может быть и несколько по-иному. Думаю, ваши друзья, Нэнси Хант и Гордон Огг, вовлечены в кое-что, для вас предпочтительное.

— С ними все в порядке?

— Для них все превосходно. Они не получают никакого физического вреда, — усмехнулся Стеффломеис.

— Где они?

— Должны быть где-то поблизости.

— В Голливуде, — сказала Мэгги Уайт. — На территории одной кинокомпании.

— Которой?

— «Саймон-Дайн-Кинг», полагаю. Это почти в часе езды. Фаустафф оттолкнул мужчин прочь и поднял девушку.

— Куда это вы собрались ее тащить? — съязвил Стеффломеис. — Она ничего не вспомнит после активации.

— Называйте меня собакой на сене, — бросил Фаустафф, распахивая входную дверь, к которой перенес девушку.

Он вышел на улицу, открыл свою машину, положил девушку на заднее сиденье и отъехал в сторону Голливуда.

БЕЛЫЙ РИТУАЛ

Автомобиль был скоростной, а дорога — свободна. По пути Фаустафф размышлял о тех двоих, которых он оставил. Из того, что сказал Стеффломеис, совершенно ясно, что они — не люди, возможно, как он и подозревал — человекоподобные андроиды, более совершенные версии роботов из У-легионов.

Он не спросил о природе ритуала, в который предположительно были втянуты Нэнси и Гордон. Он просто хотел по возможности поскорее с ними встретиться и помочь им, если они в этом нуждаются.

Он знал, где расположена «Эс-Ди-Кей». Это была крупнейшая

из старых кинокомпаний Земли-1. Он однажды посетил ее из любопытства во время одного из своих случайных наездов в Лос-Анджелес на 3-1.

Все чаще он сталкивался с необходимостью замедлять ход и объезжать, либо лавировать среди скоплений людей, исполнявших непонятные ему ритуалы. Не все они были непристойны или жестоки, но одного вида этих опустошенных лиц было достаточно, чтобы расстроить его.

Однако он заметил перемены. Здания представлялись в менее резком фокусе, чем когда он впервые прибыл на Землю-Ноль. Впечатление новизны тоже начинало понемногу ослабевать. Очевидно, преактивационные обряды были как-то связаны с изменяющейся природой новой планеты.

По собственному опыту он знал, каково влияние этого мира, заключающееся в неспособности нормального общения, очень быстрой утере личной идентичности, соскальзывание в роль, где психологический архетип подавлял частную психику индивидуума: но здесь, казалось, существовало что-то вроде обратной связи, когда люди как-то помогали планете приобрести более позитивную атмосферу реальности. Фаустафф отметил, что эту мысль трудно выразить в любых знакомых ему терминах.

Теперь он был рядом с Голливудом. Он мог разглядеть впереди световую рекламу «Эс-Ди-Кей». Вскоре он свернул на территорию. Там было тихо и, очевидно, пусто. Он вышел из машины, оставив девушку там, где она была. Закрыв дверцу, он двинулся по направлению к табличке, на которой прочитал: «Павильон № 1».

В бетонной стене была дверь. На ней висела предостерегающая надпись. Фаустафф толкнул дверь и заглянул внутрь. Декорация частично скрывалась джунглями камер и электронного оборудования. Похоже, она была подготовлена для исторического фильма. Никого не было видно.

Фаустафф отправился к следующему павильону. Вошел туда. Здесь не было камер, и вся техника, казалось, аккуратно убрана. Декорация, однако, осталась. Вероятно, она принадлежала тому же самому фильму. Изображала она интерьер средневекового замка. На мгновение Фаустафф подивился художнику, выстроившему столь убедительно выглядевшую декорацию.

А среди декорации разыгрывался ритуал. Нэнси Хант была в белой полотняной рубашке, и ее рыжие волосы были распущены и ниспадали ей на спину и плечи. За ней стоял мужчина, одетый в черные доспехи, казавшиеся настоящими. Был ли это костюм из фильма или попал сюда из того же источника, что и все остальные, которые видел Фаустафф? Человек в черных доспехах опустил забрало. В правой руке у него была большая сабля.

Тяжелым, мерным шагом из-за кулис выступила еще одна фигу-

ра. Это был Гордон Огг, также в полном облачении из сверкающей стали, и накинута сверху белом плаще. В деснице он сжимал длинный меч.

Фаустафф крикнул: — Нэнси! Гордон! Что вы делаете?

Они не слышали. Очевидно, они были так же погружены в сон, как и остальные. Со странными жестами, напоминавшими Фаустаффу аффектированную манеру игры в традиционной японской пантомиме, Огг приблизился к Нэнси и человеку в черных доспехах. Губы его зашевелились, но Фаустафф не смог расслышать ни одного произнесенного им слова.

В той же самой демонстративной манере человек в черных доспехах схватил Нэнси за руку и повлек ее назад, прочь от Огга. Теперь Огг опустил забрало и, казалось, движением своего меча вызывал другого на дуэль.

Фаустафф не думал, что Оггу угрожает какая-либо опасность. Он смотрел, как Нэнси отступает в сторону и как Огг и его противник скрещивают мечи. Вскоре человек в черных доспехах выронил саблю и преклонил колени перед Гордоном. Огг также отбросил свой меч. Человек поднялся и начал освобождаться от доспехов. Нэнси вышла вперед и тоже стала на колени перед Оггом. Затем встала и вышла из зала, вернувшись с большой золотой чашей, которую протянула Оггу. Он взял и выпил из нее — или сделал вид, хотя, насколько мог видеть Фаустафф, она была совершенно пуста. Огг поднял свой меч и вложил его в ножны.

Фаустафф понял, что видел только небольшую часть церемонии, и она, кажется, завершилась. Что же будут делать Нэнси и Гордон?

Последовала еще одна мимическая сцена, в которой Нэнси, казалось, предложила себя Оггу и получила вежливый отказ. Затем Огг повернулся и двинулся прочь из зала, сопровождаемый всеми остальными. Он высоко поднял золотую чашу. Это, несомненно, был символ, что-то значащий и для него, и для других.

Фаустафф гадал, не означает ли она Святой Грааль, а потом попытался вспомнить, что обозначает сам Святой Грааль в христианской мифологии и мистике. Или он имеет гораздо более древнее происхождение? Не читал ли он о такой же чаше, представленной в кельтской мифологии? Он не был уверен.

Огг, Нэнси и остальные шли сейчас мимо него. Он решил последовать за ними. По крайней мере, так он сможет приглядывать за своими друзьями и будет уверен, что они не попадут в беду. «Это, — размышлял он, — все равно, что иметь дело с сомнамбулами. Возможно, попытка разбудить их даже более опасна. О лунатиках рассказывают, — припомнил он, — что они иногда исполняют подобные ритуалы — обычно проще, но, бывает, и очень сложные. Здесь, конечно, должна быть связь».

Процессия оставила павильон и вышла в загородку, похожую на арену. Со всех сторон вздымались высокие бетонные стены.

Здесь они остановились и обратили лица к солнцу. Гордон повернул к нему чашу так, словно ловил его лучи. Теперь отовсюду слышалось приглушенное пение. Это была песня без слов, или, по крайней мере, на языке, совершенно незнакомом Фаустаффу. Он имел смутное сходство с греческим, но еще больше — с «Голосом Языков», который Фаустафф однажды слышал по телевизору. Как это его описывал психолог? — Язык подсознания. Нечто вроде звуков, что иногда вырываются у людей во сне. Фаустафф обнаружил, что это пение несколько лишало его присутствия духа.

Они еще продолжали петь, когда произошло явление Стеффломеиса. Он где-то раздобыл меч и бодро выступал по арене, предводительствуя аколитами в черных капюшонах. Мэгги Уайт, выглядевшая весьма неуверенно, следовала сзади. Казалось, она находится под властью Стеффломеиса, как и те люди, что были с ними.

Гордон Огг повернулся, когда Стеффломеис что-то прокричал на том же странном языке, на котором они пели. Слова Стеффломеиса звучали прерывисто, словно он с трудом их выучил. Фаустафф понял, что Стеффломеис выкрикнул вызов.

Гордон Огг передал чашу Нэнси и обнажил свой меч.

Наблюдая за этой сценой, Фаустафф был неожиданно поражен ее нелепостью. Он громко рассмеялся. Это был его прежний смех, богатый и теплый, абсолютно непринужденный. Хохот ударился о высокие стены и, многократно усилившись, эхом раскатился по арене.

На мгновение показалось, что каждый услышал его и заколебался. Затем Стеффломеис, пронзительно завопив, кинулся на Огга.

Этот поступок заставил Фаустаффа лишь сильнее расхохотаться.

СТЫЧКА

Стеффломеис, казалось, стремился убить Огга, но он был настолько неумелым фехтовальщиком, что англичанин, явно искусленный в боевом искусстве, легко отражал его удары, несмотря на тот факт, что движения его были вполне формальны.

Фаустафф, давясь от смеха, выступил вперед и схватил Стеффломеиса за руку. Андроид перепугался, и Фаустафф выхватил меч из его руки.

— Это все часть ритуала! — серьезно сказал Стеффломеис. — Вы опять нарушаете правила!

— Успокойтесь, Стеффломеис, — бросил Фаустафф, утирая выступившие от смеха слезы. — Не нужно сильных эмоций.

Гордон все еще делал оборонительные движения. В своих доспехах и с длинными усами он настолько смахивал на Дон-Кихота, что его поведение показалось Фаустаффу еще смешнее, чем раньше, и он буквально зарывал от смеха.

Огг, казалось, озадачился. Его движения стали более неуверенными и менее формальными. Фаустафф встал прямо перед ним. Огг моргнул и опустил меч. Хмурясь, он мгновение смотрел на Фаустаффа, а затем опустил забрало и замер неподвижно, как статуя. Фаустафф постучал кулаком по шлему.

— Вылезай оттуда, Гордон — тебе больше не нужны никакие доспехи. Проснись, Гордон!

Он увидел, что и остальные зашевелились. Подошел к Нэнси и погладил ее по щеке.

— Нэнси?

Она смутно улыбнулась, не глядя на него.

— Нэнси, это Фаустафф.

— Фаустафф,— отстраненно пробормотала она.— Фасти?

— Он самый,— усмехнулся он.

Все так же улыбаясь, она посмотрела на него. Он засмеялся, и она глянула ему в глаза. Ее улыбка стала шире.

— Привет, Фасти. Что новенького?

— Ты хоть бы удивилась,— сказал он.— Ты когда-нибудь видела что-нибудь смешнее?

Он указал на замершие вокруг них костюмированные фигуры. Ткнул пальцем в панцирный доспех.

— Там внутри Гордон,— сообщил он.

— Знаю,— сказала она.— Правда, я думала, что вижу сон, знаешь, один из тех снов, когда понимаешь, что спишь, и ничего не можешь с этим поделать. Хотя это был прекрасный сон.

— Полагаю, в снах нет ничего дурного,— заметил Фаустафф, заключая ее в объятия.— Они служат своим целям, но...

— Этот сон служил своей цели, пока вы его не прервали,— сказала Мэгги Уайт.

— Но вы согласны с целью? — спросил Фаустафф.

— Да. Это необходимо. Я вам говорила.

— Я все еще не знаю истинной цели симуляции,— признался Фаустафф,— но мне кажется, что подобными вещами ничего достигнуть нельзя.

— Не уверена,— задумчиво произнесла Мэгги Уайт.— Я не знаю... Я остаюсь верной хозяевам, но меня удивляет... Кажется, им не слишком везет.

— Вы не обманываетесь,— искренне согласился Фаустафф.— Что они там наскребли? Тысячу симуляций?

— Им никогда не повезет,— съязвил Стеффломеис.— Они потерпели полный провал. Забудь о них.

Мэгги Уайт в ярости повернулась к нему.

— Полное фиаско — это твоя работа, Стеффломеис! Если бы ты верно исполнял то, что тебе приказано, З-Ноль была бы сейчас на пути к нормальной активации. А теперь я не знаю, что случится. Это первый раз, когда что-то пошло неправильно до полной активации.

— Тебе нужно было слушать меня. Мы никогда бы не допустили полной активации, если бы были осторожней. Мы легко могли бы править этим миром. Мы могли бы пренебречь хозяевами. Все, что они могли бы сделать — это начать сначала.

— Нет времени начинать сначала! Это равносильно провалу всего их проекта — вот что ты сделал! — кричала на него Мэгги. — Ты добиваешься поражения хозяев!

Стеффломеис, отмахнувшись, повернулся к ней спиной.

— Ты — не в меру идеалистка. Забудь их. Они обанкротились. Доспехи Гордона заскрипели. Его рука потянулась к забралу и медленно стала приподнимать его. Он выглянул наружу, моргая.

— Господи, — произнес он изумленно, — я и в правду обряжен в этот металлолом. А я думал, что это мне...

— Снится? Тебе, должно быть, жарко в нем, Гордон, — сказал Фаустафф. — Можешь снять?

Огг подергал шлем.

— По-моему, он привинчен.

Фаустафф ухватился за шлем и с некоторым трудом ослабил его зажимы. Огг стянул его. Они принялись отстегивать остальные доспехи. Нэнси помогала. Шум голосов вокруг них свидетельствовал, что и те люди, что сопровождали Гордона и Нэнси, сейчас в смущении приходили в себя.

Фаустафф увидел, как Мэгги Уайт шагнула к мечу и отпрыгнула с ним в тот момент, когда ученый старался отстегнуть левый наколенник Гордона.

Она опустила меч на голову Стеффломеиса, прежде чем он смог ее перехватить. Он повернулся к ней с усмешкой, откачнулся от нее и затем повалился наземь.

Верхушка его черепа была начисто снесена, открывая мозг, крови не было. Мэгги принялась рубить тело, покуда Фаустафф не остановил ее. Она оставалась невозмутимой, глядя на труп Стеффломеиса.

— Произведение искусства, — сказала она. — Так же, как я.

— Что вы теперь собираетесь делать? — спросил Фаустафф.

— Не знаю. Все пошло неправильно. Все ритуалы, которые вы видели — только начало. Позднее следует серия великих ассамблей — последние преактивационные ритуалы. Вы разбили схему.

— Разумеется, то, что случилось, не многого стоит в мировом масштабе.

— Вы не поняли. Каждый символ что-то означает. Каждый индивидум имеет роль. Все связано между собой. Это как сложная электронная цепь — нарушишь ее в одном месте, и она полностью вырубится. Эти ритуалы могут показаться вам устрашающими и примитивными, но их вдохновляет более глубокое знание научных принципов, чем ваше. Ритуалы устанавливают базовую модель каждой индивидуальной жизни. Ее внутренние движения выражаются и получают форму в преактивационных ритуалах. Это значит, что, когда человек «пробуждается» и начинает жить своей обычной жизнью, в него впечатан код, и он будет жить согласно с этим кодом. Только некоторые, образно говоря, находят новые коды — новые символы — новые жизни. Вы один из них — наиболее удачливый.

Обстоятельства и ваша собственная целостность дали вам возможность делать то, что вы сделали. Каков будет результат, я не могу и подумать. Кажется, ваша внутренняя жизнь и ваше внешнее воплощение нераздельны. Как если бы вы играли роль, чье влияние простирается дальше экспериментов хозяев и непосредственно влияет на них. Не думаю, чтоб они намеревались создать личность вроде вас.

— Теперь вы скажете мне, кто такие эти «хозяева»? — тихо спросил Фаустафф.

— Не могу, — сказала она. — Я повинуюсь им, а меня обязали сообщать о них как можно меньше. Стеффломеис рассказал слишком много, и тем самым, помимо прочего, способствовал созданию этой ситуации. Возможно, нам следовало бы устранить вас физически. У нас был ряд возможностей, но мы оба были любопытны и чересчур промедлили с этим делом. Мы оба, на свой лад, были очарованы вами. И, как видите, допустили то, что ваша личность подчинила нас себе.

— Мы должны что-то делать, — мягко сказал Фаустафф.

— Согласна. Для начала давайте вернемся в дом и все обсудим.

— А как насчет всех остальных?

— Мы не сможем сделать для них много — они слишком растеряны, но через некоторое время с ними все будет в порядке.

За киностудией виднелся небольшой грузовик, в котором, несомненно, Стеффломеис привез своих сторонников. Рядом стоял автомобиль Фаустаффа. Внутри обнаженная девушка дергала двери и молотила в окно. Завидев их, она опустила оконное стекло,

— Какого черта здесь творится? — спросила она с резким бруклинским акцентом. — Это киднаппинг * или что-то еще? Где я? Фаустафф отпер дверь и выпустил ее.

* Киднаппинг — похищение с целью выкупа.

— Иисусе! — воскликнула она. — Это что — нудистский лагерь? Мне нужна одежда.

Фаустафф указал на главные ворота киностудии.

— Там вы можете что-нибудь найти.

Она взглянула на вывеску «Эй-Ди-Кэй».

— Вы снимаете кино? Или это одна из тех голливудских вечеринок, о которых я слышала?

Фаустафф усмехнулся: — С такой фигурой вы просто обязаны сниматься в кино. Идите и увидите, что вас тут же запрямят.

Она фыркнула и зашагала к воротам.

Гордон Огг и Нэнси поместились на задних сиденьях, а Мэгги Уайт уселась рядом с Фаустаффом, после чего он развернул машину и поехал по направлению к нижней части Л. А. Везде бродили люди, многие из них все еще в своих ритуальных одеждах. Они выглядели озадаченными и несколько изумленными. Они спорили и разговаривали между собой. Казалось, они не слишком озабочены, и никто не испытывал страха. Автомобилей на дороге попадалось мало, и порой группы людей махали ему, когда он проезжал мимо, но он в ответ лишь отмахивался с усмешкой.

Все теперь казалось ему смешным. Он понимал, что обрел прежнее присутствие духа, и удивлялся, где и как мог утратить свое чувство юмора. Проезжая знакомые места, Фаустафф заметил, что Свалка Времени исчезла; так же, как и прежние анахронизмы. Все выглядело совершенно нормальным.

Он спросил об этом Мэгги Уайт.

— Такие вещи уничтожаются автоматически, — отвечала она. — Если они не соответствуют модели, симуляция не сможет плавно работать, пока все не будет рационализировано. Предактивационный период избавляет от подобных явлений. Поскольку он был прерван, возможно, некоторые анахронизмы будут продолжать существовать. Я не знаю. Раньше ничего подобного не случалось. Кроме того, есть еще кое-что. Аппарат не может быть полностью испытан, пока не продемонстрирует все, для чего он был спроектирован. Это другая функция предактивационного процесса.

Дом, в котором они были перенесены с 3-3 на 3-Ноль, оставался на месте, так же, как и различимый за ним собор.

У Фаустаффа появилось одно соображение. Он высадил остальных возле дома и подъехал к собору. Еще до того, как он открыл дверь, он услышал крики, эхом разносившиеся по зданию.

Это был Орелли, по-прежнему прибитый к кресту. Но теперь он был далек от спокойствия. Лицо его дергалось от боли.

— Фаустафф! — прохрипел он, когда профессор приблизился. — Что со мной случилось? Что я здесь делаю?

Фаустафф нашел канделябр, с помощью которого, вероятно, можно было вытащить гвозди.

— Это будет больно, Орелли,— сказал он.

— Снимите меня! Больнее быть не может!

Фаустафф принялся вытаскивать гвозди из тела Орелли. Подхватил его на руки и уложил на алтарь. Тот стонал от боли.

— Я отвезу вас обратно в дом,— сказал Фаустафф, поднимая экс-кардинала.— Возможно, там найдется какая-нибудь одежда.

Когда Фаустафф нес его к машине, Орелли плакал. Фаустафф чувствовал, что слезы у него вызывает не боль, а память о сне, от которого он только что пробудился.

Отъехав от собора, Фаустафф решил, что лучше направиться в ближайшую больницу. Несомненно, там имеются антибиотики и перевязочный материал.

Через четверть часа он нашел больницу. Прошел через пустой холл к аптечному складу. В большом медицинском шкафу нашел все необходимое и принялся пользоваться Орелли.

К тому времени, когда он закончил, экс-кардинал уснул после введенного ему седатива. Фаустафф перенес его в постель и укрыл одеялом. Через некоторое время с Орелли будет все в порядке, решил он. Вернувшись к дому, он припарковал машину и вошел внутрь. Мэгги Уайт, Гордон Огг и Нэнси сидели в гостиной, попивали кофе и ели сэндвичи.

Сцена выглядела настолько нереальной, что казалась неуместной. Фаустафф рассказал им, что сделал с Орелли, и тоже сел перекусить и выпить кофе.

Когда они поели и Фаустафф зажег сигарету для себя и для Нэнси, Мэгги Уайт, казалось, приняла решение.

— Мы можем использовать аппаратуру этого дома, чтобы связаться с хозяевами. Хотите, Фаустафф, чтобы я взяла вас к ним?

— Но не будет ли это против ваших инструкций?

— Это лучшее, что я смогла придумать. Сейчас я больше ничего не могу сделать.

Фаустафф кивнул.

— Естественно, я хотел бы связаться с вашими хозяевами.— Он начал приходить в возбуждение.— На данной стадии я не вижу иного пути разрешить всеобщую путаницу. Вы знаете, сколько симуляций все еще существуют?

— Нет. Возможно, все они уже уничтожены.

Фаустафф вздохнул.

— Похоже, как их усилия, так и мои пропали даром.

— Не уверена,— сказала она.— Давайте посмотрим. Ваших друзей мы должны оставить здесь.

— Вы согласны? — обратился он к ним. Они кивнули.— Возможно, вы сможете сходить и посмотреть, все ли в порядке с Орелли,— предложил Фаустафф и рассказал, где находится больни-

ца.— Я знаю, как мы все к нему относимся, но, полагаю, он заплатил слишком большую цену. Не думаю, что когда вы его увидите, то почувствуете к нему ненависть.

— О'кей,— сказала Нэнси, поднимаясь.— Надеюсь, что ты скоро вернешься, Фасти. Я хочу видеть тебя почаще.

— Возможно,— улыбнулся он.— Не беспокойся. До свидания, Гордон,— он пожал руку Оггу.— Увидимся!

Нэнси и Гордон вышли из дома.

Фаустафф последовал за Мэгги в другую комнату, где располагалось оборудование.

— Здесь нужно нажать лишь одну кнопку,— сообщила она.— Но она сработает только для Стеффломеиса или меня. Я могла бы сделать это раньше, если бы использовала дом для себя, но я увлеклась — решила остаться и посмотреть, что вы предпримете.— Она нагнулась и нажала кнопку. Стены дома начали менять цвет, быстро проходя весь спектр; они, казалось, обтекали Фаустаффа, окутывая его мягким свечением, затем исчезли. Они стояли на обширном плато, увенчанном огромным темным сводом. Свет лился со всех сторон, цвета соединялись в один белый, но это был не настоящий белый цвет, а зримая комбинация всех цветов.

И на них сверху вниз смотрели гиганты. Это были люди со спокойными, аскетическими чертами, совершенно голые и безволосые. Они сидели в простых креслах, словно бы сделанных не из какой-либо реальной субстанции, а из некоего прозрачного материала, но при этом вполне реально держащих людей.

Ростом они были около тридцати футов, прикинул Фаустафф.

— Мои хозяева,— сказала Мэгги Уайт.

— Рад, наконец, встретиться с вами,— произнес Фаустафф.— Похоже, перед вами в некотором роде дилемма.

— Зачем вы пришли сюда? — проговорил один из гигантов. Голос его явно не сочетался с его размерами. Он был тих, хорошо модулирован и лишен эмоций.

— Чтобы, помимо всего прочего, выразить недовольство,— сказал Фаустафф. Он чувствовал, что должен был бы ощутить перед гигантами благоговейный страх, но, возможно, все испытания, сделавшие возможной эту встречу, уничтожили всяческое удивление, на которое в иных обстоятельствах он мог быть способен. И еще он чувствовал, что гиганты слишком плохо работают, чтобы относиться к ним с подлинным почтением.

Мэгги Уайт объяснила все, что произошло. Когда она закончила, гиганты встали и прошли сквозь световые стены. Фаустафф уселся на пол. Он был твердый и холодный, так что части тела, соприкоснувшиеся с ним, словно бы подверглись слабой местной анестезии. Постоянное изменение цвета тоже не позволяло чувствовать себя уютнее.

- Куда они пошли? — спросил он Мэгги.
- Обсудить то, что я им рассказала. Это не займет много времени.
- Вы готовы сказать мне, кто они такие в действительности?
- Предоставьте рассказать им самим. Я уверена, что они это сделают.

БЕСЕДА С ХОЗЯЕВАМИ

Вскоре хозяева вернулись. Когда они уселись, один из них заговорил.— Это — модель для всего,— сказал он,— но все и создает модель. Ошибка людей в том, что они строят модели из частей целого и называют это целым. Время и Пространство имеют модель, но ты видел на своих симуляциях лишь некоторые элементы. Наша наука выявляет все измерения и дает нам возможность творить симуляции.

— Я это понял,— заметил Фаустафф.— Но — в первую очередь — зачем вы создаете симуляции?

— Наши предки развивались на первичной планете много миллионов лет назад. Когда их общество достигло необходимого уровня, они вышли на просторы вселенной, чтобы понять ее и использовать. Приблизительно десять тысяч ваших лет назад мы вернулись на родную планету, исчислив и изучив вселенную, поняв все ее фундаментальные принципы. Мы обнаружили, что общество, создавшее нас, распалось. Мы, конечно, это предполагали. Но мы только что осознали параметры физических изменений, произошедших с нами за время странствий. Мы бессмертны в том смысле, что будем существовать до конца нынешней фазы вселенной. Это знание, естественно, изменило нашу психологию. По вашим понятиям, мы стали сверхлюдьми, но мы чувствуем в этом скорее утрату, чем достижение. Мы решили попытаться воссоздать цивилизацию, создавшую нас.

На Земле, в измененной атмосфере которой давно уже произошли метаморфозы, оставалось несколько примитивных обитателей. Мы оживили планету, сделав ее природу идентичной с той, когда цивилизация впервые начала существовать в любой реальной форме. Мы ожидали, что обитателиотреагируют на это. Мы полагали — и не было причин ожидать другого — вывести расу, которая быстро бы достигла идентичности с цивилизацией, создавшей нас. Но первый эксперимент провалился — обитатели оставались на том же самом уровне варварства, на котором мы их нашли, но принялись воевать друг с другом. Мы решили создать совершенно новую планету и еще раз попытаться. Поэтому, чтобы не нарушать баланса вселенной, мы протянули нечто вроде колодца в том, что вы называете, как я полагаю, «подпространством», и построили нашу новую

планету в нем. Там эксперимент тоже провалился, но мы извлекли из этого урок. С тех пор мы выстроили больше тысячи симуляций первоначальной Земли, и постепенно росло понимание всей сложности предпринятого нами проекта. Все на каждой планете играло свою роль. Строение, дерево, животное, человек,— все связано, как необходимые звенья структуры. Они играют физическую роль в экологической и социологической природе планеты, и психологическую роль в ее символической природе. Вот почему мы нашли необходимым, чтобы население каждой новой симуляции (привлеченное с отброшенных ранее симуляций), выявляло внешне и драматизировало свои символические и психологические роли до полной активации. В некоторой степени это также имеет терапевтическое назначение, эффект замещения, симулируя рождение и детство для использованных взрослых. Ты, без сомнения, заметил, что на новой симуляции нет детей. Мы обнаружили, что детей очень трудно использовать в только что активированных мирах.

— Но зачем все эти симуляции? Почему не одна планета, на которой вы могли бы — судя по тому, что вы делаете — устроить массовое промывание мозгов и провести по желаемому пути?

— Мы стараемся создать эволюционную модель, идентичную той, что создала нас. То, что ты предполагаешь, было бы непрактично. Психологические наслоения выросли бы слишком быстро. Нам все время требуется новая среда. Все это обсуждалось до того, как мы начали работать над первой симуляцией.

— Но почему на мирах вы избегаете прямого вмешательства? Вы бы, конечно, могли разрушить их так же легко, как создаете.

— Они не легко создавались и не легко разрушались. Мы не осмеливались даже намеком выдать наше присутствие на симуляциях. Мы не существовали, когда эволюционировали наши предки, поэтому никто не должен был предполагать, что мы существуем сейчас. Мы использовали для уничтожения ошибочных симуляций наших андроидов или, для более тонкой работы, полугуманоидных существ, одно из которых доставило тебя сюда. Они выглядят как люди и, если их деятельность обнаружится и миссия провалится, естественно предположить, что они были наняты человеческими существами. Это очень деликатная сторона эксперимента, с тех пор как в него вовлечены сложные существа вроде тебя, и мы, разумеется, не можем себе позволить вмешиваться прямо. Религия имела значение на самых ранних стадиях развития общества, но вскоре ее функции стали исполнять науки. Обеспечить ваш народ «доказательством» наличия сверхъестественного было бы абсолютно против наших интересов.

— А как насчет убийства людей? Относительно этого у вас нет моральной позиции?

— Мы убиваем очень мало. Обычно население одной симуля-

ции переносится на другую. Только дети уничтожаются при любых обстоятельствах.

— ТОЛЬКО дети!

— Я понимаю твой ужас. Мне известны ваши чувства относительно детей. Необходимо, чтоб вы обладали чувствами, и тебе делает честь, что ты проявляешь их с такой силой — по вашим понятиям. По нашим понятиям, вся ваша раса — наши дети. Сравни наши потери вашей незрелой поросли и вашу собственную потерю мужской спермы и женских яичников. Ваши чувства обоснованы. Мы не испытываем таких чувств. Следовательно, для нас они необоснованы.

— Я в этом убедился. Но у меня ЕСТЬ эти чувства. Я думаю, в ваших аргументах есть логическая ошибка. Мы чувствуем, что неверно было бы ожидать от наших детей, чтоб они вырастали в наших же двойников. Ясно, что при этом проиграл бы прогресс.

— Нас не интересует прогресс. Он нам не нужен. Мы знаем фундаментальные принципы сущего. Мы бессмертны, и мы надежны.

Фаустафф нахмурился на мгновение, потом спросил:

— А как у вас с удовольствиями?

— Удовольствиями?

— Что, например, заставляет вас смеяться?

— Мы не смеемся. Мы можем испытывать радость — удовлетворение, если наш эксперимент удачен.

— Итак, следовательно, вам неведомы удовольствия. Ни чувственные, ни интеллектуальные?

— Никаких.

— Тогда вы мертвы — по моим понятиям, — сказал Фаустафф. — Забудьте о симуляциях. Разве вы не видите, что вся ваша энергия растрачивается на нелепый, бесполезный эксперимент? Оставьте нас развиваться, как мы хотим, или уничтожить себя, если мы обречены. Дайте мне получить знания, с которыми вы доставите меня обратно на З-Ноль, и возможность всем рассказать о вашем существовании. Вы держите их в страхе, вы повергаете их в отчаяние, вы прилагаете постоянные усилия, чтобы содержать их в повиновении. Обратите свое внимание на себя самих — ищите удовольствия, создайте вещи, способные доставить вам наслаждения. Возможно, со временем вы преуспели бы в воссоздании Золотого Века, о котором вы говорили — но я в этом сомневаюсь. Даже если так и произойдет, это будет незначительное достижение, особенно, если конечным результатом будет раса, подобная вам. Вы следуете логике. Так используйте ее, чтобы найти наслаждение в субъективных изысканиях. Вещь ничего не стоит, если от нее нельзя получить удовольствия. Где ваши искусства, ваши развлечения, ваши увеселения?

— У нас их нет. Мы не видим от них пользы.

— Найдите пользу.

Гигант встал. Его товарищи поднялись одновременно.

И снова они покинули это место, и Фаустафф ждал, полагая, что они обсуждают то, что он сказал.

Наконец они вернулись.

— Не исключено, что ты нам помог, — произнес гигант, когда он и его товарищи усаживались.

— Вы согласны предоставить Земле-Ноль возможность развиваться самостоятельно? — спросил Фаустафф.

— Да. И мы позволим существовать оставшимся подпространственным симуляциям. При одном условии.

— Каком?

— Наш первый алогичный поступок — наша первая шутка — предоставить всем тринадцати оставшимся симуляциям существовать в обычном пространстве — времени. Какое влияние это со временем окажет на структуру вселенной, мы не можем предположить, но это внесет элемент неожиданности в нашу жизнь и, тем самым, поможет нам в поисках наслаждений. Мы увеличим ваше Солнце и заменим другие планеты вашей системы, ибо тринадцать планет составят гораздо большую массу, поскольку мы планируем поместить их близко друг к другу, чтоб они были взаимно легко достижимы. Мы чувствуем, что создадим нечто, не имеющее большой практической ценности — в ограниченном смысле этого слова, но приятное и необычное для глаза. Это будет первое во вселенной явление такого рода.

— Вы, конечно, работаете быстро, — улыбнулся Фаустафф. — Я надеюсь увидеть результат.

— В результате наших действий не возникнет физической опасности. Это будет... эффектно, мы чувствуем.

— Итак, все кончено — вы полностью оставляете эксперимент. Не думал я, что вас будет так легко убедить.

— Ты что-то высвободил в нас. Мы гордимся тобой. Благодаря случайности мы помогли создать тебя. Строго выражаясь, мы не оставляем эксперимент. Мы собираемся теперь предоставить ему идти своим путем. Спасибо тебе.

— И вам спасибо, джентльмены. Как я вернусь обратно?

— Мы вернем тебя на З-Ноль обычным путем.

— А что будет с Мэгги Уайт? — спросил Фаустафф, обращаясь к девушке.

— Она останется с нами. Возможно, она сумеет нам помочь.

— Тогда до свидания, Мэгги, — Фаустафф поцеловал ее в щеку.

— До свидания, — улыбнулась она.

Стены света начали наплывать, окутывая Фаустаффа. Вскоре они приняли форму комнаты в доме.

Он вернулся на 3-Ноль. Единственное различие состояло в том, что аппаратура исчезла. Комната выглядела совершенно обычной. Он вышел через парадную дверь навстречу приближающимся Гордону Огту и Нэнси.

— Хорошие новости! — он смеялся, подходя к ним. — Я вам все расскажу. Нам предстоит бездна работы, чтобы помочь всем все организовать.

ЗОЛОТЫЕ МОСТЫ

К тому времени, когда «хозяева» подготовили свою «шутку», обитатели подпространственных миров были информированы обо всем, что Фаустафф мог им сообщить. Он раздавал интервью прессе, выступал по радио и телевидению, и нигде не встречал сомнений. Так или иначе, все сказанное им потрясало население миров как подлинная правда. Это объясняло то, что они видели вокруг себя, и то, что чувствовали в себе.

Пришло время — и каждый был готов к нему, когда тринадцать планет начали переходить в единое пространство — время.

Когда это произошло, Фаустафф и Нэнси снова были в Лос-Анджелесе, стоя в саду около дома, в котором они впервые попали на Землю-Ноль и где они жили теперь. Была ночь, когда двенадцать других симуляций обнаружили свое присутствие. По темному небу, казалось, прошла мягкая рябь, и вот, они были там — гроздь миров, в унисон двинувшаяся сквозь космос, с 3-Ноль в центре, как множество гигантских лун. Фаустафф узнавал мир зеленых джунглей 3-12, мир моря и пустыни 3-3. И еще огромный континентальный атолл, что был единственной сушей на 3-7, более нормальные на вид миры 3-2 и 3-4, гористый мир 3-11.

Теперь у Фаустаффа возникло впечатление, что с неба что-то струится, и он понял, что таинственным образом атмосферы симуляций Земли сливаются, принимая форму, полностью охватывающую всю гроздь миров. Теперь мир джунглей мог снабжать кислородом миры, лишенные растительности, и получать орошение из миров, перенасыщенных водой.

Запрокинув голову, чтобы разглядеть все, он увидел 3-1. Она казалась окутанной черными и багровыми облаками. Это правильно, чувствовал он, что ее включили сюда — символом невежества и страха, символом, в котором идея ада облекается в понятия физики. Атмосфера, казалось, обошла 3-1, и, хотя ее присутствие было необходимо, она оставалась в изоляции.

Фаустафф осознал, что, пусть «хозяева» и пошутили, шутка эта включает множество граней.

— Надеюсь, что теперь они не будут к этому излишне суровы, — сказала Нэнси, сжимая руку Фаустаффа.

— Не думаю, что теперь они собираются надолго сохранять суровость,— улыбнулся он.— Может быть, только серьезность. В хорошей шутке все в меру.— От удивления он встряхнул головой.— Посмотри на все. Это невозможно по нашим научным понятиям, но они это сделали. Я готов протянуть им руку — когда они решили быть алогичными, то уж на всю катушку.

Нэнси указала на небо.— Смотри! Что это происходит?

В небе происходило новое движение. Начали появляться другие объекты — огромные золотые структуры, которые, отражая свет, превращали ночь в подобие дня, арки пламени, мосты света между мирами. Фаустафф, прикрывая глаза, вглядывался в них. Они бежали от мира к миру, перелетая расстояния огненными радугами. И только Земли-1 не касались они.

— Так вот что они представляют,— сказал Фаустафф, осознав истину.— Это мосты — мосты, перейдя которые, мы можем достичь других симуляций. Смотри...— он указал на объект, зависший в небе над их головами, быстро перемещающийся по мере того, как планета оборачивалась вокруг своей оси.— Вот конец одного из наших. Мы можем добраться до него на самолете, а потом пересечь его пешком, если захотим потратить время. Но мы можем построить транспорт, который одолеет мосты за несколько дней! Эти миры — как острова в озере, а эти мосты свяжут всех нас.

— Они прекрасны,— тихо сказала Нэнси.

— А то нет! — Фаустафф засмеялся от удовольствия, и Нэнси присоединилась к нему.

Они еще продолжали смеяться, когда внезапно взошло солнце, огромное, великолепное солнце, и Фаустафф понял, что до этого мгновения он не знал настоящего света дня. Лучи гигантского солнца упали на золото мостов, и оттого они засияли еще ярче.

Знакомый теперь с кодом, которым «хозяева» пытались написать историю его расы, Фаустафф смотрел на мосты и понимал, сколь много они значат — для него, для миров, для мужчин, женщин, детей, что сейчас, должно быть, глядели на все это.

И в своей изоляции Земля-1 пламенела пожаром в свете нового дня. Фаустафф и Нэнси повернулись, чтобы посмотреть на нее.

— Не нужно больше этого бояться, Нэнси,— сказал он.— Мы можем, наконец, где-нибудь устроиться, пока будем помнить, что следует быть немного мягче. Эти мосты означают взаимопонимание, связь...

Нэнси серьезно кивнула. Затем она посмотрела на Фаустаффа, и прежнее выражение ее лица сменилось широкой улыбкой. Она подмигнула ему. Он усмехнулся и подмигнул в ответ.

Они вернулись в дом и вскоре уже вместе возились в постели.

ДЖОН РЭНКИН

Операция „Яманак“

Художник
М. БРЖЕЗИНСКАЯ

1

Когда назойливый, пульсирующий в А-ритме сигнал повторился в третий раз, Марк Шеврон, потянувшийся было за своим ремнем, мгновенно выскочил из недр спального мешка. Пытаясь прийти в себя, он бросился к люку и, уже почти добравшись до него, окончательно сориентировался в пространстве и времени.

Если бы не откидная койка и сверкание звезд сквозь выпуклый обзорный иллюминатор — он мог находиться в каком-либо небольшом номере отеля. Но светящаяся панель около двери напоминала, что снаружи имелись кое-какие существенные отличия.

Это напрямую зывала Система Жизнеобеспечения, предупреждая с помощью небольшого изображения фигуры в полном космическом снаряжении тех редких любителей читать надписи, что не смогли сразу сориентироваться в обстановке.

Шеврон отклонился влево, быстро открыл шкафчик и за десять секунд сосредоточенных усилий превратился в громоздкого зомби.

Как только самозатягивающийся шлем сомкнулся, он оказался полностью изолированным в собственном акустическом панцире, и сигналы прервались. Когда он включил звук, они возобновились, усиленные и как будто более настойчивые — словно предназначались лично ему.

Сбор был всеобщим. Шеврон находился там, где был в течение последней недели, — на Спутнике № 5, который следовал тщательно выверенному курсу вдоль пятой параллели и регистрировал передвижение своего двойника по другую сторону экватора. Спут-

ник № 5 охранял интересы правительства Северного Полушария с неусыпным рвением.

Здесь имел место один горький и мучительный момент. Как назначение для оператора высшего ранга эта миссия не была достаточно четко определена. Видимо, кто-то в наивысших эшелонах власти, просмотрев отчет о его последнем задании, решил, что он нуждается в отдыхе.

— Ну, как вы собираетесь поступить с Шевроном? Отправьте его на спутник. Даже гений своего дела не сможет там что-либо выискать.

Повернувшись к двери, он внезапно замер, увидев собственное отражение на внутренней поверхности плексигласовой маски: высокий лоб, коротко остриженные каштановые волосы, серьезные в серую крапинку глаза — жесткое, сардоническое лицо, если в него внимательно взглянуть.

Шеврон обнажил зубы в оск ле, словно два угрюмых пса столкнулись нос к носу, и, наклонив голову, быстро пронес под дверным косяком свои два метра.

Снаружи он очутился на открытой галерее жилого сектора спутника-кольца. С щелканьем открылись соседние люки, и вереница громоздких фигур медленно зашагала к ближайшей гравитационной трубе, приглушенно шаркая мягкими подошвами. Затем, один за другим, они начали перебирать руками вдоль стальной паутины ее сторон, словно множество гротескных паучков.

Три вахты, по двадцать человек каждая, обеспечивали номеру пятому непрерывную работу. Приезжие специалисты разного рода увеличивали эту цифру от шестидесяти восьми. На взгляд Шеврона, здесь была вся пара сотен, втиснувшаяся в командную рубку, выполненную в виде сферы, когда начальник станции подключился к главному каналу для всеобщей переклички.

По мере поступления, данные тут же подвергались обработке. Кто-то из местных остряков, уже прошедший регистрацию, заявил, что если старый ублюдок хотел только узнать, здесь ли они, то он мог бы выбрать более подходящее время. Во всяком случае, здесь больше некуда было пойти.

Шеврон, не обращая внимания на поток проклятий, обрушившийся на него, протиснулся между двумя круглыми портиками на верхнюю галерею, которая огибала сферу по окружности, и смог увидеть происходящее внизу, в операторской.

Большой сканнер следил за пуском приземистого возвратного модуля. В тот момент, когда он отошел от горящего ярко-оранжевыми огнями трапа, в потоке следования докладов возникла пауза и Шеврон, очувшись, быстро проговорил свои данные.

— Четыре-пять-один отклонение семь ноль отклонение Чарли девять, Шеврон.

Собственный голос прозвучал непривычно для его ушей. Шеврон был вынужден признаться себе, что не так часто пользовался им за последние несколько лет. Это был достаточно существенный момент, способный в одно мгновение превратить здорового мужчину в шизика.

Когда последний резидент отрапортовал, наступила пауза. Директор станции, доктор Вернон Грир, поднял было перчатку, чтобы дернуть себя за правую мочку уха, — так он поступал всегда, когда сильно волновался, — но наткнулся на гладкий панцирь забрала. Он сделал шаг вперед, выдернул из выхода приемника ленту и прочитал вслух высоким взволнованным голосом:

— Два-шесть-четыре отклонение семь пять, черт тебя дери, пять ноль, Мартинец.

Как финал учебной тревоги — это был полный провал. Шеврон, с его натренированной памятью на имена и лица, словно увидел Лойз Мартинец на объемно-цветном экране сканнера. Она была маленькой изящной брюнеткой, еврейкой, словно сошедшей с ассирийских фриз. Мартинец работала в медицинском господразделении станции. Ему запомнились ее гибкие пальцы, оценивающие пробегающие по его бицепсам в тот момент, когда она брала пробу на очередной анализ крови.

Поэтому он очень удивился, когда Грир с треском, многократно отразившимся в шлемах, прочистил свою глотку и произнес:

— Я обязан сообщить вам, что мисс Мартинец вскрыла замок отсека, где находится челнок, и покинула станцию. Она не надела костюма. Смерть в этом случае наступает мгновенно. Я воспользовался исключительным правом, создав весь персонал, чтобы подчеркнуть важность и... серьезность создавшейся ситуации. Нет нужды напоминать вам, что это второй случай за прошедший месяц. Такого не случалось в моей практике прежде. Итак, мы должны быть бдительными. Впредь, до дальнейшего уведомления, никто не должен оставаться один ни на минуту. Вам будут подобраны наиболее подходящие пары на время дежурств и время отдыха. Это означает, что вахтенные дежурства станут более продолжительными до тех пор, пока не будет проведено расследование. Мы не можем рисковать. Не можем допустить, чтобы это опять повторилось. Доктор Кулманн разработает детали. Никто не выйдет отсюда, пока ему не будет назначен партнер. Есть какие-либо вопросы?

Шеврон бросил взгляд на часы. Насколько время имело здесь какой-либо смысл, было ровно 02.00. Прошло всего семь минут с тех пор, как пробили тревогу. Жуткие останки Лойз Мартинец — жидкое месиво, сваренное глубоким вакуумом, скорее всего, уже собрали в мешок одноразового пользования. Грир действовал быстро и выдвигал вполне разумный план действий. Но его осуществление влекло за собой ряд сложностей. Постоянный соглядатай,

контролирующий каждое его действие, мог бы свести на нет то полезное, что Грир мог сделать. Имел ли право Грир думать, что такого человека нет? Или существовал некто, кто вложил эту идею в его голову?

В конечном счете, вероятнее всего, Грир просто-напросто руководствовался инструкцией. Космос любил шутить шутки с персоналом. Даже обычное передвижение в пределах земной грависферы, как известно, коварно, исподволь действовало на психику человека. В архивах старого проекта Доброго года упоминался случай, происшедший с одним из первых метеорологических спутников. Его экипаж состоял из сорока отборных людей. Спутник обнаружил пустым. Электронная «Мария Целеста». Никакое расследование не смогло обнаружить причину.

Толпа поредела. Только вахта, пополненная несколькими специалистами эстракласса, все еще оставалась у угольно-черного экрана, когда выпал номер Шеврона. Ему в пару был назначен «восемь-восемь-четыре отклонение шесть ноль отклонение Бейкер четыре два четыре, Бьюкз».

Вместе они потащились прочь. Джек Бьюкз, маленький бочкообразный человечек, обладающий неиссякаемым источником юмора при любой ситуации, перешел на высокий фальцет и проговорил:

— Мы пойдем к тебе или ко мне, дорогой? Ха, ха,— он закончил фразу, пару раз взлаив, что, видимо, означало ободряющий смех, и рассчитывал на ответную реплику в том же тоне.

Шеврон подумал, что «лотерея жизни» нанесла ему еще один злобный удар. Перспектива близкого соседства с Бьюкзом на ближайшее будущее переполнила его желчью. Но он вдруг услышал свой собственный голос, голос законченного лицемера, отвечавший в том же духе:

— Где бы то ни было, ты любишь, только пока мы вместе.

Шеврон удачно сманивировал, выбирая направление в сторону своей каюты, и помог Бьюкзу развернуть его аппарат.

Неожиданно Бьюкз заговорил:

— Тебе что-нибудь известно? Все это меня беспокоит. Я занимаюсь ревизией этих жестянок: проверкой отчетности, контролем заявок на поставки. И надо тебе сказать, некоторые из этих директоров — просто кандидаты в стадо слонов, если за ними хорошенько не приглядывать. Тебе что-нибудь известно об этом? На тридцать пятом я обнаружил только расписку за бильярдный стол и лампы с абажурами за последний месяц, и все. Она была подписана директором собственноручно. Можешь себе представить, как были вздуты цены. Он все отрицал, предположив, что какой-то сумасшедший специально напорочил в документах. Ради смеха. Ха, ха.

Шеврон сидел на койке и испытывал сильную депрессию, давящую, словно свинцовая туча. Неожиданно он произнес:

— Ты говоришь, что это тебя очень беспокоит. С чего бы? Конечно, не принимая во внимание такой малозначительный момент, что любой настоящий мужчина не захотел бы лишиться такого лакомого кусочка, как Мартинец?

— О, да. Я уже говорил тебе. Я, должен быть, человек, который приносит несчастье. Самый выдающийся за столетие. Я присутствовал не менее чем при трех фатальных исходах за последние шесть месяцев. Это — четвертый. Но этот случай не похож на предыдущие. Там были несчастные случаи, а этот наводит на размышления.

— Тоже на спутниках?

— Конечно. На тридцать пятом, например. Один молодой человек поджарился до хруста в шлюзовой камере челнока. Ха, ха.

— Как он попал туда? Во время пуска срабатывает автоматическая блокировка.

— Верно, срабатывает. Она была подвергнута тщательной проверке. Самый настоящий пятизвездочный отказ механизма в работе.

— А другие?

— То же самое. Совершенно непохожие, конечно. Один погиб из-за несрабатывания ракеты-носителя. Затем девушка на тридцатом. Он обеспечивает постоянное орбитальное наблюдение за поверхностью Сахары. Изучают верблюдов и таинственную улыбку Сфинкса или что-то в этом роде. Я никогда не видел никакой пользы от этого. Ничего, кроме колыхания дюн на сканнере изо дня в день. Станет или нет Фузи-Вузи атаковать форт сегодня ночью? Поднимай свой мушкет, Понсонбай, и оставайся на своем посту до конца, как подобает мужчине. Не забудь оставить последний патрон для себя. Ха, ха.

Шеврон терпеливо выслушал эту болтовню.

— А что случилось с этой девушкой, на тридцатом?

— О, сердце. Сердце отказало. перевозбуждение вегетативной нервной системы. Так что в этом случае ты можешь дать волю своему воображению. Ха, ха.

— Следовательно, это убийство?

— Нет. Никто не был обвинен. Она осуществляла надзор за некоторыми аудиенциями с разными людьми на своем реализаторе. А хороший наблюдатель очень волнуется при этом. Ха, ха.

Шеврон решил, что с него довольно. Он порывлся в шкафчике, подвешенном над кроватью, и извлек дорожный несессер, закрывающийся на молнию.

— Пойду приму душ. Не беспокойся относительно меня, Джек. Все будет в порядке. Там нет другого выхода, кроме как через сливное отверстие.

Голос Бьюкса, трещавшего без умолку, приглушала льющаяся вода. Шеврон, высунув голову и плечи из потока воды, привычно

ловко переставил отдельные части своего бритвенного прибора и воткнул в левое ухо миниатюрный наушник.

Ровный женский голос, лишенный какой-либо интонации, произнес: «Слушаю». Шеврон тихо произнес в миниатюрный микрофон, прилепленный к его горлу:

— Проблема местного значения. Отделению кадров следует провести расследование. Необходимо мое участие. Предлагаю замещение.

— Понятно. Конец передачи.

Раскатистый смех Бьюкза внезапно прервался. Шеврон, вытирая голову полотенцем, возобновил разговор.

— Что ты говоришь, Джек?

— Я сказал, что у Кулманна нет никакого воображения. Видимо, это он разрабатывал некоторые дополнительные детали по подбору подходящих пар, которые устроили бы всех. К присутствующим не относится, но в метеорологическом отделении, которое обычно выдерживает самую тщательную проверку, есть один рыжий коротышка. Ха, ха. Поверь мне, в данном случае было бы намного хуже. Этот самодовольный швед, Ольсен, никогда не проронит ни слова. Я бы не смог вынести этого. Тебя же я нахожу весьма симпатичным.

Завтрак на пятом никогда не был изысканным. Шеврон, размазывая по миске какую-то питательную смесь розового цвета пластиковой ложкой, чувствовал, как она камнем ложится на дно желудка. Джек Бьюкз, вставив в левое ухо миниатюрный приемник, наслаждался красноречием директора, который вдвое увеличил смену до тех пор, пока не сможет построить себе личный челнок. Только недремлющее око Бьюкза смогло проследить связь между накоплениями Северного Полушария и присвоением кругленькой суммы в миллион долларов.

— Сколько я экономяю им за год, ты не поверишь. Но чем они отплатили мне? Последний приема я дожидался шесть дней во Фритауне, в сезон дождей. Просто сидел на заднице и смотрел, как дождь капля за каплей стекал с террасы. А они записали это как время отпуска. Так что я не мог потребовать возмещения убытков. Это заставляет призадуматься. Никто не ценит добросовестности государственного служащего.

Шеврон рассеянно произнес:

— Ты прав, Джек. Как всегда, ты умудрился коснуться иглой открытой раны.

Громкоговоритель, расположенный на потолке кают-компаний, неожиданно ожил.

— Мистер Шеврон, явитесь, пожалуйста, в офис доктора Кулманна.

Кто-то с предельной быстротой дал делу ход. Ну что ж, пусть

так и будет. Шеврон подумал, что не пройдет и двенадцати часов, а служба не досчитается одного ревизора.

Кулманн, высокий мужчина с тонкими чертами лица, крючковатым носом и твердой убежденностью, что деловой человек должен придерживаться оживленной манеры в разговоре, начал отрывистым стакато:

— Ах, мистер Шеврон, плохие новости за последнюю ночь, очень плохие, и это сказывается на настроении людей. Моральный дух очень важен на станции, подобной этой. Я склонен думать, что это удачливая посуда. Вы знали девушку? Хотя едва ли, ведь вы находитесь среди нас не так долго. У меня совсем нет времени на разговоры. Кажется, в вас возникла нужда в другом месте. Срочная докладная поступила полчаса назад. Какая-то секретная миссия, но я думаю, вы справитесь. Векторы будут выпрямлены ровно через пятьдесят три минуты. Вам надлежит спуститься в Аккру, где вас будут ждать инструкции. Это не очень удобно, с нашей точки зрения, но кто с этим считается?

Шеврон ответил:

— Это для меня новость. У вас есть какие-либо соображения насчет того, куда я должен буду отправиться?

— Ни малейших. Только инструкции о порядке действий, но они поступили из департамента Контроля за окружающей средой. Наши хозяева, мистер Шеврон. У некоторых гениев канцелярского дела время от времени кровь ударяет в голову, а нам остается лишь проявлять усердие.

Радуюсь, что неприятное общение с Бьюкзом подошло к концу, Шеврон подумал о том, что эта каторга оказалась не слишком долгой. Любой, без всяких сомнений, посчитал бы Бьюкза наушником. Но сам он стойко выдержал это испытание. Пятьдесят три минуты — лишь капля в океане жизни.

Шеврон сказал:

— Я снял некоторые предварительные характеристики с реакторов, и хочу сказать, что нет никакой необходимости проводить капитальный ремонт на следующий срок. Но, вне всякого сомнения, не будет другого инженера, чтобы подтвердить это. Я оставляю вам свой незаконченный отчет, а вы можете передать его по инстанциям, — и уже у люка он добавил: — Одно обстоятельство. Нельзя оставлять Бьюкза без сторожевого пса. Я знаю, вы любите, насколько это в ваших силах, устраивать все наилучшим образом. Я думаю, они хорошо поладят с Ольсеном. Сохраните этот удачный судовой альянс.

— Непременно. Спасибо за совет. Мне придется произвести несколько перестановок. Директор хотел бы поговорить с вами, прежде чем вы покинете нас. До свидания, мистер Шеврон.

Сорвавшись с крючка, Шеврон, умудренный опытом, принял

неожиданное решение. Он миновал гравитационную трубу, ведущую к жилому сектору, и направился к следующему выходу ступицы Спутника-кольца, ведущему к медицинскому центру. Непрошенный гость, он пробирался вдоль натянутого троса так быстро, как новичок, у которого за спиной мрачные казематы. Он даже не выработал четкого представления о том, что он будет делать, когда остановится перед двустворчатой дверью, помеченной красным крестом и пиктограммой — одетой в белое хохотушкой со шприцем в руке.

Внутри все было так, как ему запомнилось по предыдущему посещению: небольшая приемная, строгая светловолосая девушка в белой накрахмаленной шапочке со значком «Айрис Бэверс» на отвороте; а за ее столом — три двери, помеченные надписями: «Пост медицинского офицера», «Лаборатория», «Больничный покой».

Шеврон оперся обеими ладонями на барьер и сказал:

— Итак, вот где работала жертва. Что вы ей сделали? Засунули пластиковых мышей ей в колготки?

— Я не знаю кто вы, но вы ошибаетесь. У нее не было причины быть несчастной. Мы не можем понять, что произошло. Чего вы хотите?

Это был тот самый вопрос, на который рассчитывал Шеврон.

— Меня отзывают назад, на базу. Так как я отъезжаю сегодня, я подумал, что, может быть, могу там что-нибудь сделать. Отправьте личные вещи покойной, например. Если бы вы запечатали их в мешок, я бы проследил, чтобы их отправили. В обход долгой волокиты обычным путем.

— О, это было бы хорошо. Я свяжусь с доктором Гроувз. Если он не будет возражать, так и сделаем.

Она пересекла приемную, слегка покачивая бедрами, и дважды постучала в дверь с надписью ПМО.

Кто-то откликнулся сочным баритоном:

— Входите, мисс Бэверс.

Она вошла, немного помедлив, чтобы успокоиться, и бросив при этом укоризненный взгляд на Шеврона.

Шеврон перебрался поближе к письменному столу. Можно было бы, воспользовавшись моментом, осмотреть подразделение, но это, скорее всего, ничего бы не дало. Безопасность станции, как правило, контролировалась повсюду. Здесь не могло быть ничего такого, что привело бы к разгадке.

Шеврон достал и просмотрел подшивку документов. Здесь было и его имя. Весь персонал станции был переписан по десятидневному циклу. Лойз Мартинец прошла очередное обследование два дня назад. За ней следовала Бэверс. Имена обеих были помечены звездочками, что означало повторную вакцинацию. Обычно это

делалось для того, чтобы поддерживать у медицинского персонала положительный защитный фактор на тот случай, если придется бороться с эпидемией. Больше ничего существенного не было. Она была в полном порядке, регистратор не выдал данных о наличии какого-либо стресса.

Голоса за дверью смолкли. Вновь появилась Айрис Бэверс. Впереди шествовало высокое начальство собственной персоной.

Гроувз, слишком мелкий для того, чтобы служить источником такого завидного голоса, обратился к Шеврону:

— Это не совсем законно, мистер...

— Шеврон.

— ...мистер Шеврон. В высшей степени незаконно. Предупреждая об этом, я лишь забочусь о вас. Это — кошмарная история. Персонал очень встревожен. Мы несем особую ответственность на станции, подобной этой. Если уж медицинская бригада разваливается, то что говорить об остальных? Кто должен охранять стражников?

Он вдруг поднял руку, словно намереваясь похлопать Айрис Бэверс, которую природа щедро одарила, смешался и провел пальцами по редким волосам.

— Ладно, возможно, я необъективен. Сержант службы безопасности осмотрел вещи мисс Мартинец и дал разрешение на их отправку родным. Я взял копию для нашей картотеки. Ее семья живет в Соединенном Королевстве в Дувре. Конечно, из космопорта вещи дошли бы быстрее. Да. Я смогу уладить это. Мисс Бэверс возьмет вас с собой и отдаст вещи. Она живет в одной комнате с мисс Мартинец. Напишите расписку, конечно.

По дороге Шеврон сказал:

— Следовательно, вы знали ее очень хорошо. Замечали ли вы какие-либо признаки того, что имело бы отношение к случившемуся?

— Нет, ничего. Я уже говорила. Она была вполне счастлива. И если вам изменяет память, я напомним — я предпочитаю не говорить об этом.

— Ну, вы должны понять, что любой на моем месте проявил бы заинтересованность. Если все так, как вы говорите, то это может случиться с любым из нас. С вами, например. Потерять рассудок, оказывается, так же легко, как старую шляпу. Возможно, она была стеснена в средствах. Или какой-нибудь мужчина. Безнадежная любовь. Или, наоборот, слишком счастливая любовь.

Айрис Бэверс внезапно остановилась и, глядя прямо ему в глаза, серьезно заявила:

— Послушайте, я уже сказала, что не хочу говорить об этом. Она была симпатичным человеком и хорошей подругой. Не надо способствовать распространению слухов, не имеющих под собой

основания. Я скажу вам, чтобы покончить с этим. С деньгами у нее все было в порядке. И она не была жадной, скорее, наоборот. Ее отец давал ей приличное содержание. И сверх того, она получала здесь. Ни при чем также какой-нибудь мужчина или женщина — раз у вас такой извращенный взгляд на вещи. Она была в полном порядке. Я не видела ее вчера. У нас были трудные дежурства. Я знала ее лучше, чем кто-либо, и, насколько я могу судить, тут нет вообще никакого смысла. О'кей?

Это звучало вполне правдиво. К тому же, за этим угадывалось искреннее чувство. Вопреки видимости, Айрис Бэверс воспринимала случившееся как личную утрату.

Шеврон мягко ответил:

— Хорошо, Айрис. Прошу прощения, но мне необходимо было задать эти вопросы. Во всяком случае, я вижу, что это ничего не даст мне. Может, вы напишете письмо ее отцу? Я позабочусь о том, чтобы оно дошло.

К его удивлению, глаза девушки неожиданно наполнились слезами и она отвернулась, боясь обнаружить их.

— Я напишу, если есть время. Все это сводит меня с ума. Это так несправедливо. Она определенно не заслужила, чтобы умереть такой смертью. В этом точно нет никакого смысла.

Стоя в шлюзовой камере в ожидании, когда бригада техников закончит заправку челнока, Шеврон прокрутил все последние события в уме и пришел к тому же самому выводу. Во всем этом не было никакого смысла. Это внутреннее дело. Отделение безопасности проведет тщательное расследование и составит рапорт. Это не имеет отношения к международной арене. А может, он, действительно, пропустил что-то важное, как явствовало из его последней конфиденциальной проверки. Возможно, он был сбит с толку слишком большим количеством событий за слишком короткий срок, так что совсем не было времени остановиться и внимательно оглядеться?

Голос Бьюкза внезапно вмешался в его мысли. Он говорил с придыханием, словно ему пришлось дать времени обратный ход для того, чтобы встретиться с Шевроном.

— Ах, Марк. Рад, что успел застать тебя. Ты ничего не говорил о своем отъезде. Какие-нибудь незаконченные дела? Очень жаль, мы так хорошо поладили. Дамон и Пифий, ха, ха *. Я знаю, ты не откажешь, если я попрошу кое-что сделать для меня. Только письмо для моей сестры. Пишу ей каждую неделю. Она — все, что осталось от моей семьи. Она любит меня и поддерживает со мной отношения. С фактории письмо дойдет быстрее. Внеси немного радости в ее серую жизнь, ха, ха.

* Дамон и Пифий — неразлучные друзья (античная мифология).

— Конечно.

Шеврон сунул пакет в наружный карман. Пришел пилот. Шеврон защелкнул передок шлема, тем самым избавив себя от какой-либо дополнительной боли в ушах, полностью изолировав себя. Он махнул рукой в знак всеобщего благословения и проследовал за пилотом через люк.

Получив почти 5 г/с, когда челнок совершил маневр, корректируя курс, Шеврон вдруг ощутил тонкую нить еще свежего шрама, протянувшегося от правого плеча к левому бедру, словно вычерченную острым ножом. Возможно, у департамента были основания для тревоги, подумал он. Тот провал позволил оппозиции добиться такого поворота событий. Его уже перевели на запасной путь из-за того затруднительного положения, в которое он никак не должен был попадать.

Прежде чем потерять сознание, Шеврон четко увидел, как это было: иранка Паула, стоящая на коленях у его открытого чемодана, оборванного по подкладке умелой рукой. Той самой рукой, которая со знанием дела теребила его волосы так, словно хотела завладеть ими навек.

Все вдруг стало ясно. Отдельные, разрозненные части встали на свои места, дав полную картину происходящего. Его, Марка Шеврона, одного из шести высших операторов департамента, прикончила смуглая, податливая гурия чуть ли не из средней школы.

Даже потом, когда глаза полностью выдали ее, он все еще медлил. Овальное лицо выглядело вполне серьезным и деловым. Она мгновенно оценила ситуацию и приняла решение, в то время как он все еще не мог справиться с чувством утраты и пустоты. У нее в руке появился маленький изящный бластер, и она выпустила тонкий обжигающий луч через всю комнату, прежде чем он справился с собой.

Только Блэкетт, появившийся следом и ей не видимый, спас ему жизнь.

Для Блэкетта она была не более чем пучком волос, обмотанным тряпками. К тому же она была врагом. Одним-единственным выстрелом он рассек ее лоб пополам.

Перегрузка уменьшилась, и видение отошло назад, на путаную ленту памяти, оставив лишь воспоминание об изящных гладких бедрах и высоких округлых грудях под рукой. Боже мой, он, должно быть, был слишком бесхитроsten. Такое не должно повториться снова. Но, в таком случае, это не должно было произойти вообще.

Он услышал голос пилота:

— Все в порядке, мистер Шеврон? Прошу прощения за случившееся. Я должен был скорректировать курс. Эти зомби на пятом собирались посадить нас в Браззавилле.

Шеврон хрипло выдавил:

— Все отлично. Я в порядке.

Какой поворот событий мог представлять угрозу для его департамента? Подключенный к детектору лжи, он стал бы, несомненно, ценным приобретением для разведки Южного Полушария. Конечно, он никогда бы не позволил случиться этому. В Уставе на этот счет говорилось достаточно ясно. В случае реальной угрозы захвата он, повинувшись долгу, обязан был прокусить капсулу забвения, находящуюся в ремешке часов.

Как он относится к этому? Было уже слишком поздно что-либо передумывать. Он отбросил все сомнения, загнал их в самые отдаленные уголки памяти, к другим нерешенным проблемам, засевшим в голове, и стал наблюдать за белым городом Аккрой, выросшим словно под линзой с большим увеличением.

На уровне улиц образ парящего мраморного города вызывал изумление. В основном он был оштукатурен, и при этом на скорую руку. Ему надолго запомнился распространяющийся повсюду острый, с примесью гнили запах. И жара. Она давила, словно реально существующая тяжесть, которую нельзя сбросить с плеч.

Шеврон остановился в «Полуночном Солнце», где две трети потолка в вестибюле было занято выпуклым кроваво-красным полушарием и чернокожий клерк в красной феске изворачивался, словно хамелеон, стараясь успеть зарегистрировать всех прибывших.

Следуя существующим на этот счет правилам, Шеврон осмотрел комнату. Если здесь и была какая-либо аппаратура для наблюдения и прослушивания, то она была достаточно тщательно скрыта. Какой-нибудь миниатюрный датчик мог стать источником больших неприятностей. Шеврон лишь на девяносто процентов мог быть уверен, что комната была чиста.

Он взял запечатанный мешок с вещами Лойз Мартинец, набор миниатюрных инструментов часовщика и сел на кровать, вытянув ноги. Через десять минут упорной работы печать Департамента Контроля Окружающей Среды оказалась аккуратно подрезанной с одной стороны, открыв клапан.

Шеврон вывалил все содержимое мешка около себя на кровать и стал перебирать вещи по одной. Здесь были восьмиугольные часы на браслете из сплава золота и серебра, кольцо с натуральным аметистом в овальной оправе; упругая золотая спираль с прядью прекрасных черных волос, запутавшейся в ней, словно она была выдернута в спешке; широкий пояс из продолговатых бронзовых пластин со змеиной застежкой; бронзовый нарукавник кельтского образца; запечатанное письмо, несомненно, от Грира, и дневник в переплете из красной марокканской кожи.

Шеврон перелистнул страницы. Мартинец каждый день что-

нибудь записывала. Ничего сверхважного, но она точно подмечала разные небольшие особенности у людей. У нее даже имелась пятибалльная шкала, чтобы их оценивать. В дневнике упоминалось о приезде Бьюкза, который вызвал у нее болезненные мурашки. Он был дважды помечен буквой Σ. Видно было, что она интересовалась людьми, любила и неплохо понимала их. Пожалуй, это могло быть чем угодно, но не дневником самоубийцы.

Шеврон увидел свое собственное имя, помеченное буквой А с вопросом. К тому же, она с уважением упоминала о его шраме. «Должно быть, несчастный случай на производстве. Но я не очень верю в это. Больше похоже на ожог от высокочастотного излучения. Этому соответствует повреждение тканей. Когда я коснулась его руки, он бросил на меня очень внимательный взгляд. Я подумала, что не так-то просто близко сойтись с этим человеком. Одинокiй мужчина, держащийся особняком, но если он даст волю своим чувствам, то будет ужасен».

В последний день записи не было. Возможно, она просто не успела ее сделать — события застигли ее врасплох. Это подтверждала и последняя запись.

«С самого утра отвратительное настроение, хотя никогда прежде ничего подобного не испытывала. В чем смысл существования здесь? Какой смысл принимать пищу, работать, засыпать и просыпаться и проделывать это снова на следующий день? Мне кажется, я не вынесу еще один день, подобный сегодняшнему».

Вот и все. Шеврон мог мысленно представить ее, одетую в платье, прелестную, полную сил и живую. Теперь она была мертва, и это было паршиво. Бессмысленная случайная жестокость.

Он запихнул вещи обратно в мешок и запечатал его. Затем взвесил на ладони письмо Бьюкза. Казалось, не было никакого смысла предпринимать тут что-либо, но ему, по крайней мере, надо было быть последовательным.

Скорее всего, тут ничего не было, только высказывания Бьюкза: бессвязные сентенции с множеством уводящих в сторону уточнений, так что было почти невозможно уловить какой-либо смысл. Шеврон переложил письмо на тумбочку и поставил рядом настольную лампу. Затем он извлек из своего набора отдельные детали, которые, собранные вместе, превращались в миниатюрную фотокамеру, мотающую пленку из фильтра сигареты. Она могла снимать с любого положения, и при этом в комнате мог находиться кто-либо посторонний. По крайней мере, это подтвердило бы, что он мастер своего дела.

На часах 16.00. Подошло время заняться своими собственными делами. Шеврон отправил пакеты по почте, включая свою собственную небольшую посылку, и нанял песчаный автомобиль, который должен был доставить его на Взморье.

Это была открытая, без боковин, небольшая маневренная тележка с широкими ободами спереди и сзади, так что какой-нибудь резвый юнец мог управлять ею стоя.

Жара понемногу покидала день. На дороге к побережью царило оживленное движение, словно в это время суток город обратился в паническое бегство к морю.

Через три километра Шеврон проехал сквозь радужную арку, искусно установленную на тонком основании.

Лабадийское побережье возникло в разноцветных огнях, зажженных заранее, чтобы не быть застигнутыми врасплох короткими экваториальными сумерками.

Шеврон оставил тележку на стоянке, которая заполнялась словно через узкий шлюз, и протиснулся сквозь толпу к эспланаде, протянувшейся вдоль всего залива.

Сверкающие краски, меняющиеся узоры из золотистой охры, голубовато-зеленого, кобальтового, ализаринового цветов. Все оттенено черной, цвета слоновой кости или темно-коричневой кожей. Казалось, все женщины вышли словно напоказ, заманчиво покачивая бедрами, позвякивая украшениями из драгоценных камней и испуская флюиды многочисленного гарема.

Нескольких светлокожих поблизости было вполне достаточно, чтобы сделать его незаметным в толпе. Шеврон вытащил доску для серфинга из груди под пальмовым деревом и спихнул ее с обрыва прямо на берег.

У кромки воды он, следуя приятному обычаю страны, скинул защитного цвета рубашку, шорты и вошел в море, таща за собой доску, — странное рогатое животное, лишенное какой бы то ни было оригинальности.

Проплыв пятьдесят метров в теплой, быстро несущейся воде, Шеврон вскочил на большую волну, рассчитал ее падение и бросился вперед.

Время остановилось. Скорость, грохот, бурлящий пенный водоворот, полное уединение. До тех пор, пока не упадешь в мелкий песок. На мелководе у его локтя внезапно возникла девушка с волосами, забранными под тюрбентку. Вода стекала по ее плечам, словно вырезанным из эбенового дерева, и каплями сбегала с кончиков ее упругих грудей.

Живые и мертвые. Он был полон жизни, а девушка Мартинец — мертва. Бытие и небытие, два полюса сущего, взаимно исключающие друг друга.

Сделав еще три захода, Шеврон значительно продвинулся вдоль берега. Подошло время связи с Полдано. Американец должен был быть где-то поблизости. Вряд ли какие-либо инструкции уже поступили, но Шеврону необходимо было убедиться, что Полдано в настоящий момент здесь и готов к действиям.

В течение двадцати минут Шеврон дрейфовал вдоль берега. Пройдя все побережье, он начал двигаться назад. Почти в том самом месте, где он оставил свои вещи, собралась небольшая кучка людей. Они обступили песчаный грузовик, прибывший с поста Береговой Охраны.

Прошло почти полминуты, прежде чем его истерзанные прибором уши приспособились к новым звукам. Добрый гектар Лабадийского побережья бесшумно опустел, подобно джунглям перед надвигающейся угрозой.

С доской под мышкой Шеврон втиснулся в задние ряды. Два береговых охранника с носилками проворно спрыгнули с задка автомобиля на песок и скрылись из виду.

Когда они появились вновь, менее проворные под тяжестью груза, в руках у них был брезент с телом, длинным и бледным. В тот момент, когда они подняли его на борт, Шеврон смог разглядеть лицо.

Это был Чад Полдано. Бородатый, безмолвный, с ручейком крови, стекающим из угла рта. В груди у него, словно указатель, торчал гарпун.

2

Шеврон въехал на стоянку у обочины дороги, где в пальмовой роще была оборудована площадка с грубо сколоченным столом и деревянными скамейками без спинок. У него имелись все основания для ответного удара. Шеврон позволил себе спокойно пообедать, но потом вся эта суета началась вновь, заполнив каждую минуту бегом на длинную дистанцию.

Шеврон покинул тележку и, не торопясь, двинулся к кустам, как будто по естественной надобности. Вряд ли тут могли оказаться какие-нибудь наблюдатели, чтобы зарегистрировать факт. Он решил, что никто не будет устанавливать потайные микрофоны на каждом дереве.

Прислонясь спиной к гладкому стволу так, чтобы было видно дорогу, Шеврон вынул свой передатчик. Ему очень хотелось потопропить «Пошевеливайтесь» и при этом невозмутимо добавить, как обычно это делал Полдано: «Никогда не мешкай под пальмовым деревом. Тебе не дано знать, когда упадет кокос». Это была любимая присказка Полдано, которая теперь могла бы стать подходящим некрологом, но Шеврон подумал, что вряд ли это будет оценено по достоинству.

Вместо этого он откликнулся:

— Полдано умер. Инструкции.

— Ожидайте.

Мимо на бешеной скорости промчались два автомобиля. За несмолкаемым приглушенным шорохом кустарника Шеврон смог услышать барабанный бой, очень слабый и настойчивый. Обычно он продолжает всю ночь. Рядом с современными городами все еще существовали такие примитивные общины, которые не желали признавать прогресс двадцати четырех столетий.

Возможно, в этом был определенный смысл. Лойз Мартинец вряд ли было хуже, если бы она не оказалась в расцвете лет зернышком, измельченным в ручной мельнице. Один только контроль за окружающей средой делал это возможным для большинства людей, вынужденных жить в постоянном напряжении. Хорошая жизнь была настолько иллюзорна, насколько она вообще когда-либо была. Человек пускался в разврат после того, как не смог достичь желаемого. Но в этом случае он уже не мог остановиться, иначе вновь почувствуешь себя ничем.

Голос, шедший, казалось, прямо из его руки, привел его в чувство, увел с того сомнительного пути, по которому блуждала его мысль.

— Вы остаетесь здесь. Не предпринимайте ничего относительно Полдано. Возьмите отпуск. Выйдите на связь через день. Конец.

Шеврон зашелкнул крышку коробки и рассмотрел ее поверхность с голубыми и золотыми полукружьями лавровых листьев. Изящной итальянской работы, она принадлежала Вагенеру. Тому самому Вагенеру, который был вынужден отстранить его от работы и должности на шесть месяцев. Он объяснил это так: «Я знаю, на что ты способен, Шеврон, но прошлые заслуги — это еще не все. Поверь мне, в первую очередь это нужно тебе самому. Никто не может оставаться наверху положения вечно. Мы не имеем права на сомнительные связи. Это нечестно по отношению к тем, кто вынужден на тебя положиться. Ты понимаешь меня?»

Верно, тысячу раз верно. Он первым бы выразил недовольство, если бы ему самому был навязан ненадежный оператор. Но человеку должно быть позволено ошибиться в расчетах хотя бы один раз.

Боже, что же они думают о нем? Что он встанет на рынке и громко крикнет, что Полдано был его другом?

Что-то с глухим звуком упало у его ног. Это был массивный желто-зеленый стручок, вмурованный в жирную глину. Возможно, он имел цель. Неоткуда даже получить добрый совет. Если бы он встал на двадцать сантиметров дальше, был бы пронзен, словно копьем.

Это выглядело так, словно Ка * Полдано метнуло стручок в

* Ка — одна из душ человека (египетская мифология).

качестве прощального жеста, до того как последовать в солнечной ладье за край. День еще был в самом разгаре, когда Шеврон зажег сигарету и сел в свою тележку, чтобы вновь обдумать случившееся.

Когда он очнулся, чернота обступила его со всех сторон, и отброшенный в кусты окурочек прочертил в ночи светящийся след.

Он тщательно, со всех сторон рассмотрел случившееся, не пытаясь решить все наскоком. Несомненно, ощущалось постоянное давление со стороны разведки Южного Полушария. Не всегда на одном и том же уровне и не всегда в одной и той же точке. Ради выгоды они готовы были хитрить и изворачиваться, и если вынашивали какой-то план, то действовали обычно очень осмотрительно, тщательно разрабатывая все до последней мелочи.

Насколько в департаменте были в курсе — не было на пути ничего сколько-нибудь важного. Вот почему он был отослан на пятый для проверки его боеготовности. Вряд ли это была подходящая работа для того, чтобы отвлечь его от собственных грустных размышлений, в отличие от интересной работы по его штатской специальности инженера-термоядерщика. Но они могли и ошибиться. Убийство Полдано могло быть лишь отправным шагом в некотором хитром тактическом ходе — на деле ложном, для того чтобы отвлечь внимание от реальных событий где-то в другом месте.

Но где, бога ради? Неустойчивый мир между двумя полушариями был настолько надежен, насколько был надежен за последнее десятилетие. Собирались даже регулярные конференции, обсуждавшие проблемы всеобщего слияния, которое объединило бы планету. Впервые в ее истории.

Теперь это могло стать чем-то вполне реальным: если только это было то, чего они действительно хотели. Но, скорее всего, никто не решится на последний шаг, навсегда избавивший бы мир от агрессии. Она была слишком важным строительным кирпичиком человеческой психики. Нет диалектики — нет борьбы, даже если она создана искусственно. И человеческая раса выродится.

Где, в таком случае? Самой отдаленной точкой в географическом отношении был Северный полюс. Чего могли хотеть сатрапы Бразилии от Северного полюса? Ничего такого, чего они не могли бы сделать с своей собственной Антарктикой.

И этот путь в рассуждениях завел в тупик. Шеврон запустил мотор и выбрался на шоссе. Решение пришло внезапно, во время движения. Вагенер мог вполне дать запугать себя. Посмотрел бы он на себя на месте Полдано.

Шеврон свернул на проселочную дорогу в том месте, где через высохший ров была переброшена плита, и проехал дальше, трясясь по подлеску до тех пор, пока не скрылся за кустами. Вовсе не потому, что увидел, будто кто-то едет следом за ним. Отъехав от

Аккры пятнадцать километров по Кумазийской дороге, Шеврон свернул направо, на разбитую грунтовую коллею, очень ухабистую и переходящую в длинный темный туннель из нависающих деревьев.

Бунгало Полдано было построено на уступе приблизительно в двух километрах от развилки и на высоте в полкилометра. Первый дом небольшого поселения, в котором жили некоторые из европейского персонала тропического исследовательского медцентра. В центре поселка был небольшой участок с бассейном и маленькой площадкой для вертолетов.

Шеврон оставил автомобиль и взобрался на небольшую насыпь. Здесь на вершине, где не гудел мотор и не стучали обода колес, он смог слышать ночные звуки в полную силу.

Это били в барабаны где-то совсем рядом и в отдалении, но уже совсем в другом ритме. Этот способ связи был единственно возможным на больших расстояниях. В том смысле, что для него не существовало границы в виде экваториальной линии. У Южного Полушария был большой гарнизон в Габоне и разного рода аппаратура быстрого обнаружения. Они могли использовать барабанный бой в качестве открытой связи, настолько банальной, что никто даже не обращал на это внимание.

Возможно сейчас, именно сейчас, какой-нибудь черный как смола барабанщик, блестящий от пота, выбивал в банановой роще экстренное сообщение о том, что Шеврон покинул Аккру и направился в поселок Полдано.

Вне движущегося воздушного потока было все еще достаточно жарко и рубашка липла к телу. Шеврон снял ее и перекинул через плечо. Впереди показался автомобиль. Он двигался очень быстро, наполняя светом пространство туннеля. Шеврон бросился в канаву и встал на четвереньки в двухсантиметровом слое белой пыли.

Через пять минут дорога начала подниматься вверх и свернула к подножью уступу, на котором расположилось поселение.

Как ему запомнилось, там была сторожка со шлагбаумом и дежурным привратником, регистрирующим посетителей. Шеврон шел по дороге, огибающей уступ, до тех пор, пока она не начала поворачивать назад, образуя петлю, и на вершине в сиянии света возник поселок. С правой стороны была сплошная скала с редкими пальмами, растущими прямо из расщелины скалы. Плавные изгибы стволов тянулись вверх.

Шеврон ухватился за ближайший и подтянулся. Этот путь, вполне безопасный, лишал какого-либо смысла контрольно-пропускной пункт, но только в том случае, если не требовалось доставлять им тяжелую аппаратуру.

На вершине, образуя навес, выступала углом старая ржавая ограда. Шеврон двинулся вдоль нее, подыскивая надежный метал-

личный стержень. Затем перебросил через верх ограды рубашку и, перебирая руками, выдвинулся вперед так, что свободно повис в воздухе. Подтянувшись из последних сил, он соскользнул внутрь, словно краб.

По периметру ограды рос кустарник, образуя как бы широкий пояс, а за ним — яркое дневное освещение от четырех прожекторов, установленных с каждой стороны периметра на высоких подставках.

В бассейне кто-то был. Шеврон услышал голоса и плеск воды. Прячась за кустами, он обогнул сторожку. Шлагбаум был опущен, а привратник забрался внутрь своей круглой саманной хижины.

Бунгало Полдано имело веранду с тремя широкими ступенями. Оно было крыто желтой драпкой. При входе — двустворчатые двери с колышавшейся занавеской из белой марли; вокруг — лужайка из простой травы. От соседнего в ряду бунгало его отделяло примерно пятьдесят метров. В доме кто-то был. Правое с фасада окно было освещено, и узкая полоска света выбивалась из-под занавешенной двери.

Шеврон пересек двадцать метров открытого пространства, двигаясь бесшумно, словно кошка. Потом он свернул влево и миновал конец фронтона с длинным окном, обращенным в сторону скалы.

С обратной стороны бунгало был все тот же аккуратный газон, простирающийся до кустарника. Полдано спланировал его таким образом, что никто не мог подойти слишком близко, чтобы не повредить его.

На кухне кто-то пел. Заунывный напев сопровождался повторяющимися последовательными ударами, словно кто-то колотил ложкой по полой деревяшке. Шеврон бесшумно пробрался вдоль метровой ширины бетонного основания и осторожно заглянул в кухонное окно.

На высоком табурете, погруженный в свои невеселые мысли и не замечая ничего вокруг, сидел африканец в белой пижаме, коренастый и с бритой головой.

Это был Закайо, повсюду сопровождавший Полдано в течение последних десяти лет. Без сомнения, он знал о том, что произошло.

Шеврон осторожно приоткрыл дверь и оказался внутри прежде, чем человек смог двинуться.

— Спокойно, — предупредил он. — Спокойно, Закайо. Ты должен помнить меня. Я навещал доктора Полдано около двух лет назад.

Закайо, не прекращая стучать рукояткой ножа, в то же время отвел назад руку, готовясь метнуть его.

Шеврон ощутил легкое покалывание в области шрама.

— Спокойно, — повторил он снова. — Вспомни меня.

В то же время он готовился молниеносно бросить рубашку навстречу ножу, чтобы сбить его, рассчитывая какой-то частью своего разума с холодным спокойствием время ответной реакции, вероятную траекторию и скорость полета ножа.

Внезапно лицо Закайо расплылось в широком оскале, обнажив ряд белых массивных зубов и ярко-красный язык. Эта гримаса, очевидно, должна была означать радушную улыбку. Глаза же не изменили своего выражения. При этом он проговорил:

— Конечно, я помню вас, мистер Шеврон. Я несколько потопился. Располагайтесь. Если хотите, я сварю кофе. Я как раз думал о том, что мне следует предпринять. Одно несомненно, я сверну голову тому выродку, который метнул этот гарпун в моего хозяина.

— Как ты, наверное, догадываешься, я бы хотел услышать об этом подробнее.

— Это было так, мистер Шеврон. Я знал, что доктор отправился на встречу с кем-то. Затем час назад я получаю это известие из медцентра. Потом появляется вы, пытаетесь что-то выяснить. Не с переднего крыльца, как обычный посетитель. Вполне очевидно, мистер Шеврон, что все это связано. Я бы никогда не подумал, что мистер Чад закончит таким образом. Он всегда был очень осторожен и всегда выходил чистым из любой переделки. Он был хороший человек. Очень сильный. Видимо, кому-то было очень выгодно отправить его на тот свет.

— Есть другие идеи?

— Нет, мистер Шеврон. Как я сказал, он должен был встретиться с кем-то на берегу.

— Со мной. Но мы так и не встретились. Оставил ли он после себя какую-нибудь записку?

— Ничего. Ничего, насколько мне известно. Поглядите, мистер Шеврон, Служба безопасности Аккры уже побывала здесь. Они ничего не нашли и велели мне оставаться здесь до тех пор, пока я еще что-нибудь не узнаю.

— Все верно. Им бы хотелось думать, что ты просто присматривал за вещами, но будь осторожен. Кто бы ни сделал это, захотят раздобыть этот адрес. Возможно, они захотят выяснить, что известно тебе.

— Не так много, мистер Шеврон. Доктор был очень скрытен. Но я находился возле него достаточно долгое время и знаю: он занимался еще чем-то, помимо той работы, что делал здесь в подразделении. Я много думаю здесь, но молчу.

Закайо слегка постучал рукояткой кухонного ножа по лбу, слез с табурета и приготовился принимать гостя.

Стоя, он оказался ниже, чем можно было предположить вначале. Плечи и грудь были массивными и соответствовали бы более

высокому росту, чем даже два метра Шёврона. Но ноги были короткими, и Закайо приходилось смотреть вверх, чтобы встретиться с глазами Шеврона. Он взял свой нож и засунул его в узкий карман под рукавом куртки.

Очень подвижный, несмотря на свой вес, Закайо первым вошел в гостиную, где тоже горел свет, и выкатил из-за бамбуковой перегородки столик со спиртными напитками.

— Хотите выпить, мистер Шеврон? Доктор всегда в это время пил виски с лимоном.

— С удовольствием. Налей что-нибудь и себе.

— Доктор был хорошим человеком, мистер Шеврон. Всегда ровный. Не из тех, кто меняется день ото дня и вы не знаете, на каком вы свете. Не так много людей, похожих на него. Всегда приветливый и доброжелательный. Я буду скучать по нему. И не боюсь это сказать. Такого больше не будет.

— Что ты собираешься делать дальше?

— Этого я не знаю. Полагаю, появится другой человек, который займет его место в медцентре и этот дом, заодно с работой. У меня есть кузен в Аккре, и я не знаю, останусь ли здесь. У него свое дело, прокат автомобилей. Я имею долю. Немой партнер, если можно так сказать. По крайней мере, у меня есть выбор. Правда, не совсем так. Мне нравилось работать с доктором. Обычно он садился на этот стул, и мы обсуждали разные проблемы. Говорили буквально обо всем. Только прошлой ночью он был как будто в другом ледниковом периоде. Вы знали, что оба Полушария — как Северное, так и Южное — имеют по целому департаменту, работающему над этой проблемой? И если они делают это не для полярных станций, то это могло произойти в любое время.

— Я что-то слышал об этом. Что заставило Полдано заинтересоваться этой проблемой?

— Он прочитал старые рукописи «Новозеландских научных обзоров». Отдельные страницы лежат где-то там, на полке. Ледовая шапка все увеличивается в размерах на Южном полюсе. Когда она станет достаточно толстой, нижние слои под тяжестью льда начнут таять, и тогда глыбы льда начнут сползать в океан, переполняя его. Они сползут вниз примерно до пятидесятого градуса южной широты. Это повлечет за собой отражение значительной части солнечного света, и на Земле похолодает.

Шеврон вновь наполнил свой стакан и перешел к окну, вытащив по пути один-единственный лист тонкой газетной бумаги. Это могло быть простым совпадением. С другой стороны, Полдано был достаточно проницательным человеком. Какой-нибудь намек относительно повышения активности на Севере мог вызвать его интерес.

— Ты достаточно хорошо это запомнил?

— Доктор объяснил все очень понятно. Я думаю, можно что-то понять, проследив за ходом его рассуждений. С охлаждением Земли шапка на Севере будет расти, все больше тепла будет отражаться в космос, и ледники устремятся вниз, через всю Европу. К тому же, уровень океана повысится примерно на двадцать или тридцать метров. Полдано считал, что здесь, на утесе, с нами ничего не случится. Но все это принесет много горя.

— Вот почему полярные станции сохранили этот отчет. Это интересная теория, но ничего подобного не произойдет.

— Только то, что я рассказал, мистер Шеврон. Ничьи интересы тут не замешаны. Если бы Южное Полушарие могло устроить все так, чтобы это произошло только на Севере, было бы из-за чего тревожиться. Но они не станут отрезать свой собственный нос, чтобы досадить твоему лицу.

Шеврон сложил бумагу и засунул ее в наружный карман куртки.

— Ты не будешь возражать, если я осмотрюсь? Он рассчитывал встретиться со мной. Вполне возможно, что существует какое-нибудь письмо или что-то еще, что он хотел бы передать мне.

— Пожалуйста, мистер Шеврон. Хотите, я приготовлю еду?

— Это было бы неплохо, но мне не следует оставаться здесь так долго. Я пришел через ограду и уйду этим же путем. Если тебя спросят, то ты меня не видел.

— Я понимаю, мистер Шеврон. Можете на меня положиться.

В комнате Полдано было чисто, как в больничной палате. Шеврон остановился на пороге, не включая света, дал своим глазам привыкнуть к полумраку и внимательно оглядел комнату: простая кровать, застеленная зеленым покрывалом; соломенная циновка; сундук с одеждой, на крышке которого, посередине, почти с математической точностью стояла изящная фигурка окапи *, приблизительно десятисантиметровой высоты; белый стенной шкаф с круглыми ручками из нержавеющей стали и дверцами в виде жалюзи; дверь в ванную из матового стекла; наполовину застекленная дверь, ведущая в мансарду, соединенную с верандой.

Оглядев комнату, Шеврон решил, что нет смысла искать здесь что-либо. Полдано был достаточно опытен, чтобы не оставлять следов. Обычно все инструкции он держал в голове. А все рапорты отправлялись по назначению. Все сообщения ему могли передавать через надежного посредника. Шеврон надел рубашку и, уже застегивая вторую пуговицу, внезапно замер. Тихие шаги на веранде заставили его встать за дверью и прижаться к стене. Ручка подавалась вниз, и дверь начала медленно открываться.

Кто-то еще проявлял к этому интерес. Кто-то от Южного Полушария за золотыми запасами? Можно было только удивляться,

* Окапи — животное, похожее на жирафа.

что они так долго оставляли это без внимания. Хорошо же. Надо только сохранять хладнокровие, и, может быть, удастся раздобыть немного информации прямо сейчас.

Дверь отошла на полметра и начала закрываться. В голове у него пронеслось: только один, и при этом худой. В то же самое время он начал действовать. Ударом ноги захлопнув дверь и развернувшись, Шеврон швырнул вошедшего прямо на закрывшуюся дверь. Если у него был напарник, то, стреляя через стекло, он попал бы в первую очередь в своего человека.

Вдруг он испытал некоторый шок. Прекрасные шелковистые волосы коснулись его подбородка. Кожа была гладкой, словно мрамор. Все посылки были совершенно неверны для объекта мужского пола. Легкий запах сандалового дерева. Испуганное «ох», приглушенное его рукой, прозвучало мягко и мелодично. Рядом с ним была женщина, причем молодая и ухоженная.

Продолжая зажимать ей рот, Шеврон развернулся, оттащил ее от двери и выждал, считая до пяти.

После короткой борьбы, показавшей, что сопротивление бесполезно, женщина успокоилась. В полумраке ее глаза, блестящие, с огромными зрачками, свирепо смотрели поверх его руки.

Снаружи не слышалось никакого шума. И Шеврон спросил:

— Кто вы? Говорите тихо и примите к сведению: мне совершенно ничего не стоит свернуть вам шею.— В то же время он достаточно красноречиво перенес руку на ее горло.

Возможно, она и была удивлена таким обращением, но это не имело никакого значения; ведь она была просто ничтожной «эй-ты».

— Я могла бы спросить вас о том же. Где доктор Полдано?

Вопрос был задан совершенно искренне и прозвучал убедительно. Было очевидно, что она действительно не знала, что с ним. Но Шеврон был уже заранее предубежден. Только глупец может дважды повторить одну и ту же ошибку. Его пальцы сомкнулись на гладкой шее.

— Задавать вопросы буду я,— прорычал он.— Кто вы?

В ее глазах неожиданно отразилась боль.

— Я — доктор Рилей.

— Это о многом говорит мне. А нельзя ли более подробно?

— Четыре-девять-три отклонение семь пять отклонение Роджер девять один, Рилей Доктор.

— Не увливайтесь, Рилей.

Пальцы еще немного сжались, и она поспешно добавила:

— Я здесь работаю. С доктором Полдано. У меня только что закончилось дежурство, и я ишу его.

— Почему не воспользовались главным входом, как обычный посетитель?

— Мы друзья. Я всегда пользуюсь этой дверью.

— Любовники?

Она молчала, и только глаза ее говорили, что она ненавидит его. Было ясно, что он попал в самую точку, но тупой иглой. И все же это проясняло один момент — она не знала, что Полдано мертв.

Услышав голоса, Закайо вырос у него за спиной, а из-за плеча Шеврона показался кухонный нож.

— Давайте, я расправлюсь с ним, босс,— и неожиданно продолжил уже совершенно другим тоном: — Мисс Анна. Все в порядке, мистер Шеврон, она не от них. Она бы не причинила доктору вреда. С ней все о'кей. Это доктор Рилей из подразделения. Психоаналитик.

Руки Шеврона безвольно упали вдоль тела — за это высказалось большинство голосов.

— Вы скажете мне, что происходит? — хрипло спросила она, массируя руками шею. — Что ты имел в виду, Закайо? Доктора Полдано ранили?

— Он — мертв,— без обиняков заявил Шеврон.

Это было жестоко, но в то же время так, словно ему, чтобы вскрыть ланцетом собственный гнойник черной желчи, необходимо было ранить кого-то другого. Только в качестве личной терапии это не помогло. Какая-то часть рассудка кричала ему: «Шеврон, ты все время был просто гнидой».

Видимо, это мнение разделяла и девушка, что в значительной мере снизило эффект сказанного. Чувство собственного достоинства и профессиональная любознательность заставили ее перейти в наступление.

— Что за удовольствие вы собирались испытать, сказав это? Может быть, вы ждали, что я зареву или упаду в обморок?

— Я вовсе не собирался поразвлечься. Просто хотел узнать, известно ли это вам.

— Несмотря на то, что я сказала? Вы никогда не верите тому, что слышите? Ну и какой вывод, если мне будет позволено спросить? Выдержала я вашу проверку?

Она ринулась мимо Шеврона к кровати, словно собиралась сесть на нее, потом остановилась в задумчивости и направилась к сундуку.

— Это четыре вопроса убедили меня на девяносто девять процентов, но существует один процент, что в этом деле замешаны некие заинтересованные лица.

Анна Рилей остановилась перед сундуком, положила руки на крышку и склонила голову. Завитки черных как вороново крыло волос упали вперед, закрыв все лицо, кроме мягко очерченного подбородка. Ее голос прозвучал достаточно твердо, хотя было

видно, что самообладание давалось ей с трудом, благодаря постоянной тренировке воли.

— Я бы хотела взять этого окапи. Мы купили его вместе, когда путешествовали по стране. У меня дома есть точно такой же, а теперь их будет пара.

— Пожалуйста. Вы можете также привести в порядок его личные вещи и подготовить их к отправке. Вы знаете, что надо делать?

— Никого нет. У него не было семьи.

Это простодушное заявление словно эхом отразилось в голове Шеврона. Оно могло бы стать подходящей эпитафией для любого из департамента. Ничто не могло являться залогом успеха. Они — бросовый материал, не представляющий ценности. С другой стороны, они должны быть неуязвимы. У каждого была какая-то страсть, которая наполняла смыслом их суровую жизнь. Для Полдано — это был преданный друг в лице девушки по фамилии Рилей. А для Паулы он был пустым местом.

У Полдано в этом плане дела обстояли лучше. Все ясно и просто, и наилучшим образом, каким возможно в обоих мирах, если только это можно сказать про человека, напоровшегося на гарпун.

— Он был сегодня на берегу. Вы не знаете, кто вероятнее всего мог находиться рядом? — спросил Шеврон. — Почему, к примеру, вы не пошли с ним?

Анна Рилей отвернулась от сундука, прижав к себе окапи обеими руками. На щеке две ямочки, изящная походка подчеркивала соразмерность и хорошие пропорции. Она не пользовалась своими достоинствами. Не скрывала и не выставляла их напоказ, как и подобает хорошему психологу, а просто считалась с существующим порядком вещей.

— Он был членом клуба «Аквалайф», в Аккре. У них есть своя база на эспланаде, где члены клуба хранят свое снаряжение: комнаты с одежными шкафчиками, клубное помещение, ресторан. Чад собирался отправиться туда. Мы не можем... не могли часто ездить вместе, потому что распределили между собой работу здесь, в подразделении. Когда проводятся опыты, один из нас обязательно должен присутствовать. Ехать туда сегодня он не особенно желал, но сказал, что возникли определенные затруднения и ему необходимо быть поблизости на всякий случай.

Итак, даже Полдано не смог остаться в стороне от всего. Не сообщая ни слова о происходящем, он все же был вынужден довериться своему напарнику. Вагенеру это бы совсем не понравилось.

Оторвавшись от своих мыслей, Шеврон вдруг увидел, что Рилей смотрит куда-то поверх его плеча. Выражение ее лица изменилось. Видимо, для занятий медитацией это была как раз ее ночь.

Но еще до того, как чей-то шипящий голос приказал: «Всем оставаться на своих местах. Не двигаться»,— Шеврон понял, что его обошли. Вагенер был прав. Ему не следовало с детсадовской беззаботностью доверяться чужим.

Их было трое, бесшумнодвигающихся в мягкой обуви на мягкой упругой подошве. Без излишней суеты каждый выбрал свою цель. Мелкая серая сетка делала их лица одинаково невыразительными, за исключением стоящего ближе всех, который навел свой бластер Шеврону в грудь. У него, кажется, была лопатообразная борода. На них были свободные рубашки и широкие брюки из тика защитного цвета. Руки имели слегка красноватый оттенок. Скорее всего, они пробыли в деревне не так много времени.

— Друзья покойного держат совет,— снова заговорил главарь.— Черный — из правых, доктор Рилей имеет, вернее, имела свой личный интерес, но чего здесь нужно этому долговязому уроду? Давайте послушаем, что он нам скажет. Для начала имя. Только лишь для того, чтобы увидеть, вызовет ли оно у меня какое-нибудь воспоминание.

Шеврон решил, что этот с бородой и мешком на голове, издаваясь, специально провоцирует их. Но бластер давал ему это преимущество.

— Мое имя Шеврон,— откровенно признался он.— Я только приехал в город и решил навестить моего знакомого, старого знакомого. Но с ним, вероятно, произошел несчастный случай. Если же это ограбление, то вам не повезло. Свои бриллианты я держу в банке.

— О, как не любезно с вашей стороны. Я вижу, нам попался юморист,— проговорил главарь.— Подойдите к девушке. Гомес, уведи их всех в соседнюю комнату. Я поговорю с ними, как только закончу здесь.

Самый маленький из троицы пошарил в кармане и вытащил сразу два бластера. Глаза за сеткой были достаточно выразительны — он только и ждал возможности заняться одним из них или всеми сразу.

— Похоже, у нас нет выбора,— кротко ответил Шеврон.— Только после вас, доктор Рилей. Делайте так, как говорит этот человек.

Она наблюдала за ним с чем-то похожим на презрение, как будто ожидала от него более уверенного поведения, но, тем не менее, вышла вслед за Закайо, двигаясь с изяществом, которое не оставило равнодушным Гомеса.

За спиной у них раздался грохот брошенного на пол выдвижного ящика и затем пронзительный треск. Они действовали основательно, словно намеревались разбить все в щепки.

Гомес выстроил их вдоль бамбуковой перегородки, а сам взгро-

моздился на кресло, с видимым удовольствием положив лапы на подлокотники. У него был вид человека, приготовившегося к длительному ожиданию.

— Могу я предложить вам что-нибудь выпить? — гостеприимно спросил Шеврон.— Вот тут под рукой столик. Мы могли бы по такому случаю опустошить его.

Он сделал шаг вправо, и вспышка яркого света брызнула из левой руки Гомеса. Шеврон почувствовал резкую боль вдоль правого виска и запах паленых волос.

— Не делай этого, сынок,— равнодушно проговорил Гомес.— Ты заставляешь меня нервничать. В следующий раз я попаду тебе прямо между глаз, а мне этого не хочется. Мой шеф собирается потолковать с тобой, а если я этому помешаю, он разозлится. Это будет очень плохо. Иногда он бывает очень гадким и вряд ли понял бы меня. Стой просто смирно рядом с этой бесстыжей де в к о й.

В этот момент руки Закайо мелькнули у него над головой, приглашая к совместным действиям.

— А это идея,— продолжил Гомес.— Этот черномазый в чем-то прав. Возможно, он переживет эту ночь. Опустит руки, Сэм.

Шеврон снова двинулся, и глаза Гомеса метнулись обратно к нему. Руки Закайо опустились, и в то же мгновение сверкнула короткая вспышка — это длинное лезвие кухонного ножа отразило свет, а затем двойная дуга пламени, когда Гомес палнул в паркет из обоих бластеров, забившись в предсмертных конвульсиях. Но Шеврон был уже рядом со стулом и поддержал падающее тело. Вместе с Закайо они бесшумно распластали его тело на полу.

— Хорошо сработано,— прошептал Шеврон.— Можешь взять один из этих бластеров.

— Я предпочитаю нож, но, тем не менее, благодарю, босс,— он освободил нож и вытер его о рубашку Гомеса. Затем острием вспорол капроновую маску.

Стало ясно, что Гомес умер, так и не поняв, что произошло. Но иначе и быть не могло. Он был чужой.

Анна Рилей, все еще прижимая к себе окапи, не двинулась с места. И только грохот, донесшийся из спальни, вывел ее из оцепенения.

— Я могу взять один из них,— заявила она вдруг.— Дайте мне.

Шеврон бросил ей бластер, и она поймала его одной рукой.

— Оставайтесь здесь,— отрывисто бросил он.— Если будет необходимо, пустите его в ход,— и тихо вышел через открытую дверь.

Спальня Полдано была полностью разрушена. Пол вокруг кровати усеивали черные зерна, выпавшие из распоротого матраца. Один из двоих, наполовину скрытый занавеской, принялся отрезать куски от плетеной соломенной обшивки. Обращавшегося к нему мужчины не было видно. Он находился в ванной.

Шеврон дал очередь в занавеску, прицелившись в то место, где, по его расчетам, должна была находиться голова. Сам он видел только ноги. Короткий вскрик оборвался на середине, человек в ванной затих.

Шеврон понял возникшую перед тем дилемму. Тот, в ванной, хотел знать наверняка, что их план полетел ко всем чертям, но вставал другой вопрос — как взять инициативу в свои руки.

Чтобы помочь ему, Шеврон скавал:

— Выбрасывайте оружие и выходите следом как можно медленнее.

Закайю, поигрывая ножом и мрачно усмехаясь, проронил:

— Прикрой меня, босс. Я пойду и вытащу этого ублюдка.

Шеврон начал пробираться через обломки, пока не оказался в метре от полуткрытой двери. Тогда он бросился, петляя, вперед, ворвался в ванную и замер у огромной брешы во внутренней перегородке, выискивая цель. Намеренно или по счастливой случайности, но бородач сам загнал себя в угол.

Длинная продолговатая панель за ванной была убрана. Будучи опытным оператором, он признал свое поражение и удрал в кусты... но не один.

Совершив крюк, он прошел через гостиную и взял заложника. Окапи валялось на ковре с задранными вверх ногами, а Анны Рилей не было. Только слабый запах сандалового дерева витал в комнате, как доказательство того, что она не успела предпринять что-либо.

3

Марк Шеврон, опершись обеими руками о перила веранды, наблюдал, как серо-стальной челнок поднялся вертикально вверх с лужайки перед домом, завис на высоте пятидесяти метров и медленно развернулся по курсу. Когда он устремился прочь в направлении Аккры, Закайю заговорил:

— Это нехорошо, босс. Совсем нехорошо. Доктор Рилей прекрасная женщина. Доктор очень любил ее, это факт. Что вы собираетесь делать?

— Ничего, что ей могло бы понравиться, и это — другой факт.

— Вы считаете, что мне следует обратиться в местное отделение безопасности? В пяти километрах вниз по дороге есть пост.

Это было сказано с такой долей сомнения, что Шеврон догадался, были и другие подобные случаи, когда Полдано не позволял себе откликаться на подобные предложения.

— Нет. Безопасность не найдет ее. Если бы им было что-нибудь известно, ребята из Аккры не смогли бы разгуливать здесь поблизости, бряцая доспехами. Есть здесь какая-нибудь машина?

— Доктор оставил свою внизу, на берегу. Ее еще не привезли. У доктора Рилей тоже есть машина. Транспортная тележка. Они взяли ее напрокат в Аккре, когда собирались совершить длительное путешествие.

— Возьмем ее. Я спущусь на ней вниз, на дорогу. Ты меня отвезешь. Это сэкономит время. Я хочу взглянуть на клуб «Аква-лайф».

— Как насчет доктора Рилей?

— Нет ни малейшего шанса. Если она представляет для них какой-нибудь интерес — они будут охранять ее; если нет — ее просто выбросят в море из гавани, в какое-нибудь тихое местечко, на съедение пираньям.

Закайо бросил на Шеврона тяжелый взгляд, словно пытаюсь решить, как ему поступить, но, видимо, подумал, что Шеврон поступает правильно, отвернулся, не сказав ни слова, и поспешно вышел из круга света, идущего с веранды.

Оставшись один, Шеврон обошел все комнаты. Не было времени на тщательный осмотр, да и в любом случае, это было бы пустой тратой времени. Он втащил Гомеса в разрушенную спальню, туда, где лежал его разделанный на филе дружок, и сложил погребальный костер из щепок и книг.

На террасе появился Закайо.

— Я привез ее. Уезжаем.

— О'кей. Есть что-нибудь, что ты бы хотел взять с собой из этого дома? Через несколько секунд он вспыхнет, словно факел. Посмотри, как будто эти двое сами себя поймали в ловушку.

Закайо, поколебавшись, ответил:

— Нет. Все в порядке. Придется начать все с начала, если так можно выразиться.

Шеврон расфокусировал бластер, настроив его на широкий угол, и стал медленно водить им из стороны в сторону вверх кучи. Она потемнела, почернела, провалилась и затем неожиданно вспыхнула с громким треском. Словно ярко-красный цветок расцвел и взметнулся вверх по обшивке.

Шеврон и Закайо бросились прочь из этой мгновенно образовавшейся преисподней.

У машины Закайо вдруг остановился и побежал назад. Шеврон, ожидавший начала пожарной тревоги в любую минуту, нетерпеливо закричал:

— Что такое, парень? Назад!

Но Закайо уже с грохотом прорывался сквозь наполненную дымом веранду. Когда же он вернулся, под мышкой у него было зажатое окапи. Он смущенно заулыбался.

— Он ей очень нравился, босс. Если доктор Рилей жива, она будет рада ему.

Шеврон со всей силой, так, что африканца отбросило назад на сиденье, вдавил педаль акселератора.

Автомобиль был хорошо известен, и шлагбаум поднялся прежде, чем они достигли его. Шеврон на полной скорости помчался вниз по петляющей дороге, колеса скользили по рыхлому гравию в нескольких сантиметрах от глубокого обрыва, фары то высвечивали равнину, то поливали дрожащим сверкающим светом наружную сторону утеса.

Когда они юзом скатились к стоянке, Шеврон сказал:

— Вот моя машина. Если хочешь, поезжай в Аккру на этом автомобиле. Я надеюсь, что у вас с кузеном дела пойдут отлично. Если возникнет необходимость, ты можешь сказать, что доктор Рилей просила тебя отвезти ее в Аккру, но не вернулась к назначенному сроку. Когда начался пожар, тебя не было в доме.

— Тут есть два момента, босс. Во-первых, никто этому не поверит. Они вытащат на свет какую-нибудь инструкцию о важности свидетельских показаний и ровно в тридцать минут разоблачат меня, используя детектор лжи. Во-вторых, я бы хотел поехать с вами. Вам необходим кто-нибудь, кто прикроет вас. Я многое знаю. Обычно я помогал доктору во всем.

— Черта с два ты помогал. Он не занимался делами, требующими помощника.

Только блеск зубов и глаз отметили расположение Закайо в пространстве. Но это выглядело достаточно красноречиво. Какого черта! На данный момент он не исполнял служебные обязанности.

Шеврон решил.

— Хорошо. Поедешь за мной в этой машине. Оставишь ее на стоянке у границы города.

В темноте, словно оскал Чеширского кота, повисла улыбка Закайо.

— Ты не раскаешься в этом, босс. При первой возможности я рассчитаюсь с той гадиной, которая прикончила доктора. Я буду держаться следом.

С утеса прямо вверх взметнулся столб дыма и пламени. словно сигнальный огонь. Раздавшийся где-то поблизости барабанный бой сбился с ритма, перешел в серию одиночных ударов, а затем в раскаты.

— Кто это? — спросил Шеврон.

— Я не знаю, босс. Думаю, просто обычные болтуны. Но в итоге это приведет к тому, что в Аккре все станет известно прежде, чем мы доберемся туда.

По дороге Шеврон все тщательно обдумал. Традиционные средства связи могли воспользоваться этим. Они также могли получить информацию и от Анны Рилей, если ее уже доставили куда-нибудь во внутренние районы страны. Совсем не для того, чтобы ее

отыскивали. Желая как можно быстрее получить информацию, они, скорее всего, подключатся к ее памяти с помощью аппарата прямого доступа, который превратит ее в зомби, если она вообще останется в живых.

Он невольно резко увеличил скорость и выскочил на обочину шоссе, так что два колеса провезли по земле.

Закайо оставался невозмутим. Можно было не сомневаться — ухмыляясь про себя своему отражению в ветровом стекле. Он был каким-то странным.

Шеврон вдруг понял разницу. Сам он влез в это, потому что это была его работа, даже если сейчас он действовал на свой страх и риск. Но Закайо хотел отомстить за своего друга, будучи приверженцем вендетты. Ладно, в этом деле все могло пригодиться. Мотивов много, но цель — одна!

Аккра возникла в ореоле света. Прибывшему из мягкой тропической местности открывалась панорама фантастического города: высоко вздымающиеся парящие апартаменты и шпили башен, повсюду разбегающиеся во всех направлениях паукообразные пешеходные дорожки, словно случайно разбросанные бумажные ленты.

Шеврон сбавил ход, дал Закайо обогнать себя и припарковаться на первой же стоянке в пригороде. Когда он подъехал, Закайо вскочил на борт. Его зубы, словно клавиши открытого рояля, отражали огни города.

— О'кей, босс, теперь прямо на сквозную столичную дорогу. Порт расположен в полукилометре от города. «Аквалайф-клуб» там. Но торопитесь. Вы можете делать все, что вам захочется, когда доберетесь туда; но чтобы добраться целыми и невредимыми, вам лучше придерживаться дорожных правил.

Вокруг все еще царил тишина. Пройдет каких-нибудь два часа, и горожане, оправившись от напряженного дня, отправятся на поиски новых удовольствий.

Стоянка в порту была пуста, и Шеврон выбрал место с краю, на случай, если придется уносить ноги. «Аквалайф» располагался в низком и круглом двухэтажном здании, в центре переходящем в колонну с вращающимся рестораном, комнатой отдыха и обзора панорамы, балансирующей на высоте около двухсот метров. Над всем этим из стороны в сторону и вверх-вниз, подобно взмахам ножа, разрезали темноту лучи от двух прожекторов.

Вода обступала здание со всех сторон, короткий канал вел к лагуне, имеющей выход в открытое море.

У причала стоял небольшой катер, а у разноцветных буев на выходе из лагуны покачивались лайнеры, катамараны и разнообразные суда.

Нижний этаж здания опоясывала широкая веранда со столиками и баром с длинной стойкой. Несколько энтузиастов подводного

плавания, одетых в черные костюмы с блестящими красными полосами, сидели здесь, видимо, давно, не собираясь томиться жаждой в ожидании вечернего застолья.

Шеврон с Закайю перешли по подвесному мостику через наполненный водой ров и по кругу обошли веранду, осматривая лагуну сверху. Шеврон взял электронный стилет и написал свое имя и регистрационный номер отеля на диске, предназначенном для бармена-азиата. Затем он опустил его в специальное отверстие. Через пятнадцать секунд выскочивший обратно жетон словно по волшебству привел в движение непроницаемую восточную маску, превратившуюся в само радушие.

— Добро пожаловать, мистер Шеврон. Извините, что заставил вас ждать. Но вы же знаете правила для клиентов из города. Я надеюсь, вам здесь понравится. Что я могу вам сейчас предложить? Не желаете зарезервировать столик в ресторане? Там превосходное меню. Вам не найти лучшей еды на всем побережье.

— Только виски с лимоном. Как ты на это смотришь, Закайо?

— Как раз по мне, босс.

Они взяли бокалы и отошли к перилам. Закайо вытащил окапи и поставил его на стол, словно талисман. Свет прожекторов, расположенных на опорах вокруг дамбы, освещал лагуну, словно в яркий солнечный день.

Из каюты стоящего неподалеку большого белого лайнера выбежала стройная загорелая обнаженная девушка, легко пробежала на нос корабля и остановилась, положив одну руку на флагшток и оглянувшись назад. Следом за ней медленно взбирался бородатый тип. Он уже высунулся по пояс, размахивая свободной рукой со стаканом. Из-за большого расстояния слов не было слышно, но ее жестикация была достаточно красноречива и негативна.

Мгновение девушка балансировала словно изваяние на носу корабля над тем местом, где была прикреплена доска с названием «Лотос», затем изящно, почти без брызг прыгнула в воду и неторопливо поплыла вдоль судна.

Нельзя было вообразить более мирной картины: обычное времяпрепровождение соответственно месту и времени. Еще один пример того — если Шеврон нуждался в этом примере, — что наблюдаемый мир был лишь вершиной айсберга. За фасадом скрывалась более значительная часть, чем представлялась взору.

В том-то и дело, что отдельным людям это всегда было ясно. Все, что делалось или говорилось, было только частью сказки, следствием разнообразных невероятных ухищрений, компромиссов, которые прикрывали длинный путь случайностей и тайных предположений.

Тем не менее необходимо было действовать. Слишком долгие размышления связывали ему руки.

— Где располагаются помещения клуба? — спросил Шеврон.

— Внизу, босс. Там есть небольшой впускной водоем. Они могут выходить в лагуну прямо из раздевалки. Туда допускаются только члены клуба.

В Шевроне росла убежденность. Это была совершенно идеальная организация. Агнун Рилей вполне могли держать где-то здесь. После допроса ее можно было выбросить прямо в море, где пираньи довели бы работу до конца, уничтожив последние следы.

Время не на его стороне. Они примутся за работу, как только установят аппарат. Шеврон двинулся вдоль перил, глядя вниз на шлюпки. Во втором ряду стояла небольшая яхта со спущенными парусами и с надписью на носу готическим шрифтом «Чертовка». Яхта была пришвартована кормой к парапету. На палубе, наполовину высунувшись из рубки, перебирал снасти мужчина в кожаном костюме.

Шеврон огляделся. Каждый был занят своим делом. Девушка в лагуне выдала трудно выполнимый гамбит и вскарабкалась обратно на борт лайнера с помощью якорной цепи.

Шеврон решил:

— Дай мне двадцать минут. Если я не вернусь, спускайся в раздевалку. Скажешь, что хочешь забрать вещи доктора Полдано. Дальше сориентируешься по обстановке. О'кей?

— Как скажете, босс.

Закайо был в порядке. Никаких вопросов, никаких возражений. Шеврон дождался, когда бармен, занявшись протиркой стаканов, отвернулся, и перемахнул через перила в мягком прыжке.

Он взобрался на крышу рубки, свесил ноги по обеим сторонам головы мужчины, примерился и прыгнул вниз, согнув колени и ударив слева и справа по бычьей шее. Пролетев по инерции вперед, он упал на четвереньки прямо в кубрик, опрокинув тело и увлекая его за собой.

Закайо даже не пошевелился. Опершись о перила, он потягивал виски, всем своим видом изображая спокойствие и созерцание.

Шеврон расстегнул застёжки, стащил костюм и влез в него сам.

Ласты, темные очки и изящная маска лежали здесь же, на койке. Когда все было готово, он вернулся назад в кубрик, переложил бластер и инструменты в наружный карман, засунул свою одежду в пустой брезентовый мешок и бросил его Закайо. Затем он поднялся, небрежно прошелся вдоль борта и нырнул в лагуну.

Погрузившись, он коснулся песчаного дна на глубине пяти метров. Над головой темной выпуклостью, покрытой ребристой алюминиевой кровлей, покачивалась яхта. Шеврон медленно поплыл под корпусами причаливших яхт, следуя изгибу стены. У него возникло ощущение, что он выпал из собственного континуума времени, как будто он прошел сквозь зеркало и обнаружил, что

отражение за поверхностью существует самостоятельно. Это продолжалось пять минут или пять часов, прежде чем он увидел то, что ожидал: проход вверх между корпусами и яркий блик на воде, идущий из отверстия в стене. Он нырнул в него.

Через двадцать метров потолок исчез, и Шеврон оказался на дне круглого бассейна с трапами через каждые несколько метров по всей окружности.

Шеврон поднялся в раздевалку с белым кафельным полом и рядами вместительных отсеков, радиально расходящимися от бассейна, словно спицы из ступицы колеса. Каждая группа отсеков была помечена своим буквенным кодом.

Ряд, помеченный М-П, оказался прямо напротив, и Шеврон пошел вдоль него, читая надписи на белых, из слоновой кости, табличках на каждой дверце. Пройдя весь ряд, Шеврон попал в десятиметровое круглое помещение с рабочими местами для ремонта снастей, развешанными по стенам морскими картами и отверстиями вентиляционных шахт. Дальше шли душевые и различные службы клуба: бар, столовая, вспомогательные помещения.

Людей было мало, следовательно, время было выбрано правильно. Шеврон повернул в конец пролета, прошел «О» до «О'Киф» и начал двигаться назад к бассейну, идя уже по другой стороне ряда.

Пристанище Полдано оказалось в середине ряда. Каждый член клуба занимал метровой ширины раздевалку, стенки которой были вровень с обстановкой, состоящей из вместительного шкафа и тумбы с шестью выдвижными ящиками. Шеврон занялся ящиками, вскрыв замки с помощью сверхчувствительного щупа из набора.

В них не было ничего, за исключением груды коралловых обломков, которые обычно собирает каждый ныряльщик. Они будут выброшены как ненужный хлам следующим владельцем.

Если бы было время все тщательно обдумать, в этом можно было найти определенный смысл. С течением жизни у вас накапливается масса вещей, представляющих для вас определенную ценность, но они абсолютно ничего не значат для кого-либо другого. Когда вы уходите — вы уходите совсем, не оставив никакого следа. Северянин поступил правильно, собрав в кучу все барахло и предав его огню.

Шеврон перенес свое внимание на высокий запертый шкафчик. Вскрыв замок, прислушался: не стучится ли снаружи Закайо, и затем повернул ручку.

Широко открытые глаза Анны Рилей, ослепленные неожиданно ворвавшимся светом, изумленно таращились на него поверх белого кляпа, закрывающего всю нижнюю часть ее лица. Заломленные назад руки были привязаны за запястья к одежным крючкам. Лодыжки были связаны вместе и подтянуты к стойке так, чтобы у нее не возникло искушения набить себе синяки на обнаженных

пальцах ударами ног в стенку. Кроме кляпа, на ней не было ничего, за исключением крошечных абрикосового цвета трусиков с черной монограммой «А.Р.»

Шеврон прочитал:

— А.Р. Должно быть, вы Анна Рилей? В таком случае, что вы собрались делать, повиснув тут?

Общение было затруднено, но ее глаза, привыкшие к свету, сумели выразить всю гамму эмоций: облегчение, что это был один из своих; нетерпеливое желание поскорее освободиться; обида от того, что ему следовало быть более учтивым.

Шеврон, занятый развязыванием веревки, понял ее затруднение и тихо прошептал:

— У китайцев на этот случай есть поговорка: «Жизнь играет мной, но она делает это бездумно». И я не требую себе каких-либо особых привилегий. А вы? Обладаете ли вы таким качеством?

Находящаяся рядом обнаженная фигурка в шкафчике не могла быть совершенно спокойной, но Шеврон выбрал правильный тон. Из ее глаз ушло некоторое напряжение, и она вполне осмысленно кивнула.

Он вытащил ее, прикрыл створкой двери и повернул для того, чтобы добраться до узла на затылке.

На мгновение она коснулась его. Гладкая как алебастр кожа, легкое облачко сандалового дерева. Пальцы Шеврона неожиданно стали неуклюжими.

Когда он вытащил кляп, Анна выдохнула:

— Как вы узнали, что я здесь? Что вы собираетесь теперь делать?

— Вы задали два вопроса. Что касается первого, то я этого не знал. Надо же было с чего-то начинать. Что касается второго — мы уходим. У вас есть костюм для подводного плавания?

— Да, в моей раздевалке.

— О'кей. Наденьте его. Не для того, чтобы нельзя было хорошенько рассмотреть дорогу, а потому, что мы должны выбраться отсюда через бассейн.

— У меня нет ключа.

На самом деле — крошечный абрикосовый наряд не имел кармана.

Словно прочитав его мысли, она резко возразила:

— Если вы помните, я не собиралась быть сегодня здесь.

— О'кей, о'кей. Наденьте этот свитер, на тот случай, если мы встретим епископа. Я пойду следом.

Это заняло всего несколько минут. Дело сдвинулось с мертвой точки. Почти в каждом проходе находились припозднившиеся посетители. В блоке Р-Т было с полдюжины открытых дверей. Шеврон прошел вперед и вскрыл замок. В ее раздевалке было очень

чисто, все под рукой и на своем месте — дань дисциплине. Девственно-белый костюм висел на спинке стула, словно еще один заключенный.

До того момента, когда Закайо должен был действовать, оставалось совсем немного времени, и Шеврон сказал:

— Быстро одевайтесь и приходите к бассейну. Я буду ждать там. Если возникнут какие-либо проблемы, не молчите. Тихонько позовите.

— Я так и сделаю, хотя не могу не думать, что волк уже в саях.

Расположившись у края бассейна между двух блоков основания скатов, соединяющих раздевалку с верхним ярусом, Шеврон мог наблюдать за происходящим.

Движение было незначительным и, в основном, вверх. Внезапно он заметил уборочную тележку с большим продолговатым контейнером из холста. Она появилась с нижней дорожки. Два огромных служителя, обнаженных по пояс и одетых в красные фески, стояли вместе на узкой подножке. Для полного сходства с евнухами гарема им явно не хватало только кривых сабель.

Шестое чувство заставило Шеврона слезть со своего насеста. Когда тележка свернула прямо в блок М-П, Шеврон был уже абсолютно уверен, что Анну Рилей держали здесь временно, до тех пор, пока не будет как следует организована доставка. Теперь все было готово, и сборы шли полным ходом. Они полностью владели ситуацией. «Аквалайф-клуб» являлся естественным прикрытием для тайной организации. Нет никаких сомнений — Полдано обнаружил это. Его устранение могло быть не более чем простым проявлением самозащиты.

Тележка остановилась около раздевалки Полдано. Один из мужчин отбросил крышку контейнера, другой возился с замком. Когда дверь открылась, он попятился назад. Голоса поглощались акустикой свода, но по обрывкам можно было догадаться:

— Абдулл, девки здесь нет.

— Ты — дурак, Кази. Из всех грецких орехов только этот, пустой, разговаривает. Дай-ка я взгляну.

— Камень от руки друга — яблоко. Но она действительно исчезла.

— А-ах. Ты прав. Мы должны известить хозяина. Позвони из конторы.

Услышать дальнейшее помешал голос Анны Рилей.

— Вы удивляете меня, мистер Шеврон, — проговорила она. — Я думала — мы торопимся.

Шеврон взглянул на девушку, которая еще недавно была прикована обнаженной к скале и освобождена его же рукой, но не стал вдаваться в подробности.

— Это действительно так. Противник начал ответные действия.

Прикройте маской это изменчивое лицо и плывите вниз по водостоку, словно какая-нибудь рыба.

* * *

Закайо смотрел на часы и терпеливо ждал, когда секунды отмерят положенное время. Ему было дано двадцать минут, и они истекли. Он подождал, когда цифры пять и девять не перешли в ноль-ноль, и отошел от перил, попутно прихватив со стола окапи и засунув его за пазуху. Когда его компьютер подал предупредительный сигнал тройным зуммером, он в последний раз оглядел лагуну. Где-то с правой стороны яхты поднималась двойная цепочка пузырей.

Закайо вернулся назад. Корпус «Чертовки» раскачивался гораздо сильнее, чем просто от легкого вечернего бриза. Черная и белая фигуры взобрались на ее борт с двух сторон. Закайо приветствовал их, радостно сверкая зубами.

— Рад вас видеть, босс.

— Все спокойно?

— Как в могиле, босс. Подходил бармен, спрашивал, где вы. Я сказал, что сейчас подойдете.

Доносившийся из бара приглушенный разговор заставил его развернуться и подойти поближе. Бармен кому-то отвечал, приложив трубку интеркома к уху:

— Нет, мистер Крюгер. Уверен. Я немедленно сообщу, если увижу ее. Здесь, в баре, нет ни брюнеток, ни блондинок кавказской внешности. За этот вечер не было еще ни одной. Один долговязый. Мистер Шеврон. Его приятель здесь, в баре. Вы хотите поговорить с ним? О'кей, я скажу, чтобы он подождал.

Бармен положил трубку и с невозмутимым спокойствием продолжал обслуживать посетителя, являя собой образец услужливости. Обнаружив, что рядом, ухмыляясь, стоит еще один участник разговора, он, не изменив выражения лица, спокойно пояснил:

— Это был директор, мистер Лабид. Он считает, что мистер Шеврон мог бы при желании вступить в клуб. Сейчас он сам лично поднимется, чтобы поговорить с ним. Ваш друг — счастливчик. У нас огромный список желающих стать членами клуба. И все же, где он?

— Осматривает суда. Он сейчас вернется.

— Директор приказал поставить выпивку за счет клуба. Повторить то же самое?

— Это было бы совсем недурно. Пойду поищу его.

Шеврон был уже на берегу, а Анна Рилей спряталась в рубке. Закайо сообщил:

— Нас, кажется, приглашает большой человек. Директор, не меньше. Зовут Лабид. Хочет поговорить с вами. Он сейчас поднимется сюда. Прислал это.

— Проверь мост.

Закайо поставил стакан на стол и исчез, всем своим видом выражая усердие. Из рубки донесся бесплотный голос Анны Рилей:

— Здесь один выход. Им ничего не стоит перекрыть его. Они содержат большой штат вышибал. Это закрытая организация.

Шеврон быстро просунул голову в люк. Анна Рилей оказалась значительно ближе, чем он ожидал. Она сидела у ближнего конца койки, поджав под себя ноги и глядя на владельца яхты, неподвижно раскинувшегося на полу.

Темно-карие глаза на расстоянии не более чем в полметра в упор посмотрели на него. Все, что он собирался сказать, разом вылетело из головы. На какое-то мгновение ему вдруг почудилось, что это Паула стоит здесь перед ним на коленях.

— Нет времени расслаиваться на этом изящном мусорном ящике,— грубо бросил он.— Лучше поройтесь в шкафчике и найдите что-нибудь из одежды.

Хриплый голос Закайо перебил его:

— Плохо, босс. У них здесь целый отряд.

Шеврон стал обдумывать сложившуюся ситуацию. Сначала они закроют двери, а затем осмотрят помещение. В подробном осмотре не было нужды. И так известно, что он был здесь, на веранде, и директор, не напрягая своих умственных способностей, догадается, что девушка в ловушке.

Наконец он решился.

— О'кей. Пора действовать. Как только ты взберешься на борт, отчаливаем.

В то же самое время Шеврон уже увеличил подачу топлива, и кормовые сопла заработали.

Раскаленный пар ударил вдоль бортов яхты. Якорный трос «Чертовки» сильно натянулся, и Закайо, осторожно встав на самый край, резанул ножом по канату. Тем временем Шеврон довел подачу топлива до максимальной, и мотор заработал на полную мощность, выбрасывая под водой упругие струи, вспенивающие воду за кормой в кипящий белый след.

Бармен, увидя, что его клиент исчез словно по мановению волшебной палочки, выскочил из-за стойки и бросился к тому месту, где только что стоял Закайо. С каждой стороны веранды появились по два человека из клубных приспешников, взяв ее словно в клещи — для придания большего веса директорскому приглашению. Они бросились к бармену, затем один из них торопливо побежал куда-то, видимо, чтобы предупредить остальных, а двое перемахнули через перила и рванулись к ближайшему катеру.

Это был мощный моторный скуттер с тройным двигателем, используемый для буксировки водных лыжников.

— Плохи дела, босс,— снова повторил Закайо.— Этот ублюдок съест нашу лодку на завтрак.

Точно такая же мысль пришла в голову и Шеврону. Они отплыли от берега на полкабельтова, делая полных семь узлов,— на пределе возможностей посудины. Им было необходимо более мощное и быстрое судно. Оглядев лагуну, Шеврон указал на большой белый лайнер, как самую ближайшую подходящую цель. Этот жест должен был бы встревожить экипаж лайнера, но они уже давно привыкли, что любой взрыв активности, как правило, является частью директорских планов.

В то время как моторный скуттер рванул прочь от причала, «Чертовка» уже покачивалась на волнах у борта лайнера. Шеврон сбросил скорость, вскочил на крышу каюты и, подпрыгнув, уцепился за верхнюю палубу. Закайо ухватился за подвернувшийся кнехт и обхватил обеими ногами транец. Нельзя сказать, что все это было сделано с ловкостью опытного моряка, но у яхты не оставалось ни малейшего шанса. Потеряв управление, она тяжело ударилась о белый корпус лайнера.

Придерживавшийся лучших морских традиций, владелец лайнера выпустил сначала девушку, а уж затем бутылку и бросился на мостик, взывая к Аллаху. Шеврон, поглощенный изучением незнакомого пульта управления, не мог ответить за Всезнающего и Всевидящего; но, поскольку он один был в поле зрения владельца лайнера, тот продолжал бормотать что-то и, словно в подтверждение своей правоты, ударил между лопаток склоненной фигуры Шеврона.

В это время Шеврон увидел мчащийся через лагуну скуттер и решил, что нет времени разводить церемонии. Он резко развернулся, перехватил запястья рук, поднявшихся было для нового удара, и завернул их вокруг шеи мужчины. Затем он поволок его к открытому крылу мостика и перебросил через перила прямо в океан.

Закайо был уже на борту в тот момент, когда девушка, собрав последние силы, двинулась вслед за своим капитаном. Она шла очень медленно, широко открыв невидящие глаза. Закайо поинтересовался:

— Она тебе нужна, босс?

Это было не более чем просто дань профессиональной выучке, и Шеврон, не глядя, бросил:

— Нет. Выброси ее.

Закайо пожал плечами. Даже сама девушка удивленно взглянула на Шеврона и только успела вовремя прийти в себя, чтобы удачно войти в воду, когда Закайо приподнял ее, схватив за шею и между ног, развернул и перебросил через перила.

Шеврон наконец разобрался с пультом, и корпус корабля

завибрировал от сдерживаемой мощи. Как только Анна Рилей поднялась на борт, он сказал:

— Отчаливаем.

На смену противодействия пришло время действовать. Анна Рилей побежала на нос корабля, отжала рычаг механизма расцепления, чтобы сбросить швартовочный трос, и «Лотос» рванул с места так, словно лишился руля.

Неподалеку на рейде покачивалось какое-то судно. Вся терраса неожиданно заполнилась толпой любопытных. Неудачливый владелец лайнера был поднят на борт корабля, который тут же отдал швартовы. К тому моменту, когда Шеврон со своей компанией достиг узкого пролива, ведущего в открытое море, преследователи оказались у него в хвосте, стремительно двигаясь по бурлящему следу лайнера. Погоня есть погоня. Она сродни охоте, когда кто-то убегает, остальные преследуют. Это было хорошим наглядным уроком для персонального психолога, и Анна Рилей с горечью констатировала:

— Им абсолютно все равно. Для них это еще одно развлечение. Они проявляют какой-то бездумный детский интерес ко всему, что дышит и движется, ко всему, что связано с опасностью и кровью.

— В таком случае,— добавил Шеврон,— нам остается лишь позабиться, чтобы эта кровь была не наша.

Он сбросил скорость, чтобы пройти канал до бетонной дамбы ровно посередине, так, чтобы с каждой стороны было не более двух метров и никто не мог обогнать его здесь. В конце пятидесятиметрового прохода располагался белый блокпост и высокий сторожевой мостик, словно оседлавший проход.

Закайо заволновался:

— Шлюз. Здесь шлюзные ворота, босс. Они время от времени закрывают их и спускают в лагуне воду.

Когда они подошли ближе, Шеврон увидел за плексигласовым рекламным щитом в виде огромного вращающегося штурвала двух мужчин на мостике. Сказав им, чтобы они продолжали двигаться вперед как можно медленнее, он побежал в сторону открытой площадки капитанского мостика, затем появился вновь, но уже на дамбе, и, петляя, направился к блокпосту.

Он добрался до него намного раньше «Лотоса». Двустворчатая дверь блокпоста, сделанная из тикового дерева, была достаточно прочной, и Шеврону пришлось воспользоваться бластером, чтобы выплавить замок. Внутри по всей длине стены, обращенной к морю, располагался пульт управления и видео, которым, без сомнения, пользовался Лабид, чтобы поднять по тревоге пост. Кругом валялась разбросанная в беспорядке морская оснастка. Один из двоих мужчин взял влево и первым двинулся вдоль мостика. Шеврон в одно мгновение преодолел две ступеньки лестницы, ведущей вверх, на мостик.

Босые черные ступни появились на верхней ступеньке одновременно с возникшей в проёме фигурой мужчины, метящего багром прямо в Шеврона.

Шеврон, слегка расставив ноги и согнув колени, отклонился назад и, когда багор с ожесточенным свистом промчался в сантиметре от его лица, ощутил резкое дуновение ветерка. Тогда он двойным захватом поймал багор за древко и рванул на себя.

Потеряв равновесие, метатель багра смог лишь последовать за своим копьём и упал головой вниз, когда Шеврон, отклонившись в сторону, дал ему дорогу.

Второй мужчина, оставаясь наверху, все еще возился у штурвала. Шеврон поднял бластер и прицелился. Точный смертельный удар сбил его с ног и перекинул через медленно вращающиеся спицы штурвала.

Глубиномер показывал, что ворота закрыты лишь наполовину. Глубина воды была около двух метров. Лайнер осторожно продвигался вперед к мостику.

— Проезжай! — закричал Шеврон. — Осторожно, будь готов дать обратный ход, если он здесь застрянет.

Скуттер, все еще возглавлявший охоту, приближался к каналу. Как только «Лотос» проскочил ворота, Шеврон крутанул штурвал.

Скуттер был уже в канале. Закайо предупреждающе закричал: — Пора уходить, босс!

Когда глубиномер показал менее метра, а скуттер был уже на расстоянии не более пятнадцати метров, Шеврон выпустил заряд в механизм, заварив его намертво. После этого он вскочил на перила сторожевого мостика, поднялся во весь рост, балансируя, и соскочил вниз прямо на «Лотос».

Закайо, широко расставив ноги, уперся ими в палубу и дал полный ход. Шеврон плашмя упал на спину. «Лотос» рванулся с места и скрылся в больших волнах мгновенно спустившейся на залив ночи.

4

Они остановились сразу за мостом. Только слабая подсветка компаса позволяла сориентироваться в пространстве и времени. «Лотос» дрейфовал на небольшом расстоянии от берега, достаточно, чтобы в случае опасности скрыться в открытом море. Впереди лишь пустота, какую можно только вообразить; за кормой — Аккра с ее пригородами в сиянии разноцветных огней.

Шеврон, слева от которого стояла Анна Рилей, справа — Закайо, размышлял вслух, пытаясь найти выход из создавшегося положения, устроивший бы всех.

— Если привести эту посудину в жандармерию, то Лабид вряд ли допустит, чтобы доктор Рилей, имеющая безупречную репутацию, открыла рот и начала рассказывать про жестокое заточение в шкафу. Таким образом, он пойдет на все, чтобы только добраться до нас первым. Мы все знаем слишком много, чтобы лишить его спокойствия. Это первое, о чем нам надлежит помнить. Ни один из нас не в безопасности в Аккре. Поэтому нам следует искать пристанище где-нибудь в другом месте.

За исключением шума текущей вдоль берегов воды и шлепков, когда «Лотос» ударился о большую волну, вокруг царила полная тишина.

Наконец Анна Рилей заговорила:

— В это трудно поверить. Зачем я нужна им? Я работаю в подразделении уже два года, и это впервые, когда мне угрожают. Они могли бы добраться до меня в любое другое время.

— Такова переменчивость судьбы. Если бы вы остались в своем собственном коттедже, расчесывая свои прекрасные черные волосы, на вас бы никто и не обратил внимания, но вы не сделали этого и вас там не было. Время не повернуть вспять. Поверьте, теперь вы меченая.

— Что будут думать обо мне в подразделении?

— Совсем не то, что им следовало бы, если бы ваши обглоданные кости принесло среди серфингов завтра утром.

— Это все еще возможно?

— Нет. Пока они больше не будут искать нас, а выждут, когда все уляжется. Потом Лабид обратится к своему хозяину, и когда-нибудь под покровом ночи он пошлет парочку экипажей, чтобы уничтожить нас. Они засекут координаты этой старой жестянки с помощью инфракрасного или обычного гидролокатора.

— Выходит, нет никакого смысла во всем том насилии и зле, которое мы навлекли на себя, поставив себя вне закона.

— Есть один очень важный смысл. Мы пока еще живы и в состоянии принимать решения, а это уже немало. И это, кстати, напоминает мне, что вы могли бы смотаться в камбуз и открыть пару банок консервов своими нежными пальчиками. И кофе. Сварите немного кофе.

Уже в который раз за эту ночь Анну Рилей пытались поставить в неловкое положение, но она не собиралась сдаваться.

— Почему я? Почему бы вам самому не сделать это?

— Разделение труда. Одни должны думать, другие — носить воду и рубить дрова. Идите и делайте, что вам говорят.

Шеврон закончил это таким тоном; что было совершенно очевидно: его не заботит, как он выглядит в глазах остальных. ~

Темнота скрывала ее лицо, и Шеврон не мог видеть его выражения, предупреждавшего, что счет предъявлен и что если бы в руб-

ке нашлось немного толченого стекла, он несомненно получил бы его полную ложку в чашке с кофе. Ее голос был достаточно сдержан, но слова выражали готовность подчиниться.

— Хорошо, хорошо. Я всего лишь хотела только узнать. Дайте мне десять минут.

Когда она вышла, Закайо сказал:

— По-моему, она восприняла это достаточно хорошо. Слишком много свалилось на нее враз.

Затянувшееся молчание могло навести на мысль, что Шеврон сознавал свою излишнюю суровость.

— Я знаю. Ее просто тошнит от меня. Это хорошо. Это отвлечет ее от собственных переживаний. Каждому необходима какая-нибудь заинтересованность.

Как только Шеврон произнес это, он вдруг понял, что и его собственная заинтересованность имела место. Но не собственная выгода. Не было это и обидой на департамент или желанием доказать Вагенеру, что он полностью ошибался на его счет. В этом последнем он сам поступал не слишком хорошо. Кроме того, хождение вокруг да около только еще больше все запутывало.

Здесь было кое-что другое. Теперь он ясно осознавал какую-то, еще не совсем определенную угрозу для департамента. Была еще какая-то третья заинтересованная сторона, которой было необходимо, чтобы он молчал. Ему не составит труда распознать Лабиду и регулярные силы безопасности, но, если поступит сообщение, что он действует один, на свой страх и риск, его схватят.

Кто бы это мог быть? Батиста и Массандра находились ближе всего, во Фритауне. Но, скорее всего, это будет кто-то другой, кого он никогда не встречал.

Шеврон стал размышлять вслух:

— Этот твой кузен. Кто о нем знает? Станут они искать тебя у него?

— Никто в подразделении не знает, босс. Только доктор знал. Но я уверен, он никому не говорил об этом. У него другая фамилия. Нет причин кому-либо связывать ее с моей.

— Это может быть опасно для него.

— Он обязан мне. Но здесь есть один момент.

— Что ты имеешь в виду?

— Как мы туда доберемся? Побережье освещено прожекторами на протяжении пяти километров. К тому же — очень сильный прибой. К причалу портового бассейна можно подойти только на яхте. Исключение составляет только порт в Такоради, и они наверняка будут охранять его.

— Я думаю, что тут можно сделать.

— Идите, все готово, — раздался голос Анны Рилей.

Она накрыла лампу колпаком и прикрыла жалюзи иллюминато-

ров. Каюту наполнял сильный аромат свежесваренного кофе, а на столе были разложены крекер, сыр, фрукты и немного ветчины. Новоиспеченный кок даже нашел время переодеться в элегантный женский халат из жемчужно-белого шелка с черной надписью «Лотос» поперек груди. Шеврон, когда хотел, мог быть по-китайски вежлив, но здесь она явно опередила его, выказывая утонченную любезность.

Что заслужено, то заслужено по праву.

— Отлично сработано, Рилей,— похвалил Шеврон.— Вы — украшение нашей медслужбы.

Анна разлила кофе по чашкам, без труда сохраняя равновесие, словно прирожденный моряк. Затем она оставила их одних. Выйдя из круга света и прихватив с собой чашку, она села на край койки по правому борту.

Они ели в полном молчании. Девушка словно застыла на своей койке, что не укрылось от внимания Шеврона. Даже когда она двинулась, чтобы поставить чашку на стоящий рядом ящик, это было сделано как-то скованно. Четкие, экономящие жесты, соответствующие ее мыслям. Она приподняла окапи, лежащее рядом на койке, и поставила его передние лапы к себе на колени.

Вне всяких сомнений — она думала о Полдано. Слово справляла свои собственные поминки, на которых не было места посторонним.

У Шеврона внезапно появилось сильное желание сделать ей больно, и он грубо бросил:

— Он мертв. Вы никогда не увидите его снова. Вам следует выбросить это из головы. Предоставьте мертвых мертвым. Кем он был — прообразом вашего отца?

— Это не умно. В этом даже нет здравого смысла. Всегда существовало человеческое родство. Я прекрасно понимаю, что он ушел навсегда, но скорбеть о близких тебе людях — очень важно. Если вам это незнакомо, то я могу только пожалеть того человека, чьи мысли заняты вами. Существует определенный цикл развития, со своим началом и своим концом. А в конце, как естественное завершение, тоска по прошлому. Если вы не пройдете это, то цикл будет не полным, и тогда у вас действительно возникнут проблемы.

— Это что — официальное заключение? Прямо не слезая с кушетки психоаналитика?

— Вы можете насмехаться, но это ничего не изменит в существующем порядке вещей.

— И как долго будет продолжаться это бдение? Когда мы можем надеяться завладеть вашим вниманием полностью?

Взбешенная последними словами, Анна Рилей поднялась со своего места, размахнулась и бросила окапи прямо в голову Шеврону. От весьма ощутимого удара его спасла только хорошая реак-

ция. Животное пролетело в миллиметре от его левого уха и с глухим стуком ударилось в переборку.

В то время как все снова принялись за еду, тишину внезапно взорвал голос Полдано, казалось, идущий с веранды и вызывающий в памяти историю с папашей Гамлета.

Реакция присутствующих была на все сто. Анна Рилей вскочила на ноги и со всего размаха треснулась головой о перекладину под потолком. Закайо не мог стать совершенно белым, зато умудрился стать пепельно-серым и набожно выдохнул:

— Матерь Божья!

Шеврон, который видел тело и полагал, что в состоянии отличить живого от мертвого, хладнокровно выхватил свой бластер, сшибив им со стола банку с томатным соком, и стал водить им в поисках цели.

Окапи валялся, задрав кверху лапы, и выглядел давно умершим, но это был обман чувств. С металлическими интонациями, которые мог воспроизводить только испорченный электронный прибор, из него говорило Ка Полдано.

Анна Рилей опустилась на колени рядом с чучелом, но ее отрывисто предостерег Шеврон: «Не трогать!», и за это был награжден таким долгим жгучим взглядом, который должен был бы испепелить его напрочь.

Пленку заело, и Полдано в четвертый раз произнес: «Привет, Энн. Если ты сейчас слушаешь меня, значит, мы больше никогда не увидимся».

Она замерла. Черные как смоль волосы упали вперед и закрыли ей лицо. «Лотос» сильно накренился, и она вынуждена была опереться одной рукой о переборку. Окапи перекатился на другой бок, и Полдано продолжил: «Спасибо за все. Плохому или хорошему, но всему когда-то наступает конец. Это звучит несколько нравуучительно. Одну вещь ты могла бы для меня сделать. Было бы хорошо, если бы ты встретилась с моим старым другом. Его зовут Шеврон. Пусть тебя не смущают его манеры. Он не такой ненормальный сукин сын, каким хочет казаться. Передай ему от меня привет. Спроси, как он поладил с Джеком Бьюкзом. Свози его в «Аква-лайф-клуб». Я завещаю ему свою раздевалку. Это самое наихудшее в мире путешествие увозит меня прочь оттуда, где находишься ты. Передай Закайо мою благодарность. Он был добрым другом. Он может взять себе все, что ему захочется из бунгало. Ну вот, теперь пора, кажется, заткнуться».

Раздался треск и какие-то пощелкивания. Руки Анны Рилей потянулись к гладкому меховому зверьку, и в этот момент Шеврон стремительно бросился вперед, отталкивая ее в сторону.

Из нутра чучела раздался глухой стук, и едкий голубой дым повалил струйками из глаз и пасти. Повторное прослушивание

записи было исключено. Очевидно, Полдано вставил в схему капсулу разрушения. Если бы Анна Рилей прослушивала запись, положив голову на подушку, ее глаза были бы полны сажи.

Закайо заговорил:

— Итак, он знал. Знал, что это было непростое задание. Он должен был позволить мне сопровождать его. Я же просил об этом, говорил: «Возьмите меня с собой, док». Я чувствовал — он был чем-то встревожен.

— Он встречал меня, — медленно проговорил Шеврон. — У него была очень верная мысль насчет того, что они следили за ним и не были заинтересованы, чтобы он делился с кем-либо своими идеями. Зная его, я бы сказал, что это сообщение как-то связано с ними. Он упоминает «Акволайф». Ну ладно, возможно, я просто не могу это уловить, но у него какие-то сомнения насчет Бьюкза. Это может пригодиться. Что еще там было?

— Только что-то личное, касающееся нас троих. Больше ничего.

— Есть еще кое-что, — неожиданно сказала Анна Рилей. — «Наихудшее в мире путешествие» — название книги. Мы нашли ее в библиотеке подразделения. Она очень старая — начало двадцатого века. Это единственный сохранившийся подробный документальный отчет о полярных исследованиях в прошлом. Несколько типов решили совершить поистине фантастическое путешествие только для того, чтобы раздобыть для коллекции яйцо королевского пингвина. Когда они привезли его, никто им даже не заинтересовался. Чад говорил, что это было типично для того времени.

Шеврон размышлял. За Ухо Дженкина шла негласная борьба, но было маловероятно, что оба полушария нарушат такое хрупкое равновесие из-за пингвиньих яиц. Скорее всего, если тут что-нибудь и было, то это был намек на какое-то м е с т о. По крайней мере, это как-то увязывалось с интересом, какой Полдано проявлял ко льду.

— Спасибо, — заговорил он наконец. — Вы можете приберечь это для себя. Я не вижу здесь чего-либо, по крайней мере, сейчас, но, возможно, тут что-то есть. Если вы готовы, мы перейдем к следующему. Я не строю никаких иллюзий, оставаясь на этом судне дольше, чем следует. Может быть, именно сейчас Лабид готовится отправить ночной отряд.

Закайо встревожился:

— Вы, конечно, не предполагаете, что мы плывем ради этого, босс? Нас в этих водах съедят живо.

— Надеюсь, что здесь есть какая-нибудь шлюпка. Ее вряд ли засекут в этом радиусе. Осмотрите палубу.

Анна Рилей нашла ее на капитанском мостике в шкафчике. Это был небольшой продолговатый тук с красной предупреждающей надписью, которая гласила, что шлюпку следует хранить

в сухом виде и, когда возникнет необходимость, спускать на воду, таща за веревку.

Прочитав инструкцию, она принялась за дело, находя в этом лечение для себя. Наблюдая, как шлюпка, наполняясь воздухом, вырастала, словно гриб при ускоренной съемке, она сравнивала себя с беззаботной, слегка опьяневшей от праздной жизни и выпитого эсобой, которая споткнулась о шлюпку и, разлив свою выпивку здесь на мостике, протрезвела, лишившись средства, дающего возможность отвлечься от бременного земного существования.

Анна Рилей перетасила лодку на корму и подтянула ее к перилам, нашла двухлопастное весло и с твердой решимостью бросила внутрь ее. Хотя корабельный хронометр показывал 03.15, Аккра все еще сверкала огнями. Если верить Шеврону, то Лабид уже привел в боевую готовность ударные силы. Времени было в обрез.

Шеврон в последний раз оглядел капитанский мостик. Он прибавил скорость на одно деление и включил автопилот, скорректировав курс, который, если бы «Лотосу» было суждено забраться так далеко, привел бы его к берегам Андижана. Затем крикнул Закайо, который в это время обследовал шкафчики в каютах в поисках трофеев.

Там не было ничего существенного. Владелец лайнера увлекался коллекционированием порнографических изданий, которые, видимо, должны были способствовать его успеху у женщин. Поклонение Эросу вполне могло быть образом жизни, но в данном случае все это едва ли могло быть расценено как комплект для выживания. Кроме того, здесь были ручной автомат и коробка с патронами. Это и пара бутылок местной водки — все, что Закайо в конце концов взял с собой.

— Пора отправляться, Зак, — поторопил Шеврон.

— Я бы сказал, давно пора, босс. Надеюсь только, что они не будут смотреть никуда, кроме как себе под ноги.

— Даже наемный убийца не станет искать то, что он уже нашел.

На уровне моря со спасательной шлюпки береговая линия не была видна и лишь зарево над Аккрой служило указателем, чтобы не сбиться с курса. «Лотос» быстро уменьшался в размерах. Лишь теперь, сидя в ненадежной спасательной шлюпке, когда темнота перешла в кромешный мрак, а лайнер уплывал прочь все дальше и дальше, они в полной мере осознали всю дикую природу моря, неподвластную человеку.

Шеврон взял весло и с силой погрузил его в воду. Шлюпка крутанулась на месте и накренилась так, что силуэт Анны Рилей неожиданно вырос у него над головой. У них было достаточно своих проблем и без оперативной группы, рышущей в поисках их.

После пяти минут проб и ошибок Шеврон взял нужный ритм, и шлюпка двинулась вперед. Экипаж хранил полное молчание.

Было совершенно очевидно, что путешествие обещало быть достаточно долгим.

Прошло полчаса, и Закайо, сверкая во мраке белыми зубами, потребовал сменить Шеврона, и тот присоединился к девушке на заднем сиденье.

— Они все еще не появились, — проговорила она тихонько. — Возможно, нам лучше было остаться на корабле и, поднявшись вверх по берегу, выйти к порту.

Словно ей в ответ из-за горизонта вырвался небольшой сноп света и упал на правый борт шлюпки.

Шеврон прошипел: «Ложись» — и увлек Анну прочь с причудливого сиденья на настил, покрытый тонким слоем воды, неприятно плескавшейся вокруг.

Обняв за плечи, он удерживал ее плашмя, в то время как шлюпка, потеряв управление, пыталась превзойти сама себя, грозя перевернуться в любую минуту, словно норовистый конь, почувствовавший неуверенного ездока.

Шеврон осторожно перевернулся на спину. Положив голову на выпуклость на дне шлюпки, он мог обозревать горизонт. Сноп света скользнул дальше. Сквозь шум и грохот моря Шеврон смог слышать приближающийся шум моторов. Четырех или пяти, по меньшей мере.

Анна Рилей собралась было задать вопрос, но влажная соленая ладонь прижалась к ее губам.

Она начала считать, и, когда добралась до ста, где-то вдалеке послышался треск следом за глухими ударами, похожими на отдаленный гром.

Анна Рилей не могла больше сдерживаться. И плоть и кровь — все в ней взбунтовалось. Она вонзила зубы в удерживающую ее руку и приподнялась.

Огненный столб поднялся с поверхности моря, и сверкающий сноп света разделился на отдельные лучики, закружившиеся над ним. Как Анна и ожидала, они перестроились и начали отходить.

Шеврону не было больше смысла удерживать ее. Анне неожиданно стало холодно. Это было вероломное, предательское убийство. Как и говорил Шеврон, некто произнес одно-единственное слово, и «Лотос» был стерт с лица земли. Те, кто был послан, так и не увидели экипаж. Они не знали, были ли они высокие или низкорослые, темно- или светловолосые, добрые или злые. Это было полное бессердечное пренебрежение к каждой отдельной человеческой личности.

Шеврон прошептал прямо ей в ухо:

— Ну, теперь вы видите. Нам действительно чертовски повезло. Они совершили ошибку, которая дает нам шанс. Им следовало спуститься вниз и взглянуть.

Летательные аппараты стали удаляться, пока совсем не растворились в прибрежных огнях. Спасательная шлюпка приблизилась на расстояние доброго километра от последнего пригорода. Закайю, отдыхая на носу, предупредил:

— Здесь сильный прибой, босс. Он перевернет нас кверху задницами.

Шеврон продолжал грести еще пятьдесят метров, в то время как неуклюжую посудину бросало из стороны в сторону, а грохочущие буруны вставали сплошной стеной прямо впереди. Он вынужден был закричать, чтобы его поняли:

— Все за борт! Встречаемся на берегу!

Анна Рилей колебалась только мгновение, затем устало приподнялась, сгруппировалась и прыгнула в воду четко выверенным прыжком. Закайю с узелком, привязанным за веревку к его левому запястью, просто встал и перешагнул через нос шлюпки. Шеврон отыскал надувной клапан и выдернул его.

Шлюпка начала таять на глазах и через мгновение исчезла совсем. До сих пор удача сопровождала их. До сих пор они сами заказывали игру, а не петляли, словно зайцы, на хвосте у которых охотники.

Нестерпимый рев прибоя оглушил Шеврона. Будучи сильным пловцом, он, тем не менее, почувствовал, что его тянет вниз под накатывающуюся толщу моря. У него оставалось лишь немного времени, чтобы поразмышлять о таком нелепом повороте — забраться так далеко только для того, чтобы оказаться погребенным в прибрежной гальке. Неожиданно давление воды спало, он прорвался через бушующий водоворот воды, так что отступающий прибой не мог затянуть его обратно. Впереди на фоне отдаленной полоски песка что-то слабо белело. Это была Анна Рилей, словно возродившаяся из моря. Белый халат облепил ее, как вторая кожа, а волосы на голове легли вроде тубетейки.

Через два метра Шеврон нагнал ее. Из-за грохота удаляющегося прибоя она его не слышала. Даже плывя в воде, она двигалась с изяществом и грацией.

Определенно, Анна Рилей занимала в жизни Полдано довольно значительное место, помогая ему противостоять превратностям судьбы. Но это было ошибкой — позволить себе поддаться чувствам. Это мешало здравому суждению, отвлекало от того дела, которому они служили. Если личный опыт что-то и значил, то сам он был вне досягаемости этого. Тем не менее, определенные отношения имели место в его жизни. Шеврон прибавил ходу и прокричал ей прямо в мокрое ухо:

— И так некогда было скучать, так прибавилось морское купа-

ние! Вам, наверное, должно казаться странным то, чем вы занимались до того, как я ворвался в вашу жизнь?

Слова, пришедшие из темноты, заставили девушку остановиться, и Шеврон вынужден был слегка подтолкнуть ее, взяв за плечи.

Анна Рилей высвободилась и продолжала плыть дальше, не сказав ни слова. Все ее поведение достаточно красноречиво говорило, что она не замечает его и совершенно не принимает в расчет. Когда ее ноги коснулись сухого песка, она энергично стащила с себя халат и принялась выжимать его. Он был полон морского песка и ракушек. Где-то далеко в море пылала яркая точка. Это «Лотос» догорел до основания и был готов затонуть.

Когда Закайо появился на мелководье, с трудом таща за собой тую, пылающая точка уже исчезла. Он перерезал ножом веревку и вытащил бутылку с джином.

— Я думаю, это как раз то, что нам надо, босс. Кроме того, необходимо немного передохнуть. Может быть, больше не представится подходящего момента.

Анна Рилей, которой было предоставлено право первой отпить из бутылки, нисколько не колебалась. Она промокла, устала, была сбита с толку, глубоко разочарована и совершенно не способна видеть что-либо хорошее в сложившейся ситуации. Возможно, это добрый самаритянин при свете звезд подал ей бутылку простой воды, и она, припав соленым языком к горлышку, отхлебнула из нее на целых три пальца, прежде чем поняла, что это дело человеческих рук.

Закайо ловко подхватил упавшую бутылку, а Шеврон услужливо стал колотить ее меж лопаток.

Когда Анна смогла говорить, она прохрипела:

— Павлов и мисс Доугал покровительствуют наивной девушке. Что же это было, в таком случае?

И тем не менее, выпитое возымело свое действие. Когда Закайо повел их вверх по берегу к ближайшей цепочке деревьев, Анна Рилей последовала за ним, словно зомби. Там, где разумные доводы не имеют силы, зеленый змий действует безотказно. Подобно Офелии, она даже ухитрилась напеть несколько отрывков из песен.

Двоюродный брат Закайо, Усамах, был не из тех, кто выставляет на всеобщее обозрение богатый фасад. Саманная стена его дома, выходящая прямо на маленькую площадь, была совершенно голой, за исключением единственной двери. Когда Закайо потянул за простую механическую ручку, где-то вдалеке задребезжал звонок и дважды тявкнула собака, прежде чем чутко спящий хозяин заставил замолкнуть ее ударом кулака.

В ожидании Шеврон осторожно обошел вокруг соседних домов. Анна Рилей подошла к небольшому фонтану в центре площади, села на низкий каменный бортик и свесила ноги в бассейн. Ее голова

все еще гудела, словно кто-то всю дорогу следовал за ними по пятам и бил в огромный барабан.

Это был небольшой квартал в старой части города, где все еще сохранились старые арабские традиции. Другие бы подслушивали, стоя за закрытыми дверьми, но здесь люди не были любопытны.

Закайо позвонил снова. В двери на уровне глаз открылось окошечко, и из глубины брызнул свет.

Они прибыли на место.

А дальше долгий путь по узким переходам, винтовым лестницам в толще массивных стен, прохлада и тишина, словно они проникли внутрь мастабы *. Затем для Анны Рилей все закончилось в большой холодной комнате с мозаикой из голубых с золотом изразцов, массивной кроватью с пологом на четырех столбах, украшенных сталактитами в виде кистей граната, и звездным небом через весь свод в мавританском стиле.

Это была святая святых. Анна Рилей позволила кроткой смуглой девушке с длинными черными волосами, перевязанными нитью из серебряной проволоки, и тяжелыми браслетами на запястьях и лодыжках стащить с нее потрепанный халат и отвести к алькову, где стояла наполненная горячей водой ванна.

Все это поражало сходством с воспоминаниями о прочитанных в детстве старинных сказках. Здесь мог жить материализовавшийся из кувшина принц с кривой турецкой саблей в ножнах. Но она знала, что принц убит. Лишь Шеврон заглянул ненадолго, чтобы поинтересоваться:

— Все в порядке? У вас есть все необходимое? Поспите немного, а утром мы решим, что делать дальше.

Это возымело действие удара обухом по голове. Принц превратился в лягушку. Анна уткнулась лицом в подушку и собралась спать.

Шеврон наблюдал за ней около минуты. Он догадывался, о чем она думала.

Ее чувство к Полдано было искренним. Она действительно была такой, какой по ошибке он представлял себе Паулу. Следовательно, это возможно.

Хотя лично ему это ничего не давало, было важно знать. Настоящая дружба и взаимовыручка между людьми — возможна. Но, как гласит арабская мудрость, человек не может наполнить винный погреб одной изюминкой. Ему были необходимы еще доказательства, чтобы окончательно убедиться в этом.

В ведении дома Усамах придерживался древних арабских традиций. Гостеприимство позволило Анне Рилей принять участие в завтраке, но она была единственной женщиной за столом.

* Древнеегипетская гробница.

Здесь были свежее испеченный хлеб, кофе, фрукты. Анна села в стороне и, наблюдая за тремя мужчинами, решила, что, если бы она записала все это на пленку, никто бы не поверил.

Закайо предстал совершенно в новом свете. Будучи родственником, он имел определенные права. Из знаков внимания, которые ему оказывал Усамах, следовало, что здесь он был важной персоной. Из разговора стало ясно, что Закайо — состоятельный человек. Полдано никогда не упоминал про это. Возможно, это было бы новостью и для него, во всяком случае, в жизни Полдано было много того, о чем она даже и не догадывалась.

Шеврон также удивил ее. Он завел долгий разговор о прикладном направлении в мусульманском искусстве. Он говорил, что на Западе неправильно толковали Коран, ошибочно полагая, что существовал некий запрет, который не позволял мастерам использовать живую натуру, но в действительности они очень часто использовали в повседневных украшениях человеческие фигуры, животных и растения. Возможно, дело было в том, что эти изображения были абстрактными, а не реалистическими, что усиливало сказочное богатство украшения.

Шеврон не уставал расточать комплименты Усамеху относительно его хорошего вкуса.

Усамах, гораздо старше Закайо, высокий и худощавый, с почти чисто арабскими чертами лица, кланялся в пояс и предлагал фрукты, лежащие на прекрасном блюде, покрытом эмалью, имевшем самое непосредственное отношение к обсуждаемой теме.

Все это выглядело очень забавно, и Анна Рилей украдкой взглянула на свой диск времени, чтобы посмотреть, как долго они могли бы этим заниматься, прежде чем кто-нибудь приступит к волновавшему всех вопросу — почему они здесь находятся и что им делать дальше.

Реверансы заняли около тридцати минут и представили Шеврона в совершенно новом свете. Он мог быть терпеливым и проникательным и к тому же мог кого угодно положить на обе лопатки своим знанием малоизвестных подробностей относительно ислама. Можно было подумать, что он был чрезвычайным посланником у самого Аллаха, Великим Страдальцем.

Усамах был восхищен и стал уговаривать остаться погостить у него в доме подольше, но Шеврон воспротивился.

— Возможно ли большее радушие по отношению к кому-либо другому, чем то, которое вы уже продемонстрировали нам. Но нет. Мы должны покинуть Аккру навсегда.

— В таком случае, у меня есть подходящее для вас место. Сфера действий нашей фирмы простирается вплоть до районов, лежащих севернее Гамбии. В Батерсте есть небольшой филиал. Два дня назад оттуда прибыла машина, которую необходимо вернуть. Я надеялся

ся, что будут заявки, которые позволят покрыть расходы на обратную дорогу, но никого не нашлось, а машина будет им необходима самим до конца недели. Вы сделаете мне одолжение, если отведете ее назад. Я переговорю с тамошним управляющим. Пока вы не устроитесь, сможете жить в комнатах над складом. Их держат на всякий случай. Иногда, например, путешественники приезжают среди ночи и хотят ехать дальше рано утром. Это, конечно, не бог весть что, сами понимаете, но вы можете оставаться там столько, сколько пожелаете. Было бы удобней, если бы вы путешествовали как миссис и мистер Картер. У меня есть все необходимые документы, выданные на эти имена. Они мне не нужны.

И так далее и тому подобное, все в том же духе. Анне Рилей начало казаться невероятным проверить какое-либо дело в арабском секторе вообще. Но она также знала, что за последние годы они постепенно прибрали к рукам все внегосударственные предприятия обслуживания пассажиров.

Ответ, как это ни парадоксально, пришел, когда было принято окончательное решение. Усамах, казалось, еще долго мог кружить вокруг да около, но как только линия поведения стала ясна, он стал действовать достаточно быстро. Уже через пять минут последняя чашка кофе была выпита, а челнок дальнего радиуса действия с развевающимся желто-зеленым флагом компании по найму Флотилии сядил на специально укрепленную дорожку в центре внутреннего двора.

Закайо занял место пилота и с профессиональной ловкостью защелкал тумблерами контрольных приборов. Челнок был полностью заправлен горючим и провизией на две тысячи километров пути. Усамах и кое-кто из членов его семьи выстроились на веранде, чтобы проводить их.

Сам глава семьи переоделся в городской костюм: белый китель с тугим воротником под горло, хорошо отутюженные широкие брюки и сверкающая камнями красная феска. Немного позади него прямо, точно копые, стояла девушка, которая заботилась об Анне. Неподвижно закованная в своем платье из сверкающих драгоценностей и мельчайших треугольников, вышитых золотой ниткой на ткани, она тем не менее умудрилась помахать на прощанье рукой в сторону разношерстной компании.

Усамах держал одну руку у нее на бедре, отличавшемся идеальными изгибами, словно специально предназначенными для того, чтобы можно было удобно устроиться, а другой церемонно взмахнул. Затем они поднялись прямо над самой верхушкой кровли, и машина начала разворачиваться, чтобы встать по курсу.

Закайо точно следовал выбранному направлению прямо к площади, а Шеврон отодвинул окошечко в палубе, чтобы можно было наблюдать за землей.

Они пролетали над районом узких улиц, разделенных площадями и внутренними двориками, подобными тому, который они только что покинули. Женщины занимались готовкой и уборкой, той домашней работой, которой обычно занимаются все женщины во все времена. Здесь царила атмосфера постоянства и покоя. Все это было настолько далеко от той маниакальной суеты, которая удерживала оба полушария в их хрупком политическом равновесии.

Уловив его настроение, Анна Рилей предположила:

— Я думаю, что вы смогли бы все это обнаружить и в Южном Полушарии. А если так, то зачем вся эта шумиха? Кто начал все это и для чего?

Прозвучавший в ответ слова она могла бы высказать и сама.

— Агрессия — глубоко укоренившийся побудительный мотив. Такой ответ не новость для вас, но как бы то ни было, ставлю один против пяти, что все эти истории и парни от политики только и занимаются навешиванием ярлыков, выискиванием причин и всей этой мышинной возней. Она там всегда, в подсознании. Если бы не существовало Северного и Южного Полушарий, люди выдумали бы что-нибудь еще. Возможно, этим и объясняется ее жизнеспособность. Они могут то и дело затевать ритуальные пляски, чтобы чувствовать себя грозными. В результате выбывают из строя люди, подобные Полдано. Поскольку агрессия не отделима от нашего образа жизни, я полагаю, наша деятельность приносит пользу.

Подходящий момент, чтобы с горечью признаться себе, что цема была слишком высока, а цель недостижима.

— Снижайся, Зак, — сказал вдруг Шеврон. — Туда, к кипарисам. Не слишком низко.

То, что он увидел, было бело-голубым челноком безопасности, а следом за ним летел другой. Полиция бросила все свои силы и проверяла каждый дом в округе. Это могло быть и простым совпадением, но Шеврон потому и оставался в живых до сих пор, что не верил в случайные совпадения как таковые.

И это подтвердил Закайо.

— Барабаны, босс, — сказал он. — Я вам говорил, что ничего не может произойти в этой стране, о чем не стало бы тут же известно. Мы миновали территорию, населенную племенами, прошлой ночью, а сообщение уже поступило. Но от Усамаха они ничего не добьются. Он очень хитер и изворотлив.

— Он сможет только отсрочить это, — ответил Шеврон, — но со временем они доберутся до нас.

Он и прежде бывал в бегах, но тогда за ним стояла организация, готовая в любую минуту прикрыть его. Теперь все было иначе.

Закайо увеличил мощность, и они миновали последний из старых кварталов. Под ними, словно темно-зеленое море, колыхались густые заросли кустарников.

Генри Вагенер уже в третий раз за утреннюю смену прошел через операторскую, расположенную в бункере Спецслужбы Северного Полушария, разбрасывая вокруг себя уныние полными пригоршнями.

Как сказала своему коллеге Энди Стэффорду Раквелл Канлайф, изящно изогнувшись на своем высоком кресле:

— Это было бы не так плохо, если бы он хотя бы что-нибудь сказал, но он только т а р а щ и т с я из-под своих бровей, словно пронизывая тебя насквозь.

— Я совершенно уверен, что особых проблем у тебя с ним не возникнет.

— У тебя нет оснований, чтобы быть таким о т в р а т и т е л ь н ы м.

Ее компьютер закончил обработку данных, выйдя на режим ожидания, и она вытянула ленту из выходного отверстия, зажав ее между большим и указательным пальцами так, словно машина произвела на свет по меньшей мере змею.

Она ловко пропустила ее через декодер и с еще большим отвращением изучила открытый текст.

— Еще одна.

— Отлично. Отнеси ее к нему. Воспользуйся своими предлестями на все сто. Этот короткий халат дает тебе главное преимущество — если тебе это интересно.

— Отнеси ты.

— Это невозможно. Рыцари никогда не заходят так далеко. С правом голоса женщины приобрели не только право, но и обязанности. Кроме того, где твое чувство истории? Всегда посылали цветущую деву, чтобы умиротворять божество. Позволяя немного там и сям ради прогресса, можно трубить о принципах.

Оскорбившись, Раквелл Канлайф удалилась быстрым шагом. Достаточно красноречиво для того, чтобы ни у кого не возникло желания окликнуть или нагнать ее.

Наружная дверь апартаментов Вагенера открылась, когда ее личная закодированная карточка была просканирована в специальной отверстии, и девушка прошла в приемную. Автоматические сканеры слежения подтвердили, что ее единственным наступательным оружием был аромат «Грезы», и в громкоговорителе, установленном на наружной стене кабинета, прозвучал голос Вагенера:

— Войдите.

Он все еще прохаживался взад и вперед по узкой дорожке голубого ковра, протянувшейся через весь кабинет метров на десять от главного пульта управления, напрямую связанного с правительством, до двери. Вагенер развернулся, встав лицом к курьеру.

— Ну?

— Вы велели приносить все вновь поступающие метеорологические сводки прямо вам.

— Я знаю, что я велел. Что в ней?

— Подтверждается вчерашний прогноз. Незначительное снижение температуры на один градус по Цельсию. На солнце падение температуры не наблюдается. Не зарегистрировано и какое-либо особое повышение солнечной активности. Данные пересняты с монитора. Непосредственно сюда, в офис, метеорологические сводки не поступают.

Подтекст сказанного был достаточно ясен. Девушка не понимала, какая здесь может быть связь с их деятельностью. Похороненные на глубине почти в полкилометра под землей, они были полностью изолированы от капризов плохой погоды. К тому же, кроме более чем двух сотен операторов, действующих в разных концах земного шара, было много всякого другого и без того, чтобы превращать комплекс безопасности еще и в любительскую метеорологическую станцию.

— Сколько вам лет?

— Двадцать три. Ф а к т и ч е с к и двадцать четыре в эту пятницу.

— Надеюсь, вы доживете до своего дня рождения.

— Благодарю, Контролер,— и, движимая нервным возбуждением, она продолжила: — Вы были бы желанным гостем на моей вечеринке.

По такой простой, не умеющей притворяться юной особе было сразу видно, что она сбита с толку его поведением. Но Раквелл Канлайф была еще больше сбита с толку, когда он ответил:

— Возможно, я так и поступлю. Спасибо за приглашение. Вы вообще помните какой-либо июнь с таким прогрессирующим понижением температуры, как этот? И снег, зарегистрированный на юге вплоть до Бирмингема?

— Нет, я никогда не слышала о таком. Но, по-моему, в этом нет ничего з л о в е щ е г о. Капризы природы случались и прежде.

— Конечно. Конечно. Хорошо, мисс Канлайф. Есть что-нибудь от Шеврона?

— Ничего, Контролер. Он задерживается на двадцать четыре часа. Должна я попытаться связаться с ним?

— Нет, не нужно.

Вагенер подождал, пока она выйдет, и вновь с удвоенной энергией принялся мерить шагами свой сильно потерянный ковер.

Это не принесло утешения. Что-то происходило, и против всех разумных доводов он подозревал, что эта чертова погода по всей Северной Европе как-то с этим связана. Но было просто нелепым предположить, что Южное Полушарие могло подстроить что-нибудь

в таких космических масштабах. В чем можно было быть совершенно уверенным, так это в том, что они попытаются использовать это для своей выгоды, почти так же, как если бы они ожидали этого.

Такие мысли были чем-то большим, чем просто предчувствие. Но не было решительно ничего, чтобы выбрать между орбитальными станциями, которые снабжали данными главную обсерваторию в нейтральной зоне. Это была область, где Сотрудничество все еще имело место, и подробно, с деталями разработанные обязательства делали его вполне приемлемым для обеих сторон, чтобы стало возможным так внезапно нарушить его.

Вагенер остановился около длинного дисплея, усеянного разноцветными флажками с именами всех агентов, занятых на данной территории. Двадцать черных флажков служили вечным укором, каждый сидел в нем, словно острая заноза.

Крайст-Черч, Сува, Монтевидео, Кейптаун, Дурбан, Хобарт — все самые южные из его давным-давно созданных постов наблюдения прекратили свое существование. Какое заключение, если оно вообще возможно, можно было вывести из этого? Только то, что его противник по другую сторону линии в Бразилии обладал изрядным умом и работал с большим размахом, в географическом смысле.

В любом случае, это было унижительно. Он не был в курсе интриг, и это ему очень не нравилось. Оказавшись совершенно в стороне от реальных событий, этот в общем-то неплохой человек терпел поражение.

К тому же, здесь ощущалось определенное давление со стороны политиканов. Они запрашивали данные, которых он не мог представить.

Приводя схему в соответствие с последними данными, Вагенер убрал белый флажок Полдано и заменил его на черный. Затем он взял флажок Шеврона, взвесил его в руке и в конце концов заменил его на красный.

Это была привычная ежедневная работа, важность которой так или иначе стояла обоюдоостро. Шеврон... Шеврон мог действовать либо с риском для себя, либо с риском для департамента.

Несмотря на трудное и ответственное положение, в которое ставила его работа, он, Вагенер, поверил в этого человека во время последней приватной беседы, о чем впоследствии пожалел. Сведения, которые добывал Шеврон, заслуживали самой высокой оценки, за исключением последнего задания. А дальше пошла полоса неудач, от чего в общем-то не был застрахован никто. Все зависело от того, к каким последствиям это может привести. Они могли, на первый взгляд, не иметь ничего общего с вызвавшими их причинами. Может быть, ему следует отстранить Шеврона от дел на некоторое время.

Приглушенный сигнал от пульта управления заставил Вагенера сесть за письменный стол. Еще один посетитель. На стене загорелся экран, и Вагенер увидел, что это все та же девушка со своим днем рождения.

Он нажал кнопку «Вход» и наблюдал, как она вошла. Раквелл Канлайф двигалась быстро и выглядела взволнованной.

— Что на этот раз?

— Сообщение от мистера Шеврона. Вернее, не от него, а о нем. Мистер Кэссиди вышел на связь, чтобы сообщить, что встретил его в Батерсте. Спрашивает, должен ли он вступить с ним в контакт. Через пятнадцать минут он снова выйдет на связь.

— Когда он объявится, соедините его прямо со мной.

Вагенер провел эти четверть часа за изучением кипы донесений с метеорологических спутников. Где-то здесь в подтексте, возможно, притаилась разгадка. Ему хотелось хоть чем-то подкрепить свое мнение. Но, просмотрев кипу, он не нашел ничего, что выходило бы за рамки текста. Подобно Шеврону, у него не было времени дожидаться какого-нибудь случайного стечения обстоятельств, чтобы делать конкретные выводы. Но из всех последних донесений, связанных с расследованием причин гибели личного состава, совершенно четко явствовало, что смерть наступала в результате несчастного случая, то есть естественных причин разного рода. Единственное, что можно было сказать со всей определенностью, — их было слишком много. Это, пожалуй, было единственным, что вызывало сомнение в правильности выводов проведенных расследований.

Гибель людей на метеорологических спутниках-станциях, стойкое ухудшение погоды над доброй частью Северного Полушария, прогрессирующее уменьшение численности агентов на юге. Что еще?

Из этого умозаключительного тупика его вывел торопливый голос Кэссиди, раздавшийся из находящегося на столе переговорного устройства.

— Кэссиди.

— Контролер. Что о Шевроне?

— Он здесь, в Батерсте, Контролер. Зарегистрировался вчера. Остановился в транзитных номерах над офисом компании по найму автомобилей «Южная Америка — Каир». С двумя спутниками. Африканец, который использовался для работы с Полдано, и девушка, стройная броская брюнетка. Мне кажется, я видел ее однажды с Полдано. Должен ли я вступать с ним в контакт?

— Нет, не сейчас. Держитесь в тени. Шеврон не выходит на связь. Я бы хотел знать, какую игру он затеял. Возможно, у него есть на это основание, а может быть, его посетила какая-нибудь бредовая идея и он решил действовать на собственный страх и риск. Вы встречались когда-нибудь?

— Никогда.

- Вы в этом уверены?
- Абсолютно.
- В таком случае тем более оставайтесь в стороне. Что-нибудь еще?
- Я хотел сказать: по-моему, они в бегах?
- Пошлите кого-нибудь в Аккру и выясните, почему они покинули ее. В следующий раз выходите сразу на меня.
- Так точно.

* * *

Анна Рилей стояла у длинного обзорного окна в номере компании «Южная Африка — Каир» по найму автомобилей и пристально рассматривала широкий и пустой столичный проспект, ведущий к реке. А дальше в туманной дымке виднелся противоположный низкий берег реки.

Наступило время сиесты, и было не много желающих разгуливать под палящими лучами солнца. Поколебавшись, Анна распахнула вставку на платье, и стало не так жарко.

— Я могу понять каждого, кто позволяет себе вольности в одежде в Аккре, — заговорила она. — Там себя чувствуешь, словно в парной бане. Но здесь... Здесь вполне сносный климат, И температура. Все эти солнечные шторы неуместны здесь. Держу пари, что какие-то ловкие подрядчики подали им идею заняться здесь их торговлей.

Это была просто милая болтовня — дань пытливого ума, но она не достигла цели. Закайо ушел по каким-то своим делам, а Шеврон, разложив на поверхности журнального столика вырезку из журнала, читал ее уже во второй раз. Когда он заговорил, то заговорил о своем, так, словно она ни слова не сказала.

— Вопрос: почему Полдано вырезал эту статью и обвел ее красным карандашом?

— Я уже говорила, что на него большое впечатление произвела эта старинная книга «Наихудшее путешествие».

— Тогда зачем надо было подчеркивать отдельные места о причинах, влияющих на продолжительность ледникового периода? Он что, предполагал, что ему придется выкинуть все свои комиксы и напаялить на вас трусики из лисьего меха?

— Вы — интересный тип, Шеврон. Что вас заставляет быть таким агрессивным?

Шеврон пропустил это замечание мимо ушей и продолжил свои изыскания.

— Кажется, этот абзац вызвал у него беспокойство. Он подчеркнул его дважды. Цитирую: «Почему Земля, однажды покрыв-

шись льдом, что привело к последующему увеличению альбеда *, не осталась в таком состоянии на неограниченный срок?» Конец цитаты. Что вы можете сказать на это?

Профессиональная привычка все анализировать взяла верх. Анна не могла долго оставаться в состоянии обиды, когда имелась возможность заняться миссионерской деятельностью — просвещать отсталых и невежественных.

— Альбеда? Это абсолютная белизна, полностью отражающая поверхность. Схема примерно такая. Раз Земля покрылась толстым слоем льда, то это повлекло за собой большие потери тепла. Солнечное тепло отражалось бы обратно в космос вместо того, чтобы накапливаться, словно в аккумуляторах. У ледовой корки было бы гораздо больше шансов стать постоянной. Логичное рассуждение? Каков ответ? Почему ледниковый период проходит, раз он получает такую поддержку?

Анна отошла от окна и перегнулась через спинку его стула. У Шеврона возникло такое ощущение, будто его темени коснулись оголенными проводами. В течение короткого мгновения ее лицо почти касалось его левого уха, и ему захотелось развернуться, приподнять ее и усадить к себе на колени.

С усилием, которое придало резкость его голосу, он отказался от этой возможности, может быть, изменившей бы его будущее, и возразил:

— Я знаю, что такое альбеда, но хочу знать, почему Полдано заинтересовался этим. Кроме того, обратить больше внимания на теорию. По словам этого человека, цикл начинается в Антарктике. Далее по этапам события развиваются так: льды становятся толще у Южного Полюса, при естественном выпадении снега, и когда его толщина превысит некоторый критический предел, под влиянием веса этой толщи льда давление в нижних слоях возрастет достаточно, чтобы довести их до точки плавления при повышенном давлении. Так что внезапный поток бурлящей холодной воды устремится из основания. Давление при этом упадет, и вода снова замерзнет. В результате образуются массивные ледяные рифы, распространяющиеся вокруг Антарктического континента на сотни километров и возвышающиеся над уровнем моря на высоту не менее двухсот пятидесяти метров. До сих пор все понятно?

— Абсолютно понятно. Для не слишком дотошного журналиста вы отлично справляетесь с разъяснениями.

Шеврона позабавила мысль, что он все еще мог усадить ее к себе на колени и смотреть, как она будет реагировать, когда ее прочная скорлупа даст трещину. Будучи психологом, она припишет это подавленным садистским наклонностям или чему-то в этом роде.

* Отношение, характеризующее отражательную способность поверхности тела.

Он продолжил:

— Затем, относительно увеличения альбедо. Общий приток тепла уменьшится примерно на четыре процента. Этот процесс достигнет Северной брешы во льдах. Вода, которая также вытекла и из Северной шапки, превратится в лед. В конечном итоге Северные льды накроют полотно миллионы квадратных километров. Общее альбедо увеличится снова. Теперь тепла поглотится на девять процентов меньше. Температура на всей Земле снизится примерно на шесть градусов по Цельсию. Вот вам и ледниковый период, покрытые шерстью мамонты, здоровые охотничьи состязания. К тому же из-за дополнительных льдов будет иметь место повышение уровня океана.

— Это уже чересчур.

— Все в тексте. Уверю вас.

— Нет, я о том отрывке, где говорится об уровне океана. Я слышала про это разговор на берегу. В порту глубина воды больше, чем когда-либо регистрировали. Ходили разговоры о необходимости поднять дамбу. Комитет клуба запрашивал согласие на финансирование у Регионального правления по строительству.

Анна протянула гладкую руку поверх его плеча и взяла бумагу. Шеврон снова ощутил слабый электрический разряд. Затем она отодвинулась, оставив Шеврону чувство утраты.

Вернувшись к окну, Анна тренированным взглядом быстро просмотрела статью.

— Нет проблемы. Все это выправляется само. Такое состояние не может оставаться в равновесии длительное время. Истечение льдов тормозится более холодными льдами, которые не растаяли под давлением. Истечение льдов замедляется. Этот нарост затем разрушается быстрее, чем пополняется. Энергия солнца вновь разогреет Южный океан. Вода снова начнет циркулировать, и альбедо понизится. Раз этот цикл начался, ледниковый период отступает, и вы возвращаетесь к статус-кво.

— Кроме того, в обязанности Полярных научных станций, расположенных у каждого полюса, входит проверка уровня льдов и контроль скорости их роста высвобождением тепла. Для этого у них есть атомные генераторные установки.

— Этого нет в статье. Откуда вы знаете?

— Позвольте только сказать, что я знаю.

— В таком случае, в чем вы пытаетесь убедить меня? — с подозрением спросила Анна Рилей. — К чему все эти разговоры, если вы знаете ответ?

— Кто бы выиграл от наступления нового ледникового периода?

— Никто. Это была бы угроза всему живому.

И это было правдой. С другой стороны, Полдано был не из тех, кто тратит время попусту. Он что-то нашел, достаточное, чтобы

забить тревогу, но недостаточное, чтобы оправдать рапорт Вагнеру или чтобы мобилизовать всех агентов на поиски фактов, могущих подтвердить его опасения.

Анна Рилей подошла и бросила смятый двойной листок на стол со словами:

— Все данные указывают на то, что мы имеем дело с естественным циклом. Небольшая операционная ошибка твоих друзей с Полярной научной станции могла бы быть причиной данных обстоятельств. По всем данным, у них там, в Европе, весьма отвратительное место. Но ничего зловещего в этом нет. Они это легко скорректируют.

Это была абсолютная правда. Двадцать четвертое столетие в состоянии справиться с этим. Природа в своей первозданности давно уступила пальму первенства техническому прогрессу, и теперь нужна лишь простая корректировка, чтобы восстановить равновесие.

Шеврон вспомнил гигантский комплекс, построенный в вечной мерзлоте у Дальнего Предела. Два года назад он ненадолго ездил туда, чтобы провести расследование по делу коллеги-агента, подозревавшегося в передаче информации. Шеврону так и не пришлось вынести решение. Должно быть, тот был предупрежден, что игра проиграна. Вместо того, чтобы дожидаться допроса, он вышел в полярную ночь и исчез.

Только теперь этот почти забытый инцидент связался в его мозгу с недавней историей на спутнике № 5. Эта девушка, Мартинец, поступила так же. Но в то же время она не была под следствием. Здесь не было полного соответствия.

Снаружи послышалось гудение поднимающегося лифта, и Шеврон, схватив бластер, развернулся лицом к двери.

Именно теперь Анна Рилей неожиданно поняла психологию беглеца. На ее взгляд, это был, скорее всего, прибывший Закайо, но для Шеврона это представляло потенциальную опасность. Его реакция была точно такой же, как у преследуемого животного. До некоторой степени, Полдано был таким же. Между ними было определенное сходство. Что-то от чувства к Полдано перешло к Шеврону и вылилось во внезапную симпатию. Многие можно простить человеку, вынужденному вести такой образ жизни.

Легкий стук в дверь перешел в более настойчивый. Шеврон коротко кивнул Анне, чтобы она открыла дверь, и ее чувство симпатии к нему померкло. Чтобы сыграть свою роль как можно достовернее, ей был необходим парик с обесцвеченными волосами, абрикосовый домашний халат и пилка для ногтей.

Дверь была на пружинах, и когда она откатила ее, то на мгновение почувствовала слабость. Это был не Закайо и не передовой отряд полицейских. У входа на цинковке стоял маленький челове-

чек с кротким круглым лицом и в очках без оправы. Он был одет в белую льняную плохо скроенную куртку, шорты и коричневые сандалии с гетрами. Под загаром, свидетельствующим о долгой службе на побережье, проглядывала болезненная бледность. Около левой ноги на полу стоял коммивояжерский саквояж.

Хозяйка произнесла: «Да?» — голосом, в котором было не слишком много приветливости, но это его не обескуражило.

— Никто не в состоянии позаботиться о своих гостях в этом мужском городе, — сказал он. — Мне сказали, что здесь на несколько дней остановились какие-то люди, и я подумал, что мог бы заинтересовать их некоторыми вещами.

— Какими, например?..

— Такими, как, например, все что угодно. Для начала, если вы не против, сафари в районе Судана, что является одной из главных причин для большинства прибывающих в эти места туристов. Я могу помочь организовать его. Для вас совершенно никакого беспокойства. Все отработано до мелочей. Может быть, мне можно войти и поделиться с вами некоторыми идеями на этот счет?

Анна Рилей с сомнением ответила:

— Вряд ли мы думали о чем-либо подобном...

Неожиданно Шеврон перебил ее:

— Это то, что нам нужно, дорогая. Позволь ему войти. Почему бы нам не прогуляться туда?

— Вам не добиться лучших условий соглашения у кого-либо еще на побережье. — Человечек уже прошел в комнату и уверенно двигался в сторону стула. — Мое имя Кэссиди. Я покинул свой дом и прибыл сюда больше лет назад, чем хотел бы об этом думать. Но я пообещал себе, что еще одно турне, и я возвращаюсь в Англию. Моя родина — Виррал-Сити. Вы когда-нибудь бывали в тех краях? Хочу обратить ваше внимание на то, что погода здесь всегда одинаковая. Мы, можно сказать, счастливики, что находимся здесь. Это вполне подходящий климат, когда привыкнешь к нему. Я подозреваю, что по прошествии времени я буду вспоминать обо всем этом с сожалением.

Шеврону на какое-то мгновение стало жалко себя. Ему достался еще один Бейкер в лотерее жизни.

Он засунул бластер обратно за пояс, оставив руку на прикладе, в тот момент, когда Кэссиди поднял свой портфель, удобно устроившись на стуле.

Но за исключением брошюр портфель оказался чист, как собачьи зубы. Кэссиди услужливо наклонил его в сторону Шеврона, когда доставал кипу бумаг и раскладывал их по поверхности стола.

В конце каждой брошюры дорчестерским шрифтом было напечатано название агентства: «Солнечный отдых, Корпорация», а дальше, в скобках: «Д. Д. Кэссиди, Агент Западного Побережья».

Все было так, как и сказал этот человек. Сомнений нет. Но было бы гораздо надежнее, если бы он захватил с собой видео и представил рекомендации.

• Шеврон, следя за лицом Кэссиди, проговорил:

— Эта профессия требует расторопности. Вы вовремя застали нас. Мы с женой собирались сегодня или завтра продолжить путь.

— Было бы очень жаль, мистер...

— Картер. Марк Картер.

— Мистер Картер, уж коль вы забрались так далеко, было бы неплохо увидеть все, что этот район может предложить. Вы будете поражены, я ручаюсь, примитивным образом жизни, который до сих пор еще сохраняется в пустынных районах. Там люди придерживаются своих древних обычаев. Каменный век. Вы едва ли поверите, что он мог уцелеть в нашем столетии. К тому же осуществляется экстенсивная реставрация доисторических городов. В прошлом там, где теперь только пустыня, была процветающая культура. Подумайте. Мы как раз действуем в пределах этой обширной области.

• Шеврон поднялся. С него было довольно.

— Я подумаю над вашим предложением. Оставьте проспекты. — Когда Кэссиди был уже около двери, он продолжил: — Как быстро сможете вы все предоставить, если я приму решение?

— Дайте мне шесть часов. Этого вполне хватит. А что думает об этом госпожа Картер? Если бы мне было позволено так высказаться, она, по-моему, относится как раз к тому типу людей, которых может заинтересовать необычное приключение.

— О, я предоставляю решения, подобные этому, Марку. В конце концов ему оплачивать счета. Но мы, конечно же, обсудим это вместе, — ответила Анна Рилей.

Когда Кэссиди ушел, Шеврон похвалил:

— Хорошо сработано. Вы так естественно вошли в роль. Кто-то упускает очень послушную жену с правильными понятиями о том, кто вносит арендную плату.

— Не будьте так уверены. Я — профессионал.

— Какого вы мнения о Кэссиди?

— Что о нем можно сказать? Любезный предприимчивый маленький человек.

— Может быть, даже слишком, на мой взгляд. Тем не менее, из этого можно извлечь определенную выгоду. Вам надо исчезнуть на несколько недель, а потом можете действовать по обстановке.

В «Хаузфрау» шевельнулось недовольство.

— Я уже думала об этом. Не думайте, что я не признательна вам за то, что вы вырвали меня из лап работорговцев; но, глядя на все это при дневном свете, я не вижу причин для того, чтобы убегать. Это двадцать четвертый век. Существуют же законы. Почему бы

мне не остаться здесь на время, а затем обратиться в местное Управление безопасности? Возможно, мне не стоит возвращаться в Аккру, но срок контракта, как бы то ни было, заканчивается в следующем месяце. Я не обязана возобновлять его и могла бы возвратиться домой.

— Так будет спокойнее, но разумнее.

— Разумнее.

Шеврон некоторое время размышлял над этим. В чем-то она была права. Было вполне вероятно, что Южное Полушарие на этом остановится. Они не захотят подвергать себя излишнему риску. Анна Рилей не являлась достаточно важной фигурой для длительной вендетты. Но, с другой стороны, в Аккре могли быть произведены некоторые тщательно продуманные перестановки. Подпольная деятельность «Аквалайф-клуба» была бы на время свернута и свелась бы к некоему подобию пьяных пивнушек. Они могли выдвинуть обвинения, которые гарантировали бы ее возвращение в Аккру без права выбора и в цепях. К тому же, это бы указало тот путь, которым он двигался.

Каждый спорный вопрос, как правило, осложняется личной заинтересованностью сторон, но Шеврон полагал, что он не принял это в расчет, когда медленно произнес:

— Все не так просто. Они не отступятся. Если вы обратитесь куда-нибудь на западном побережье, вас могут вернуть в Аккру.

— Как же быть? Мы не можем оставаться здесь вечно.

— Я хочу исчезнуть на время. Собираюсь двигаться на север. Я мог бы также взять вас с собой. Если мы пересечем границу Северной Африканской Федерации, они не смогут привлечь вас к обвинению. Вы можете уладить все ваши дела там.

— Согласиться на предложение Кэссиди?

Негромкий стук в дверь избавил Шеврона от ответа. Он подумал, что если бы ему пришлось обосноваться здесь надолго, то система заблаговременного оповещения была бы просто необходима. Кто бы это ни был, он не воспользовался лифтом, а совершил долгий бесшумный подъем.

Прежде чем Анна Рилей успела принять вид учтивой горничной, дверь открылась и на пороге возник Закайо, заполнив собой весь проем. На его массивном лбу блестели капельки пота, а улыбка больше напоминала гримасу. Но он был один.

— Не делай больше этого, Зак,— мягко проговорил Шеврон.— Ты был недалеко от возможности занять дырку в этой дурной черной башке.

— Беда, босс. У меня в Безопасности есть кузен. Он сказал, что местный контролер обратился за ордером на ваш арест и арест мисс Рилей. Они собираются получить его до конца дня. Необходимо подпись прокурора округа, а ближайший находится в Дакаре.

Шеврон обратился к Анне Рилей.

— Вот и ответ на ваш вопрос. Вы оказались бы в Аккре уже до завтрашнего дня. Они бы навязали делу свой ход. Если вообще дошло бы до суда. Под домашним арестом вы стали бы легкой добычей для парней Лабиды. Самоубийство процветающего медика, не способного встретить лицом к лицу позор приговора.

Когда он это произнес, словно легкий толчок шестого чувства подсказал ему, что наконец-то нашлось недостающее звено в цепи событий и он добрался до истины.

Самоубийство — вот их оружие. Это по-новому осветило происшедшее с Мартинец. Несмотря ни на что, ее довели до этого состояния.

Но тут возникал другой вопрос, не менее трудный. Почему, Бога ради? В метеорологической службе не было более безобидного оператора.

Закайо ожидал приказаний. Сообщив, что враг у ворот, он рассчитывал, что гарнизон поднимется в ружье.

— Времени в обрез, босс,— поторопил он.— Они могут начать действовать, не дожидаясь ордера на арест, так как уверены, что непременно получают его.

Проспекты все еще лежали на столе. Шеврон сгреб их в кучу и прочитал верхнюю страницу: «Знакомство с благородными туарегами, которые закрывают свое лицо перед женщинами и чужими. Только звезды укажут вам путь в первозданной пустыне. Осмотр караванов, которые до сих пор занимаются своим древним ремеслом, прокладывая себе путь через дикую местность, просто поражающую воображение...»

Выбора не было. Анна Рилей подозревала, что ей было бы гораздо лучше на гауптвахте, с кондиционером и регулярным трехразовым питанием. Но в этом случае она рисковала бы своей жизнью. Лучше уж выбрать путешествие, какое бы то ни было. Она сделала свой выбор и решительно направилась в спальню за недавно купленной зубной щеткой.

* * *

Вагенер все еще находился у компьютера, когда по двенадцатому каналу поступил запрос от агента о разрешении выхода на линию экстренной связи с директором. Вагенер решил, что это мог быть Кэсиди, и не ошибся.

— Вагенер.

— Докладывает Кэсиди.

— Продолжайте.

— В Аккре тревога. Бунгало Полдано сожжено. Скорее всего,

девушка имеет к этому непосредственное отношение. Она уехала с Шевроном. Мне кажется, она в опасности. Подозреваю, что Полдано стало что-то известно, и они решили, что девушка могла бы навести их на след. Шеврон увел судно из гавани. Оно исчезло без следа. Я думаю, он оберегает девушку. Сюда он прибыл на челноке, взятом напрокат, но полиция продолжает поиски. Шеврон заключил контракт на пятнадцатидневное сафари и оплатил вдвойне, чтобы его обслужили быстро и без излишней суеты. Это неплохо. Но в песчаном крабе они не смогут выбраться из этого района. Для верности я сам буду их сопровождать.

— Так и поступим. Мне нет нужды напоминать вам о собственной осторожности. Шеврон, несомненно, в опасности, так что не совершите какой-нибудь оплошности. Я все еще надеюсь, что он образумится и выйдет на связь с объяснениями. Но он прошел через полосу невезения, и, видимо, самообладание покинуло его. Если вы посчитаете, что он представляет угрозу для организации, я предоставляю вам право принять решение.

— Так точно.

Генри Вагенер устал.

Ему вдруг вспомнилась одна из заповедей руководства по тренингу: «Когда мучают сомнения, ищи подсказку в подсознании. Расслабься. Займись чем-нибудь другим. Решение придет само, когда разум высвободится и мысли потекут в новом направлении, позволяя посмотреть на проблему с иной точки зрения».

Он подключился к наружной службе.

— Контролер. Я буду отсутствовать в течение двух часов. Если будут какие-либо сообщения по категории выше двух звезд, вызывайте меня по личному каналу.

Второй выход находился за рабочим столом Вагенера. Он был оснащен собственным механизмом сканирования, который зарегистрировал его выход. Были отмечены и отправлены с сотнями других данных в голографический банк памяти структура ткани его костюма, содержимое карманов и физиометрические данные, вплоть до родинки на левом запястье. За прошедшие годы компьютерная память накопила огромное количество его светочертежей, до самых мельчайших отклонений.

Пока лифт мчал Вагенера сквозь луковичные слои земной коры, он размышлял. В этом было своего рода бессмертие. Он даже мог представить свое измененное «эго», вышедшее из ящика и занявшее его кресло. Он бы только приветствовал это.

Лифт остановился, и на экране возникла картина внешнего обзора. Это была конечная станция монорельсовой дороги с интенсивным движением. Вагенер находился в крайнем ряду из дюжины лифтов, не имеющем прямого выхода. Он настроил изображение на соседнюю кабину и подождал, пока она опустеет. Затем он

набрал комбинацию кнопок, которая закрыла дверь соседней кабины, как только из нее вышел последний пассажир, и откатил узкую панель в смежной стене. Панель в стене соседней кабины автоматически открылась, и он перешел из одной кабины в другую.

Оказавшись внутри, Вагенер нажал выпуклость на поверхности своего диска времени, и пульт управления в его кабине перешел в автоматический режим. Через пять секунд он вышел в коридор так, словно только что опустился с улицы.

Сквозь толпу навстречу Вагенеру прокладывала свой путь высокая и длинная грузовая вагонетка на воздушной подушке с служителем в белой униформе городского департамента уборки. Она стала двигаться вдоль стены, в то время как ее оператор свесился со своей платформы и направил всасывающий патрубок на кучу окурков.

На какое-то мгновение Вагенер оказался отрезанным от общего потока кормой машины, развернувшейся в направлении следующей кучи. Вагенер остановился, ожидая, когда она проедет, слегка касаясь одной рукой ее боковой панели. Ежедневная привычка притупила какое-либо чувство опасности, но все же он раздраженно подумал, что надо будет занести в ЭВМ данные о том, что уборку мусора следовало исключить в часы пик.

Он был все еще занят своими мыслями, когда средняя секция контейнера вагонетки быстро отъехала в сторону и четыре руки зажали его в тиски.

Абсолютно уверенные в том, что начальник безопасности обязан иметь при себе более усовершенствованные технические устройства, оба человека, распластав Вагенера на тонкой подстилке из мусора, не оставили ему никакой возможности воспользоваться сигнализацией. Запястья и лодыжки были туго стянуты веревками крест-на-крест, а кляп из мягкой губки, укрепленный липкой лентой, плотно закрыл ему рот.

Единственное, что ему было доступно, — возможность осмотреться. В отличие от Раквелл, это не причинило никакого вреда и неудобства его глазам. Вагенер увидел, что внутри контейнер был сильно изменен и, видимо, предназначался для специального использования. Большой сканер в потолке передавал изображение находящихся снаружи людей. Никакой паники не было. Оператор, управляющий рычагом, медленно тронул вагонетку, останавливаясь время от времени, чтобы подобрать мусор. Сверхпрочный неразрушимый костюм Вагенера из металлоткани покрыл тонкий слой пыли. Никто даже не обратил внимания на то, что один из их числа выбыл из строя.

Попавший в поле зрения мужчина с бритой, блестящей, как полированной, головой тихо обратился к своему напарнику, находящемуся сзади Вагенера и невидимому.

— Ради бога, скажи Гарри, чтобы прекратил это. Пыль вызывает у меня сennую лихорадку. Потом я всю ночь буду чихать. Разве тебе неизвестно? У меня аллергия.

Следя за сканером, Вагенер увидел, что человек, собирающий мусор, вставил свой шланг в захват и переместился к пульта управления. Голос позади Вагенера произнес:

— О'кей, Гарри. Разворачивай машину прямо к выходу.

Все оказалось слишком просто. Автомобиль резко набрал скорость и въехал на грузовой пандус. Мотор натужно взревел и уже почти захлебнулся в тот момент, когда машина выбралась на дневной свет. Наверху она слегка притормозила, ожидая место в потоке транспорта, затем, проехав около ста метров по служебному проходу, выбралась во внутренний двор агентства доставки.

Гарри борт к борту подъехал к уже ожидавшей их другой машине, выпустившей пару лап-захватов, которые легко приподняли контейнер с рамы и поставили его на борт машины.

Как только он приземлился, машина двинулась прочь. На этот раз колеса выбивали совсем другой ритм. Было совершенно очевидно, что они едут по шоссе.

Лысый выключил сканер, и они оказались в полной темноте. Доверяя своим ощущениям, Вагенер решил, что они едут примерно семь-восемь минут, делая двадцать километров в час. Потом грузовик приостановился, проехал вниз по наклонной плоскости и окончательно замер.

Очевидно, они прибыли на место. Где бы это ни было.

Когда обманная панель вновь отъехала в сторону, в глаза Вагенеру ударил яркий свет. По всей видимости, это был один из подземных туннелей под жилым кварталом, освещающийся через отверстие в потолке.

Рядом с грузовиком возникли две фигуры в белом, с марлевыми повязками на лицах. Они вошли внутрь и ловко упаковали Вагенера в санитарную тележку. В его левое плечо резко вонзилась игла, и все потонуло в черном мраке.

6

Анна Рилей сидела у костра из самого настоящего хвороста, разведенного в центре лагеря, и смотрела на пламя, по цвету похожее на красный пустынный цветок. Потом она решила взглянуть на пустыню, встала и вышла из круга света. Она обогнула тупой нос песчаного тягача и устроилась на предохранительной решетке, предназначенной, видимо, для того, чтобы слишком эмоциональные путешественники не выпадали из кабины прямо в широкую гусеничную колею.

Машина была оснащена акустическим колпаком, о который разбивались негромкие звуки, доносившиеся из бивуака. Глядя прямо перед собой, Анна Рилей могла вообразить, что она здесь, в этой пустыне; совершенно одна. В раннем детстве небо представлялось ей чем-то иным, нежели просто субстанцией, заполняющей брешь в обозримом пространстве. Это была опрокинутая чаша. Черная опрокинутая чаша с маленькими сверкающими дырочками, как будто позади нее был невообразимый свет, гораздо более сильный и яркий, чем она когда-либо видела.

Уже давным-давно передвижение человека не ограничивалось никакими границами, все места стали привычно доступными. Но они, как правило, были настолько похожи, что не оставалось ощущения какой-либо перемены. Если сравнить отдельные детали Аккры, Лондона и Вашингтона округа Колумбия, то они имели больше сходства, чем различия. Один высотный район в каком-либо крупном городе был как две капли воды похож на другой. А это было чем-то совершенно иным.

Кэссиди, несомненно, выполнил все пункты договора и даже намного превысил обещанное. Он постоянно висел на телефоне, названивая в свой экскурсионный центр в Уалате; и как только набралась небольшая группа, готовая отправиться в путь, сам лично вывез их на реактивном самолете, видимо, заинтересованный, чтобы обслуживание было по высшему разряду.

Когда они прибыли в пункт отправления, транспорт был уже заправлен горючим и полностью готов к отправлению. Это был большой песчаный гусеничный тягач с упругими пластиковыми звеньями метровой ширины и двумя тендерами, которые в случае необходимости могли самостоятельно передвигаться по воздуху. Обычно они использовались для наблюдения, прикрытия или в качестве экскурсионных модулей для посещения интересных мест.

В последний момент Кэссиди, учтивый сверх всякой меры и необходимости, заявил, что сам лично будет сопровождать их для того, чтобы быть уверенным, что они не пропустят ни одного нюанса из жизни пустыни. Теперь они продвинулись вглубь необжитых мест на сто пятьдесят километров, двигаясь точно на запад в направлении к Тимбукту.

Хотя вибровая обшивка тягача все еще была теплой от дневной жары, ночной воздух был достаточно прохладным. И это было удивительно, поскольку в ее понятии пустыня ассоциировалась с неизменной жарой.

Забывтое всеми, уединенное место. Прошлое умерло. В какое-то мгновение Анна, словно сумев предвидеть будущее, почувствовала, что испытания для нее еще не закончились. Она будет несчастной и жалкой. Потребуется много времени, чтобы приспособиться к новой жизни. Но все это может закончиться для нее весьма горь-

ко. Она почувствовала, что только теперь начала оправляться от шока. За что бы она ни взялась — все ее действия заранее обречены на провал. Действительность предстала перед ней с правдивой жестокостью.

От горьких размышлений ее оторвал голос Шеврона.

— Если вы пока не собираетесь возвращаться к костру, — произнес он, — вам понадобится свитер.

Шеврон обошел тягач сзади и бесшумно приблизился.

— Ваша забота об экипаже делает вам честь. Это что-то новое в характере железного человека.

— Пустыня пробуждает во мне шейха. Кроме того, я не собираюсь задерживаться здесь из-за женщины, заболевшей лихорадкой.

— Должно быть, вы правы. А этот самый шейх не собирается зайти так далеко, чтобы и в самом деле принести мне свитер?

— Нет, не собирается.

— Ладно. Я еще вернусь.

Шеврон занял ее убежище и тоже принялся созерцать пустыню. У него появились некоторые сомнения. Необходимо было отключиться и обратиться к подсознанию, а пустое полотно окружающего не нарушало этого состояния.

Операция прошла слишком гладко, чтобы выглядеть правдоподобной. Кэсиди вытаскивал их из Батерста так, будто пробирается тайными маршрутами было его профессией. Возможно, так было принято в «Солнечном отдыхе, Корпорации», что позволяло неплохо заработать. Теперь Кэсиди, нагнав остроту ощущений, мог рассчитывать на вознаграждение.

Но он сделал это, не задав ни одного вопроса, не сделав ни единой пометки в списке приобретенных предметов личного обихода, что достаточно красноречиво свидетельствовало, что он имел дело с людьми, путешествующими подозрительно налегке. Любому нормальному оператору потребовалось бы гораздо большее дополнительное снаряжение.

Шеврон достал сигарету и немного прошелся. Несомненно, на него действовала окружающая обстановка. Наверху плексигласового купола тягача на антенне был прикреплен вымпел компании, доблестно развевающийся в потоке выхлопных газов. Единственно, чего не доставало, — колонны легионеров, ковляющих через дюны, натужно распевая «Марсельезу» пересохшими глотками.

Видение внезапно исчезло в тот момент, когда его спины легонько коснулся чей-то палец. Реакция была молниеносной. На осторожный знак Анны Рилей ответом был такой взрыв, как будто она нажала кнопку взрывного устройства.

Она вдруг обнаружила, что лежит растянувшись на спине с ногами, зажатыми железной хваткой, и головой, вдавленной в этот

нескончаемый песок. Ошеломленная, она даже не ойкнула, а лишь свирепо глядела Шеврону в лицо и, напрягаясь, пыталась сбросить с себя накрывшую ее непомерную тяжесть. На ее взгляд, это начало уже принимать систематический характер.

Ощувив всем телом, что он зашел слишком далеко в своей предосторожности, Шеврон убрал руку от ее рта и был очень удивлен, когда она тихо прошептала: «Шш-шш».

Но это не было приглашением тихонько продолжать в том же духе. Настойчивым шепотом она продолжила:

— Быстрее, вы должны увидеть кое-что.

Он откатился в сторону, и она сразу же оказалась на ногах, не дожидаясь, когда ей подадут руку, чтобы тут же бесшумно отступить назад к костру.

Пламя от маленького костра освещало треугольник пространства, заключенный между тремя экипажами. Закайо и шестеро арабов-водителей подняли целиком зажаренную тушу и положили ее на длинный стол, установленный под навесом. Кэссиди нигде не было видно.

Анна Рилей указала на верхнюю палубу тягача и бесшумно взобралась по наружному трапу. Обзорный модуль, затянутый плексигласовым куполом, был рассчитан на одного пилота со всеми удобствами мягкого вагона, включая индивидуальное кресло и пульт управления автоматом с прохладительными напитками в задней части модуля.

Анна устроилась на носу, где стеклянный пузырь был на два метра короче нижней палубы. Внизу под этим местом располагался кубрик, а пол верхней палубы был испещрен несколькими рядами вентиляционных отверстий.

Она опустила на колени рядом со стулом так же, как и в тот раз, когда вынимала свитер из ящичка под сидением, и Шеврон присел около нее.

Возбужденная происходившим, она излучала теплый аромат, свойственный только женщинам, и Шеврон опять ощутил легкое головокружение. Но открывшаяся внизу картина целиком захватила его, не оставив места для Эроса.

Кэссиди как раз попадал в поле зрения через два вентиляционных отверстия и был хорошо виден, освещенный лампой, расположенной над пультом управления пилота. Даже со спины было ясно, что он серьезен и увлечен разговором с кем-то, хотя при этом не пользовался видео на диапазоне связи.

Казалось, что он говорит прямо в свою правую руку. Затем Кэссиди поднял руку с чашеобразным предметом и поднес ее к уху. Шеврон сам проделывал это слишком часто, чтобы испытывать какие-то сомнения. Его собственный коммуникатор был надежно спрятан в паху, в привязанном к ремню мешочке. Он легонько

похлопал по девичьей руке — жест, который одновременно выражал благодарность и приглашение спуститься вниз прежде, чем Кэссиди закончит. Они выглядели бы подозрительно, если, припозднившись, набросились бы с остервенением на люля-кебабы.

* * *

Ночь, казалось, придала особую резкость голосу Вагенера. К тому же старый ублюдок, по-видимому, совсем лишился ума. Он вдруг заявил, что желает знать, по какой причине его побеспокоили в такое время с очередным рутинным донесением.

Из сказанного Кэссиди мог вообразить, что шефа Спецслужбы беспокоят каждые полчаса на протяжении всей ночи. Но если ему это не нравится, тогда он не должен был просить об этом. К тому же он, казалось, забыл все, что касалось Шеврона. Когда же Кэссиди напомнил ему, Вагенер вдруг заявил:

— Это слишком опасно — позволить ему действовать по собственному усмотрению. Подстройте ему и его спутникам какой-нибудь несчастный случай. Это будет нетрудно. У вас нет никаких шансов выудить информацию у Шеврона, но вы можете попытаться с девчонкой. Возможно, она знает, есть ли за его передвижениями что-то большее, нежели просто реакция на обстоятельства.

Это было сказано достаточно прямо, хотя прямо противоположно предыдущей позиции, когда он был готов не торопиться и находить решения даже, казалось, в безвыходных ситуациях.

Пока, наблюдая за Шевроном, Кэссиди был склонен считать, что тот был вовлечен в цепную реакцию, следовавшую за смертью Полдано, и неумышленно отключился от связи.

Но для их деятельности это не имело никакого значения. Если бы он попался в руки Южного полушария, ущерб был бы нанесен прежде, чем с этим могло быть покончено. Вагенер имел право так поступать. Здесь говорил здравый смысл. Но старый ублюдок обыграл это так, что можно было подумать, будто он сожалеет, что вынужден поступать так.

Если бы Кэссиди мог сейчас видеть Вагенера, он бы понял, что какие-либо положительные эмоции у того были в явном дефиците.

Генри Вагенер вполне отдавал себе отчет, что он все еще пребывает в самых глубинах подсознания, куда зондирующие электроды не могли проникнуть. Но, признавшись себе в этом, он признался во всем. Нельзя было сказать, что это очень его беспокоило. Расслабляющие наркотики обволокли конъюгации его хромосом, принесли полное спокойствие и непредубежденный взгляд на вещи. Он находился в небольшой одноместной палате экспериментального крыла городского медцентра. Лежа на узкой кровати-каталке, он

был присоединен с помощью многовиткового шлема к комплексной компьютерной системе, которая анализировала умственную деятельность по мере того, как в матке-голографии формировались мысли.

Еще раньше Вагнер без каких-либо эмоций наблюдал, как его абсолютно точная копия со всей тщательностью переодевалась в снятую с него одежду и готовилась продолжить дело, которое он оставил. Было вполне очевидно, что это был давно и тщательно разработанный план. Человек был уже достаточно хорошо проинструментирован. Они до мельчайших подробностей изучили множество привычек, мест, имен, текущую работу в отделении, и подробности, полученные от него, в основном подтвердили то, что уже было известно.

Возможно, где-то в глубине, в укромном тихом пристанище, где он пребывал, и билась какая-то тень легкого сомнения и беспокойства, но на поверхности, контролируемой неутомимыми электронными приборами, была только готовность услужить и дать ответы на все вопросы. Биологические инстинкты удалось перехитрить. Ушло даже желание прокусить левое запястье и добраться до капсулы забвения под кожей. По правде говоря, он и не мог сделать этого, так как был связан. Но подобной мысли в его одурманенной голове даже не возникло.

Прежде чем занять уединенный особняк Вагнера, построенный на крыше башни, венчающей район небоскребов Уотергейт Честер Сити, Вагнер-II ненадолго задержался в его офисе.

Секретность в проводимой операции была поставлена на первое место. Она действовала словно мина замедленного действия. Высшее командование оказалось право во всех отношениях: Вагнер, со своей склонностью к уединению и типом характера, занимающий один из главных постов Службы, был вполне естественен для подмены. Вагнер-II чувствовал бы себя не так уверенно, если бы мог видеть некоторое «сомнение» контролирующего механизма, который его сканировал. Прежде чем был дан «условно свободный» сигнал и запорный механизм внутренней двери разомкнулся, произошла небольшая задержка в десять секунд. За это время было произведено повторное сканирование. Девяносто девять и девять десятых процента двух тысяч физиометрических показателей находились в пределах нормы, но электрический узор мозга с внутренней стороны частично отсутствовал.

Задержка вызвала по цепи небольшой импульс, и следующая развертка уже имела расширенные показатели. Взяв средний результат, машина решила сомнения в пользу Вагнера-II, и он оказался в пределах порога допустимости.

На контур поступили новые данные, закодированные в новой, измененной форме.

В следующий раз они будут совершенно правильны. И все показатели, снятые с подложного шефа Спецслужбы, будут с допустимым отклонением.

Тщательно подготовленный к выполнению задания, Вагнер-II потратил около часа, знакомясь с оснащением кабинета. По существу, оно было таким же, что и в Бразилии. Некоторые немного устаревшие, некоторые с дополнительными усовершенствованиями, которые вполне можно было бы скопировать. Вовсе не потому, что Север мог бы представлять из себя какую-либо угрозу в будущем. Операция началась, и всеобщий крах повернет вспять тысячелетие.

Этой мысли оказалось достаточно, чтобы вызвать легкую эйфорию:

Раквелл Канлайф, словно расторопный курьер, сообщила обратно в производственную часть, что он одарил ее весьма злой улыбкой.

Стэффорд ответил, что раз было приглашение на вечеринку, то оно было принято как зеленый свет и теперь ей следует быть начеку.

Будучи очень чувствительной к вниманию мужчин, Раквелл с сомнением ответила:

— Он кажется каким-то другим. Не таким внушительным.

— Просто внушающим тебе обманчивое чувство безопасности. Но ничего не бойся. Если вдруг он зажмет тебя в углу с «Кроватой Мэри» в руках, тебе стоит только поднять свой Авен-Езер*, и я окажусь прямо позади тебя.

— Я не думаю, что у меня есть Авен-Езер.

— Он должен быть у каждой девушки.

— Но он больше не упоминал о вечеринке. Я думаю, он просто забыл.

Оставшись один, в то время как все вышли, Вагнер-II появился в операторской, воспользовавшись несколькими минутами до появления новой смены дежурного персонала. Он наблюдал процедуру смены через сканирующий замок, а потом присоединился к общей очереди.

В действительности все оказалось слишком просто. Вагнер явно не обладал репутацией человека, любящего поболтать, и никто не ждал от него более, чем обмена кивками на протяжении всего длительного подъема. Он начинал наслаждаться этим, и в голове возникла мысль: пожалуй, жаль, что игра приближалась к своему завершению. Он мог бы провести год или два, занимая одно из самых высоких положений в обществе. Это был бы подходящий способ

* Камень помощи (библейское).

продвижения по службе, недоступный для него у себя дома. В самом деле, будучи на пять лет старше мужчины, которого он заменил, он явно уже упустил какой-нибудь руководящий пост, который мог бы оправдать тридцатипятилетнюю работу, связанную с фальшивыми документами и приклеенными бородами. Тем не менее, из этого не следовало, что его дела шли плохо. Годы напряженной работы принесли свои плоды. Это было последнее задание. В пригороде Сан-Симао на его имя уже была приобретена гасиенда, в дополнение к пенсии, на которую он мог рассчитывать, соответственно среднему разряду службы. Все, что сейчас происходило, — было как раз по нему. Если бы Раквелл встретила его теперь где-нибудь в подземном переходе, она решила бы, что у него внутри сверкает жаркое латино-американское солнце, которого было гораздо больше, чем на улицах, где небо было неизменно серым и пасмурным.

С реки дул холодный порывистый ветер. Инженеры городской отопительной станции, регулирующие необходимый режим работы установок в зависимости от сезонных потребностей, были поставлены перед необходимостью поддерживать отопление, какое обычно соответствовало зимнему типу потребления. Люди сидели по домам, включив на полную мощность отопление, и глядели старые программы на своих реализаторах.

* * *

Для каравана Кэссиди отсутствие жары не было проблемой. Стремясь делать не менее пятидесяти километров в час, он отправился на рассвете и сделал полуденный привал на расстоянии одного часа езды до Тимбукту.

Гусеничный тягач шел быстрым ходом, упорно продвигаясь вперед. Сопровождающие его две разведывательные машины поднимали вокруг себя песчаную бурю так же, как и вращающиеся лопасти винта, повернутого назад, в сторону горизонта.

Под балдахином было жарче, чем внутри тягача, но Кэссиди настаивал на этом ритуале. Все вместе это давало возможность почувствовать окружающую атмосферу, а он не хотел, чтобы клиенты «Солнечного отдыха» упустили какие-нибудь дополнительные преимущества.

У Шеврона был свой профессиональный интерес к происходящему. Все было устроено по первому классу. Если бы не наблюдательность Анны Рилей, он принял бы все за чистую монету. Вся его настороженность и чутье улетучились под действием сверкающего света и оупляющей жары. Как бы то ни было, теперь он внимательно наблюдал за происходящим, пытаясь найти хоть какой-

нибудь намека на то, что Вагенер говорил во время своей последней поздней передачи.

В качестве местного деликатеса повар подал чашу национального кушанья, которое обычно брали с собой в дорогу кочевники: вода, измельченный сушеный сыр из козьего молока и просо. Едва теплое, оно, скорее всего, оказывало больше подкрепляющее воздействие, чем обладало каким-либо особым вкусовым качеством. Из всех лишь один Шеврон не пожелал отведать это кушанье, вполне допуская при этом, что оно может произвести впечатление.

Питательностью эта смесь, возможно, превосходила обычную пищу, которая последовала вслед за ней из хорошо оснащенного камбуза: котлет, двух видов овощей и охлажденного бомба а'ля туарег.

Кэссиди начал очень осторожно. Первый незаметный шаг он сделал за легкой болтовней во время еды.

Он предложил им два варианта на выбор. Они могли продолжать двигаться на восток до АГАДЕСА, а затем пройти древним соляным путем на ту сторону к Бильме или могли следовать курсом немного севернее, на Гауденни, где располагались плодородные земли и уцелевшая интересная культура. А может быть, им лучше всего подняться в воздух на разведывательном модуле, немного осмотреться и самим выбрать себе погибель.

Брошенная опытной рукой наживка была проглочена, даже психолог поддалась ситуации, в которой предусматривалось право выбора.

— О'кей, — одобрил Шеврон. — Так и сделаем. — И тут же подумал, что было бы неплохо все спокойно обсудить где-нибудь за пределами каравана.

Кэссиди прилепнул рот салфеткой, с явной претензией на изысканность манер, залпом осушил остатки своего рейнвейна и небрежно удалился проверить готовность машины. Когда все уселось по своим местам, он произнес напутственную речь:

— Можете не торопиться. Больше дней — больше долларов. Эта фраза используется в качестве условного сигнала для автопилота. Он вовремя доставит вас назад, как только вы почувствуете необходимость вернуться. Вы будете просто поражены тем, что можно увидеть даже в таких пустынных местах.

Он помахал им на прощанье рукой, встав в сторонке в круг света, отбрасываемого освещением тягача, словно заботливый папаша, провожающий своих чад в дальний путь.

— Он полагается на случай, босс, — с сомнением проговорил Закайо. — Кто может поручиться, что мы не переправимся на ней через границу? Очень мило с его стороны, что он доверяет ближним.

Шеврон в это время разбирался с пультом управления, но, услышав слова Закайо, задумался.

На первый взгляд, в этом мог быть выход. Он только надеялся, что Анна Рилей не станет давать квалифицированную оценку их действиям и переходить на личности.

Но она и не думала делать этого. Она училась достаточно быстро и предоставила все решать Шеврону, уклончиво ответив:

— Эта поездка была неплохой идеей. Мне она начинает нравиться. А куда мы отправимся потом? Как насчет северо-востока? В этом направлении находится цепь холмов. Но это, наверное, слишком далеко? Давайте посмотрим масштаб по схеме.

Шеврон перевел взгляд на ровный палец, упершийся в навигационную карту. Как немаловажная часть целого, он был вполне достоин своего владельца. Гибкий, энергичный, с аккуратным маникюром, он пытался вертеть им, полностью подчинить своей власти. Но его, Шеврона, имеющего уже подобный опыт, не так-то легко было обвести вокруг пальца.

— Почему бы нет? — коротко бросил он. — Давайте посмотрим, — и заложил курс в навигационный механизм.

В течение тридцати минут Шеврон упорно пытался разогнать машину, достигнув почти 1, и вдруг на горизонте темным пятном обозначилась длинная цепь предгорий. Характер местности начал меняться. Стали появляться полосы чахлой акации.

Шеврон сбросил скорость и снизился до пяти метров. На песке резко обозначилась тень от машины. При ближайшем осмотре ряд холмистых полукружий оказался делом человеческих рук. Предупредив о готовящемся ударе, Шеврон стал медленно опускаться вниз, взметая вихрь пыли и мелкого мусора.

Анна Рилей, собравшаяся было задать вполне очевидный вопрос, натолкнулась на немой приказ молчать, а вслух ей было велено выброситься с парашютом, оставив все вопросы на потом. Закайю уже начал распечатывать крышку люка и в тот момент, когда машина, едва не коснувшись опорами грунта, завалилась на бок, успел снова ее захлопнуть.

Словно из открытой дверцы топки в кабину ворвалась жара, перекрывая кондиционную установку, которая и так работала на пределе своих возможностей.

Прежде чем покинуть модуль, Шеврон сбросил вниз полосатый тент с конструкцией из легких дюралевых опор и пакет с провизией, который Кэссиди положил собственноручно.

Отойдя от машины на расстояние не менее двадцати метров, когда Анна Рилей уже была готова отлупить его любой попавшейся под руку ископаемой дубиной, Шеврон лишь тогда обратился к своему приведенному в замешательство экипажу.

— Через стену, в ближайший полукруг.

— Могу я спросить зачем?

— Можете, и когда мы будем там, я скажу.

Поскольку это было все, чего она могла от него добиться, Анне Рилей не оставалось ничего другого, как вскарабкаться на ближайшую кучу булыжников, спуститься в полукруг и ожидать там дальнейших открытий оракула.

Стены разом выросли, оказавшись высотой метров пять или шесть. Они давали спасительную тень и могли служить солидным препятствием против гарматанных ветров. Теперь, внутри, окружающая местность казалась еще более безлюдной и дикой. Это было совершенно безумное место сбора для пикника.

Шеврон продолжил:

— Может, я ошибаюсь, но все, о чем мы говорили в машине, скорее всего, прослушивалось. Поиски датчика заняли бы много времени. В связи с этим возникает вопрос: остаемся ли мы с Кэссиди или, воспользовавшись предоставленной возможностью, разорвем отношения?

Закайо с сомнением проговорил:

— Я наблюдал за ним, босс. Он совсем не дурак и давно бы прогорел на этом деле, если бы не принимал каких-нибудь мер предосторожности. Что из этого следует? У него есть возможность пресекать подобные попытки.

— Это-то меня и беспокоит. Имея пятерых сопровождающих, можно было ожидать, что он отправит одного вместе с нами. Я уже думал об этом. Горючего хватит еще на две тысячи километров пути. У него должны быть какие-нибудь веские основания, чтобы быть уверенным, что он получит ее обратно.

Неожиданно мотор снова заработал, и машина начала медленно приподниматься, подняв облако пыли.

Среагировав раньше других, Анна Рилей начала карабкаться обратно вверх по насыпи в бесполезной попытке ухватиться за опоры прежде, чем они оказались уже слишком высоко.

Шеврон с горечью подумал, что он вновь совершил это. Ему следовало узнать, что Вагенер приказал Кэссиди. Но теперь он уже знал наверняка и в то же время не был готов поверить, что его сбросили со счетов.

Шеврон все еще раздумывал, когда машина вдруг зависла в двадцати метрах и начала разворачиваться носом, словно сканируя окружающее пространство.

Все стало ясно: модуль имел встроенное дистанционное управление, незаметное для оператора, находящегося в машине. В этой сверхсложной схеме вполне могло быть предусмотрено и боевое оружие.

— Разделяемся! — крикнул он Анне Рилей прямо в ухо. — Бегите в ближайший полукруг и спрячьтесь в тени.

Петляя, они бросились врассыпную по залитому солнцем ландшафту, и далекий оператор, ограниченный узким обзором объек-

тива камеры в носовом конусе, вынужден был выбирать себе мишень. Он предпочел Шеврона, и машина начала перестраиваться для захода на цель, вспарывая тонким лучом спекшийся грунт.

Анна Рилей все еще стояла, безмолвно наблюдая, как машина, набирая скорость, наполовину, а затем на четверть сократила расстояние. Шеврон был все еще на расстоянии пятидесяти метров от разрушенной стены следующего полукруга, и не было ни малейшего шанса, что он успеет достичь убежища прежде, чем будет настигнут. Она воскликнула:

— Марк! Сзади!

Ее крик заставил Шеврона остановиться и оглянуться назад. Тень от машины стремительно надвигалась, словно собиралась проглотить его. И в тот момент, когда он бросился лицом вниз, стремительно пронеслась мимо. Проскочив на сотню метров дальше, машина затормозила и начала набирать высоту для нового разворота. В то же самое время Закайо свернул с своего собственного курса и бросился к Шеврону. Он лежал от глубоко вспоротой борозды на расстоянии не более нескольких сантиметров. Встав с двух сторон, вдвоем они приподняли безжизненное тело, и Закайо одним махом перебросил его через плечо. Сгибаясь под тяжестью, он тяжело побежал к нагромождению из булыжников.

Машина накренилась и начала широкий разворот. Но в объективе камеры не было ничего, кроме широкой панорамы пустой дикой местности.

Они перетащили его через остатки разрушенной стены и опустили на землю. Этот полукруг внутри сохранился лучше, чем первый. От разрушенных временем хижин, которые строились внутри полукруга, кое-где остались стены, доходящие порой высотой до плеча. Часть кровли одной из хижин все еще чудом держалась на пересохших балках, служа ненадежным убежищем.

Когда машина пронеслась почти прямо у них над головой, сквозь каждую щель струей забила пыль и Анна Рилей вдруг подумала, что она сменила перспективу быть разрезанной на две аккуратные половинки на перспективу оказаться здесь живо погребенной.

Закайо стянул с Шеврона широкую рубашку, скрутил ее валиком и засунул ему под голову. Длинный лилово-синий рубец, поперек пересекающий его тело, был достаточно красноречив в сложившихся обстоятельствах.

Анна Рилей, опустившись на колени рядом с предполагаемым трупом, беззвучно плакала, и слезы оставляли дорожки на ее заляпанном грязью лице. Отчасти это была реакция на перенапряжение, отчасти — от общего беспокойства, что жестокость стала неотъемлемой частью их жизни. Скорее по профессиональной привычке, чем с какой-либо надеждой, она приложила ухо к груди Шеврона.

Она услышала вполне ясные, хотя и слабые удары. Для ско-

ропостижно скончавшегося это было даже слишком хорошо. Это было так неожиданно, что происшедшее вслед за этим и вовсе выбило ее из колеи. Мягкие шелковистые волосы, щекочущие кожу Шеврона, и нежный цветочный аромат, присущий только женщинам, привели его в чувство.

Это было еще одно доказательство, если в нем еще была нужда, что Эрос — это жизнь. Его руки легли на плечи Анны Рилей, что окончательно лишило его душевного равновесия. Сомкнутые губы выдавили: «Паула», каждым звуком выражая удовлетворение, и он попытался опрокинуть ее в «постель».

Сиплый голос Закайо, говоривший: «Спокойно, босс. Не волнуйся», — нарушил будуарную атмосферу, и Шеврон приподнялся. Призыв вернуться получил подтверждение и со стороны неба, где машина уже набирала скорость для нового захода.

Высокий, переходящий в свист воющий звук готов был разорвать барабанные перепонки, когда она пролетела почти над самой крышей, часть которой, видимо, устав держаться, осела и провалилась, поддерживаемая лишь хрупкими перемычками деревянных стоек.

Шеврон потряс головой, стряхивая пыль с волос, а заодно проверяя, держится ли она еще на плечах. В этот момент раздался предостерегающий крик Анны, и он, собрав последние силы, кувыркнулся вперед, словно акробат на арене цирка, чуть не упав, так как выбирать место для мягкой посадки времени уже не было. Пролетев вперед, он больно ударился затылком о древнюю каменную кладку.

— Так больше не может продолжаться, — тихонько простонала Анна Рилей. — Если это повторится — крыша рухнет.

Шеврон с искаженным от боли лицом прислонился спиной к стене и осторожно подтянул ноги к себе. Поднявшись и расставив ноги, чтобы сохранять равновесие, он хрипло выдохнул:

— У нас нет выбора. Сейчас или потом, но этот ублюдок все равно сметет крышу. Насколько я помню карту, тут нет ни одного поселения в пределах четырех сотен километров.

Снаружи было тихо. Тишину нарушал только доносившийся со всех сторон скрип прогнувшихся балок.

Анна Рилей, не выдержав, нервно спросила:

— Что он задумал? Почему он не делает новой попытки и не покончит с этим в конце концов?

«Это охотятся за мной, — думал Шеврон. — У нее должен быть шанс на спасение. Возможно, Закайо удастся отправить ее обратно. Теперь я точно знаю, что Вагенер говорил Кэссиди. От этого за версту воняет. Видимо, запахло жареным, если Вагенер, который знает меня достаточно давно, решил отдать распоря-

жение. И весьма паршиво, что Кэссиди все же решил выполнить его. Бог свидетель, я верил в систему, я безоговорочно выполнял все приказы, даже те, в которых не было никакого здравого смысла. Но больше этого не будет. Если ты дошел до этого, остается только лишь одно, что нельзя купить ни за какие деньги — возможность положиться на преданного тебе человека. Вопреки опыту. Вопреки Пауле. Если они доберутся до меня — жара кончится. Даже агент, у которого на глазах шоры, не будет продолжать искать то, что он уже нашел».

Вслух же он тоном, не терпящим возражений, приказал:

— Оставайтесь тут. Двигайтесь ночью и отдыхайте днем. Держите курс на юг, там вы встретите обжитые районы.

Он оторвал себя от стены, подобрал маску с поляризованным светофильтром и направился к выходу, в жару и нестерпимый свет, которые давили на его кожу, словно осязаемая тяжесть.

Анна Рилей бросилась следом за ним, крича:

— Нет, не делайте этого! — интуитивно угадав, какие мысли засели у него в мозгу.

Но громадная лапа Закайо опустилась перед ней словно барьер. Он лишь проговорил:

— Не останавливайте его. Он знает, что делает.

Шеврон, не останавливаясь, отошел уже на двадцать метров. Они увидели, как он остановился и медленно огляделся вокруг, затем влез на насыпь булыжников рядом с полукругом и исчез, скрытый низким косяком проема.

Анна Рилей досчитала до десяти и не смогла вынести этого дольше. Быстро обучившись в мастерской бурной жизни, она осталась прямо напротив руки Закайо так, как будто приняла ситуацию и смирилась. Почувствовав, что его хватка ослабла, она ударила его ногой по голени и вырвалась на свободу, словно борзая из какой-нибудь западни. Прежде чем Закайо успел двинуться, она уже находилась на расстоянии пяти метров открытого пространства.

Шеврон стоял на насыпи, повернувшись лицом на юг, явно чем-то озадаченный. Глядя снизу вверх, он казался какой-то апокалиптической фигурой, огромной, покрытой шрамами, на сверкающем голубом фоне.

— Я велел вам оставаться на месте, — проговорил он. — Это не ваша война. Просто кое-кто из департамента наводит порядок.

Блестя от пота, притаился Закайо, попутно объясняя Шеврону:

— Я не смог удержать ее. Думаю, у нее на этот счет свои собственные понятия.

Шеврон наклонился вниз и подтянул ее к своему постаменту.

— Ну что ж, пусть будет так. Среди людей, их правда немного, есть и такие, которые не ждут, что кто-нибудь выполнит за них их работу. Кэссиди заставил меня задуматься. Он мог покончить со всем этим, когда я вышел из укрытия. Машина находилась вон там, разворачиваясь и сканируя местность. Он меня прекрасно видел, так как машина остановилась и долго глядела в мою сторону. Потом она развернулась и улетела. Думаю, Кэссиди переменял свое отношение к этому.

Анна Рилей оставила свою маску в хижине, а Шеврон снял свою, чтобы рассмотреть ее при естественном освещении.

Волосы влажными прядями, прилипшими к голове, обрамляли ее милое лицо; глаза с суженными от яркого света зрачками были темными и блестящими, а губы от напряжения слегка приоткрылись. Глубокое дыхание волнующе натягивало тонкую ткань ее белой рубашки.

Все это происходило на самом деле, хотя и казалось невероятным. Она в самом деле собиралась присоединиться к нему, движимая чувством солидарности в борьбе против системы. Этого и перемены, происшедшей с Кэссиди, было достаточно, чтобы преисполнить его оптимизма.

Они нуждались в поддержке, но окружающая местность навредила на совершенно другие размышления. Огромные расстояния и нестерпимая жара — всего этого было вполне достаточно, чтобы уничтожить все человеческие желания на корню. Кэссиди не рискнул протянуть руку помощи так далеко, а без снаряжения, пищи и воды будущее представлялось безнадежно коротким.

Закайю, видя, что Анна сделала свой выбор, глубоко вздохнул и направился за щитом и пакетом с провизией. Он выбрал другой полукруг и соорудил в нем укрытие в виде навеса, затем забрался под него, словно ожидая, что на него снизойдет откровение.

Шеврон все еще рассматривал девушку пристальным взглядом, будто видел ее впервые. Но новое событие отвлекло его внимание. Мелкий песок, посыпавшийся вдруг из трещины старого каравансарая, обжег его обнаженную спину. Шеврон увидел, как вдруг изменилось выражение ее лица, и развернулся, чтобы увидеть то, на что она смотрела так пристально.

Снаружи земляного укрепления в движение пришла вся пустыня. Внезапно налетел сильный ветер, будто кто-то начал размахивать огромным хлыстом. Возможно, Кэссиди тоже увидел это с высоты через установленный в машине объектив. Выглянув наружу, они увидели, как черная мгла, уже перевалив через отдаленный полукруг, накатывала со всех сторон.

Шеврон с Анной бросились назад, под навес, где в полном молчании сидел их «гуру». Солнце скрылось, оставив удушливый

сумрак, а мир вокруг заполнился мелким песком и ревом, взорвавшимся неистовым крещендо.

7

На Раквелл Канлайф такая погода действовала отвратительно, и она говорила об этом каждому вновь прибывшему гостю. Прослушав запись дважды, Стаффорд взял со стола выпивку и направился вглубь комнаты. Восторженно внимая сочному контральто Канлайф и ее выразительному ударению на каждом ключевом слове, он, будучи неискушенным в подобных делах, решил, что это послание предназначается лично ему. Он вышел на лоджию и огляделся.

Было ветрено. Холодный ветер шелестел листьями плюща и раздувал полы его короткого плаща из металлизированной ткани. Стаффорд не припоминал чего-либо подобного на своей памяти. Дальний край долины был скрыт завесой проливного дождя, и во время налетающих сильных порывов ветра, когда она рассеивалась, можно было разглядеть холодную белизну снега, накрывшую редкие возвышенности.

По случаю именин хозяйка пригласила своих гостей в Пэнт-Уай-Бинт, придорожную закусочную с видом на ущелье Подкова, которая славилась своей традиционной кухней, напоминающей изнеженным потомкам, как их предки расправлялись с костями в натуральных кусках мяса. Подобное всегда пользовалось огромным успехом — маленькое безумие в середине лета. Оно действовало как терапия в их слишком рациональной жизни. Но в этом году происходило что-то из ряда вон выходящее.

Даже шука, сваренная в глиняном горшке с финиками и маслом и лежащая теперь на блюде с апельсином во рту, не могла соперничать в качестве предмета разговора с самым когда-либо случавшимся неистовым сезоном.

Стаффорд вернулся назад и присоединился к общему разговору. Все были увлечены обсуждением одной темы — темы личной безопасности. Автомобили, пробирающиеся вслепую к придорожной закусочной; сугробы метровой высоты, заблокировавшие ворота фермерских общин; овечьи глаза, злобно сверкающие во мраке.

Все вместе и каждый в отдельности, они были изумлены своей собственной храбростью, отважившись на эту поездку. И все сошлись на том, что эта вечеринка запомнится им надолго. Некоторые даже были готовы согласиться, что это могло стать их концом. Если бы сейчас к двери, выполненной в стиле эпохи Тюдоров, подъехали четверо всадников и постучали в нее своими кнутами,

большинство из присутствующих не выразили бы никакого сомнения в реальности происходящего. Внизу на Чеширской равнине все это было бы ужасно, но здесь, наверху, радио работало без перебоев, передавая неслыханные сводки погоды.

Прошло некоторое время, прежде чем Стаффорд смог уединиться с девушкой у камина, пытаясь игриво укунить ее за изящное ушко. Еда и вино оказали свое действие, и после такого скомканного начала вечеринка взорвалась, словно бомба, подожженная под-сознательной истерией находящихся в осаде.

Казалось, только Раквелл не поддалась всеобщему настроению. Она вдруг воспротивилась:

— Не надо. Я не могу думать, когда ты делаешь это.

— Что это тебе пришло в голову? Скажи на милость, зачем же тебе тогда такие превосходные сводки?

Он перенес сферу своей деятельности вдоль линии шеи и стал целеустремленно двигаться к тонкой цепочке из сплава золота с серебром, служащей единственной поддержкой ее длинного вязаного платья, когда она с сожалением, но твердо, повторила:

— Прекрати, Энди. Это очень важно.

— Но ты обычно говоришь, что это вызывает у тебя мурашки по всему телу,— озадаченно спросил он.

— Все именно так, но всему свое время.

— Какое может быть более подходящее время для легких мурашек по телу, чем твой день рождения? Просто дань оплодотворению твоей первобытной яйцеклетки. По закону вероятности, можно добиться наилучшего результата, который только возможен.

— Помолчи. Я должна подумать.

Чтобы успокоиться и сосредоточиться, она взяла новый бокал вина, мило поморщилась и сказала:

— Я не думаю, что мне это нравится,— и ловко выскользнула из его объятий.

И правда — у нее были какие-то проблемы. Стаффорд направился к деревянной скамье и слегка похлопал по ближайшему сиденью.

— О'кей. Садись и расскажи все. Если ты только сможешь сидеть на этом без того, чтобы не сделать небольшую аккуратную вмятинку в своем алебастровом заду.

— Будь, пожалуйста, серьезнее.

— О'кей. Я серьезен и буду держать свои руки на столе.

Он так и сделал, выразительно выставив большой палец правой руки и поворачивая его из стороны в сторону так, словно сканировал всю компанию.

— Опусть палец. Это меня отвлекает.

Стаффорд медленно опустил палец, словно он существовал независимо и подчинился с большой неохотой.

— Это насчет Вагенера.

— Что — насчет Вагенера? Я не встретил его здесь. Разве он не должен был прийти?

— Да. Но, мне кажется, он вообще забыл об этом.

— Ладно, ты не можешь быть путеводной звездой для каждого. Удовлетворись мной.

— Я не об этом. Я имею в виду только то, что обратила внимание на него совсем недавно. Я не могу объяснить это, но он изменился.

— Никто больше не заметил этого. Однако он все еще крепкий орешек. Замкнутый ублюдок, себе на уме. Ему выпал жребий играть обособленно в дальней части поля. Я признаю, что он работает слишком усердно, но ничего преступного в этом нет. Какие перемены ты имеешь в виду?

— Изменение характера. Для меня это словно совершенно другой человек.

— Если бы это было так, монитор бы сразу уловил. Ты знаешь, он проходит физиометрический контроль, как и любой из нас.

— Я думаю, здесь был бы необходим психометрический контроль.

— Ладно, это не пройдет. Кто-то должен был бы предъявить веские основания, что он представляет угрозу безопасности. А кто может взять на себя ответственность в таком деле?

— Я могу попытаться.

— И будешь исключена из отделения с ярлыком «ненадежная» прежде, чем сможешь добраться до ближайшей базы. Тем не менее, это не такая уж плохая идея. Тогда ты могла бы заключить взаимовыгодный контракт со мной и сосредоточить свои усилия на других своих способностях.

Ответа не последовало. Она поднялась, с мелодичным позвякиванием достала из ведерка для угля бревнышко и бросила его в огонь. Протянув руки к каминной решетке, она уставилась на пламя. Ее лицо, залитое изменчивым светом, было необычайно напряжено. Ошибалась она или нет, но для нее это было очень важно.

— Я не претендую на то, чтобы понять это, но, если это сделает тебя счастливее, я попробую что-нибудь предпринять, — проговорил Стаффорд. — Я буду следить за ним, не щадя сил. Очень правильно, что стабильность параметров тщательно проверяется на контуре. Любое изменение может быть опасным. Если вдруг он болен, то это может отразиться на его способности принимать верные решения. В отчетах содержатся копии данных, снятых с каждого экрана монитора. Они хранятся в течение двенадцати месяцев. Я знаю одного человека в этом отделении и постараюсь проверить данные за последнюю неделю. Конечно, этого не будет достаточно, чтобы получить в руки какие-либо доказательства, но зато поможет выбрать

направление поисков. Доказать, что ты ошибаешься, например.

— Я не ошибаюсь.

— Кто бы мог представить такого упрямого осла, притаившегося внутри такого бархатистого панциря.

Не реагируя на лесть, Раквелл неожиданно сменила тему.

— Ты знаешь Марка Шеврона?

— Он покинул нас месяц или два назад, после реабилитационного периода. Он чуть не погиб. Одна слишком темпераментная особа чуть не превратила его в горстку пепла. Вагенер дал ему условное разрешение на работу, продемонстрировав здесь свой здравый смысл. Шеврон отличный мужик. Фантастические рекомендации. Но если он нарушит правила, Вагенер вышвырнет его из службы.

— Вот почему он переменял свое решение.

— Как ты узнала об этом?

— Дубликат карты района в офисе Вагенера. Я только сегодня обратила на это внимание. Не знаю почему, но его карта отличается от рабочей, а я как раз пялилась на нее. И когда вышла, она все еще была у меня перед глазами. Там было это...

Стаффорд терпеливо проговорил:

— Там было что, Бога ради?

— Флажок с именем Шеврона. Он был полосатым. Вагенер прикрепит черный на красный. Он перевел Шеврона на положение вне закона. Может быть, он уже отдал распоряжение убить его. Это ли не перемена взглядов, не правда ли? Как ты увяжешь это со своей точкой зрения, что Вагенер не изменился?

Вместе с Шопенгауэром Стаффорд был вынужден признать, что женский ум не способен к логике. Он почувствовал себя свободнее, хотя и был взволнован узлом пшенично-желтых волос и плавными изгибами всей композиции.

— Изменения твоих взглядов не означают, что ты изменила свой характер. Мы не знаем, какие у него для этого основания. Вся ответственность лежит на нем, и никто, будучи в здравом уме, не взвалит на себя и часть этого. Но дело должно быть сделано. Кто-то должен руководить всем этим и принимать жесткие решения. Все это мне тоже не нравится, но это еще ничего не доказывает.

— Если бы ты был Шевроном, вряд ли согласился бы с этим.

— Если бы я был Шевроном, я бы не стоял здесь, толкуя со слабоумной сексоткой.

— Хорошо же, ты можешь пойти и связаться с ним, если хочешь.

Воспользовавшись подходящим случаем безоруживающим техническим приемом, Стаффорд развернул ее от камина и прижал к себе. Она была теплой от огня и к тому же окончательно расстроенной положением дел. Ее руки непроизвольно обвились вокруг его

шей, и тревожные мысли моментально улетучились прочь. Знакомый трепет растекся по каждой клеточке ее тела.

— Вот так-то лучше,— прошептал Стаффорд.— А то я уже начал думать, что ты сама нуждаешься в некоторых личных изменениях.

— Я все же хочу, чтобы мы что-нибудь сделали для Шеврона. Надеюсь, с ним все будет в порядке.

* * *

Шеврон, отделенный от своего неожиданного защитника несколькими тысячами километров, предавался размышлениям. Был ли какой-нибудь смысл продолжать двигаться дальше? К вечеру жара немного спала, и это пробудило его от забытья. Он лежал под прикрытием узкого щита против ветра на боку, обняв правой рукой девушку.

Черная громадина Закайо подпирала ее с другой стороны. Лавиной нахлынули воспоминания. Был вечер второго дня. Время сворачивать лагерь и двигаться вперед. Как будто бы в этом был какой-то смысл, как будто бы кто-то из них мог совершить еще один такой переход.

Ему следовало бы пинками выгнать их из спальных мешков, но не было никакого смысла делать это. Пусть еще какое-то время побудут в забвении. Было достаточно трудно заснуть в такой отупляющей жаре. Без щита они давным-давно уже бы были мертвецами.

Шеврон попытался успокоиться, представив себе реку льда, снежные сугробы, лед в аккуратных блоках, которыми бы он мог огородить себя от ужасающей жары. Нет, это не годится. Это просто лихорадка и горячечный бред, вызванные нестерпимо жарким солнцем. Его язык уперся в небо и, распухший, казался слишком большим для своего вместилища. Шеврон не мог припомнить, чтобы когда-либо чувствовал себя таким изможденным; каждой клеточкой своего тела он ощущал тупую, цепенящую боль и ломоту в костях.

Он медленно передвинул руку, приподнялся на четвереньки и осторожно встал. Немнущаяся и неразрушимая материя его одежды прекрасно выдержала подобную передрыгу. Если бы не изможденное небритое лицо и поникшие плечи, не было бы видимых свидетельств результата сорокавосьмичасового перехода. Их высохшие косточки обнаружили бы хорошо одетыми.

Начавшийся закат был захватывающе скор. Как только на горизонте тускло засверкала первая звезда, Шеврон разбудил Анну. Ему было невыносимо жаль так поступать, но не было абсолютно

ничего, что бы он мог предложить ей, кроме бед и огорчений.

Ее слишком мучила жажда, чтобы она могла произнести хоть слово, поэтому она молча уставилась на него с немым вопросом в глазах.

Шеврон предоставил ей самой разбираться в этом и начал будить Закайо, заранее позаботясь о том, чтобы держаться от него на почтительном расстоянии. Не открывая глаз, африканец выхватил из рукава нож. С течением времени стало все труднее и труднее убеждать его в том, что движение — единственная возможность спастись. Застывшая гримаса улыбки, безумные глаза, выискивающие того, кто посмел нарушить его покой, были вовсе лишены юмора.

— Ох, это ты, босс, — хрипло выдавил он с таким видом, будто прощает на этот раз, но не может обещать того же на будущее.

Закайо повеселел лишь тогда, когда Шеврон развернул пакет с провизией, и даже предоставил свой нож для проведения почти микрохирургической операции.

Шеврон рассчитал запасы провизии на шесть дней, хотя был уверен, что их не хватит даже на половину. У них оставалась только поллитровая фляга с водой, брусок прессованных фруктов, плитка шоколада и пакет изюма. По его плану выходило по десять граммов шоколада, вдвое этого количества фруктов, восемь изюмин и двадцать пять миллиграммов воды на каждого в день, и они принялись за нее прежде, чем пуститься в долгий ночной переход.

Разложенная на ткани пища выглядела нелепо: рассчитанная на всех, она едва ли составила бы сносную порцию для одного. Они ели молча, делая это в последний раз.

Тишина была снаружи, тишина была внутри. Ничто не может быть более пустым, чем пустыня. Ничто не двигалось, и не было ничего, что могло бы двигаться.

Когда они тронулись в путь, ведомые сверкающей картой звездного неба, Анна Рилей вдруг ясно осознала, что она находится на самом дне свойственных человеку ситуаций. Весь предыдущий опыт не имел абсолютно никакого значения.

Они шли выстроившись в ряд плечом к плечу, поскольку дороги не было. Глядя прямо вперед, когда ее спутники выпадали из поля зрения, она представляла себя одиноким фантастическим разумным животным, осознающим себя, но не контролирующим свое окружение.

Ступая нога в ногу, под однообразный слабый шорох песка, нельзя было даже представить себе, что рядом идет кто-то еще.

Самым невероятным казалось то, что пустыня всегда была здесь. Всю свою жизнь, ограниченная рамками существующей системы ее столетия и остатками древних культур, она не воспринимала ее иначе, как какую-то абстракцию, область, окрашенную на карте

в желтый цвет. Но она была здесь, где-то на задворках, спустя столетия, не изменившаяся и не меняющаяся.

Не удивительно, что время от времени именно отсюда появлялись различного рода прорицатели, чтобы грозить своими костлявыми пальцами людям, живущим в городах. Если и возможны были какие-либо откровения — вот откуда они могли происходить. Человеческие притязания были сведены до минимума. Другой мир, мир космического пространства, стал более важен, чем мир, в котором они жили и работали. Там вполне мог вынашивать свои замыслы какой-нибудь гений, внимательно следящий за их действиями.

Пусть этот гений был не добрый и не злой, просто наблюдатель, желающий понять, как далеко они зайдут и у какой черты прекратят свои попытки. Занимательный эксперимент, один из тех, которые она проводила на мышах, сидящих в клетках ее экспериментальной психологической лаборатории.

Она споткнулась и непременно бы упала вперед прямо головой в песок, если бы не рука Шеверона, появившаяся, казалось, из ниоткуда. Это мог быть и совершенно чужой человек — настолько неузнаваемым был хриплый голос.

— О'кей. Передохнем десять минут. В сущности это место нисколько не хуже любого другого.

Они сели спина к спине и молча поднялись снова, когда Шеврон, взглянув на свой диск времени, prorонил:

— Пора.

На какое-то мгновение он приостановился, задумавшись. Необходимо было выбросить все лишнее из головы, кроме одного, чтобы сконцентрироваться лишь на одной задаче — передвижение своего отряда вперед до тех пор, пока они еще могли двигать ногами, подобно какому-нибудь впадающему в спячку животному, которое уходит глубоко в себя для того, чтобы сохранить искру жизни, тлеющую в течение долгого зимнего сезона.

Он вел их до тех пор, пока по их правую руку не возшло в ослепительно-ярком свете солнце, подтверждая, что они все еще продолжают двигаться на юг и что ничего не изменилось. Они могли с тем же успехом находиться и в том же самом месте, где были в предыдущую ночь. Перед рассветом по поверхности песка прошелся легкий бриз, не оставив никаких следов, чтобы можно было проследить путь их движения.

* * *

Раквелл Канлайф, придя на утреннее дежурство, чувствовала себя очень неважно. Ощущение общей слабости и болезненности

наводило на размышления, способно или нет празднование именин сократить мгновения жизни. Так как Стаффорда еще не было и посоветоваться было не с кем, она была вынуждена положиться на свои собственные умозаключения и подсчитала, что каждые двенадцать лет празднования могут сократить отпущенное ей время приблизительно на год.

Услышав сигнал вызова из кабинета Вагенера, она нервно подпрыгнула на своем высоком стуле. Может быть, ему дано читать чужие мысли?

Он сидел прямо за своим рабочим столом, что само по себе было не характерно для него, и даже не взглянул на нее, когда она подошла. Поэтому у нее не было никакой возможности определить его душевное состояние, воспользовавшись своим чувствительным барометром.

Когда он проскрипел: «Насколько хорошо вы знаете младшего контролера Стаффорда?» — она почувствовала себя так, как чувствует себя воришка, застигнутый на месте преступления, и приняла виноватый вид. Тем не менее с готовностью воспользовалась проверенным веками рецептом:

— Мы всего лишь хорошие друзья.

Вагенер оторвал взгляд от поверхности стола. Раквелл была награждена тяжелым взглядом, но это было совсем не то, как мужчина обычно смотрит на женщину. Кто бы что ни говорил, но здесь было что-то не так. Хотя Вагенер никогда не давал ей никакого повода, она знала, что он отдавал должное ее сексуальной привлекательности и что он знал, что она знала и что она знала, что он знал, что она знает.

Это было непонятно, и Раквелл была озадачена. Рот ее невольно приоткрылся, приняв выражение, которое выглядело бы глупым на менее эффектном лице.

— Не в том смысле, — раздраженно пояснил Вагенер. — В профессиональном. У вас есть какие-либо основания полагать, что Стаффорд может представлять угрозу безопасности? Мне нет нужды предупреждать вас, что этот вопрос, так же как и ваш ответ, — абсолютно конфиденциальный.

Раквелл закрыла рот и попыталась собраться с мыслями. Все происходившее сейчас, после их разговора со Стаффордом и его обещания заняться расследованием, попадало прямо в точку. Это было так, как будто Вагенер собирался дискредитировать Стаффорда прежде, чем тот предпримет какие-либо действия, решив, что лучшая защита — нападение.

— Нет, — медленно проговорила она. — Мне ничего не известно. Я бы даже сказала, что младшего контролера Стаффорда можно последним из всех заподозрить в ненадежности. Я знаю, что ему всегда выдавался допуск «А» к секретной работе

на ежемесячных проверках. Вы, должно быть, ошибаетесь, директор. Почему вы задали этот вопрос?

— Какой повод у него мог быть для просмотра внутренних файлов монитора?

— Он очень добросовестный работник, это записано в уставе службы. Мы постоянно должны быть начеку, даже если речь идет о других членах департамента.

— Другими словами, вы не знаете?

— Нет, не знаю.

Неожиданно Вагнер заговорил примирительным тоном, и это прозвучало более фальшиво, чем что-либо другое.

— Спасибо, мисс Канлайф. Я знаю, что могу надеяться на ваше благоразумие. Но, как вы верно заметили; мы не можем быть осторожны сверх меры. Вы можете идти.

Энди Стаффорд явился на дежурство на полчаса позднее. Сделав красноречивый жест большим пальцем, вслух он поинтересовался:

— И как сегодня поживает наипрекраснейший цветок на всей Чеширской равнине?

Но его никто не поддержал. Раквелл произнесла так холодно, как только мог позволить ее голос:

— На файле ничего, контролер. Я ожидаю ответа 1-0-3 из Хельсинки. Но это обычная работа. Нет проблем.

Встав за пульт своего компьютера, она проверила его блокировку от дистанционных операторов и одновременно левой рукой быстро набрала короткое сообщение в окне быстрого удаления на экране дисплея.

— Будь осторожен,— прочитал Стаффорд.— В. что-то знает. Ты нашел что-нибудь?

Перегнувшись через нее, он ладонью нажал клавишу удаления файла, и ярко светящийся прямоугольник экрана очистился.

Пользуясь тем же приемом, Стаффорд написал:

— Необычные колебания, но в пределах нормы. Сами по себе они ничего не доказывают. Этого недостаточно, чтобы требовать немедленного расследования.— Он отошел к своему столу.

В это время Вагнер, следящий за ними по монитору, задумчиво постучал по зубам массивным кольцом с печаткой, надетым на его левый указательный палец.

Это выглядело неплохо. Она не сказала ничего не относящегося к делу. Он мог позволить себе не торопясь действовать против Стаффорда.

Он был бы менее уверен, если бы мог увидеть следующее сообщение, переданное с ее компьютера на экран дисплея Стаффорда.

— Что бы ты ни говорил, а я уверена. В нем произошла какая-то перемена. Кто перед нами?

Перемены редко выпадали на долю старого оригинала в его укромном закоулке медцентра. Вагенер сам неожиданно пришел в сознание и вынужден был признаться себе, что его дела совсем плохи.

Память зарегистрировала все, что происходило даже тогда, когда разум покидал его. Сейчас воспоминания нахлынули лавиной. Не открывая глаз, он попытался вытащить одну руку.

Двинуться было невозможно. С закрытыми глазами он попытался мысленно охватить всю картину происшедшего, чтобы выстроить последовательность событий, приведших его в ту крысиную нору, куда он попал.

Она была полностью здесь, в голове, начиная от пластинчатого бока мусорной тележки, отрезавшей его от общего потока, до последнего момента пробуждения, когда ровный настойчивый голос стал задавать вопросы.

Не было никаких сомнений, что он ответил полностью на все вопросы, так как он сам обычно использовал те же приемы. Горького сознания того, что его двойник занял высшее положение в его организации, было достаточно, чтобы изменить ход его мыслей.

Но Вагенер никогда бы не достиг своего уединенного высокого положения без той жестокой черточки его характера, которая помогала ему принимать удары судьбы без саморазрушающего чувства собственной вины. Еще один пример старинной остроты относительно того, кто должен стеречь охранников и сторожей, и ему пришлось проследить за своим лицом, чтобы удержаться от кривой ухмылки, которую обычно вызывала эта бородастая шутка.

Да и, по правде говоря, не было больше других причин для смеха.

Он чувствовал, что в комнате кроме него присутствует еще кто-то, совсем рядом. Он услышал слабое шарканье подошв, когда невидимый сторож пересел на стул, и почувствовал запах сигаретного дыма, когда дуновение воздуха пронеслось по его лицу.

Это был сильный аромат сигарного листа с примесью турецкого табака. Очень непривычный и необычный сорт. Вагенер все еще анализировал, когда дверца бесшумно скользнула в сторону и снова закрылась. Тихий невыразительный голос спросил:

— Как он сейчас?

Стул снова скрипнул, и постоянно находящийся при Вагенере сторож сделал два шага в сторону, чтобы справиться по прибору.

— Кровяное давление в норме. Сердцебиение замедленное.

Он все еще без сознания, но, если вам надо, он придет в себя и будет говорить опять.

Вагенер полагал, что охранник должен быть обязательно мужчиной, но голос, хотя резкий и четкий, без каких-либо признаков мелодичности и сексуальности, явно принадлежал женщине.

— Возможно, он еще понадобится. Держите его в этом состоянии. Во всяком случае, Карлос справляется очень хорошо. Все обошлось почти без всяких усилий с нашей стороны. Это должно заставить вас думать, Альва. План должен быть прост, но дерзок. Наносить удар прямо в незащищенную голову. Теперь мы должны эвакуироваться в течение ближайших дней, а они ничего не смогут сделать, чтобы защитить себя от величайшей катастрофы, которую когда-либо претерпевала любая цивилизация. И, заметьте, без потерь с нашей стороны. Такой удар может нанести только гений.

— Я никогда не вдавалась в детали. Мне достаточно того, что я просто выполняю свою работу.

— Очень хорошо. Очень верно. Во всяком случае, вы заслуживаете вознаграждения. Мы обязаны сделать все, как следует. Когда население Севера сократится до нескольких группировок, борющихся за выживание, освободятся места, появятся должности старших администраторов. Как вам понравится должность губернатора провинции?

— Мы еще не завершили то, что начали.

— Верно. Но ничто теперь не может остановить нас. Я ожидаю сигнала в любой день. О том, что полярная станция уничтожена. Тогда мы сможем выехать отсюда. Баллистические челноки поддерживаются в полной готовности, боевой готовности, для того, чтобы эвакуировать весь личный состав из этого района.

— А что будет с ним?

— Как только я стану уверен, что он нам больше не понадобится, вы сможете распорядиться насчет него. Положите его в комнату для анатомирования. Мы не варвары. Мы должны делать все возможное, чтобы содействовать развитию медицинских исследований. Вряд ли у них будет слишком много дел в будущем. Я не думаю, что с этим возникнут большие проблемы.

Вагенер услышал звук шагов, направлявшихся к двери, и подумал, что для женщины было бы вполне естественно пронаблюдать за выходом посетителя.

Он немного приоткрыл глаза и увидел спину полного мужчины с большой лысиной, обрамленной полукругом темно-коричневых волос, спадающих на воротник его белого форменного кителя. Знаки отличия на левом эполете указывали на то, что перед ним был Старший Консультант. А это уже было интересно. Человек такого ранга, как правило, пользовался полной свободой передвижения по всему медицинскому комплексу.

Альва, наблюдающая, как он выходит, была одета в бледно-голубую рубашку с белым нагрудником — униформу сестры из штата медцентра. На груди у нее красовался весьма дорогой диск времени, а на пирамиде блестящих черных волос, словно белое клеймо, была нахлобучена комичная крошечная шапочка.

Ей было не больше тридцати пяти. С узким суровым лицом. Можно было не сомневаться, что это была непревзойденная стерва в отношении новых партий прибывающих стажеров.

Так как смотреть было особенно не на что, Вагенер снова закрыл глаза и вдруг почувствовал, что очень устал. Был кто-либо в комнате или не был, он совершенно ничего не мог сделать, чтобы выбраться с этой койки.

Внезапно ему на ум пришла одна из заповедей древней мудрости. Человек, которому нечего терять, может спокойно спать. Эта аксиома, подкреплённая расслабляющими наркотиками, все еще циркулирующими в его крови, приобрела полное доверие. Вагенер заснул.

* * *

Если бы то же самое утверждение было сейчас предложено Марку Шеврону, он запустил бы в говорившего первым оказавшимся под рукой камнем. Жажда, жара, обжигающий песок и физическое напряжение, соединившись вместе, сделали сон невозможным. Яркий ослепительный свет, лишь частично ослабленный узким щитом, являл собой непрерывную безмолвную атаку на каждый большой нерв.

Любое постороннее и неосторожное движение могло побеспокоить двух спящих. Шеврон тихонько перевернулся на спину и уставился сквозь маску туда, где бесконечная даль прерывалась краем небес.

Его бездумное созерцание было прервано неразборчивым бормотанием Анны Рилей. Она тоже не спала.

— Марк?

— Что?

— Как долго мы еще будем лежать тут? Я не могу больше этого выносить.

— Не долго. Меньше часа.

— Это долго.

Он перевернулся на бок лицом к ней. Она выглядела очень изнуренной. Губы плотно сжаты, кожа натянута, словно тонкий пергамент. Это было бы поистине чудом, если бы ее хватило еще на один ночной переход.

Она прочитала сомнение в его глазах и спросила:

— Зачем ждать? Почему мы должны ждать? Мы теряем силы с каждой минутой. Почему не отправиться сейчас же и идти столько, сколько хватит сил?

Закайо приподнялся и сел. Песок под ним спрессовался в плотную корку. Казалось, он весь сжался внутри своей широкой куртки.

— В этом есть здравый смысл. Нет никакого резона оставаться тут. Давайте продолжим путь, пока мы еще в состоянии передвигаться.

В их словах был определенный смысл, и Шеврон мог понять, что было у них на уме. Они не смогут достичь цели. Это стало очевидно после первых суток. Они могли с тем же успехом оставаться на месте, обманывая себя, или могли продолжать двигаться вперед до тех пор, пока не будут вынуждены остановиться.

Большинство не обязательно всегда право, но это всегда могущая сила. И он принял решение.

— Если это то, что вам надо, пусть будет так.

Он открыл пакет с провизией и разделил оставшееся на три части. Осталась даже вода, достаточно много, чтобы можно было сделать по глотку. Когда они были готовы двинуться в путь, Шеврон свернул щит. Дышащий жаром ослепительный свет, казалось, пригвоздил их на месте.

— Что с этим?

— Оставим его. Вряд ли он нам еще понадобится, — проговорила Анна Рилей, словно пророчествующая Кассандра.

Шеврон вонзил щит в песок, отметив последнюю разумную стоянку, достигнутую экспедицией.

В течение первых десяти минут облегчение от ощущения свободы передвижения в любом направлении перевесило все остальное. В этом был определенный стимул, своего рода безумный вид оптимизма. Но затем жара начала оказывать свое действие.

У Шеврона от щита остался страховочный ремень. Он пристегнул его к поясу Анны Рилей и к своему собственному. Затем он начал с трудом продвигаться вперед, таща ее на буксире за собой. Он отрешился от всех мыслей и приготовился с терпением монотонно считать шаги и переставлять ноги — единственной деятельности, оставленной ему в сжавшемся до крошечных размеров мире.

Загипнотизированный монотонностью движения, Шеврон прошел несколько метров по изменившейся вдруг местности, прежде чем осознал, что это было. Вместо холмистого песка под ногами у них находилась ровная твердая поверхность, похожая на отмель, покрытую мелкими гладкими осколками камней. Они были очень твердые, кое-где между ними проглядывала горная порода.

Анна Рилей, не в состоянии громко кричать, дождалась, пока он повернется, и хрипло выдавила:

— Закайо. Подождем Закайо. Он что-то нашел.

Африканец находился примерно в десяти метрах, встав на колени и глядя на землю. Они молча ждали, когда он, распрямившись, присоединится к ним.

— Гаммада *, босс. Тянется на многие километры.

— Что из того?

— Она обычно используется как дорога для колесного транспорта. Здесь есть отпечатки следов. Они вряд ли сохранились бы надолго. Ветер замел бы их начисто. Кто-то проезжал здесь сегодня.

— Мы не в состоянии догнать грузовой автомобиль.

— Все так. Но они должны останавливаться, чтобы разбить лагерь. Когда наступает день и светит солнце, они ждут луну. Или, возможно, стоят лагерем всю ночь, а путешествуют днем. Это вполне годится для автотранспорта.

— Ты думаешь, нам лучше идти по следу?

— А что мы теряем?

Гаммада шла под прямым углом к направлению, в котором они двигались. Но здесь у них была цель. К тому же, на ней было значительно прохладнее. Словно расплавленная монета, на горизонте висело солнце.

Шеврон вернулся к тому месту, где на фоне более темной поверхности гаммады Закайо обнаружил бледно-золотистую черту. В ее существовании был залог того, что они были не единственными людьми, оставшимися на лице Земли. Этот путь был несколько не хуже любого другого. Не сказав ни слова, он пошел вдоль нее, постепенно ускоряя шаг и, с помощью привязи, понуждая Анну Рилей к героическому переставлению ногами.

Линия, уходящая вперед, за горизонт, завораживала Шеврона. Она слабо поблескивала, в то время как день начал клониться к закату, и в какой-то момент стало казаться, что линия раскалывает его голову на две равные части. В конце концов ему пришлось окончательно остановиться, так как неимоверно безжизненный груз, привязанный к его ремню, начал тащить его назад.

Анна Рилей находилась от него довольно далеко. Она стояла, упершись ногами в землю, выгнув спину и изо всех сил сопротивляясь тянущей вперед силе. Голова ее тяжело упала на грудь, а как только он ослабил натяжение ремня, она опустилась на колени.

Шеврон едва расслышал ее, когда она прошептала:

— Я не пойду дальше. Я остаюсь здесь. Я остаюсь здесь.

Скорее всего, это было сказано самой себе, чем кому-то другому, заинтересованному в продолжении пути, поэтому она с удивлением подняла голову, когда услышала сухой ответ.

Лицо Шеврона потемнело от гнева, его голос прохрипел с угрозой:

* Местное название равнинных каменистых пространств в пустыне Северной Африки.

— Встань!

— Нет.

Чтобы показать это еще яснее, она упала плашмя прямо на землю. Видимо, наличие ремня в руке пробудило в Шевроне дремавшего до сих пор арабского работоторговца. Он ударил им по ее плечам. Выросший за его спиной Закайо попытался остановить эту расправу.

— Спокойно, босс.

— Держись подальше.

Шеврон попытался снова:

— Встань!

На третьем ударе она поняла, что мирно это не кончится. Ненависть, какую она не надеялась когда-либо испытать, подняла ее на ноги.

— Ты ублюдок. Ты садистский ублюдок! — и попыталась ударить его.

Ее сжатый кулак пролетел в сантиметре от лица Шеврона. По инерции она пролетела вперед и непременно бы упала снова, если бы Шеврон не придвинулся вплотную и не поддержал ее. Это была лебединая песня. Ноги Анны Рилей подкосились.

Шеврон поднял ее, почувствовав, как огонь пробежал вдоль его длинного шрама, будто кто-то с силой растягивал ткань вокруг еще не зажившего рубца, сжал зубы и перекинул ее через плечо головой назад. Пошатываясь, он стал медленно поворачиваться. Отыскав линию, он двинулся вдоль нее.

Закайо, запихнув нож обратно в рукав, растворился в сгуставшихся сумерках.

* * *

Время остановилось. Боль превратилась в ничто. Остались лишь неясная линия, поблескивающая в свете звезд, и желание выдержать все это. Он превратился в обычного рядового человека, терпеливо несущего свою ношу, с могилой, ждущей впереди, чтобы сбросить ее туда и последовать за ней. Но где она была? Где была та яма в земле, где он мог лечь и в конце концов успокоиться?

Глаза стали подводить его. Впереди по курсу возникла абрикосовая точка. словно маленький цветок с раскрывшимися лепестками, она вдруг исчезла, скрытая огромной черной тенью, поднявшейся через плоскую равнину. Дьяволы, хранившие огонь?

Потом его ноша куда-то исчезла, но вместо облегчения он вдруг ощутил чувство утраты.

Влажная ткань касалась его лица. Вода сбегала с нее прямо в рот. В спину упирался жесткий металлический предмет. Его глаза при-

открылись. Огонь был на самом деле. Рядом стояли четыре человека, трое мужчин и одна женщина. На боку фляжки, которую держали прямо около его рта, была отчетливая надпись, черным на белом: Северный Регион Археологических изысканий.

Какая бы угроза ни таилась в этом, у него была надежда выяснить это в будущем.

Подобно Вагенеру, он заснул.

8

Дневной свет разбудил Шеврона. Он открыл глаза, досчитал до трех и лишь тогда поверил, что он снова лежит под навесом, только гладкая выпуклость над его головой была почему-то серебристо-серой.

Первое, что приходило на ум, — солнце выбелило все краски на ткани. Присмотревшись, он был вынужден признать, что глядит прямо в брюхо пустынного транспортера. Свежий утренний бриз, ворвавшийся за массивное колесо, принес с собой запах стряпни. Доносившиеся звуки подтверждали это. Кто-то уже встал и поджаривал на открытом огне колбасу.

Шеврон перевернулся на живот и выполз из своего убежища. По ту сторону огня за ним осторожно наблюдал маленький лысый человечек в выгоревших оливково-коричневых штанах-шортах и с потной косынкой на шее. Вопреки здравому смыслу, настало утро, подобное любому другому, и повар подтвердил это:

— Доброе утро.

Правила этикета есть правила этикета, и Шеврон ответил:

— Доброе утро.

— Вы — счастливчик.

Очевидно, наступило время для откровенного разговора.

— Где девушка, которая была со мной?

— Она внутри. В зенани *. Не беспокойтесь, с ней все о'кей. Ею занимается Лойз.

— А Закай?

Мужчина ловко встряхнул сковородкой.

— С ним тоже все в порядке, но я не пойду за ним. Он пытался заколоть меня чертовски огромным кухонным ножом. Надо заметить, если по правде, в этот момент он был совершенно не в себе и не мог объяснить нам, что вы идете следом со своей ношей. Мы были совершенно ошеломлены, когда из бескрайних просторов пустыни возник чертовски огромный африканец, размахивающий большим тесаком и несущий всякий вздор на суахили.

* Женская половина.

— Я вас прекрасно понимаю.

— Как случилось, что вы оказались в таком затруднительном положении?

— Это долгая история.

— Хочу заметить одну вещь, имеющую непосредственное отношение к пустыне, — наличие огромного избытка времени. Никакой городской спешки. Однако, надо думать, вы бы хотели прежде поест. Есть растворимый кофе. Вы ничего не имеете против яичницы с колбасой? Или предпочитаете что-нибудь другое?

— Меня зовут Шеврон. Марк Шеврон. Инженер.

— Инженер — это уже кое-что. Я Паркер. Крис Паркер. Рад познакомиться с вами. Возьмите тарелку из этого ящика и угощайтесь. Мы направляемся в Триполи, закончив здесь свою работу. Нам сообщили, что перемещение дюн обнажило стоянку римлян, но мы ничего не обнаружили. Либо было чертовски плохо определено место, либо пески вновь накрыли ее. В любом случае, римлян здесь быть не должно — они никогда не проникали так далеко на юг.

— И как долго возвращаться?

— Нет, не долго. Возможно, дня два. Вдоль этой гаммады легко двигаться. Дальше она пересекается с обычным шоссе, а после него мы поворачиваем. К тому же, эта старая кляча может перемещаться довольно резко. Так что не стоит беспокоиться — вам совершенно необходим длительный сон.

Произнесенное осталось без ответа, так как в этот момент компания пополнилась двумя вновь прибывшими, вынырнувшими из-под навеса в задней части автомашины.

— Доброе утро, доктор, — вновь завел свою пластинку Паркер. — Доброе утро, Голди. Этот уже на ногах. Должно быть, у него крепкая шкура. Его зовут Шеврон. Шеврон, знакомьтесь — доктор Мак-Аскилл, первая рука в нашем отряде, и Ганс Голдманн. Ганс — механик или, если вам так нравится больше, инженер. Я же занимаюсь всем понемногу, хотя — специалист по углеродному датированию.

Мак-Аскилл был высоким и худым, с коротко стриженными седыми волосами, словно плотно прилегающая к голове тубетейка. Он носил очки в круглой стальной оправе. Голдманн, напротив, был среднего роста и хорошо сложен. У него были светло-русые волосы и борода, а бледно-голубые глаза на фоне загара казались холодными и настороженными. Он уже нацепил ремень с кобурой и причудливой формы бластером, готовым к тому, чтобы в любую минуту его пустили в ход. Кроме того, что он был инженером, он, очевидно, являлся и вооруженной охраной компании ученых. Не сказав ни слова, Голдманн сдержанно кивнул головой и принялся за завтрак.

Сосредоточив все свое внимание на Мак-Аскилле, Шеврон заговорил:

— Я обязан поблагодарить вас за то, что вы взяли нас с собой. Кроме того, узнав, что вы двигаетесь на север, я был бы рад, если бы вы позволили нам ехать с вами до тех пор, пока мы не сможем раздобыть какое-нибудь транспортное средство.

Голос Мак-Аскилла оказался резким и пронзительным. Выдержав долгую паузу и набрав побольше воздуха, он начал говорить в быстрой и нервной манере, отвлекаясь на множество повторений. Подвижные брови его вращались так, будто существовали сами по себе. Обежав по кругу, они вернулись назад в исходное положение и успокоились.

— Конечно, мистер Шеврон, конечно. Не каждый день такое случается — чтобы мы отняли у пустыни ее жертвы. Не каждый день, поверьте мне. Как случилось, что вы оказались в таком положении? Я имею в виду, как случилось, что вы оказались в таком неприятном положении?

— Отказало оборудование. Мы оставили машину и пошли осматривать руины. И в этот момент налетела песчаная буря. Очевидно, отказало управление, и машина скрылась за горизонтом, оставив нас на мели.

Голдманный, вымазывавший тарелку хлебным мякишем, оставил это занятие и тяжело взглянул на говорящего. Паркер взял еще один кусок колбасы, а Мак-Аскилл проговорил:

— Весьма необычно. Весьма необычно. Вам следовало бы помнить одну арабскую поговорку — полагайся на бога, но не забудь привязать своего верблюда. Но вовсе не потому, что в этой стране найдется немало желающих самим привязать его. Так у вас так и получилось — на Аллаха надейся, но верблюда привязывай.

— Я запомню.

— Я еще не отправлял сообщения о том, что мы выбрали вас. Еще не отправлял. Но мы сделаем это, как только вы пожелаете.

— Нет никакой необходимости. Мы просто путешествовали. Никто не ждет, что мы вернемся в ближайшие несколько дней. По мне, лучше забыть про это и составить новый договор в первом же местечке, где есть бюро найма автомобилей.

— Как вам угодно. Как вам будет угодно, конечно, мистер Шеврон. Мы двинемся дальше, как только ваши товарищи будут в состоянии. А какие руины вы осматривали? Я имею в виду, что это были за руины?

— Не по вашей части. Круги и полукругья из обожженного кирпича. Я бы сказал, что их использовали в качестве ночной стоянки верблюжьих караванов.

Разжигая короткую и толстую трубку, Паркер подтвердил:

— Разрушенный караван-сарай.

Голдманный щелчком смахнул остатки еды в огонь, где они быстро вспыхнули голубым факелом и съежились.

Разговор заглох, и Шеврон встал. Он собирался сказать, что пойдет взглянуть на Закайо, но в этот момент случилась маленькая неприятность: из люка появились Анна Рилей и Лойз, а из-за тупого носа автомобиля — Закайо.

Лойз Фейлор, высокая и худая, с лошадиными зубами и рыжими волосами, стянутыми на затылке в тяжелый узел, уставилась на Шеврона. В ее взгляде можно было прочесть вызов и обвинение. Она даже не ответила на учтивое паркерское «Доброе утро, Лойз».

— Эта девушка была в ужасном состоянии,— медленно проговорила она.— Вся ее спина исполосована фиолетовыми рубцами. Я бы сказала, что ее истязали.

Ее слова по-новому осветили происходящее, и все глаза обратились к новоявленному работарговцу.

Анна Рилей в белых шортах и красной рубашке с надписью «N.R.A.S.» поперек груди попыталась замолвить словечко в пользу Шеврона.

— Все хорошо. Правда. Я хотела лечь и умереть. Он сделал это с самыми лучшими намерениями. Это пустяки. Я прекрасно себя чувствую.

Разволнованный Мак-Аскилл поддержал ее:

— Именно так. Именно так. Жестокий для того, чтобы сделать добро. Иногда мы вынуждены прилагать огромное напряжение для своей собственной пользы. Да. Я могу это понять. Ладно, поешьте что-нибудь, и мы тронемся в путь. Как только упакуем вещи, двинемся дальше.

Голдманн последовал вслед за Шевроном, когда тот покинул компанию, и догнал его у дальнего края грузовика. Впервые за этот день нарушив молчание, Голдманн, производивший впечатление человека прямого и любящего во всем ясность, осипшим голосом заявил:

— Послушай, парень, ты можешь дурачить этих яйцеголовых, но меня не проведешь. Не пытайся что-нибудь сделать. Я не поверил во всю эту чепуху и не доверяю тебе, поэтому буду начеку.— Он многозначительно похлопал по рукояти своего причудливого бластера.— Это не для вида. Если будет нужно, я пушу его в ход. Видишь тот валун? — он указал на круглый бугор, возвышающийся в десяти метрах от них.

Бластер появился в его руке будто по мановению волшебной палочки. Тонкий, слепящий глаза луч протянулся тонкой нитью между его рукой и камнем, который в одно мгновение превратился в прах.

Шеврон медленно выговорил:

— Отлично исполнено. У вас способности к этому делу. Я буду иметь это в виду.

Паркер оказался прав относительно грузовика. Для своих размеров он был необыкновенно быстр, и Голдманн гнал его, в то время как стрелка тахометра приблизилась уже к красной черте. Если бы не беспорядочные, разбросанные тут и там россыпи обнажений пород, гаммада была бы ровной, как автострада. До полуденного привала они проехали три сотни километров, а через полчаса, после того как они снова двинулись в путь, грузовик подъехал к автостраде с двусторонним движением, возвышающейся над пустыней на бетонных основаниях и пересекающей гаммаду под прямым углом.

Голдманн развернул грузовик и погнал его вдоль автострады в течение трех километров, пока они не отыскиали въезд. Тогда он увеличил скорость так, что мотор взвыл от усилия.

Внутри кабины с кондиционером было постоянно семьдесят по Цельсию. Закайо с Анной Рилей спали на откидных сидениях, Шеврон с Мак-Аскиллом и Голдманном расположились на двухместном сидении на носу, которое соединялось с местом пилота. Паркер и Лойз Тейлор работали за столом, расположенным в середине кабины, доставая из корзины разрозненные черепки и сортируя их.

Мак-Аскилл наклонился вперед и нажал кнопку анализатора повреждений на пульте компьютера.

— Это очень странно. Я имею в виду, это очень странно. Снаружи едва ли выше восьмидесяти. Чуть-чуть более восьмидесяти. Теперь я буду знать это, побывав в этом районе в час сорок. Должно быть, повреждение термоизоляции. Когда вы в последний раз проверяли регулятор обогрева, Ганс?

Голдманн притормозил, обратившись весь во внимание. Это было правдой. Он снова набрал крейсерскую скорость и тоном, не терпящим возражений, ответил:

— Это изолированный элемент, док. Есть запасной, если вы считаете, что я должен остановиться и заменить его.

— Нет, нет. Не надо. Это не так важно. Осмотрите его, когда мы остановимся. Все к лучшему, если стало немного прохладнее. Я имею в виду, что это к лучшему — если стало прохладнее.

Паркер, взяв для идентификации обломок ножовки, поддержал разговор:

— Такой каприз природы происходит по всей Европе. Вполне возможно, что он дошел и досюда. Потом здесь начнутся дожди, и пустыня расцветет, словно роза.

Доказывая, что она может делать два дела сразу, Лойз отыскала зазубренный осколок, который точно подошел к обломку, который держал Паркер, и сказала:

— Я не понимаю этого. Я думала, ситуация с погодой пол-

ностью урегулирована. Разве мы не имеем стабилизаторов на полярных станциях?

Ее напарник, увлеченный поисками другого обломка, рассеянно ответил:

— Верно, Лойз. Верно, и мы платим немалые налоги, чтобы держать их там. Ты помнишь Ормана, который обычно возглавлял наш медицинский экипаж? Он отправился туда в качестве директора тамошнего медцентра. Удвоив при этом свое жалование. Я бы не пожелал себе такого. Ни черта интересного, за исключением снега в любом направлении. Только проморозишься до костей. Все же он был кретином. Жирный, как масло. К тому же, у него кибернетическая нога, так что обморожение ему не грозит.

Шеврон резко обернулся. Кибернетическая начинка была достаточно редка на севере. Это было техническое новшество Южного Полушария, где в действительности существовало новомодное помешательство сделать это символом благополучного общественного положения. Не было секретом, что десантники определенных диверсионных подразделений оснащались одной кибернетической рукой, обладающей универсальными возможностями.

— Как с ним это случилось?

— Бог его знает. Она была у него еще прежде, чем он пришел к нам. Он очень ловко с ней управлялся. В нее были встроены все виды технических новинок, какие только возможны. Я даже подумал, что он смог бы обратиться к ней и при этом получил бы учтивый ответ.

Местность снаружи изменилась. Дорога снизилась до уровня земли и бежала среди камней в предгорья долины. Из нагромождений щебня, словно на иллюстрации учебника, проглядывали слои, разъеденные эрозией, разноцветные полосы каменистых пород.

Светящаяся точка на навигационной схеме сдвинулась на сантиметр. В следующий скачок она окажется как раз внутри пределов Северной Региональной границы, на расстоянии нескольких километров от Гата.

— Хорошо двигаемся, — сказал Мак-Аскилл. — Я говорю, хорошо двигаемся. Мы разобьем лагерь в пригороде Гата. Это город без какого-либо своеобразия, никаких характерных особенностей. Вы сможете найти здесь центр связи и даже компанию по найму, если желаете. Но вы, конечно, можете продолжать путь вместе с нами. Я говорю, вы можете оставаться с нами до Триполи, если вам так удобнее.

Дорога, ведущая к Гату, сворачивала с шоссе. В километре от города она иссякла в мягкий песок и рощу чахлах пальм. Сам город казался бедным, застроенным низкими одноэтажными зданиями, за исключением только одного высотного жилого массива, возвышающегося над саманными постройками, прерываемыми группами де-

ревьев и кустов. Всю композицию можно было описать тремя оттенками: зеленым, желтым и белым.

Мак-Аскилл счел нужным пояснить:

— Вы видите, ничего особенного. Правда, это не совсем подходящее место, но отсюда он выглядит даже привлекательнее. Я говорю, отсюда он выглядит вполне прилично, но он несколько не меняется. У города довольно пестрая история. Я считаю, впервые он был обнаружен в 1855 году. Затем следует период турецкого господства, потом французского, а после итальянского. Поэтому у него нет своих собственных характерных особенностей. Как вы сможете убедиться, если отправитесь туда. Мы разобьем лагерь в окрестностях пригорода.

Голдмани пробился сквозь песок, развернулся параллельно внешнему ряду домов и въехал в другую рощицу, где был артезианский колодец и длинный крытый соломой навес.

Шеврон вылез наружу и размял затекшие ноги. Было прохладнее, чем он ожидал. Автоматический термометр не лгал.

— Я пойду взгляну на город,— обратился Шеврон в кабину.— Вернусь примерно через час.

Он отошел уже на десять метров, радуясь возможности размяться после долгого сидения в автомашине, когда его нагнала «белая невольница», продемонстрировав хорошую скорость.

— Я бы хотела пойти с вами.

— Как вы себя чувствуете?

— Совершенно оправилась. К тому же, я весьма признательна вам. Мне не нравится, как этот Голдмани странно смотрит на меня.

— Он — ваш друг и, по-моему, хочет защитить вас от вашего хозяина-садиста.

— Я ничего не знаю об этом, но думаю, что у него на уме что-то другое.

— Пожалуй, нам следует купить вам на базаре чадру.

— Что-то не верится, что она там будет.

С близкого расстояния Гат имел жалкий, убогий вид. Это был город лачуг. Первоначальный план широкой застройки был приведен в действие, но строительство так и не развернулось в предполагаемом размахе. Город был безликим, без настоящего центра, за исключением одного высотного массива, который, казалось, был только частью городского плана застройки, приведенного в исполнение.

После двадцати минут быстрой ходьбы они оказались около ветхого портика и принялись изучать доску с объявлениями. Со многими исправлениями и подчистками, она приводила список всех офисов в квартале. Новый столбец начинался с цифры девять, и они прочитали написанные от руки входные данные: «Сахара Транспорт, А. Викерс, собственность».

В холле находилась будка с мавританской решеткой и латунной обезьяной, держащей в лапах объявление. Шеврон прочитал: «Назад за полчаса».

Он щелкнул по блестящей голове обезьяны и сказал:

— Если она отправляет туда, где холоднее, придется подождать.

У дальней стены находился лифт с двумя кабинами и еще одним объявлением, расположенным между двух дверей так, чтобы относиться к обеим. Анна Рилей сказала:

— Это похоже на игру, правила которой ты не знаешь. — Она пересекла холл и прочитала мелкий шрифт. — Не радуйтесь, Марк. Здесь говорится, что они неисправны.

Они стали подниматься по лестнице, останавливаясь на каждой площадке, чтобы взглянуть на город, но с высотой впечатление не менялось. Один из секторов, бесформенный, словно термитная куча, вполне мог быть древним центром, оставшимся без изменений. На третьем этаже Шеврон снова остановился и посмотрел вниз. Вокруг было не так уж много людей, а те, которые двигались по площади, были преимущественно арабского происхождения с примесью итальянской крови. Все двигались неторопливо, словно в сомнамбулическом сне. Из общей массы выделялся один небольшой толстый тип, явно торопящийся куда-то с какой-то целью. В нем было что-то очень хорошо знакомое.

Не раньше, чем он скрылся за выступом портика, Шеврон узнал его. Это был Бьюкз, и никто другой. Что он мог найти такого в Гате, чтобы проводить ревизию, оставалось за пределами воображения.

Шеврон попытался припомнить перечень компаний на доске объявлений в портике. Там значилась какая-то химическая фирма — «Бирма Солт. корпорэцион» или что-то в этом роде; государственная многоцелевая канцелярия; антрепренеры разного рода; муниципальный оздоровительный центр. Он находился на этаже выше того, куда они направлялись.

Шеврон приложил ухо к пыльному кафельному полу и услышал приближение легких быстрых шагов. Жестами призывая к молчанию, Шеврон взял Анну Рилей за руку и потянул ее к следующему лестничному маршу.

Бьюкз продолжал идти, не сбавляя темпа.

На шестом этаже было то же самое. Но Шеврону неожиданно открылась истина: человек направлялся на восьмой этаж, в медцентр. Догадка, осветившая потаенные уголки его сознания, кроме того подтверждалась и другими немаловажными данными. Сеть медцентров, разбросанных по всему полушарию, была наиболее естественной для проникновения вражеских агентов. И чем больше он об этом думал, тем больше убеждался, что натолкнулся на очевидный факт. Медицинская служба имела свою собственную внутреннюю систему коммуникаций. Ее персонал имел полную

свободу перемещения. У нее был свой статус. Никто никогда не задавал вопросов медицинскому работнику, где бы он ни находился. Если кому-то в голову пришла какая-нибудь идея, здесь он мог развернуться. Это было государство внутри государства. Она имела такой большой вес в глазах общественности, что ее деятельность никогда не подвергалась сомнению.

Шеврону на ум пришла старая игра с наперстком, который прячут на виду у зрителей на выпуклом выступе — каждый видит его, но никто не может найти.

На седьмом этаже Шеврон остановился и прошел в квадратную приемную с длинным коридором и множеством дверей по обе стороны. Скучные скамьи, расставленные повсюду; украшенные орнаментом плевательницы; две пальмы в горшках, явно используемые в качестве пепельниц, и несколько мятых карточек на полу. Было совершенно очевидно, что разного рода живность водилась тут во множестве. Два бесполох субъекта, закутанных в широкие балахоны, не проявляли никакого интереса к окружающему и выглядели так, будто умерли давным-давно.

Шеврон быстро произнес:

— Анна, мне необходимо, чтобы вы кое-что сделали. Найдите «Сахара Транспорт» и вызовите А. Виксера, владельца. Посмотрите, что он может предложить. Соглашайтесь на любой автомобиль, способный переправить нас через Мед. Здесь есть человек... я хочу поговорить с ним. Я не долго. О'кей?

— Я бы лучше осталась с вами.

Он вдруг подумал, что было бы неплохо, если бы у него сохранился ремень от щита, и кроме того, было бы интересно, как два трупа среагировали бы на небольшую порку.

Словно лишний раз утверждая, что мужчина может сказать «да», а может сказать и «нет», Шеврон ответил:

— Нет. Делай, как я сказал. Я вернусь прежде, чем ты успеешь произнести МАМИЛАПИНАТАПАИ.

— Почему я должна говорить это?

— Бог его знает. Давай. Уладь с этим.

Она неохотно удалилась, обогнув две сидящие фигуры, даже не шевельнувшиеся под своими балахонами. Шеврон встал около двери.

Быстрые шаги Бьюкса внезапно замедлились на площадке и остановились совсем. В этот момент Шеврон поверил, что вся его теория абсолютно неверна. Он не принимал в расчет субъективные факторы. Быстро взглянув сквозь круглое окошечко в двери, Шеврон увидел затылок Бьюкса. Не созданный для ходьбы по лестницам, вездесущий ревизор вытирал свое лицо желтым носовым платком. Закончив, он с придирчивой тщательностью сложил его и с новыми силами бросился вверх по лестнице.

Шеврон приоткрыл дверь и последовал за ним, встав за углом, пока не услышал, что дверь на верхней площадке скрипнула и успокоилась.

Обстановка приемной была стандартной, за исключением того, что одна из пальм, видимо, отказавшись от борьбы, засохла в своем горшке. Бьюкз резко свернул направо и через мгновение был уже на расстоянии десяти метров, идя вдоль белого, выложенного кафелем коридора. Чуть притормозив, он проскочил через дверь, словно крыса в свою нору, и горизонт опустел.

Шеврон сунул руку за ремень, вытащил бластер и положил его в наружный карман. Надпись на двери подтверждала его догадку. Выцветший текст гласил: «Заведующий окружным медцентром». Ниже старая фамилия была зачеркнута, а новая приписана под ней так, будто владелец офиса сменился не слишком давно. Фамилия бывшего владельца была доктор Франц Орман, новая — доктор Зара Честер.

Шеврон вернулся на площадку и быстро спустился. Сначала главное. Единственно благоразумным, если это еще имело значение, было обеспечить себе возможность отхода. Он разыскал Анну Рилей, уединившуюся с А. Викерсом. Владелец «Сахара Транспорт» стоял, перегнувшись через спинку ее стула и, любезно сдув пыль с брошюры, помогал переворачивать страницы. Это был маленький смуглый человек неопределенной национальности. Он казался разочарованным, когда увидел Шеврона.

Но бизнес есть бизнес. Он бросился обратно за свой рабочий стол и обнажил целый ряд очень белых вставных зубов, изображая величайшее радушие.

— Этот есть ваш муж, нет? Я уверен, вы можете обрадовать ему. Совершенно превосходные машины. Соответствовать реклама, доберетесь туда в один мгновений. Очень дешево. К тому же, их три только такой в Гате. Здесь нет другой компаний по найму, только «Сахара Транспорт».

Он снова просиял — человек в расцвете своего бизнеса.

Шеврон поинтересовался:

— Как скоро одна из них будет ожидать нас у подъезда?

— Один час, — он выразительно выставил один палец.

— Уложите в полчаса, и мы возьмем эту — «метеор».

— Сожалею, «метеор» нет наличий. Но их истинный брат быть готов тридцать минут.

— Подготовьте документы, а мы подождем вас внизу.

Снаружи Шеврон принялся торопить Анну Рилей.

— К чему такая спешка?

— Будучи в некоторой степени неплохим психологом, вы должны знать о технических приемах психозондирования, не так ли? Я имею в виду получение достоверных данных на допросе.

— Я видела, как это делали с беспокойными пациентами. Это клинический метод, позволяющий добраться до истинных причин болезни, которые скрываются за завесой тумана в их головах. Но это не моя область. Почему такой внезапный интерес?

— Обдумайте это как следует. Ваши знания могут пригодиться. Никто не может сказать заранее, когда может пригодиться умение подчинять себе разум другого человека. Каждый должен теперь, я думаю, уметь это на случай затянувшейся миссии.

Наверху ничего не изменилось, и Шеврон даже на какое-то мгновение засомневался, действительно ли он видел Бьюкса здесь. Происходящее начало казаться чем-то нереальным. Казалось, в этом не было даже никакого смысла, когда он распахнул дверь заведующего медцентром и ввел Анну Рилей в квадратную приемную с тремя дверьми и низким барьером, чтобы удерживать посетителей в их тесном загоне.

Девушка-арабка в коротком белом кителе прекратила перелистывать своим изящным пальчиком подшивку документов и молча уставилась на них широко открытыми подведенными глазами, как какая-нибудь спугнутая у водооя газель. Очевидно, три посетителя за раз являлось непомерной тяжестью для организации.

— Что вам надо? — ее голос прозвучал, как крик отчаяния и мольбы спугнутой с гнезда птицы.

— Доктора Честер. Я ее долго не задержу.

— Доктор Честер занята. У нее посетитель.

— Я знаю и хочу видеть их обоих. Вы только зайдите и скажите, что у меня личное донесение от доктора Ормана.

— Она не любит, когда ее беспокоят.

— Ей вряд ли понравится, если вы не сообщите об этом. Вы только попытайтесь и увидите, какой довольной улыбкой она одарит вас.

Девушка явно не знала, на что решиться, и сидела неподвижно.

Шеврон перепрыгнул через барьер и оказался рядом с ней прежде, чем она успела что-либо сказать. Он поднял со стола стилет и заложил им то место в подшивке, на котором она остановилась. Затем взял ее палец — холодный гладкий артефакт, и убрал его.

— Вот так. Спокойно. Теперь вы свободны как птица. Идите и получите свою награду.

Некоторое время она упорно смотрела на свой палец, словно проверяя, на месте он или нет, а потом покорно направилась к левой двери, постучалась и вошла.

Голоса, донесшиеся в приоткрытую дверь, внезапно смолкли. Резкий голос, похожий на скрежетание гравия по металлическому листу, но не имеющий ничего общего с голосом женщины, произнес:

— Впусти их.

Внутренние покои доктора Зары оказались гораздо больше,

чем приемная, с тремя окнами во всю стену, прикрытыми жалюзи, и целым рядом различной электронной аппаратуры вдоль передней стены. Бьюкз сидел на вращающемся кресле, имеющем свой собственный пульт управления компьютером на широком подлокотнике. Кроме того, оно было оснащено множеством зажимов, позволяющих крепко удерживать пациента во время небольшой хирургической операции или чего-то другого. По ту сторону широкого стола доктор была видна только от талии и выше, и не нашлось бы такого человека в здравом уме, который захотел бы увидеть больше. Она была совершенно прямоугольной и спереди, и сбоку, как тело, так и голова. Серо-стальные волосы свисали на лоб, словно прово-лока.

Бьюкз даже и не пытался изобразить, что они давнишние друзья. Если он немного и укачался в своем причудливом кресле, то теперь совершенно пришел в себя и тарашил глаза так, будто наткнулся своим вездесущим карандашом на исчезающую прямо у него на глазах ошибку.

Как только секретарша с явным облегчением притворила за собой дверь, Шеврон вынул бластер и холодно предупредил:

— Положите руки на стол, доктор. Джек, как можно осторожнее вылезай из этого кресла и становись рядом со своей приятельницей.

Лицо доктора Честер представляло собой тяжелую, абсолютно неподвижную маску, не выражающую никаких эмоций.

— Вы что себе думаете? — осведомилась она спокойно. — Здесь государственный департамент. Если у вас на уме ограбление, то здесь денег нет.

Шеврон нравоучительно заметил:

— Кто похищает у вас кошелек — ничего у вас не похищает. Я же приехал, чтобы отнять у вас ваше доброе имя.

— Не говорите загадками. Мне надо работать.

Бьюкз, точно последовав последней фразе, поддержал доктора:

— Шеврон, что за выдумки? Что ты здесь делаешь?

— Вопросы, вопросы. Я мог бы спросить тебя о том же, Джек. И в самом деле, это может стать хорошей отправной точкой для разговора. Посмотри вокруг, Анна, и подумай, есть тут что-нибудь, что напоминало бы прибор для психозондирования. Я бы хотел подсоединить к нему одну, а может, обеих этих обезьян. Не дергаться!

Насколько ее лицо, вырезанное словно из скалы, могло отражать какие-либо эмоции, доктор Честер выглядела весьма спокойной, и крошечный цветок сомнения начал расти и распускаться в мозгу Шеврона. Он мог находиться и на ложном пути.

Словно пытаясь договориться со слабоумным ребенком, доктор Честер продолжила:

— Вы говорили о докторе Ормане. Что вам известно о нем? Он направил вас ко мне для лечения? Скажите этой девушке, чтобы

она была осторожнее. В этих ящиках очень чувствительная аппаратура.

— Оно все здесь, — сказала вдруг Анна Рилей. — Меня удивляет, что у них такое оборудование здесь, в этой глуши. Тут полный комплект глубокого зондирования. Скорее всего, он подсоединен к зубоврачебному креслу. Думаю, что смогу справиться с этим.

Шеврон быстро обошел вокруг стола и разъединил команду хозяев поля. Подгоняя Бьюкза вперед к креслу с помощью блас-тера, он объявил:

— Итак, Джек, вот тебе хороший шанс поболтать вволю. Усаживайся, а мы будем внимательно слушать.

Развернувшись так, чтобы можно было следить за доктором, Шеврон запихнул Бьюкза в кресло и защелкнул зажимы на его запястьях и лодыжках.

Анна Рилей взяла в руки гладкий стальной шлем с множеством кнопок и встала позади Бьюкза, словно для коронации.

Доктор Честер подала голос:

— Вы совершаете большую ошибку. Я надеюсь, вы знаете, что делаете. Этот аппарат представляет большую опасность в неопытных руках.

Сквозь пятнистый загар Бьюкза проступила смертельная бледность. Он стал более тихим, чем когда-либо был за прошедшие несколько лет.

Шеврон счел нужным пояснить:

— Это не профессиональный специалист, а вы нервируете пациента. Вы должны внушать ему уверенность с помощью кратких ободряющих замечаний. Таких, как, например, что я не дал бы и полпенса за то, окончится ли это для него хорошо или плохо. Включай ток, Анна, и смотри за тем, чтобы он засветился красивым голубым сиянием.

В течение нескольких минут Анна Рилей настраивала прибор, время от времени подходя к объекту, начавшему уже покрываться потом, чтобы отрегулировать микронное юстирующее устройство для лучшего контакта.

Шеврон бродил по комнате, открывая стеллажи с картотеками и рассматривая надписи на миниатюрных капсулах. Все было в высшей степени обычным, и сомнение нахлынуло с новой силой. Но оно никак не прозвучало в его голосе, когда он ответил своей занятой делом помощнице.

Наконец она объявила:

— Я думаю, все в порядке. Задай ему вопрос, а я определю, правда это или ложь.

— Отлично. Скажи мне, Джек, что ты здесь делаешь?

— Это государственный объект. Я наблюдаю за снабжением. Проверяю, чтобы оно производилось в соответствии с установлен-

ным бюджетом. Тебе это известно. Ты должен выбросить это из головы, Шеврон.

— Правда или ложь?

— Сначала были большие колебания в контуре, затем они стабилизировались. Сейчас я расшифрую. Здесь влияет на ответ много различных факторов. Вот, готово. В целом — ложь.

Шеврон вздохнул с облегчением. Он был на правильном пути. Если бы он знал, что спрашивать, он мог получить какие-либо сведения. Но у него было не так уж много данных для того, чтобы начать разговор. Шеврон подумал о Полдано.

— Тебе говорит о чем-нибудь имя Полдано?

— Нет. С чего бы?

— Ложь.

— Почему его убили?

Бьюкз не отвечал. Видимо, хотя и с опозданием, он решил, что молчание для него — наилучший выход из положения.

— Ты можешь заставить его отвечать? — спросил Шеврон.

— Не думаю. Если я изменю направление тока, это может его убить.

— Покажи мне. Я сделаю это. Возьми бластер и следи за доктором.

Бьюкз не мог пошевелиться, но его глаза наблюдали за происходящим с тревогой. Как только Шеврон положил руку на реостат, он быстро заговорил:

— Подожди. Я слышал, что Полдано занимался шпионажем. При этой профессии человеку свойственно попадать в разные неприятные истории.

— Это уже лучше, Джек. Теперь ты начинаешь думать. Поскольку тебе известно так много, ты тоже должен быть в этой игре, но только на другой стороне. Отсюда следует две возможности: продажа информации кому бы то ни было либо сбор информации для Южного Полушария. Итак, которая?

При этом Шеврон резко повернул рукоятку.

Бьюкз тяжело задышал и сжался, пытаясь ослабить ремни. Шеврон уменьшил напряжение и снова спросил:

— Итак, которая?

— Агентурная Разведка Южного Полушария.

Это было сказано едва слышно.

— И что дальше? Не пытайся увилить. — На этот раз он начал крутить рукоятку реостата медленнее.

— Операция «Яманак», — выдавил Бьюкз и упал вперед лицом, повиснув на удерживающих его ремнях.

В то же самое время Анна Рилей настойчиво позвала Шеврона:

— Марк, доктор.

Занятый с пультом, Шеврон не имел возможности взглянуть в их

сторону добрых полминуты. За это время доктор Честер успела незаметно убрать руки со стола и подняться, зажав в руке миниатюрный самонаводящийся лазер. У Бьюкса прямо между глаз появилась крошечная дырочка.

Но в тот момент, когда она снова прицелилась, метя в Шеврона, Анна Рилей выстрелила в упор, прямо в крижистый затылок Честер.

Она упала поперек стола, вытянув вперед руки — совершенно нескладная.

— О, боже,— простонала Анна Рилей.— Я убила ее.

— Очень правильно, а главное, своевременно. Она бы убила меня, а ты ведь этого не хочешь, не так ли? Можешь не отвечать, это и так ясно. Ну вот, здесь нам больше делать нечего. Берем машину и уезжаем.

В приемной Шеврон обратился к девушке, которая в это время сидела за своим столом и полировала ногти, явно ожидая сигнала, чтобы идти домой.

— Доктор Честер сказала, что вы свободны. Она сама закроет сейф и выгонит кошку. Она хочет продолжить разговор в спокойной обстановке. О'кей?

Сумочка на длинном ремне, уже приготовленная, висела на стуле. Девушка направилась было к двери, но остановилась, очевидно, вспомнив о том, что гости имеют свои права.

— Только после вас,— учтиво проговорил Шеврон,— после вас. Мы всего-навсего туристы, а вы здесь работали до изнеможения, чуть не стерев эти нежные пальчики до костей.

А. Викерс сам лично вышел на улицу и вручил им машину. Она была новой на картинке в его проспекте когда-то давным-давно, а теперь покоилась на углу на грубо сваренных опорах, вся в разноцветных заплатках на своем плексигласовом куполе.

Но когда Шеврон пробежал пальцами по пульта управления, мотор ровно заурчал, резко набрав мощность. Указатель уровня топлива стоял на отметке сто процентов.

Викерс, стоя у обочины и сверкая зубами, воззвал:

— Оставьте ей где-нибудь в Регион. Потом я буду обещать вам для коллекции. Всего доброго, мистер Шеврон.

Как только машина набрала скорость крейсера, Анна Рилей сказала:

— Нам понадобится все чертовское везение, какое только возможно. Что произойдет, когда местная полиция найдет твоего друга Бьюкса и доктора?

— Думаю, что смогу это уладить,— ответил Шеврон.— Держи руль, я должен успеть выйти на связь.

Он вытащил передатчик, легким щелчком открыл крышку и, вдавив кнопку экстренной связи, сосчитал до пяти. Затем проговорил в микрофон:

— Шеврон. Соедините меня с Вагенером. Только быстро.
— Одну минуту, мистер Шеврон,— ответила Раквелл Канлайф.— Он будет рад услышать вас.

В то же самое время она подала сигнал Стаффорду, и он подошел к ее пульту.

Как только Вагенер откликнулся, Шеврон доложил:

— Шеврон. Вам будет интересно узнать, что Бьюкз из Государственной Судебной канцелярии, занимающийся проверкой счетов, и доктор Честер, руководящая медцентром в Гате, были агентами Юга. Они оба мертвы. Мне необходимо, чтобы вы задержали парней из местной безопасности, которые будут у меня на хвосте не более чем через двенадцать часов. Существует какая-то связь с Экспериментальной Полярной Станцией, с человеком по имени Орман. Франц Орман, доктор. Осуществляется операция «Яманак». Не снимайте стружку с Кэссиди — он вел себя наилучшим образом. Какие инструкции будут для меня?

— Где вы сейчас находитесь?

— В Гате.

— Оставайтесь там. Выходите на связь каждые шесть часов. Для вас что-нибудь будет. Кэссиди знает об этом?

— Никто не знает, кроме меня.

— Хорошо, пусть так и остается. Конец связи.

Реквелл Канлайф отключила Вагенера и вышла в эфир.

— Мистер Шеврон?

— Да, я слушаю.

— Пожалуйста, полагайтесь только на свою собственную интуицию. Проверьте любые инструкции, которые вы получите. Конец связи.

9

— Ты знаешь, что ты наделала?

«Адам» — Стаффорд холодно глядел на «надкушенное яблоко». Раквелл Канлайф нервно дернулась в своем высоком кресле.

— Что еще?

— Ты только что нарушила самое важное правило в инструкции.

— Зато теперь мы будем знать. Шеврон подобрался к чему-то важному. Если Вагенер бросит его в беде, тогда он явно что-то крутит. Совершенно очевидно, что нам следует расследовать это.

— Только попытайся и сразу окажешься на гауптвахте. В один миг.

— По-моему, ты преувеличиваешь.

Сигнальное устройство на ее пульте засветилось пурпурно-красным.

— Ну, теперь ты видишь. Вагенер выходит. Это необычно для этого времени. Держу пари, он собрался встретиться с кем-то относительно этого.

Стаффорд уже перешел свой рубикон.

— О'кей. Возможно, ты права. Пойду посмотрю. Доверяю тебе принести передачу в приемный день и утешить мою мать.

Стаффорд «засек» прямую фигуру Вагенера, когда тот поднялся наверх из подземного туннеля, и последовал за ним, держа дистанцию в пятьдесят метров, в то время как тот быстро продвигался через шлюзовые отсеки на переходной дорожке между зонами.

Это продолжалось недолго. Вагенер сошел у высотного квартала, где располагались службы Регионального Медцентра, и поспешно вошел в подъезд, даже не оглянувшись.

Зайдя за ним следом в вестибюль, Стаффорд успел заметить, как спину шефа скрыла захлопнувшаяся дверь лифта. Он пробрался сквозь пеструю толпу, стоящую в регистратуру, подошел к лифту и стал следить за надписями на панели. Кабина остановилась на двадцать втором этаже. Это была секретная зона, заштрихованная на панели зеленым, которая относилась к правительственному Научно-Исследовательскому Центру. Без сомнения, там у входа располагался контрольно-пропускной пункт. Вагенер мог воспользоваться своим собственным служебным пропуском, выдаваемым только высшему начальству, все остальные подвергались тщательной проверке.

Подъехала вторая кабина, и из нее вышли трое. Еще не имея никакого определенного плана, Стаффорд бросился вперед, обогнав какого-то пожилого мужчину с гипсом на левой ноге, с трудом передвигавшегося в сторону лифта, и вырвал активатор двадцать первого этажа.

Когда лифт тронулся, Стаффорд забрался на полку, предназначенную для носилок, и исследовал потолок. В самой середине располагался аварийный люк. Стаффорд ослабил зажимы и опустил его внутрь. Выдвижная лестница на внутренней поверхности дверцы опустилась до самого пола, едва не стукнув его по голове, и Стаффорд выбрался на крышу, в заполненное тусклым светом и свистом быстродвигающегося механизма пространство.

Осторожно сдвинувшись почти на самый край, Стаффорд втянул лестницу обратно и закрыл крышку люка в тот момент, когда кабина медленно затормозила.

Когда он выпрямился, двадцать второй этаж оказался как раз на уровне его глаз. Кабина, в которой ехал Вагенер, все еще была здесь. Внимание Стаффорда привлекли скобы в углублении на левой стороне стены. Он ухватился за ближайшую и повис как раз тогда, когда его кабина начала опускаться. Раскачавшись, он поддел носками ботинок механизм расцепления дверей и разомкнул его.

Двойные двери приоткрылись на сантиметр, готовясь принять кабину. Через узкую щель Стаффорд смог разглядеть лестничную площадку и Вагенера, разговаривающего с одетым в штатское и с карабином наперевес охранником.

Даже глава Особого отдела мог столкнуться с определенными трудностями при прохождении в Центр. Безопасность здесь строго соблюдалась.

Стаффорд поднялся чуть выше двадцать второго этажа и оглядел шахту. Как раз прямо над дверью к стене была прикреплена шестью винтами прямоугольная решетка шириной примерно в полметра. Скорее всего, это была вентиляционная шахта, которая могла привести его в коридор внизу.

Стаффорд принялся отвинчивать гайки, начав с верхнего левого угла, и уже освободил четыре винта, когда почувствовал, как легкий ветерок начал трепать его широкие брюки. Это поднимался лифт.

Стаффорд вытер ладонью взмокшую шею, освободил последний винт и отодвинул решетку.

Но влезть внутрь оказалось не так-то просто, и металлическая рама завибрировала под его руками, когда он, ухватившись за край отверстия, задыхаясь, ввалился внутрь. Бок быстро движущейся кабины коснулся его волос, а открытый в гримасе рот наполнился пылью.

Протискиваясь глубже вперед ногами и ощупывая ими пространство перед собой, Стаффорд через два метра очутился в месте пересечения вентиляционных магистралей. Он повернул налево, развернулся лицом вниз и начал двигаться вперед вдоль узкой круглой трубы, где с каждой стороны у него оставалось не более двух сантиметров свободного пространства.

Абсолютной темноты не было, поскольку в местах расположения вентиляционных выходных отверстий в потолке нижнего этажа пробивались пятна рассеянного света. Через каждые пять метров пространство расширялось, образуя перекресток с перпендикулярной вентиляционной магистралью. Следующее вентиляционное отверстие выходило на главную дорогу. Стаффорд задержался около него, глядя вниз, в облицованный белым кафелем коридор. Через несколько секунд показался Вагнер. Пройдя немного вперед, он свернул в комнату направо.

Стаффорд дополз до очередного перекрестка и свернул направо. Через пять метров он натолкнулся на отверстие, забранное решеткой.

Лицо лежащего на койке человека было хорошо знакомо ему. Вагнер успел в рекордное время надеть на себя стерильную сорочку и запрыгнуть в койку.

Чей-то голос без каких-либо ноток теплоты и заботы о больном холодно произнес:

— Вы не должны были сюда приходить. Вам предписывалось избегать посещения этого места.

Хотя губы лежащего оставались неподвижны, голос Вагенера произнес:

— Я должен был сообщить об этом, ибо рассматриваю это как чрезвычайную ситуацию. Кодовое название операции стало известно агенту Шеврону, а возможно, и его спутникам. По-моему, было большой ошибкой использовать географическое название. Это может указать направление.

— Но вы можете скрыть эту информацию. Позаботьтесь о том, чтобы этот человек не значился среди живых. А мне остается только надеяться, что ваш непродуманный поступок не будет иметь серьезных последствий. Конец уже не за горами. Еще несколько дней, и процесс, который мы запустили, станет необратим. Сейчас не время терять голову.

— Дело не в потере головы.

— Вы передали информацию. Будем считать, что ваш поступок оправдан. Теперь приступайте к тому, что вы должны были сделать уже давно.

Стаффорд начал двигаться назад. Ему очень не хотелось оставлять старого ублюдка здесь, на его ложе страдания, но он был не в состоянии представить даже свое собственное ближайшее будущее. В данном раскладе не было абсолютно ничего хорошего, но не было никакого сомнения, что он обязан добраться туда, где на его сообщение отреагируют должным образом.

* * *

Анна Рилей вышла из машины, не доезжая до тягача метров пять, и Закай, оторвавшись от целиком зажаренной туши, непригнутой походкой направился им навстречу. Он просунул голову и плечи в приоткрытую дверцу и сообщил:

— Этот Голдман. Он работает на Мак-Аскилла. Мне кажется, он нас в чем-то подозревает. Заставил его связаться с их главным управлением и сообщить, что они подобрали нас. Об этом будет передано сообщение в вечерних новостях.

Они шли молча. После вызова Вагенера, Шеврон замкнулся, сосредоточившись на тех фактах, которыми располагал, и пытаясь собрать их воедино. Анна Рилей все никак не могла примириться с тем, что она совершила, и не могла оправдать это даже необходимостью. Может быть, происшедшее диктовалось логикой момента в тот миг, когда она нажала на спусковой курок, но это выходило за рамки ее жизненного опыта.

Средства достижения цели так же важны, как и сама цель. Со-

вершив не свойственное ей насилие, она почувствовала, что теперь не сможет с надеждой смотреть в будущее, даже если кто-нибудь и смог бы доказать ей, что будущее зависит от исхода борьбы с врагом у ворот твоего дома.

Возможно, это была естественная реакция на происшедшее. Она была от природы пацифисткой, а Шеврон — прирожденным убийцей. Во всяком случае, это не могло служить предметом интеллектуальной дискуссии; это было из области переживаний, и она чувствовала себя глубоко несчастной.

Даже жизнерадостное приветствие Паркера, когда они подошли к огню, не изменило ее настроения. Он пустился в пространные объяснения относительно кувшина, который они монтировали с Лойз, не упуская ни единого нюанса, который мог бы вызвать волнение в профессиональных кругах. Но это не помогло сгладить неловкость ситуации. Мак-Аскилл нервничал, сознавая, что нарушил закон гостеприимства. Голдманн был холодно настроен.

В конце концов Мак-Аскилл прервал монолог Паркера.

— Итак, мистер Шеврон. Теперь, когда у вас есть свой собственный транспорт, я предполагаю, что вы пожелаете продолжить ваше путешествие. Я имею в виду, что вы захотите путешествовать дальше. У нас есть некоторый излишек продовольствия, так как наша экспедиция оказалась короче, чем мы планировали. Ганс приготовит вам все необходимое. Этого будет достаточно на день или два, до тех пор, пока вы не сможете обеспечить себя провиантом. Куда вы теперь направитесь? Я имею в виду, какова ваша следующая цель?

— Юг,— ответил Шеврон.— Мы поедem обратно в Гамбию. Я должен решить вопрос относительно машины, которой мы лишились. Это весьма любезное предложение. Дневного запаса вполне хватит. Выпишите счет, и я оплачу.

— Об уплате не может быть и речи. Я рад оказать услугу. Я имею в виду — рад быть в состоянии помочь. Когда вы отправляетесь?

— Как только сможем. Думаю, не раньше чем через полчаса. Только загрузим припасы, если они уже готовы. Мы вам премного благодарны.

Голдманн с неохотой подчинился и медленно двинулся к песчаному тягачу. Было совершенно ясно, что он думал обо всем этом. Он считал, что их необходимо задержать до тех пор, пока не придет ответ на запрос Мак-Аскилла.

Через двадцать минут погрузка была закончена, и все снова собрались у огня. Внезапно опустились сумерки. Все это время Голдманн по пятам следовал за Шевроном.

Паркер вынес портативный реализатор из тягача и поставил его под пальмой. Передача началась с рекламы инжира. Уединенная группа у костра пополнилась двумя верблюдами, нахально улетающими огромную кучу инжира. Она постоянно таяла и в конце кон-

цов исчезла совсем. Изюминкой этого шедевра была эффектная строка в заключение: «Дайте Ахмету сегодня вечером инжир!» Потом пошла программа новостей.

Некто в белой куртке и красной феске просмотрел несколько листов, лежащих на столе, и сказал:

— В этом коротком информационном сообщении говорится о двойном убийстве, совершенном в древнем городе Гате.

Шеврон отступил немного в сторону и с размаху ударил правой ногой прямо Голдманну по руке в тот момент, когда она легла на приклад его причудливого бластера. На какое-то мгновение все замерло. Внезапно Голдманн рубанул ребром ладони, метя Шеврону в шею.

Шеврон увернулся, и вытянутые пальцы Голдманна коснулись воротника его рубашки. Затем он сцепил руки в замок и нанес сокрушительный удар по коротко стриженной голове Голдманна.

Потеряв равновесие, тот упал лицом в песок, но почти тут же приподнялся, тряхнув головой, и уже приготовился к новому броску, когда голос Шеврона спокойно предостерег его:

— Не пытайся сделать это, Ганс. Бросай свой ремень.

Бластер, направленный прямо в лоб Голдманну, решил исход поединка. Это было совершенно бессмысленно. Закайю, сверкая зубами и поигрывая ножиком, отражающим свет костра, подхватил брошенный пояс и перебросил его себе через плечо.

Внимание окружающих было вновь отвлечено диктором. Он приступил к изложению содержания своего сообщения.

— Последними посетителями медцентра были двое — мужчина и женщина. В округе они незнакомы. Женщина: темноволосая, хрупкого телосложения; одета в белый комбинезон; возраст примерно двадцать пять лет. Мужчина: выше среднего роста, крепкого телосложения; одет в защитную рубашку с зелеными пуговицами; глаза серые или зеленые, волосы каштановые. Они требуются для допроса. Это все, друзья. Мы будем ждать ваших сообщений. Позвоните нам, если вы встречали этих людей. «Северные Региональные Факты» назначили вознаграждение в пятьдесят кредиток за любую полезную информацию.

Лойз, будучи импульсивной девушкой, воскликнула: «Это о них!» — и зажала рот рукой, чтобы «притворить ворота конюшни, когда коня уже увели».

— Не беспокойтесь, Лойз, я не собираюсь отнимать у вас ваш кувшин, — успокоил ее Шеврон. — Это длинная история, но она не имеет ничего общего с тем, о чем вы подумали. Поверите вы или нет, но эти двое были вражескими агентами. На тот случай, если у вас возникнут какие-либо неверные представления относительно случившегося, вы должны будете отправиться вместе с нами. Выключи реализатор, Крис, и переведи команду к автомобилю.

Мак-Аскилл попытался возразить:

— Я хочу предостеречь вас, Шеврон. Вы создаете себе множество неприятностей. Я имею в виду, вы добавляете себе проблем. Моя организация не потерпит вмешательства в дела ее служащих. Я должен буду подать жалобу на самом высшем уровне.

— Вы можете подать ее, куда вам будет угодно, это, конечно, ваше право, а сейчас отправляйтесь к машине.

Перегруженная машина тяжело осела, и Анна Рилей, заняв место у пульта, смогла поднять ее не больше чем на полметра над самыми высокими кронами подлеска. Шеврон, усевшись скрестя ноги в грузовом отсеке и положив бластер на колени, крикнул вниз, в проход:

— Веди помедленнее, Анна, в сторону дороги, по которой мы приехали, а через десять километров посади машину.

Анна Рилей преодолела это расстояние лишь за двадцать минут, всю дорогу ощущая спиной напряженное молчание сзади. Когда машина соскользнула вниз, к стоянке, Шеврон обратился к пленникам:

— Поверьте, Мак-Аскилл, я сожалею, что вынужден поступить так, но от этого зависит слишком многое. Я должен быть уверен, что никто из вашей компании не захочет поймать удачу прежде, чем мы уедем. Теперь выходите и идите пешком. Вы не сможете пройти мимо Гата.

Когда машина поднялась, обдав изгнанников облаком песка и пыли, Шеврон высунулся наружу и выбросил в темноту портупею с поясом. Затем он пристроился рядом с пилотом и оглядел светящуюся схему с разбросанными по ней значками.

— Все указывает на Полярный Научный комплекс. Он и будет конечной точкой нашего предприятия. Орман отправился туда. Полдано зубрил теорию истечения льдов. Яманак бьет набат.

— Это название обозначает какое-то место,— подумав, ответила Анна Рилей.— Я думаю, это гора. Около Северного Полюса. Она упоминается в отчетах о полярных исследованиях. Это слово из лексикона эскимосов.

— И ты только теперь говоришь это! Давно ли ты сидишь на этом Клондайке информации?

— Мне кажется, я слышала это раньше, только не помню, при каких обстоятельствах. Это сидело где-то глубоко в подсознании, а теперь вот всплыло наружу. Да, теперь я твердо в этом убеждена.

— У тебя подходящее подсознание. Напомни мне, чтобы я занялся им как следует, когда у нас появится свободная минута.

Закайо постучал ножом по спинке сиденья и внес практическое замечание:

— Это — долгий путь. Вряд ли этот разбитый челнок собирается доставить нас так далеко.

Это была правда, и она влекла за собой еще один вопрос.

— Да? — переспросил Шеврон. — Нет, не так. С вас достаточно. Триполи недалеко, и это довольно большой город, чтобы вы могли там скрыться. Оттуда я продолжу путь один.

Машина спланировала вниз и аккуратно пришвартовалась к дороге. Анна Рилей убрала руки с пульта и спокойно спросила:

— Ты говоришь так, потому что думаешь, что мы не так умны и ловки, как ты? Или потому, что не доверяешь нам? А может, ты считаешь, что мы не захотим продолжать путь вместе с тобой? Я отправилась в это путешествие далеко не добровольцем, но теперь хочу увидеть конец. К тому же, это меня ожидает полиция, потому что это я убила Честер.

— Никто не знает об этом.

— Я знаю, и этого достаточно.

— Я тоже смогу быть полезен, босс, — поддержал ее Закайо. — Может оказаться так, что ты будешь рад любому, кто сможет прикрыть тебя. Я хочу идти с тобой.

Немного поразмышляв, Шеврон решил, что в их словах есть смысл. Если исходить из практического расчета, это могло повлиять на то, сможет ли он туда добраться или нет. Он отдавал себе отчет в том, что просто хотел уберечь ее от дальнейших неприятностей. Может быть, он не имел права становиться на их пути, исходя все равно из личной ли или общественной пользы. Наконец он сказал:

— Это смелое решение, и я отдаю ему должное. Пусть будет так, если, конечно, это то, что вам нужно. Поднимай машину, Анна, и держи курс на Триполи. Выжми из нее все, на что она способна.

В полной темноте, не зажигая огней, челнок летел над пустыней, отбрасывая на песок темную бесформенную тень. Лишь луна и огоньки на навигационной карте освещали их путь. Каждый час в новостях повторяли сообщение из Гата. Были подняты все силы Региональной Безопасности, но налетчики, казалось, исчезли без следа. Потом выступил господин А. Викерс с историей, которая могла бы пролить свет на происшедшие события. Приводилось описание челнока, и довольно точное. Ареста можно было ожидать в любую минуту.

— Пустыня подобна морю, и ее нельзя обыскать в пять минут, — высказал свое мнение Шеврон. — Мы будем очень осторожны до тех пор, пока не доберемся до главного центра.

— Что ты имеешь в виду?

— Между Триполи и Копенгагеном существует трансконтинентальное ракетное сообщение. Мы воспользуемся этим и доберемся до Копенгагена. Затем еще один перелет до Рейкьявика, а оттуда совсем недалеко.

— Только как нам удастся сделать это?

— О Заке еще не было сказано ни слова. Он может заказать

билеты на рейс. Я знаю человека в Триполи, который сможет выправить нам документы. Анна, для начала приобрести светлый парик. Я думаю, это должно выглядеть весьма привлекательно.

— Да. Необходимая принадлежность женщины-убийцы.

— Вот именно. Только он должен быть немного вьющийся и аккуратный. Кроме того, неизменная улыбка, и кто знает, как это может изменить внешность женщины.

Долгий окольный путь привел их к побережью. На уже начавшем розоветь востоке появилась светящаяся полоска отдаленных предместий.

Шеврон, растянувшись на полу и прильнув к обзорному иллюминатору, повел машину сквозь лабиринты темных узких аллей, словно какой-нибудь разухабистый морской волк, и в конце концов опустил машину на стоянку, рядом с круглосуточно работающим быстро. На нежно-голубом поле вывески кроваво-красными буквами было выведено: «Небесный кокон».

— Зайдите внутрь и посмотрите, как отдыхает другая половина человечества,— сказал он.— Они здесь не будут задавать слишком много вопросов. Я вернусь примерно через час. У вас будет достаточно времени размотать этот кокон, если вы, конечно, найдете его. До встречи.

Прежде чем Анна Рилей успела вымолвить слово, он покинул челнок и растворился в темноте.

Поднимаясь по шаткой пожарной лестнице ветхого многоквартирного дома, Шеврон прекрасно сознавал, что судьба предприятия будет целиком зависеть от его рискованной попытки. Два года назад Лавери жил здесь и по слухам, доходившим до него, никем не заменялся и никуда не переводился. Но это была достаточно гибкая служба. Во время «затишья» могла сработать любая из множества случайностей. Шеврон не был даже уверен, что сможет отыскать квартиру.

Двигаясь бесшумно, как кошка, он поднялся до седьмого этажа, перелез на узкий балкончик и стал двигаться к пожарной двери. Она оказалась запертой на замок. Короткая жгучая струя бластера выплавил язычок замка, и дверь вдруг против всяких пожарных правил безопасности распахнулась внутрь.

Он оказался в темном грязном коридоре с маячившим в дальнем конце мутным освещением. Он миновал выход на лестничную площадку и оказался перед пятью углубленными дверьми. Вдруг он вспомнил номер. Тридцать три. Это была последняя из трех дверей напротив лестницы.

Лавери, типичный представитель Средиземноморья, еще не совсем отошел от сна и, тяжело дыша, с трудом произнес:

— Не сейчас, Зуликха. Иди домой,— и тут же попытался наступать под подушкой лазер.

— Спокойней, ты, распутная свинья,— приказал Шеврон.— Что меня больше всего удивляет, так это то, что ты до сих пор еще жив.

— Шеврон. Марк Шеврон.

Это было произнесено с такой интонацией, которая не оставляла никаких сомнений, что Лавери еще совсем недавно слышал это имя.

— Он самый. Теперь слушай спокойно. Надвигается что-то, чего я не понимаю. Но для начала, ты должен выбросить из головы все, что тебе сообщил Вагенер.

— Это будет не так-то просто.

— Послушай, я мог бы запросто убить тебя, но мне необходима помощь. Ты сможешь обратиться к Вагенеру потом. По дороге я связался со штаб-квартирой. Они там не слишком уверены в нем.

— Ах, вот как?

— Я собираюсь поднять тебя. Не предпринимай ничего, пока не выслушаешь меня.

Было еще слишком преждевременно делать какие-либо окончательные выводы и связывать воедино разрозненные факты, но Лавери показал, что зарабатывал свое жалование не зря, задавая по ходу рассказа весьма разумные и обдуманные вопросы.

Наконец он сказал:

— Да, дела. От этого смердит за версту. Я пытался связаться с Куртом Глазманом, агентом в Палермо, но мне это ни разу не удалось. И никакого намека на то, куда он мог подеваться. Крысы бегут с тонущего корабля. Я помогу тебе, но вы очень рискуете. Может, не стоит влезать в это дело? Хватит уже испытывать судьбу.

— Этого от тебя не потребуется. Подготовь документы, но только быстро, и ты снова сможешь предаваться своим эротическим фантазиям.

— Это не фантазии, поверь мне. Этот аванпост уже рухнул.

— У тебя будет возможность передвинуть его немного вперед.

Лавери отсутствовал уже сорок три минуты, и Шеврон начал подумывать о том, что его красноречие было растрчено впустую, когда в коридоре раздался шум шагов, издаваемых явно не одним человеком. Он решил, что это были жандармы.

С бластером наизготовку Шеврон встал за дверью и стал ждать. Но это был всего лишь Лавери с арабом, закутанным в широкий балахон, перетянутый желтым поясом с изящной застежкой.

— Неосуществимое всегда занимает минимум времени,— сообщил Лавери,— но с условием полной боевой готовности. Вот билеты на восемь ноль ноль Т.С.Р. в Копенгаген. Вы — промышленник. Девушка — ваш секретарь. Вы посещали филиал — завод по производству точного нарезного инструмента. Точение, сверление, нарезание внутренней резьбы, бурение — все это в кратком изложении. Поможет вам сориентироваться в возможной беседе.

Африканец путешествует сам по себе. Он занимается торговлей репсом для упаковки продуктов. Багаж упакован в соответствии с легендой, на случай таможенной проверки. Я положил туда пачку скабрзных открыток, чтобы придать вам более симпатичный образ.

— Надеюсь, когда-нибудь я смогу ответить вам тем же.

— Надеюсь, такой необходимости не возникнет. Юсуф отвезет вас к вашим друзьям, а затем доставит к границе. Здесь парик для девушки и одежда для вас. Удачной охоты. Смотрите, не отморозьте свои конечности.

Шеврон на какое-то мгновение заколебался, и Лавери принял это без тени обиды.

— Я знаю. Я знаю, о чем ты думаешь. Что Юсуф может доставить тебя и друзей прямехонько в полицейский участок? Ты хочешь, чтобы я сопровождал вас?

Слишком много было такого, что не поддавалось учету, и Шеврон решил, что должен что-нибудь принять просто на веру.

— Все хорошо. Ладно. Но это при условии, что ему известно, что, если возникнут какие-либо проблемы, — он умрет первым.

Юсуф поручился за себя голосом, в котором не было и намек на восточный акцент.

— Не беспокойтесь, мистер Шеврон. Я понимаю. Все будет хорошо.

Когда они добрались до «Небесного кокона», светило уже перебралось на другую сторону города. Шеврон не терял времени даром. Ограниченный тесными рамками городского челнока, он придавал себе на вид обычного трансконтинентального пассажира с сезонным билетом в кармане. Краска для волос и специальный пергамент, натягивающий кожу, совершенно изменили его внешность.

Опустив челнок на стоянку у подъезда, Юсуф сказал с одобрением:

— Прекрасная работа, мистер Шеврон. Я не буду покупать у вас инструмент, но весьма возможно, что вы и в самом деле попытаетесь продать мне один или несколько.

Шеврон, не терпевший фамильярности, перебил его:

— Не выключай мотор. Я туда и назад.

Внутри его стали одолевать сомнения. «Небесный кокон» представлял собой лабиринт, образованный из развешанной кругом раскрашенной в разные цвета марли.

Перескакивающая с тональности на тональность странная музыка, звучащая повсюду, совершенно сбивала с толку. Все это, видимо, должно было обозначать покровы неизведанного, уносящего в необозримые просторы космоса.

Будто материализовавшись из воздуха, прямо перед ним воз-

никла обнаженная нубийка с бритой наголо головой — превосходный образец классических пропорций, с грудями, словно массивные клыки ягуара.

— Я ищу девушку, европейку с темными волосами.

— Ноэлли? Если бы она была здесь, я бы ее увидела.

Шеврон должен был признать, что вряд ли было правильным считать, что весь мир должен следовать ходу его мыслей.

— Нет. Посетительница. Она здесь с африканцем.

— О, идите в ту сторону. Они в баре.

Небольшое чревоподобное пространство в центре лабиринта было буквально забито извращенцами всех возрастов и оттенков. Исполнительница стриптиза заканчивала популярный здесь акробатический номер, усложняющийся последовательностью элементов, не вынимая зажженной сигареты изо рта. Когда Шеврон коснулся плеча Анны Рилей, она ответила так, словно произносила это уже не в первый раз:

— Ответ — нет. Убирайтесь.

Поколебавшись не более секунды, она отвернулась.

Шеврон сообщил:

— Это я, ваш товарищ по пустыне. Возьмите себя в руки и следуйте за мной.

Всю дорогу до челнока она молча выслушивала его объяснения. Взяв парик, она взвесила его в своей руке так, словно решала, надевать его или нет.

— Что такое? Ты не желаешь прожить остаток своей жизни в качестве блондинки?

— Нет, не то. Я только хочу понять — заслуживает ли это стольких усилий. За что мы боремся? Чем таким обладает Северное Полушарие, что мы должны сражаться за него?

— У него есть свобода.

— Свобода убивать и посещать места, подобные этому?

— Ты устала и смотришь на все с пессимизмом. У тебя была стоящая работа в Аккре. Ты сама должна решить, что тебе делать дальше. Только не обманывайся пеной на поверхности стакана.

Настойчивый голос Закайо прервал их:

— Посетители. У входа. Только что прибыли.

Длинный красный челнок гражданской караульной службы пришвартовался к подъезду. Юсуф включил двигатель, и они поднялись с огороженной территории в тот самый момент, когда цепочка охранников уже рассыпалась вокруг стоянки, готовясь к облаве.

Юсуф сказал:

— Можете рассчитывать на молчание. Никто здесь не пророчит лишнего слова. Но чем скорее вы окажетесь на месте, тем будет лучше для вас.

Для Анны Рилей зеленые и голубые пространства Рейкьявика с его правильными рядами маленьких белых домиков показались такими же нереальными, как и картинка на открытке. Смена впечатлений происходила слишком быстро для того, чтобы было время успеть все это переварить. Разумом она понимала, что перед ее взором пронеслась четверть земного шара, но это, скорее всего, могло пригодиться лишь для лекции о путешествиях с показом диапозитивов для кого-нибудь другого.

Она наспех поела и немного вздремнула. Картина, которая открывалась их взору, была поистине фантастична. Через всю Европу протянулись шельфовые льды, готовые выпустить свои языки за пределы Гренландии.

Рейкьявик оставался лишь небольшим оазисом, находящимся в осаде и сдерживающим угрожающий поглотить его белый поток четырьмя башенными реакторами по периметру.

Шеврон прервал ее размышления.

— Все в порядке. С Полярным комплексом налажено постоянное сообщение. Перевозка грузов, смена персонала — все проходит через Рейкьявик. Нет проблем. Всегда есть свободные места — я узнавал.

Теперь, когда цель была близка, Анна смотрела на задачу как на неразрешимую.

— Но что ты можешь сделать? Если бы это было так просто, это уже было бы сделано кем-то другим. Ты видел, что у них тут за погода. Они должны были провести расследование на правительственном уровне и убедиться, что на станции делали все возможное.

— Все равно, не могу не согласиться с тобой. Но там есть нечто, не вписывающееся в общую картину. Ты останешься в Рейкьявике, снимешь номер в гостинице, где сможешь с пользой провести время — почитать хорошую книгу или заняться вязанием свитера.

— Уж если я зашла так далеко, то пойду до конца.

Управляющий оказался совершенно прав. Все оказалось достаточно просто. Никто не чинил никаких препятствий в проезде, не считая формальной проверки документов и звонка в комплекс, чтобы сообщить об их прибытии.

Бесцветный диск солнца скудно освещал окружающий ландшафт, а когда служебный челнок пошел на посадку, вдоль посадочной полосы Полярного Научного Комплекса зажглись огни. В тени, отбрасываемой огромным, напоминающим по форме сердце горбылем горы можно было различить несколько надземных сооружений. Два ручейка красных огней, теряясь в полутьме и завихрениях мелкого колючего снега, сбегали к подземному городу, построенному в вечной мерзлоте.

В смысле безопасности это место поистине было божьим даром. Здесь был только один вход. Скорее всего, он являлся и единственным выходом, и организация предпочла, видимо, использовать каприз природы, чтобы скрыть его, не создавая ненужной шумихи, которая непременно бы последовала, запрети они посещение комплекса любопытствующей публикой.

Это место поистине было настоящей находкой для потенциального самоубийцы. Короткая прогулка к стоящему в отдалении приземистому блоку лишь подтвердила это. Решившемуся свести счеты с жизнью достаточно было только выйти наружу, и через несколько часов медицинская бригада выкапывала бы для него могилу с помощью горячей струи из брандспойта.

У конторки клерк-андроид пристально изучил визы, выданные им в Рейкьявике, и выбрал подходящее случаю приветствие.

— Гостям будет предоставлено жилье в блоке Н на третьем уровне. Возьмите, пожалуйста, по экземпляру руководства. Правилам необходимо следовать точно. Это для вашей же собственной защиты. Справочное находится на третьем уровне. Там вы сможете узнать, как добраться до департамента, если у вас возникнет такая необходимость. В случае каких-либо затруднений вам следует обратиться по внутреннему видео в приемную Городской Управы. Канал ТС 001. Багаж вам доставят.

На третьем уровне в круглом вестибюле, выполненном в приятных пастельных тонах, что, по-видимому, успокаивающе действовало на ум и настроение долгосрочных мучеников, Шеврон увидел свое имя в приказе, только что напечатанном. Рядом список расположения различных служб, с указанием направлений и расстояний. Здесь располагались общежитие постоянных резидентов, зал отдыха, различные клубы, театры, отель для транзитных пассажиров, рестораны и крытый бассейн с подогревом. Кроме того, здесь располагался медицинский центр с традиционным названием: «Главный госпиталь. Яманак».

Шеврон тихо заметил:

— В таком случае, это то, что мы ищем. Самое сердце предприятия. Ненадолго заглянем в общежитие и отправимся в центр. Теперь наше судно отдано на волю волн, и дойдет ли оно до места назначения — предугадать невозможно.

В данном случае им оставалось лишь точно придерживаться правил, перечисленных в инструкции. Первый пункт, выполненный красным шрифтом, гласил: «Все посетители, регистрирующиеся в отеле «Полуночное Солнце», обязаны представить справку медцентра. Комплекс стерилирует, и все резиденты, живущие здесь достаточно долго, теряют иммунитет. У всех посетителей должны быть вовремя сделанные прививки».

Видно было, что дизайнеры поработали здесь на славу. Перспек-

тива тщательно подобранных сменяющихся тонов позволяла взору вырваться за пределы его ограниченной тесными рамками тюрьмы. Полупрозрачные области давали ощущение почти космического пространства. Нужно было отдать дань человеческой изобретательности, сумевший приспособиться в чуждой окружающей среде. Однорельсовый челнок доставил их из отеля к «Дженерал Ямачак» почти по полукилометровому туннелю ослепительно белого снега. Дежурный клерк, подтянутый рыжеволосый мужчина, проводил их в приемную и вызвал дежурного врача.

Ждать пришлось около пяти минут. Наконец в приемной появилась некая личность высокого роста, одетая в белый халат, из-под которого торчали широкие брюки. Обрамленное седыми волосами лицо выглядело неестественно молодым. Флажок на лацкане указывал, что перед ними — доктор Фабиола Дент. Весьма недовольная тем, что ее оторвали от дела.

Она торопливо прошла в кабинет, прикрыла дверь и проговорила в интерком неприятным скрежещущим голосом:

— Входите по-одному. Сначала женщина.

Анна Рилей пояснила:

— Она — биомех. Я хорошо знаю этот тип. Все железки спрятаны под этой надежно защищенной кожей. Может существовать около ста лет.

Независимо от возраста, доктор Дент оказалась достаточно проворной. Анна Рилей появилась в приемной ровно через три минуты с зажатым в руке пропуском и в явном замешательстве.

— Я показала ей свою медицинскую карточку, где отмечены все прививки, сделанные полностью в соответствии с установленными сроками, но она все же настаивала на дополнительной. Я согласилась.

Закайо, вызванный следующим, задержался у двери.

— Мне это не нравится. К чему бы ей настаивать на этом?

— Просто чтобы не оставлять камня на камне. Это у них в «крови». Обычно они занимаются с прибывающими и отбывающими посетителями. Успокойся.

— Надеюсь, ты права.

Когда Закайо вышел из кабинета, вид у него был все еще обеспокоенный.

— У нее уже был приготовлен заряд в пистолете для прививок. Чрезвычайно меткий снайпер — едва приподняла его и пальнула поверх стола. — Он потерял левое плечо в том месте, куда угодил заряд. — Ничего не чувствую. У нее тут, видимо, хорошая практика. Пожалуй, я вернусь в гостиницу и подожду вас там.

— Годится. Ты пойдешь с ним, Анна, а я подойду, как только закончу здесь.

Шеврон ожидал сопротивления, но Анна вдруг стала необыкновенно послушной и последовала за Закайо.

Прозвучавший раздраженным тоном следующий вызов заставил Шеврона направиться в кабинет. По дороге он прихватил с журнального столика продолговатую пластинку с надписью «Не курить» и засунул ее под рубашку с левой стороны.

Холодные голубые глаза в упор смотрели на него по ту сторону письменного стола. При ближайшем рассмотрении Фабиола Дент выглядела скорее как андроид, нежели как человек. Скорее всего, все эмоции были удалены вместе с ее другими ненадежными органами. Интуиция у Закайо работала безошибочно.

Доктор проговорила:

— Мы здесь должны быть абсолютно уверены. Если вспыхнет эпидемия, то она может уничтожить весь персонал. Это очень опасно.

Пистолет поднялся почти небрежно, но прицел оказался точным. Существа, подобные Фабиоле Дент, были последовательны в своих привычках: раз выбрав для себя мишень, она уже не могла отступить от привычной схемы поведения. Шеврон почувствовал, как заряд с глухим стуком ударился о пластинку, и слабым голосом произнес:

— Вы не оставляете за мной никакого права выбора. Как это? Я мог оказаться аллергиком.

Ее глаза оставались безучастными.

— Вы сами, по собственному решению приехали сюда, значит, обязаны следовать нашим правилам, диктуемым необходимостью.

— Могу я увидеть доктора Ормана?

— Вы знакомы с доктором Орманом?

— У меня есть сообщение для него. От старой знакомой. Доктора Честер.

Даже биомех не мог совершенно избавиться от биологического наследства. Глаза доктора непроизвольно блеснули, но она довольно быстро справилась с собой.

— Подождите в отеле. Я переговорю с ним. Но не могу гарантировать, что он захочет встретиться с вами. Он весьма занятой человек.

* * *

Шеврон принял душ, завернулся в полосатое полотенце и, закулив сигарету, принялся мерить шагами комнату. Дверь, соединяющая номер Шеврона с номером Закайо, оказалась запертой, и он постучал в нее.

— Зак? Я зайду за Анной, и мы будем ждать тебя в баре минут через пять. О'кей?

Ответа не последовало.

Шеврон неторопливо оделся, отдавая должное комфортабельности номера. Такая комната, прекрасно обставленная, могла находиться в любом шикарном отеле любого города. Казалось совершенно нелепым запихивать бластер за пояс брюк в таком месте. Одевшись, он вышел, испытывая теперь лишь спокойствие и уверенность.

В коридоре Шеврон коснулся двери Закайо. Она оказалась не запертой, и он вошел. Африканца нигде не было видно, но из ванной доносился шум воды.

Шеврон остановился на пороге ванной комнаты.

— Зак?

Ответа снова не последовало, а темная тень на перегородке из матового стекла оставалась неподвижной.

Внутри было так тесно, что он не мог даже упасть. В груди у него торчала рукоять длинного ножа. Вода вокруг была все еще кроваво-красного цвета. Горечь и ненависть переполнили душу Шеврона. Он оказался Ионой * — Ионой всех времен. Он протащил их за собой через полземного шара как ненужную и бесполезную жертву. У доктора Фабиолы Дент, должно быть, все внутренности громко задребезжали от гомерического хохота.

А что с Анной? У нее не было под рукой ножа, но для такой сообразительной девушки не могло быть недостатка в способах.

Шеврон бросился в конец коридора и толкнул дверь. Она была заперта. Шеврон пустил в ход бластер, выжег замок и ворвался внутрь.

Анна лежала на кровати лицом вниз, совершенно неподвижная, нагая — словно изваяние. Лойз оказалась совершенно права — ее спина выглядела так, словно ее истязали с необыкновенной жестокостью.

10

Стаффорд закончил хорошо продуманный рассказ и взглянул на лица трех сидящих напротив него людей, чтобы узнать, какое впечатление он произвел. Учащенное дыхание слева убедило его, что история произвела эффект разорвавшейся бомбы лишь у Раквелл Канлайф, но в усталых голубых глазах Спецуполномоченного Внутренней Безопасности не было заметно оживления.

Он побарабанил по своему письменному столу узловатыми пальцами и спросил:

— Вы готовы для допроса на электронике?

* Библейский пророк. Здесь — в значении «человека, приносящего несчастье».

— Да.

— То, что вы рассказали, может иметь очень серьезные последствия. Это может означать, что инфильтрация зашла слишком далеко. Что касается меня — я склонен верить вам. Надеюсь, вы понимаете, весьма маловероятно, что мы сможем спасти вашего Контролера? При первой же опасности они убьют его и избавятся от трупа.

— Я смог добраться туда, Спецуполномоченный. Если Вагенера все еще держат там, то это может быть под силу и небольшой специально созданной команде. Дайте мне полномочия. Я возьму троих из спецперсонала и попытаюсь. Ситуацию уже нельзя ухудшить. Если мы сможем забрать Вагенера оттуда живым, у него наверняка будет для нас ценная информация.

— Не надо так спешить, молодой человек, — охладил его пыл Спецуполномоченный и нажал кнопку. Вошел охранник. — Подождите снаружи. Мы вас вызовем. Поверьте, я понимаю всю срочность ситуации, но опрометчивые действия могут принести больше вреда, чем пользы. Имейте терпение.

Они ожидали пятнадцать минут, судя по диску времени в мочке уха Раквелл. Затем Стаффорд был вызван обратно, один, к ее величайшему негодованию.

Приняв решение, Спецуполномоченный был краток:

— Ваше сообщение заслуживает внимания. Так же, как и ваш предварительный план. Прежде чем вы уйдете отсюда, отделение Особых Операций будет блокировано и повсюду расставлена наша охрана. На этом этапе невозможно предугадать, насколько охранное подразделение при медцентре может быть вовлечено в заговор. Номинально они находятся в ведении Западного Военного округа. Старший офицер штаба нанесет визит с очередной проверкой в тот самый момент, когда вы попытаетесь добраться до Вагенера. У вас будет не больше часа на всю операцию, а затем весь личный состав будет подвергнут тщательной проверке. Желаю удачи.

По одному, с небольшими интервалами, группа Стаффорда собралась в светлом фойе медцентра. У одного из них была загипсована спина, а другие со всей любезностью пропустили его в лифт первым. Это трогательное зрелище могло лишний раз подтвердить, что солидарность между людьми не утрачена полностью.

Оказавшись внутри, «больной» сбросил с себя гипсовую повязку, извлек из нее вмонтированные туда детали легкого ручного карабина и быстро собрал его.

Стаффорд откинул крышку люка в потолке и поднялся на крышу кабины. Когда она остановилась на двадцать первом этаже, Стаффорд ухватился за поручни лестницы и перемаялся на нее. Не дожидаясь, когда подтянутся остальные, он влез в узкое отверстие вентиляционной шахты и начал продвигаться вперед.

Продвижение по знакомому маршруту сэкономило время и силы.

Стаффорд подумал, что если бы он проделывал это ежедневно, то мог бы установить международный рекорд по ползанию в вентиляционной шахте. Когда последний человек влез в ствол шахты, он уже смотрел вниз, на Генри Вагенера, так, словно никуда и не уходил.

Обзор был ограничен. Из комнаты внизу не доносилось ни звука. Глаза у Вагенера были закрыты. Он мог спать, а мог быть и мертвым. С левой стороны виднелись плечо и рука сидящей фигуры.

Вагенера все еще опутывала сеть проводов, и наблюдателю требовалось не больше нескольких секунд, чтобы нажать на кнопку и замкнуть схему. Все зависело от реакции.

Методично, одну за другой Стаффорд начал отвинчивать барашковые гайки, удерживающие решетки. Затем он зацепился ногами за плечи находящегося позади него мужчины, который тут же крепко обхватил их. Теперь Стаффорд приступил к плану, который заранее разработал и вы зубрил наизусть так, что он отпечатался у него в голове, словно выравненный кислотой. Отпихнув левой рукой решетку, правой рукой, головой и плечами он в то же время нырнул в образовавшееся отверстие.

Чтобы оценить обстановку, ему потребовалось не более секунды. Комната оказалась гораздо меньше, чем он представлял. Кроме Вагенера, в ней находились еще два человека, оба весьма близко. Женщина сидела около кровати, а мужчина — около двери, спиной к ней. На коленях у него лежал карабин.

Внезапность появления Стаффорда сработала на него. Женщина, прежде чем потянуться к пульту, бросила взгляд вверх — посмотреть, что происходит у нее над головой.

Ее рот приоткрылся, обнажив ряд ровных белых зубов; золотисто-каштановые волосы, откиннутые с лица, открыли глаза — словно драгоценные камни на дне источника. Удивление появилось и застыло в них, когда крошечная точка появилась между ними, а Стаффорд уже поворачивался к следующей мишени.

Мужчина еще пытался исправить положение. Он поднял карабин и нажал на курок, но в этот же момент луч лазера тонкой сияющей нитью обвил его шею. Мужчина упал вперед, прямо на ноги Вагенера.

Увидев фигуры, материализовавшиеся словно из воздуха, Генри Вагенер несколько не удивился, глубоко вздохнул и снова закрыл глаза — галлюцинации продолжались, в конце концов завладев им окончательно.

Даже когда Стаффорд осторожно стащил с него шлем, а Фоден, его компаньон, освободил запястья, Вагенер все еще не был уверен, что все это происходит в действительности. Поначалу ему было трудно сориентироваться и следовать молчаливым знакам, но он делал все возможное. В его нынешнем плачевном положении на-

ступили изменения — а любые перемены могли быть только к лучшему.

Когда его тащили вдоль главной магистрали — Фоден впереди, двигаясь спиной и направляя его голову, а Стаффорд подталкивал сзади, он подумал, что даже для специальной агентурной группы эта работа оказалась бы достаточно сложной. Ему просто очень повезло.

По мере продвижения росла уверенность в успешном завершении операции. Наконец, с забинтованной головой и прихрамывая, Вагенер пересек фойе и направился к ожидавшему их челноку. Когда он заговорил, в его голосе слышались прежние повелительные интонации.

— Прекрасно, Стаффорд. Внесите меня. Что нового в отделении?

В операторской Раквелл Канлайф сообщила:

— Я не смогла соединиться с Вагенером. Простите, Контролер, — с поддельным Вагенером. Я знаю, он у себя. Он ответил на телефонный звонок примерно две минуты назад, а теперь молчит.

Вагенер, все еще нетвердо держась на ногах, произнес:

— Я позаимствую у вас лазер, Стаффорд. Это я хочу сделать сам.

Он направился через приемную к своей собственной двери, заставляя себя идти прямо. Когда дверь откатилась в сторону, двойник был все еще на ногах, но видения гасиенды в окрестностях Сао-Симао быстро блекли.

— Слишком поздно, джентльмены, — проговорил он и упал плашмя на ковровую дорожку кабинета.

* * *

Гнев ударил в голову Марку Шеврону, кровавой пеленой затопил мысли и чувства. Это был последний и самый жестокий поворот в последовательности событий, которые начались для него, когда лазер Паулы вспорол его грудную клетку. Но теперь его ярость была направлена только на себя самого. Это повторилось снова, но на этот раз он сам был палачом.

Точеные, покрытые смертельной бледностью, словно алебастровые, плечи под его руками оказались теплыми. Анна не была мертва, вернее, еще не была мертва.

Шеврон перевернул ее. Ее лицо было маской страдания. Словно она беззвучно плакала, запертая в своем собственном мире, мире ужаса и боли: широко раскрытые, блуждающие глаза не видели его. Шеврон попытался пробиться к ней:

— Анна. Послушай меня. Приди в себя!

Он тряс ее, словно тряпичную куклу, потом приподнял ее голову и приблизил вплотную к своему лицу. Вкладывая в слова всю силу чувств и страстность, накопившиеся в нем, Шеврон заговорил:

— Послушай. Это не ты. С тобой ничего не должно случиться. Они добавили какой-то вирус в эту прививку. Ты неправильно оцениваешь ситуацию. Ты можешь справиться с этим. Невозможно, чтобы какой-то грамм химической ерунды справился с тобой. Ты должна знать какие-нибудь технические приемы, чтобы справиться с этим.

Казалось, она слушала, но Шеврон не был уверен, что до нее доходил смысл сказанного. Он уронил ее голову обратно на подушку и поднял руку, намереваясь дать ей пощечину, помня о шоковом лечении истерии.

Внезапно ее глаза приобрели осмысленное выражение. Она обрела личность и прекрасно сознавала, что имеет совсем неподходящий вид для приема гостей. Происшедшие события не прошли для нее даром, теперь она была личностью, имеющей свою собственную точку зрения, отстаивание которой может быть более важным делом, чем любая миссия или вендетта.

Руки Шеврона опустились на подушку, обхватив ее голову. Это было мгновенным порывом, где личные привязанности были главными. Вопреки жизненному опыту, вопреки «промыванию мозгов» какой бы то ни было системой. И вам следует исходить только из этого и строить от этого камня. Если какие-либо другие обязательства мешают этому — они должны быть отброшены. Поэтому он мог находиться рядом с ней и смотреть на нее столько, сколько возможно.

Анна уже почти пришла в себя и проговорила:

— Нет, Марк. Я понимаю. Делай то, что ты должен сделать. Сейчас я буду в полном порядке.

После долгих скитаний Шеврон наконец решил, что он достиг своей Итаки. Наклонив голову, он слегка коснулся ее приоткрытых губ своими губами. Они были мягкими, прохладными и слегка солеными. Очень медленно ее руки приподнялись и коснулись его затылка. Раскрытые пальцы ее зарылись в его волосы.

Это было полное забвение, панацея от всех бед. В старинной мудрости, гласившей, что Эрос — это жизнь, был смысл. Когда у тебя появляется камень, ты обязан в конце концов заложить фундамент и построить дом. Вместе с Шопенгауэром он вдруг понял, что жизнь можно осмыслить, оглянувшись лишь назад, но прожита она может быть только вперед. Это был их собственный мир, и если бы Шеврон знал, как его сберечь, все остальное для него уже не имело бы значения — вся двусмысленность его положения и перенесенные невзгоды.

Он коснулся губами ее подбородка, затем двинулся вдоль плав-

ного изгиба ее шеи к теплой впадине между грудей, остановился, коснувшись распятия, и сказал, будто сам верил в то, что это могло быть правдой:

— Запомни, где я остановился. Мне необходимо поговорить с Орманом. Не уходи. Я скоро вернусь.

Прежде чем она смогла что-нибудь ответить, Шеврон отпрянул от нее и оказался уже на расстоянии двух метров.

— Тебе нужно размяться. Прогуляйся, поболтай о том, о сем с местным населением. Я думаю, что это был быстродействующий ингредиент и самое плохое уже позади.

Уже у самого люка он вдруг сказал:

— Будь осторожна. Я люблю тебя.

Эта старинная формула прозвучала странно для его собственных ушей, но Шеврон воспользовался ей без раздумий, как парфянин своей стрелой.

Он услышал, как Анна шевельнулась и заговорила:

— Марк, подожди меня.

Но он уже был внизу, на аллее, боясь, что решимость изменит ему и он не устоит перед какими-нибудь доводами.

В челноке, направляющемся в «Яманак Джeneral», Шеврон проверил свой бластер. Обойма оказалась наполовину пустой. Если тщательно экономить, то этого вполне хватит на семь смертельных зарядов. Один уйдет на Фабиолу Дент. Но она может доставить его к Орману. В этом случае ему придется придумывать на ходу. Вероятнее всего, Южное Полушарие проникло во все структуры комплекса. И ему придется с величайшей осторожностью, очень тщательно выбирать свою мишень.

В приемной сидела та же самая секретарша. Увидев Шеврона, она очень удивилась. Удивление ее резко возросло, когда он, упершись обеими руками в ее стол, приказал:

— Сделайте так, чтобы эта доктор Дент с жестяными кишками появилась здесь, и поживее.

Реакция на его слова была враждебной, но без какой-либо доли вины. Шеврон сделал вывод, что девушка не принадлежала к их команде.

— Чего вы хотите? Вы уже прошли очистку. Доктор Дент — чрезвычайно занятая женщина.

— Все будет о'кей. Она не станет возражать против этого. Только вызовите ее, и сделайте это безотлагательно.

— Ей это не понравится.

В голосе Шеврона слышалась еле сдерживаемая ярость, бушевавшая в нем:

— Если вы не оторветесь от своего занятия и не сделаете этого, то я вам не позавидую. Вам нужно сказать только, что на очистку пришел следующий посетитель. Только это, и ничего больше.

Поддавшись на уговоры, девушка набрала код на панели интеркома и вызвала доктора Дент.

— Отлично. И как долго она будет копать?

— Она придет прямо сейчас.

— Прервитесь ненадолго. Можете выпить чашечку кофе. Это будет в высшей степени конфиденциальная беседа.

— Кто вы?

Шеврон достал свой коммуникатор и показал печать.

— «Национальная Безопасность». Скажете хоть одно слово в вашем баре, и я заберу вас с собой для допроса.

Когда она ушла, Шеврон прошел в кабинет и осторожно обошел вокруг письменного стола.

Смотреть особенно было не на что. В верхнем выдвижном ящике стола на стерильной подкладке лежал пистолет для инъекций, оказавшийся пустым. Особые заряды обычно не разбрасывают где попало. Здесь были только ампулы с обычной сывороткой, аккуратно надписанные и готовые к употреблению. Применяя особую смертоносную вакцину так откровенно, как это делали они, агенты Южного Полушария должны были столкнуться с проблемой снабжения.

Бьюкз. Вот, возможно, в чем заключалось его участие в этом деле. Имея свободный доступ в любое правительственное учреждение, Бьюкз оказывался наиболее подходящим для этого. Было бы неплохо иметь хотя бы один заряд прямо сейчас, хотя, пожалуй, уже слишком поздно.

Торопливые шаги доктора Дент внезапно смолкли у самой двери. Она вошла в кабинет. Когда она поняла, кто был ее посетителем, Дент резко развернулась и бросилась к выходу.

Шеврон одним прыжком настиг ее, отбросил в сторону и закрыл дверь. Бластер неотвратимо целился прямо ей в лоб.

— Я верю, что механическое чудо сможет работать и без какого-нибудь винтика там или здесь,— благоразумно заметил Шеврон,— но, держу пари, что на этот раз вы лишитесь своих мозгов.

Глаза доктора остались безучастными, но она затихла. Шеврон попал в самую точку.

— Что вы хотите?

— Национальная Безопасность. Игра окончена. Расскажите мне об операции «Яманак».

— Выясните сами.

— Я выясню. Непременно выясню.

Шеврон поставил ее около стены позади письменного стола и выдвинул верхний ящик. Одной рукой держа бластер, другой он достал шприц-пистолет и открыл затвор. Затем он внимательно оглядел аккуратные полки амбулаторного шкафчика и выбрал банку с уксусной кислотой. Выдвигая поршень, он заполнил резервуар и защелкнул затвор.

— Я собираюсь начать вот от этого воротника и дальше, по кругу.

— Это ничего не даст вам.

— Это все слова. Что касается меня, то я совершенно уверен, что это ничего не даст вам вообще.

Затянувшиеся мгновения жизни сделали ее восприимчивой к физической стороне существования. К тому же она обладала способностью проникать в наиболее сильные, владеющие в данный момент человеком мысли. Это была совершенная правда. Он был готов сделать это. И даже страстно желал этого.

— Вы слишком опоздали для того, чтобы остановить операцию. Возврат льдов свидетельствует о том, что все Северное Полушарие будет опустошено. За этим последует объединение всей планеты под нашим руководством. Это наиболее грандиозный проект в социологической инженерии, который когда-либо был задуман и осуществлен.

— Доставьте меня к Орману.

Ее глаза не были достаточно безжизненными, и ей не удалось скрыть промелькнувшее в них облегчение. Шеврон понял, что она сделает это, и понял, что у нее наверняка имелась возможность предупредить остальных и навести их на его след. Она могла, к примеру, воспользоваться киберной или еще чем-нибудь. Ее микросхема могла предусматривать различного рода механизмы связи.

— Снимайте китель,— приказал Шеврон, уже зная, что окажется прав.

Одно сильное чувство все еще бродило в этой металлической конструкции. Это была ненависть, ненависть, возведенная в крайнюю степень. Но она подчинилась.

— Теперь блузку.

Ниже шеи это была сморщенная старая карга с ведьмовского шабаша. Пародия на человеческую фигуру, вводящая в заблуждение своим моложавым лицом. Она была здесь — легкая упряжь с плоским пультом и мембраной микрофона, укрепленной у основания горла.

Подавив дрожь отвращения, Шеврон отстегнул ее и бросил на стол. Затем бесстрастно сказал:

— Наденьте только китель. Ночь достаточно теплая. Помните, что я прямо позади вас и первый выстрел — вам.

Путь был открыт. Они покинули выложенные белым кафелем коридоры и вышли на административную территорию: длинные галереи с ворсистыми коврами и скульптурами, подсвеченные картины в тяжелых позолоченных рамах. Это было в равной степени нелепо, как обнаружить гостиную на дне озера. Очевидно, некий руководящий чин в долгой истории Полярного Комплекса задумал все это как проконсульский дорогостоящий каприз. Кроме того,

все руководящие должностные офицеры комплекса обеспечивались личной свитой.

На роскошной наружной двери кабинета Ормана светилась надпись: «Главный медик, доктор Франц Орман».

Ее открыла медицинская сестра римского типа в накрахмаленном полном обещаний нагруднике и комичной шапочке над острым личиком. Особой проницательности не требовалось, чтобы догадаться, какие возлагались на нее особые обязанности. В приемной находился еще один ухоженный цветочек. Видимо, Орман устроил у себя тут клуб кошечек-костоправов.

Доктор Дент, будучи привилегированным посетителем, проговорила:

— Я должна видеть доктора Ормана, Рита. По неотложному делу.

— Он в рабочем кабинете, доктор. Мне вызвать его или вы пройдете сами?

Шеврон ответил за нее:

— Это конфиденциальное дело. Мы пройдем к нему.

Фабиола Дент коротко кивнула в знак согласия.

Рита привела в действие пульт на стене, и одна из секций обшивки из мореного дуба бесшумно откатилась в сторону. За ней оказался короткий коридор с приглушенным розовым освещением и заграждение из матового стекла, которое поднялось, словно решетка крепостных ворот, и опустилось за ними, когда они вошли.

Они оказались в начале большой длинной комнаты. Орман находился немного справа, в стороне от сквозняка, в конце десятиметровой дорожки ковра темно-синего цвета. Он сидел за письменным столом в углу, частично отгороженным от остальной части комнаты перегородкой из бледно-желтых реек. Орман оказался грузным человеком с толстой бледной шеей, выпирающей поверх стоячего воротника его белого мундира. Широкое мясистое лицо повернулось и уставилось на них. Пухлая белая рука с пучками густых волос над костяшками легла на его правое бедро.

Вкрадчивый масляный голос зазвучал вполне учтиво, но интонация не оставляла никаких сомнений в том, что он был совершенно против того, чтобы его беспокоили в свободное время.

— Доктор Дент, рад видеть вас в любое время. Мне кажется, я не знаю этого молодого человека.

— Это тот самый человек, о котором я вам докладывала. Он утверждает, что имеет для вас сообщение от доктора Честер.

Реакция Ормана была быстрой, но не вполне достаточной. Рука, не теряемая Шевроном из вида, оказалась в сантиметре от скрытой столом коленной чашечки, когда Шеврон выстрелил один раз, экономя заряд. На запястье, как раз под манжетой Ормана, мгновенно разошлись кровавые язвы.

Фабиола Дент, увидев, что внимание Шеврона на время отвлечено от нее, бросилась к двери, находящейся в углу за перегородкой. Но Шеврон пустил в ход остатки заряда и рассек пополам ее затылок.

Он не стал дожидаться, чтобы посмотреть, как она упадет, — Орман был уже на своих кибернетических ногах и с грохотом пересекал пространство кабинета. Для человека его комплекции скорость была жуткой. Но неожиданно Шеврон, словно резко наведенный стоп-кадр, увидел полную картину происходившего. Это был финал, кульминация, расплата за Полдано, Закайо и даже за Паулу и какой-то шанс на будущее для Анны Рилей. Он не стал «большим» человеком, но инструментом, и при этом инструментом разрушения.

Шеврон отбросил бластер и освободил обе руки, чтобы помочь «реактивному» директору на его взлетной дорожке. Орман оторвался и взлетел по низкой траектории вдоль голубого ковра, а затем приземлился с таким грохотом, который мог оказаться разрушительным для любой современной квартиры.

Шеврон лишь на секунду позже спикировал на его пневматический посадочный мат и захватил его шею в замок, прежде чем доктор успел вскочить на ноги.

Бычья шея отклонилась немного назад, словно рычаг, но Шеврон удержал ее, скользкую от пота.

Убеденный, что его смерть близка, Орман прохрипел:

— Подожди.

— Я ждал достаточно долго. У операции «Яманак» одним оператором будет меньше.

Отвечавший оказался неуступчивым, но Орман не собирался сдаваться — у него был основательный повод действовать.

— Убив меня, вы не поможете себе. Вы слишком опоздали, чтобы изменить что-либо!

— Объясните мне одну вещь без увиливаний. Как так случилось, что стабилизатор не удерживает Северную ледовую шапку в устойчивом состоянии?

— После того как началось развитие на Юге, нагрузка слишком возросла. К тому же, мы позаботились о том, чтобы реакторы здесь, в Полярном Комплексе, не работали на полную мощность.

— Это было бы заметно.

Ответа не последовало, и Шеврон немного сдвинул шею доктора. Лицо Ормана приобрело приятный пурпурный оттенок, и он выдавил:

— Показания контрольных приборов были переведены на двадцать процентов выше истинных показаний.

— Кем?

— Технический директор — один из моих людей.

Шеврон понимал, что вынужден уничтожить ценное имущество,

но он не мог позволить себе оставить Ормана, действующего у него за спиной. Он хладнокровно сжал руки изо всей силы, пока не услышал сухой щелчок и тело не затихло.

Шеврон с трудом перевел дыхание и подобрал бластер. Но когда он снова взглянул на Ормана, тот двигался. Приготовившись стрелять, он увидел, как правая рука согнулась в бедре и начала раскачиваться до тех пор, пока тело не выровнялось и не повисло на ней, словно куль. Затем раздался вой сирены. Это подтверждало, что ее хозяин полностью вышел из строя.

Первой в проеме показалась Рита, вытаскивая из-за нагрудника бластер в виде луковицы.

Сберегая остатки огневой мощности, Шеврон ткнул стволом прямо ей в шею сбоку и увернулся в тот момент, когда ее по инерции продолжало тащить вперед. С разбегу она налетела на передвигающийся живой куль, и нога, продемонстрировав свою универсальность, отскочила в сторону для того, чтобы удержать свой груз в равновесии, не прекращая при этом своего пронзительного воя.

Шеврон по-спринтерски достиг выхода и рванул на себя дверь в тот момент, когда приемная начала заполняться. Когда он почти захлопнул ее за собой, кто-то, очень скорый на руку, опорожнил обойму в закрывающуюся панель двери, и отскочившая острая щепка тонким языком лизнула левое плечо Шеврона.

Сдерживаемая дверью мощь этого заряда спибила Шеврона с ног, но он быстро поднялся и тяжело побежал по галерее.

В коридоре, ведущем к «Яманак Дженерал», Шеврон почувствовал, что начинает выдыхаться. Он нагнал медицинскую сестру, крепкую малайку, везущую раздаточную тележку, и, обхватив ее за талию здоровой рукой, присоединился к ней, встав на узкую подножку тележки.

Будучи девушкой живой и восприимчивой, гордившейся тем, что все повороты судьбы оставляли ее невозмутимой, она проговорила:

— Пункт перевязки расположен у входа, — и прибавила скорость.

— Так и держи. Все, в чем я нуждаюсь, это — веселое заведение и слинг*.

— В чем вы нуждаетесь наверняка, так это в успокоительном и постели.

В несовершенном мире праведный всегда страдает от несправедного. Шеврон сбросил ее ногу с педали активатора и без обиняков прорычал:

— Будете делать то, что я скажу. Где перевязочный пакет? Тележка остановилась. Девушка открыла боковую дверцу, поща-

* Слинг — напиток из рома, коньяка и тому подобного с лимонным соком, водой и сахаром.

рила на лотке и вынула кусок марли и повязку в виде косынки.

Шеврон содрал рубашку, и ее быстрый подавленный вздох не послужил поддержкой его морального духа. Но она быстро и умело справилась со своей работой.

— Теперь я привезу доктора, чтобы он убедил вас.

Но Шеврон уже вскочил на тележку, оставив ее стоять с открытым ртом. Запоздало она выдернула серебряный свисток из своего нагрудника, и его пронзительный свист совпал с появлением отряда преследователей в дальнем конце коридора.

Шеврон находился метрах в пятидесяти от них. С тележки, раскачивающейся на своем узком основании и несущейся с огромной скоростью, во все стороны разлеталась стеклянная утварь. Шеврон с грохотом затормозил, прыгнул с тележки и побежал через офис покойной Фабиолы Дент. У входа все еще дожидался его возвращения авточелнок. Шеврон вскочил в кресло пилота.

По схеме, расположенной на пульте управления, Шеврон отыскал участок монорельсовой дороги, где располагалась установка тепловой стабилизации. Он нашел соответствующую кнопку и выжал ее до упора. Челнок рванул с места, вдавив Шеврона изо всей силы в упругую спинку сиденья.

В конце концов куда-то он должен был сообщить о случившемся. Кто-нибудь должен был знать, что скрывается за происшедшими в последнее время событиями, кто-нибудь должен был взять это на себя, когда он вынужден будет остановиться. Шеврон щелкнул коммуникатором и проговорил:

— Шеврон.

Ему ответила Раквелл Канлайф.

— Где вы находитесь?

— Это не имеет значения. Выслушайте и передайте как можно дальше. Южное Полушарие вызвало волнение льдов. Неважно, каким образом, но существует опасность накрыть ими большую часть Европы еще до того, как я смогу все рассказать. Их система связи проходит через медицинскую службу. В данный момент мы находимся в критическом положении, возможно, уже ничего не сможем сделать, но я на пути к установке стабилизации, находящейся в Поллярном Научном Комплексе. Что бы там ни было, необходимо выслать оперативную группу, чтобы навести порядок. Здесь находится девушка. Рилей. Доктор Анна Рилей. Она оказала большую помощь. Займитесь этим. Я хочу, чтобы о ней позаботились. О'кей?

— Мистер Шеврон...

— Вы сделаете это?

— Да. Теперь, мистер Шеврон...

— Конец.

Шеврон защелкнул футляр коммуникатора, крутанул диск на его крышке и выбросил наружу — короткая вспышка света сквозь быст-

ро надвигающиеся сумерки. Он решил, что не будет в нем больше нуждаться.

Челнок замедлил ход, вдоль длинной кривой покинул главную автостраду подземного города и углубился в вечную мерзлоту.

Он причалил к длинной платформе. Рядом с караульной будкой в тяжелой парке стоял часовой. Увидев челнок Шеврона, он начал размахивать руками, но видя, что его знаки остались без внимания, снял с плеча карабин.

Шеврон не спеша выбрался наружу. Часовой поспешил ему навстречу, решив, что тот, видимо, сбился с пути.

— Если вам нужен «Яманак Джeneral», то вы промахнулись. Это засекреченная зона.

— Мне необходимо видеть технического директора.

— Через арку к караульному помещению. Изложите ваше дело там, и, если это действительно важно, вам дадут сопровождающего. Я все же думаю, вам нужно было обратиться в «Яманак Джeneral».

Внезапно в караульной будке послышался сигнал вызова, а на крыше замигал желтый свет.

Шеврон наверняка знал, что это за сообщение. Он подошел поближе и встал у часового за спиной в тот момент, когда тот наклонился, чтобы поднять трубку.

Приклад бластера с глухим стуком опустился на меховой капюшон, и человек упал вперед, прямо в будку. Шеврон склонился над ним, протянул руку и взял трубку.

— На свободе психически больной, — настойчиво повторял голос. — Мужчина высокого роста. Одна рука на перевязи. Необходимо задержать его любым путем. Он одержим безумной идеей повредить реакторы. Предупредите директора.

— Будет исполнено. Он не пройдет мимо этого поста.

Итак, директор был на месте. Это хорошо.

Шеврон, кляня свою неуклюжесть, расстегнул молнию парки и влез в нее. С бластером в правом кармане и карабином через плечо он направился к арке.

Караульное помещение находилось слева от арки. Шеврон подобрался к длинному окну, частично запотевшему, и сквозь него смог разглядеть четырех мужчин, играющих в карты за низким столом, и еще одного, играющего во что-то у стойки. Когда он небрежной походкой прошел мимо, один из игроков в знак приветствия поднял здоровенную лапу и выставил большой палец. Шеврон, прикрыв лицо капюшоном, повторил этот жест.

Впереди вправо изгибался широкий искрящийся коридор, вырубленный в ледяной глыбе. Миновав окно, Шеврон бросился бежать.

Через пятьдесят метров, когда коридор начал сужаться и расширяться у него перед глазами, словно чья-то сумасшедшая глотка, Шеврон вынужден был остановиться. Он ухватился руками за стену,

ткнулся лицом во влажный лед и так стоял, пока не прошел приступ. Затем, глубоко дыша и уговаривая себя, он начал двигаться дальше — он знал, что время истекало.

Идти пришлось недолго. Шеврон прошел через двойные теплоизолирующие двери и попал в субтропическую жару. Потолок начал оттого подниматься, туннель стал шире. Шеврон оказался в необъятном кафедральном помещении, вырубленном прямо в скале. Дорога разделилась на левый и правый рукава, которые галереей окружали колодец. Нижний ярус был оснащен оборудованием, словно предназначенным для электростанции громадного города: подковообразные протяженности компьютеров, пульта управления, крышки реакторных шахт, слишком больших для непривычного взгляда.

Прямо в центре возвышался командный островок — шарообразный стеклянный купол, в котором находились двое служащих в белых комбинезонах.

Они что-то делали за длинным столом.

Двое или трое служащих на рабочем ярусе подняли головы, чтобы взглянуть на Шеврона, но, не увидев ничего необычного, продолжили свою работу.

Шеврон был уже на верху узкого сходного трапа, ведущего вниз, когда из ближайшего коридора послышались шаги, звучащие в унисон.

Шеврон сбросил парку, запихнул бластер за пояс, зажал ремень от карабина в зубах и одним махом миновал трап. Короткий возглас сверху оповестил о прибытии наряда охраны. Все лица поднялись вверх, чтобы увидеть происходящее вокруг.

Петляя, Шеврон бросился к острову. Один из служащих оставил было стол и двинулся ему навстречу, но другой, видимо, старший по званию, повелительно закричал:

— Стоять! Не приближаться к нему!

Одинокий выстрел прозвучал как бы в подтверждение его слов. Шеврон услышал вой допотопного снаряда, просвистевшего в сантиметре от его головы. Он развернулся, опустошил всю обойму, направив карабин в сторону галереи, а затем отбросил его в сторону.

Началась паника. Все бросились врассыпную.

Шеврон остался один, и охранник, встав на одно колено, хладнокровно прицелился, словно в мишень на учебной тренировке по стрельбе.

Шеврон юркнул за ближайший пульт управления компьютером и обнаружил там белокурого деятеля науки.

Слишком напуганная, чтобы закричать, девушка стояла на четвереньках, приоткрыв рот и нервно облизывая губы острым розовым языком.

Посеревшее лицо напряжено, китель темный от крови и пота, дикие глаза — он не был завидным приобретением для ее убежища. И когда Шеврон приказал:

— Встань, лапочка, и двигайся как можно медленнее, — она подчинилась, следуя его словам совершенно точно, словно загипнотизированная.

Шеврон задал сержанту задачу. Он встал позади девушки, обхватил ее здоровой рукой и начал медленно отступать к острову, прошепав ей на ухо:

— Не беспокойтесь — вы послужите доброму делу.

Здесь было три ступеньки. Чтобы сохранить прикрытие, Шеврон должен был поднять ее наверх.

Его отчаянные попытки удержать равновесие выдавал лишь скрежет зубов. Вопреки заверениям, это был неприятный для слуха звук, и девушка начала сопротивляться.

Шеврон почувствовал спиной стекло двери, уперся и вышиб его плечами, в то же самое время отпуская девушку. Она пролетела вперед, бросилась вниз по ступенькам, и в тот момент, когда Шеврон приоткрыл дверь и вступил под шарообразный купол, сержант выстрелил.

Пуля просвистела мимо него, отскочила от пуленепробиваемого стекла и беспорядочно заметалась внутри купола в неистовом рикошете.

Шеврон не смог бы сам сделать лучше, предусматривая для себя прикрытие.

Оба стрелка были слишком заняты размышлениями о том, где она пролетит на этот раз, чтобы броситься на него. Когда пуля наконец успокоилась, пробив боковую панель блока памяти, Шеврон стоял уже в центре купола. Направившая бластер рука была тверда.

— Который из этих двух обезьян — технический директор? — спросил Шеврон.

Ответа не последовало, но, судя по значку на лацкане, это был темноволосый худой тип с сутулой фигурой, бакенбардами и золотыми зубами.

Шеврон догадывался, что вряд ли сможет долго оставаться на ногах. Он навел бластер на непреднамеренно разоблачающую надпись на лацкане и проговорил:

— Вы — агент Южного Полушария. Вы настроили эту установку так, что операция «Яманак» вполне могла удалиться. Мощность, необходимая для поддержки этого ледового пространства в стабильном состоянии, — ниже нормы.

Второй, с жестким ежиком волос коренастый мужчина, смотрел на своего шефа, ожидая опровержения. Но в словах не было нужды, это было очевидно.

Захваченный врасплох, не пришедший еще в себя после уверток от «бешеной» пули, директор не смог совладать со своим лицом. Вместо этого он попытался дотянуться до съемной панели на поверхности стола.

Следящий за ним с удвоенным вниманием Шеврон стрелял до тех пор, пока в бластере не кончился заряд.

Затем он хрипло прошептал:

— Посмотри, что он там накрутил. Можешь увеличить максимум на приборах. Принимайся прямо сейчас. От этого будет зависеть результат операции.

Колены начали клониться к губчатой резине пола, которая словно увеличивалась в размерах, пока не заполнила собой все пространство вокруг.

Он не знал, как прошла передача, не видел, как сержант, развернув всером подразделение, пересек ярус, и не слышал возникшую вдруг на галерее суматоху, когда целая рота командос спецслужбы выстроилась вдоль нее, установив на треногах лазерные установки.

Голос Ганса Вагенера, усиленный мегафоном, отрывисто предупредил:

— Любой, кто сделает шаг, — мертвец.

* * *

— Спокойно, Марк, — говорила Анна Рилей. — Все хорошо. Расслабься.

Шеврон мучительно медленно выплывал из черного мрака, беспорядочно двигая руками и пытаясь сбросить с себя невидимую, сковывающую движения куртку. Он не понимал смысла произносимых слов, но интонация и руки, лежащие на его голове, приносили облегчение.

Ее глаза были не дальше чем в нескольких сантиметрах от его лица, огромные под прямыми бровями — словно переливающееся черное молоко.

Спокойствие и надежда светились в них. Разом нахлынули воспоминания.

— Все хорошо, — снова повторила Анна.

Шеврон принял это как откровение, как возможность обрести наконец прибежище, покой, которые он не надеялся никогда получить.

Наверное, много еще надо было сделать, чтобы стабилизировать обстановку, но в личном плане он был в безопасности.

— Мы еще должны покончить с этим делом, — прошептал он.

— Завтра мы летим обратно. Ты был без сознания неделю. Мне

было поручено позаботиться о тебе. Ходят слухи о награждении тебя орденом.

— Лучшей наградой за победу был бы крест у тебя на груди.

— У нас еще будет время заняться этим.

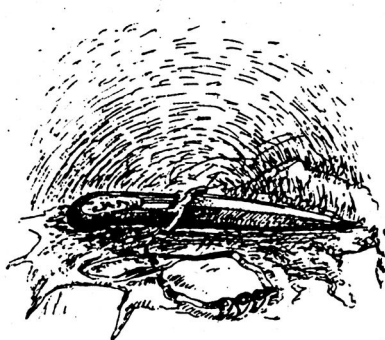
Время течет так медленно или так быстро, как мы сами заставляем его.

С вновь обретенным терпением Шеврон решил, что может ждать столько, сколько потребуется.

Это можно было прочесть в его глазах. Они отвечали утвердительно.

Какая бы ни была погода на улице, в душе у Шеврона ярко сияло солнце.

КЭРРОЛ МАК-АПП

Үзники неба

Художник
М. БАЛАН

1

Тусклая лампа распространяла по большой приемной запах горелого животного жира. Рааб Джеран стоял у прикрытого сеткой окна и всматривался в ночь. Единственная лампа снаружи (единственная, потому что животный мир, как и многое другое, был теперь в недостаточном количестве) отбрасывала мерцающий призрачный свет на пожухлую, увядающую траву лужайки.

Откуда-то из темноты донесся звук вялых и запинающихся шагов часового, и кулаки Рааба, стиснутые в карманах его белого офицерского мундира, сжались еще сильнее. Он был на грани того, чтобы окликнуть невидимого часового и приказать ему подтянуться и пройти так, как полагается представителю Флота! С тех пор как блимпы вражеской блокады стянулись вокруг в готовности напасть на них, атмосфера поражения распространилась даже здесь, в Штабе Флота.

Из-за закрытой двери офиса адмирала Клайна снова донеслись возбужденные голоса. Рааб подавил искушение подойти ближе к двери и попытаться подслушать, но он и так мог слышать достаточно, чтобы знать, что адмирал Клайн все еще давит на собравшихся, пытаясь пробить предложение Рааба, и встречает горячее сопротивление некоторых из них. Такое сопротивление не явилось неожиданностью. Главная причина была не в том, что Раабу всего двадцать два года и он имел только звание Алтерна — кто-то из Штаба неистово доказывал, что Рааб слишком искренне защищал своего покойного отца от абсурдных обвинений в измене.

Гнев, тлеющий в душе Рааба, вспыхнул с новой силой. Он сильнее сжал кулаки в карманах, повернулся и, не глядя на закрытую дверь, широким шагом пересек приемную. Он остановился перед портретом своего отца, который еще висел на одной стене, так как адмирал Клайн запретил убирать его.

Это был хороший портрет, хотя некоторые детали были преувеличены. Роул Джеран, адмирал Флота Столовой Горы Лоури, на самом деле не был таким высоким — его рост был такой же, как у Рааба, шесть футов и полдюйма — и кроме того, Рааб никогда не видел на его лице такого надменного, подавляющего выражения. Но портрет передавал общий внешний вид худощавого и жилистого Роула Джерана. Коротко подстриженные жесткие прямые волосы черного, но слегка поблекшего цвета; лохматые брови домиком; горящие голубые глаза (поразительные на смуглом от темного загара лице) пылали над длинным узким носом; крепкий выступающий подбородок. «Старое вытянутое лицо с выступающими скулами и резко очерченным носом», говорили о нем за его спиной. Он знал это и, уединившись, частенько посмеивался. Это было единственное, чего Рааб никогда не мог понять в своем отце — как такой сердечный, гуманный и веселый человек, никогда и ничего не делающий из ложного благородства, мог выдержать такую жестокую, безжалостную насмешку. Это волновало Рааба, потому что такое отношение казалось ему почти лицемерным.

Размеры рук бывшего адмирала тоже были преувеличены (на самом деле в таком преувеличении не было никакой нужды). Рааб разжал кулаки и рассеянно, не вынимая рук из карманов, пошевелил пальцами. Его руки были такими же большими, как и у отца, правда, не такие волосатые и искривленные. Он знал, что выглядит очень похожим на отца, и полагал, что с годами, под жестоким солнцем Дюрента, сходство может увеличиться, если ему — думал он, ощущая пустоту в своей диафрагме, — удастся достаточно долго прожить под этим солнцем. Флот Мэдерлинка, захвативший преобладающее большинство свободного жизненного пространства Дюрента, делал будущего офицера Флота Лоури очень сомнительным.

Он услышал скрип стульев в кабинете адмирала Клайна, повернулся и, вытащив руки из карманов, опустил их вдоль туловища, заставляя усилием воли не сжиматься в кулаки. Маленький палец его левой руки (полуперерубленный оснасткой блимпа, когда ему было одиннадцать лет) пульсировал, как это было всегда, когда он волновался. Он знал, что его жесткие черные волосы сейчас сбились набок — он ничего не мог с ними поделать — зато настойчиво пытался убрать со своего лица выражение угрюмости и пренебрежения. Хотя он не во всем соглашался с некоторыми из своих начальников, но не желал выказывать им неуважения.

Они выходили по одному, сначала гражданские (в Штабе находились два члена Совета), затем старшие офицеры, а потом более младшие. Некоторые бросали на него явно враждебные взгляды, некоторые просто холодно смотрели на него, а один или два посмотрели с любопытством и не особенно враждебно.

Но что самое поразительное, человек, дольше всех остальных пристально рассматривавший его, был одним из гражданских. Член Совета Ольвани даже приостановился, вытаращив глаза на Рааба, так что остальным пришлось его обходить. Рааб, старающийся ни на кого не смотреть, все же не сумел избежать встречи с заторможенным взглядом этого человека.

Ольвани был невысокий, плотный, совершенно лысый человек с оливковым цветом кожи, который выглядел моложе своих шестидесяти лет. Его маленькую, лопатообразную седую бороду давно требовалось подровнять. Он был в строгом сером костюме простого покроя, но плохо проглаженном, словно его владельца не волновало общественное мнение. Его рубашка могла бы быть немного свежее, а черные ботинки вычищены получше.

Конечно, Рааб не успел заметить всего этого, бросив на него единственный короткий взгляд — просто Ольвани всегда выглядел одинаково, а Рааб видел его довольно часто. Но в данный момент он заметил только абсолютно ничего не выражающий, напряженный взгляд человека, словно Рааб был каким-то официальным документом, который необходимо прочесть полностью и быстро, чтобы заучить за одно прочтение. Только единственный долгий изучающий взгляд, затем Ольвани повернулся и последовал за остальными к двустворчатым дверям, ведущим из приемной.

Рааб внимательно посмотрел им вслед. Он мог слышать скрежет гравия под их ботинками; мог слышать их затихающие голоса, некоторые из которых были довольно сердитые.

Эмоциональная напряженность, возникшая в результате этой неприятной очной ставки, которая ожесточила его, теперь спала, так и не выплеснувшись наружу. Он повернулся и взглянул на еще открытую дверь кабинета адмирала Клайна.

Внезапно появившийся в дверном проеме адмирал Клайн бросил ничего не выражающий взгляд на Рааба, подошел к двустворчатой двери, которую самый младший из офицеров закрыл за собой, и толкнул ее, чтобы открыть снова.

— Фу! Давайте здесь немного проветрим! — Он постоял некоторое время, всматриваясь в ночь, как совсем недавно Рааб, затем с утомленной улыбкой повернулся к Раабу. — Приступайте, юноша.

Клайн был рослым человеком в возрасте, очень широким в плечах, но не широким в поясе. Китель его белой формы хрустел

так, словно адмирал за весь день не нашел возможности переменить его. Абсолютно седые волосы были еще густы, и он, как большинство офицеров Флота, носил их зачесанными назад, хотя они были несколько длиннее, чем у остальных офицеров. (Как адмирал Флота, кем он стал после смерти Роула Джерана, он, конечно, мог позволить себе такую привилегию.) Его глаза были светло-серыми. Солнце Дюрента оставило на его лице скорее красноватый, чем коричневый загар, но в морщинах, собравшихся в уголках его глаз, можно было различить естественный оттенок кожи. Его зубы были белы и ровны. На широком лице сверкала улыбка (так, по крайней мере, он улыбался друзьям, и сейчас Рааб мог видеть на его лице такую улыбку), занимающая всю ширину лица.

— Садись, Рааб. Как поживает твоя мать? После похорон твоего отца я собирался съездить в Востокоград, чтобы навестить ее, но все идет так... — конец предложения утонул в утомленном вздохе.

— С ней все нормально, — немного нетерпеливо ответил Рааб. — Вы знаете, она осталась у своей сестры. — Он всматривался в его лицо, которое знал очень хорошо; почти так же хорошо, как лицо своего отца. — Сэр, Штаб решил...

Клайн обошел вокруг стола и с ворчанием опустился на стул так, словно тот был несколько жестче, чем обычно.

— Ты действительно вызываешь у них враждебное отношение, Рааб. По крайней мере, ты не облегчил мою задачу.

Рааб почувствовал, что слегка краснеет.

— Я очень сожалею об этом, но что вы хотите от меня? Эта ложь, которой они, кажется, верят... — его горло сжалось, и он не смог закончить фразу.

Утомленный Клайн откинулся на спинку стула и нахмурил брови.

— Я надеюсь, что в дальнейшем ты будешь более сдержан. Я знал твоего отца немного дольше, чем ты, и, возможно, в некоторых вопросах гораздо лучше, а обвинения, выдвинутые против него, меня тоже раздражают. Но я не бегая по всей Столовой Горе, неистово ораторствуя и порождая новых врагов, — он сделал паузу и усмехнулся. — Однако я сомневаюсь, что это, в конечном счете, составит большую разницу. Такие вещи забываются, — он вздохнул. — Да, я ухитрился получить их согласие, но не знаю, хочешь ли ты сейчас заниматься этим, или нет. Точнее, я не знаю, должен ли я разрешить тебе это.

Рааб бросил на него быстрый взгляд, чувствуя, что в нем снова зашевелился гнев.

— Почему нет, сэр? Мы... вы же признали, что это должно быть сделано!

Клайн повернулся на шарнирном стуле и уныло посмотрел в затянутое сеткой окно кабинета. Слабый ветерок, проникающий

внутри, едва колыхал натянутую сетку. Этот ветерок, прошедший через всю Столовую Гору, принес с собой запах теплой осенней ночи — запах мяты, пожухлой и высохшей больше от недостатка удобрений, чем из-за позднего времени года; немножко горьковатый — так пахли флейтовые вязаы, роща которых находилась в полумиле вверх по реке (Рааб мог даже слышать слабые звуки труб, возникавшие, когда ветер продувался через странно закрученные листья); запах апельсиновых деревьев, земная разновидность которых сумела выжить в долгих скитаниях корабля колонии. Эти деревья, как и большинство растений, растущих на Столовой Горе Лоури — все они не были местными, а попросту хорошо адаптировались к высоте и изначально бедной почве вершины Столовой горы — могли погибнуть, если блокада, введенная Мэдерлинком, исключавшая ввоз гуано, который являлся единственным отвечающим требованиям естественным удобрением, продолжится сколько-нибудь дольше.

Клайн со вздохом снова повернулся к Раабу.

— Да, я согласен с тобой, что некоторые действия необходимы как знак некоего сопротивления и что ни один другой молодой офицер не имеет такого хорошего шанса прорваться через блокаду, кроме тебя, блин, конечно, ты помнишь все, чему научил тебя отец касательно блимпов и навигации. Но дело вот в чем: Штаб не хочет рисковать людьми Флота. Если ты все-таки решишься на это предприятие, можешь набрать экипаж из восемнадцати гражданских, которые подпишутся под этим из-за все более усиливающегося голода или по каким-либо иным причинам, не оставляющим им никакой надежды. Плюс второй офицер и два триммера.

Рааб недоверчиво посмотрел на него.

— Восемнадцать?

Клайн сделал жест, который показал его отношение к Штабу и, возможно, к некоторым другим решениям, которые ему пришлось поддерживать.

— Это будет маленький экипаж даже для «Пустельги». Но ее газовый баллон наполнен только наполовину, так что поднять полный экипаж она не в состоянии.

Внезапно Рааб осознал, что вскочил на ноги и дрожит от гнева и досады. Он шагнул к старому, покрытому царапинами столу, напомнив себе на всякий случай, что адмирал Клайн был его другом, а не врагом.

— «Пустельга»? Учебный корабль? Почему... почему... она не способна поднять больше, чем... наперсток груза, даже если мы все-таки продвемся! Какая чепуха...

Клайн нетерпеливо махнул рукой.

— О, конечно, конечно, но это все, чем они согласились рискнуть. В любом случае, главный вопрос не в размерах груза. Самый

большой блимп, который мы могли бы послать, не сможет доставить столько гуано, чтобы изменить ситуацию. Это будет только символом. Во всяком случае, все, на что мы надеемся — символ, — он сделал паузу и мрачно взглянул на Рааба. — Теперь ты понимаешь, почему я колеблюсь, посылать тебя или нет? Для тебя это может равняться самоубийству.

Рааб приложил все усилия, чтобы хотя бы наполовину контролировать себя. В конце концов, хотя его маленький палец еще пульсировал, он понизил голос и жестко сказал:

— Дайте мне ваше слово, сэр.

Клайн усмехнулся без тени юмора.

— Я уже дал слово твоему отцу, когда он лежал на смертном одре, что присмотрю за тобой и твоей матерью. Я думаю о ней так же, как и о тебе. Я не хочу, чтобы она, кроме всего прочего, еще лишилась единственного сына. Но я не знаю, имею ли я право в данной ситуации беспокоиться о таком вопросе, как мое слово, или о тебе и твоей матери как отдельных личностях. Это возвращает нас к нашему первоначальному спору между мной и тобой. Если мы хотим, чтобы Столовая Гора Лоури выдержала — а мы единственные, кто остался стоять между Мэдерлинком и полным господством, которое он хочет получить, — необходимо предоставить что-нибудь в поддержку морального состояния народа. Вот что ты должен сделать, Рааб: провести «Пустелыгу» в страну ущельев, собрать гелий, чтобы полностью накачать ее газовый баллон, проскользнуть к морю и, добравшись до одного из островов, загрузить в нее столько гуано, сколько сможешь — возможно, даже тонну, если ты используешь его вместо балласта, — а затем вернуться домой, не давая себя перехватить. Если откровенно, то только сумасшедший может думать, что он удачливее других может сделать это, — Клайн еще раз вздохнул. — Хорошо... если этот сумасшедший ты, я не стану останавливать тебя.

Рааб безмолвно поднялся. Гнев медленно покидал его, но вместе с ним его покинули и другие эмоции. Почему он ничего не чувствует сейчас? Он так тревожился и в то же время был так решительно настроен, пока Штаб решал судьбу этого предприятия. Рааб снова сел, безвольно опустив руки.

— Такой окольный путь. Я думаю... надеюсь, это может занять три-четыре дня, чтобы обойти блокаду, самое большее один день на каком-нибудь маленьком острове, чтобы собрать гуано, возможно, пару дней, чтобы дожидаться благоприятной погоды, а затем с попутным ветром быстро вернуться назад...

Клайн снова улыбнулся своей безрадостной улыбкой.

— Вероятно, будет более выгодно, я имею в виду с политической точки зрения, если ваше путешествие займет больше времени. До выборов осталось не так долго. Если вы опоздаете или, пред-

положим, будете взяты в плен, оппозиция выставит это как доказательство бесполезности дальнейшего сопротивления, поэтому вам лучше вернуться перед самыми выборами. Если, по мнению народа, у нас остался какой-нибудь шанс, то он в твоих руках. Такая попытка, в конечном счете, не может рассматриваться как обязательство с нашей стороны. На данном этапе положение таково, что Президент Вольфан может удержать минимальное большинство голосов. И я думаю, если ничего не случится, мы сможем обеспечить ему это. — Клайн кисло поморщился и внимательно посмотрел на Рааба своими поблекшими, но ясными серыми глазами. — Ну?

Рааб глубоко вздохнул.

— Я... я хочу попробовать сделать это, сэр.

— Тогда все нормально, — выдохнул Клайн. — Первое, что я сделаю завтра утром, пошлю кого-нибудь собрать ваш экипаж.

Он взглянул на Рааба, размышляя о чем-то, рассеянно отвернулся, затем тяжело поднялся на ноги и, обойдя вокруг стола, облокотился на руку.

— Кстати, Рааб, ты случайно не связывался с членом Совета Ольвани, или, возможно, передавал через своих друзей какие-нибудь просьбы?

Рааб на некоторое время задумался. Вопрос заинтересовал его.

— Нет, сэр. Но когда он уходил, как-то странно посмотрел на меня, хотя я никогда не говорил с ним ни на улице, ни здесь или в Столице. А почему вы спросили об этом?

Клайн подошел к двери, открыл ее и придержал, пропуская Рааба.

— Он поддержал твоё предложение, что очень странно. Мы были абсолютно уверены, что он возглавляет движение капитуляции. Он выступал перед народом с речью о «соглашении» с Мэдерлинком. Хотел бы я знать... Ладно, завтра у тебя будет много дел. На тот случай, если я перед твоим отъездом не смогу поговорить с тобой наедине, хочу пожелать тебе удачи, Рааб. И побереги себя!

2

Адмирал Клайн стоял в дверях приемной и смотрел вслед Раабу, удаляющемуся по гравийной дорожке. Как Рааб похож на своего отца! Даже его нетерпеливая походка была в точности как у его отца. И, конечно, он унаследовал такой же вспыльчивый характер, который был одним из недостатков Роула Джерана, пока тот не научился контролировать себя.

Клайн закрыл дверь, вернулся в свой кабинет и с ворчанием снова опустился на стул. Уже миновала полночь и ему пора было

идти домой отдыхать, но он знал, что не сможет уснуть, во всяком случае, с таким настроением. Он предпочел остаться здесь, в своем кабинете, который знал более счастливые времена.

Он рассеянно потянулся за трубкой, лежавшей на его столе, но вспомнил, что табака нет уже много дней, и раздраженно отдернул руку назад. Затем он положил руки ладонями вниз на крышку стола и посмотрел на них. Какой сухой и морщинистой стала его кожа! И когда появились на ней эти коричневые пигментные пятна? Или годы его долгой жизни оставили на нем эти отметины? Куда ушли эти годы?

— Я снова начинаю жалеть себя, — с кривой усмешкой пробормотал он. В последнее время, когда все было так плохо, он часто испытывал такие ощущения, особенно, когда был утомлен, а сейчас, после завершения всех дел, возникших в течение дня, и последующего долгого и неприятного спора со Штабом, он был очень утомлен.

Ладно, он справился со своей задачей и протащил предложение Рааба, хотя это отняло ужасно много сил. Интересно, имеет ли мальчик хоть какое-то представление о том, чего это ему стоило — ему пришлось просить поддержки у своих друзей в Штабе; требовать возвращения старых политических долгов; и даже в одном или двух случаях фактически прибегнуть к шантажу. Да поможет ему бог, если в ближайшем будущем он попытается протащить еще какой-нибудь проект через Штаб!

Но он также не чувствовал и торжества победы; рассматривая мотивы, побудившие его сделать это, он сомневался, что все сделал правильно. Определенно, он не был счастлив от того, что Рааб подвергнет себя такому риску. Сможет ли он найти какие-нибудь оправдания для себя, если Рааб погибнет в молодые годы?

Но, как он уже заметил Раабу, в его положении он не имел права позволить себе, чтобы безопасность и счастье нескольких человек оказывали воздействие на его решения. Нет, даже если бы они были так дороги ему, как сестра, племянник или внук.

Он усмехнулся, вспомнив ту давнюю ночь, когда Роул встретил Лайлу. Он, Клайн, сам привел ее на бал. Его и Роула выпускной бал из Академии Флота. Она была тогда очень красива и привлекала взоры и внимание каждого молодого офицера на балу. Отблески в глазах этих молодых мужчин были не совсем джентльменскими. Возможно, в его глазах отражалось такое же распутство, как и в любых других — он помнил, что в его мозгу рождались дикие идеи, хотя он знал, что она была порядочной девушкой.

Но между ними не было любви, и когда он увидел, какое чувство вспыхнуло между ней и Роулом в то мгновение, как он их познакомил — эта невероятная вспышка заставила обоих безмолвно и неподвижно стоять и неотрывно смотреть друг на друга, словно де-

тей, пораженных каким-то пышным великолепием, — немедленно выбросил все неприличные мысли из головы. И такие отношения сохранялись между ними троими все долгие годы. Он так и не женился, так как считал, что вряд ли был бы счастлив с кем-нибудь, кроме Лайлы. Конечно, у него были женщины и о некоторых из них он иногда вспоминал с грустной ностальгией, но у него не возникало никаких сомнений в том, что, если бы он мог заново прожить свою жизнь, не смог бы жениться и в этом случае.

Сейчас Лайла была вдова. И п о с т а р е в ш а я. Страшная магия лет и здесь внесла свои изменения!

Но хотя он отошел в сторону в ту ночь на балу, не все жеребцы сделали так же. Прежде чем ночь подошла к концу, Роул принял участие в двух кулачных боях, и оба выиграл, хотя получил небольшой синяк и несколько царапин. Даже сейчас дыхание Клайна немного участилось, когда он вспомнил пару этих кулаков. Это было чудо! Его вызвал Бен Спрейк, имеющий примерно такое же телосложение, что у Роула, но, в отличие от темноволосого Роула, он был белокурый. Эта пара, сошедшаяся в драке, была незабываемым зрелищем, и Клайн очень ясно помнил ее сейчас. Он почти слышал крики молодых людей, собравшихся в тесном кругу вокруг дерущихся, пронзительный визг девушек, глухой звук ударов; почти ощущал запах от жировых ламп и запах крови! Там было совсем немного крови.

Лайла рассвирепела тогда, но затем слегка остыла и позволила Роулу увидеть ее дом, и потом рассеялись все сомнения. Они поженились, как только Роул (и Клайн, и Бен Спрейк, и многие другие, кого Клайн мог отчетливо вспомнить сейчас) вернулся из своего первого воздушного плавания.

Бен Спрейк извлек довольно хороший урок из своего поражения, правда, впоследствии он и Роул так и не стали близкими друзьями. Бен стал квалифицированным, но немного упрямым офицером. Но сейчас его тоже уже не было: он пропал во время того гибельного сражения, в котором Роул получил свои смертельные раны. С тех пор не было никаких подтверждений того, что он попал в плен к врагу, и вполне вероятно, что он тогда погиб.

К тому же сын Спрейка, Бен Спрейк-младший, покинул Флот, так как из него не получился хороший офицер, да и вряд ли мог получиться.

Роул, разумеется, был настоящим офицером, с самого начала он был одним из лучших и полностью заслужил тот успех, которым пользовался. Во всем, кроме его трагического конца — смертельно раненный, он продолжал командовать в безнадежно проигранном сражении, организовал отступление и этим сохранил несчастные остатки Флота. Он умер через два дня после приземления.

Клайн снова бездумно потянулся за трубкой и на этот раз коснулся ее пальцами прежде, чем вспомнил, что табак, выращенный на Лоури, уже кончился. Он что-то пробормотал себе под нос. Кажется, человек должен отказаться от своих немногих прищек!

Возможно, политическая оппозиция права. Зачем терпеть такие безнадежные лишения? Здесь могут возникнуть только худшие и худшие испытания для каждого, прежде чем окончательно истощенная Столовая Гора в конце концов капитулирует. Он оборвал свои мысли и почувствовал, что его кулаки крепко сжаты. Он никогда не проголосует за капитуляцию! Станный... ироничный человек... каким он был, который всю свою жизнь с отвращением избегал политики, теперь обнаружил себя всунувшим свою старую морщинистую шею в подобную чепуху. Это не заставило его относиться к политике сколько-нибудь лучше, к тому же он знал, что это было необходимо для почти лишившегося физической силы, но еще сплоченного Флота, который собирал вокруг себя отчаявшихся людей. Пока Президент и многие другие общественно-политические фигуры колебались, Флот непоколебимо оставался на посту. Если он, Клайн, отступит или внезапно умрет, вся коалиция может развалиться.

Большинство из гражданских, а в этом он был уверен, намеревались придерживаться выбранного курса, но их мнение могло измениться, если положение еще ухудшится.

Полгода назад...

Он сердито выругался, дав себе душевную встряску. Это было глупо и неубедительно — бормотать и жалеть себя. Сейчас у него было две причины держаться так долго, как он сможет. Первая — приближающиеся выборы, а вторая — удостовериться, что Рааб вернется домой на Столовую Гору, если только мальчик сделает это.

Если мальчик сделает это... С чувством какой-то вины, он понимал, что в глубине его памяти, кроме всего прочего, затаился непростительная тревога за «Пустельгу». Этот жалкий, незначительный по сравнению с образцами современного флота, устаревший корабль мог быть давно списан за ненадобностью. Главным образом это была его заслуга, что «Пустельга» и ее сестра «Сова» остались в строю, хотя во всем этом чувствовались сплошные эмоции. Непростительная, но очень характерная для него вещь. Он, Роул и многие другие выпускники Академии совершали свои первые рейсы именно на этих кораблях. В то время они были гордыми боевыми кораблями приграничья.

Теперь, когда «Сова» исчезла (внесенная в списки как «пропавшая без вести», она, несомненно, была уничтожена), «Пустельга», казалось, была вдвойне дорога ему.

Старик, угрюмо думал он, пытающийся цепляться за несколько трогательных лоскутков своей жизни.

Он застонал и ударил по столу кулаком. Как могла Столовая Гора Лоури, гордая и неприступная прежде, оказаться сейчас в такой ситуации? Ох, он знал как это началось: восемь, десять или двенадцать лет назад. Какой-то чуждый вид циничной пассивности распространился среди населения. Кто может сказать, почему это случилось? Возможно, потому, что здесь на протяжении многих лет не было трудностей и лишений, и каждый человек был свободным, процветающим и нравственно слабым. В любом случае, люди не хотели замечать дальнего прицела Мэдерлинка на расширение жизненного пространства. Люди выражали недовольство налогами — видит бог, по сравнению с всеобщим изобилием налогов были довольно низкими — и требовали ответить, почему Правительство желает сохранить Флот в полном составе. Некоторые даже говорили, что Столовая Гора Лоури сама виновата в возникновении трений с Мэдерлинком. А пропаганда Мэдерлинка разворачивалась умно и неумолимо. Но как какой-нибудь свободный гражданин, наслаждающийся правом выбора своего правительства, мог примкнуть к чуждой диктатуре, явно склоняющейся к захвату жизненно важных озер с пловунами и гуано островов, принадлежащих другим столовым горам...

В то время как гроза усиливалась, Флот сокращался. Но кто скажет, почему все произошло так ужасно несправедливо, так внезапно? Разве он, Роул и другие офицеры ошибались, когда в полном составе решили вступить в бой с врагом? Хотя блимпы Мэдерлинка, включая и боевые блимпы, все дальше вторгались в жизненно необходимые свободные зоны, еще можно было продолжать вид пассивного полусопротивления, время от времени совершая вылазки на конвоируемых грузовых блимпах, которые могли бы доставлять гуано и собирать гелий. По крайней мере, такая политика могла задержать поражение.

Но как показывало нынешнее положение, к поражению мог привести также и голод на Столовой Горе. Нет — сражение было единственной стратегией, оставляющей надежду! И планы были хорошие; они давали прекрасный шанс на победу. Флот Лоури мог извлечь выгоду из внезапного нападения и, создав временный перевес силы в определенном месте, мог ударить по главному корпусу вражеского Флота; атака сконцентрированных сил должна была разметать вражеские блимпы и уничтожить их поодиночке.

Но в чем была ошибка? Уже не в первый раз Клайн мучился, пытаясь ответить на этот вопрос. Курицы Лоури (большие раздутые блимпы, которые поднимали на высоту и запускали планеры) не смогли соединиться наверху. Почему? Что с ними произошло? С тех пор это оставалось тайной, но все-таки все обстоятельства

указывали на предательство. Когда Роул повел блимпы в атаку, он обнаружил, что его ожидают силы вдвое превосходящие те, что должны были находиться там. И там были курицы, вражеские курицы, с планерами, налетевшими на них и опустошающими все вокруг, так что Роул смог спасти только жалкие остатки Флота. Как бы я хотел быть там, устало подумал Клайн. Я скорее умру, чем разберусь во всем этом.

Он сердито отогнал от себя эти мысли.

— Что есть, то есть,— пробормотал он, поднимаясь со стула.

Постояв некоторое время на онемевших ногах, он начал тушить лампы. Единственная вещь, которую он отметал прочь безо всяких оговорок, было обвинение в измене, воздвигнутое против мертвого Роула. Он допускал, что кто-нибудь, кто не знал хорошо Роула, мог найти значительные основания для этого. Кто-то ложно рапортовал, подтверждая прием их приказов курицами, и этот кто-то занимал довольно высокий пост в командовании Флота. И еще были показания уцелевших, которые утверждали, что гарпуны врага, казалось, сторонились флагманского корабля Роула и только рассеянная атака планеров нанесла ему ранение. И вполне естественно, после такого поражения должен был найтись козел отпущения.

Клайн сердито нахмурил брови. Этому должно было быть какое-то объяснение, и, если проживет достаточно долго, он найдет его. Кто-то другой, не только не Роул, был предателем...

Он потушил последнюю лампу в своем кабинете, прошел в приемную и погасил лампу там, затем закрыл и запер двустворчатую дверь, и только после этого медленно, с трудом передвигая ноги, пошел по дорожке. Гравий скрипел под его ботинками. Он надеялся, что в конце концов получит пару часов крепкого сна. Завтра надо будет многое сделать и встретить множество политических препон; много льстить, требовать, заставлять и убеждать по разным вопросам; и он хотел быть в лучшей форме, которая, вяло думал, вряд ли когда-нибудь будет лучшей.

3

Рааб позавтракал в Офицерской столовой на Северной Стоянке, затем, перед тем как выйти на поле и принять командование над «Пустельгой», поднялся по двум маршам лестницы и вышел на плоскую крышу, чтобы определить погоду на ближайшее время. Он внимательно осмотрел небо, отыскивая точки вражеских блимпов, которые время от времени нагло пролетали на высоте над Столовой Горой. В последнее время, когда погода была благоприятна и ветры попутны, случалось несколько подобных примеров. Нет, они не отваживались спускаться достаточно низко и не представ-

ляли никакой физической угрозы, но сегодня он должен принять «Пустельгу» с ее разношерстным экипажем, чтобы повести корабль в первое плавание над Столовой Горой, и поэтому он не хотел, чтобы глаза врагов шпионили за ними.

Большое солнце Дюрента висело над восточным горизонтом Столовой Горы. В этом направлении, точно так же, как в северном и западном, небо было чистым и темно-голубым. Далеко на юге над горизонтом неясно вырисовывалось образование облаков, ослепительно белых в лучах утреннего солнца. Эти облака отмечали обращенный к морю край Столовой Горы Лоури. Когда какой-нибудь ветерок дул с моря, а это было почти все время, там постоянно собирались облака. Это и не удивительно. Влажный ветер вдоль крутого утеса резко поднимался вверх на высоту полных четырех миль, и вполне естественно, что на более прохладных высотах формировались облака. Иногда, перевалив через отвесный край столовой горы, они покрывали часть ее территории, а в сырые сезоны — всю, но чаще влага выпадала в виде дождя или тумана в пределах десяти миль от края. Только когда солнце действительно прогревало вершину столовой горы, туман отступал, но даже тогда он задерживался в узкой зоне, тянувшейся вдоль южного края.

Сегодня утром туман покрывает большую территорию на юге, решил он, не собираясь вести «Пустельгу» так далеко.

Столовая Гора Лоури была третьей по величине столовой горой (она уступала только Мэдерлинку и Оркету) в изученной зоне планеты Дюрент, но довольно большой и имела полный спектр климатических условий. Представьте себе громадный продолговатый кекс с довольно ровной, имеющей только несколько холмов, вершиной и с отвесными сторонами. Она была ста двадцати с лишним миль длиной, тянувшейся главным образом параллельно морскому побережью, и чуть более пятидесяти миль шириной в самом широком месте. Почти три из четырех миль ее высоты составляли отвесные скалы. Ниже по всему периметру ее окаймляли склоны крутого утеса. Понижаясь, они все больше и больше выравнивались и в конце концов расплескивались песчаным передником, тянувшимся на многие мили во всех направлениях, исключая побережье, где ландшафт был изрезан на лоскуты низкими утесами и пляжами береговой линии. Множество маленьких речек стекали с этого склона, разбегаясь от того места, куда величественно и с оглушающим ревом падал с северного края вершины столовой горы водопад. Здесь, на Северной Стоянке и на мили вокруг, приглушенный грохот пробивался через край столовой горы и всегда слышался на полтона ниже всех других звуков.

Самая большая Внутренняя река, протекающая по девянос-

томильной зоне столовой горы, и многие другие реки завершали свой путь в этом длинном водопаде. Когда Рааб был ребенком, ему казалось странным, что река текла к северу, удаляясь от моря. Но в конечном итоге упавшая со скалы вода извилисто огибала столовую гору и присоединялась к более величественной реке, вытекающей из страны ущелий, и вместе с ней неслась к морю. Он представлял себе тогда, что вода, выпадающая в виде дождя, пыталась вырваться от моря. Он думал, что это было мучительной и жестокой несправедливостью, когда такие героические усилия воды, в конечном итоге, проваливались. Он помнил, что был очень сердит на море.

Он подошел к западному краю крыши офицерской столовой и задумчиво посмотрел в направлении Внутренней реки, где она лениво несла свои воды к водопаду. В этот сезон воды было мало, но здесь всегда было течение, хотя иногда почти незаметное, и это было одной из причин, почему база Флота была построена в этом месте.

За рекой был город, где персонал Флота, который не хотел жить на базе, нашел себе квартиры. Кроме того, здесь был фермерский центр, хотя в последнее время сельское хозяйство пришло в упадок. Он мог видеть немногих людей, бредущих в тупой безнадежности по улицам города, и это раздражало его. Конечно, его гнев был направлен главным образом на Мэдерлинк. Или должен был быть, сказал он себе. Вся эта столовая гора с полуторамиллионным населением, что составляло одну шестую часть всего населения Дюрента, страдала и разваливалась только потому, что олигархия, правившая Столовой Горой Мэдерлинк, хотела стать крутыми парнями, стоящими выше всех! Это было единственное объяснение, которое он мог видеть. Здесь были люди, которые не хотели замечать ни этого, ни социальных пороков, существующих на Столовой Горе Лоури и других столовых горах, включая и Мэдерлинк, словно не было никаких социальных пороков и ничего более худшего! И еще были некоторые гражданские, говорившие, что Столовая Гора Лоури сама «спровоцировала» данную ситуацию, и Рааб рассматривал этих людей как презренных лицемеров.

Его отец предположил однажды, что демократия на Лоури и Оркете заставляет олигархию Мэдерлинка сильно нервничать. Возможно, так оно и было. Два года назад они ухитрились свергнуть законно избранное правительство на Оркете.

Он отбросил эти размышления и повернулся к противоположному краю крыши.

Стоянка простиралась в восточном направлении на три четверти мили. В сотне ярдов от него располагалось одноэтажное здание Штаба Флота, где он прошлой ночью разговаривал с адмира-

лом Клайном. Его беспокоило, что во время встречи адмирал выглядел таким постаревшим и утомленным. Несомненно, он испытывал значительное напряжение в эти дни.

Позади Штаба Флота стояло меньшее здание штаба командования Северограда. Между офицерской столовой, где он стоял, и зданиями штабов находились бараки, ряд за рядом. Большинство из них сейчас пустовали, но наверху находились установленные на шарнире метатели гарпунов. Поставленные для защиты базы, они были способны держать вражеские блимпы на расстоянии и даже отбить внезапную атаку планеров. Конечно, на Дюrente не было сколько-нибудь действенных взрывчатых веществ, которые описывались в старых книгах о Земле, поэтому для того, чтобы более или менее эффективно сбросить зажигательный снаряд, враг должен был приблизиться к цели на расстояние выстрела установленных на крыше метателей гарпунов.

Интересно, лениво подумал он, может ли какой-нибудь другой колониальный корабль с Земли обнаружить Дюrente? Едва ли. Космос огромен, и после первых нескольких лет космического путешествия его предки перестали отмечать свой блуждающий курс и сообщаться с Землей.

С южной стороны барачков вдоль длинной гравиевой дорожки были пришвартованы уцелевшие блимпы.

Глядя против солнца, он смог различить на дальнем конце пришвартованных блимпов «Кондор». Это был флагманский корабль его отца. Он был гордым и грозным блимпом, но сейчас его газовый баллон был сморщен, словно шкура оголодавшего животного, и смят так, что ребра внутренних газовых камер выступали наружу; восемь поворотных шарниров по бортам его корзины были пусты; метатели гарпунов были сняты и подняты на крыши для защиты базы. Рааб снова вспыхнул от гнева.

Рядом с «Кондором» стоял «Павлин», старейший корабль, темно-серая прорезиненная ткань которого была покрашена местами облупившейся от времени и штормов краской, поверх которой один из его прежних экипажей намалевал его имя. По крайней мере, его газовый баллон был наполнен; он использовался для доставки личного состава Флота в разные точки столовой горы — пока такие рейсы еще совершались.

В этой линии находились и другие корабли более или менее способные летать, но заплаты, поставленные на их газовых баллонах, заставляли педантичного офицера морщиться: ни один из них не имел достаточно гелия, чтобы взмыть вверх более чем на, ска-

жем, две тысячи футов над столовой горой. Определенно, этого было мало для того, чтобы принять бой с хорошо накаченными газом вражескими блимпами, или для того, чтобы поднять планеры на достаточную высоту. И кроме всего прочего, в этой линии было гораздо больше свободных швартовочных мест, чем занятых.

В конце концов, словно это было неприятным долгом, он перевел взгляд на «Пустельгу».

Она была крошечной. Ее газовый баллон был всего двести тридцать футов в длину и шестьдесят футов в диаметре, когда он был накачан газом полностью, но сейчас этого не было. В сравнении с большими боевыми блимпами, ее корзина выглядела хрупкой и незащищенной. В корзине находился только один метатель гарпунов, поставленный для защиты от огромных летающих хищников, которых она могла встретить на низких высотах. Эти плотоядные бестии могли плавать, летать и передвигаться по суше, за что их прозвали вездесущими. Кроме метателя гарпунов, в подставках стояли обычные ручные луки. По крайней мере, они заменили ее старые простые весла на новые, лопасти которых напоминали ставни, автоматически открывающиеся и закрывающиеся в воздухе, так что гребцам теперь не требовалось выставлять свои запястья за пределы корзины с каждым взмахом весла. Ох, когда-то она и сестра «Сова», теперь погибшая, были боевыми блимпами. Но это было много лет назад, а в последнее время она выполняла обязанности учебного судна.

Пока он рассматривал ее, два человека в серых боевых комбинезонах Флота вышли из ближайшего служебного ангара и направились к «Пустельге». Это были передний и кормовой триммеры, Эммет Олини и Солс Хэмпел.

Позади них брели гражданские гребцы, записавшиеся в экипаж. Рааб задержал на них свой заинтересованный взгляд. Все они выглядели как оборванцы, и только двое из них были действительно сильными людьми. Большинство были истощены, а один, тощий неуклюжий коротышка лет сорока, выглядел так, что Рааб даже засомневался, сможет ли он работать веслом наравне со всеми.

Во всяком случае, тот, кто набирал этот экипаж, заставил их надеть серую и темную одежду, которая не выделялась бы ночью или во мраке глубоких ущельев.

И в заключение младший Алтерн, второй офицер в команде Рааб, вышел из ангара, неся книгу в кожаном переплете — это был вахтенный журнал. Рааб с беспокойством посмотрел на него. Конечно, он давно знал Бена Спрейка-младшего, так как оба они были сыновьями офицеров Флота и, судя по тому, как Бен учился, тренировался и вел себя в жизни, Рааб со всей определенностью не должен был брать его для этой миссии. Он был белокурый, невы-

сокий, слегка полноватый, но совсем не сильный. Большинство офицеров не признавали его; именно поэтому он имел звание только «Младший Алтерн», хотя был на два года старше Рааба. В последнее время, когда они встречались, он не был настроен дружелюбно. Несомненно, он негодовал из-за быстрого продвижения Рааба.

Рааб надеялся, что в этом рейсе он не будет таким угрюмым. Хотел бы он знать, почему назначение к нему получил худший офицер. Возможно, мрачно подумал он, они решили, что Бен больше не вернется. Еще раз взглянув на пустое небо, он большими шагами направился к лестнице.

— Отдать швартовы!

Два триммера, Олини впереди около Рааба и Хэмпел на корме, сворачивали в бухты освободившиеся буксировочные концы. Стояночная линия скользнула вниз, и «Пустельга» мягко поднялась в воздух. Ее нос поднимался немного быстрее, чем корма, но не потому, что она была плохо сбалансирована, а из-за того, что Хэмпел, освобождая узлы на корме, немного замешкался.

Рааб поморщился от досады. Хэмпел был опытным триммером и мог бы действовать лучше. Рааб взглянул на угрюмое лицо кормового триммера, резко вздохнул и чуть было не сделал выговор замешкавшемуся человеку, но остановил себя. Он не хотел, чтобы у экипажа из незнакомых гражданских лиц сложилось впечатление о капитане как о придиричливом солдафоне. Вместо этого он приказал немного более резко, чем было необходимо:

— Сбалансировать корму!

Это, в данном случае, значило, что требуется немного ослабить канаты, стягивающие газовый баллон на корме. Чтобы сделать это, Хэмпел взялся за штурвал, расположенный на уровне его головы, освободил тормозной храповик и немного повернул штурвал. Это позволило деревянной оси, выступающей за корму примерно на тридцать футов, тоже немного повернуться. Стягивающие канаты с завязанными через равные промежутки узлами были навиты на эту ось. Даже такое минимальное ослабление сжатия кормовой секции газового баллона увеличило плавучесть кормы настолько, что она начала догонять нос. Рааб внимательно следил за Хэмпелом. На мгновение он подумал, что триммер упустит момент и блимп накренится на нос, но Хэмпел, покрасневший под испытующим взглядом Рааба, в нужное время усилил сжатие, и «Пустельга» теперь парила в воздухе с выровненным килем.

Рааб взглянул на Олини. Передний триммер выглядел так, словно происходящее слегка забавляло его. Рааб очень хорошо знал Олини и был уверен, что с этого края корзины неприятностей не будет.

Он снова посмотрел на корму, туда, где стоял Бен Спрейк. Теперь, когда они были наверху, можно было перейти к обычной процедуре и управлять блимпом через него.

— Бен, разверни нас и возьми направление точно на юг, ты понял?

Бен, выглядевший слегка рассерженным, вместо того, чтобы выкрикнуть подтверждение получения приказа, пробормотал что-то себе под нос, но занялся его исполнением.

— Гребцам правого борта держать удар! Гребцам левого борта пол-удара на ритм,— он начал отсчитывать ритм.— Обратно... стоп... тяни! Обратно... стоп... тяни! — его голос слегка дрожал, словно он сомневался в своих действиях.

Рааб вздохнул и отвернулся.

«Пустельга» продвигалась вперед и медленно поворачивалась. Сейчас она была в четырехстах футах над землей и все еще продолжала медленно подниматься. Нет, это еще был не предел для ее слабо накачанного газового баллона. Рааб оглянулся назад и посмотрел вниз, на базу. Дюжина людей в форме Флота, которые составляли боевые расчеты метателей гарпунов, установленных на крышах барачков, неподвижно стояла и смотрела вслед поднимающемуся блимпу. На таком расстоянии Рааб не мог различить выражения на их лицах, но то, как они молча наблюдали за их отправлением, было весьма красноречиво. Хотя в этот день новый экипаж должен был совершить только пробное путешествие над столовой горой, они рассматривали «Пустельгу» как блимп, который ожидает плохая судьба.

Он посмотрел в направлении Штаба и сначала не заметил адмирала Клайна, и его диафрагма сжалась от досады. Затем он увидел приземистую беловолосую фигуру, стоявшую в дверях и смотревшую вверх. Он не махал им вслед рукой (приличия Флота запрещали проявление личных чувств), но было достаточно того, что адмирал подошел к двери и наблюдал за его отплытием. Он не стал бы делать этого ни для кого другого.

Рааб вернулся мыслями к «Пустельге», наклонился вперед и обеими руками оперся о перила. Голос Бена монотонно отсчитывал ритм. Гребцы с обоих бортов сейчас работали в полную силу, и блимп,двигающийся на юг в слабом попутном ветре, развил скорость, как заключил Рааб, до трех узлов.

— Бен, проводи нас за реку. Мы пойдем вдоль того берега. Не очень сердечно Бен ответил:

— Да, сэр,— приказал: — Веслам правого борта — пол-удара!

Стоянка, оставшаяся позади, исчезла из поля зрения. Под ними вдоль песчаной поймы тянулась узкая коричневая лента осен-

ней реки. По обоим берегам расположились фермы: в этой относительно сухой зоне столовой горы в основном выращивали урожай местного зерна, которое люди называли «фарэ», но все-таки здесь были также и сорта земной пшеницы. Овощеводческие фермы и фруктовые сады обособались ближе к краю, тянувшемуся вдоль побережья моря, в то время как овцеводческие ранчо (коровы не смогли пережить период ранней колонизации) располагались на западном конце, где Лоури отступала от моря и где климат был теплее и суше.

Снизу, едва слышно, донесся собачий лай. Рааб перегнулся через перила и посмстрел вниз. Сначала он не видел животного, но потом разглядел темношерстного эрдельтерьера, мчавшегося стрелой среди пыльно-зеленой поросли, укоренившейся в песчаной пойме. Пока он наблюдал за собакой, что-то поднялось из кустов в воздух и, совершая волнообразные движения, быстро двинулось в сторону реки. Это был сущ — «вездесущий» — местная форма жизни с телом, напоминающим очень толстую змею или угря. У него было шесть мясистых треугольных крыльев, выстроившихся вдоль тела тремя парами, и четыре коротких ноги, наподобие птичьих. Этот экземпляр был приблизительно пяти футов длиной, а размах его передних крыльев достигал почти длины его тела. Эрдельтерьер, заморенная голодом собака, преследовал его до тех пор, пока сущ не нырнул в воду, плюхнулся за ним следом, с минуту тшечно и неистово разбрызгивал воду, а затем вброд пошел к берегу. Отряхнувшись, он удрученно постоял некоторое время и пошел к роще флейтовых вязов, которые росли в пойме. Это была довольно глупая собака, решил Рааб. Вместо того, чтобы лаять на суща и загонять его в воду, надо было наброситься сразу. Вездесущие имели зубы, но для истощенной собаки такая еда могла с лихвой оплатить несколько небольших царापин.

Он взглянул в направлении вверх по реке. Здесь и там он мог видеть ловивших рыбу людей. На этом участке реки, вероятно, еще остались некоторые виды земных рыб. Столетия назад колониальный корабль, оставшийся на орбите около Дюрента в течение нескольких лет, снабдил Лоури, так же как и другие столовые горы, рыбой из корабельных аквариумов, но довольно смысленные вездесущие быстро научились добывать эту рыбу.

Однако, если правильно действовать, сущи тоже могли попасть на крючок и составить хорошую пищу, тем более, что еды сейчас катастрофически не хватало.

Волшебные звуки, доносившиеся из рощи флейтовых вязов, постепенно затихали позади. Он посмотрел вокруг, окидывая взглядом небо, насколько это позволял газовый баллон, нависающий сверху и, конечно же, скрывающий все, что творилось над головой, а затем двинулся на корму корзины, чтобы лучше ознакомиться с экипажем.

Корзина «Пустельги» — хрупкая конструкция из похожего на бамбук дерева, добываемого (с определенным риском) в стране джунглей, расположенной немного выше уровня моря — была девяти футов шириной и около сорока — длиной. Сидения для гребцов по обоим бортам, включая дополнительные два фута со стороны перил для того, чтобы тяжелые весла имели достаточный рычаг для работы, оставляли между рядами в середине корзины узкий проход, едва достигавший двух футов. С одной стороны этого прохода от носа к корме тянулись перила для того, чтобы во время сильной качки стоявший в проходе человек мог держаться за них. Сейчас корзина раскачивалась слабо, отклоняясь от центра не более пяти футов в каждую сторону, поэтому Рааб держался свободно. Он остановился за спиной худого, загорелого, темноволосого молодого человека, который с легкостью тянул свое весло.

— Рад видеть вас на борту. Вы Вайнер, правильно?

Человек задумчиво и довольно добродушно повернул свое лицо к Раабу.

— Правильно, капитан. Вилли Вайнер. Перед тем как блокада стянулась вокруг нас два года назад, я нанимался на грузовые блимпы.

— Очень хорошо, — сказал Рааб. — Насколько я могу видеть, у вас крепкие руки и запястья.

Вайнер смущенно посмотрел на него и усмехнулся.

Рааб двинулся дальше и остановился за спиной самого сильного человека в экипаже. По его мнению, этому сильному человеку было около тридцати пяти, его тяжелое лицо с маленькими, глубоко посаженными серыми глазами могло быть мясистым, если бы его владелец питался лучше. Он посмотрел на Рааба ничего не выражающим взглядом.

— Я Джон Кадебек, капитан.

— О! — Рааб чувствовал себя несколько неудобно под этим прямым взглядом. — Вы представитель экипажа. Гражданского, я имею в виду.

Рот Кадебек слегка изогнулся, что могло означать улыбку.

— Да, капитан, гражданского.

Рааб почувствовал на лице тепло от прихлынувшей крови, кивнул и двинулся дальше.

Коротышка, которого он заметил раньше, испытывал некоторые затруднения, толкая свое весло, хотя «Пустельга» шла с небольшой скоростью. У него была седоватая короткая и клочковатая борода, покрасневший от солнца и почти лысый череп, напоминающие кувшин уши, сломанные зубы и выцветшие голубые глаза, которые с изумлением смотрели на окружающее. От усилий, прилагаемых к каждому взмаху веслом, он высунул кончик языка из уголка рта и тихо покрывал. Когда Рааб остановился за его

спиной, он с беспокойством оглянулся, а его весло чуть не столкнулось с тем, что было впереди.

— Привет, капитан,— нервно сказал он.— Меня зовут Поки Рэйджер. Я понимаю, что не самый сильный человек на Дюренге, но в подобном путешествии имею одно преимущество над остальными — я много не ем!

Послышался смех. Рааб, ограничившийся только улыбкой, крикнул Бену Спрейку:

— Остановись на минутку, понял?

Бен недовольно и с сомнением посмотрел на него и приказал:

— Все весла — стоп!

Быстро, пока небольшой бриз не отклонил блимп от курса, Рааб перегнулся через коротышку Рэйджера, поднял весло, освободив паз из опорной щели, продернул его на шесть дюймов внутрь корзины и вставил следующий позиционный паз в опорную щель.

— Удлиненный рычаг немного облегчит тебе работу. Все нормально, Бен.

Спрейк снова начал отсчитывать ритм. Рэйджер посмотрел на Рааба глазами заблудившегося щенка.

— Благодарю, капитан!

Они двигались вверх по течению реки до тех пор, пока она не превратилась в большой ручей. Солнце клонилось к зениту. Гребцы, которых Рааб мог хорошо видеть, были в разной степени утомлены. И он не нашел ни одного, кого мог бы отбраковать сразу — даже Поки Рэйджер держал удар, хотя он не ожидал этого — но им было очень далеко до способностей экипажа регулярного Флота.

— До столицы осталось совсем немного, всего час полета,— сказал он им,— затем мы повернем, и попутный ветер будет нам помогать. Бен, проводи нас к Горе Купола, ты понял? Там наши планеры, и я хочу убедиться, что полеты продолжаются.

— Весла правого борта — пол-удара,— приказал Бен.

«Пустельга» начала поворачивать направо. Изменять направление горизонтального плавания она могла, только изменяя силу взмаха весел по бортам, так как не имела поворотной лопасти, зафиксированной на корме, которыми оснащались новейшие блимпы. Сейчас, когда ветер дул перпендикулярно ее курсу, она немного отклонила нос к наветренной стороне, чтобы противодействовать этому ветру. Гора Купола, высочайшая точка Столовой Горы Лоури, неясно вырисовывалась чуть левее ее носа.

В данный момент Рааб мог видеть только два планера, круживших на такой же высоте около горы, но он знал, что еще, по крайней мере, два планера летают выше, скрытые газовым баллоном «Пус-

тельги». Конечно, они находились наверху в роли наблюдателей. Поднимаясь в восходящих потоках на высоту восьми—девяти тысяч футов над уровнем столовой горы, они, при благоприятной погоде, могли заметить вражеские блимпы на значительном расстоянии; например, над скоплением облаков, тянувшимся вдоль Южного Края. Но сейчас Рааб интересовало другое: какие блимпы поднимали их на стартовую высоту? Если местная База Командования перекачала гелий из нескольких блимпов в одну курицу, то в критическом положении эти разграбленные блимпы окажутся бесполезными.

Когда «Пустельга» приблизилась к горе, он увидел огромный сферический баллон, пришвартованный на склоне горы примерно на тысячу футов ниже ее вершины.

— Ого!— удивленно воскликнул он.

Джон Кадебек, сидевший лицом к корме, как и полагалось гребцам на веслах, оглянулся через плечо.

— Что-нибудь не так, капитан?— спросил он с заинтересованностью в голосе.

Рааб восхищенно улыбнулся.

— Нет. Просто я увидел, что здешняя база для подъема планеров использует баллон с нагретым воздухом! Должно быть, они сами смастерили его. Это старая идея, но мы, насколько я помню, ее никогда раньше не использовали. Вы увидите все это, когда мы продвинемся немного вперед.

Баллон, наполняемый горячим воздухом, был, вероятно, ста пятидесяти футов в диаметре; огромная сфера из прорезиненной ткани, которая должна быть гораздо тоньше той, что использовалась на блимпах, была вся оплетена веревочной сетью. Горячий воздух в баллон поступал через широкую трубу десятифутовой толщины, основание которой упиралось в грубо сделанную печь, выстроенную из необработанных, скрепленных глиной камней. Внизу, около ее основания, располагалась топка. Рааб мог видеть дым и колебания поднимающегося вверх горячего воздуха, а иногда вырывающиеся из трубы языки пламени. Когда они подошли ближе, он даже услышал потрескивание огня. Туго натянутый баллон возвышался над этой конструкцией и рвался в высоту, но удерживался веревками, в которые вцепились две дюжины, а может и больше, человек. Пока он наблюдал, эта команда, словно в плохо отрепетированном балете, шатаясь из стороны в сторону, оттащила огромный баллон от огня. Затем они начали сходить в одну плотную группу (было забавно наблюдать, как они, почти поднятые баллоном в воздух, танцуют неистово на кончиках пальцев ног). Когда их веревки были собраны вместе, два или три человека отбежали и начали растягивать связанные вместе веревки в ровную линию. Эта прочерченная на земле линия тянулась к грациозному

тонкокрылому планеру, пилот которого поднял одну руку в знак одобрения. Словно игрушка на нитке, планер начал подергиваться и раскачиваться, когда освобожденный баллон устремился вверх. Но от первого планера тянулся вниз еще один отрезок веревки; когда слабина этой веревки вытравилась, под первым планером повис второй. Разумеется, это была обычная практика: курицы обычно поднимали по шесть—восемь планеров, подвешенных парами один под другим.

Этот баллон с горячим воздухом поднимал только пару. Он поднимался около двадцати минут, может, немного больше, замедляя подъем по мере того, как остывал воздух. Теперь баллон слегка сморщился, и наконец подъем прекратился. Пилот нижнего планера освободил буксировочный конец, и его планер нырнул в пикирующем полете, набрал полетную скорость и плавно перешел в горизонтальное планирование. В это время баллон, сбросивший половину груза, поднялся немного выше. Газовый мешок «Пустельги» закрыл то, что происходило дальше, и Рааб больше ничего не видел.

Но то, что хотел, он уже увидел.

— Разверни нас, Бен, и держи направление по ветру.

«Пустельга» медленно развернулась, и, когда они встали на курс и двинулись в выбранном направлении, медленно опускающийся остывший баллон снова появился в поле зрения. В конце концов шар, опустившись примерно на тысячу футов, сложился и потерял свою форму. Рааб видел, как он быстро опускается на наветренный склон горы, где его, несомненно, ждали люди, чтобы расправить, перетащить, а возможно, перевезти на тележках к печи и снова наполнить горячим воздухом.

По его оценке, планеры находились примерно на милю ниже вершины горы. Теперь, когда «Пустельга» отошла на довольно приличное расстояние, Рааб мог видеть оба планера и то, как они совершали серии S-образных поворотов, отыскивая теплые восходящие потоки воздуха. Эти потоки могли исходить от темных проплешин открытого грунта, что было хорошо известно пилотам. Но восходящие потоки были непредсказуемы: если пилот не сможет быстро найти какой-нибудь из них, он имеет возможность вернуться к горе, зайти с наветренной стороны и подняться вверх по склону с дующим ветром, хотя такой умеренный бриз, какой был сегодня, не позволит набрать хорошую высоту.

Когда «Пустельга» удалилась от горы примерно на четыре мили к югу, им навстречу попался низко летящий планер, очевидно, направляющийся на базу для отдыха и ленча после того, как провёл патрульный полет и потерял высоту. Они старались облететь как можно большую территорию и обычно возвращались на предельно низкой высоте. Заметив их, он сменил курс и на всех парусах понесся к блимпу. Не долетев до него, планер резко накренился

в крутом повороте и некоторое время летел параллельным курсом, не заботясь о том, что может потерять немного высоты. По сравнению с тяжелыми боевыми планерами, эта облегченная разведывательная модель без метателя гарпунов могла составить пропорцию потери высоты как один к пятнадцати. Рааб увидел глаза пилота, который с любопытством рассматривал слабо накаченный газовый баллон и разношерстный экипаж в гражданской одежде. Он посмотрел на Рааба и начал в приветствии поднимать руку, но вдруг сдержал этот жест. Рааб увидел, как приветливость на его лице сменилась враждебностью. Естественно, являясь сыном Роула Джерана, он был известен в самых широких кругах Флота, и, очевидно, этот пилот относился к немногим людям, верившим в обвинения, выдвинутые против мертвого адмирала.

Разворачиваясь, планер снова резко накренился и поспешил к подветренной стороне горы.

Рааб вспыхнул от гнева. Хотя он сохранял контроль над своим лицом, его маленький палец пульсировал.

Очень медленно гнев начал затихать.

Он смотрел на проплывающий внизу ландшафт. Река с восточной стороны была еще видна, но все мелкие детали уже стерлись.

— Бен, ты хорошо знаешь этот район, чтобы доставить нас к столице?

— Думаю, я смогу найти столицу... сэр!

Рааб удержался от резкого ответа и сказал:

— Прекрасно, но вы, по-моему, держите курс на пять градусов восточнее.

Бен проигнорировал это замечание и продолжал отсчитывать ритм.

— Весла назад... стоп... тяни! — но после нескольких весельных взмахов приказал: — Весла правого борта — ослабить удар на три четверти.

Столица Столовой Горы Лоури лежала в ущелье между двух ручьев, впадающих в Озеро Индиго (такое название оно получило из-за цвета воды, отражающей чистое небо), из которого брала начало река Пограничная. Озеро было узким, но длинным, и его длина составляла семь миль. «Пустельга» медленно двигалась вдоль его восточного берега. На озере находилось несколько лодок, люди в которых занимались важным делом — рыбной ловлей, то есть добычей пищи. Казалось, никто теперь не имел ни времени, ни настроения для обычных человеческих развлечений.

Рааб бросил взгляд на Правительственный Центр. Главное четырехэтажное здание было самой большой постройкой на столовой горе и самой претенциозной по архитектуре. В этом году его не перекрашивали. Почва вокруг него из-за недостатка удобрений ис-

тошилась, и лужайки с настоящей земной травой погибли; кустарник, исключая некоторые местные виды, адаптировавшиеся к бедной почве столовой горы, выглядел не лучше. На ровной крыше здания были установлены метатели гарпунов, и Рааб с мрачной угрюмостью подумал, что здесь от них мало пользы, ибо они пригодны разве что для поддержания морального состояния людей. Мэдерлинк пока не планировал вторжение. Было вполне достаточно и блокады.

Внезапно Рааб понял, что не хочет пролетать над городом, не хочет видеть почти пустые улицы, обветшавшие дома и увядшие газоны, а также истощенных собак, которые могли скитаться внизу (если — до него доходили такие слухи — их всех не съели).

— Поверни на правый борт,— резко приказал он Бену.

Бен с удивлением посмотрел на него, но подчинился. «Пустельга» повернулась носом на девяносто градусов вправо и поплыла над озером. Большинство людей, насколько им позволяла их нелегкая работа на веслах, пристально разглядывали Столицу. Рааб отвернулся.

Достигнув противоположного берега, он резким жестом указал направление движения вниз по течению. Бен, слегка покраснев, снова повернул направо, так что теперь они двигались точно на север. Рааб почувствовал себя несколько пристыженным. Это было мальчишеством, недостойным офицера Флота — так явно проявлять свои собственные настроения. Он решил сказать экипажу что-нибудь бодрое, чтобы немного встряхнуть их, и начал подбирать слова. Но прежде чем он нашел их, его взгляд остановился на расположенном внизу старом двухэтажном доме, прилегающая территория которого с одной стороны граничила с озером. И передний триммер, Эммет Олини, который мог проговорить от силы дюжину слов, включая подтверждения полученных приказов, мягко спросил его:

— Капитан, это ваша ферма внизу?

Пораженный Рааб быстро взглянул на Олини.

— Я... да, думаю так оно теперь и есть.

Он оглянулся на фермерский дом, в котором появился на свет. До сих пор ему даже не приходило на ум, что теперь, как единственный наследник своего отца, он унаследовал эту ферму. Никто до сих пор даже не напомнил ему об этом.

В этом сезоне зерно никто не сеял, но из просыпанных ранее зерен вырос очень редкий урожай. В нормальные годы едва ли кто стал бы его собирать, но в теперешней обстановке это следовало бы сделать. В проплывающих внизу очертаниях фруктового сада еще можно было заметить немногие созревающие плоды, но на клочке земли, отведенном под огород, не было видно ничего, кроме местных сорняков. Дядя Рааба хотел приглядывать за фермой, хотя

без необходимых удобрений едва ли можно было вырастить хороший урожай. Мать Рааба осталась в Востокограде, городе по соседству с Восточной Стоянкой Флота и, конечно, тоже не стремилась на ферму. И Рааб с удивлением понял, что она, испытывая такие же чувства, как и он, просто спряталась от затруднений, которые могли возникнуть в общении с соседями, наполовину поверившими в ложь о ее погибшем муже.

Внезапно перед глазами Рааба мелькнуло что-то малиновое. Мгновение он пристально всматривался в это пятно и задохнулся от гнева. Кто-то нарисовал большую красную букву «М», несомненно означающую Мэдерлинк, на дверях дома. В этот момент он ничего не хотел, кроме того, чтобы уничтожить все, что могло попасть ему под руку. Его большие и сильные руки до боли сжали перила. С большим усилием он заставил себя расслабиться; сейчас он едва ухитрялся контролировать выражение лица. Он не знал, заметил ли кто-нибудь еще из находящихся на борту этот малиновый знак. Отвернувшись, он выпрямился, глубоко вздохнул и заставил себя полностью расслабиться, после чего повернулся назад и снова положил руки на перила. Но он не мог остановить ни их дрожь, ни пульсацию, пульсацию, пульсацию в виске.

Внезапно он вновь обрел способность говорить ровным голосом.

— Ну что, ребята, вы уладили все свои дела?

К нему полуобернулись головы, и мгновение спустя Джон Кадебек тихо ответил:

— За последнее время у нас было не много дел, капитан.

— Хорошо, — коротко произнес Рааб. — В таком случае, мы уходим на две ночи раньше.

Воцарилась тишина, затем послышалось неясное ворчание, к которому присоединился Бен Спрейк. Наконец Джон Кадебек сказал:

— Следовательно, до завтра мы не отдохнем и не получим приличной еды? Ну ладно, если говорить от своего имени, то я не возражаю. Не знаю, много ли хорошего принесет нам это путешествие, но, во всяком случае, чем быстрее оно начнется, тем быстрее я получу об этом представление. На моих руках восьмилетняя племянница, и я уже стал смотреть, как она худеет с каждым днем.

4

Меньшая и более удаленная луна Дюрента давала очень слабый свет, но все же он был более ярким, чем Рааб предпочел бы сейчас. Напрягая глаза, он всматривался вперед, пытаясь разглядеть малейший намек на движение или более темное пятно в темноте,

что могло оказаться вражеским патрульным блимпом. Несколько разбросанных по Северной Стоянке ламп остались за кормой «Пустельги» и теперь представляли некоторый риск, поскольку на фоне этих ламп мог быть виден ее силуэт. Но этот риск был необходим, потому что необычная светомаскировка неизбежно привлечет внимание вражеского патруля, не говоря уже о шпионах, которых Мэдерлинк несомненно имел на столовой горе.

Хотя весла в щелях были тщательно обернуты пропитанными жиром тряпками, Рааб сейчас не беспокоился о производимом ими шуме. Мощный гул Внутренней реки, сорвавшейся с утеса и превратившейся в длинный водопад, полностью заглушал все обычные звуки. Теперь, когда «Пустельга» перевалила через край, гул стал больше, чем шум; это был гром, который сотрясал воздух, который так же ударял по коже человека, как и по его барабанным перепонкам; это был оглушающий грохот, сочетающий в себе гром огромных кузнечных молотов, тарелок и басовых барабанов. Рааб, опершись рукой на передние перила, ощущал дрожь даже в них.

Он едва слышал ломающийся тонкий голос Бена Спрейка, отсчитывающего ритм. Он почувствовал рядом плечо триммера Олини, наклонился ближе к его уху и крикнул:

— Сжатие на один оборот!

Он почувствовал, как Олини потянулся вверх, освободил тормозной храповик и повернул штурвал, хотя не мог слышать скрип оснастки. Но зато он ощутил, как «Пустельга» накренилась и опустила нос. Он уловил едва слышный ритм и присоединил свой более твердый голос к хриплому голосу Бена. Он не пытался ясно произносить слова, потому что гребцы все равно улавливали только ритм, зная, что они безо всякого принуждения тянут весла, прикладывая все силы. Этот ужасный грохот, бомбардирующий людей, действовал на них сильнее, чем какой-нибудь хлыст. Даже он, проходивший над этим краем много раз, чувствовал, как первобытный инстинкт толкает его на паническое бегство ради спасения.

Теперь, перейдя в небольшое пики, «Пустельга» брала дополнительную скорость. Это было превосходно. Он был готов пожертвовать целой милей высоты, лишь бы набрать скорость, прорваться через блокаду; как можно дальше уйти на север от столовой горы, прежде чем взойдет вторая большая луна. И как можно дальше уйти от этого ужасного грохота.

Пролетели секунды, минуты, час... Шум водопада еще казался самым могущественным звуком во вселенной, но теперь он затихал позади них. Сейчас он мог ясно слышать охрипший, надтреснутый голос Бена. Он думал о том, что в баллоне «Пустельги» слишком мало газа, и надеялся, что выбранная траектория спуска не слишком крутая. Он не знал точно, до какой высоты они могли, не опасаясь, спускаться в постоянно увеличивающемся давлении воздуха,

прежде чем достигнут критической точки, когда внешнее давление на баллон превысит внутреннее, что могло привести к крушению блимпа. Он начал сжимать баллон так, что плавучесть стала отрицательной, и блимп вошел в необратимое погружение.

— На корме — сжатие на пол-оборота. Убрать пол-оборота впереди, — и услышал подтверждение в получении приказа с кормы от триммера Хэмпела.

«Пустельга» постепенно выравнила киль.

Он предоставил гребцам десятиминутный отдых, затем они двинулись дальше. Прошел еще час. Шум водопада сейчас доносился до них едва слышным ворчанием. Это даже удивило его: что стали слышны обычные звуки — слабый стук складывающихся лопастей, шепот сагих весел, рассекающих воздух (здесь он был заметно плотнее, чем на столовой горе), скрип оснастки и учащенное дыхание людей. Он напряженно прислушался к крикам какого-то маленького вездесущего, который вылетел на ночную охоту. Если он начнет преследовать «Пустельгу» и привлечет других своих сородичей, как это часто случалось, стая может своими криками выдать их какому-нибудь затаившемуся в темноте и находящемуся довольно близко вражескому блимпу.

Но вездесущий направился в какое-то другое место.

Рааб оглянулся и посмотрел в направлении Лоури. Не было видно ни огней Северной Стоянки, ни каких-либо других огней, но он различил чуть более светлое небо над абсолютно черной массой столовой горы. Он еще мог слышать водопад, но сейчас это был только шепот. Он посмотрел в сторону восточного горизонта, чтобы с помощью хорошо знакомых звезд определить время, но ничего не увидел.

— Бен... раскачай немного корзину, ты понял?

Бен ничего не ответил, но затем хрипло приказал:

— Весла левого борта — удар с запозданием. Назад... назад... стоп... стоп. Тяни... тяни.

Даже хриплый голос не мог скрыть его мрачной угрюмости. Рааб усмехнулся в темноте. Не совсем удобно отсчитывать ритм, когда твое горло сорвалось от крика.

Благодаря разрозненным ударам весел, «Пустельга» начала раскачиваться из стороны в сторону, и, когда корзина начала отклоняться на двенадцать-тринадцать градусов от вертикали, Рааб увидел на востоке знакомые красноватые звезды. Бетельгейзе. Земля, подумал он, находилась где-то за этим отдаленным гигантом. Времени прошло гораздо больше, чем он думал. Большая луна могла взойти меньше чем через час.

— Все нормально, Бен. Выравнивай киль.

Бен прекратил двойной отсчет, и качка перешла в обычное мягкое раскачивание.

Спустя четверть часа Рааб услышал впереди что-то такое, что заставило его насторожиться. Он сжал перила, повернул голову и тихо сказал:

— Все весла стоп! — Прислушавшись, он услышал подобный звук немного западнее. — Встать к балансировочным штурвалам! — Затем он спросил Олини голосом, который даже ему самому показался взволнованным: — Эммет, ты слышал это?

— Да, сэр, — спокойно ответил Олини. — Свистки с блимпа. Рааб вздрогнул.

— Я думаю так же. Если они создали звуковой барьер, они должны были отодвинуться подальше, чтобы водопад не заглушал все... Проклятье! Вместо того чтобы двигаться на север в горизонтальном полете, мы сможем пройти только спускаясь под углом вниз.

— Не сомневаюсь, — сказал Олини, — что они установили звуковые барьеры на разных уровнях. Они могли разместить здесь много блимпов, включая корабли связи и даже грузовые суда.

— Я тоже так думаю.

Рааб обдумывал свои дальнейшие действия, и его маленький палец пульсировал. Что он должен сделать, если учесть, что в баллоне «Пустельги» было так мало газа? Он не мог подняться вверх и пройти над линией заграждения. Он прислушался к свисткам, следующим через равные интервалы. Они были едва слышны, поскольку «Пустельга» пока находилась на некотором удалении. А если он подойдет ближе и начнет пересекать звуковой барьер? Это отразится от баллона «Пустельги» и скажет близко затаившемуся в темноте врагу о их присутствии. Но он также не мог и поднырнуть под звуковой барьер, потому что...

Но «Пустельга» довольно легко и быстро выровнялась на этой высоте. К тому же она несла небольшой экипаж, облегченную оснастку и более чем скудный запас пищи. Значит, она должна выдержат еще один небольшой спуск...

— Сжатие на один оборот впереди!

Он услышал затрудненное дыхание Бена.

— Сэр...

— Замолчи! — резко приказал Рааб, зная и без этого боязливое карканье, в какую рискованную авантюру они влезли. — Всем веслам — пол-удара. Назад... стоп... тяни.

Он примерно с минуту отсчитывал ритм, а затем приказал занять с этим Бену.

Они двинулись вниз, но на этот раз не так быстро, как в прошлый, потому что гребцы ослабили удары веслами. Он не имел балласта: мешки, висевшие по бортам корзины, были пусты. Также они не имели никакого груза, который в случае крайней необходимости можно было выбросить за борт. Принимая это решение, он взял на себя большую ответственность.

— Убрать четверть оборота впереди,— приказал он и услышал скрип штурвала Олини.

В темноте было невозможно определить, насколько они спустились. Он действительно ощущал возрастание давления, или только представлял себе, что ощущает это? У него заложило уши, и, чтобы избавиться от этого, он несколько раз резко вдохнул и выдохнул воздух через нос.

— Все весла — стоп.

Если не считать слабый скрип дерева и веревок, в корзине стояла полная тишина. «Пустельга» продолжала медленно скользить вниз. Свистки теперь доносились с обеих сторон, но они не очень беспокоили его — «Пустельга» была слишком маленькой целью, чтобы отразить эхо. Но, если они пересекут звуковой барьер точно или почти точно между двумя блиппами, заглушит газовый баллон свистки или нет? Он мог представить себе, как вражеский офицер, держа в руке деревянный молоток, наклоняется к свистку и ударяет по отполированной пластине природного кварца, некоторые из которых доходили до ярда в диаметре, а затем неподвижно и не дыша стоит, напряженно вслушиваясь в эхо. Опытный свистун по эху мог различить довольно много вещей: направление движения, размер судна и даже сколько газа в баллоне.

Спуск «Пустельги» не замедлялся.

Незаметно все инстинкты Рааб прозонтильно завершали.

— Хватит!— крикнул он громким шепотом.— Убрать сжатие впереди. Оставить четверть оборота на корме!

— Джеран, надеюсь, ты знаешь, что делаешь?— спросил Кадебек. Его низкий голос дрожал так, словно в этих словах он выплеснул все чувства, которые скопились в нем за последние полчаса.

— Если даже не знаю, уже слишком поздно,— ответил Рааб, чувствуя, как все пересохло у него во рту.— Хэмпел, оставь четверть оборота.

— Но сэр...— пропищал Бен.

Рааб проигнорировал это.

— Все весла — полный удар! Назад... стоп... тяни! Бен...

Бен, вероятно, вспомнивший о флотской дисциплине, начал дрожащим голосом отсчитывать ритм. Рааб крепко сжал руками передние перила. Свинцовая тяжесть опустилась в его желудок. «Пустельга» понемногу выравнивалась, но ему казалось, что она все еще теряет высоту. Окружающий воздух казался плотным и удушливым.

— Эммет, помоги мне перенести все пожитки на корму!

Эммет безмолвно спустился вниз. Рааб нащупал свой ранец и потащил его по узкому проходу между рядами гребцов. Блипп сейчас медленно раскачивался, но качка усиливалась. Он положил ранец на корме и пошел за другими вещами; отступил в сторону и пропустил Олини; подхватил чей-то чемодан и понес на корму.

— Убрать сжатие на корме!

Казалось, что Хэмпел, исполняя приказ, очень торопился освободить тормозной храповик и повернуть штурвал.

Когда все вещи были перенесены на корму, Эммет Олини, не говоря ни слова, остался там вместе с Раабом. Корма была переполнена, и Рааб, стоявший около Бена, мог чувствовать дрожь белокурого офицера. Рааб постоял там некоторое время, затем с трудом перебрался на свободное место и двинулся туда, где Поки Рэйджер, задыхаясь и кряхтя, тянул весло, стараясь не отстать от ритма.

— Подвинься!— сказал он и взялся за рукоять весла.

Он не ожидал, что вымотавшийся коротышка, а так, казалось, и было, оставит руки на рукоятке весла и будет помогать Раабу тянуть его. Раабу казалось, что почти осязаемый плотный воздух создает вокруг них угнетающую атмосферу. Свистки, доносившиеся до них, были явно сзади и сейчас едва слышались. Но были и другие звуки, которые посылали волны беспокойства по его вспотевшей спине: снизу слабо, но отчетливо доносились пронзительные крики и рев обитателей джунглей, хлопки крыльев, когда они перемещались над невидимыми джунглями и вели свой вечный бой ради жизни и пищи. Боже, как низко опустилась «Пустельга»!

Но она больше не опускалась, он был почти уверен в этом! Он знал наверняка, что они достигли и проскочили критическую точку для такого немощного блимпа. Но все же, немного задрав нос вверх, она еще держалась в воздухе, а удары весел, противодействуя отрицательной плавучести, медленно, но верно проталкивали ее вверх. Сейчас возник другой вопрос (он занял все мысли Рааба и колотился в его пульсе, словно трубы Судного дня), как долго обычные люди, полуголодные, многие из которых не казались слишком сильными еще до начала путешествия, смогут продолжать тянуть весла. Уже сейчас корзина была наполнена шумом задыхающихся в мучениях людей.

Но люди, знающие, что их жизни брошены на чашу весов, выдержат эту муку — выдержат сырость, обжигающую их легкие, боль, ощущаемую в каждом мышечном волокне, тошноту в пустых желудках, сжавшихся под напряженными брюшными мускулами. Двоих или троих из них действительно рвало; их ужасное рыгание смешалось с мучительно тяжелым дыханием и всхлипываниями от безнадёжности усилий. В голове Рааба сверкнула мысль, что воздух, которым они сейчас дышали, обладает одним ценным качеством. Да, он усиливает их пытку, приносит им ощущения, словно они заживо похоронены, заставляет их первобытные инстинкты визжать от негодования, но дает возможность их истощенным легким получать больше кислорода.

Казалось, они невероятно долго боролись со своими инстинк-

тами, пытающимися заставить их остановиться. Спустя две или три вечности, Рааб, все еще не веря себе, понял, что окружающий воздух стал чуть-чуть реже и немного прохладнее, а затем он почувствовал, что из его носа течет тонкая струйка крови. Он был абсолютно вымотан, и, чтобы его голос был услышан, ему пришлось ужасно потрудиться. Но он справился с этим и кое-как проквикал:

— Все весла стоп!

Он резко упал и с минуту лежал на грани обморока, почти надеясь, что он все-таки лишится сознания, чтобы на время не чувствовать невыносимую боль в легких и мускулах. Затем он с огромным усилием поднял голову и заплетающимся языком пробормотал:

— Мы сделали это. Мы... остались на плаву.

— Все весла — пол-удара.

Слова все еще отзывались болью в его легких. Сейчас, собравшись с силами, он стоял на своем обычном месте около передних перил, зная, что после двухчасового сна снова будет в полном порядке. Кровь из носа больше ни у кого не текла, и все, кроме Бена, который все таким же ровным голосом отсчитывал ритм, ухитрились проглотить один или два сэндвича. Вместо этого Бен промочил свое горло фруктовым соком. Никто сейчас не находился в сколь угодно серьезном состоянии.

Первая из больших лун сейчас полностью вышла из-за горизонта. Рааб рассеянно посмотрел в ее направлении и вспомнил, как однажды, путешествуя со своим отцом, он видел какой-то далекий блимп, вырисовывающийся четким силуэтом на фоне такой луны. Это был тот самый момент, когда он впервые узнал, что ощущают люди, посвященные в жизнь летающих блимпов, и впервые почувствовал, что любовь, вспыхнувшая между ним и Флотом, останется на всю жизнь. Так или иначе, черный силуэт медленно двигался на фоне луны, выкристаллизовывая в его сознании понятия о том, какое огромное небо было в действительности и как далеко оно могло завести человека, и что блимпы могли сделать из человека гораздо больше, чем просто человека. И с тех пор до сегодняшнего дня он никогда не ощущал себя живым и счастливым, если его ноги стояли на земле.

Конечно, это луна — или ее подруга, которая должна взойти пару часов спустя — могла выдать «Пустельгу», если удача отвернется от них. С блимпа, находящегося в пределах мили к востоку от них или висящего над головой, можно было ясно их видеть; и кроме того, всегда оставался слабый шанс, что силуэт их корабля может четко выделяться на фоне луны, как тот неизвестный блимп в его отрочестве. Но все-таки больше говорило за то, что сейчас они далеко ушли от зоны блокады. И вероятность этого требовала от него большей решимости.

Он повернулся и взглянул на корму корзины. Усталость экипажа проглядывала в каждом мучительном взмахе весел.

— Все весла стоп.— Он устало усмехнулся, услышав вздох облегчения.— Ребята, уберите весла и повесьте их за бортом, но не забудьте проверить веревки. Здесь можно спать в такой же безопасности, как и в любом другом месте. Триммеры Олини и Хэмпел, сделайте и раздайте сэндвичи, вы поняли? А фруктовый сок давайте в неограниченном количестве.

Рааб не давал себе расслабиться до тех пор, пока не удостоверился, что все накормлены и удобно устроены. Два триммера спали на подстилках, которые они постелили на своих концах корзины. Бен Спрейк расположился около Хэмпела. Гребцы свернулись в клубки на прокладках своих собственных сидений. Кому не хватало сорока пяти дюймов длины сиденья, выставили ноги в проход, а некоторые отвязали прокладки и расположились на досках под сиденьями. На такой высоте в такое время года никто не беспокоился о том, чтобы укрыться чем-нибудь.

Горизонтальная площадка с верхней части метателя гарпунов, который занимал восемь футов с правого борта на носу корзины, служила кроватью Раабу. Эта площадка, ширина которой составляла три с половиной фута, со стороны, примыкающей к борту, была обита доской, препятствующей ему выпасть за перила. Человек, повернувшись во сне, мог упасть за борт, и кто-то позаботился о его безопасности. Но сейчас Рааба это не волновало. Пока не успели уснуть последние несколько человек, он сказал:

— Первую двухчасовую вахту я отстою сам, а для второй разбужу Бена Спрейка и Эммета Олини. Через два часа после этого мы двинемся дальше.

Вторая большая луна (ее называли «Золотистая», потому что она была желтее первой — «Серебристой») поднималась сейчас, и это означало, что ему осталось стоять на вахте около пятнадцати минут. Он лежал на левом боку и лениво наблюдал восход луны через свисающую над корзиной веревочную петлю. Конечно, Золотистая была сейчас в меньшей фазе, чем Серебристая, что являлось следствием угловых соотношений между Дюрентом, двумя лунами и солнцем Дюрента.

Он еле-еле приподнялся и сел, так как после погружения осталась боль во всем теле и усталость, затем слез с метателя гарпуна, используя в качестве лестницы бортовой шкафчик, подошел к передним перилам и посмотрел вниз. Пятнистое море тумана, призрачно вырисовывающееся в двойном свете лун, скрывало раскинувшиеся внизу джунгли. Раньше, когда он совершал путешествия в дневное время, то пролетал над этим районом довольно низко

и поэтому ясно представлял себе природу джунглей — толстые ветви деревьев, словно змеи, расползались во всех направлениях и были покрыты изрезанными по краям листьями, достигающими четырех-пяти футов в поперечине; здесь и там торчали из листьев множество скал, в пропелшинах болот виднелись темные лоскуты открытой воды. Чтобы поглощать солнечный свет, профильтрованный густым воздухом нижних высот, листва в основном имела темно-зеленый цвет.

Иногда, в дневное время, когда туман не очень густой, вы можете увидеть громадных вездесущих, греющихся на солнышке. Они взбираются на торчащие скалы, сворачивают кольцами свои шестидесятифутовые тела, а мясистые крылья раскидывают в разные стороны. Ночью, подобной этой, когда особенно сильные вспышки хищничества, спаривания или просто жестокости порождали в джунглях бедлам из визга, криков и мычания, вы можете увидеть, как некоторые большие особи выныривают из тумана в чистый воздух и на всех парусах удаляются в волнообразном полете к более тихим территориям. Но сегодня джунгли были безмолвны.

Протиснувшись между метателем гарпунов и передними перилами, он перешел к противоположному борту и посмотрел вниз с этой стороны. Слово какой-то жирный темный слизень, на поверхности тумана лежала тень «Пустельги». Конечно, если бы наверху был какой-нибудь блимп, это могло бы погубить их, но если такой блимп находился близко или приближался, его собственная тень была бы видна так же ясно.

Рааб устало поднял голову и посмотрел в направлении восточного горизонта. Море тумана простиралось до самого горизонта. Как ночь стирает все краски, так туман почти всегда покрывал эти незначительные высоты.

Где-то вдаль за белым горизонтом был расположен Мэдерлинк. Почти девятьсот миль джунглей лежало между самой западной точкой Столовой Горы Лоури и восточным краем большого Мэдерлинка. Покоренный, если не прочно загнанный Мэдерлинком, Оркет находился на две третьих ближе к Мэдерлинку, но южнее прямой линии между Мэдерлинком и Лоури. Так же как и Лоури, он находился вблизи морского побережья, которое в этой части южного континента тянулось почти по прямой линии, и от него до Мэдерлинка была добрая сотня миль. Западнее и восточнее Лоури были другие столовые горы, но Оркет, Мэдерлинк и Лоури — единственные обитаемые, потому что все другие находились слишком далеко от зоны, называемой страной ущелий, и от гуано-островов.

Он повернул голову и снова посмотрел на Золотистую. Его два часа истекли; даже немного больше, потому что во избежание ошибки он всегда давал припуск. И, устало оторвавшись от перил,

он тихо разбудил Эммета Олини. Затем он двинулся на корму по проходу между рядами спящих людей, среди которых некоторые даже храпели, здесь и там перешагивая или обходя торчавшие ноги, и, разбудив Бена Спрейка, вернулся к своей постели, чтобы моментально погрузиться в сон.

— Два часа, капитан.

Рааб проснулся сразу, едва Олини коснулся его, но в его глазах было такое странное ощущение, словно в них насыпали песок. Ворча, как старик, он медленно поднялся на ноги и заглянул за перила. У «Пустельги» теперь было две тени, одна под ней, а вторая с правой стороны, и обе не слишком темные. Он глубоко вздохнул и подумал, что экипаж сейчас чувствует себя не лучше и поднимать его было равносильно садизму. Но он должен был сделать это, и сделал. Он прошел между рядами и поочередно будил людей, стоя около них некоторое время, пока не убеждался, что человек очнулся и вспомнил, что находится в корзине блимпа.

Когда все были разбужены, он обратился к экипажу.

— Теперь, когда мы довольно далеко ушли от Лоури, я могу рассказать вам наши ближайшие планы. В страну ущельев есть путь, который в течение двух поколений был секретом Флота Лоури.— В тусклом свете он всматривался в их лица.— Вы все знаете, что Большая Песчаная река протекает по широкому и пригодному для судоходства Ущелью Хаузер. Но большинство из вас не знает, что по ущелью, где протекает приток Большой Песчаной, тоже можно пройти.— Он подождал, пока Солс Хэмпел кончил раздавать сэндвичи.— По этому ущелью пройти почти невозможно; к тому же оно слишком узкое и во многих местах обвалы заблокировали его. Но там есть довольно большой туннель, по которому может пройти маленький блимп. Очевидно; в половодье, когда воды очень много, приток Большой Песчаной нашел узкую щель и расширил ее.— он услышал тихое ворчание и усмехнулся.— Нам потребуется полтора дня, чтобы добраться до входа в это ущелье. Я намерен войти в него после полудня, если к тому времени нас никто не заметит. Часть пути мы пройдем ночью, но даже среди дня там почти нет света. Путешествие не будет комфортабельным, но раньше я уже дважды проходил через него, а триммер Олини был там несколько раз.— Он дал им время обдумать услышанное, пока они жевали свои сэндвичи.— Будут какие-нибудь вопросы?

Казалось, ни у кого не возникло вопросов относительно их дальнейшего пути, хотя Бен Спрейк пробормотал что-то Солсу Хэмпелу. Но спустя минуту Джон Кадебек тихо сказал:

— Капитан, возможно, это не имеет отношения к делу, но мне кажется, что блокада осталась далеко позади.

Рааб ждал, что представитель экипажа продолжит говорить, но тот молчал, и спустя некоторое время он ответил:

— Да, так оно и есть, но я не сомневаюсь, что шпионы предупредили врага о нашем появлении. В противном случае, они должны были ожидать, что кто-то попытается прорвать блокаду со стороны морского побережья, чтобы как можно быстрее собрать груз гуано,— он сделал паузу, задумавшись.— Но мне все-таки кажется, их действия были слишком шаблонными, чтобы стать действительно эффективными. Они действовали, словно на простом посту наблюдения.

Послышалось перешептывание, а потом Кадебек сказал с усмешкой:

— Выходит, мы не зря ушли раньше срока.

Рааб улыбнулся в ответ.

— Лучше скажи, что счастье было на нашей стороне.

5

Член совета Ольвани внимательно посмотрел на своего посетителя.

— Ну, садись.— Хотя Джергенс был его главным информатором во Флоте, он не любил этого офицера. Ему нравилось видеть, что Джергенс одет в поношенную домотканную одежду (посетитель, конечно же, не мог прийти сюда в форме).— Садись! — повторил он. Джергенс был высок, и Ольвани раздражало, что на него приходится смотреть снизу вверх.

Слегка покраснев, тот сел.

Более минуты Ольвани смотрел на него молча, стараясь, чтобы его чувства не отражались на лице.

— Ну?

— Плохие новости,— сказал Джергенс.— «Пустельга» ушла на два дня раньше срока и проскочила через блокаду. Этот молодой дурак Джеран сам принял такое решение. По крайней мере, они по крутой траектории снижения на довольно большой скорости проскочили через линию заградительных блимпов. Там так и не узнали, потерпела «Пустельга» крушение или нет.

Ольвани проконтролировал выражение лица. Иногда ему казалось, что он имеет дело только с бездарями, включая некоторых тайных союзников на Мэдерлинке.

— Потерпело крушение? А что ты сам думаешь об этом? Что они сделали, проскочив вниз? Спустились за ними на кораблях заграждения?

Джергенс снова покраснел.

— Нет. Я уже говорил, что в баллоне «Пустельги» было слишком мало газа; она пролетела мимо, них словно раненый вездесущий. И конечно, они не ждали его так быстро.

Внутренне разгневанный Ольвани не позволил своим чувствам проявиться внешне. Он не хотел показать этому человеку, что расстроен. Он мечтал о дне, когда не будет иметь вообще никаких дел с персоналом Флота, а также с большинством других людей, которые сейчас стояли у власти на Лоури. Разве что только подписывать приказы с поручением выполнять работу...

Все еще возбужденный Джергенс продолжал:

— Мое личное мнение таково, что «Пустельга» не могла выжить. Когда в блимп закачено так мало газа, как в этот...

Ольвани холодно сказал:

— Все это ты объяснял мне четыре дня назад. Ты и тогда не был уверен, но блимп могли накачать перед самым уходом. Если они ушли на два дня раньше срока, значит, ты целых два дня держал эту важную информацию при себе и не передавал ее мне. Почему?

Джергенс угрюмо посмотрел на него.

— Вы знаете, я не гражданский и не могу приходить сюда, когда захочу! Вы запретили мне пользоваться посредниками. Кроме того... я сам получил эту информацию только сегодня.

Ольвани потер руки и, сложив их перед собой на столе, посмотрел на них. Он не мог позволить себе в лицо назвать этого человека дураком и поставить под сомнение его способности. Источник информации не должен иссякнуть. Он заметил, что кожа на его руках сморщилась больше, чем это было совсем недавно, и нахмурился. Он не стар! Возможно, ему надо питаться немного лучше. Естественно, он не мог позволить себе явную роскошь, если хотел сохранить политическую поддержку населения. Но немного тайно переправленных продуктов...

Джергенс продолжил:

— Во всяком случае, это наш шанс, или нет? Я имею в виду, если «Пустельга» потерпела крушение. Думаю, я смогу навязать определенное мнение и объявить...

Ольвани, скрывая холодный гнев, произнес:

— Мы не сможем этого сделать. Полагаю, это может оказаться ошибкой. В том случае, если они все-таки вернутся или, по крайней мере, если они как-то сумеют передать сообщение, тогда твое мнение рикошетом ударит в нас.

— Вы ничего не знаете о блимпах и действиях Флота, — сказал Джергенс. — Даже если «Пустельга» уцелела после этого спуска, Джеран должен пробраться в страну ущельев, чтобы получить гелий. Блимпы Мэдерлинка почти наверняка перехватят его там. Но даже если он перехитрит их и доберется до одного из гуано-островов в открытом море — при таком положении вещей у него остается шанс сделать это, если, конечно, он выдержит достаточно долго — шансы на то, чтобы еще раз пророскочить блокаду и вер-

нуться на столовую гору, практически равняются нулю. Возможно, вы даже не представляете, какая плотная блокада окружает нас. Курицы Мэдерлинка несут на себе, по крайней мере, четыре дюжины планеров, способных держаться в воздухе часами.

— Вопреки тому, что среди некоторых из вас Джераң не пользуется популярностью, — сказал Ольвани, — до меня дошла информация, что он очень компетентный офицер Флота. И если я не ошибаюсь, в безлунную ночь блимп сможет найти какой-нибудь способ, чтобы вернуться на Лоури.

Джергенс снова нахмурился.

— Через блокаду, подобную этой...

Ольвани едва сдерживал свое раздражение.

— У меня больше нет доверия к офицерам Флота Мэдерлинка... — он остановился и начал заново: — Я предупреждаю, мы не должны распускать никаких слухов. Как ты объяснишь знание того, что они проскочили? Может, ты хочешь рассказать им, из каких источников ты получаешь подобную информацию?

Джергенс стал совсем багровым.

— Вы считаете, что я полный идиот? Я говорил только об определенном образом сформулированном мнении. Мы з н а е м, что «Пустельга» имеет очень мало газа. Мы з н а е м, что в то время, когда она отправилась в рейс, корабли вражеской блокады стояли около Северограда. Единственное, что они могли сделать, это быстро скользнуть вниз и попытаться пройти под ними!

— Ты снова пытаешься напомнить мне, что я слишком мало знаю о блимпах, — сказал Ольвани. — Теперь я хочу напомнить тебе, Джергенс, что ты абсолютно н и ч е г о не знаешь об общественном мнении. Определенный процент людей — должен признать, что этот процент не маленький — довольно глуп и полон надежды, что «Пустельга» вернется прежде, чем будут заключены какие-нибудь соглашения с Мэдерлинком. Они никогда не признают логику, даже если будут находиться на грани голодной смерти. Между прочим, они упрямо не станут верить никаким плохим известиям о «Пустельге», пока не получат неопровержимых доказательств. Но ты сам признаешь, что дать их мы не можем. — Он снова потер руки и, не мигая, уставился на офицера Флота. — Во всяком случае, ты думаешь, что старый Клайн, услышав это, не заметит, что ты действуешь нечестно? Ты думаешь, что сможешь перехитрить его?

Джергенс снова покраснел и отвернулся.

— Клайн не будет жить вечно.

Ольвани почувствовал, что его губы скривились от отвращения к Джергенсу, но снова овладел собой.

— К несчастью, мне приходится действовать в настоящем, а не в будущем. А сейчас извини меня... И пожалуйста, в дальней-

шем постараюсь доставлять мне важные новости побыстрее. Я не могу платить деньги за плохую работу.

Джергенс покраснел еще больше, встал и, не говоря ни слова, вышел.

Ольвани задумчиво посмотрел ему вслед. Он очень сильно давил на Джергенса, но все же не думал, что тот наберется храбрости и начнет бунтовать. Было бы неглупо подготовить что-нибудь... Он устало вздохнул. Эти вынужденные интриги отнимают так много времени. Кажется, что Ольвани сам должен планировать все от начала и до конца. Даже среди его полных приверженцев было так мало тех, кто мог абсолютно все продумать и действовать как надо.

Он рассеянно потрепал свою маленькую остrokонечную бородку. Люди слишком ленивы и невнимательны. Конечно, в большинстве случаев само общество было виновато в этом.

Даже общественность Мэдерлинка не была так... так логична и эффективна, как должна была быть. Но судьба, размышлял он, благосклонна к нему, и, когда придет время, после того как Мэдерлинк послужит его намерениям, он сможет перехитрить своих бывших союзников. Он не будет торопиться и все тщательно планирует; и, конечно, он начнет с того, что полностью разоружит военных Лоури. Некоторый период, после того как люди Лоури низко поклонятся Мэдерлинку, он будет вилить хвостом перед высокомерным правительством Мэдерлинка: заплатит определенную сумму дани, которую они, несомненно, потребуют; отдаст им господство над гелием и гуано-островами; будет упрашивать и умолять их, когда ему что-нибудь потребуется. Все это будет продолжаться до тех пор, пока они не сочтут целесообразным поручить ему управлять Лоури.

Нет, Мэдерлинк не сможет долго держать превосходство. Нет никаких сомнений, что такое высокомерное империалистическое общество в конце концов развалится от разъедающего его сонного яда. И между тем, последовательно вводя в жизнь свои тщательно разработанные планы, свою разумную систематизацию населения Лоури, свою умелую переориентацию школ, промышленности и системы распределения, свой крепкий, но благосклонный контроль над распространением новостей, он намеревался вырвать с корнем всю ерунду, которая сейчас вводила в заблуждение народ... В этом построенном им обществе, освобожденном от раздутых до огромных размеров бесполезных расходов, усилия каждого будут посвящены сельскому хозяйству, промышленности и их общим целям. Да, Лоури должна будет продвинуться вперед со скоростью света!

Конечно, на некотором этапе здесь, в той или иной форме, установится временное могущество военных, чтобы они могли сбросить кандалы приходящего в упадок Мэдерлинка. Точные детали он разработает в будущем, в зависимости от развития событий. Сна-

чала Лоури должна выпустить бутон начала процветания; люди должны фантазировать в своих коллективных усилиях. Каждый обязан служить Государству, чтобы в один прекрасный день Государство могло лучше служить людям...

Он нахмурился и снова посмотрел на свои руки. Эти морщины не могут быть признаком старости. Нет, он не состарится — его судьба не допустит этого! Несмотря ни на что, ему было всего тридцать четыре года (равноценно пятидесяти девяти земным) и он еще совсем не стар. Он чувствовал себя абсолютно здоровым. Его живот был втянут и на нем не было даже признаков дряблости; его мысли были отточены, а память надежна, как никогда раньше. Нет, он выдержит и закончит свою работу. Это ему г а р а н т и р у е т его предназначение.

6

Держась одной рукой за вертикальную стойку, Рааб сидел на передних перилах и наблюдал, как колеблющаяся тень «Пустельги» мягко ползет по холмистой земле. Джунгли остались далеко позади них, и кроме того, они уже миновали зону прямых высоких деревьев, где добывали не уступающий в прочности бамбуку строевой лес. Покрывающая землю трава грелась в теплых лучах осеннего солнца Дюрента. Ее цвет был чуть зеленее, чем у светло-желтой соломы. Огромные стада жвачных животных с толстой рыже-коричневой шкурой, напоминающие рогатых гиппопотамов, тихо паслись по берегам ручьев и множества озер, разбросанных друг от друга на небольших расстояниях. Вездесущие, словно толстые крылатые угри, хлопали крыльями и, извиваясь, перелетали от озера к озеру, совершая свои таинственные миграции. Здесь, на сотню миль севернее джунглей, крупные крылатые хищники, способные побеспокоить жвачных животных, встречались крайне редко, хотя иногда какой-нибудь вездесущий монстр бросал свое насыщенное место и, набрав три или четыре тысячи футов высоты, добирался сюда за легкой добычей.

Стадо, насчитывающее около дюжины быстроногих пожирателей травы, напоминающих лошадей с лосиными головами, изо всех сил убегало от тени «Пустельги». Они бежали по открытым лужайкам, не приближаясь к воде, и наконец, резко свернув и сделав круг, остановились, задрали вверх головы и стали смотреть на блимп. Рааб знал — раньше они видели множество блимпов и сейчас не были сильно возбуждены. Только инстинкты заставляют их бежать, даже если их никто не преследует.

Он остановился западнее Большой Песчаной реки, в то время как обычные северные маршруты от Платформы проходили по тер-

ритории, лежавшей дальше к востоку, где их могли ожидать враги. За слишком большой риск иногда приходится расплачиваться.

Далеко впереди, с запада на восток, вдоль горизонта вытянулась толстая серая линия, выглядевшая с расстояния туманной и мерцающей. Через неровные промежутки эту серую линию прорезали тонкие и черные вертикальные линии, напоминающие нитки (хотя не все эти нитки были одинаковы по толщине). Толстая серая линия образовывалась обрывистым южным краем страны ущельев, а вертикальные черные нитки обозначали выходы из ущельев. Когда-то эта широкая линия обрывистых скал омывалась волнами моря, довольно мелкого в этой зоне; и лужайка, находившаяся под ними, тогда тоже являлась морским дном. Но позднее море отступило к своим настоящим позициям, где и находится уже многие миллионы лет.

Все знали предполагаемую теорию образования страны ущельев и то, что Рааб видел в свои прежние путешествия, казалось, подтверждало ее. В далеком прошлом, когда морская вода покрывала всю планету, ужасные приливы и подводные течения делали наносы, наслаивающиеся друг на друга в течение долгого времени и впоследствии превратившиеся в континент, который занимал площадь в четверть миллиона миль и имел выходы вулканических пород. Первоначально этот континент полого спускался от каменных образований, ставших потом столовыми горами, к морскому побережью. Но со временем, возможно, благодаря пагубным осадкам поверхности планеты, эта огромная подошва перед каменными образованиями исчезла, и вершины столовых гор оказались изолированными от окружающего мира двумя сотнями миль неприступных отвесных скал.

Необъятный древний прилив магмы, расплавляющей камни, выплеснулся на поверхность; охлаждаясь, магма, словно высыхающая в поле грязи, образовала ажурные пилообразные трещины; скальные структуры, лежавшие в основании, так и не расплавились, поэтому остались неповрежденными; и теперь, скрытая под толстыми отложениями, в некоторых местах достигающими более тысячи футов, бывшая поверхность превратилась в скальное основание страны ущельев. Вертикальные и расширяющиеся у основания ущелья были ни чем иным, как острыми трещинами. Некоторые были частично завалены, некоторые вертикально уходили вниз, на глубину полных трех миль от вершины и упирались в скальное основание. В некоторых местах обвалы образовывали темные пропасти, которые никогда не знали воды, если не считать дождевой, выпадающей в определенное время года, и не знали света, кроме мельчайших лучей, что смогли прорваться вниз от вершины. Эрозия, землетрясения и небольшая вулканическая деятельность в течение долгих веков в некоторых местах расширили эти ущелья, в не-

которых сузили и образовали большие или меньшие пустоты, которые позднее покрылись участками почвы.

В отдельных ущельях обрушившаяся верхняя часть стен не упала на дно, а застряла где-то посредине и образовала различные по величине черные тоннели, по одним из которых текли реки, а по другим нет.

К северу от страны ущельев располагалась зона, где несущие от моря влагу ветры сбрасывали воду в виде снега, который, растаяв, снова устремлялся к морю, поэтому в стране ущельев насчитывалось огромное количество рек и озер. Весной некоторые реки превращались в могучие гремящие потоки и, заполняя ущелья, могли достичь тысячи футов глубины. Напоровшись на завал, реки останавливались и образовывали озера, пока не находили нового стока, который впоследствии углублялся и расширялся течением. Внушающий благоговейный страх ежегодный прилив воды приносил с собой ил, гравий и камни, создавая временами изумительные скульптуры.

Терпеливо вторгаясь туда на протяжении веков, жизнь внесла свои изменения в страну ущельев. Местность, где было достаточно открытого пространства, солнечного света и воды, была усеяна плодородными долинами. Животная жизнь следовала за травой и деревьями до тех пор, пока там не собралась вся экология, происходящая, несомненно, от одного вида, особенно приспособившегося к местным условиям. Благодаря своей врожденной приспособляемости там преобладали вездесущие; они могли летать, плавать и ползать, а все это было необходимо в стране ущельев. Там не было огромных видов, которые наполняли джунгли ужасом ночных кошмаров, потому что для шестидесятифутовых монстров с их мускулистыми, но относительно небольшими крыльями, воздух был недостаточно плотный, так как страна ущельев находилась на высоте полутора миль над уровнем моря. Но все-таки там были достаточно большие, чтобы представлять определенную зубастую угрозу, вездесущие, длина которых достигала двадцати футов.

Каким-то образом — абсолютно непостижимым, если не верить, что жизнь обладает крайне неумолимой магией — менее приспособленные животные нашли свой путь даже в самые глубокие ущелья этой страны. Там, где на открытые пространства проникали солнечные лучи, существовали дюжины различных видов травоядных, включая и гиппопотамов — Рааб сейчас лениво наблюдал за их непрерывно жующими сородичами. Создания, напоминающие грызунов, скрывались в темных расселинах. Другие, как кролики, передвигающиеся прыжками, наполняли ущелья. Живущие на деревьях четвероногие, очень похожие на земных кошек, о которых Рааб читал в книгах, выискивали на ветвях гнезда вездесущих

или прыгивали сверху на спины опрометчиво зазевавшихся существ, живущих на земле.

Среди растительной жизни, большинство представителей которой были уникальны, королями Дюрента были плавуны-растения, что росли на длинных извилистых озерах средних высот, где световой поток, если не прямые солнечные лучи, создавал благоприятные условия.

* * *

Плавуны, хотя и существовали в других областях Дюрента, особенно хорошо приспособились в стране ущельев. Они росли в спокойной воде, глубина которой могла достигать двадцати футов, а их длинные корни тянулись ко дну и словно якорем цеплялись за грязь.

Над единственным, утолщающимся книзу, корнем плавал толстый и пористый (и поэтому плавучий) лист, достигающий пятнадцати футов в диаметре. На этих мягких растительных полях вертикально, на рост человека, поднимались зеленые ветви с маленькими листьями. Ветви располагались довольно близко друг к другу, но все-таки человек мог пролезть между ними.

В определенные сезоны в середине плавучего листа появлялся прямой толстый стебель, поддерживающий семенную коробочку растения. На Дюренте существовали и другие растения, размножающиеся воздушным путем, когда ветер уносил их семена, но это были маленькие растения; их семена уносились ветром за счет массы пушистых и шелковистых прядей. Семена плавунов достигали размеров головы человека, поэтому природа позаботилась о них и наделила большими, наполненными гелием шарами восьми футов в диаметре, которые поднимали семена над озером и уносили прочь из ущелья.

Как плавуны забирали гелий из воздуха (атмосфера содержала только четыре процента гелия) было загадкой ботаники. Одна теория, которая вполне удовлетворяла Рааба, предполагала, что в процессе роста растение использует другие составляющие воздуха, а гелий откладывает в шар. Газ, насыщающий клетки плавучего листа, был тем же гелием, хотя не таким чистым, как в шаре. Кроме того, в шаре газ находился под давлением, поэтому стенки непроницаемой растительной материи не сморщивались даже тогда, когда это хитроумное приспособление природы поднималось в более разреженный воздух.

В любом случае, плавуны вырабатывали гелий и наполняли им шар, который после созревания семян отрывался от пересохшего стебля и уносился в небо. Шар поднимался к солнечному свету на

тысячу футов над краями ущельев и дрейфовал в воздухе пару сотен миль, пока через какую-то способность световосприятия или восприимчивость к восходящим воздушным потокам, а может, каким-нибудь чувством, что присущи животным, не находил новое озеро, подходящее для воспроизводства.

Эти шары плавунов и были источниками гелия. Конечно, блимпы могли отлавливать в воздухе освобожденные шары, но это было слишком утомительно, а для «Пустельги» вообще невозможно. Обычно блимп (в нормальные времена это были курицы или другие большие грузовые корабли) отыскивал озеро с созревшими семенами и, используя ручные меха, перекачивал гелий из шара в свой газовый баллон.

Рааб сомневался, что Мэдерлинк обладает такими же знаниями о стране ущельев и озерах плавунов, какие собрал он сам. Он думал, что, когда придет время собирать урожай плавунов, он сможет избежать встречи с вражескими блимпами.

Первую часть своего плана он все-таки выполнил.

Он повернулся и посмотрел на корму корзины. Усталые руки и спины гребцов двигались сейчас быстро и согласованно, только взмахи маленького Поки Рейджера были несколько вялыми и неуверенными. Для разншерстного, набранного с таким трудом экипажа они принимали все более приемлемый вид, и он надеялся, что они выдержат до конца. Продовольствие, находящееся на борту «Пустельги», нельзя было назвать превосходным, но теперь они добрались до страны ущельев, и Рааб хотел попытаться поохотиться, потратив день-два на это, а также насобирать орехов, зерен и зелени. В таком рейсе люди должны питаться гораздо лучше, чем они могли позволить себе на Столовой Горе Лоури.

Он посмотрел в южном направлении. Едва видимая в тумане, Лоури выделялась над самым горизонтом. Вы могли бы различить ее очертания, если бы знали точно, куда смотреть. При постоянной работе веслами и попутном ветре, скорость которого в среднем составляла два узла, за два дня «Пустельга» покрыла довольно большое расстояние.

— Хорошо снова оказаться в воздухе, Рааб,— сказал Эммет Олини. Рааб, горло которого немного сжалось от волнения, посмотрел на триммера и кивнул.

— Да. Но нам еще надо добраться до входа в ущелье и пересечь его.— Он посмотрел вперед, где неясно вырисовывались потрескавшиеся стены обрывистого края страны ущельев.— Я думаю, мы подойдем к утесу и двинемся вдоль него на восток. Мы находимся примерно на сорок миль западнее Большой Песчаной Реки, и, по моему мнению, приток протекает где-то в семнадцати милях восточнее нас.

— Это точно, капитан.

Они закончили свой путь к востоку вдоль утеса. Здесь не было никаких признаков находящихся вблизи вражеских блимпов или планеров.

«Пустельга» сейчас двигалась на высоте около пятисот футов над основанием утеса и примерно на таком же расстоянии от края страны ущельев. Внизу были разбросаны осыпавшиеся камни. На таком фоне она выделялась едва заметным пятнышком, ползущим в воздухе.

Тем не менее руки Рааба вспотели; хотя вероятность того, что блимп будет перехвачен здесь, прежде чем капитан введет это создание чистого неба в черную дыру, была небольшой, он не мог не испытывать волнения.

Чистый ручей, покрытый пятнышками бурунов над подводными камнями, вытекал из этой черной дыры в основании утеса. Своеобразное узкое ущелье над этим ручьем раскалывало утес и уходило вверх так далеко, как позволял разглядеть глаз. Рааб ждал, когда солнечные лучи осветят эту трещину, достигающую ширины двадцати футов; нет, Рааб не надеялся рассмотреть что-нибудь в самом ущелье, просто на входе ему надо было хоть немного света, так как «Пустельга» не могла сразу окунуться в абсолютную темноту.

Время приближалось. Он тяжело вздохнул.

— Бен, я сам поведу ее. Весла левого борта — четверть удара. Назад... стоп... тяни! — Он взглянул на Олини. — Сжатие впереди на пол-оборота. — Он выждал, пока накренившаяся вперед «Пустельга» не нацелилась носом на ущелье. — Весла правого борта — четверть удара, — некоторое время он отсчитывал ритм, затем приказал: — Все весла стоп! — Теперь, по мнению Рааба, они точно направлялись в ущелье, учитывая поправку на слабый бриз с правого борта. Когда «Пустельга» войдет в ущелье и углубится на несколько ярдов, этот ветерок исчезнет, должен исчезнуть. — Сжатие на четверть оборота на корме и впереди.

Храповики щелкнули, веревки заскрипели, и «Пустельга» немного опустилась.

В своем обычном состоянии она хорошо слушалась руля на этих высотах. Сейчас они были точно над ручьем.

— Убрать четверть оборота сжатия впереди. Все весла — четверть удара! Назад... стоп... тяни!

«Пустельга» медленно приближалась к черному отверстию. Она теперь выровнялась, и удары весел больше не отклоняли ее ни вверх, ни вниз. Достаточно ли они опустились вниз, чтобы пройти свободно под каменным потолком? Да... лучше больше не спускаться и оставить резерв высоты, потому что в ущелье могли произойти новые обвалы во время последнего половодья.

Они ровно скользнули в отверстие. Глаза Рааба всматривались в расстилающийся впереди мрак. Он был рад, что рядом с ним на-

ходится Олини; опытный представитель Флота, который управлял наклоном корзины, знал, как избежать опасностей. Кроме того, что острейшие камни могли проткнуть слабый баллон «Пустельги», она могла зацепиться оснасткой и сломать что-нибудь, а это значило, что им придется испытать несколько неприятных моментов, остановиться для ремонта и...

— Мы прошли точно, капитан, — сказал Олини, словно угадав беспокойство Рааба.

Рааб с благодарностью посмотрел на него.

— Все весла — стоп.

Они прошли довольно далеко внутрь ущелья, и свет от входа едва пробивался сюда, а он хотел, чтобы их глаза привыкли к темноте. Он думал предостеречь гребцов, что «Пустельгу» может снести к той или иной стороне и что они должны быть готовы вовремя оттолкнуться веслами, но решил этого не делать — пока все шло нормально, а ближайший отрезок пути проходил по прямой.

Впереди, где наклонный тонкий луч света пронзал ущелье, поблескивала поверхность ручья. Все-таки свет, проникающий в ущелье, давал тусклое освещение, и он мог видеть пространство, тянувшееся до первого плавного поворота. Он с облегчением вздохнул.

— Бен, ты будешь отсчитывать ритм? Пока всем грести в полсилы.

* * *

Входное отверстие осталось далеко позади и было не видно. Зажженные лампы были развешаны на перилах под газовым баллоном. Чтобы получить больше направленного света, одна сторона каждой лампы была закрашена белой краской. Рааб мог видеть проплывающие по обеим сторонам каменные стены (хотя на некотором расстоянии впереди и за кормой, насколько это позволял слабый рассеянный свет, можно было разглядеть и потолок).

— Сохраняй наблюдение, — сказал он Олини и, обойдя метатель гарпунов, подошел к борту, чтобы проверить привязанные длинные тонкие щупы. Затем он проверил их на противоположном борту. Он не думал, что они понадобятся прямо сейчас — он чувствовал, что в этом проходе лампы обеспечат безопасность — но в дальнейшем, на особенно темных участках ущелья эти щупы могли пригодиться. Привязанные к перилам на носу и на корме, они торчали в разные стороны, словно усы ночного вездесущего.

Казалось, до сих пор все шло нормально. На поверхности солнца должно было уже клониться к западу.

— Бен, через несколько поворотов с правого борта будет до-

вольно большая пещера, чтобы «Пустельга» могла войти в нее. Когда мы доберемся до нее, ты свернешь туда. Мы встанем там на якорь, поедим и час отдохнем.

Спрейк что-то пробормотал, подтверждая получение приказа. Рааб уже утомило его мрачное настроение, но он не стал заострять на этом внимание и вернулся к передним пёрилам.

* * *

Пока Бен Спрейк довольно уверенно проходил повороты, Рааб всматривался в расстилающуюся впереди темноту. Еще несколько ярдов, и передние лампы выхватили вход в пещеру.

Что-то внезапно заставило Рааба напрячься.

— Все весла — стоп! — Он услышал вздох Бена и ворчание экипажа. — Триммерам приготовиться!

Некоторое время он, напрягая глаза, всматривался в неопределенную темную массу, которая с одной стороны частично запруживала маленькую подземную речку. Белая вода, едва видимая (и слышимая) отсюда, раздраженно огибала это препятствие. В этой темной массе, которая могла оказаться гигантским вездесущим, хотя Рааб даже не представлял себе, что он мог здесь делать, не было даже намека на движение.

«Пустельга» сошла с курса и начала рыскать по сторонам.

— Все весла — четверть удара! — он начал отсчитывать ритм, затем крикнул: — Бен! — и младший алтерн подхватил счет.

Очень медленно «Пустельга» повернула нос. Свет ламп постепенно высветил темную массу впереди. Рааб глубоко вздохнул:

— Эммет, тебе ничего не напоминает эта?..

— Да, Рааб. Это пустой газовый баллон, упавший на корзину. Небольшой блимп...

— Это «Сова»! — голос Рааба был взволнован. — Она не прошла здесь! Слажение... убиты... но она просто не прошла здесь!

— Капитан, — спокойно спросил Олини, — может, на ней есть сообщение для наших куриц?

Рааб выдохнул и снова глубоко вздохнул.

— Возможно.

Он дрожал так, словно искупался в самом холодном ручье страны ущельев. Он попытался взять себя в руки. Очень ярко он представил себе, как «Сова» двигается в темноте по этому ущелью, и ее лампы, как у «Пустельги», светят вперед, а затем внезапная засада! Свист стрел и гарпунов, и труп «Совы» падает вниз. Предательство... Измена...

Он вытер вспотевшие ладони о свои брюки. Если сейчас их тоже поджидает засада, он уже ничего не сможет сделать. «Пустельга»

представляла из себя прекрасную невооруженную мишень; у них даже не будет времени взять луки и достать из бортовых шкафчиков стрелы для обороны.

— Убрать четверть оборота сжатия впереди и на корме!— Едва ли враги (даже если им известно это место, а все говорило за это) успели добраться сюда раньше «Пустельги», подумал он. Но если он ошибается...— Все весла — четверть удара,— хрипло приказал он.

«Пустельга» медленно двинулась вперед. Теперь он ясно видел обломки потерпевшего крушение блимпа.

— Сжатие на четверть оборота впереди и на корме,— он сурово и прямо стоял у передних перил, готовый принять на себя первые стрелы, если они все-таки прилетят. Черная пустота пещеры зияла почти у самого борта.— Весла правого борта — стоп! Триммерам приготовиться! Мы входим и встаем на якорь.

Тихо, если не считать слабого скрипа весел и оснастки, а также шума крови, пульсирующей в висках Рааб, старая «Пустельга» медленно проплыла над поверженной сестрой и повернула в пещеру. Рааб взял лампу и наклонил ее, чтобы свет шел под углом вниз. Осыпь гравия может представлять хорошее место... Опустив корму, корзина слегка наклонилась... Надо приготовиться перепрыгнуть через перила и перебежать к линии больших валунов...

— Все весла — стоп! Сжатие на один оборот впереди и на корме!

* * *

Рааб поставил часовых сверху и внизу по течению речки, так что пещера оставалась посредине, и это было все, что он мог сделать для безопасности.

Несколько минут ушло на то, чтобы стащить пустой газовый баллон «Совы» с ее корзины.

Этот прорезиненный саван не позволил вездесущим и другим обитателям реки забраться в корзину. Рааб подавил подступившую к горлу тошноту и заставил себя снова посмотреть туда.

— Стрелы Мэдерлинка, все точно! В засаде здесь, вероятно, было не менее пятидесяти лучников. И, по крайней мере, два метателя гарпунов, установленных в пещере. Никто на борту «Совы» даже не получил шанс взять лук в руки!

— Я знал обоих триммеров и большинство членов экипажа,— тихо сказал Олини.— Они были хорошими парнями. Но все-таки некоторые из них должны были выбраться со своих мест!

Рааб мрачно покачал головой.

— Они были утыканы стрелами прежде, чем смогли понять,

что происходит. Они представляли из себя прекрасную мишень — не гребли и сидели в ожидании очередного приказа. «Сова» вообще не двигалась.

Олини бросил на него быстрый взгляд.

— Откуда ты это знаешь, Рааб?

Палец Рааба неистово пульсировал. Широким шагом он подошел к передним перилам корзины, перегнулся через них и открыл дверку маленького шкафчика, приткнувшегося в правом углу. Такой же шкафчик был на борту «Пустельги», и Олини, когда не был занят, сидел на нем. Одна сгнившая кожаная петля отвалилась и дверка обвисла.

— Кто-то на борту знал, что должно произойти, — мрачно сказал он. — И стрелы не попали в него. Прежде чем газовый баллон обрушился на корзину, он успел выбраться из нее. И, кроме того, он прихватил с собой лаг и вахтенный журнал «Совы»!

Экипаж безмолвно смотрел на него. Спустя некоторое время Олини сказал:

— Возможно, ты прав, Рааб, среди экипажа нет его капитана. Кто был командиром? Ты знаешь?

Рааб кивнул.

— Капитан Мэйкл. — Некоторое время он стоял, опустив руки вдоль тела, кулаки сжаты и маленький палец пульсировал. — Нам лучше позаботиться о своих делах. Я не думаю, что после этого мы останемся здесь!

Бен Спрейк, который больше молчал после этого ужасного открытия, вдруг подал взволнованный голос.

— Один из триммеров на борту «Совы» был моим двоюродным братом. — Он посмотрел на тело одного из них и быстро отвернулся. — Наименьшее, что мы можем сделать для них, это похоронить с почестями. Там, в глубине пещеры, есть песок, а потом сверху мы можем навалить камни...

Рааб почувствовал, как гнев закружил ему голову, и повернулся к младшему алтерну.

— Ты не понимаешь, что враги, напрягая все силы, разыскивают нас? И ты хочешь задержаться здесь, чтобы похоронить трупы годичной давности?

Бен немного замаялся.

— По крайней мере, мы можем сбросить их в реку.

— Ты думаешь, что один такой умный? — огрызнулся Рааб. — Как ты считаешь, что решит капитан вражеского блимпа или пилот планера, увидев плывущие вниз по реке трупы? — И тут же, пожалев о своей легкомысленной вспышке, добавил: — Большинство мужчин, которые погибли в бою, остались не похоронены.

— Здесь было другое, — упрямо сказал Бен, — они двигались к морю. Я не думаю, что ты отрицаешь право на уважение...

Рааб, стараясь не выйти из-под самоконтроля, шагнул к Бену. — Это глупое замечание. Вспомни, что мой отец — так же, как и твой — погиб в бою!

Бен свирепо посмотрел на него, на его пухлом лице появились признаки мятеха.

— Во всяком случае, — с дрожью в голосе сказал он, — я уверен, что мой отец не был предателем.

Даже если он и пытался, Рааб не смог сдержать свои рефлексы. Его правая рука поднялась, согнулась в локте и отвелась назад, а потом рванулась вперед к челюсти Бена. Удар, в который он вложил все бешенство, кипевшее в нем и сдерживаемое в течение года, принес некоторое облегчение, переходящее почти в экстаз. Бен пошатнулся, отступил назад и тяжело упал на гравий. Приподнявшись, он оперся на локти, но так и остался лежать, глядя снизу вверх на Рааба. На его лице появилось выражение удивления, обиды и, возможно, след раскаяния. Со сжатыми кулаками Рааб шагнул вперед и некоторое время стоял над ним. Только одна мысль сжигала его полуконтролируемый мозг: «Если он поднимется, я убью его... Я буду бить его, пока он не превратится в бесформенную массу...»

Но долго жадать крови своего товарища отрочества, который, к тому же, не проявлял ни малейшего желания продолжать драку, было невозможно. Наконец Рааб справился с обуревающими его чувствами.

— Все на борт, — коротко сказал он, повернулся и зашагал к «Пустельге»; взявшись за свисающую веревку с узлами, он начал подниматься, используя для этого только слабо дрожавшие руки, которые, казалось, стали вдвое сильнее.

Через некоторое время, когда они были уже в пути, он пожалел, что ударил Бена. Это ничего не доказывало, а только показало его уязвимое место и ненависть к жи об отце. Но что еще он мог сделать?

Сжимая перила обеими руками, он стоял чуть наклонясь вперед, и всматривался в ту сторону, куда носовая лампа отбрасывала тусклый свет. Бен на корме мрачным голосом отсчитывал ритм, стараясь показать себя более обиженным, чем есть на самом деле. Когда он поднялся на борт, Рааб заметил, что в одном уголке его рта была маленькая струйка крови. Но в прежние годы Рааб и большинство других молодых людей получали много подобных ударов в юношеских играх или полусерьезных драках.

Конечно, Бен не часто принимал участие в таких приключениях.

Гребцы покрякивали от прилагаемых усилий. Казалось, они тянули весла на пределе своих возможностей. «Пустельга» была слишком уязвима, слишком беспомощна в ловушке этого длинного

тайного прохода. Он спросил экипаж, не хотят ли они остановиться и поесть сэндвичей, но оказалось, что все, как и он сам, хотели скорее выбраться отсюда.

Выход из тоннеля был, по крайней мере, импозантный: не очень широкое вертикально поднимающееся отверстие, возникшее в результате каких-то катаклизмов, в котором протекающий здесь ручей падал вниз на милю глубины. Шум водопада был таким оглушающим, что Раабу приходилось отдавать свои приказы жестами. Слабые гребки веслами очень медленно — в три раза медленнее, чем должно было быть при нормально накачанном газовом баллоне — поднимали «Пустельгу» вверх.

Рааб постоянно думал о том, что может случиться, если наверху их поджидают вражеские блимпы. В свете второй, самой яркой луны (когда они приблизятся к выходу, он, конечно, погасит лампы) «Пустельга» станет жалкой мишенью. Если гарпуны сразу пронзят ее газовый баллон, им не придется даже тратить стрелы — падение вниз по этой черной оглушающей трубе, по которой они в данный момент поднимались, успешно завершит начатое ими дело.

Но врагов не было. Они медленно поднялись в лунном свете и прежде чем дали себе возможность расслабиться, выровнять дыхание, предоставить отдых болевшим спинам и пожевать сэндвичи, полчаса неистово гребли, стараясь как можно дальше уйти от этого места. Рааб тоже сидел на весле рядом с Поки Рейджером. Немного отдохнув, они продолжили свое путешествие, но в более терпимом ритме. На этой высоте воздух был примерно такой же, как дома.

К восходу солнца они почти добрались до известного Раабу укрытия, где можно было отдохнуть, постирать одежду и пополнить свои запасы.

7

Держась в тени каменного утеса, Рааб внимательно изучал долину, к которой привел «Пустельгу». Крутые стены, которые, вероятно, были кратером древнего вулкана, образовывали яму около полутора миль в диаметре и почти полмили глубиной. Река, когда-то пробившаяся сюда, образовала озеро, принесла слой почвы, осевший на дне, а когда нашла себе другое обходное русло, предоставила озеру возможность подпитываться из небольших местных ручейков. Озеро сжалось до нескольких сотен ярдов в диаметре и обнажило плодородную почву, которая в избытке получала солнечное тепло, если не считать участка вдоль южного утеса, где почти всегда лежала тень.

Здесь в неторопливой поступи времени природа воссоздала

траву, деревья и другую растительность. Возможно, этому содействовали и вездесущие, которые неумышленно переносили прицепившиеся к лапам семена растений, насекомых и всякую всячину из других районов. В конце концов на этой щедрой экологической базе обосновалась другая местная фауна, приспособившаяся к этой высоте и к здешнему климату. Рааб знал, что здесь были, по крайней мере, два земных вида, одичавших после первой высадки колонии и выживших в конкуренции с целым спектром вездесущих форм жизни Дюрента. Это были полосатые кошки и чайки, которые, очевидно, нашли здешнее окружение более гостеприимным, чем морское побережье (правда, на маленьких островках вдали от берега чайки тоже нашли пристанище). К разнообразной фауне Дюрента чайки добавили недостающие ей перья.

Сейчас в эту долину Рааба привлекало не обилие животной и растительной пищи, а то, что здесь было укромное место, не видимое с воздуха, куда он мог спрятать «Пустельгу». Это была каверна, расположенная в основании бросающего глубокую тень южного утеса. Высота ее от пола до каменного свода потолка составляла шестьдесят—семьдесят футов и, по крайней мере, на сотню футов она углублялась в утес, что позволяло укрыть здесь гораздо больший блимп. Высокие деревья с прямыми стволами и круглыми листьями росли так близко к каверне, что полностью закрывали ее своими вершинами; они создали такой эффективный экран, что даже ночью там можно было разводить огонь, не опасаясь быть обнаруженным.

Он в последний раз окинул взглядом долину; кроме медленно передвигающегося по открытому большому лугу стада пасущихся животных, здесь и там перелетающих вездесущих различных размеров, он не заметил никакого движения. Он вытянул шею, чтобы осмотреть как можно больше неба, скрытого газовым баллоном, встретил взгляд триммера Олини, усмехнулся и пожал плечами.

— Насколько я знаю, здесь нет другого способа произвести разведку, кроме как спуститься на землю и пройтись ножками. Все весла — пол-удара. Триммерам приготовиться.

«Пустельга» выползла из тени и двинулась над долиной.

— Сжатие впереди на полтора оборота. — Она опустила нос. — весла левого борта — стоп! — «Пустельга» начала поворачивать, продолжала снижение, встретила тень южного утеса и пересекла ее. — Все весла — пол-удара. — Теперь она прекратила поворот и мягко заскользила вниз вдоль утеса. — Все весла — стоп.

«Пустельга» шла по инерции, медленно теряя высоту. Рааб всматривался вниз, пытаясь определить местонахождение скрытой за экраном деревьев каверны. Даже находясь так близко, он не видел ее, но надеялся, что узнает характерную выпуклость утеса над ней.

— Все весла — реверс! Четверть удара — реверс! Назад... стоп... толкай. Назад... стоп.... толкай.

Экипаж не имел большой практики в таком виде передвижения, и поэтому взмахи были короткими и несильными. Но это уже не решало дела: «Пустельга» перестала двигаться вперед и медленно оседала вертикально вниз.

— Убрать впереди пол-борота сжатия.— Он ждал, чувствуя мягкое покачивание корзины и наблюдая, как уплывающий вверх утес двигается все медленнее, медленнее...— Убрать впереди одну восьмую оборота сжатия.— Она все еще не выровнялась... Он подождал еще, давая ей возможность медленно принять горизонтальное положение, и вдруг заметил старые пни, где много лет назад срубили деревья, расчищая вход в каверну.— Убрать четверть оборота сжатия впереди и на корме. Весла — вперед. Назад... стоп... тyani.

«Пустельга» начала входить в каверну, и ветви деревьев заскребли по газовому баллону, пощелкивая время от времени, когда сучки задевали оснастку. Рааб приостановил ее движение и позволил спуститься почти к самой земле, а затем приподнял ее нос и ввел под защиту каменного потолка.

— Сжатие на один оборот впереди и на корме. Мы должны срезать столбы, вбить их в землю и закрепить блимп.

* * *

«Пустельга» была закреплена. Рааб собрал высадившийся экипаж и сказал:

— Вы можете купаться и стирать одежду в ближайшем ручье, но остерегайтесь приближаться к озеру — там могут оказаться большие крепкие зубы,— он сделал паузу.— Лучше всего ловить рыбу в озере на заброшенный линь. Если для приманки вы используете насекомых, на крючок, вероятно, не попадется что-то слишком большое, но на всякий случай держите под рукой дубинки. Оставайтесь вблизи укрытия и не бросайте вокруг ничего, что может быть замечено с воздуха.— Он в некотором замешательстве посмотрел на Бена.— Младший алтерн, если хочешь, можешь пропустить первую вахту, но оставь глаза открытыми и следи за общей безопасностью.

— Мы получили мыло? — спросил Джон Кадебек.— Большинство из нас не смогли принести его с собой.

Рааб кивнул.

— У нас есть мыло, но не очень много, поэтому постарайтесь не расходовать его зря.— Он повернулся к Олини.— Ты, Эммет, и триммер Хэмпел проверьте всю оснастку блимпа. Так как вы пер-

выми заступите на вахту и будете находиться поблизости, вам это не составит особого труда.

— Конечно, капитан. Во всяком случае, прежде чем я искупаюсь, пусть солнце немного прогреет этот ручей.

Рааб немного покраснел и усмехнулся — на самом деле он не взял на себя первую вахту совсем по другой причине. Он вынул из бортового шкафчика сигнальную флейту.

— Я собираюсь сходить в разведку и хочу, чтобы со мной пошли еще два человека. Вайнер, ты выглядишь не очень усталым — не желаешь пойти со мной? — Он посмотрел вокруг, отыскивая следующего претендента.

— Я тоже хочу идти, — сказал маленький Поки Рейджер прежде, чем Рааб сделал свой выбор. — Я тоже не собираюсь купаться в холодной воде и хочу немного размять ноги.

— Прекрасно. — Рааб достал три лука и колчан со стрелами. — Если у нас будет возможность, мы принесем немного мяса, но главное, что мы хотим разведать, это, известно ли врагу это место и появлялись ли они здесь. — Отойдя от экипажа, он добавил: — Не разбредайтесь далеко друг от друга и слушайте сигналы флейты. Один долгий звук будет означать, что мы нашли признаки посещения врага — в этом случае, каждый должен соблюдать особую осторожность. Два длинных звука — появление в небе блимпов или планеров. Серия коротких нот будет означать, что мы попали в беду и нуждаемся в помощи. Вы поняли?

Кадебек подтвердил это.

— Капитан, на сколько времени вы уходите?

— Мы вернемся еще до полудня.

* * *

Когда они вышли на открытую площадку, солнце уже пригревало, но предутренний холод еще чувствовался в тени утеса и в затененных рощах.

Рааб держался поближе к рощам и поэтому заметил планер, когда он был над серединой долины.

Он вытянул руку и затащил Вилли Вайнера под прикрытие. Они стояли и смотрели вверх сквозь редкую листву. Планер над ними держался на высоте около трех тысяч футов, сохраняя высоту, чтобы перескочить через окружающие утесы, и лениво двигался по кривой S-образной линии. Рааб нерешительно потянулся за сигнальной флейтой, но снова засунул ее в карман. Любой звук, способный преодолеть расстояние между ними и лагерем, мог быть так же услышан пилотом планера.

Поки Рейджер спросил тихим голосом:

— Капитан, это враг?

— Это образец Флота Мэдерлинка, — ответил Рааб. — Если в лагере его сразу заметили, он не будет представлять реальной угрозы, но он находится очень низко, а это значит, что курица недалеко.

— Почему, капитан?

Рааб посмотрел на тощего коротышку.

— Поблизости нет ни одного места, где мог бы приземлиться планер, поэтому курица будет ловить его в воздухе. Воздух здесь почти неподвижен, и на такой высоте он не сможет уйти в дальний планирующий полет.

— Сколько отсюда до ближайшего озера плавунов? — спросил Вилли Вайнер. — Вы — я имею в виду Флот — не устраивали базу в этой зоне?

— Около шестидесяти миль. Мы предполагали его занять. Но курица этого планера находится гораздо ближе — вероятно, не более десяти миль. Это значит, что нас активно ищут!

— Голого человека в ручье можно легко заметить, — сказал Вайнер.

Рааб вздохнул. Он и сам прекрасно знал об этом.

— Если это открытый ручей. Тот, что протекает вблизи «Пустельги», в основном, закрыт листвой. Хотя она не очень густая, но этого хватит, чтобы замаскировать находящиеся под ней предметы. Я только надеюсь, что они были осторожны. В данный момент я не могу воспользоваться флейтой.

Больше они не говорили и смотрели, как планер завершил очередной разворот над долиной и скрылся в северном направлении. Рааб с тревогой думал о возможном местонахождении курицы. В пределах десяти миль не было площадок, пригодных для планеров, но курица могла принести их с базы и послать в различных направлениях. Из этого вытекало, что некоторое количество куриц могло действовать в различных точках. Он мог наглядно представить себе принцип их действий: база является ступицей колеса, а вдоль каждой спицы расположены курицы. Он попытался припомнить местность в зоне поисков. Хотя он не собирался планировать что-нибудь прямо сейчас, но знать о существующих поисках было лучше, чем не знать.

— Капитан, раз они находятся так близко, — спросил Поки Рэйджер, — значит, мы вообще не получим гелий?

— Мы не пойдем к лучшим источникам, — рассеянно ответил Рааб. — Там есть дюжины маленьких озер с небольшим количеством плавунов, некоторые из них я хорошо знаю. Они расположены поблизости. Нас может удовлетворить одно из них, когда мы туда доберемся. На наше счастье, «Пустельга» так мала, что ей не требуется много гелия.

— А они знают это, как ты думаешь? — спросил Вайнер. — Или они ждут большой блимп?

Рааб почувствовал пульсацию своего маленького пальца.

— Если учесть все, что случилось, — мрачно ответил он, — мы можем предположить, что они точно знают, какой блимп провалился через блокаду и его технические особенности.

* * *

Пилот планера не проявил никаких признаков того, что заметил нечто важное в долине. Возможно, он пытался их обмануть, но на это было не очень похоже. По крайней мере, один раз он снизился и сделал круг, чтобы рассмотреть все получше. В любом случае, исходя из того, как Рааб представлял себе систему поиска, здесь не должно было появиться вражеских планеров в пределах следующего часа, и с некоторым риском он, Вайнер и Рэйджер могли потратить на пополнение их небольших запасов это время.

Они пошли вокруг наибольшего открытого луга, чтобы ближе подобраться к пасущимся животным, которые были меньше большеголовых, напоминавших Раабу виденных им на картинках земных гиппопотамов, но, вероятно, это были родственные виды. У них были широкие морды, и поэтому они, набив полный рот, могли щипать десятидюймовой высоты луговую травку, не теряя ее, но все же не шли ни в какое сравнение с ходячими пожирателями травы, обосновавшимися в стране низких холмов. Вместо тяжелых и широко закрученных рогов у них были короткие и тонкие дуги. У них была рыжевато-коричневая шкура. Захватив полный рот травы, они то и дело вскидывали голову, и Рааб предположил, что эта привычка служила для стряхивания почвы с корней травы. По прежним путешествиям он знал, что эти животные весьма подвижны и очень быстро бегут, если их вспугнуть.

Он поставил Вайнера и отошел от него на пятьдесят ярдов, оставив Рэйджера посредине, не надеясь, что тот сделает хороший выстрел. Они уже выбрали молодого самца, который по только ему известным причинам отошел от стада на несколько ярдов в сторону рощи. Возможно, животное хотело за счет осторожности получить больше сочной травы.

Надеясь, что зверь подойдет ближе, Рааб выждал десять минут, но когда этого не произошло, вынул лук и, поскольку расстояние было большим, послал стрелу по слегка изогнутой траектории. Прежде чем она попала в цель, в воздухе уже была стрела Вайнера. Рааб признал, что это был хороший выстрел, хотя не сомневался, что у Вайнера крепкие руки. Обе стрелы попали в цель, но не совсем удачно: стрела Рааба застряла в правой лопатке, а стрела Вайнера пронзила грудь, не задев сердца.

Зверь испуганно взметнулся в воздух, повернулся и умчался прочь, прежде чем Рэйджер успел выпустить свою стрелу. Его запоздалый слабый выстрел поразил траву много ближе и на двадцать ярдов левее того места, где стояло животное.

Рааб посмотрел вслед быстро перебирающему ногами стаду и затем, забрав по пути Рэйджера, подошел к Вайнеру.

— Теперь, после того как одного ранили, мы начнем преследовать их.

Рэйджер выглядел слегка ошеломленным, словно впервые в жизни стрелял по живой мишени, а Вайнер лишь пожал плечами.

— А если они свернут в лес?

— Я так не думаю. Но все-таки мы снова обойдем их вокруг.

Так они и сделали. Когда они наконец под прикрытием деревьев осторожно приблизились к стаду, раненый зверь лежал в окружении других животных. Его бока тяжело вздымались. Даже если они не убьют его раньше, он умрет в течение нескольких часов, подумал Рааб, поэтому он не мог позволить ему страдать так долго, тем более у них не было времени ждать.

— А что случится, если я пройду вдоль той опушки и выбегу с той стороны? — нерешительно спросил Рэйджер. — Может быть, они побегут в вашу сторону?

Рааб посмотрел по сторонам. Во всяком случае, стадо может побежать бокom к нему и Вайнеру.

— Хорошо, попробуем это сделать.

Они ждали. Рэйджер шел довольно тихо, и они не видели его до тех пор, пока он не выбежал неуклюжей рысью на луг, крича и размахивая руками. Стадо снова затопало ногами и под небольшим углом понеслось в сторону Рааба и Вайнера. Раненое животное немного замешкалось, пытаясь подняться на ноги, и они выпустили в него еще по стреле. Пошатываясь, зверь сделал несколько шагов и упал.

Испытывая слабую тошноту, которая всегда подступала, когда он убивал живых существ, Рааб выбежал на луг и перерезал животному горло своим кремниевым ножом. После этого они вытащили тушу под прикрытия, пронесли ее около четырехсот футов, содрали шкуру и разрезали на куски так, чтобы каждый из троих мог взять посильную ношу.

Не успели они отойти на достаточное расстояние, как увидели извивающихся вездесущих, которые слетались к точке, где они оставили останки животного.

* * *

Рааб отошел от каверны, где Олини развел два костра и поджаривал филе пойманного в озере вездесущего. Чтобы зажарить

большие куски мяса, принесенные трио Рааба, он насадил их на вертел и пристроил над огнем.

Рааб пошел к устью ближайшего ручья, где, как сказал ему Олини, находились наиболее удачливые рыболовы. Их довольно потрепанная одежда, которую трудно было заметить с воздуха, была развешана на кустах для просушки. Четыре или пять человек продолжали забрасывать свои линии. Решив искупаться, Рааб начал было раздеваться, но, услышав низкий голос Кадебек, пошел вдоль берега озера, пока не наткнулся на представителя экипажа.

Кадебек сидел на корточках и чистил вытасченного из озера четырехфутового вездесущего. Он поднял глаза и кивнул.

— Олини сказал мне, что ты первый заметил тот планер и довольно быстро увел всех под прикрытие, — сказал Рааб.

Не разгибаясь, Кадебек сел на землю и вытянул вперед затекшие ноги.

— Один или двое купались на открытом месте, и я действительно предупредил их, но это было до того, как я заметил планер. Уверен, когда он проходил над нами, они уже скрылись.

— Хорошо, — несколько рассеянно ответил Рааб, наблюдая за ножом, которым пользовался крепыш. — Это металлический нож?

Кадебек поднял нож, лежащий около полуочищенной добычи, дважды воткнул в землю, чтобы очистить лезвие от крови, и ручкой вперед протянул Раабу. Рааб взял нож и стал рассматривать. Костяная ручка не представляла особого интереса, но лезвие... переходящее в рукоять под костяными накладками, оно было из единого куска темной бронзы. Рааб провел пальцем вдоль десятидюймовой режущей кромки. Это был великолепный металл; довольно толстый кусок шириной в один дюйм и длиной в восемнадцать дюймов. Если срезать металл, к которому крепилась рукоятка, можно было сделать еще одно маленькое лезвие. Цена такого ножа составляла годичный заработок гребца.

Рааб вернул нож хозяину.

— Спасибо. Я слышал много доводов за и против, а что ты можешь сказать, исходя из своего опыта?

Кадебек, казалось, обдумывал ответ и одновременно разрезал на ломтики крыло своей добычи. Это был обычный серебристо-серый вид вездесущих, у которого были немного короткие крылья, поэтому они, даже когда вырастают, не могут перелетать на длинные расстояния. Каждое крыло, насаженное на вертел и зажаренное, могло насытить взрослого человека. Кадебек взглянул вверх.

— У этого ножа есть и хорошие и плохие стороны. Лезвие твоего... — он кивнул на кремниевый нож с кожаной рукояткой, висевший на поясе Рааба, который имел каждый офицер Флота, — ...может резать веревки, рубить деревья и не затупиться. Но бронза

не ломается и не откалывается так легко, как кремний, и может быть заточена в несколько минут. Главная неприятность в том, что лезвие надо постоянно очищать и смазывать жиром, чтобы защитить от коррозии, и еще надо знать, какой жир можно использовать. — Он перевернул вездесущего и вспорол ему живот. Острота лезвия была очевидна. — Кроме того, металлический нож тоньше кремниевого и его удобнее носить.

— Что правда, то правда, — сказал Рааб. — Это металл с Земли или местный?

— Местный, — усмехнулся Кадебек. — Чтобы достать столько земного металла, надо ограбить музей Оркета. А это местная бронза, неоднократно переплавленная, чтобы избавиться от слишком большого содержания цинка или чего-то еще. — Он аккуратно вырезал потроха вездесущего и ответил на так и незадаанный вопрос Рааба: — Четыре или пять лет назад, когда был моложе и глупее, я истратил на него все свои сбережения. Позднее были времена, когда я находился на грани того, чтобы его продать, но всякий раз находил выход из положения и он оставался висеть на моем поясе. Возможно, я стал еще глупее, хотя уже не так молод.

Рааб пожал плечами.

— Я бы не стал так говорить, поскольку это превосходная вещь. — Он почти повернулся, чтобы уйти, но остановился. — Олини уже обеспечил всех мясом, а ты только собираешься жарить этого суща.

* * *

Ближе к полудню Рааб помылся и закончил стирать свою одежду. Он развесил ее на кусты там, где она была бы не видна. В затененном ручье вода была еще холодной, но солнце, пробивающееся через листву, было теплым. И он вспомнил счастливые времена, когда дважды был здесь со своим отцом. Ходили разговоры об основании здесь базы отдыха Флота, но к тому времени, благодаря общественному мнению, Флот лишился дотации и начал приходить в упадок.

Надев еще сырые брюки, Рааб пошел к каверне, где в деревянных чашах была приготовлена горячая вода для бритья, побрился и подсел к экипажу, жующему куски вездесущего (мясо травоядных, посоленное, зажаренное и завернутое в тонкую кожу, могло дольше пролежать в пищевом шкафчике «Пустельги», находившемся на носу перед сидениями гребцов).

Позднее, когда впервые со времени отъезда с Лоури экипаж охватило веселое настроение, он решил из небогатых запасов выдать немного вина. Этого, разумеется, было слишком мало, чтобы

кто-нибудь захмелел, но вполне достаточно, чтобы добавить немного веселья. Неожиданно Вилли Вайнер ухитрился извлечь из сигнальной флейты что-то, напоминающее музыку, кто-то начал стучать по пустым деревянным чашам, и возникло нечто похожее на хорнпайн *. Один из людей замычал старинную песню — бессмысленную и абсолютно немелодичную, которую привезли с Земли первые колонисты, и которая пережила многие поколения: «Джонни, твоя собака кусается, собака кусается, собака кусается...»

Рааб задумался о Земле. Само название — Земля — несло им сознание могущества, славы и неопишуемой красоты. А может, это внушал чужой и негостеприимный мир Дюрента, остававшийся таким для многих поколений людей? Или это сохранившиеся инстинкты, вызывавшие ностальгию по земным видам деревьев и животных, которые ни один человек, живущий на Дюренте, даже не видел? Что, например, заставляло сильнее биться сердце Рааба, когда он видел гибкую грацию кошек, осторожно покидающих укрытия в этой долине? Такие чувства не возникали у него, когда он наблюдал за небольшими, совсем непохожими на них местными хищниками, живущими на деревьях.

Вероятно, нет — просто он слишком много разглядывал старые земные картинки и немного свихнулся на этом. Возможно, никто из его товарищей не чувствовал того, что смутно беспокоило его сейчас. После веселья, шумевшего полчаса назад, а теперь затихшего, такое настроение могли принести воспоминания о Столовой Горе Лоури, которую они могут больше никогда не увидеть.

Он почувствовал некоторую неприязнь к себе. Вероятно, единственный глоток вина сделал его слезливым; да и других тоже.

8

Подъем «Пустельги» был заметно медленнее, потому что взятые на борт запасы продуктов сделали ее гораздо тяжелее. Они погрузили более тонны мяса, полтонны клубней и других богатых крахмалом растений, несколько сот фунтов фруктов, ибо Рааб знал, что люди нуждаются в витаминах, а в десять балластных мешков были насыпаны орехи. Кроме этого они взяли почти сотню караваев плоского, испеченного на горячих камнях хлеба, так как хлеб, выпеченный из клубней на жире вездесущих, который они взяли на Лоури, почти кончился. На выпечку нового хлеба и приготовление подсоленного мяса ушли практически все запасы соли. Но сейчас им необходимо хорошо питаться.

* Хорнпайн — английский матросский танец.

Низко, над почти голой, каменистой вершиной древнего пласта магмы «Пустельга» двигалась к северу.

Сверху светила только одна луна, отдаленная и маленькая, но ее свет был таким слабым, что Рааб вообще не видел тень от «Пустельги». Когда взойдет одна из больших лун (первой должна взойти Золотистая), блимп станет заметен для глаз возможных наблюдателей.

Шутливо переговариваясь, люди легко тянули свои весла.

— С моральным состоянием нет проблем, Рааб! — заметил Олини.

Рааб всматривался в темноту.

— Пока нет, но довольно скоро у нас наступит подавленное настроение. Даже сейчас мы не можем позволить себе беззаботность. Факт, что над долиной больше не появлялись планеры, еще не говорит о том, что поиски прекращены.

— Если бы они знали, как мало газа в нашем баллоне, — сказал Олини, — были бы очень удивлены, что мы вообще уцелели после того спуска. По свисту, исходившему от нашего блимпа, они должны были определить, что мы спускались на довольно большой скорости!

— Да, — согласился Рааб. — Они предполагают, что мы провалились и потерпели аварию, я в этом не сомневаюсь, но поступая благоразумно, они могут только надеяться на это — не больше. Во-вторых, если только их шпионы не забрались выше, чем я думаю, они не могут быть уверены, что через блокаду пытался прорваться только один блимп. Кроме того, они не могут исключить вероятность, что мы просто выполняли отвлекающий маневр. Так что все правильно, они сохраняют наблюдение!

— Думаю, ты прав. — Олини выглянул за правый борт и на минуту затих. — Куда мы пойдем сначала?

— К маленькому озеру в пределах мили, где, как я подозреваю, находится ближайшая курица, — ответил ему Рааб. — Это озеро даже названия не имеет, и я не надеюсь собрать там урожай больше пяти-шести плавунов, а это меньше одной десятой того, что нам нужно. Но зато даже такое количество гелия увеличит нашу плавучесть и улучшит маневренность, а сам блимп не будет выглядеть истощенной дворняжкой.

Олини заметил, что полдюжины плавунов не сделают погоды.

Медленно поворачивая голову, Рааб всматривался в каменистую поверхность, пытаясь рассмотреть знакомые ориентиры. Он внимательно всматривал узкое ущелье, которое могло вывести их прямо к маленькому озеру без малейшей необходимости снова подниматься в открытый воздух. Ему нельзя было проскочить это ущелье — до восхода Золотистой оставалось меньше часа. Он прислушался к голосу отсчитывающего ритм Бена. Даже младший

алтерн после двухдневного отдыха был в довольно хорошем настроении.

Прошло еще четверть часа, может, больше, а может, меньше. От беспокойства, что он мог не заметить ущелья и пройти мимо, Рааб начал покрываться потом, когда вдруг увидел черную линию, по диагонали пересекающую темную поверхность.

— Все весла — стоп!

В корзине стало так тихо, что он услышал, как сглотнул Бен. Веревки слабо скрипели. Рааб повернулся лицом к экипажу, хотя, судя по тому, что он видел только смутные пятна в темноте, они не могли видеть его лицо.

— Ущелье, в которое мы сейчас спустимся, такое узкое, что нам потребуются шупы. В конце этого тяжелого ночного путешествия мы получим несколько плавунцов. В течение следующих четырех часов мы будем двигаться медленно и с небольшими остановками на отдых, потому что к озеру мы должны добраться чуть после полуночи. Чтобы собрать плавунцы, нам потребуется еще четыре часа. Затем до восхода солнца — который мы, кстати сказать, не увидим — я хочу уйти от него не менее, чем на десять миль. После этого, если не возникнет никаких неприятностей, мы сможем отдохнуть.

Послышался низкий голос Кадебeka.

— Мы успеем собрать весь урожай за ночь?

— Успеем. Мы не знаем, сколько маленьких озер с плавунцами враг уже обнаружил сейчас и какие из них находятся под наблюдением. Я знаю несколько озер, которые лунный свет заливает в очень короткие промежутки. В течение этого времени мы должны будем быстро осмотреть озеро, определить созревшие плавунцы и выбрать маршрут от одного к другому. Мы будем передвигаться, сколько потребуется, но, чтобы нас никто не заметил сверху, будем оставаться глубоко в ущелье.

Около минуты стояла тишина, а затем заговорил Кадебек.

— Как я понял, ты хочешь сказать, что мы будем двигаться по ущельям в течение восьми—десяти дней, не видя солнца? Если не больше...

— Это примерно то, что я хотел сказать. Вы, вероятно, заметили, сколько кислых фруктов мы погрузили на борт. Они будут необходимы, потому что мы будем находиться в темноте и сырости так долго, сколько потребуется. До тех пор, пока мы не покинем страну ущельев и не направимся к побережью, солнечные лучи, вероятно, не коснутся нашей кожи.

— А затем, — воскликнул Кадебек, — ночами мы будем усиленно грести против ветра, а в течение дня скрываться в тумане или в облаках, чтобы нас не заметили вражеские блимпы!

— Ты точно оценил обстановку, — сказал Рааб с некоторой

досадой в голосе.— Может, для тебя было бы предпочтительнее умереть на Лоури от истощения?

Снова установилась тишина, которую первым нарушил Кадебек.

— Думаю, мы переживем то, что ты спланировал для нас,— усмехнулся он,— хотя и не говорим, что это очень нам нравится.

— Нет,— ответил Рааб и начал спуск в ущелье.

* * *

В узком ущелье было так темно, что Рааб не видел даже вездесущих, которые пролетали в нескольких ярдах от «Пустельги», издавая пронзительные крики. Рааб знал, что они находят дорогу в темноте, прислушиваясь к эху, отражаемому твердыми объектами. Где-то далеко внизу недовольно шелестела река, выбирая извилистый путь вокруг беспорядочно разбросанных и еще не покрытых илом камней. Оснастка блимпа скрипела. Но Рааб не прислушивался к этим звукам. С напряженным вниманием он прислушивался к тому, как концы щупов скребут по крутой каменной стене. Ориентируясь по этим звукам, Рааб вел свой блимп вперед, хотя Бен Спрейк еще пытался неуверенным, запинаящимся голосом отсчитывать ритм. Рааб сам отдавал все команды.

Какая все-таки упрямая штука эта жизнь, думал Рааб. Он и его экипаж, борясь за жизнь в крошечной темноте, испытывая неудобства и тревогу, делали свою тяжелую работу — и, надо сказать, неплохо справлялись с этим. Но и другая жизнь в ущелье боролась тоже. Стены ущелья покрывал похожий на лишайник мох. Он не был виден в темноте, но исходящий от него запах сырости не позволял забывать о его присутствии. На этом мху жили насекомые; вездесущие, извиваясь, двигались в воздухе и, отыскивая насекомых, хватали их; еще большие суици терзали меньших. На такой высоте, в полумили от вершины древней лавы шестифутовые вездесущие едва ли смогли бы летать, и оптимальный размер хищников составлял четыре фута. Пожиратели насекомых были в два раза меньше.

Во всяком случае, кто-то считал, что здесь можно жить — и жил.

Громкий скрежет щупа с левого борта резко оборвал его размышления.

— Весла правого борта — стоп!

Щуп, зацепившийся за какой-то выступ на стене, издал жалобный звук. От страха, что он может сломаться, Рааб почувствовал пустоту в желудке. Затем согнувшийся щуп высвободился, и он снова услышал скрежет по камню. Он с облегчением вздохнул, усмехаясь в ответ на такую свою реакцию. Сломанный щуп не яв-

лялся катастрофой — у них были запасные, которые можно было заменить за пять минут — но ощущение слепоты в этом сыром ущелье приводило его в такое смятение, что он не желал даже минимально кризисной ситуации.

Было бы гораздо легче, подумал он, если бы эта проклятая магма, остывая, треснула по прямой линии...

Они медленно ползли вперед. Дыхание гребцов становилось все более тяжелым и прерывистым. Наконец Кадебек проворчал:

— Джеран... сколько еще до перерыва?

Рааб вздохнул.

— Все весла — стоп! — Некоторое время он сидел неподвижно, давая своим нервам немного успокоиться. — Сейчас мы с успехом можем съесть сэндвичи и немного фруктов. Олини, достань полдюжины караваев хлеба, ты понял? Кэмпел, нарежь мясо, которое мы заготовили, — распорядился Рааб, а сам двинулся по середине корзины и начал раздавать фрукты. Подойдя к Кадебеку, он сказал: — Не видя луны и поддающихся распознаванию звезд, невозможно точно определить время. Если бы у меня был Флотский экипаж и блимп с нормально накачанным баллоном, я мог бы сказать, сколько времени займет это путешествие. Но при таком положении дел, по самым точным подсчетам, я могу лишь сказать, что до озера мы доберемся через час-полтора, плюс-минус несколько минут, потому что я не учитываю слабый бриз, который мы можем встретить в ущелье. Движение воздуха здесь не имеет ничего общего с направлениями ветров на поверхности. Еще час работы веслами...

Он прошел на корму, отвязал концы шупов и, опустив, оставил вертикально висеть за бортом, чтобы они не сломались, если блимп начнет дрейфовать в сторону. «Пустельга» могла повернуть в ту или иную сторону и застрять, уткнувшись носом и кормой в противоположные утесы; но в таком положении она не будет рыскать носом вверх и вниз и сноситься ветром назад, а это было то, что нужно Раабу.

Дав экипажу возможность дожевать сэндвичи и подождав еще несколько минут, он сказал:

— Ну ладно, здесь мы плавунов не найдем. Бен, ты возьмешься вести блимп дальше? Я хочу ненадолго сесть за весло.

Бен взялся, по крайней мере, попробовать. Механически, как можно идти пешком, Рааб тянул весло (Рэйджера) и прислушивался к скрежету шупов, чтобы в случае необходимости помочь Бену.

Он думал, что прошло уже полтора часа, прежде чем Олини, стоявший около передних перил, тихо крикнул:

— Капитан, впереди очень тусклый свет. Возможно, это выход к озеру.

Историю возникновения этого озера, как и любого другого узкого озера в стране ущельев, можно было легко проследить: две остывшие трещины проходили близко друг к другу в слое магмы; через некоторое время подрезанная водой узкая перегородка разрушилась. Могла пройти вечность, прежде чем терпеливые реки унесли большую часть щебня, но они сделали это; затем они придали форму озеру и нанесли ил. Ширина этого озера составляла всего пятьсот футов, а длина — почти три мили. Очевидно, озеро было мелким и его глубина не превышала двадцати футов, потому что плавуны росли не только по краям, а и в середине.

Когда «Пустельга» осторожно приблизилась к слабо светившейся вертикальной линии, которая отмечала выход, Рааб, отдавая команды, повысил голос, чтобы перекричать шум водопада — вода озера, переваливаясь через естественную плотину из обвалившихся камней, падала на дно ущелья и снова становилась рекой; Рааб слышал ее бормотание внизу. Как далеко было до водопада, он мог только предполагать. Возможно, миля.

Он скорее почувствовал, чем услышал, что шуп с левого борта проскрежетал по камню.

— Весла правого борта — стоп!

Двигаясь вперед, «Пустельга» медленно повернула, затем они медленно выплыли из промежутка между двух стен, которые в течение долгих часов так угнетающе действовали на них.

— Все весла — стоп!

Озеро представляло прекрасное зрелище. Одна из двух больших лун — Золотистая — взошла, и, хотя ее свет еще не коснулся поверхности воды, на западном утесе высветилась широкая полоса яркого шафрана, отражающаяся в озере. Поверхность в озере рябила, и листья плавунов мягко двигались. Над большинством пористых листьев висели различных размеров шары. С этого места Рааб смог рассмотреть несколько, достигших нужных размеров, и, по крайней мере, один из них был рыжего цвета, что говорило о полном созревании.

На озере или вокруг него не было никаких признаков человеческой деятельности. Здесь и там маленькие вездесущие перелетали с места на место, но из-за шума водопада, находившегося под «Пустельгой», Рааб не мог слышать их пронзительные крики.

— Все весла — на пол-удара! — крикнул он, перекрывая шум, и блимп двинулся вперед.

Как только они перевалили через край, шум начал быстро затихать, хотя еще слышалось глубокое эхо.

— Весла правого борта — стоп. Сжатие воздуха впереди на пол-оборота. — Он подождал, пока «Пустельга» опустила нос и повернула вправо. — Все весла — пол-удара.

Она закончила поворот и начала медленно снижаться, планируя в глубокой тени вдоль восточного утеса.

Когда они находились менее чем в пятидесяти футах над уровнем озера, он снова остановил ее. На фоне отражающегося от утеса лунного света, он хорошо видел силуэты плавунов. Он принюхался к ветру. В нем еще чувствовался сырой запах лишайника; еще к нему добавился смолистый запах, исходивший от веток плавунов; но в воздухе не было и намека на запах горящего дерева.

Он выдержал паузу чуть больше минуты, и в этот момент Бен Спрейк нервно сказал:

— В тени на нашей стороне может быть засада. Я думаю, нам надо подождать.

Рааб попытался скрыть свое раздражение.

— Здесь сотни озер, подобных этому, на которых они могут устроить засаду. Если учесть, что один единственный планер появляется здесь раз в день, то шансы могут равняться — все против ничего. В любом случае — мы не можем ждать, пока поверхность воды залется лунным светом! Мы должны начать сбор урожая прямо сейчас!

Возникла пауза, затем Кадебек тихо спросил:

— А если лунный свет залетит поверхность прежде, чем мы кончим? Что, если на этой стороне действительно есть засада?

— В таком случае, — жестко ответил Рааб, — мы можем только жалеть, что не остались на столовой горе. Но поверьте мне, прикрывая такую зону, они должны быть ясновидящими, чтобы поставить блимп именно здесь!

Следующий донесшийся с кормы голос принадлежал триммеру Хэмпелу — и в нем слышались нотки насмешки.

— Капитан, а какая это зона?

Рааб почувствовал, как к его лицу приливает кровь, но сдержал свой голос.

— Зона включает все точки, где мы можем сейчас находиться. — Он повернулся и около минуты всматривался в озеро. Признаков беды не было... — Все весла — пол-удара!

* * *

«Пустельга» как можно ниже опустилась над первым созревшим плавуном, который Рааб заметил от самого выхода к озеру.

С этого места он увидел еще два, находящихся на небольшом расстоянии.

— Бен, опусти нос и постарайся удерживать нас на одном месте.

Через передние перила он начал спускать шланг от насоса, стараясь не запутать его в балластных мешках и веревках, затем привязал веревочную лестницу и сбросил ее свободный конец за борт.

— Олини, ты приготовил меха? Вайнер, я хочу, чтобы твои крепкие руки занялись этими мешками. На случай, если ты этого никогда не делал, должен предупредить, что это, тяжелая работа.

— Я имел с ними дело, капитан.

— Хорошо, — Рааб посмотрел на корму корзины. — Рэйджер?

— Я, капитан?

— Ты. Я хочу, чтобы ты спустился со мной. Ты самый легкий.

— Конечно, капитан! Пористый лист плавуна может выдержать десять таких, как я!

Рааб перебрался через перила и спустился по раскачивающейся лестнице. Ногой он оттолкнул в сторону ветви с листьями и попробовал, насколько крепка поверхность плавающего листа. Он шагнул на лист и посмотрел, как Рэйджер начал неуклюже спускаться вниз. Олини только посмеивался.

— Спускайся только по одной стороне лестницы, — посоветовал Рааб Поки, — тогда веревки не будут раскачиваться. — Он придержал лестницу, а затем отодвинулся в сторону, уступая место тощему коротышке.

Под двойным весом край листа прогнулся, и холодная вода лизнула их ноги. Испуганный Рэйджер что-то пробормотал. Рааб начал пробираться к середине листа.

Внезапно Рэйджер сказал тихим голосом:

— Замри, капитан!

Рааб замер, так как в голосе коротышки слышались нотки приказа. Неужели он увидел другой блимп? Но тут из корзины послышался голос Олини.

— К вам плывет десятифутовый вездесущий. Я достал лук и, если он полезет на лист, я его подстрелю.

Рааб (он знал, на что похожи зубы десятифутового суша, и не хотел быть убитым или покалеченным, даже не видя атакующего) очень медленно повернул голову в том направлении, куда смотрел Рэйджер, и потянулся за ножом. Через некоторое время он дотянулся до него и тут увидел подобную угрю голову,двигающуюся к листу и оставляющую позади S-образный след. Вездесущий двигался слишком быстро.

Он тверже сжал кремниевый нож.

Внезапно существо подняло голову выше, а затем погрузилось под воду. Над взбаламученной водой то и дело появлялись поблес-

кивающие различные части тела нырнувшего суща. Лунный свет придавал им зеленоватый оттенок.

— Это не озерный вид! — резко крикнул Олини. — Такие сущи водятся на столовых горах! Что он здесь делает?

— Не знаю, — ответил Рааб, — но я хорошо вижу его. Он поднимается на поверхность! — Не успел он договорить, как развивший необходимую скорость в коротком подводном броске вездесущий взломал поверхность воды и взвился в воздух.

Размахивая крыльями, сущ по сжатой спирали поднялся вверх и спланировал в направлении Олини! И в этот момент Рааб увидел то, что заставило его поспешно крикнуть:

— Не стреляй... он ручной!

Олини что-то недоверчиво и негодуяще проворчал, но стрелу не выпустил. И теперь вездесущий кружил вокруг корзины, издавая особенно скрипучие звуки, что было выражением его симпатии. Теперь и Олини заметил кожаный ошейник, плотно стягивающий его шею, отложил лук со стрелами и выпрямился.

— Иди, сапожник! Иди!

Вездесущий, извиваясь, двинулся к тому краю корзины, где стоял Олини, неуклюже сорвался с потока воздуха, таким способом все сущи совершают посадку, и, издавая счастливые звуки, где-то устроился, но где, Рааб не видел.

— Проклятье! — удивленно воскликнул Олини. — Он приземлился на крышку метателя гарпунов так, словно там вылутился из яйца! — Через мгновение он резко сказал вездесущему: — Не двигайся, идиот, я сниму эту шутку с твоей шеи! Как только ты до сих пор не задохнулся!

Ошейник сидел так плотно, что Олини пришлось подsunуть под него лезвие ножа и разрезать. Возбуждение вездесущего теперь стихло, и он спокойно посвистывал.

— Все нормально, на нем был футляр для сообщений! — довольным голосом сказал Олини, а через мгновение, вероятно, открыв его, он добавил: — В нем кусок бумаги с каракулями, но при таком свете его невозможно прочитать.

— Зажги лампу! — сказал Рааб.

В тусклом лунном свете он увидел, как Олини перегнулся через борт и посмотрел на него.

— Рааб, я не ослышался? Несомненно, этот сущ — талисман вражеского блимпа!

— Нет, — ответил Рааб, — этот — нет! Если бы над озером появлялись какие-нибудь блимпы, его бы здесь уже не было. Ты не понял, почему у него был такой тесный ошейник? С тех пор, как ему его надели, вездесущий здорово вырос. Это талисман «Совы»! Зажги лампу и прочитай записку!

Экипаж затаил дыхание. Рааб услышал, как Олини высекает

искры из огнива; увидел слабо мерцающую ожившую лампу. Дрожа от волнения, он ждал; его маленький палец пульсировал. Он мог видеть, как Олини искоса рассматривает записку, отведя руку в сторону. Наконец триммер посмотрел вниз.

— Здесь ничего не разобрать. Я полагаю, тот, кто писал, здорово торопился. Кроме того, она слишком долго была в воде,— он затаил на момент.— Ты думаешь, что сущ находится здесь со времени гибели «Совы»?

— Да, я так думаю,— голос Рааба немного дрожал.— Кто-то на борту «Совы» — только не капитан — положил записку в футляр для сообщений и отпустил вездесущего. Возможно, он притворился мертвым и получил шанс написать записку, возможно, он прыгнул в реку и сделал это прежде, чем враги нашли и уничтожили его,— он сделал паузу и некоторое время стоял на листе плавуна, сжав кулаки. Пульс стучал в его висках.— Все ясно. Кто-то написал записку в надежде, что талисман доберется до нашей курицы. Можете считать, что сообщение было,— он снова умолк, размышляя, что бы изменилось, если бы сообщение дошло до флотилии Лоури.— Вы не можете ожидать слишком много от вездесущего, даже если ему, как и талисману «Совы», три-четыре года. Он не понял, что от него требовалось, и остался в стране ущельев. Из того прохода очень легко добраться до этого озера. В ранние рейсы «Совы» он, вероятно, был здесь и запомнил дорогу. С такими размерами он едва ли набрал нужную высоту и поэтому остался здесь. Он ждал, пока кто-нибудь не заберет его отсюда.

Олини тихо выругался. А спустя минуту Бен Спрейк воскликнул:

— Мы можем послать его на Лоури с сообщением!

— Чтобы его перехватила блокада? — резко спросил Рааб.— Нет, мы оставим его. Он еще пригодится. В темноте вездесущие действуют лучше людей, а старый талисман гораздо раньше почувствует приближение другого блимпа, и мы сможем быстрее уйти от него. Запомните, «Пустельга» — сестра «Совы»!

* * *

Рааб вернулся к прерванному занятию добычи гелия из шара плавуна.

Пока Поки Рэйджер болтался на веревке, поддерживая шар, чтобы тот не улетел в воздух, если сломается его стебель, Рааб выбрал место около основания, сжал конец шланга и протолкнул сквозь прочную кожуру. Прежде чем он наложил резиновую прокладку, улетучилось совсем немного гелия. Закрыв отверстие, прокладка прочно и плотно прижалась к плавуну, и послышалось

слабое шипение, когда газ двинулся вверх по шлангу. Затем он услышал, как в корзине заработали ручные меха. Когда он услышал шипение газа, поступающего в вялый баллон «Пустельги», у него возникло ощущение победы.

Около четверти часа Вилли Вайнер неутомимо перекачивал гелий. Рааб чувствовал, как тугой, достигающий восьми футов в диаметре шар постепенно увядает под его руками. Теперь Рааб и Рэйджер, которым больше нечего было делать, надавливали на шар, чтобы выдавить остатки гелия. Наконец пустой шар лег среди ветвей с листьями. Рааб наклонился, чтобы срезать стебель ножом, но этого не потребовалось — стебель сломался в его руках. Еще день, и освободившийся шар поднялся бы в воздух, отдаваясь воле ветров. Рааб поднял пустую оболочку шара и засунул под край пористого листа, стараясь протолкнуть подальше, чтобы его нельзя было заметить с воздуха. В другое время ей нашлось бы применение, но на борту «Пустельги» она была не нужна.

Приободренный успешно выполненной работой, Вилли Вайнер сказал:

— Могу поклясться, капитан, что я закачал газ в баллон, но почти никакого сопротивления не чувствовал. Ты уверен, что нигде нет утечки?

Несколько гребцов застонали, но Кадебек серьезно спросил:

— Сколько еще ты надеешься собрать на этом озере, капитан?

— Возможно, полдюжины, — ответил Рааб, подождал, пока Рэйджер поднялся по лестнице, и затем полез сам. Встав на перила, он с минуту всматривался в озеро. Когда Рааб и Поки Рэйджер поднялись на борт, Олини убрал сжатие, но нос «Пустельги» остался наклоненным вниз. — Убери крен, Олини. — Рааб оставил шланг и лестницу висеть на перилах. — Все весла — пол-удара.

Когда они откачали гелий из шестого плавуна, прошло примерно столько времени, сколько предполагал Рааб.

* * *

Ущелье в верховьях озера было немного шире, чем то, через которое они вышли к нему. Это значило, что даже на такую глубину, на какой двигалась «Пустельга», проникали узкие полосы дневного света, позволявшего видеть каменистые стены утесов. В полумиле над ними тянулась то сужающаяся, то расширяющаяся бело-голубая полоска неба. Далеко внизу в крошечной темноте протекала река, и иногда можно было слышать ее бормотание.

В течение дня они несколько раз могли наблюдать, как изнывающий от безделья вездесущий, свернувшийся на крышке метателя

гарпунов, разворачивался и с едва слышным зубным скрежетом бросался в воздух, чтобы поохотиться. Через некоторое время до них доносились короткие взволнованные крики, в которых слышался смертельный ужас небольших существ, потом наступала тишина, когда талисман начинал есть. Затем десятифутовый хищник, извиваясь, возвращался назад, делал пару кругов вокруг «Пустельги» и снова усаживался на крышку метателя гарпунов. После четвертого раза Олини посмотрел на него и усмехнулся.

— Рааб, ты, кажется, лишился своей кровати.

— Это точно. Ладно, на борту есть запасные подстилки. Я устроюсь в проходе между рядами.

За день они прошли гораздо больше миль, чем ночью, когда направлялись к маленькому озеру с плавунами, потому что теперь им не надо было пользоваться щупами и они двигались быстрее. Щупы были убраны и снова привязаны вдоль перил. Полоска неба над головой была уже не такая яркая. Рааб решил, что время давно перевалило за полдень. Он остановил блимп и накормил экипаж. Когда они снова двинулись в путь, полоска неба приобрела пурпурный оттенок.

Все шло по плану — Рааб не хотел приближаться к очередному озеру до темноты. Последние несколько миль они двигались с вновь установленными щупами и очень медленно. Гребки весел составляли только четверть удара на ритм. К следующему озеру они подошли в сумерках. Он задержал «Пустельгу» на выходе из ущелья, откуда мог видеть все веерообразное озеро.

Талисман проявил к нему определенный интерес, и Рааб импульсивно решил попробовать его в роли разведчика.

— Дружище, — хотел бы я знать твое имя, но, вероятно, мы станем звать тебя «Совой» — иди! Смотри! На разведку! — он попытался вспомнить другие слова, использующиеся в командах для вездесущих. — Смотри вражеские блимпы. Блимпы — врага! Скрытно, незаметно — ты понимаешь? Скрытно. Смотри. И возвращайся назад.

Среди экипажа слышались смешки. Это был спорный вопрос о том, насколько вездесущие могут понимать человеческую речь. Сейчас талисман лежал, свернувшись кольцами, и, подняв голову, внимательно смотрел на Рааба. Тот снова повторил инструкции, а затем просто махнул рукой в сторону озера.

Сущ издал скрипучий звук, словно пружина взмыл в воздух и, извиваясь, полетел прочь.

— Он здесь летает гораздо лучше, — заметил Олини, — чем любой другой таких же размеров на вершине столовой горы. На Лоу-ри я никогда не видел, чтобы десятифутовый сущ пролетел более четверти мили!

— Он прожил целый год на этой высоте, — ответил Рааб. —

И, кажется, в основном ему приходилось добывать пищу в воздухе. Надо учесть, что мы примерно на полмили ниже, чем вершина Лоури. Если я не ошибаюсь, разница в давлении воздуха составляет около полутора фунтов на квадратный дюйм. Но в любом случае, он летает.— Рааб проследил за силуэтом суща, выделяющимся в поздних сумерках, что стояли над озером.

— Держу пари,— сказал Кадебек,— что мы никогда больше не увидим его. И что будет, если он обнаружит вражеский блимп? Ты уверен, что он не сядет к ним на борт? И не приведет ли он их потом сюда к нам?

Рааб немного покраснел. Теперь его самого терзали запоздалые сомнения.

— У талисманов Флота есть одна интересная особенность, Кадебек. Никто не знает, что творится в их головах, но есть все основания полагать, что они имеют понятие о вражеском флоте и вражеских блимпах. Даже если у них не было никакого боевого опыта, за исключением учебных маневров,— некоторое время он задумчиво помолчал.— Есть свидетельство, что талисман моего отца сорвался с флагманского корабля и атаковал вражеский планер, идущий в гарпунную атаку. Согласно отчетам, подобные вещи случались и раньше. И вспомните, этот сущ видел, как его корабль наткнулся на засаду и как были убиты его хозяева. Я могу поспорить, что он даже близко не подойдет к вражескому блимпу.

Кадебек в ответ что-то скептически проворчал.

В небе взошла маленькая луна, но над озером установилась полная темнота. Рааб вывел «Пустельгу» из ущелья и посмотрел вниз на воду. Он надеялся, что сможет заметить созревшие плавуны...

Послышались скрипучие звуки, и талисман, выписав причудливую воздушную фигуру, с безвольным глухим стуком опустился на свое место отдыха.

Кадебек выругался и усмехнулся.

— Джеран, по крайней мере, в одном я оказался неправ. Но теперь, когда он вернулся назад, я хочу послушать, как он будет докладывать об обстановке!

На корме фыркнул триммер Хэмпел, но Рааб проигнорировал это.

— Действительно, сущ не очень красноречив. Думаю, именно по этой причине их не обучают для ведения разведки. Но если вы не знаете, я скажу вам, что такая идея рассматривалась. Также рассматривалось предложение об использовании их, после соответствующего обучения, в сражениях. Но на Дюренге очень долго не велись войны, пока...— он решил не заводить разговор о Мэдерлинке.— Его рапорт вполне удовлетворяет нас: «На озере нет вражеских блимпов!»

Шесть маленьких озер с плавучими, которыми в обычное время они пренебрегали, наполнили баллон «Пустельги». Теперь она несла нормальный вес, а висевшие за передними и кормовыми перилами балластные мешки были наполнены щебнем. Когда триммеры на корме и впереди убрали сжатие, она легко начала подъем.

Закончив сбор урожая, Рааб дал экипажу отдохнуть. Усталые, но ликующие, они парили в залитом лунным светом укромном уголке, который находился в сотне миль к востоку от места их первой стоянки в стране ущельев.

Кадебек жевал сэндвич.

— Джеран, в последние несколько дней я делал кое-какие скептические высказывания. Теперь я признаю, что недооценивал твои знания этой части страны ущельев, и твои планы относительно вывода отсюда «Пустельги». Каковы дальнейшие планы? Ты не знаешь какого-нибудь места, наподобие той солнечной долины, до которого можно было бы добраться за день или два? Я уже начинаю чесаться!

Рааб колебался. Он признал (с некоторым стыдом за свою неискренность), что получил шанс составить у них определенное мнение о своей памяти.

— Ладно, мы можем воспользоваться одним местом, где сможем выкупаться и немного побыть на солнце. Но дело в том, что сейчас мы находимся на окраине зоны, которую я знаю в совершенстве. Кроме того, мы не знаем, сколько вражеских сил брошено на наши поиски. Хотя мы ничего пока не видели, небо может быть заполнено блимпами и планерами.

Установилась тишина, а затем Бен Спрейк угрюмо сказал:

— Я не думаю, что нам следует сейчас возвращаться к морю.

— У меня нет таких намерений, — с некоторым беспокойством ответил Рааб. — Я думаю, самое лучшее для нас сейчас двинуться на восток и пройти вокруг, — он сделал паузу и подготовил себя к тому, что приближалось к лицемерию. — Но если приложить к нашим планам здравый смысл, мы сможем немного больше узнать об их действиях в этом районе. Мы почти уверены, что они оккупировали наши собственные главные базы в зоне, но не знаем, какими силами. Я думаю, что этой ночью мы можем провести очень осторожную разведку. Я знаю чудесный путь от этого места до базы, — он замолчал, а когда в тишине появилось почти освящаемое недоверие, добавил: — Мы сможем встать где-нибудь на день или два для отдыха, но все зависит от того, что мы обнаружим.

Замечаний не последовало, даже от Кадебек. Рааб снова испытывал стыд. Он намеренно не был откровенен с ними. По его личному мнению, не было никакой необходимости приближаться к пред-

полагаемой концентрации врага. Просто захват базы был частью истории разгрома (хотя и не полного уничтожения) Флота, в котором погиб его отец. Он горел желанием хотя бы украдкой посетить это место и узнать все, что мог.

КАК ЛЕГКО, подумал он, Я ПОШЕЛ НА ОБМАН, ТОГДА КАК ВСЕГДА ИСПЫТЫВАЛ ПОТЯСЕНИЕ И ГОРЕ, КОГДА ЭТИМ ПОЛЬЗОВАЛСЯ КТО-НИБУДЬ, ДАЖЕ ЕСЛИ ЭТО БЫЛИ ЛЮДИ, КОТОРЫХ Я УВАЖАЛ — ДАЖЕ ЕСЛИ ЭТО БЫЛИ ОТЕЦ И АДМИРАЛ КЛАЙН.

Он сидел в темноте, отвернувшись так, чтобы даже Эммет Олини не мог видеть его лицо. Сначала он хотел хотя бы в неопределенных выражениях выложить им правду — но отбросил такое решение. Командовать людьми — непростое и нелегкое дело. Дисциплина всегда далека от простоты и легкости. Когда вы хотите сделать то, от чего люди вполне благоразумно могут отказаться, то воспользуетесь любыми средствами, лишь бы это сработало. Вы обманете их. Если сможете, вы сделаете так, чтобы их собственный эгоизм работал на вас. А если придет время и вы не сможете сделать ничего, кроме как приказать, вы прикажете так уверенно и непреклонно, что у них даже не возникнет мысли о бунте. Даже если вы не уверены в своей правоте, или знаете, что многим рискуете, вы не должны ни на секунду показывать свою нерешительность; ни одного неуверенного взгляда.

Он вспомнил старую шутку, распространенную в Академии. Когда курсант становился особенно груб, кто-нибудь мог заметить: «Ну, кто, несмотря ни на что, чертовски хочет стать офицером?» Но ни один не бросил Академию добровольно. Даже Бен Спрейк-младший, который, вероятно, страдал больше, чем остальные.

9

Одна из двух больших лун, Золотистая, полностью вышла из-за горизонта, так что по западному краю ущелья тянулась постепенно сгущающаяся полоса позолоты. Рааб держал «Пустельгу» всего на пятьсот футов ниже вершины ущелья, но такой глубины было достаточно, чтобы ее невозможно было увидеть даже как серую тень, а от уровня развернувшегося впереди большого озера ее высота составляла чуть более мили.

Он протянул руку и успокаивающе похлопал взволновавшегося вездесущего, издававшего какие-то возбужденные звуки, потом тихо сказал Олини:

— Он почувствовал дым от костра.

Более пяти минут он стоял, сжимая передние перила и сосредоточенно прислушиваясь к любым доносившимся звукам, игнори-

руя только крики небольших вездесущих, летающих ночью в ущелье и над озером.

— Все весла — четверть удара!

«Пустельга» на несколько дюймов продвинулась к выходу из ущелья. Обвалившиеся камни образовали перемычку выше уровня озера, поэтому шум водопада сюда не доносился. Рааб знал: когда они выйдут из ущелья, вражеский блимп может оказаться ближе чем в тысяче футов. Но все-таки лучше было сохранить движение «Пустельги», чтобы она могла плавно повернуть в тень, тянувшуюся вдоль восточного берега озера. Он рассчитывал, что блеск западной стены немного ослепит наблюдателей, если только сейчас на них не наткнется какой-нибудь дикий вездесущий... Он протянул левую руку к талисману и мягко сдвинул его мускулистую шею.

— Дружище, если хочешь, то иди на охоту. Преследуй их! Только оставайся поблизости. Оставайся близко!

Замершее существо внезапно дернулось, словно шланг, когда в нем создано давление, и бросилось в темноту.

Когда «Пустельга» начала выползать на открытое пространство, нос, глаза и уши Рааба были заняты. Здесь должен быть сделан довольно крутой поворот...

— Весла правого борта — стоп! Весла левого борта — полудара! — Сейчас он мог оценить крики летающих над озером вездесущих, полностью заглушающих его тихие команды. Он не ожидал, что его волнение будет таким напряженным — волнение и бессмысленный гнев.

Теперь они были над озером, и он мог видеть огни лагеря, усевшие остров, который располагался ближе к восточному утесу в семи милях к верховьям озера. Их было не очень много — возможно, чуть больше пятидесяти — и они тянулись на протяжении всего острова, который, автоматически вспомнил он, был много меньше полутора миль длины и трех четвертей миль ширины.

И хотя эта часть озера была еще в глубокой тени, огни хорошо освещали ряд жирных куриц, пришвартованных вдоль западного пляжа острова. Курицы Мэдерлинка! Их баллоны так распирали от закачанного гелия, что складки, образованные стягивающими веревками, были видны даже с такого расстояния. Он сосчитал их. Ч е т ы р ь н а д ц а т ь к у р и ц! А на другом краю острова шесть — нет, семь — больших крейсерских блимпов. Он узнал их силуэты. Корзины вдвое длиннее и в полтора раза шире, чем у «Пустельги». Двадцать гребцов с каждого борта, хотя «гребцами» их называли только по привычке, так как их экипажи крутили кривошипный механизм, приводящий в движение огромные воздушные винты. За последние несколько лет Мэдерлинк построил большое количество блимпов, и поэтому они обладали последними нововведениями в конструкциях.

Рассматривая эти вражеские баллоны, Рааб вздохнул, дрожа от напряжения. Конечно, они были хорошо наполнены газом! Это озеро было одним из лучших среди всех озер Лоури, и плавуны здесь были в изобилии. Только за одно лето это единственное озеро могло снабдить гелием десять флотов и...

Гелий ЛОУРИ!

Он заставил себя расслабить руки, с убийственной силой сжимающие перила, но не смог остановить пульсацию в деформированном маленьком пальце. Внутренний голос шипел на него: «ТЫ ВООБЩЕ НЕ ДОЛЖЕН БЫЛ ПРИХОДИТЬ СЮДА! ТЫ СЛИШКОМ МОЛОД, ЧТОБЫ БЫТЬ КАПИТАНОМ. КАК ТЫ СМОЖЕШЬ СОХРАНИТЬ ХОЛОДНУЮ ГОЛОВУ, ЕСЛИ В ТЕБЕ ПОЛЫХАЕТ ТАКОЙ ГНЕВ?» Но он не прислушивался к нему. Слишком громкий стук в висках заглушал тихий внутренний голос.

Сейчас «Пустельга» подошла на расстояние двух миль от острова, и он мог видеть на песчаной отмели выстроившиеся в линию планеры. Он услышал, как дрожащий Бен сбился с ритма, и прорычал:

— Младший алтерн, держать ритм!

«Пустельга» скользила вблизи восточного утеса, и Рааб всматривался в темноту. Он не мог рассмотреть утеса, но крики вездесущих говорили, что до него было еще, по крайней мере, сто футов.

— Весла правого борта — четверть удара!

Он двел «Пустельгу» ближе к утесу. Ему не хотелось, чтобы какой-нибудь вражеский патрульный блимп оказался между ней и утесом, откуда мог заметить ее силуэт на фоне лагерных костров или золотистой полосы, которую лунный свет прочертил по западному утесу.

Теперь они подошли очень близко к острову, и гребцы, повернув головы, могли рассмотреть его. Кто-то тихо бормотал. А затем сдали нервы Бена Спрейка. Он бросил отсчитывать ритм и прошептал:

— Мы не думали... это гораздо больший риск, чем...

— Замолчи! — Прежде чем овладеть собой, Рааб даже сделал несколько больших шагов к корме, сжав кулаки. — Все весла — стоп! — Звук сталкивающихся в воздухе весел мог узнать любой человек, имеющий какое-нибудь отношение к блиппам.

Но паника Бена сломала последнюю плотину, сдерживающую гнев Рааба.

— Послушайте, вы все. Там, внизу находится половина флотилии вражеских куриц и полная флотилия крейсеров, а сколько там планеров, вы можете подсчитать сами. Я могу заключить пари с каждым из вас на сумму, равную плате за этот рейс (глупое предложение, где бы он взял даже десятую часть такой суммы?), что, поравнявшись с островом, мы увидим наши собственные курицы

в линии блимпов, которые, как и «Сова», были застигнуты врасплох и захвачены. Возможно, никто из гражданских не сможет отличить планер Флота Мэдерлинка от нашего, но я могу, и третья часть находящихся внизу планеров когда-то принадлежала нам. Враг использует их, чтобы следить за нами; с такой концентрацией силы они имеют прекрасный шанс обнаружить нас быстрее, чем мы сможем удалиться от страны ущельев хотя бы на сто миль.— Его удивляла настойчивость собственного голоса и то, как легко текли слова. Его пульс успокоился; мускулы слабо дрожали. Подобная речь, когда мгновенно приходится высказывать то, что едва родилось в мыслях, каким-то образом действовала успокаивающе на людей. Так же, как физическое действие сжигает адреналин.— А теперь они, жирные и нахальные, расположились внизу и даже представить себе не могут, что на Дюренге есть маленький устаревший учебный блимп, который отважится напасть на них. Но мы в самом деле можем ударить по курицам! Мы можем сделать так, что две или три из них не смогут подняться в небо в течение десяти-двенадцати дней!

В корзине установилась тишина. Затем из носовой части слышался тихий смехок Олини, триммер Хэмпел на корме что-то пробормотал, что могло быть недоверчивой руганью. Бен Спрейк был слишком потрясен, и Рааб полагал, что тот сидит, открыв рот от изумления.

Когда прошло первоначальное парализующее действие, послышался низкий спокойный голос Кадебек:

— О небеса! Я слышал, как о твоём отце говорили, что при виде врага он становился сумасшедшим. Кажется, ты унаследовал от него не только внешнее сходство!

Рааб почувствовал короткий приступ гнева, но легко с ним справился.

— Нет, мой отец не был сумасшедшим, он был боец! И умный. Он бы никогда не упустил подобный шанс; и любой другой компетентный офицер тоже. Нет, только идиот может упустить такой шанс!

— Даже если ценой этому будет блимп и экипаж? И своя собственная жизнь? — с некоторой издевкой спросил Кадебек.

Теперь относительно их шансов Рааб мог лгать убедительно. По любой самой поверхностной оценке риск был ужасный. Но если люди решатся на бой и их тела и мысли будут действовать в унисон — нет вероятностей!

— Пойми,— сказал он Кадебеку,— я не собираюсь посылать им самоубийственных вызов и вести бой по правилам! Я говорю о том, чтобы один-единственный раз пробежать над островом! Мы сбросим камни из балластных мешков на парковочную зону планеров, а затем гарпунами и стрелами ударим по линии куриц.

Стрелы, выпущенные под углом вниз, сохраняют достаточную скорость, чтобы проткнуть ткань баллонов. У нас на борту шесть луков. Один возьмешь ты, второй — Вилли Вайнер, по одному возьмут триммеры. Я беру на себя гарпуны, — он хотел остановиться на этом, но решил добавить немного убеждения, сейчас уже без лжи. — Я знаю узкое ущелье в верховьях озера, в которое мы углубимся быстрее, чем они смогут поднять в воздух какой-нибудь крейсер.

Кадебек продолжал спорить, хотя издевка исчезла из его голоса.

— Послушай, Джеран, ты хоть знаешь, на каких условиях мы подписались на этот рейс? Никакого риска, если его можно избежать! Безопасность экипажа стоит на первом месте во всем, кроме получения груза гуано!

— Ты хочешь сказать, что чувствуешь себя в безопасности, когда в небе парит три десятка планеров, брошенных на твои поиски? — спокойно спросил Рааб и, не дожидаясь продолжения спора, прошел вперед, направляясь к метателю гарпунов, наклонился и нащупал запор крышки. — Эммет, помоги мне подготовить метатель к бою, ты понял?

* * *

— Два оборота сжатия впереди!

Олини потянулся к штурвалу и тихо спросил:

— Рааб, это погружение?

— Я хочу сбросить весь носовой балласт на эти планеры, — ответил Рааб.

Он потянулся к штурвалу, чтобы помочь Олини. Когда баллон так туго натянут, как сейчас, сделать два оборота сжатия было нелегко. Выдержат ли веревки? Они были довольно новые, сплетенные из восьми полосок кожи, и прежде чем разорваться, должны немного вытянуться. Но древко... Вал был старый, высохший, немного покореженный, и его поверхность покрывали небольшие изломы...

Оснастка пугающе скрипела, но держала. «Пустельга» круто опустила нос.

— Все весла — полный удар! — Без Кадебека, Вайнера и еще двух сильных мужчин экипаж был значительно ослаблен. Лучше пока не заставлять их прилагать все усилия. В любом случае, скорость увеличится за счет погружения. — Все весла — пол-удара. Восстановите дыхание и будьте готовы тянуть эти весла, словно черти!

Бен отсчитывал ритм дрожащим громким шепотом. Рааб на-

деялся, что он не сломается в критический момент — через несколько секунд он, Рааб, будет очень занят. Он взялся за рукоять метателя, повернул оружие на шарнире и удостоверился, что оно поворачивается легко; нащупал гарпун, проверяя правильность установки; звякнул обеими резиновыми тетивами, по звуку определяя силу натяжения. Затем, держась одной рукой за метатель, он вытянул вторую руку и нащупал веревки свисавших за перилами балластных мешков. Все нормально — он может дотянуться до них.

Момент атаки быстро приближался.

— Убрать пол-оборота сжатия впереди!

Он понизил голос — враг был близко, и он мог уже видеть экипажи вражеских блимпов, пирующих вокруг костров. Он надеялся, что вино уже вскружило им головы и они немного замешкаются... Его взгляд устремился на приближающуюся линию планеров. Сейчас! Он выдернул нож из ножен, резанул по балластному мешку, почувствовал, как посыпались камни. Проклятье! Чтобы дотянуться до следующего, он должен отойти от метателя.

— Я займусь этим, капитан! — сказал Олини, словно прочитав его мысли.

Когда балласт был сброшен, нос «Пустельги» подпрыгнул вверх.

— Все весла — полный удар! — хрипло прошептал Рааб.

Полурыдающий Бен был не в состоянии связать двух слов, но все же белокурый офицер кое-как отсчитывал ритм. «Пустельга», набравшая скорость в погружении, быстро двигалась над островом. Рааб воткнул нож в ножны и наклонился к метателю; повернул и нацелил на первую курицу в линии. Какую он должен сделать поправку, чтобы скомпенсировать уменьшающуюся скорость «Пустельги»? Какой должна быть траектория полета гарпуна? При таком крутом угле атаки она не должна быть большой. Корзина качнулась, когда тяжелый гарпун, словно гигантская стрела, устремился вперед. Он потянулся назад, и Олини вложил ему в руку древко второго гарпуна. Он ощутил наплыв благодарности за то, что рядом с ним находится настоящий человек Флота. Он воткнул гарпун в паз; взвел метатель рукоятью, пока резина снова не натянулась. Несомненно, что каждый находившийся внизу мог слышать скрип заводящегося механизма! Он увидел лица, внезапно повернувшиеся к небу, но, очевидно, «Пустельга» была еще не видна, хотя они неизбежно увидят ее силуэт на фоне звездного неба, когда она окажется непосредственно над ними. Он торопливо наклонил метатель; навел с опережением в несколько ярдов на вторую курицу, пришвартованную на туго натянутых веревках. Боже, эти высокомерные служаки Мэдерлинка швартовали свои блимпы в двадцати футах над землей! Нацелив метатель, он инстинктивно нажал большим пальцем на тяжелый спуск. Снова

дребезг резины, и гарпун затерялся внизу. Время позволяло сделать еще один выстрел! Он схватил гарпун из рук Олини, вставил на место, взвел рукоятку... Сейчас он мог слышать вопли, доносившиеся с острова, видеть разбегающиеся в свете костров фигуры. Он пропустил третью курицу — она была слишком близко — и прицелился в четвертую. Одно мгновение он наблюдал за полетом гарпуна, затем бросил рукоять метателя и схватил лук, который предварительно положил на палубе. Четыре других лука уже звенели; даже триммер Хэмпел, независимо от отношения к Раабу, был настоящим представителем Флота. Кадебек и Вайнер были превосходны, превосходны! Рааб выпустил свою первую стрелу почти отвесно вниз, вторую даже немного назад. Последняя курица сейчас находилась прямо под ними. Рааб торопливо послал в нее две стрелы, затем снова повернулся вперед. Люди уже карабкались по веревочным лестницам в корзины крейсерских блимпов. Грубый смех вырвался у него. Они даже не оставили дежурные экипажи на борту боевых блимпов! Низким и резким голосом он крикнул своим лучникам:

— Огонь — вперед! Теперь сосредоточьтесь на крейсерах!

Нет, несколько стрел не смогут вывести из строя боевой блимп — большинство из них, вероятно, вообще не сможет пронзить сверхпрочную ткань баллонов — но стрелы, мелькающие вокруг пытающихся взобраться на борт экипажей, могли немного задерживать их внизу и на некоторое время дезорганизовать их.

Но экипажи добрались до корзин. Люди, как фантастические муравьи, еще прилагали все усилия, карабаясь вверх по лестницам, когда веревки, удерживающие первый боевой блимп, были обрезаны, и он прыгнул вверх. Теперь остров разразился криками и проклятиями. И Рааб внезапно понял, что пришло время прервать атаку.

— Все весла — полный удар, Кадебек, Вайнер — займите свои места! — Сам Рааб побежал и сел около Рэйджера. Таща на себя тяжелое весло, он внимательно всматривался вниз сквозь переплетения корзины. Последний костер лагеря сейчас исчез за кормой... — Весла правого борта — пол-удара!

Ему не требовалось говорить гребцам левого борта, чтобы они продолжали тянуть весла изо всех сил, они задыхались и покрикивали от усилий. «Пустельга» быстро повернула.

Взглянув на остров, он определил, что теперь она движется к восточному утесу под углом в сорок пять градусов.

— Еще пол-оборота сжатия впереди!

Сбросив балласт с этого края корзины, «Пустельга» теперь почти выравнила киль, но он хотел спуститься еще ниже к воде, чтобы войти в ущелье на высоте не более ста футов от поверхности. Сможет ли он найти эту узкую расселину в темноте? На короткое

время беспокойство охватило его — он действительно не подумал о том, что после лагерных огней его глаза должны довольно быстро привыкнуть к темноте. Но теперь уже слишком поздно менять планы!

Он поднялся и, оставив весло в полное распоряжение Рэйджера, торопливо подошел к передним перилам и устремил глаза в темноту. Когда в нескольких футах от него возникло движение воздуха, он быстро схватился за нож, но это был только талисман, вернувшийся к блимпу из облета озера. Извиваясь, он приблизился к корзине, которую считал своим воздушным стойлом и, шипя от возбуждения, с глухим стуком опустил на крышку метателя гарпунов.

Рааб боролся с искушением оглянуться на остров, так как это снова могло ослепить его глаза! Он всматривался в темноту и почти на траверзе увидел чернее черного вертикальный разрез.

— Все весла — стоп!

С минуту он дал «Пустельге» возможность подрейфовать, а сам напряженно всматривался туда, убеждая себя, что это именно то ущелье, которое им было нужно. После этого он приказал:

— Весла левого борта — полный удар!

«Пустельга» быстро развернулась. Рааб сделал дважды небольшую корректировку курса, и «Пустельга» медленно вплыла носом в узкий разрез. Он посмотрел через перила и увидел отражавшиеся в озере звезды. Они были немного выше, чем ему хотелось бы, но это уже не имело значения.

Сейчас он мог слышать крики, доносившиеся откуда-то сверху, и с беспокойством прислушался. Видят ли с этого поискового блимпа расселину? По-видимому, нет. Внезапно голоса стали почти не слышны, значит, невидимый корабль прошел мимо; несколько секунд спустя голоса снова стали громче и вновь затихли, удаляясь к верховьям озера.

— Привяжите щупы! — приказал он напряженным шепотом.

На выполнение этого ушло две или три минуты, и теперь он мог позволить себе посмотреть назад на пришвартованные курицы.

Какое-то мычание с примесью глупого хихиканья сформировалось в его горле. Два баллона полностью выпустили газ и лежали поверх корзин, баллон третьего блимпа, самого последнего в ряду, был заметно меньше других. Курицы, для того чтобы поднимать больший вес, не имели в баллонах внутренних перегородок. Он повернул лицо в сторону Джона Кадебeka.

— Кадебек... ты заметил какие-нибудь повреждения планеров?

— Я видел дыры в шести или семи крыльях, — ровным голосом ответил Кадебек. — Но в других могли быть меньшие пробоины. Когда я получил возможность посмотреть на них, мы уже миновали песчаную косу.

Рааб дрожал от возбуждения и дикарской радости от того, что сумел нанести урон врагу. Он глубоко вздохнул и приказал: — Все весла — пол-удара!

«Пустельга» вдвинулась в ущелье, и их окружила абсолютная темнота. Рааб уменьшил взмахи весел до четверти удара. Последние отдаленные неистовые крики замерли позади и сменились на обычные успокаивающие звуки — скрип оснастки «Пустельги», крики ночных вездесущих и даже редкий скрежет щупов по каменным стенам ущелья. Рааб знал, что эта расселина была заблокирована сверху и имела проход только над уровнем озера, и сомневался, что враг будет искать их в этом направлении. В ближайшем будущем, не имеющие никакой уверенности, что их атаковал только один блимп, они почти наверняка сконцентрируют свои яростные поиски по краям вокруг озера и попытаются удостовериться, что атаковавший их блимп не ускользнул. И, конечно, они перекроют вход и выход озера, куда, ориентируясь по свету звезд, могли бы устремиться спасающиеся бегством блимпы.

Он почувствовал уверенность, что они ускользнули чисто. Но не успели они пройти и мили, как с кормы послышался низкий сердитый голос Кадебека.

— Джеран!

Рааб повернул голову, и в его голосе чувствовались признаки гнева.

— Ну?

— Возможно, нам следовало бы поторопиться и уйти в более безопасное место, но я хочу зажечь лампу и тщательно обыскать блимп. Кто-то украл мой нож!

* * *

Недоверчивый и безмолвный Рааб словно прирос к одному месту.

— Держи здесь ухо остро, — наконец сказал он Олини и двинулся на корму корзины. Он остановился около крепыша, который с такой злобой тянул свое весло, что даже опережал ритм. — О чем ты говоришь? Что заставляет тебя думать, что нож не выпал, когда ты стрелял из лука? Или когда пробирался к своему месту? Ты пытался поискать вокруг?

— Я ощупал всю палубу, куда смог дотянуться. Что еще я могу сделать без света! Я никогда не оставляю ножны расстегнутыми, когда в них находится нож. Пока я стрелял, кто-то расстегнул их и вытащил нож.

Удары весел пошли вразброд, и Рааб приказал:

— Все весла стоп! — Мгновение он колебался. — Будь разумен, Кадебек! Я знаю, что твой нож имеет большую ценность,

но кто станет красть его, зная, что мы останемся на борту в течение дней, если не недель, без малейшей возможности покинуть корзину? Если бы кто-нибудь захотел украсть его, он бы выждал, пока мы вернемся домой!

— Я хочу обыскать все и всех в этой корзине! — огрызнулся Кадебек.

Маленький палец Рааба начал пульсировать. Он удержался от грубости. Ладно, если какой-то дурак украл нож, его обязанность выяснить, кто это сделал, а если Кадебек ошибается (что выглядело более правдоподобным), он должен убедить его в этом. Вероятно, в те лихорадочные мгновения нож просто выпал из ножен.

Хотя рукоять ножа не могла проскользнуть сквозь щели плетеной палубы, но он легко мог вывалиться через широкие отверстия в бортах. Рааб не хотел даже рассматривать такую возможность — но должен был. Кадебек стоял, навалившись на перила грудью и поставив колено на свое сидение... Рааб вздохнул.

— Ладно. Я сожалею, что такое могло случиться, но сейчас мы не можем стоять. Я думаю, через час. Во всяком случае, нам понадобится перерыв для отдыха и еды. И все-таки, пусть каждый очень внимательно ощупает палубу вокруг себя. Только осторожнее, не столкните его за борт. Кадебек, я обещаю, во время следующей остановки мы осмотрим всю корзину!

Рааб вернулся к передним перилам. Какие звуки он слышал в корзине во время короткой атаки на вражеские блимпы? Он слышал, что весла не один раз сталкивались в воздухе, и это могло означать, что кто-то на короткое время покинул свое место, подкрался к Кадебеку и вытащил нож из ножен. Но это не казалось ему правдоподобным.

— Все весла — четверть удара! — приказал он.

Пока они, словно слепые, ползли по узкой расселине, какая-то часть его мозга была отвлечена от утомительной, нервной работы прокладки курса и пыталась разрешить вопрос о загадочном исчезновении ножа.

10

Две лампы висели на перилах — одна впереди, другая на корме. Они довольно хорошо освещали корзину и нижнюю часть баллона «Пустельги», но окружающая темнота действовала угнетающе. Стены ущелья, куда попадал свет, выглядели словно стены сырого каземата. Небольшие вездесущие, извиваясь, влетали в освещенный круг, смотрели на них круглыми и блестящими, как бусинки, глазами, показывали свои зубы и враждебно кричали, на что талисман отвечал низкими и резкими угрожающими звуками.

Рааб молил бога, чтобы газовый баллон полностью перекрыл свет так, чтобы случайно пролетающий над ущельем вражеский разведчик не заметил зарево. Что касается возможного появления вражеского блимпа в самом ущелье — он старался об этом не думать. На озеро выходило много ущельев, и большинство из них было гораздо шире, чем это. Враги едва ли предпримут такой тщательный поиск ночью.

Экипаж сидел по своим местам и безмолвно наблюдал, как Рааб и Джон Кадебек смотрят в лицо друг другу. Кадебек смотрел угрюмо. Рааб чувствовал, что его лицо выглядит окаменевшим.

Крепыш прорычал:

— И не надейся, что я поверю, будто кто-то расстегнул ножны, взяв нож — а затем выбросил его за борт!

— Я и не ждал, что ты поверишь во что-нибудь, кроме того, во что хочешь верить,— холодно ответил Рааб.— Я не собираюсь больше спорить. Мы обыскали всю корзину, все шкафчики, ощупали все узлы с личными вещами и с продуктами, обыскали всех без исключения — ножа здесь нет. Скажу больше, я очень сожалею, что ты потерял его, но сейчас поиски пора прекращать! Теперь каждая минута промедления увеличивает опасность для наших жизней, не говоря уже о нашей миссии. Сядешь ты на свое место или мне рассматривать тебя как мятежника?

Мгновение Кадебек смотрел на него свирепо, затем сделал широкий шаг в сторону и занял свое место.

— Если мы когда-нибудь вернемся на Лоури, Джеран, я потребую компенсацию за этот нож — а кроме того, возможно, несколько иное удовлетворение!

Рааб проигнорировал его слова и крикнул Бену:

— Погаси лампу на корме, ты понял? — Сам он потянулся ко второй лампе и погасил ее. Затем подошел на ощупь к передним перилам и крепче, чем было необходимо, обхватил их руками.— Все весла — пол-удара!

Ночь затянулась. Спустя несколько вечностей она все-таки пошла к концу, и затем они стали ждать, когда перевалит за полдень. Даже в середине дня узкая яркая полоска света оставалась далеко наверху и впереди, насколько позволял его видеть баллон «Пустельги» — но здесь были только мучительные сумерки. Монотонность путешествия сводила с ума. Рааб готов был завывать и полагал, что экипаж чувствует себя не лучше. Во время остановок почти не разговаривали. С тех пор как они не смогли найти нож Кадебек, тот вообще не говорил ни слова; на его окаменевшем лице застыло хмурое выражение. Рааб несколько раз был на грани того, чтобы извиниться и заверить его, что Флот как-нибудь заменит его драгоценный бронзовый нож, но его останавливала гордость.

Тяжелое испытание продолжалось, и Раабу уже начало казать-

ся, что в мире не существует ничего, кроме замшелого ущелья с запахом сырости и криками небольших существ, скрипящей оснастки «Пустельги» и усталого хриплого голоса Бена Спрейка-младшего, отсчитывающего ритм. Внезапно талисман поднял голову и издал короткий шипящий звук. Рааб напряженно всмотрелся в растянувшийся впереди мрак.

— Все весла — стоп!

В этот момент лампы не горели, хотя за последние несколько часов он не один раз использовал их, когда впереди оказывался крутой поворот или завал из щебня. Положив руку на шею талисмана, Рааб прислушался. Но вездесущий не пытался покинуть корзину, что, как думал Рааб, произошло бы, если бы он услышал что-то, говорящее о присутствии вражеских блимпов.

А затем и его уши уловили отдаленный слабый звук. Он с облегчением вздохнул.

— Мы прошли гораздо большее расстояние, чем я думал. До соединения с широким ущельем, в котором протекает река, осталось около мили. Там будет достаточно света в дневное время, и — если так решит большинство из вас — мы сможем остановиться там на день и устроить баню. — Он поколебался и решил воспользоваться случаем, чтобы сломать затянувшееся молчание между ним и представителем экипажа. — Кадебек, что ты об этом думаешь? Вероятнее всего, враг просто не поверит, что мы можем добраться сюда, не поднимаясь в открытый воздух. Ты хочешь рискнуть?

Голос Кадебека был ровным и холодным.

— По крайней мере, ты обещал нам, что если мы атакуем врага, то сможем немного погреться на солнышке. Мы атаковали — и теперь попробуй доказать, что мы были не так эффективны, как ты надеялся! Я бы лучше продолжил путь до тех пор, пока мы не увидим с о л н е ч н ы й свет. Моя шкура еще не покрылась сыпью, и я не чешусь до такой степени, что не хочется жить. Какие-нибудь возражения?

Послышалось бормотание, но определенных возражений не было.

— Чудесно, — сказал Рааб, удовлетворенный благоразумием Кадебека. — Это ущелье с рекой проведет нас на шестьдесят или семьдесят миль к востоку, а затем мы оставим его, потому что оно свернет на север. Дальше я не могу планировать, но, если удача не отвернется от нас, мы сможем найти какую-нибудь открытую долину, где сможем расположиться на день. — Он немного поколебался. — Триммеры, убраться один оборот сжатия на корме и впереди. Мы приблизились к широкому ущелью и теперь, я думаю, можем рискнуть и подняться вверх, где больше света. Все весла — полудара!

«Пустельга» двинулась в ровном подъеме. Утомленный Рааб

еще некоторое время прокладывал курс по слуху, пока в расселине не появился слабый свет. Затем, чувствуя, что снова оживает после долгого существования в преддверии ада, он хрипло приказал:

— Опустить шупы!

Теперь он мог видеть перелетающих с места на место вездесущих — слегка отличающихся от тех, что обитали внизу, так как на этой высоте требовался бо́льший размах крыльев — и проплывающие мимо покрытые мхом стены. Но день уже клонился к вечеру. Он надеялся, что в широком ущелье их ничего не задержит. В противном случае, когда взойдет Золотистая, они смогут подняться в открытый воздух.

Чувствуя потребность выговориться, он обсудил это с Эмметом Олини.

— Это будет здорово, если мы снова внизу увидим открытую почву!

— Аминь! — сказал Олини. — Ты думаешь, это уже безопасно, Рааб?

— Думаю, да. Когда взойдет луна, любой блимп, находящийся западнее нас, будет хорошо освещен и мы сразу его заметим, в то время как обращенная к ним сторона «Пустельги» останется темной. А мы находимся далеко к востоку от их базы.

— Скорее к юго-востоку, чем к востоку, — поправил Олини, — но я понял, что ты хотел сказать. Они ожидали, что мы рванемся на юг или юго-запад. — Триммер потянулся и позволил храповику штурвала щелкнуть один раз. — Ты говоришь, что мы остановимся на один день, чтобы отдохнуть и побыть на солнце, а затем повернем к морю и двинемся с такой скоростью, с какой только сможем, да?

— Правильно, — сказал Рааб. — Я думаю, что чесотка, возникшая у меня на данном этапе путешествия, пройдет после купания, — он сделал паузу. — Надеюсь, что там не будет сильных встречных ветров. С таким кукареканьем, как у нас сейчас, даже умеренный ветер может принести неприятности.

— Сезон штормов еще не наступил, — усмехнулся Олини. — Если бы это было не так, мы смело могли бы взять отпуск и провести его в стране ущельев!

Рааб, прислушиваясь к шуму реки, рассеянно кивнул. Но звук не становился громче, потому что хотя они и приближались к ущелью с рекой, но в то же время поднимались.

Но сейчас впереди появился каскад интенсивного, если не ободрающе яркого света. Когда они всплыли в широкое ущелье и повернули на восток (это было вверх по течению реки), там опускались сумерки, так как небо уже приобретало пурпурную окраску. Но все же этот каскад индиго впереди «Пустельги» словно предоставлял им какую-то передышку после долгого наказания.

Утомленный Рааб с облегчением приказал:

— Все весла — стоп! Триммеры, сделайте сэндвичи, вы поняли?

Он послал талисман вперед на разведку. До того как вездесущий вернулся, они отдыхали около получаса. Он вернулся, не проявляя никаких признаков возбуждения, и со скрипящими звуками его собственного облегчения шлепнулся на бывшую постель Рааба. Длинный полет на такой высоте требовал от него определенных усилий. Но в то время как экипаж возобновит свое путешествие, он сможет отдохнуть.

Через некоторое время, когда свет Золотистой позолотил один край ущелья, они покрыли такое расстояние, какое планировал Рааб. Но затем возникло препятствие.

* * *

Рааб сидел на передних перилах и старался не выказывать напряжения. «Пустельга» без движения висела в неподвижном воздухе ущелья. Сейчас она примерно на двадцать градусов наклонилась на корму, потому что там, сбившись в тесную группу, собрался весь экипаж. Весь, за исключением Поки Рэйджера и Эммета Олини. Олини оставался на своем посту около Рааба, а Рэйджер сначала присоединился к собравшимся, но затем смущенно вернулся на свое место.

Рааб ощущал сухость во рту и очень хотел знать, как будет звучать его голос, когда придет время говорить. Он знал, как обходиться с явным бунтом, по крайней мере, можно драться, с успехом или без такового. Но эта ситуация призывала действовать сдержанно и с умом. Экипаж через представителя команды Кадебек спросил разрешения, и это не противоречило закону, провести совещание и соблюдать все правила, установленные на Флоте (хотя это был гражданский экипаж и в том, стоило ли им соблюдать все формальности, было сомнение).

Совещание распустилось. Кадебек, тащившийся за Беном Спрейком, вышел вперед. Наклон «Пустельги» изменился, когда большинство членов экипажа собрались на носу. Триммер Хэмпел тоже сделал нерешительную попытку перейти вперед, но Рааб резко сказал:

— Триммер, я полагаю, ты останешься на своем посту!

Его голос звучал нормально. Не говоря ни слова, Хэмпел вернулся к перилам на корме.

Бен прочистил горло, издал пару непонятных звуков и снова умолк. Не ожидая, когда белокурый офицер возобновит свои попытки, Кадебек проговорил:

— Джеран, мы все, за исключением тебя, триммера Олини и

Поки Рэйджера, который оказался слаб в коленках, провели голосование и пришли к мнению, что ты превышаешь свои полномочия, подвергая излишнему риску блимп и его экипаж.

— Вы уверены, что я превышаю свои полномочия? — спокойно спросил Рааб, удивляясь холодности в своем голосе.

Кадебек коротко засмеялся.

— Ты хочешь, чтобы за обещанную плату мы получили достаточно страданий, а теперь пытаешься противоречить себе?

Прежде чем ответить, Рааб выждал минуту.

— Нет, я буду придерживаться собственной версии. Во всяком случае, я не думаю, что мог бы сделать что-то еще лучше. Я полагаю, что сейчас самый уместный вопрос такой — был ли в нашей атаке на превосходящие силы врага излишний риск или нет? В свое время я говорил вам, что предполагаю немного ослабить врага и тем самым уменьшить давление поисков. Мы это сделали. Но на это можно взглянуть и с другой точки зрения: теперь единственное желание врага — узнать, сколько наших блимпов находится в стране ущельев. В дальнейшем они будут сомневаться в эффективности шпионов, обосновавшихся на Лоури.

— О, все это мы допускаем, — нетерпеливо сказал Кадебек. — Допускаем также, что ты все блестяще спланировал, проявил смелость и другую формальную ерунду. Но мы утверждаем, что наш риск не уменьшился — вместо этого он увеличился. Мы не уничтожили превосходящие силы и не нанесли никакого ущерба, который нельзя было бы исправить в несколько дней, а только раззадорили их и дали ясно понять, что находимся в стране ущельев, — крепко сделал паузу. — И мы, Джеран, подвергаем сомнениям твои побуждения. Учитывая наше задание, была ли оправдана эта атака? Или ты действовал по другим причинам, как, например, вынудить врага сделать ответный удар? Что ты на это скажешь, капитан? Ты не хочешь сказать всем нам, что решился на атаку, следуя своей особой миссии?

— Я не думаю, — сказал Рааб, — что смогу ответить на этот вопрос прежде, чем получу шанс обдумать его и все то, что вы подразумеваете. Я также не буду спрашивать тебя, какая взаимосвязь между потерей очень ценного металлического ножа и занимаемой тобой позицией. Конечно, оба эти вопроса могут подождать до официального расследования на Столовой Горе Лоури, если мы когда-нибудь вернемся туда. Сейчас я спрошу вас другое — ты знаешь, что говорится в уставе Флота об отношениях с командиром, смене командования и мятеже в воздухе?

— Думаю, что мы знаем это. Даже если мы никогда не уделяли этому особого внимания, младший алтерн кратко проинструктировал нас об этом.

Рааб холодно улыбнулся и получил время все обдумать.

— Тогда все нормально. Я полагаю, вы достаточно хорошо ознакомились с уставом, но еще хочу напомнить, что здесь, кроме меня, находится только один офицер Флота — Бен Спрейк-младший. Если экипаж намерен незаконно захватить командование, то он единственный, кто уполномочен сделать это. Как вы заметили, он кратко проинструктировал вас. Он упоминал об этом?

Представитель экипажа колебался. Видит ли он, чего хочет Рааб?

— Он не делал на это упор, Джеран, но мы все знаем. Я думаю, он готов сказать сам за себя.

Возникла неловкая тишина, в течение которой Рааб даже почувствовал что-то, напоминающее симпатию к Бену. Наконец Спрейк глубоко вздохнул и выдал:

— Сэр, в соответствии с уставом и согласно результатам голосования, в котором, как уже упоминалось ранее, принимало участие девяносто процентов экипажа, я... я утверждаю, что вы грубо нарушили данный вам приказ и... и подвергли опасности блимп, исполнение миссии и жизнь экипажа. Я, эхм,— он сглотнул.— Таким образом, я признаю свое право принять командование до завершения нашей миссии или до тех пор, пока сам добровольно не откажусь от этого!

В корзине стояла напряженная тишина. Талисман заволновался и беспокойно пошевелился. Рааб расслабил руки, смертельной хваткой обхватившие перила за спиной, и успокаивающе похлопал по шее суца. Он ощутил в себе странный холодный гнев, который заставлял его маленький палец бешено пульсировать.

— Я признаю результаты вашего голосования и доводы,— спокойно сказал Рааб,— отказываюсь вести с вами споры, но сохраняю за собой право опротестовать ваши обвинения в будущем. От командования я отказываюсь. Бен, принимай блимп.

Он двинулся на корму. Теперь тишина стала более глубокой, но Бен вздохнул и сломал ее.

— Я... эх... Рааб, тут нет ничего личного...

Рааб остановился и снова повернулся к ним лицом.

— Я так и не думал, Бен. Признаю, что подверг вас всех излишнему риску, который мы могли избежать. Сейчас я не отрицаю, что превысил свои полномочия или даже нарушил данный мне приказ — пусть в этом разбирается Правительственная Комиссия по Расследованиям, если мы когда-нибудь вернемся на Лоури. Я говорю, принимай командование!

Теперь послышалось бормотание и, по крайней мере, один тихий смехок. Рааб подумал, что он исходил от Вилли Вайнера. Со слезами истерики в голосе, Бен спросил:

— Сэр... Рааб... я хочу спросить, какие были твои дальнейшие планы? Я не знаю... ты понимаешь... там не было много...

— Давай лучше забудем о моих планах, даже если они и были, — сказал Рааб. — Они могут вовлечь нас в такой риск, которого можно избежать. Если ты спрашиваешь совета, ладно, я скажу. Мы должны прямо сейчас подняться из этого ущелья, пока луна не поднялась выше, и в открытом воздухе двинуться в направлении моря. Должны ли мы опуститься в другое ущелье до восхода солнца или после него — это спорный вопрос. Затем, когда мы достигнем края страны ущельев, мы должны будем пересечь свободное пространство и выйти наконец из зоны блокады, — он предоставил им возможность подождать продолжения. — Ну и, конечно, там есть другие проблемы. Вы знаете, что это очень старый блимп, и, несомненно, ткань баллона ослабла и стала хрупкой. После того, как мы полностью накачали баллон газом, мы ни разу не поднимались выше, чем на полмили от открытой почвы. Я не ошибся? Если мы поднимемся выше, выдержит баллон или лопнет? Сможем ли мы прокладывать курс на такой высоте? Если мы все-таки решимся на это — сможем ли мы там в случае необходимости вести бой? И что, если нам потребуется подняться, скажем, на милю над уровнем столовой горы? Можем мы быть уверены, что баллон не лопнет? И...

Послышались явные смешки и ругань.

— Рааб... сэр... я хочу, чтобы ты прокладывал курс блимпа! — отчаянно сказал Бен.

— О нет, Бен! — вздохнул Рааб. — Ты знаешь устав. Если ты законно принял командование, а это так и было, то должен командовать во всем!

Кадебек выругался. Рааб повернулся к нему.

— Все в порядке, представитель экипажа. Вы хотели, чтобы младший алтерн Спрейк попытался командовать в этой миссии? Может, ты с а м хотел попробовать? Я могу временно назначить тебя на офицерскую должность. Подумай! Если я поведу блимп, значит, я отметаю всякий вздор и оставляю за собой полное командование! В противном случае, что бы ни случилось, я избавлю вас от своих советов!

Кадебек посмотрел на него в сумеречном свете и вдруг засмеялся.

— Ладно, Джеран. Я думаю, ты раскусил наш блеф. Мы согласны, чтобы ты командовал нами, только хотим, чтобы ты обещал нам, что больше не будешь вовлекать нас в подобные стычки!

— Я обещаю это, — холодно ответил Рааб, — но с одной оговоркой: если возникнет какая-нибудь ситуация, в которой я должен буду превысить свои полномочия или просто она может быть так истолкована, попрошу вас всех проголосовать и подчинюсь вашему решению. Согласны?

Кадебек снова засмеялся.

— Согласны! — Его голос звучал почти с восхищением — вероятно, он ожидал худших результатов.

Послышалось одобрительное ворчание, а некоторые гребцы просто пожали плечами в сумеречном свете.

— Капитан, — заунывно спросил Поки Рэйджер, — если мы не можем подняться из этого ущелья, как же мы доберемся до солнечного света, который ты обещал нам?

— Я думаю, что мы можем подняться не очень высоко над открытой почвой, — ответил Рааб. — Баллун старый! Но, как бы трудно нам ни было, мы доберемся до края страны ущельев и найдем какое-нибудь солнечное местечко, где сможем спрятать блимп. «Пустельга» не очень большая, так что для ее маскировки много листьев не понадобится. Мы отдохнем один день, а потом быстро, как только сможем, двинемся к побережью. Возможно, во время этой пробежки нам для маскировки на день придется раз или два использовать траву, и, надеюсь, этого будет достаточно. А может, найдем место, где можно будет наломать веток. И если удача не отвернется от нас, когда мы приблизимся на сотню миль к побережью, утренние туманы скроют наше продвижение.

11

Член совета Ольвани стоически терпел холодную сырость узкой полоски на южном краю Столовой Горы Лоури, где почти никогда не было ни людей, ни солнца. Определенно, южный край был жалким местом. На голых камнях не росло ничего, кроме напоминающих мох губчатых ростков. Эти растения — единственные, сумевшие выжить под мелким непрекращающимся дождем. Зато никогда не рассеивающийся над южным краем мрачный сырой туман был хорошим прикрытием для заговора. Когда Ольвани и алтерн Джергенс отошли на двадцать шагов от доставившего их сюда флотского блимпа, туман полностью поглотил обоих.

Ольвани в очередной раз поправил поднятый воротник своего плаща и без выражения посмотрел на Джергенса.

— Ты уверен, что экипаж не заподозрит нас?

Рукой в перчатке Джергенс сделал жест возражения.

— Мы осторожно проверили их взгляды, хотя они даже не знают этого. Вся эта команда согласна на компромисс с Мэдерлинком. Во всяком случае, наше прикрытие довольно убедительно — мы доставили вас сюда, чтобы проверить слухи о якобы хранящихся здесь запасах гуано, которые не хотят использовать. Наша двухчасовая прогулка не вызовет большого любопытства.

Ольвани посмотрел под ноги на скользкую поросль лишайника. Несколько лет назад они вообще не обращали внимания на

грязь в здешних ручьях, на которой не росло ни одной травинки. Когда он пришел к власти, один из его проектов предполагал вывозить эту грязь с южного края. Он думал, что бесплодная здесь, в солнечном месте она должна стать плодородной. По крайней мере, в нее можно добавить немного гуано.

— Трудно поверить, что морские суи могут существовать здесь,— сказал он Джергенсу.— Во всяком случае, им нужен другой климат.

Джергенс покачал головой.

— В начале лета, когда ветры дуют с внутренней территории, здесь бывает несколько солнечных дней. Вы знаете, в то время туман собирается над северным краем. Небольшие морские суи поднимаются сюда, чтобы спариться и высиживать яйца. Но их немного, поэтому отложения гуано не привлекали большого внимания. Я был здесь в ясную погоду и видел место, где первые колонисты забирали старые отложения. Они забирали все, и с тех пор почти ничего не накопилось.

От блимпа, который они покинули, послышался свисток.

— Мне кажется,— сказал Ольвани,— что нашим гостям придется подойти довольно близко, прежде чем они услышат сигнальные свистки!

Джергенс усмехнулся.

— Сэр, возможно, вас это удивит, но они очень легко найдут это место. Они прекрасно видят стены утеса ниже уровня тумана, и компетентный капитан, побывавший здесь хоть один раз, легко определит место, где надо подниматься. Я уже четыре раза встречал их именно здесь,— он снова усмехнулся.— Свистки — штука полезная, но мой младший алтерн посылает их для нас, чтобы мы знали, где находится блимп.

Ольвани почувствовал приступ раздражения на собеседника. Неужели этот дурак думает, что он, Ольвани, мог пойти на такую рискованную вылазку, не изучив и не обдумав деталей? Он только кивнул головой.

— Я надеюсь, что гости не опоздают. Даже представить себе не могу, что здесь можно провести больше нескольких минут и остаться здоровым!

— Они могут появиться в любой момент.

Ольвани заставил себя быть терпеливым. Действительно, не прошло и пятнадцати минут, как кружившийся темный туман потемнел еще больше и превратился в баллон большого блимпа. Боже! Как близко он подошел, прежде чем они смогли его увидеть!

Джергенс пронзительно крикнул, и в ответ с вражеского блимпа донесся тихий голос. Ольвани услышал приказ о сжатии впереди и на корме, об остановке весел, и блимп Мэдерлинка приостановил движение, а затем опустился на поверхность. Люди в чужой форме

выпрыгнули из корзины и, рассыпавшись в цепь, начали прочесывать местность. Такая стремительность рассердила его. К чему такая охрана, если они не ждут никаких неприятностей?

Как только отделение прочесало несколько ярдов тумана и вернулось, из корзины выбралось трио и двинулось к ним. Трое в плащах. Лицо Ольвани застыло от удивления. Тройку возглавлял адмирал Норва — главнокомандующий силами блокады!

* * *

Под холодным хмурым взглядом адмирала лицо Ольвани снова стало невыразительным. Он не любил людей, которые из-за своего роста смотрели на него сверху вниз, даже если его визави надо было встретить радушно. Они встречались уже не первый раз, и он не хотел показать открыто свою враждебность, решив, что должен сказать что-нибудь дипломатическое.

— Я сожалею, сэр, что наша встреча проходит под таким отвратительным мерзким дождем!

Норва ответил с усмешкой в голосе:

— Я не буду говорить долго. Мне надо сказать совсем немного. Ты простофиля! Ты уверял нас, что со столовой горы выскользнул один-единственный маленький учебный блимп с недоукомплектованным экипажем и со слабо накачанным баллоном. Ты клялся, что все остальные единицы боевого Флота под твоим неусыпным взглядом. Не сомневаюсь, что теперь ты понимаешь глупость такого утверждения!

Ольвани, выбитый из колеи таким началом, покраснел. Когда-то...

— Адмирал, если не считать «Пустельгу», за последние семьдесят или восемьдесят дней столовую гору не покинул ни один блимп, даже торговый! Я не могу вообразить, почему вы... — Он повернулся и заметил усмешку в глазах Джергенса. — Алтерн, можешь ты или нет перечислить все блимпы Флота, находящиеся в удовлетворительном состоянии, и их точное местонахождение на данный момент? — он улыбнулся Норве. — Что касается торговых кораблей, сэр, то я могу заверить вас...

Норва непристойно выругался и перевел взгляд на Джергенса. Алтерн покраснел и весь дрожал, но, как расценил Ольвани, больше от страха, чем от гнева.

— Я могу перечислить весь список, сэр! Не было ничего заслуживающего внимания, кроме той нелепой экскурсии «Пустельги». Штаб...

Ольвани сдержанно прервал его.

— Алтерн, разреши напомнить тебе, что я сам принимаю уча-

стие в работе Штаба и не пропустил ни одного совещания, так что ни одно важное сообщение не прошло мимо моих ушей.— Он снова повернулся к адмиралу.— Адмирал, я никак не пойму, что вас так беспокоит. Ни один корабль не покинул столовой горы, кроме одного небольшого блимпа. И если вы помните, в последнем полученном от вас сообщении о «Пустельге» говорилось...

Адмирал свирепо прервал его.

— Ты дурак? Я как раз и втолковываю тебе, что отдельные блимпы Флота Лоури организовали действия против нас! Я не знаю, «Пустельга» это была или нет, мне безразлично — хотя я еще не забыл, что донесение об ее отправке пришло с запозданием. Но ради наших будущих отношений, мы не будем это обсуждать! Сейчас я говорю о мощных боевых блимпах — по-видимому, их было немного, но то, что их было несколько, не вызывает никакого сомнения — действующих в стране ущельев! По моим здравым рассуждениям, этот молодой хулиган Рааб Джеран покинул Лоури не для того, чтобы привезти груз гуано, а для того, чтобы объединить силы, сделавшие налет в стране ущельев! Если он хотя бы наполовину такой человек, каким был его отец, я и сам выбрал бы его для подобного налета, несмотря на то, что он молод и не дослужился до высокого звания, — он остановился, бросил подозрительный взгляд на Джеренса и холодно продолжал обращаться к Ольвани.— Мне кажется, ты не совсем мудро подбираешь своих информаторов!

Ольвани попытался сдержать гнев.

— Адмирал, разрешите заверить вас, что всю сомнительную информацию от нашего Флота я подвергаю тройному контролю. Положение такое, как мы говорим вам, — ни один боевой блимп, если вы не захотите отнести к ним «Пустельгу», не покидал Лоури. И если, а я это «если» подвергаю большому сомнению, по вашему мнению, удар нанесли наши блимпы, то они, вероятно, выжили после того сражения. Но я абсолютно не понимаю, как...

Норва взорвался фонтаном ругательства.

— Послушай, ты, государственный деятель, — мы знаем, сколько блимпов насчитывал ваш Флот перед сражением, сколько мы уничтожили и сколько вернулось на Лоури. Отсюда ускользнуло больше, чем одна жалкая «Пустельга»!

Теперь мысли Ольвани заработали более интенсивно. Командующий вражеской блокадой, даже доведенный до такого бешенства, не стал бы появляться здесь только для того, чтобы высказать все это лично. Норва хочет чего-то другого... Но было бы не совсем умно показать адмиралу, что он понял это! Выиграв время, Ольвани нерешительно проговорил:

— Возможно, это были блимпы Оркета...

Норва презрительно усмехнулся.

— Оркет не представляет опасности. Поэтому я приказал, чтобы ты лично явился на встречу со мной. Нас не удовлетворяет, как ты выполняешь свои обязанности. Мы хотим, чтобы ты принял на себя кое-какие обязательства. Если хочешь, можешь назвать это ультиматумом.

Ярость Ольвани, вспыхнувшая после слова «приказал» и усиленная страхом на перспективу увеличивающихся требований, почти не поддавалась его контролю, тем не менее он победил в борьбе с собой и даже ухитрился улыбнуться. Остановив руку на полпути к бороде, он тихо сказал:

— Я не думаю, что правительство Мэдерлинка хочет, чтобы я перед самыми выборами начал действовать опрометчиво.

Теперь Ольвани был уверен, что, по крайней мере, часть гнева адмирала была симулирована.

— Ольвани, — сухо сказал Норва, — мы не собираемся вести переговоры. Мы пока не собираемся компрометировать тебя перед этими глупыми выборами. Если твоя партия победит, прекрасно — мы будем придерживаться прежних соглашений. Если нет — мы начнем вторжение!

Ольвани изумленно моргнул. Он не смог сдержать этого. Вторжение? Не ожидая, пока голод сломает последнее сопротивление? Вероятно, на Мэдерлинке возникли какие-то проблемы... или на Оркете! Но он не сказал о своей догадке Норве.

— Адмирал, я не военный человек, но имею доступ ко всем планам Флота и Разведки. Лоури разваливается, как блинн в сражении, и с каждым днем блокады положение становится все хуже и хуже. Но торопиться с вторжением, особенно если результаты выборов покажут, что народ поддерживает программу продолжения сопротивления...

— По нашей оценке, а мы кроме вас имеем и другие источники информации, выборы пройдут с небольшим перевесом в ту или иную сторону, — сказал Норва. — От вас требуется следующее: с началом вторжения, а если точнее, на день-два раньше, ты должен поднять восстание. Мы не надеемся, что вы захватите всю столовую гору, и не ждем этого. Мы хотим, чтобы вы захватили базу и удерживали зону для приземления наших блимпов. Мы понимаем, что наиболее сильны вы на западе...

Теперь Ольвани пытался побороть внезапное, почти непреодолимое желание засмеяться. Дураки! Он все продумал на годы вперед; но он даже не предполагал ничего подобного! Они были орудием для исполнения его одиноких мечтаний, а теперь оказывается, у них есть собственные мысли! Он сосредоточился на своем лице, затем голосе и, запинаясь, сказал:

— Я... в о с с т а н и е? Но почему, адмирал, я...

Норва презрительно ответил:

— Если у тебя нет мужества, чтобы сделать это, мы найдем кого-нибудь другого. — Он дал Ольвани время обдумать эти слова, с презрительной усмешкой послушал, как Ольвани, заикаясь, выражает согласие, и вяло прервал его: — Детали будут разработаны в ближайшие, скажем, десять дней. Единственное, что от тебя требуется — абсолютная гарантия, что об этом никто не узнает раньше времени.

Адмирал посмотрел на Джергенса, и Ольвани увидел глаза холодного и расчетливого убийцы. Интересно, как Мэдерлинк может утихомирить Джергенса, если Норва решит, что алтерн представляет излишний риск?

Все еще заставляя свой голос дрожать, Ольвани сказал:

— Алтерн полностью на нашей стороне. Вы можете спокойно говорить при нем.

Норва неуверенно произнес:

— Я уже все сказал. — Затем снова нахмурился. — Но все-таки я хочу, чтобы ты выяснил, сколько и каких кораблей пробралось в страну ущельев! Они не нанесли большого вреда нам — весь причиненный ущерб произошел по глупости моих отдельных командиров — но этот пустячок меня смущает. Я должен получить сообщение; которое поможет найти их и уничтожить. Ты сделаешь это?

Такая постановка вопроса несколько испугала Ольвани. В этом не было слишком большой необходимости. Он смиренно ответил:

— Адмирал, я клянусь, что использую каждую возможность, чтобы собрать эту информацию. Я не могу поверить, что это были блимпы Лоури, и не стану держать при себе то, что сумею обнаружить. Это я вам обещаю!

12

«Пустельга» медленными толчками двигалась в нескольких футах над слабой зыбью моря. Где-то за тонким облачным покрывалом солнце Дюрента совершало свой утренний моцион. Рааб несколько раз взмахнул руками, стараясь немного согреться. По утрам, когда еще сохранялась ночная прохлада, густой воздух на уровне моря буквально вымывал тепло из тела! Кроме того, после временного пребывания в стране ущельев его дыхание еще не приспособилось к этому воздуху. Они добрались до края страны ущельев, отдохнули один день в долине с большими деревьями, помылись и постирали одежду, а затем, ночью двинулись в южном направлении. Дважды в следующие четыре дня они делали еще остановки, когда погода становилась ясной и несли опасность быть замеченными. В первый раз они укрылись в роще бамбукоподоб-

ных деревьев, а в другой — в довольно глубокой ложине почти на краю джунглей. Всю последнюю ночь им пришлось грести против ветра, достигающего четырех узлов, и к рассвету они только приблизились к побережью. Но сейчас над ними было тонкое покрывало из облаков, и поэтому, очень усталые, они продолжали свое продвижение вперед. За время путешествия на юг они видели восемь идущих в парах вражеских блимпов. Они также видели несколько планеров, и у них были неприятные моменты, но враг их не обнаружил.

Эммет Олини закончил проверку оси и сжимающих веревок, а затем заметил:

— Я думаю, мы сейчас уже близко подошли к тому острову, до которого ты хотел добраться.

Рааб кивнул.

— Я надеюсь, что мы окажемся там прежде, чем рассеются облака. Хотя мы забрались далеко на восток, здесь все равно должны быть патрульные блимпы.

Он снова вернулся к изучению горизонта. На острове, к которому они сейчас двигались, Рааб был всего один раз. Это был небольшой и не очень высокий островок, который не имел даже названия, но Рааб не сомневался, что сумеет его обнаружить.

Двигающаяся точка с левого борта вынырнула из облаков и привлекла его внимание. Он напрягся. Планер? Нет, он рассмотрел волнообразные движения длинного тела и вялые взмахи похожих на обрубки крыльев. Большая разновидность морских вездесущих — если он захочет, может доставить им неприятности. Но вездесущий, вероятно, спешил по своим делам, перебираясь в другую зону, где море хранило лучшие запасы фуража, и не стал отклоняться от курса.

Внезапно впереди и немного справа на горизонте появился низкий горб.

— Весла правого борта — на пол-удара! — Нос «Пустельги» повернулся на несколько дюймов. — Все весла — полный удар! — Послышалось ворчание, но утомленные люди продолжали свою тяжелую работу.

Темный горб вырос. Рааб посмотрел на облака. Солнце почти пробивалось через них, но прикрытие должно продержаться достаточно долго...

— Все весла — пол-удара! — Он был уверен, что прямо перед ними находится нужный им остров. — Все весла — четверть удара! — Они еле двигались, пока он вглядывался вперед, высматривая признаки возможной опасности.

Но нет, опасность себя не проявляла, и он слегка изменил курс, приблизившись к острову со стороны солнца.

Остров около четырех миль длиной и почти милю шириной,

слегка изгибаясь, тянулся с юго-запада на северо-восток. Насколько Рааб помнил, со стороны открытого моря должна быть небольшая бухта... Точно, она там есть! Ее окружает роща похожих на бананы деревьев. Он медленно направил «Пустельгу» в направлении чистого ручья, впадающего в бухту. В широком устье его вода была слегка солоноватой. Нервы Рааба звенели от напряжения. Засада могла так легко...

Нос «Пустельги» углубился в джунгли, расступившиеся около ручья, но это не принесло ничего, кроме криков разлетающихся вездесущих, длина которых была менее трех футов.

Он завел блимп в небольшой изгиб, чтобы тот не был виден со стороны моря, и с усталым облегчением сказал:

— Все весла — стоп. Пол-оборота сжатия впереди и на корме.

* * *

Когда утомленный экипаж покончил с ленчем, более аппетитным благодаря сорванным с деревьев зрелым, но слегка кисловатым фруктам, солнце уже пробилось сквозь облака.

— Первое, что мы должны сделать,— сказал Рааб,— это нарезать веток и замаскировать блимп, затем до полудня мы можем отдохнуть, искупаться и постирать одежду, а после этого разделимся на две группы. Я возьму первую и поведу к дальнему концу острова, другую, в противоположном направлении, поведет Бен. За исключением гребня горы, тянувшегося по середине острова, весь он покрыт растительностью, но на обоих его концах есть площадки с голыми камнями, где мы и соберем гуано. Больших отложений там нет, но их хватит, чтобы погрузить на «Пустельгу» столько, сколько она сможет поднять на столовую гору. Каждый человек наполнит свой мешок, и в итоге мы получим нужное нам количество. Если хорошо поработаем, то до темноты соберем полный груз.— Он сделал паузу. Ему не терпелось побыстрее доставить груз на Лоури, но это было бы неправильно — не дать экипажу отдохнуть после того, как он героически почти выполнит свою задачу.— Когда мы закончим погрузку, сможем немного расслабиться; вылетим завтра после захода солнца.

— Капитан,— вклинился Поки Рэйджер,— мы будем сидеть с наваленным вокруг этим веществом?

Послышался смех.

— Мы засунем мешки под сиденья, но большинство груза заполнить балластные мешки,— ответил Рааб.— Когда вы будете собирать гуано, выбирайте старые отложения и сухие, чтобы до них не доставала вода прибоя. Если вы так сделаете, то поймете, что вещество доставит неприятностей не больше, чем солома. В

любом случае, мы не хотим, чтобы гуано было слишком тяжелым из-за воды. — Он повернулся к Олини. — Эммет, мы все будем следить за небом, так что тебе не надо будет беспокоиться об этом. Ты не будешь возражать, если тебе придется остаться одному около «Пустельги»?

— Разумеется, нет, Рааб. Когда вы вернетесь, ужин будет уже готов!

— Прекрасно! — оставляя Олини на вахте, Рааб даже не подумал, что тому придется готовить ужин.

Они занялись маскировкой блимпа.

* * *

Солнце прошло уже половину пути к западному горизонту. Растительность острова в равнинной зоне, тянувшейся от небольшой бухты (это зона, вне всякого сомнения, когда-то была залита морем), состояла из колючего кустарника с бледными желто-зелеными листьями и другой его разновидности, чьи листья были круглыми и темно-зелеными; плюс несколько других видов, которых никто и никогда не видел на столовой горе или в стране ущельев. Небольшое количество вездесущих, извиваясь, перелетали от куста к кусту, хватали насекомых и общипывали листву. Это были сухопутные виды, которые гнездились на острокопечных каменных пиках острова. Другие виды кружились над прибоем и следили за морскими формами жизни, которые время от времени выплывали на отмель. Иногда один из них резко пикировал, хватал что-то парой небольших когтистых лап и снова набирал высоту для очередного пикирования. Это был маленький морской вид, откладывающий гуано на камнях по обеим сторонам острова. Точно также, только более щедро, поступали их двоюродные братья и сестры на больших островах, которые составляли действительно заслуживающие внимания источники.

Густой, прогретый солнцем воздух нес смолистый и немного пряный запах кустарника, но не такой, как исходил от флейтовых вязов на Столовой Горе Лоури. В пределах двухдневного перелета блимпа от Лоури были разбросаны сотни таких островов. У Рааба мелькнула мысль, что, если Мэдерлинк все-таки покорит их столовую гору, группы граждан могут бежать и какое-то время существовать на островах. Но это было бы тяжелым и голодным существованием с постоянной угрозой нападения больших морских вездесущих и других существ, живущих на небольших высотах. Он отбросил эти мысли. Лоури еще не побеждена!

Он отдал приказ своей группе и остановился, осматривая небо со стороны моря. Они спустились с покрытого кустарником косо-

гора и пошли по кромке открытого пляжа, обходя каменистый мыс. Небо оставалось пустым. Ведя за собой группу, он позволил себе некоторое время полюбоваться глубоким пурпурно-голубым цветом моря.

Они пересекли открытый пляж, пройдя по самой кромке прибоя, чтобы волны смыли их следы, и с другой стороны мыса снова стали взбираться по косогору.

Внезапно впереди раздался крик человека. Рааб напрягся и приготовил лук, который прихватил с собой. Но через мгновение он расслабился и с неприкрытым изумлением воскликнул:

— Это люди нашего Флота!

* * *

Маленькая группа людей, выскочившая из чащи и бегущая к ним, была одета в обтрепанные остатки серой формы. Двое или трое были вооружены стандартными флотскими луками; у остальных были корявые луки, очевидно, согнутые из местных деревьев. Все одиннадцать были истощены; их лица закрывали клочковатые растрепанные бороды. Но несмотря на худобу, выглядели они вполне здоровыми.

Когда они приблизились, кто-то узнал его.

— Рааб! Рааб Джеран!

Теперь Рааб перешел на бег, и его группа последовала за ним. Две группы встретились, и посыпались беспорядочные ругательства, громкий полуистерический хохот и шлепки по спине. Рааб пожал руку тому, кто возглавлял встреченную группу.

— Ник Рус! Проклятье, триммер, ты числишься погибшим! Как ты умудрился вычеркнуть своё имя из Небесных списков?..

Ник Рус, черноволосый парень, на дюйм ниже Рааба, черноглазый, с начинающей лысеть макушкой и с выбитым передним зубом, улыбнулся в ответ. Как результат какого-то старого несчастного случая, его нижняя челюсть была слегка перекошена на левую сторону.

— Очень жаль, что мне пришлось опровергнуть официальные данные, сэр! Когда мы падали, вражеские планеры — двухместные аппараты с открытой кабиной для лучников — раз десять облетели вокруг нас и перестреляли часть экипажа. Но тринадцать человек укрылись под разрушенным баллоном до ночи, а затем из обломков корзины мы сплели плот. До этого острова, который я помнил по ранним рейсам, мы добрались за четыре дня. Один человек умер по пути сюда, а другой уже здесь. — Он повернулся и махнул рукой. — С этой стороны острова есть пещеры, в которых мы скрывались, когда над островом проходили патрульные блимпы.

— Значит, здесь проходят патрули! — сказал Рааб.

— Да, это точно! Каждый второй день, по крайней мере, один блимп проходит над островом утром и возвращается вечером. Во всяком случае, это говорило нам о том, что Лоури еще держится. — Он посмотрел в глаза Рааба. — Как там дела, алтерн? Флот еще сражается? Мы сумели восстановить его?

Рааб мрачно покачал головой.

— Запасов гелия хватит только для того, чтобы поднять несколько блимпов. Мы даже не могли наполнить газом такой маленький блимп, как наш — чтобы полностью закачать баллон, нам пришлось сначала лететь в страну ущельев. Ник, блокада действует эффективно! Моральное состояние на столовой горе очень низкое; а теперь приближаются выборы...

— Мы видели, как вы подходили, — сказал Рус. — Это «Сова»?

— Нет, «Пустельга». А «Сова» попала в засаду и... — Бицепс на его правой руке напрягся. — Скажи, Ник... во время сражения ты не видел никаких доказательств предательства? Было там что-нибудь, что ты мог бы...

Ник нахмурился.

— О, предательство там действительно было, это точно! Наша курица скрытно подошла к месту сражения, но враги, казалось, точно знали о перемещениях каждого нашего блимпа... Я скажу больше, капитан одного из наших блимпов оказался предателем! В критический момент он сломал боевой порядок и всю линию отдал на растерзание. Кроме того, он вообще не передавал приказы, поступающие с флагманского корабля!

Рааб схватил его руку, и Рус наморщился от боли.

— Триммер! — прорычал Рааб. — Ты уверен в этом? Другие уцелевшие утверждали, что враги даже близко не подходили к флагманскому кораблю...

Рус непристойно выругался.

— Абсолютная чепуха! Мы стояли с его левого борта. Ты знаешь, мы все ушли под прикрытие облака и ждали, когда подойдут наши курицы. Этот блимп — мы так и не смогли его хорошо рассмотреть, чтобы опознать впоследствии — слишком далеко выдвинулся из линии, если, конечно, он вообще собирался поддерживать боевой порядок, и поэтому мы не слышали его сигнальных свистков. А затем он вывалился из облака и метнул дюжину гарпунов во флагманский корабль...

Рааб задохнулся.

— Ты уверен в этом, Ник? Ты уверен?

Потерпевший кораблекрушение удивленно посмотрел на него.

— Конечно, уверен! Мы были довольно близко, выпустили ответный залп и заставили их сменить направление. Затем кое-кто из экипажа, по-видимому, понял, что они натворили, и блимп снова

ушел в облака, но мы слышали крики, словно в его корзине кто-то спорил. Мы решили, что капитан попытался притвориться, что совершил ошибку. Но мы видели все от начала до конца, и я скажу, что это было сделано намеренно!

Рааб почувствовал, что люди вокруг них застыли словно статуи и прислушиваются к разговору. Так ровно, как только мог, он сказал:

— Ник, в измене обвинили моего отца! Он привел свой блимп на Лоури, но через день умер от ран. Донесения уцелевших в сражении содержали обрывочные данные, но кому-то показалось, что враги умышленно берегли Флагманский корабль.

Рус нахмурился и мрачно улыбнулся.

— Я не знаю, ошибся ли кто-то или это надуманная ложь, но тот блимп — боже, как бы хотел я подойти к нему ближе и рассмотреть его — несомненно помогал врагу. В любом случае, мы сражались бок о бок с флагманским кораблем до тех пор, пока не провалились вниз. Последнее, что мы заметили, Флагман был атакован двумя вражескими блимпами. Эх, значит, он добрался домой? Мы даже не представляли себе, что они смогут это сделать! Мы вообще не думали, что кто-нибудь сможет!

Рааб тяжело вздохнул.

— Ну, это совпадает с рассказом его экипажа, но все эти люди были под подозрением. Они говорили, что просто обстреливали врагов всякий раз, как вражеские блимпы подходили слишком близко, — он задумался на минуту. — Ник, что еще ты можешь сказать о сражении? Действительно ли бой вели большей частью планеры, как об этом говорилось в рапортах?

— Все правильно, в основном это были планеры. Каждый раз, как мы выходили из-под прикрытия облаков, они набрасывались на нас с гарпунами. А в облаках мы не могли вести бой. Но твой отец ухитрился собрать несколько блимпов сверху — мы видели это, когда уже опустились на воду, хотя не могли точно определить, какие это были блимпы — и организовал отступление. Именно в этот момент мы видели, как Флагман атаковали два вражеских блимпа. Он был последний в линии, — я думаю, твой отец приказал остальным идти вперед — а враги вынырнули из облаков чуть позади него и завязали бой. А затем снова все скрылось из вида.

Рааб заговорил отрешенно, словно извлекая слова из своей памяти.

— Мой отец говорил своему экипажу, что единственная имеющая значение вещь, которую надо было сделать после поражения, это привести домой как можно больше блимпов и экипажей, чтобы сохранить для Лоури хотя бы небольшие боевые силы... Силы действительно были небольшие, но этого оказалось достаточно, чтобы сплотить вокруг себя людей... Я не знаю, что... — Он внимательно

посмотрел на Ника.— Приближаются выборы. Мы хотим взять здесь груз гуано. Теперь, учитывая, что мы возьмем с собой еще одиннадцать человек, количество полезного груза уменьшится. Но возвращение группы представителей Флота тоже может поднять моральное состояние народа!

Ник на минуту затих.

— Рааб, ты хочешь оставить нас здесь?

— Нет, черт возьми! — взорвался Рааб.— Вы можете сесть за весла, и мы доберемся домой гораздо быстрее.— Он внезапно понял, что эти одиннадцать человек в течение последнего года питались только мясом вездесущих и их яйцами. Не имея пшеницы, других земных растений и мяса травоядных, им пришлось сидеть на не совсем здоровой диете.— Послушай, мы сейчас соберем гуано. Почему бы тебе и твоей группе не пойти к «Пустельге» и не попробовать приличной пищи? Мы спрятали ее в небольшой бухте, в устье ручья, что протекает в середине острова. На вахте триммер Олини. Я думаю, что ты его знаешь.

Рус улыбнулся и смачно выругался.

— Эммет Олини? Знаю ли я его? Мы вместе с ним делали свои первые рейсы!

— Отлично, тогда идите! — сказал Рааб. Он стоял в окружении своих людей и наблюдал, как потерпевшие кораблекрушение бегут рысью по направлению к мысу.

Когда оборванная команда скрылась из виду, он повел своих людей дальше.

— Капитан,— сказал Вилли Вайнер,— их общий вес будет близким к тонне, а это почти столько, сколько мы хотели взять гуано!

— Да,— ответил ему Рааб,— но я не собираюсь поднимать их и груз гуано на вершину столовой горы одновременно. На скале, обращенной к морю, я знаю пещеру. Мы можем ночью подойти к ней и оставить там часть груза, а позднее снова пробраться вниз и забрать остальное!

Вайнер скептически посмотрел на него и пожал плечами.

Они дошли до покрытых слоем гуано камней на конце острова. Но едва они стали наполнять мешки, как Рааб услышал отдаленные крики.

— Спрячьте и уберите мешки с открытого места! — приказал он своей группе.— Не оставляйте ничего, что можно заметить с воздуха!

Но как оказалось, крики не имели никакого отношения к патрульным блимпам врага.

Когда они приблизились, Рааб узнал голос триммера Руса, а затем и сам Рус с одним из своих бородатых товарищей отрешенно и запинаясь вошли в поле зрения.

— Рааб,— задыхаясь произнес триммер.— Олини убит! Баллон «Пустельги» весь изрезан, и в нем не осталось ни капли газа!

* * *

Несколько гражданских гребцов, плюс Бен Спрейк и триммер Хэмпел угрюмо сидели, прислонив спины к корзине «Пустельги». В красноватом прыгающем свете лагерного костра их лица, казалось, покраснели от гнева. Рааб торопливо и мучительно решал вопрос о том, должен ли он их связывать — решил воздержаться от этого, потому что не мог даже представить себе, что все они действовали заодно. Кроме того, физическое насилие могло привести к большим неприятностям (если, мрачно думал он, вообще что-нибудь может быть хуже, чем уже случилось). Но как бы то ни было, он мог рассчитывать на верность тех, кто определенно были невиновны в этом.

Он сказал Нику Русу, другим потерпевшим кораблекрушение и тем гражданским, кто собирал гуано вместе с ним, чтобы они действовали без колебаний, если кто-нибудь попытается взбунтоваться. Он внутренне содрогнулся, представив себе, как стрелы, нацеленные на этих угрюмых людей, вдруг сойдутся в одной точке, но все же выдал оружие и расставил людей полукругом по другую сторону костра, чтобы огонь не слепил им глаза.

С тихой яростью Джон Кадебек сказал:

— Джеран, теперь я знаю, что ты настоящий сумасшедший. Я думаю, что самым вероятным кандидатом в трупы являешься ты!

Свой гнев, слабо пульсирующий где-то глубоко внутри него, Рааб в этот момент держал под контролем; возможно, частично, потому что устал и был ошеломлен охватившим его отчаянием.

— Мы ограничимся тем, что выслушаем все факты, какие сможем. Вы должны уяснить для себя, что Олини, вероятнее всего, был убит вскоре после того, как мы оставили его одного,— он сделал паузу и попытался подавить запоздалое раскаяние за глупую и пагубную ошибку — он оставил Олини одного.— Когда его обнаружили, стекшаяся в лужицу кровь еще не свернулась. Он еще даже не приступил к разведению костра.

Кадебек усмехнулся.

— Ну а что мешало тебе на минуту отлучиться от своей группы, вернуться и убить его?

Рааб посмотрел на Вилли Вайнера, сидевшего в стороне от костра, прислонясь к стволу дерева. Он был так же угрюм, как и любой из подозреваемых, но крепко сжимал свой лук. Наложив стрелу на тетиву, он был готов без колебаний выпустить ее, если возникнет необходимость.

— Со мной было десять гражданских — это половина тех лю-

дей, которых ты представляешь, Вайнер. Скажи, я покидал свою группу на какое-нибудь время?

Вайнер выразительно покачал головой и сказал Кадебеку:

— Не говори ерунды, Джон. Капитан все время был с нами. Никто из нас не уходил из поля зрения других, более чем на секунду или две.

Кадебек нахмурился еще больше и на мгновение задумался.

— Ладно... Джеран, почему ты предполагаешь, что кто-то из нашей группы мог...

Рааб оборвал его.

— Я бы предпочитал, чтобы от имени своей группы говорил младший алтерн Спрейк. Бен, — после всего случившегося ему казалось странным называть Бена по имени, — можешь ты рассказать, что делал каждый из твоих людей в определенный момент времени?

Бен побледнел, с трудом сглотнул и сказал:

— Я... Рааб, ты разрешил нам искупаться по дороге. Я полагаю, там были... были моменты, когда... некоторые из нас были вне поля зрения остальных, и...

Рааб не дал ему договорить.

— Но вы ушли группой. Двигаясь к концу острова, вы так и оставались в группе? Никто из вас не отстал от группы?

Бен старался не смотреть в глаза Рааба; он с мольбой взглянул на Кадебeka. Рааб раздраженно проворчал:

— Хорошо, Кадебек — в таком случае, ты отвечай на этот вопрос!

Он напряженно всматривался в лицо крепыша, представляющего экипаж, почти бессознательно передвигая свою правую руку ближе к ногам. Тем не менее он горячо надеялся, что это окажется не Кадебек. Этот человек во многом вызывал сомнение; но Рааб рассчитывал на его благоразумие и большую силу, которая не помешала бы в критическом положении.

Кадебек перенес вес тела на левую руку, словно готовясь быстро подняться на ноги.

— Джеран, с абсолютной уверенностью я могу говорить только за себя. Так как я не предполагал, что мы можем оказаться в роли обвиняемых, поэтому не особенно следил за остальными. Там было много моментов, когда я не знал, где находятся отдельные люди из нашей группы. Младший алтерн сверху показал нам место, куда мы направляемся, и все разошлись в разные стороны, когда пробирались через кустарник. Нет, я не могу сказать о действиях каждого человека в любую минуту.

Один из гражданских, сидевший через два или три человека от представителя экипажа, крикнул:

— Кадебек, я тоже не могу сказать ничего определенного о тебе! Кадебек посмотрел на него, затем перевел задумчивый взгляд

на Рааба. В его глазах еще чувствовался гнев, но теперь он утихал.

— Джеран, ты уверен в людях, которых вы встретили?

Рааб взглянул на Ника Руса.

— Может, ты сам ответишь, триммер?

Прежде чем заговорить, Рус немного подумал.

— С моей точки зрения, здесь не должно возникать вопросов. Олини и я долгое время оставались друзьями, близкими друзьями. И если кто-то, воспользовавшись задницей вместо мозгов, подумал, что мы изрезали баллон «Пустельги» и уничтожили свой собственный шанс снова попасть домой... ну, он просто не знает, что может чувствовать человек, который провел целый год на таком острове!

Кадебек перевел взгляд на Руса.

— Я полагаю, мы можем поверить в искренность такого заявления. Но ты абсолютно у в е р е н, что никто из вас не сломался за этот год?

Триммер посмотрел в глаза представителю гражданского экипажа.

— Даже если такое случилось — а я допускаю эту возможность — во время убийства мы находились все вместе в верховьях острова. Твоя теория справедлива только в том случае, если мы все сговорились и теперь выгораживаем друг друга. Но мы все еще хотим вернуться домой!

Кадебек усмехнулся.

— Или вернуться к у д а н и б у д ь в д р у г о е м е с т о. У меня складывается такое впечатление, что предатель или предатели уверены, что блимпы Мэдерлинка подберут их, как только потребуется.

Рус непристойно выругался.

— Ты думаешь, что мы целый год дожидались здесь «Пустельгу» для того, чтобы организовать диверсию?

— Кадебек, то, о чем ты говоришь, мне тоже приходило в голову. Но более логично применить это к тем, кто пришел на «Пустельгу».

Послышалось ворчание. Кадебек пожал плечами.

— Ну ладно, давай предварительно исключим тех, кто был с тобой, и тех, кого вы там встретили. И еще некоторых из нас — как ты думаешь, один человек, два или даже три могли убить Олини, чтобы на них не остались следы борьбы? И еще вопрос, где был талисман, когда это случилось? Вероятно, тот человек пользовался его доверием.

Рааб посмотрел на нос корзины, где поднятая голова вездесущего едва виднелась в тусклом свете. Он вернулся из какой-то своей экскурсии перед заходом солнца, когда Олини был уже похоронен, и с тех пор не привлекал к себе внимание. Определенно сейчас он

чувствовал напряженность обстановки и поэтому беспокоился.

— Я полагаю,— сказал Рааб,— он улетал на охоту. Я абсолютно уверен, что он стал бы драться за Олини.

Один из подозреваемых грубо сказал:

— А почему Олини не дрался сам за себя?

Рааб вздохнул.

— А вам разве не ясно? Он з н а л того, кто приближался к нему, и ничего не подозревал.— Он снова взглянул на Ника Руса.— Расскажи им все, что ты рассказал мне. О том положении, в котором вы нашли его.

— Ладно,— вздохнул Рус.— Я был очень потрясен, и теперь на мои воспоминания может наложиться то, что я услышал после. Мы хотели удивить его и поэтому приближались очень тихо. Олини мог оценить такую шутку. Мы нашли его свернувшимся на боку в десяти футах от корзины и примерно на одну треть ближе к корме, но на перилах тоже была кровь,— он посмотрел в направлении корзины.— Когда мы снова вернулись сюда, перила были уже чистыми. Баллон был разрезан с другой стороны. А теперь о том, как я представляю себе случившееся. Кто-то появился здесь и попросил его достать что-нибудь из шкафчиков на борту. Олини подошел к корзине и перегнулся через перила, чтобы достать это... и... и убийца воткнул нож ему в почки, сначала с одной, а потом с другой стороны позвоночника. Затем, когда Олини выпрямился и отшатнулся назад, он перерезал ему горло!

Послышалось несколько тяжелых вздохов, потом снова воцарилась тишина. Рааб подавил дрожь в теле.

— Ник, ты еще говорил, что он закрыл ему рот рукой, чтобы тот не закричал.

Ник Рус рассеянно пожал плечами.

— Да, говорил, но теперь, когда у меня было время подумать, я решил, что убийца, вероятно, был не один.

Гражданский, который перед этим рычал на Кадебека, добавил:

— Либо это был действительно сильный человек.

Все глаза устремились на Кадебека. Крепыш сказал деревянным голосом:

— Все нормально. Я скажу даже больше. Эти раны, как и разрезы на баллоне, выглядят так, словно они были нанесены очень острым ножом. Возможно, м е т а л л и ч е с к и м н о ж о м,— он сделал паузу и вызывающе посмотрел на всех.— Но когда все это случилось, я был единственным, кто шел вместе с младшим алтерном Спрейком. Мы обсуждали определенные вопросы.

Рааб быстро взглянул на Бена. На полном лице офицера было такое выражение, словно он заболел.

— Я... это правда. Мы с Кадебеком были вместе. Мы...

Но Рааба не интересовали вопросы, которые они обсуждали.

Кадебек посмотрел на Рааба.

— И вспомни, Джеран, когда мы обыскивали корзину в поисках украденного ножа, ты и меня тоже обыскал. Кажется, это была твоя идея.

Рааб быстро кивнул головой.

— Это полусерьезное предложение исходило от Олини, но я решил, что в общем смысле это была неплохая мысль.— Он повернулся к Нику Русу.— Триммер, какое твое мнение, могли эти раны и разрезы на баллоне быть сделаны кремниевым ножом?

— Да, Рааб, могли, если он был наточен так остро, как возможно.— Он поколебался некоторое время.— Но меня поразило другое — кто бы ни был убийцей Эммета, это был не любитель! И он точно знал, где надо разрезать наружную ткань баллона, чтобы легче было испортить внутренние элементы. Он перерезал все три перегородки. И как он порезал баллон сверху? Может, взобрался туда по оснастке?

— Гораздо проще влезть на стоявшие поблизости деревья,— сказал Рааб.— Мы довольно плотно загнали ее между этих деревьев.— Некоторое время он сидел задумавшись.— Ну ладно, теперь мы должны подумать о будущем. Я пока еще не решил, что мы будем делать, но с этого времени придется постоянно следить друг за другом. Ни один человек — поддерживает он это решение, или нет — не должен ни на минуту уходить куда-то без сопровождения.

— Почему?— спросил Кадебек и, когда Рааб посмотрел в его задумчивые глаза, продолжил: — Ты даже не хочешь еще больше прояснить обстановку?

Рааб нетерпеливо поднялся на ноги, обхватил деформированный маленький палец и успокоил пульсацию.

— Я не хочу говорить да или нет прямо сейчас, но, если произойдет еще что-нибудь, мы должны точно знать, кто где находился.

Бен Спрейк, заикаясь, спросил:

— Ты... ты думаешь... баллон пустой, что еще...

Рааб нетерпеливо оборвал его.

— Тут есть еще одно дьявольское намерение, которое он, вероятно, захочет воплотить в жизнь. Он может подать сигнал вражеским блимпам, когда они будут проходить над островом.

Кадебек пренебрежительно усмехнулся.

— Ты уверен, что это сделает обязательно предатель и убийца? Не захотят ли некоторые из нас узнать, что лучше — сдаться в плен или гнить на острове, как Рус и его группа?

Кровь застучала в висках Рааба, и он шагнул к крепышу. Но, взглянув на лица людей, он понял, что они не относятся на свой счет высказанное предложение. Просто Кадебек хотел рассмотреть все возможные варианты.

— Мы не будем гнить здесь, — сказал Рааб. — На острове может случиться что-нибудь непредвиденное!

Рааб отвернулся и почувствовал, что покраснел от глупости своего высказывания. Ну что может случиться? Даже если бы столовая гора была способна выслать спасательный блимп, на Лоури понятия не имеют, где они находятся. Хотя Ник Рус со своей группой добрался до острова в приспособленной под плот корзине, идея добраться таким образом до материка казалась смешотворной. Даже если они уберутся от вражеских патрулей и морских монстров и доберутся до побережья, вершина столовой горы останется для них недостижимой. Кроме того, песчаный пляж граничил с непроходимыми джунглями.

Он чувствовал себя так, словно наполненные камнями балластные мешки опустились в его желудок. Возможно, он должен пересилить себя и разрешить, по крайней мере, гражданским, если они захотят, подать сигнал вражескому блимпу и сдаться. Он и другие представители Флота могут спрятаться или драться до конца, если их выдадут.

Внезапно он вспомнил, что его предки пришли на Дюрент — а если точнее, на столовые горы — из другого мира.

* * *

Ник Рус и Рааб сидели напротив друг друга около костра и жевали мясо травоядного животного из запасов «Пустельги».

— Рааб, я даже представить себе не мог, что когда-нибудь буду так ненавидеть мясо вездесущих! И моллюсков. Где вы взяли это?

— В стране ущельев, перед тем как закачали гелий. Послушай, Ник, ты говоришь, что патрульный блимп проходит здесь утром и возвращается ночью?

— Да.

— Ты когда-нибудь задумывался о зависимости времени и направления этих блимпов?

Рус вытер руки о землю, затем отряхнул их и потер одну о другую.

— Конечно. Сначала мы даже составили их расписание. Они приходят с запада или с юго-запада, над островом поворачивают на север и затем уходят в этом направлении. Ближе к побережью находится другой, немного больший остров. Ты помнишь его?

— Да. Я даже сначала хотел направиться на тот остров, но потом решил, что на пути от этого острова к Лоури будет больше прикрывающих облаков, чем от того.

— Правильно. Они, вероятно, проверяют эти острова, а потом возвращаются на базу, которая находится где-то на западе в от-

крытом море. Так как здесь обычно проходит только один блимп, мы решили, что это самая восточная зона блокады.

Рааб немного возбужденно сказал:

— Это имеет смысл. Мы тоже подозревали, что они устроили базу где-то в открытом море. Но мы считали, что она гораздо восточнее. А теперь смотри — если они проходят утром и возвращаются на базу вечером...

Рус кивнул.

— По-моему, база находится на Медовом острове.

Рааб нахмурился.

— На Медовом? Это почти напротив Лоури. Но мы знаем, что перед сражением они даже не пытались пробраться туда.

— Регулярное патрулирование началось дней через двадцать после сражения, — сказал Ник. — У них было время расчистить площадку и построить бараки. А впоследствии они могли перенести туда главную базу блокады.

— Это не единственная база, — сказал Рааб. — В стране ущельев они заняли нашу основную базу. — В его мозгу зародилась сумасшедшая идея. Но сначала он должен выяснить кое-что еще... — Ник, они приземлялись здесь когда-нибудь? На какой высоте они обычно проходят? Этот остров для них обычный штурманский ориентир? Я имею в виду...

Рус усмехнулся.

— Я точно знаю, что ты имеешь в виду, Рааб! Мы сами думали об этом тысячи раз! Как-нибудь заманить их вниз и захватить блимп. Нет, Рааб, они в патрулировании или идут на патрулирование. Это всегда боевой блимп с четырьмя метателями гарпунов, а около гребцов находится, по крайней мере, дюжина лучников. — На какой-то момент их взгляды встретились. — Но... у меня создалось впечатление, хотя, возможно, это просто безумная идея потерпевшего кораблекрушение, что этот блимп проводит смену экипажей на кораблях блокады. Одно из двух — либо они проводят учения на том острове, либо двигаются дальше к побережью.

— Возможно, ты прав, — мрачно сказал Рааб. — То небольшое, что мы знаем или предполагаем об их планах, говорит, что рано или поздно, если только Лоури не капитулирует быстрее от голода, они начнут вторжение. Ты думаешь, что даже с большим количеством людей, собравшихся сейчас на острове, мы не сможем заманить этот блимп вниз и захватить его?

Рус с долей скептицизма пожал плечами.

— Возможно, это сработает, если мы сможем заставить их спуститься, не вызывая подозрений. Но они очень подозрительны, Рааб.

Рааб поднялся на ноги; его маленький палец снова пульсировал.

— Все нормально. Возможно, что мне в голову пришла лучшая идея. Ты помнишь историю с «Бумажным Змеем»?

Рус посмотрел на него снизу вверх.

— Конечно, я читал об этом. Они сделали лодку из корзины и ткани баллона, а затем на ней доплыли до одного из гуано-островов, где их позднее подобрали. А почему ты спрашиваешь? Ты думаешь, что мы сможем сделать нечто подобное и добраться до побережья? Ты говорил, что с Лоури больше не будут посылать блимпы на гуано-острова.

Рааб сделал два шага и вызывающе посмотрел на триммера.

— Нет... не к побережью! Это бесполезно.

Рус взглянул на него.

— Ну, значит, к другому острову, где они приземляются в каждом патрульном рейсе? И где проводят ученья?

Рааб скупно улыбнулся Нику.

— К черту этот остров. Гораздо ближе находится Медовый! И если ты прав, там будет много пришвартованных блимпов, готовых подняться в любую минуту!

Ник Рус удивленно посмотрел на него, вздохнул и покачал головой.

— Рааб, это сумасшедшая идея. Чтобы захватить блимп, тебе придется захватить всю базу — даже если она тебе не нужна.

— В этом нет необходимости! — нетерпеливо сказал Рааб. — Сейчас они слишком самонадеянны. Если бы ты был с нами, когда мы сделали налет в стране ущельев; одна «Пустельга»... — теперь Рааб широко улыбался. — В любом случае, нам лучше попытаться сделать это, чем сидеть здесь или сдаться в плен.

Рус внезапно вскочил на ноги. Сейчас он тоже был возбужден.

— Знаешь, Рааб, я согласен! Остальные из моей группы тоже согласятся. Черт, чтобы сдаться, у нас было достаточно времени. Целый год! Но как быть с гражданскими? По крайней мере, один из них предатель!

— Об этом мы как-нибудь позаботимся, — сказал Рааб. — Все будет нормально, если мы сможем убедить двух гражданских: Джона Кадебека и Вилли Вайнера. Эти двое самые сильные физически и пользуются у других заслуженным авторитетом. Если они согласятся, то смогут убедить и остальных!

13

Адмирал Клайн степенно рассматривал обвиняемого, стараясь, чтобы его подозрения в чудовищном преступлении не проявились на лице.

— Алтерн Джергенс, ты не совершал рейсы под командой капитана Линдера, когда был еще молодым младшим алтерном, а он алтерном?

— Да, сэр.

Долговязый человек с впалой грудью не мог оглянуться на двух охранников, стоявших позади. Он вел себя так, словно его могли вызвать по более важному вопросу, чем Пренебрежение Долгом.

ХОРОШО, думал Клайн, Я НЕ СТАНУ ЕМУ ПОМОГАТЬ. Я ПОПЫТАЮСЬ СКРЫТЬ...

— Джергенс, ты довольно давно служишь офицером и знаешь, что грань между твоими правами гражданина и долгом перед Флотом почти незаметна. Особенно в вопросах политики. А в нашей сегодняшней ситуации политики более обидчивы, чем когда-либо прежде. Я не стану говорить тебе, что в эти дни Флот остался единственной организованной силой, вокруг которой сплотился народ; или то, что некоторые стремятся ослабить Флот, что очень плохо для Лоури.

Джергенс на мгновение встретился с ним взглядом и отвернулся.

— Сэр, если меня обвинят в том, что я ставлю Лоури впереди Флота — а я действительно так думаю — то признаю себя виновным. И если вы меня спросите, я скажу, что я не единственный офицер, кто не согласен с вами — я имею в виду вашу политику, категорически отрицающую любые соглашения с врагом. Сэр, мне кажется совершенно ясно, что эта война безнадежно проиграна и, отказываясь от капитуляции, мы доставляем все худшие и худшие страдания нашим людям. Я чувствую, и многие со мной согласны, что мы добьемся более терпимых условий, если достигнем каких-нибудь соглашений прямо сейчас!

Несколько месяцев назад такое заявление простого алтерна привело бы Клайна в ярость, теперь он только внутренне напрягся, ибо слишком часто слышал такое. Даже мучаясь от бессонницы, он лежал и в течение долгих часов размышлял, не могло ли это быть правдой.

Он посмотрел в лицо алтерна, пытаясь заметить признаки страха или хитрости. Он подумал, что страх скрывается за этим показным смелым заявлением. Он не знал Джергенса близко, но у него был рапорт от человека, который знал его гораздо лучше. В рапорте говорилось, что у Джергенса есть слабости.

Клайн улыбнулся.

— Джергенс, откуда ты знаешь, что сейчас ведутся переговоры? По твоему положению ты можешь знать об этом или нет? — Он заметил испуг, промелькнувший в тусклых глазах алтерна.

Нет, подумал адмирал, сейчас лучше не упоминать о подозрительном путешествии к Южному краю. Он не хотел вспугнуть добычу прежде, чем сумеет натянуть лук...

— Джергенс, я даже не думал, что ты хорошо знаешь, какие условия предлагает нам Мэдерлинк сейчас — и какие предложит потом. Ты был на Оркете после того, как его оккупировали?

Джергенс сверкнул глазами. Клайн видел, что теперь он испуган, хотя отчаянно старается это скрыть.

— Я... нет, сэр. После того, как Мэдерлинк оккупировал Оркет, я там не был.

Это была заведомая ложь. Даже в таком неофициальном расследовании человек не станет лгать, если не почувствует, что вынужден сделать это. Клайн сдержал вздох. Значит, он прав: здесь есть что-то важное. Он не хотел упоминать Ольвани, хотя знал вполне определенно, что Джергенс связан с членом совета.

— Алтерн, возможно, наступит время, когда мы капитулируем. Когда оно придет, мы будем надеяться на лояльность даже тех, кто всем сердцем ненавидит капитуляцию. И, как ты уже не без основания заметил, я отношусь к их числу. Но в день капитуляции я и все остальные, как я надеюсь, изменим свои взгляды и приложим все усилия, чтобы содействовать возможному сотрудничеству с Мэдерлинком. Случалось, я думал о наших врагах гораздо хуже, чем ты и некоторые другие, но, если Лоури капитулирует, я капитулирую вместе с ней, и с этого времени не буду делать ничего, что может нанести ей вред. Как ты думаешь, это благоразумно? И патриотично?

Джергенс с подозрением взглянул на него.

— Ну... да, сэр. Я думаю, это благоразумно.

Клайн кивнул.

— А теперь я попрошу тебя рассмотреть это с другой стороны. До тех пор, пока мы придерживаемся теперешней политики, не будет ли для офицера Флота благоразумным и патриотичным относиться к этой политике с лояльностью? Особенно такому молодому офицеру, который даже понятия не имеет, что делается на секретных совещаниях в Штабе.

Облегчение человека было таким сильным, что послало целый спектр эмоций на его лицо. **ОН ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НАПУГАН, ПОДУМАЛ КЛАЙН. ТАК НАПУГАН, ЧТО ЕГО МЫСЛИ ВООБЩЕ ЕДВА РАБОТАЮТ. ЕСЛИ ЭТО ЛУЧШИЙ ШПИОН, КОТОРОГО СМОГ ЗАВЕРБОВАТЬ ОЛЬВАНИ, ВОЗМОЖНО, ВСЕ НЕ ТАК ПЛОХО, КАК Я ДУМАЛ.**

Джергенс слегка заикался.

— Ну, я... все так много говорят об этом... если переговоры продолжаются, мы...

Конечно же, этот человек знал, что ничего этого не было. Ольвани не стал бы брать его в свое путешествие к южному краю, если бы этот человек не знал или не догадывался о тайных делах Ольвани. Клайн заставил себя улыбнуться так мягко, как только мог в таком состоянии. Пусть Джергенс идет к Ольвани и скажет, что старый колченогий адмирал совершенный простофиля...

— Значит, алтерн, в будущем ты будешь доставлять нам мень-

ше неприятностей? Приближаются выборы. Между прочим — поменьше говори среди своих товарищей о капитуляции. Хорошо? Больше говори о единстве Флота! — Он некоторое время смотрел на человека. — Ты обещаешь это?

Джергенс, почти танцующий от нетерпения поскорее выскочить из этого кабинета, неистово закивал головой.

— Я... да, сэр! Я... мне очень жаль, сэр! Я полагаю, мне теперь не стоит открывать свой рот прежде, чем подумаю...

Клайн благосклонно улыбнулся и махнул рукой, отпуская его. Он дал время этому человеку и двум охранникам покинуть здание, затем с ворчанием тяжело поднялся со стула. Он видел людей, но не хотел, чтобы они сюда входили. Перед тем, как он оставит свой кабинет, ему надо бы съесть свой ленч, а затем он найдет Линдера.

* * *

Кабинет капитана Линдера располагался на втором этаже. Линдер был на восемнадцать лет моложе Клайна, но адмирал во многом полагался на него, стараясь, правда, не слишком это показывать.

Линдер поднялся со стула и пожал ему руку.

— Я собирался спуститься вниз и зайти к вам, адмирал. У нас ушло двенадцать дней на то, чтобы, не вызывая подозрений, разъединить экипаж того блимпа и допросить их по отдельности. Но теперь...

Клайн опустилсЯ в мягкое кресло.

— Мэт, для меня большая ценность — подняться наверх и посидеть в твоём кресле. Ты не заметил, что у тебя гораздо больше посетителей, чем у любого другого в этом здании?

Линдер усмехнулся.

— Адмирал, вы не знаете, что я, когда ожидаю посетителей, задвигаю это кресло в соседнюю комнату и ставлю обычный деревянный стул с прямой спинкой. — Его улыбка медленно угасла. — Что-нибудь серьезное?

— Довольно серьезное, — Клайн сунул левую руку в карман белого кителя и нащупал трубку, которую все еще носил с собой. Старый рефлекс, хотя он не мог использовать ее без табака. Сможет ли он когда-нибудь снова почувствовать вкус табака, прежде чем умрет? — Мэт, что вы узнали от этого экипажа?

— Они все за капитуляцию. Я не думаю, что кто-то из них знал, что они идут на встречу с вражеским блимпом. Они все рассказывали сказку, которую для них придумали — Ольвани проверял слухи об отложениях гуано. Он и Джергенс вместе ушли в морозящий дождь и вместе вернулись. Младший алтерн, оставшийся на бор-

ту, все время посылал сигнальные свистки, чтобы они нашли обратную дорогу. Вот и все.

— Были свистки или нет,— сказал Клайн,— капитан вражеского блимпа здорово рисковал, придя туда. Ты еще говорил, что с ним был Норва?

Линдер кивнул.

— Я могу спросить об этом. Баллон горячего воздуха на Горе Купола работает превосходно — пилоты планеров сейчас довольно хорошо изучили тепловые восходящие потоки и поэтому могут уходить на несколько миль от южного края, двигаясь над туманом. Какой-то пилот заметил приближающийся вражеский блимп. Когда вблизи появляется адмирал, они начинают так суетиться, что вы можете определить весь его путь.

Клайн усмехнулся.

— Да, именно так они и делают. Но мы не можем быть уверены, что в морозящий дождь вошел блимп с адмиралом. Если быть точным, у нас есть показания часового, что в туман вошел какой-то вражеский блимп.

— Правда, правда — но он с этого места слышал свистки с нашего собственного блимпа. Адмирал, это была ваша личная идея, чтобы вдоль южного края поставить гражданских наблюдателей и скрыть это от персонала Флота. Тогда я подумал, что из-за своих подозрений вы стали... ну... почти шизофреником.— Линдер посмотрел на Клайна.— Я слышал, что сегодня утром вы встречались с Джергенсом и отпустили его.

— Я обвинил его в нелояльных разговорах и в Пренебрежении Долгом, но хочу, чтобы ты продолжал следить за ним так скрытно, как это возможно. Как только немного успокоится, он сразу побежит к Ольвани.— Некоторое время Клайн сидел тихо. Он достал свою трубку и не спеша сунул чубук между зубами. Несомненно, в ней еще оставался слабый вкус табака.— Как ты преуспел в сборе гелия?

— Лучше, чем ожидал, адмирал. Вы снова оказались правы. Хозяева торговых блимпов так же голодны, как и все остальные, и большинство из них потеряли надежду когда-нибудь подняться в воздух, во всяком случае, в ближайшем будущем. Они продали нам каждый литр гелия, какой только смогли собрать.

— Я чувствую себя чертовски виноватым,— проворчал адмирал,— когда собираю налоги в виде продуктов питания, а затем обмениваю их на гелий. Но я не вижу другого способа... Мэт, я чувствую, что перед началом выборов у нас будет шесть хорошо накачанных блимпов!

Линдер со странным выражением посмотрел на него.

— Конечно, мы будем иметь их, сэр, но не хотите же вы сделать вылазку, или?..

— Нет.— Клайн вынул изо рта холодную пустую трубку и положил ее в карман.— Мэт, если бы ты был Командующим врага и решил начать вторжение, где бы ты начал высадку десанта на Лоури?

Линдер снова посмотрел на него.

— Ну... я полагаю, начал бы с Западограда! Это ближе к Мэдерлинку и Оркету. И сейчас мы убрали оттуда Флот. И местность там не очень заселенная. Они совершат большую глупость, если рискнут начать с Югограда. Думаю, они способны увидеть, что мы можем хорошо укрыться там! Я имею в виду... На западе они смогут контролировать направление к взморью; кроме того, там более ясный климат и они могут более эффективно использовать превосходство в блимпах для поддержки наземных сил с воздуха.

— Правильно,— сказал Клайн.— Судя по всему, мы должны ожидать начала вторжения именно там. Мы не станем посылать в Западоград никаких дополнительных сил — даже не будем увеличивать гарнизон базы — чтобы все выглядело так, словно мы ожидаем их где-то в другом месте. Но, если мы сможем, мы должны удержать проход к взморью.

Линдер недоверчиво посмотрел на него.

— Адмирал, вы говорите так, словно мы даже не попытаемся отразить их вторжение на западе! Если мы переправим туда большинство наших сил...

— Мы не сможем удержать Западоград и прилегающую к нему территорию,— сказал Клайн.

Потянувшийся за блокнотом Линдер прервал движение и взглянул на Клайна.

— Вы хотите сказать, что не примете бой? Я не думаю... О, извините меня, я имел в виду, не думаете же вы, что они бросят на нас всю свою огромную армию? Я думал, что вы говорите просто о жесте, который они хотят сделать в политических или пропагандистских целях! Почему они должны завоевывать нашу землю акр за акром, когда все, что им надо, это продолжать блокаду? Это нелогично!

— Это действительно нелогично,— сказал Клайн,— если о происходящем судить только по тому, что мы можем видеть отсюда. Я могу тебе кое-что доверить, но не хочу, чтобы это стало известно кому-нибудь еще. Столовая гора пока сохраняет внешние связи; мы получаем информацию от подпольной группы сопротивления Оркета. Им еще много надо организовывать — ты знаешь, Мэдерлинк основательно проводит чистку — но рано или поздно, вероятно, после наступления зимы, когда холод снизит эффективность блимпов, там поднимут восстание. И если мы до того времени продержимся, Мэдерлинк будет вынужден отвести часть блокадных сил для подавления восстания.

Медленно и отвлеченно Линдер все-таки дотянулся до блокнота и подвинул его к себе. В нем было немного чистого места — даже бумага на Лоури составляла сейчас дефицит.

— Сэр, вы хотите сказать, что на Мэдерлинке ожидают этого? И поэтому они сначала хотят покончить с нами?

— Совершенно верно. Те, кто правит Мэдерлинком, напуганы. Если им придется направить армию на Оркет и в то же время удерживать нашу блокаду, у них не останется силы дома. Есть ли организованное подполье на Мэдерлинке или нет, правительство боится этого. Нет никакого сомнения, что Верховное Правительство прижигает хвосты тем, кто стоит на нижних ступенях лестницы Флота Мэдерлинка, и Норва относится к их числу. У меня есть причины считать, что Ольвани почувствовал запах жареного.

Линдер с недоумением посмотрел на него.

— Я не совсем вижу связь между этим и нашей способностью отбить вторжение.

— Возможно, это потому, что ты еще не знаешь, что Ольвани получил задание организовать что-то вблизи Западограда. Как я понимаю, если он проиграет на выборах, то должен будет на западе организовать свое собственное восстание. Вот почему мы не сможем отбить вторжение. Он будет работать, чтобы предотвратить это. Я могу гарантировать, что Норва приходил на встречу не для того, чтобы послушать последние сплетни о совещаниях Штаба Флота.

Линдер изумленно взглянул на него и покраснел от гнева.

— Но тогда мы со всей определенностью сможем подготовиться к драке на западе!

— Но не так, как ты это представляешь себе, Мэт. Мы не можем вывести туда армию и держать ее в поле. У нас слишком мало припасов, особенно пищи. Мы не можем надеяться, что наземные силы смогут прокормить себя в полузаморенной голодом, малонаселенной зоне. Мы позволим Ольвани и армии Мэдерлинка захватить эту зону и рассеять по ней свои силы. Затем мы пошлем туда небольшие партизанские отряды; они будут контактировать с фермерами, большинство из которых остались верными нам. На время мы потеряем много акров земли, но земли, которая не используется, во всяком случае сейчас, — он сделал паузу. — Шесть боевых блимпов нам понадобятся, чтобы предотвратить любые попытки головных отрядов пробиться из зоны. А кроме того, для доставки запасов партизанам, для разведки и просто для того, чтобы осложнить жизнь врага. — Он некоторое время смотрел на капитана. — Мэт, не в традициях Флота вести такие сражения, но мы должны сделать нечто подобное. Это единственное, что мы можем сделать.

Линдер смотрел на него через стол.

— Вы думаете, что Ольвани может зайти так далеко?

Клайн потянулся за трубкой, но переменял свое намерение. Трубка только мучила его и не приносила облегчения.

— Я уверен, так будет; и будет в том случае, если он проиграет на выборах! А мы надеемся выиграть.

Линдер мрачно посмотрел на него.

— Это означает, что на Лоури начнется гражданская война, и Мэдерлинк будет поддерживать наших противников!

— Все идет к этому. Я думаю, что понимаю, чего хочет Ольвани. Он надеется с помощью Мэдерлинка получить здесь власть, а затем, спустя какое-то время, перехитрить их. Конечно, Мэдерлинк будет использовать его только до тех пор, пока он выполняет их желания.

Капитан медленно-кивнул.

— Значит, мы временно отдадим им запад? А как быть с базой в Северограде? Мы будем ее защищать?

Клайн вздохнул.

— Мы не можем. Мы уберем оттуда весь гарнизон, во всяком случае, оставим там тех людей, на кого не можем положиться. Было бы неплохо послать туда Джергенса, если это не раскроет наши планы, и других, подобных ему людей. Мы образуем линию обороны вдоль Внутренней реки, а также попытаемся удержать Столицу и Гору Купола. Мы не дадим покоя разношерстной армии Ольвани и силам Мэдерлинка, и пусть они попытаются выжить на истощенной земле!

— И сколько это будет продолжаться?— спросил Линдер.— Когда мы вернем западную половину Лоури?

Клайн посмотрел ему в глаза.

— Я не уверен, что мы даже попытаемся сделать это, Мэт. По крайней мере, не в ближайшем будущем. Но неприятности Мэдерлинка будут расти, и более чем вероятно, он поссорится с Ольвани; во всяком случае, у нас остается надежда.

Линдер был рассержен и упрям.

— Мне это не нравится! Мне это не нравится вообще!

Клайн тихо сказал:

— Мэт, возможно, мне это не нравится даже больше. Я это ненавижу! Если что-то изменится, я переиграю свои планы. Я переиграю свои планы и в том случае, если кто-нибудь подскажет мне лучший выход из создавшегося положения. Ты можешь это сделать?

Линдер вздохнул:

— Нет, адмирал. Думаю, что я не могу. Вы были правы до сих пор, и боюсь, окажетесь правы и в дальнейшем!— Он поднялся со стула, подошел к затянутому сеткой окну и выглянул из него. В установившейся тишине Клайн мог слышать шум Внутренней реки и слабо доносившийся гром водопада. Там был небольшой вете-

рок, но не очень сильный, чтобы принести звуки из рощи флейтовых вязов, расположенной вверх по реке.

Линдер вдруг повернул к нему мрачное лицо.

— Адмирал, скажите только слово, и я быстро расправлюсь с Ольвани. Я доберусь до Столицы, приду к нему в офис и сломаю ему шею!

Клайн безрадостно усмехнулся.

— Возможно, это было бы не очень разумно перед самыми выборами. И чем мы будем отличаться от Мэдерлинка, если станем прибегать к подобной тактике?

Линдер кивнул коротко.

— Хорошо, я подготовлю те шесть блимпов и укомплектую лучшими экипажами. Есть еще что-нибудь, что вы хотели бы, чтобы я сделал?

— Да, есть, Мэт. Есть кое-что более необходимое — я хочу сказать, более срочное. Предсказать все, что планирует сделать Ольвани, я не могу, но он что-то замышляет также и в Востокограде. Он пошлет туда другую группу своих последователей — горожан, на которых он не во всем может положиться. Я подозреваю, что он хочет устроить в Востокограде ложную атаку и, насколько возможно, учинить беспорядки. Очевидно, в день выборов. Мне кажется, он захочет, чтобы мы отошли с запада. Выбранное им время ставит нас в щекотливое положение. Хотя мы и планируем убирать наши силы с запада, нам не нужны серьезные осложнения в Востокограде, потому что намереемся использовать город как базу для одного из наших действующих центров. Фактически, я хочу оставить там вспомогательный Штаб. Оттуда довольно далеко до столицы. И мы хотим, чтобы в Востокограде выборы прошли спокойно. — Он сделал паузу и посмотрел на капитана. — Мы знаем несколько зачинщиков, которых он послал в Востокоград; я хочу, чтобы ты был готов нейтрализовать их. И, если потребуется, разгонял сборища. Мы не желаем начинать первыми, но ответ должен быть быстрым и четким — без щепетильности!

Клайн некоторое время колебался. Он очень хотел полностью довериться Мэту — человеку необходим, по крайней мере, один настоящий друг — но он не был уверен, что Мэт поймет это: что у него есть личные причины удерживать Востокоград и Восточную Стоянку. В этом городе жила Лайла, а на соседнюю стоянку должен был вернуться Рааб, если он, конечно, когда-нибудь вернется.

Но, хотя Мэт и был хорошим другом и даже больше, чем хорошим офицером, он не всегда разделял взгляды Клайна. В любом случае — имеет Клайн какое-нибудь право в данной ситуации на личные чувства?

Он решил, что не сможет довериться даже Мэту Линдеру.

— Это все, на чем ты должен сейчас сосредоточиться, Мэт.

Единственная вещь, которую Рааб запомнил на всю жизнь — плоскодонная, без киля корзина блимпа не может быть хорошей лодкой! Так как поблизости не было отвечающих требованиям материалов, они установили на носу короткие мачты, придав им клиновидную форму. Фактически, после первого часа качания на морских волнах он почти решил повернуть назад к маленькому острову и перестроить конструкцию, но ужасное ощущение уходящего времени и увеличивающаяся возможность встречи с вражеским патрулем говорили за то, что надо оставить все как есть. Все, что было можно, они перенесли на корму, и неуклюжее судно высоко задрало нос. Результаты заметно улучшились, хотя данную конструкцию еще нельзя было назвать яхтой. Вместо того, чтобы зарываться носом в волну так, что все были вынуждены неистово вычерпывать воду, корзина теперь медленно вползала на гребень волны. Когда их импровизированная лодка срывалась с гребня и проваливалась вниз, это не доставляло приятных ощущений и даже первое время пугало их, но тем не менее сейчас их не заливало водой. К счастью, корзина блимпа была сплетена из гибкого и прочного дерева, так что на ней пока не было никаких признаков разрушения. Однако Рааб с сомнением посмотрел на нос и пробормотал Нику Русу:

— Если ударит встречный ветер, корзина может развалиться.

Тем не менее прорезиненная ткань баллона довольно хорошо прикрывала каркас.

Люди сидели угрюмые, но никто, увидев худобу Ника Руса и его парней, не захотел остаться на безымянном острове. Как Рааб и надеялся, Джон Кадебек и Вилли Вайнер склонили чашу весов на их сторону. Рааб говорил с ними по отдельности, но обоим сказал одно и тоже: уйдя с острова, группа нарушит планы находящегося среди них изменника подать сигнал вражескому патрулю. Конечно, оставался риск, что их могут заметить на открытой воде, но вероятность встретить вражеский блимп, блуждающий вокруг этих морских островов, была не очень большой.

Грести в воде было не тяжелее, чем в воздухе. Медленные взмахи весел не требовали большего применения мускулов. Как и в любом труде, с практикой становилось легче. Во время этой лихорадочной качки люди учились поднимать весла из воды, встречая волну, и делать гребки через равные промежутки времени.

Рааб, чувствующий за собой вину за то трудное положение, в котором они оказались, сам взялся за весло. Он не требовал этого от Бена Спрейка, потому что его руки уже были в волдырях. Но даже сидя на веслах, Рааб вытягивал шею и осматривал небо. Утром оно было закрыто облаками, затем, где-то в середине дня, облач-

ность разбилась на отдельные плывущие облака. Спустя четыре часа небо полностью очистилось, и море, словно по волшебству, из серого превратилось в светло-голубое.

За день они ели четыре раза, но понемногу, потому что никто не хотел испытывать свою сопротивляемость к морской болезни.

С восходом солнца немногочисленные вездесущие средних размеров словно для удовольствия перелетали над водой, иногда срываясь вниз к поверхности моря и разбрасывая во все стороны голубые искрящиеся брызги. Два раза огромные змеевидные головы поднимались из глубины в сотнях ярдов от лодки и свирепо смотрели вслед разбегающимся меньшим существам. Во второй раз морской монстр поднял над водой полные десять футов толстой шеи, чтобы рассмотреть неизвестный плавучий феномен, и даже немного приблизился, но затем, видимо, решил, что быстрее получит свой ленч, нырнув вниз, чем исследуя незнакомые обломки кораблекрушения.

В обоих случаях при появлении морских монстров талисман благоразумно оставался в лодке, лежа без движения. Хотя, проголодавшись, он поднимался в воздух, чтобы поймать себе пропитание, но склонности опускаться к воде не проявлял.

Остров опустил за горизонт и скрылся из вида, но тем не менее перед заходом солнца они довольно близко увидели огромный вражеский блимп, который совершал очередной патрульный рейс в этом районе. Рааб заметил, что его кулаки сжались, а маленький палец запульсировал. Он попытался рассмотреть детали блимба.

— Весла не сверкают,— сказал он Нику Русу тихим голосом,— но отсюда я не могу увидеть и воздушные винты. Ты говорил, что на патрулирование ходят только весельные блимпы.

Рус пожал плечами.

— Судя по тому, что ты рассказал мне, они в последние дни могли внести изменения,— он тоже посмотрел на отдаленный блимп и усмехнулся.— Они делают круг. Возможно, они вообще изменили тактику и собираются приземлиться. Если они сделают это и обнаружат остатки «Пустельги», мы окажемся в затруднительном положении!

Рааб сидел и размышлял. На Лоури не только не использовались, но даже не построили ни одного блимба с винтами, приводимыми в движение кривошипным механизмом. Некоторые энтузиасты несколько лет назад утверждали, что замена весел на пропеллеры даст блимпу большую скорость и маневренность, но это было не так. Хотя все-таки у них была одна выгода — практически любой человек с крепкой спиной и сильными руками без предварительного обучения мог сесть на сидение и крутить эксцентрический кривошип. И не нужен экипаж опытных гребцов. Из последних разведанных Рааб знал, что у Мэдерлинка насчитывается пятнадцать или шестнадцать подобных блимпов.

Он почувствовал, как расстройство и отчаяние окружили его. Неспособный сидеть спокойно, он поднялся и пошел к Поки Рэйджеру.

— Ты совсем вымотался, парень. Может, мне на время заметить тебя?

— Благодарю, капитан!— Рэйджер отодвинулся в сторону и облокотился на шкафчик, прикрепленный к борту корзины. Спустя минуту он угрюмо спросил: — Как вы думаете, сколько пройдет времени, прежде чем мы доберемся до нужного нам места?

— До Медового острова?

— Ну да.

Рааб почувствовал себя так, словно его стягивала петля из кожаной веревки. Только Ник Рус знал о его планах — возможно, это нелепая уловка, но он надеялся, что она выявит шпиона, скрывающегося среди его экипажа. Знал ли кто-нибудь из них, если не считать Руса и, может быть, одного или двух человек из его группы, где находится Медовый остров? И сколько времени может занять путешествие туда?

Он рисковал, хотя уже обсуждал это с Русом. Несколько громче, чем это было необходимо, он ответил Рэйджеру:

— Возможно, нам придется грести весь завтрашний день, но я надеюсь, что мы доберемся туда вскоре после захода солнца. Это даст нам возможность немного отдохнуть и провести ночную разведку.

Теперь все гражданские (включая и шпиона, кто бы он ни был) могли поразмышлять над этой ложью, которая так стесняла его. На самом деле Медовый остров был гораздо дальше; разница, учитывая, что они медленно плывут в неудобной плоскодонной лодке, могла составить два дня. Остров, к которому они сейчас направлялись (и он хорошо это знал), был меньше Медового. Еще один, не имеющий значения безымянный островок, который он несколько раз посещал в прежние времена.

Если шпион каким-нибудь образом обнаружит себя и ему придется вступить с ним в схватку, он не хотел, чтобы это случилось на занятом врагом острове! Если его план сработает, он оставит шпиона на необитаемом острове. Или... ладно, он еще не решил, что он с ним сделает. Вероятно, подумал он, когда придет время принимать решение, он будет способен сделать нечто большее, чем просто высадить его на остров.

* * *

Ночь и следующий день тянулись, тянулись и тянулись. Днем было хуже; когда облака рассеялись, неуклюжая лодка казалась

такой же незащищенной (так, по крайней мере, думал Рааб), как насекомое на белой скатерти. Когда день миновал середину, в вышине пролетел планер. Рааб и его люди могли только неподвижно сидеть и безнадежно смотреть вверх.

Но планер, пролетающий на высоте около десяти тысяч футов над уровнем моря, высматривал блимп или блимпы. И хотя лодка была довольно большой и ее можно было заметить с такой высоты, вероятно, она затерялась среди волн. Планер в медленном зигзагообразном полете проплыл мимо них и скрылся в направлении берега.

С приближением ночи Рааб нервничал все больше. Работа на веслах хотя и помогала отвлечься, но немного. Солнце, тихо опускавшееся к горизонту, бросало золотистые ослепительные блики, отражающиеся на поверхности моря. Морские сущи сновали над морем и издавали пронзительные крики. Не беспокоясь, что может потерять равновесие, Рааб поднялся в середине лодки и посмотрел в южном направлении. Он мог отклониться от острова примерно на двадцать миль, и он знал это. С чувством внутренней пустоты он повернулся и посмотрел в других направлениях.

И он увидел его — низкий зубчатый выступ земли, почти потерявшийся в ярких последних лучах заходящего солнца. Он взял слишком далеко к югу! Ладно, все нормально, ему все равно придется сделать круг, чтобы подойти к острову со стороны небольшой бухты, которая, как он помнил, находилась со стороны открытого моря; а чтобы сохранить обман и подойти к острову в темноте, этот круг надо увеличить. Если находящийся среди них шпион знал Медовый остров или слышал о нем в разговорах, он мог знать, что бухта (где могла быть построена база со стоянкой для блимпов), обращена в направлении материка и что любую тайную разведку надо начинать с противоположной стороны.

Лучше не приближаться к острову до темноты. Каждый, кто был на Медовом острове или слышал о его размерах, мог заметить то огромное несоответствие, если посмотрит на этот остров при дневном свете. Но ночью — при свете единственной, самой маленькой луны, имел возможность увидеть остров, только приблизившись к нему...

* * *

Рааб неистово работал веслом, пытаясь удержать импровизированную лодку носом к берегу. Он даже не представлял себе, как это трудно — подходить к берегу во время отлива! Пока высоко поднятый нос еще мог вползти на волну, он держал направление; но теперь, вместо того чтобы подниматься, неуклюжее судно прояв-

ляло упрямую тенденцию повернуться широким бортом к волне и выйти из-под контроля! Кроме того, это были не те вялые волны, а валы прибоя — длинные остроконечные волны, которые закручивались и со всей силой обрушивались на берег.

— Мы проходим мимо бухты!

Рааб крикнул в ответ, что видит. Теперь слишком поздно успокоиться об этом — доставить экипаж и груз к какой-то определенной точке берега было довольно тяжелым и трудным делом! Он всматривался в темноту, пытаясь предугадать приближение очередной волны. Луна, висевшая низко с левой стороны от него, не очень-то помогала. Он увидел белую шапку на гребне бросившейся на них волны, поднял весло и с отчаянием пытался выровнять накренившуюся лодку, и как только она поднялась на волну, согнулся и ухватился рукой за перила. Лодка поднялась, закружилась и, наклонясь, сорвалась с волны. Послышался треск дерева. Лодка, хотя и была наполовину залита водой, провалившись вниз, не опрокинулась, а глухо ударилась о песок.

Рааб выпрыгнул в кружащуюся воду, крикнул экипажу, чтобы они следовали за ним, и, не дожидаясь, пока все покинут лодку, боком начал тащить ее к берегу. Следующая волна догнала их, подняла и бросила дальше к берегу. Он увидел, как на берег выбросило оставленные весла, но одно все же осталось в воде. Он подбежал к нему и схватил, прежде чем его унесло в море. Ошеломленный, он еле волочил его и, подойдя к берегу, свалился в отступающую воду. Затем с усилием поднялся на ноги.

— Еще немного! — крикнул он. — Нужно оттащить как можно дальше...

Они нашли силы сделать это и протащили лодку вдоль линии кружащегося прибоя к бухте, которую назвать так можно было с большой натяжкой.

Маленький ручеек стекал с крутого каменистого гребня горы, тянувшегося вдоль острова, и, приближаясь к морю, несколько расширялся в устье, создавая неширокий пролив с солоноватой водой. Но когда избитая лодка вошла в этот пролив, экипаж легко провел ее дальше, только немного подталкивая, чтобы сохранить движение.

Едва они достигли первых деревьев, укоренившихся в щелях среди камней, небольшие вездесущие, устроившие на них насест, сорвались в воздух и, описывая извивающиеся круги, прокричали протест на такое вторжение. Талисман «Совы», благоразумно поднявшийся в воздух, когда они приблизились к берегу, сразу же приступил к охоте за своим поздним ужином.

Рааб дал себе и людям минутную передышку.

— Идемте! Мы должны убрать весла и выброшенный груз с открытого места и стереть все следы на песке!

Они устроили лагерь в пятистах ярдах от пляжа и в пятидесяти ярдах от маленького ручейка, на полянке, в чаще напоминающих пальмы деревьев. Они даже перенесли сюда лодку, не разгружая ее. Нежелание разгружать лодку Рааб пытался объяснить тем, что, возможно, следующей ночью им потребуется спешно эвакуироваться и в суматохе они точно ничего не оставят. Экипаж был сильно утомлен и удовлетворился этим объяснением.

Рааб проследил за разведением четырех небольших костров в хорошо укрытых местах для приготовления горячей пищи и расслабился — насколько можно было расслабиться при подобных обстоятельствах. В его мыслях кружился вихрь поспешных планов; его желудок напрягся от неизвестности. Теперь Раабу казалось, что его план выявления шпиона был смехотворным. Но он должен дойти до конца и сделать это один. Он мог доверять только Ник у Русу и большинству, если не всем, из его парней, но, когда он уйдет, они должны будут контролировать ситуацию в лагере.

Он был слаб до изнеможения... Но это не могло ждать до тех пор, пока он отдохнет. Рааб собрался с силами и поднялся на ноги. Талисман, свернувшийся в клубок в полумраке, подобрался и издал мягкий звук.

— Останься! — сказал ему Рааб. — Ник, если кто-нибудь попытается идти за мной, останови его!

Ник, который был посвящен в его планы, с неподдельным удивлением спросил:

— Ты куда, Рааб?

Рааб махнул рукой на запад.

— Вражеская база должна быть в двух милях отсюда за гребнем горы, на противоположной стороне острова. К тому месту ведет лесистая расселина, которая протекает в трех четвертях мили западнее. Я хочу произвести разведку.

— Только не один, капитан! — возразил Рус. — Не лучше ли будет, если мы дождемся дня и выясним систему патрулирования острова?

Рааб покачал головой.

— Днем вдоль берега, вероятно, ходят пешие патрули, а над головой, несомненно, повиснут блимпы. Если я сегодня ночью смогу получить какое-нибудь представление о планировке базы, мы сможем более разумно осуществить свои планы на завтра. Мы не должны терять время. Подумай, патрульный блимп мог уже приземлиться на оставленном нами острове и обнаружить разрезанный баллон «Пустельги». Я думаю, они могут вычислить наше направление. В любом случае, мы не должны рисковать, — он сделал паузу и окинул взглядом группу полулежавших людей. — Кро-

ме того, в одиночку это сделать легче. Если я пойду один, вездесущие не так сильно беспокоятся и не устроят переполох. Я немного знаю этот остров, по крайней мере, лучше, чем кто-либо из вас.

— А если ты не вернешься, Джеран? — проворчал Джон Кадебек. — Мы доверились тебе, чтобы ты увел нас с этого острова!

— Если л ю б о й из нас будет схвачен или просто замечен, ни один из нас не получит шанса уйти, — ответил Рааб. Он специально затянул паузу, так как ему особенно хотелось, чтобы над его словами подумал шпион.

Внезапно Ник сказал:

— Рааб, если с тобой что-нибудь случится — не обязательно связанное с врагом, — мы не хотим сидеть здесь и ждать, когда умрем от старости. Если что-то случится, куда нам надо идти, чтобы найти тебя?

Рааб сделал вид, что задумался.

— Ну... я не хочу, чтобы кто-нибудь, кроме меня, покидал лагерь до завтрашнего дня. Ни один, понятно? Если я попаду в переплет, я хочу, чтобы вы держались все вместе. Но если я не вернусь до полудня — а я рассчитываю вернуться вскоре после восхода солнца, — вы можете начать думать, что я мертвый или схвачен в плен. В этом случае, удачи вам всем! — он помолчал. — Недалеко отсюда к западу есть утес, который выходит к самому берегу. Если человек не хочет делать тяжелое восхождение в гору, он должен по колено в воде обойти этот утес. Расселина, по которой я намереваюсь пройти, находится сразу за ним. Там протекает маленький ручеек, гораздо меньший, чем этот. Я пойду вверх вдоль этого ручья; он доведет почти до самого конца пути. Весь путь пройдет под прикрытием деревьев и только несколько ярдов на вершине горы надо будет пересечь по открытым камням. Я остановлюсь там, лягу в тени и посмотрю вниз, на противоположный берег острова. Даже если я не смогу многого рассмотреть, там наверняка будут огни, и я увижу где и как пришвартованы блимпы. И что еще они там построили.

— Раньше там была большая база? — без выражения спросил Кадебек.

Рааб попытался сохранить лицо и голос беспристрастными. Если Кадебек шпион, то он, возможно, совершил ошибку, слишком точно описывая Медовый остров. Но также он не мог допускать неточностей.

— Здесь была вспомогательная база, место, где мы могли приземлиться, пополнить запасы свежей воды, собрать фрукты и поохотиться на сущих. Постоянного персонала здесь не было. Я не думаю, что, когда Мэдерлинк захватил остров, здесь кто-нибудь находился.

Кадебек взглянул на него и пожал плечами.

— Я бы не стал винить тебя, если бы ты взял на разведку кого-нибудь еще. Но раз уж ты настаиваешь сделать все в одиночку, удачи тебе, Джеран.

— Благодарю.

Рааб проверил свой нож, вытащил веревку, связывающую мешки с мясом, повернулся и пошел через чащу пальмоподобных деревьев.

Одна луна, Золотистая, была уже за горным хребтом, но Серебристая, находившаяся довольно низко на востоке, обозначила серебристую дорожку на поверхности моря.

Была поздняя ночь, и большинство обитающих здесь существ уже спали. Только одинокий вездесущий кружил над прибоем и издавал резкие крики. Возможно, он лишился самки.

Утес появился с правой стороны от Рааба. Он выбрал трещину в камнях, где мог согнуться и укрыться от лунного света. С этого места он начал наблюдать за небольшой полоской открытого песка, которую только что пересек, выйдя из рощи вееролистных деревьев. Всякий, последовавший за ним, должен будет пройти по этому месту. Он мог видеть свои собственные следы, оставленные намеренно и идущие так, словно он действительно пошел вброд вокруг утеса. Конечно, шпион, ускользнувший из лагеря, сразу может быть выявлен, если кто-нибудь сделает перекличку — Ник Рус намеренно должен был воздержаться от этого, — но шпиона это не должно беспокоить. Если он поверил, что они находятся на Медовом острове в нескольких милях от базы Мэдерлинка, больше не будет заботиться о маскарade. По долгу службы он должен сразу добраться до этой базы и поднять людей на ноги.

Рааба беспокоило то, что он рассказал своим людям. Во-первых — что, если шпион знал Медовый остров? Намеренно неопределенное описание в общих чертах подходило к Медовому — точно так же, как могло подойти к любому другому острову. Медовый, как и большинство расположенных здесь островов, имел горный хребет, тянувшийся посередине острова, но на нем было, по крайней мере, четыре расселины. Одно это могло возбудить подозрения у шпиона. И если хорошенько подумать, неужели берег Медового острова со стороны моря также не охраняется? Ну, возможно, нет. Даже если командование врага допустит такую вероятность, что «Пустельга» прорвалась к морю, по логике они не должны ждать ее здесь. Но если враги не поверили, что в стране ущельев их атаковал один маленький блимп — ну, это довольно далеко отсюда. Следуя логике, они должны продолжать поиски в стране ущельев, там, где находится гелий.

По любым благоразумным расчетам врага, даже если «Пустельга» миновала все опасности, она должна быстро добраться до какого-нибудь маленького острова, взять груз гуано и, не задержива-

ясь, отправиться на Лоури. И они, если бы могли, действительно так и сделали бы. Никто не мог предсказать их дикую, сумасбродную идею добраться до Медового острова на лодке; это было из области снов.

Рассуждая так, он пришел к выводу и надеялся, что не ошибся, что на обращенном к открытому морю берегу Медового острова не должно быть ночной стражи. Эти рассуждения так же подходили для шпиона, как и для любого другого. Рааб несколько не сомневался, что шпион был ловким и отважным человеком. Кто это мог быть?

Предположительно, их было два или больше; и, возможно, один из них — Джон Кадебек? Или он был только один, и это был Кадебек? Представитель экипажа имел твердое алиби, подтвержденное Беном. Но Бен Спрейк-младший был слабым человеком. Не могла ли сильная личность каким-нибудь образом изменить воспоминания Бена — или даже запугать его и вынудить солгать? Или, например, Бен просто не захотел сознаться в своей невнимательности?

Рааб изменил положение, чтобы не затекли мускулы; сжал и разжал кулак левой руки, чтобы снять напряжение с пульсирующего маленького пальца. Если Кадебек сейчас внезапно появится здесь, чтобы захватить Рааба, что может сделать Рааб? Как и любой офицер Флота, Рааб хорошо владел различными видами ближнего боя — он мог использовать нож, дубинку или древний посох. Он мог драться голыми руками и ногами. Но, вероятно, шпион также обучался этому; а Кадебек — сильный и энергичный человек.

Мгновения тянулись. Маленький вездесущий все еще кружил над прибором, издавая резкие заунывные крики. Рааб на несколько дюймов повернул голову, чтобы посмотреть в том направлении. За границей тени от острова море было хорошо освещено обеими большими лунами. Приближающаяся час назад к острову лодка могла быть хорошо видна с вершины горного хребта. Не могли ли там находиться хотя бы несколько часовых, если бы это был Медовый остров?

Час назад? Или уже прошла вечность с того времени, как Рааб привел сюда свою неуклюжую лодку?

Он почти беззвучно что-то пробормотал про себя. Где проходит граница, когда нервничающий человек еще считает себя человеком?

Проползло еще несколько секунд..

Внезапно его нервы зазвенели. Казалось, он не увидел, а почувствовал движение в черной кайме чащи!

Его пульс тяжело стучал в висках, так что казалось, будто этот стук разносится на многие ярды! Он очень медленно повер-

нул голову. Касается ли его лунный свет? Он думал, что нет. В любом случае, его тело могло затеряться среди разбросанных вокруг зазубренных камней. Он на дюйм передвинул правую руку ближе к ножнам. Был ли кто-нибудь в тени? При подобных обстоятельствах гражданские, в соответствии с их примитивными чувствами, стараются все как можно больше запутать...

В темноте возникло движение, и на песок выскользнула почти обнаженная фигура.

На какое-то мгновение Рааб был так изумлен, что не мог сдвинуться с места — он совершенно не предполагал увидеть здесь этого человека. Но за это время человек успел тихо (и с гибкой грацией!) пробежать семь или восемь шагов.

Рааб внезапно вышел на открытое пространство и недоверчиво произнес:

— ПОКИ?

Он не мог поверить своим глазам, и это чуть не стоило ему жизни. Слово быстрейшая из живущих на деревьях земных кошек, которые адаптировались в долине страны ущельев, коротышка повернулся и не разгибаясь, бросил что-то, сверкнувшее в лунном свете.

Только бессознательный натренированный рефлекс спас Рааба, заставив его подогнуть колени, упасть и откатиться в сторону. Этот же рефлекс послал его руки к ножнам, чтобы выдернуть нож, отвел правую руку за правое ухо... В воздухе засвистел нож. У него не было времени перехватить нож и взять его за лезвие! Он метнул его так, чтобы он летел острием вперед и не переворачивался в воздухе! Затем, перевернувшись, Рааб оперся на песок, быстро, словно кошка, вскочил на ноги, прыгнув вперед и немного в сторону, чтобы увернуться от второго ножа, если он вдруг появится в воздухе! И в тот же миг его ускорившееся сознание отметило, что кремниевый нож попал точно в середину грудной клетки противника, а какая-то другая часть сознания зарегистрировала раздавшийся сзади металлический стук, когда брошенный Рэйджером нож ударился о твердый каменный утес, едва задев плечо Рааба.

Но это был не кремниевый нож!

Рэйджер схватился за торчащую из груди рукоять, пробежал по инерции еще пару шагов, пошатнулся и упал.

Рааб — над ним море раскаяния — прыгнул вперед. Рэйджер, маленький Поки Рэйджер! И Рааб убил его так, словно перед ним был Джон Кадебек, действительно представляющий угрозу, физически сильный человек!

Но теперь было слишком поздно раскаиваться. Он стоял абсолютно безвольный и смотрел на поверженного человека. Рэйджер перевернулся на спину, не отпуская застрявшего в середине груди ножа — ох, как точно он попал в цель! Лезвие пробило грудину

и полностью вошло в тело. Возможно, оно задело сердце или какие-то другие жизненно важные органы.

Рэйджер закашлялся, и на его лице появилась гримаса, напоминающая усмешку.

— Я должен... был... понять... — задыхаясь, произнес он и умер.

Рааб подождал немного, затем со странным оцепенением наклонился, ощущая внутри какую-то пустоту, и, взявшись за костяную рукоять, дернул, освобождая кремниевый нож. Он воткнул его один раз, затем второй во влажный песок, чтобы очистить от крови, потом выпрямился и с минуту неподвижно стоял, рассматривая смертоносный снаряд. Был ли это его нож; знакомый до мелочей флотский нож? Была ли это его рука, которая послала этот нож? Он отсутствующе сжимал и разжимал левую руку, успокаивая пульсацию в деформированном маленьком пальце.

Затем он вернул нож в ножны, снова наклонился и затащил маленькое тело Рэйджера под деревья. Вернулся к темным пятнам на песке и ногой забросал их чистым песком. Он подошел к утесу и нашел бронзовый нож, который Рэйджер бросил в него с такой силой и точностью, какую едва ли можно было ожидать от этого маленького человека. Рааб поднял нож и сунул под ремень.

Он убрал все следы с песка так хорошо, как только мог, и скрылся в темной чаще. Где-то над прибоем все еще кричал маленький вездесущий.

* * *

В слабом свете маленького костра Кадебек посмотрел на нож, который ему протянул Рааб, и на его лице смешались недоверие и удивление. Наконец, словно не веря своим глазам, он пробормотал:

— Как... Где...

— Я думаю, — сказал Рааб, — было только одно место, где мы не смотрели. Подумай сам. Рукоять весла ведь полая. Он мог привязать один конец ремня к ножу, а второй к ручке весла, и опустить нож туда, чтобы он провалился к лопасти. Он мог висеть там сколько угодно. Когда появился шанс, он мог наклонить весло, чтобы нож выпал обратно. Бог знает, где он прятал его потом — возможно, в узлах с пищей, или в своих собственных вещах, или где-то еще, что мы уже обыскали, — Рааб сделал паузу. — Одна мысль чертовски досадна мне. Возможно, он даже не видел его до тех пор, пока не вернулся один к «Пустельге» и не убил Эммета Олини. Он мог вернуться за чем-то своим или... Возможно, едва нож оказался в его руках, он что-то сказал, что заставило Олини повернуться к нему спиной и перегнуться через перила...

Если не считать потрескивания маленького костра, там уста-

новилась полная тишина. Кадебек медленно ощущал лезвие ножа.

— Кончик погнут, — он повернул голову и посмотрел на Рааба. — Ты говоришь, о н. Кто это? И как ты... — он оборвал себя, как только понял, что произошло, быстро поднялся на ноги и осмотрелся вокруг. — К т о о т с у т с т в у е т ?

Это был тот самый момент, который Рааб хотел видеть. Он попытался рассмотреть лица всех людей. Если на них и было что-то, кроме изумления, Рааб этого не видел.

Кадебек снова повернулся и посмотрел на Рааба. Его голос стал убийственным.

— Будь ты проклят, Джеран — что это значит? Мы все на месте!

Рааб холодно улыбнулся.

— Все? А где Рэйджер?

Кадебек сверкнул глазами и затрясся от смеха.

— Там... спит. — Он шагнул к лежащей ничком фигуре и слегка толкнул ее ногой. — Поки! Проснись! Наш капитан...

Он замолчал и на мгновение застыл, глядя на узлы одежды. В конце концов он искренне проговорил:

— Ну а я буду проклят трижды.

Рааб подошел ближе и увидел, что Рэйджер наломал веток, нарвал листы и травы, набил всем этим свою одежду и сделал довольно убедительный манекен. Он выпрямился и повернулся лицом к Кадебеку.

— Ты бы никогда не назвал его снова маленьким Поки, если бы увидел, как он действовал. Словно молния! И ловкий — боже, какой он был ловкий! Всех нас он сделал дураками!

Ни один не спросил, что случилось с Рэйджером, только Кадебек спустя некоторое время задумчиво поинтересовался:

— А если бы он проскочил мимо тебя? Что, если... ну... он пошел другой дорогой? Все, что ему требовалось, добраться до базы и поднять крик...

— Ему пришлось бы здорово напрячь свои голосовые связки, предварительно проплыв около шестидесяти миль, — ответил Рааб. — На Медовый остров мы отправимся завтра ночью. Мы отдохнем здесь денек и понаблюдаем за небом, а также и друг за другом. Мы обнаружили шпиона, но это не доказывает, что здесь нет других.

Адмирал Клайн поднял телескоп, сейчас побитый и поцарапанный, но когда-то превосходный инструмент с отполированными линзами из чистого натурального кварца, вставленными в трубку, вырезанную из ствола флейтового вяза, и снова посмотрел через

него. Он понял, что еще не лишился навыка покачивать телескоп, чтобы компенсировать легкое раскачивание летящего блимпа.

— Что вы об этом думаете?— спросил капитан Линдер.

Клайн опустил телескоп и вздохнул.

— Все нормально, это наш планер. Он приподнял одно крыло так, словно оно пробито. Он не следит за тепловыми потоками — он только пытается спланировать на как можно большее расстояние и мастерски использует любые встречные восходящие потоки. Я не вижу, чтобы его кто-нибудь преследовал, но они могли отстать на пару миль, а с такой дистанции мы не можем их видеть.

Линдер тихо выругался.

— Значит, вы думаете, что Гора Купола взята?

— Да, и наземными силами. Если бы там появилась вражеская курица, они бы заметили ее на большом расстоянии и успели бы послать сюда планер с донесением. Здесь можно сделать только один вывод: Ольвани узнал, что мы восстановили полдюжины боевых блимпов и укомплектовали их своими лучшими экипажами. Но он не знает, где и как мы хотим их использовать. Он взял на себя обязательство обеспечить высадку врага вблизи Западограда — а это значит противодействовать любым контратакам с воздуха точно так же, как и наземным силам, которые мы можем послать туда. И для начала он решил устранить нашу маленькую разведывательную группу на Горе Купола,— Клайн вздохнул.— Жаль, что он пошел против нас. С военной точки зрения мне нравится образ его мышления!

— Да,— угрюмо сказал Линдер.— И это окажет большее воздействие, чем высадка врага.— Он посмотрел на запад и отыскал маленькую точку в небе.— Я начинаю верить, что вы были правы, когда предложили отвести большинство наших наземных сил на восточный берег реки. Я полагаю, нет никаких сомнений, что они удрали по Горе Купола.

Клайн нахмурился.

— Возможно, что мы лишились баллона горячего воздуха. Но, если я не совсем тупоголовый старый дурак, мы можем использовать Гору Купола как возвышенный наблюдательный пост. И поддерживать с ними связь световыми сигналами.

— Да,— сказал Линдер,— никто даже предположить не мог, что он открыто выступит перед выборами!

Клайн с отвращением проворчал:

— Черт, мы должны были об этом подумать. Я даже предполагал нечто подобное.— Он с минуту всматривался в западном направлении.— Кажется, пилот не дотянет несколько миль до реки... Ладно, Мэт, только одна вещь говорит за то, что мы не потеряем Гору Купола. Ольвани имеет достаточно сил, чтобы захватить ее, но силы его не безграничны. Если он пошлет людей туда,

значит, ослабит позицию где-то в другом месте.— Он передал телескоп Линдеру.— Проследи за планером; твои глаза лучше моих. Есть на борту пара сигнальных флагов? Я хочу передать приказ в Коултерсвиле.

— Да, сэр... они в шкафчике для сообщений.

Клайн взял флаги и между двумя рядами отдыхающих сейчас флотских гребцов прошел на корму. «Павлин» висел над Внутренней рекой и медленно дрейфовал в слабом ветерке. По сентиментальным причинам он не захотел взять «Кондор», старый флагманский корабль Роула... Сигнализируя «Внимание», он дважды поднял и опустил флаги, получил подтверждение с крыши Административного Здания прибрежного города, где в этот момент размещался штаб наступления, и послал свои инструкции. Он хотел отправить небольшую группу партизан к подножию Горы Купола на случай, если враг (по его мнению, это должны быть только нерегулярные силы Ольвани) попытается использовать баллон горячего воздуха, пресечь его попытки; и вообще побеспокоить его там. Он хотел отправить посыльных к Северной Стоянке и Востокграду, чтобы передать сообщение о падении Горы Купола. Он подумал, не надо ли послать такое же сообщение в Столицу, но решил не делать этого. В верховьях реки и в самой Столице ситуация была слишком запутанной, так что лучше, по крайней мере, денек подождать...

Он передал приказы, вернулся на нос, положил флаги и снова присоединился к Линдеру, стоявшему около перил.

— Мэт, проводи блимп за реку навстречу планеру.

Линдер быстро бросил на него взгляд.

— Вы хотите приземлиться и подобрать его? На борту нет лучников...

Клайн усмехнулся.

— Если флотские гребцы не станут защищать своего адмирала, кому нужен такой адмирал. В любом случае, есть только один шанс из ста, что Ольвани уже послал своих людей к реке. Ты знаешь, что он еще собирается победить на выборах.

Линдер пробормотал в ответ, что, по его мнению, Ольвани вообще забыл о выборах, но повернулся лицом к корме и приказал:

— Алтерн, курс на запад, навстречу планеру, ты понял?

* * *

Хотя одно крыло планера было сильно пробито, а второе слегка помято, у пилота не было ни царапины. Но он был очень истощен и испытывал сильную жажду. Клайн дал ему напиться.

— Да, адмирал... нерегулярные силы ударили на нас перед вос-

ходом солнца. Вместе со мной на ночном патрулировании было еще два планера. Но я один находился поблизости от Горы, когда это случилось. Я не знаю, что стало с теми двумя планерами. Я поймал край восходящего потока, поднялся как можно выше и двинулся на восток. Вероятно, в других местах тоже были подняты восстания — когда я пролетал, то видел бои в полдюжине городов — но я не знаю, как там развиваются события дальше. Я подумал, что для меня лучше попытаться добраться до реки. В худшем случае, здесь я мог укрыться в рощах и посмотреть, что творится вокруг, а потом попытаться доложить об увиденном!

— К счастью, мы оказались поблизости от реки, — сказал Клайн. — Мы разбили врага в Востокограде и в паре других больших городов, включая и Коултерсвилль. Кажется, в Столице тоже что-то происходит, но мы не знаем что. — Несмотря на болезнь и бушующую в нем злобу, он смог уверенно улыбнуться усталому и озадаченному пилоту планера.

— Сэр, я видел блимпы к северу... — сказал пилот.

— Вероятно, это были наши. Я послал, что мог к Столице, чтобы поддержать наших людей, — ответил Клайн и вдруг заметил, что вполне серьезно говорит этому пилоту, алтерну, о своих надеждах. — Если мы сможем удержать Столицу и зону к востоку от реки, все будет нормально. Я уверен, что Мэдерлинк и Ольвани надеются вовлечь в бой как можно больше наших регулярных сил и уничтожить их как боевые единицы. Теперь высадившийся на западе десант либо вообще ничего не будет делать — кроме как набивать желудки — либо двинется на помощь Ольвани. Когда люди оправятся от потрясения, они смогут противостоять сброду Ольвани.

Пилот с беспокойством прервал его.

— Сэр, сколько групп высадил Мэдерлинк?

Клайн мрачно усмехнулся.

— Я не знаю, но полагаю, что Ольвани тоже хотел бы это знать! Знаешь ли, он хочет держать все в своих руках — но Мэдерлинк может обмануть его и высадить настоящую армию. Но я сомневаюсь в этом, потому что возникли проблемы где-то в других местах, хотя Ольвани все равно не сможет забыть о такой возможности. В любом случае, они не смогут быстро завоевать нас. Мы уже начали посылать партизан на западный берег реки, чтобы организовать там сопротивление. В частности, мы надеемся захватить там как можно больше зерна, овец и всего прочего, а затем вывезти это сюда. Мы хотим вывести в безопасное место фермеров и их семьи, а из мужчин сформировать новые партизанские отряды. — Он с усилием усмехнулся. — Я думаю, через десять дней враг почувствует это на своей шкуре.

Но, конечно, он не был уверен, что все так и будет, хотя не стал кричать о своих сомнениях, которые были близки к отчаянию

при мысли о том, что верные Лоури горожане начнут голодать даже больше, чем сейчас. Он взглянул на Линдера.

— Мэт, думаю, мы узнали все, что хотели. Давай вернемся к Коултерсвиллю и передадим в штаб новости, а потом отправимся к Востокограду.

* * *

На пути к востоку от речного города они не видели ничего примечательного. Клайн сидел на шкафчике сообщений и смотрел на проплывающую под ними пустынную местность. Завтра должен был быть день выборов. Но каждый сельчанин, каждый фермер, хоть и уединенный, вероятно, уже знали о случившемся. Здесь и там он видел кучки людей, задравших головы и смотревших на блимп; он поднял руки и помахал им, словно сигнализируя, что готов им помочь. Но сейчас он ничего не мог для них сделать. И они не могли ничего сделать для себя, кроме того, чтобы выжить. В ближайшем будущем в этом районе не должно быть больших боевых действий — даже если Ольвани сможет собрать многочисленные силы и переправить их на восточный берег реки, он не станет их распылять по пустынной сельской местности.

Блимп так же неуклонно двигался на восток, как солнце опускалось к западному горизонту. Поздно вечером, когда уже начал формироваться туман, впереди появился Востокоград. Адмирал озабоченно посмотрел на огороженную высоким забором Восточную Стоянку. Флаг Лоури все еще трепетал в слабом ветерке — боже, он даже в этом сомневался? — а на людях, которые приветствовали возвращающийся блимп, была форма Флота Лоури.

Его утомленные глаза блеснули влагой.

— Мэт, поднимись на высоту тысячи футов, ты понял?

С большой высоты он осмотрел все небо в восточном направлении, стараясь заглянуть как можно дальше за край столовой горы. Кроме облаков, тянувшихся над морем до самого горизонта, он не увидел ничего, но сквозь разрывы в облаках он мог видеть голубое море. К тому же, отсюда была хорошо видна белая змеившаяся линия побережья, а на севере виднелась темно-зеленая область джунглей. Он рассматривал это в течение десяти минут, пока его глаза не затуманились от напряжения. Он чувствовал, что завтра, в день выборов, Рааб сможет совершить чудо и вернуться. Если Рааб еще жив, он сделает все невозможное, чтобы вернуться...

Но он не видел ничего похожего на блимп.

Почувствовав, как старость и усталость навалились на его плечи, он повернулся к Линдеру и сказал:

— Мэт, пора спускаться, ты понял?

Сразу после того, как он доложил командованию местной базы известные ему факты и отдал необходимые приказы, Клайн со всей поспешностью, на которую были способны его старые хромые ноги, направился к Кварталу Офицеров Флота Северной Стоянки. Он отдал честь часовому, стоявшему у главного входа в общежитие, поднялся на второй этаж и подошел к столу дежурного по этажу.

Алтерн поднялся из-за стола и отдал ему честь, хотя это требовалось от него только во время парадов и официальных церемоний. Клайн нетерпеливо козырнул в ответ.

— Где она?

— Комната двести тридцать семь, сэр. Вас проводить?

Подавляя раздражение, Клайн покачал головой. Как будто он сам не знает, где и что располагается на Лоури! Он торопливо пошел к комнате с названным номером.

Постучав, он услышал ее голос.

— Входите.

Клайн осторожно открыл дверь и вошел. Она сидела у выходящего на восток окна и смотрела в него. Сухой и теплый осенний ветерок слабо теребил натянутую на окне сетку. Она быстро поднялась на ноги и пошла ему навстречу.

— Альберт!

— Лайла,— он взял ее руки в свои.— Дорогая, вы удобно устроились?

— О, конечно,— она мило улыбнулась. Он хорошо помнил эту улыбку, которая часто появлялась на ее спокойном, слегка полноватом лице.

— Надеюсь,— произнес он,— вы извините меня, что я без предупреждения и объяснений переправил вас сюда. Теперь вы знаете, что Ольвани усугубил наши неприятности. Я хотел... я должен был обеспечить вашу безопасность перед своим отъездом. Но я был вынужден подняться в воздух, так и не получив возможности встретиться с вами, чтобы объяснить ситуацию.

Она отмахнулась от его извинений.

— Они были очень вежливы и деликатны, доставили также сюда мою сестру, которая в данный момент вернулась домой, чтобы собрать кое-какие вещи.— Она посмотрела в его глаза.— Вы устали, Альберт. Вам нельзя так изводить себя!

— Я сейчас уйду, чтобы немного вздремнуть,— сказал он и стал ждать ее следующего вопроса, который, как они оба знали, она должна была задать.

И она спросила:

— Вы получили какие-нибудь известия о Раабе?

Он выдержал самое тяжелое сражение в своей жизни и заставил себя улыбнуться.

— Пока еще нет, Лайла. Путешествие, в которое он отправился, очень долгое. Даже если ветры были благоприятны — а я полагаю, что это не так — время возвращения еще не наступило.

Конечно, как вдова адмирала она хорошо ориентировалась в обстановке, но с благосклонностью приняла ложь.

— Я тоже полагаю, что время еще не пришло. — Затем она оставила этот вопрос. — Очень хорошо, что вы зашли узнать, как я устроилась. Пожалуйста, не надо больше тратить на меня свое время. Идите отдыхать! — Она говорила спокойно, по-прежнему улыбаясь, хотя он не строил иллюзий о ее действительном состоянии.

— Спасибо, Лайла, — поблагодарил он. — Ваша сестра вернется?

— Да. Она проведет здесь ночь.

— Превосходно. Спокойной ночи, Лайла.

— Спокойной ночи, Альберт.

Она мягко закрыла за ним дверь.

16

Если в его неопишемом экипаже и остались шпионы, на пути к Медовому острову Рааб не замечал никаких признаков этого. За то время, что были на воде, они дважды видели вражеские блимпы, направляющиеся на северо-восток. Первый был курицей с комплектом свисающих за бортом планеров — это говорило Раабу, что остров, где «Пустельга» закончила свою долгую жизнь, а возможно, и остальные острова в этой зоне, не оставлены без внимания. Почему? Они нашли ее останки? Или другие причины заставили врага прийти к выводу, что «Пустельга» проскочила в эту зону? Шпионы на Лоури, так же как и их друзья, не могли знать, что «Пустельга» добралась до моря.

Возможно, они заметили брошенную одежду или какой-нибудь сверток с пищей, только эта неизвестность сводила Рааба с ума. И еще одно — хотя это больше внушало отвращение к себе — он потерял счет дням. Полагая, что выборы на Лоури должны начаться завтра или через день, он все же не был в этом уверен.

Кроме того, его волновал еще один вопрос: что делается на Лоури и что они увидят там, когда вернутся домой. Будет ли еще держаться изголодавшаяся, но непокоренная Лоури под управлением прежнего правительства? Или вновь избранное правительство подпишет притворные «соглашения», а возможно, просто капитулирует?

Не получится ли так, что, вернувшись на Лоури, он — и Клайн, и многие другие — окажутся «преступниками»?

Он поднялся со своего места и пошел к гребцам, чтобы поработать веслом. Он думал, что только физическая нагрузка удерживала его от полного безумия.

— Тебе не кажется странным, что здесь больше нет Поки Рэйджера? — вяло спросил Кадебек.

Рааб утвердительно кивнул и взялся за весла.

Наступила ночь. Он никак не мог решить: должен ли он потопить экипаж, чтобы добраться до Медового острова, пока одна или две большие луны находятся в небе? Или он должен дожидаться полной темноты, если не считать света звезд? Если в небе будет луна (или обе, так как Серебристая и Золотистая находились сейчас под таким углом, что приближались к западу почти одновременно), он может приблизиться к берегу в тени, падающей от острова. Он хотел подойти к острову с юго-восточного направления, где около небольшой бухты стояла высокая скала, которая могла отбрасывать густую тень.

Рааб вздохнул. Ему нелегко было думать о намеренной задержке, но казалось, что это предоставляет лучший шанс. Он использует тень от скалы; и кроме того, после полуночи часовые обычно более сонные и невнимательные.

— Давайте отдохнем. Времени у нас более чем достаточно; во всяком случае, я не хочу, чтобы мы появились там полностью обессиленные. Ник, ты не сделаешь нам сэндвичи?

Некоторое время они без движения дрейфовали на морских волнах, а затем отправились дальше. В основном звезды были скрыты за облаками; Рааб не любил прокладывать курс в таких условиях. Золотистая и Серебристая миновали зенит с разницей в час, после чего Серебристая медленно стала догонять приближающуюся к западу Золотистую. Они обе были немного ущербные, но в открытом море от них было достаточно света.

За час до того, как Золотистая должна была скрыться за горизонтом, Рааб начал волноваться. Как далеко он уклонился от острова? Он подумал, что сейчас остров уже должен показаться, и поднялся во весь рост, глядя во всех направлениях. Будет очень плохо, если они подойдут к острову со стороны материка — вокруг базы наверняка установлена охрана и некоторые из часовых наблюдают за морем. Если они находятся на возвышении...

Внезапно он увидел с левой стороны низкую темную массу и облегченно вздохнул.

— Мы подошли довольно близко. Теперь по дуге пройдем немного дальше к югу и остановимся напротив места высадки. Там мы немного отдохнем и перекусим, чтобы подойти к острову в хорошем состоянии.

И снова возникла проблема с прибоем. Но, исправляя повреждения после прошлого приключения, они сделали в дне что-то наподобие киля, и их не так сильно разворачивало бортом к волне. Кроме того, у них уже была практика! Тем более, что прибой здесь был гораздо слабее. Они подошли к берегу, втащили лодку на песок и быстро перетащили в укрытие.

* * *

Рассвет пробивался через листву джунглей. Это не были смертоносные джунгли, как на материке, и группа настороженных людей находилась здесь в относительной безопасности.

Рааб надеялся, что они надежно убрали в скалы лодку и убрали следы высадки. При дневном свете берег, наверняка, просматривается сверху.

Он встал на ноги и потянулся.

— Я видел этот каньон с воздуха, но нам от этого не легче. Я думаю, до полудня мы доберемся до вершины горного хребта, осторожно осмотрим противоположный склон горы и определим место для разбивки лагеря. Разведчикам необходимо быть очень внимательными. Прислушивайтесь к крикам маленьких животных. Если в том направлении, куда мы двинемся, они ведут себя спокойно и слишком тихо... Стоп!— он немного подумал и решил не напоминать, чтобы они следили друг за другом. Он не хотел, чтобы они забывали, но в то же время, у него не было причин постоянно напоминать им это.

Они двинулись вверх по каньону.

Во время одного из привалов Рааб нашел место, откуда можно было видеть оставленный ими берег. Около десяти минут он сидел и смотрел вниз, как вдруг увидел на берегу патруль. Несколько человек, забросив луки за спину, шли в шеренге по одному. На какой-то момент ему показалось, что это сон. Раньше он очень наглядно представлял себе, как может проходить такое патрулирование! Когда идущий впереди человек остановился и склонился над песком, у Рааба перехватило дыхание, но маленький предмет, поднятый им, не вызвал никаких подозрений. Ведущий показал своим людям то, что он поднял, и небрежно отбросил в сторону.

Они сделали еще пару привалов, прежде чем Рааб сквозь листву увидел впереди голые камни. На гребне горы солнце пекло очень сильно. Рааб вспомнил, как этот горный хребет выглядит с блиппа — словно гигантский кремниевый нож выставил острый край над растительностью. Теперь же, снизу, открытое пространство, которое они должны были пересечь, выглядело необычайно большим. Но там были неровности и тени. Люди, один за другим, не выпуская

из виду двигающихся впереди и позади, перебрались через открытое пространство. Как только все снова оказались под прикрытием растительности, они быстро и тихо, без лишних разговоров, съели ланч. Рааб видел, как его собственное беспокойство отражается на лицах людей.

Два часа ушло на то, чтобы найти расселину, которая, как помнил Рааб, выходила к базе. Под прикрытием джунглей они лежали на склоне и наблюдали за вражеским лагерем.

* * *

Ровная расчищенная площадка имела форму овала с соотношением одна восьмая к четверти мили. С южной стороны и с восточной, между площадкой и джунглями были пятьдесят ярдов вырубленной мертвой зоны, которую, исключая несколько проплешин выветренного песчаника, покрывала молодая поросль. Со стороны моря от базы отходил пологий склон, постепенно переходящий в прибрежный пляж с рыжеватым чистым песком, ослепительно блестевшим на солнце. Прибой здесь был даже слабее, чем в заливе на другой стороне острова. Около тридцати человек купались в море.

Западный конец расчищенного овала упирался в голый каменный утес, почти вертикально поднимающийся вверх. Тень от него покрывала ровную площадку и почти упиралась в подножье восточного склона, заросшего джунглями. Склоны, окружающие базу, были довольно крутые и защищали построенные здания от морских штормов. Даже в расселине, по которой Рааб со своими людьми подошли к базе, склон опускался под углом около сорока пяти градусов.

Там находилось около дюжины зданий, построенных из свежеструганных досок и множества больших и маленьких сараев. Два из них были огромны — очевидно, ангары. Низкое, занимающее большую площадь здание, вероятно, было кухней и столовой, потому что из трубы на ровной крыше уже поднимался дым. Другое здание, немного выше столовой, возможно, выполняло функции центра отдыха. Компактное, сильно укрепленное двухэтажное здание напоминало арсенал. Три длинных и узких сооружения около ангаров могли быть бараками. Рааб решил, что они могут вмещать койки на шестьсот человек.

Отдельно от всех зданий стояли несколько бунгало, несомненно, дома для офицеров. И, наконец, вдоль западного утеса на сотни ярдов тянулась тюремная зона. Назвать это зданием, имея в виду сооружение со стенами и камерами, было нельзя; это была просто крыша, установленная на столбах, а пространство под ней

открыто со всех четырех сторон. Крыша имела некрутой наклон к утесу.

Более полусотни людей сейчас сидели и лежали на крыше, устремив взгляды в сторону моря. По крайней мере половина из них носила обтрепанную форму Лоури, серую боевую и рабочую, но среди них не было ни одного белого кителя.

Рааб удивился. Неужели отсюда они могут видеть Столовую Гору Лоури? Морские туманы должны были скрывать ее даже в самую ясную погоду, хотя иногда могла быть видна белая шапка облаков над Южным краем.

Кроме формы Лоури там были мундиры Оркета. А еще там были люди, одетые в разнообразную гражданскую одежду, которая в равной степени могла относиться к Лоури, Оркету и самому Мэдерлинку.

Тюремную зону окружал прочный частокол. Вкопанные заостренные столбы торчали из земли на высоту двадцати футов и стояли так близко друг к другу, что человек едва ли мог пропихнуть между ними руку. С внутренней стороны к частоколу прилепилось некоторое количество грубо сколоченных навесов. Возможно, заключенным разрешили построить их, чтобы у них было что-то наподобие личного убежища.

Кроме тех, кто находился на крыше, большое количество людей сидело или вяло прогуливалось в огороженной зоне. Среди заключенных не было ни одного заморенного голодом, но также не было ни одного слишком полного.

Рааб насчитал около двухсот заключенных, и по крайней мере половина из них, если не больше, были военными, среди которых больше было в форме Лоури, чем в форме Оркета. Его маленький палец начал пульсировать.

Насколько он мог видеть, на Медовом острове не было женщин. Он также не заметил, что заключенные имели постоянный запас воды, кроме того, что они могли собрать во время дождя. С вершины утеса, который образовал одну стену их тюрьмы, по покрытым зелеными водорослями камням медленно сочилась влага, а у подножия скалы были вырыты ямы, где и собиралась вода.

Рааб наклонился к Нику Русу.

— Они, наверное, держат здесь и политических заключенных!

Ник, лежавший на животе и опирающийся на локти, пожал плечами.

— Возможно. А может, это не совсем надежные для них люди, которых они используют для управления блимпам, заставляя их крутить кривошипные механизмы.

— Может быть,— согласился Рааб и перевел взгляд на то, что хотел увидеть больше всего — на швартовочную зону.

В линии стояло восемь кораблей, напоминающих «Кондор» с Лоури — пятнадцать весел на каждой стороне и складывающиеся щиты по бортам, за которыми во время боя могли укрыться лучники. На каждом блимпе было установлено по четыре поднятых над перилами метателя гарпунов. Газовые мешки были наполнены до отказа так, что удерживающие блимпы туго натянутые веревки едва не выдергивали из земли врытые под углом столбы.

В дополнение к этим восьми общепринятым блимпам, там стояло пять новых, приводимых в движение винтами. Он напряг глаза, пытаясь рассмотреть их устройство. Аккуратно скрепленные оси проходили через поддерживающие их подшипники. От общей оси к каждому сидению отходил коленчатый вал, который во время движения мог описать круг до двух футов. Толщина рукояти коленчатого вала была близка к двадцати дюймам (вероятно, для прочности). Очевидно, что человек не мог обхватить эту рукоять — надо думать, он просто проталкивал пол-оборота коленчатого вала и затем ждал, когда сидевший на противоположной стороне человек вернет рукоять в первоначальное положение. Рааб презрительно проворчал Нику Русу:

— Все это образует дополнительный вес, а сила человека используется не в полной мере! Кто, кроме идиота, мог построить подобный блимп!

Ник скривил губы.

— Ну вспомни о том, что они могут взять определенное количество людей из-за этого частотола, посадить их в блимпы и без всякой подготовки заставить крутить эти рукояти. Если во время сражения они грудью остановят несколько стрел — что ж, им придется кормить меньше заключенных.

— Возможно, и так, — сказал Рааб и переключил свое внимание на другие блимпы.

Там было шесть куриц. Их выводок был припаркован с противоположной стороны — по шесть планеров на каждую курицу. Еще там было восемь или девять крейсерских блимпов, какие Рааб видел в стране ущельев. Но в отличие от тех, высокоприпаркованных блимпов, курицы этих были почти у самой земли, чтобы экипаж мог легко взобраться на борт. Заметив, что крейсера, как и курицы, управляются веслами, Рааб усмехнулся. Вероятно, строительство блимпов, приводимых в движение кривошипным механизмом, было данью навязчивой идее высоких чиновников.

Кроме боевых блимпов, там было несколько посыльных, слегка отличающихся от разрушенной «Пустельги», и несколько грузовых блимпов, предназначенных для подъемов возможного груза, которые не могли развить большую скорость. Но этого и не требовалось.

В самом конце швартовочной зоны было установлено более тридцати баллонов с запасами гелия — большие шары из толстой прорезиненной ткани, содержащие столько гелия, сколько могли закачать в них ручные меха.

— Боже, сколько здесь гелия! — пробормотал он Нику. — Можно подумать, что они собираются поднять в воздух часть этого острова!

* * *

Рааб начал подсчитывать, сколько персонала — верных Мэдерлинку экипажей и рабочих — находится на острове.

Механики, люди в широких брюках и в грубо тканых рабочих блузах, которые легко отстирывались, двигались среди блимпов. Некоторые из них с приставных лестниц осматривали и ремонтировали механизмы сжатия, другие здесь и там чинили корзины, а в одном месте накладывали новый слой лака на залатанный баллон блимпа.

Рааба заинтересовало, где этот блимп мог получить пробоину, около Лоури или какой-то огромный морской вездесущий решил поточить о него свои когти. Насколько он мог видеть, это было единственное свежее повреждение, хотя на некоторых блимпах были старые заплаты.

Кроме механиков, вокруг блимпов ходили люди в военной форме, вероятно, охрана. Рааб подвел общий итог.

— К тому же, пилоты планеров, — еле слышно пробормотал он. — И запасные...

Ник Рус усмехнулся.

— Запасные на все случаи! Вдруг кто-нибудь сойдет с ума! Я лучше выбрал бы тот остров, где находились мы. По крайней мере, нас никто не заставлял работать. — Он повернул голову и посмотрел на здания. — Они меняют часовых перед ужином. Как ты думаешь, куда направляется эта группа?

Рааб быстро осмотрел площадку. Под «группой» Рус подразумевал шесть отделений по четыре человека в каждом — они вышли из арсенала и широким шагом разошлись в шести различных направлениях, хотя все двигались к границе джунглей. Его маленький палец снова начал пульсировать.

— Ночной патруль?

— Возможно, — с сомнением сказал Ник, — или они выставляют караул на случай, если кто-то из заключенных надумает бежать.

Рааб нахмурился.

— У них нет луков. Но возможно, что они кого-то меняют и луки находятся на посту.

А вскоре появилось доказательство, что он был прав, по крайней мере, частично. Из джунглей вышли отделения по четыре человека и направились к зданиям. С растущим замешательством Рааб наблюдал за ними. Это был странный способ расстановки часовых...

Смененные отделения сошлись в определенной точке и скрылись в здании. И почти сразу послышался звук, объясняющий такую расстановку постов: Рааб услышал слабый звенящий звук, словно кто-то проверял натяжение толстой резиновой тетивы метателя гарпунов.

— Так вот это что! Они расставили среди деревьев полдюжины метателей гарпунов, чтобы отбивать атаки со стороны материка.

— Или, — предположил Ник, — вторжение громадных морских суших.

— Да. — Рааб подобрался ближе к краю мелколесья, где скрывался с Ником. — Нам надо точно узнать, где стоит каждый метатель. И сначала мы возьмем их!

Рус кивнул.

— Я полагаю, мы попытаемся сделать это ночью.

— Нет, черт возьми. Ночью мы только проведем разведку, а весь завтрашний день будем наблюдать за действиями базы. Мы должны хорошо узнать их распорядок; мы подсчитаем людей и определим наши шансы. А завтра ночью, если ничего нам не помешает...

* * *

Ближе к полуночи Ник, Рааб и еще два человека ушли на разведку, чтобы определить точное расположение метателей гарпунов. Все обошлось без приключений, если не считать неожиданную встречу с восьмифутовым вездесущим. Они легко отогнали его, но тот в ответ поднял ужасный крик. Они бросились на землю и неподвижно лежали в течение десяти минут, ожидая пеший патруль врага, но никто не пришел. Очевидно, подобный шум был здесь обычным делом.

Весь отряд, за исключением расставленных Раабом часовых, спал ночью на импровизированных подстилках из сорванных листьев, а весь следующий день люди провели в наблюдении за базой.

Рааб и Ник делали зарисовки на остатках бумаги из запасов «Пустельги». За весь день случилась только одна непредвиденная вещь — это было действительно потрясающе! Это заставило наблюдателей замереть и, не говоря ни слова, наблюдать за происходящим. И, по крайней мере, для двоих, это перевернуло мир с ног на голову.

Это случилось в полдень. Группа блимпов поднялась в воздух, очевидно, для того, чтобы сменить корабли, поддерживающие блокаду вокруг Лоури. Там было четыре крейсерских корабля и четыре

блимпа поменьше, два из которых приводились в движение кривошипным механизмом. Рааб наблюдал, как они исчезают в направлении материка, и завидовал их туго накачанным газовым баллонам и полностью укомплектованным экипажам. Спустя некоторое время появились другие восемь блимпов, сели и пришвартовались на стоянке.

Рааб торопливо записывал количество выгружающихся и спешивших к столовой людей. Блимпы укомплектовывались примерно так же, как на Лоури: на крейсере минимум двадцать человек, не считая гребцов — два человека на каждый метатель гарпунов, плюс двенадцать лучников — а на других блимпах умещалось больше лучников.

Вероятно, на острове находились экипажи всех блимпов. Окончательный итог был пугающим, хотя он не включил сюда гребцов, механиков и всех прочих, среди которых могли быть люди, верные Флоту Мэдерлинка. Любог человек, имеющий отношение к Флоту, знал, как обращаться с луком... В желудке Рааба появилась свинцовая тяжесть.

Он продолжал наблюдать за происходящим и внезапно напрягся. Что-то хорошо знакомое показалось ему в капитане, шедшем от блимпов к офицерским бунгалов. На нем была зеленовато-серая форма Мэдерлинка, но...

Он узнал его, и это словно гарпуном поразило Рааба. Овладев собой, он медленно повернул голову и посмотрел на Бена Спрейка. Пухлый младший алтерн безвольно лежал, глядя на того же человека. Рааб с изумлением почувствовал, что все остальные люди, имеющие отношение к Флоту, тоже смотрят на него.

Прошло три или четыре минуты, пока этот человек дошел до маленьких домов. Бен не отрывал от него пристального взгляда. Затем повернул голову и посмотрел в глаза Рааба. Выражение абсолютного шока и страдания, появившееся на полном лице, было таким, что Рааб не хотел бы увидеть его снова.

Бен поднялся на ноги и отрешенно пошел вверх по откосу. Впечатление было такое, что он вообще не остановится до тех пор, пока не погрузится в море на противоположной стороне острова. Но прежде чем скрыться из виду, он упал на подстилку из веток и зарылся лицом в пожухлые листья. Его плечи сотрясались от беззвучных рыданий.

Человек, носивший теперь форму офицера Мэдерлинка, был Бен Спрейк-старший.

Все безмолвно смотрели на Бена Спрейка-младшего. Фактически (и Рааб думал, что это могло послужить примером для гражданских), ни один даже не намекнул на тот обидный факт, свидетелями которого они стали. А позднее, когда Бен немного успокоился, на его застывшем лице появилось достоинство, что очень удивило и

даже восхитило Рааб. Тем не менее выражение достоинства не могло скрыть красноту припухших век офицера.

* * *

Перед заходом солнца не оправившийся от потрясения и еле связывающий слова Рааб, начал обрисовывать свой план действий.

— Сначала мы должны захватить установленные в джунглях метатели гарпунов и повернуть их против обороняющихся. Я набросал карту и обозначил ориентиры в джунглях; мы выделили группы для захвата каждого метателя, атакуем одновременно, точно по расписанию. Когда мы возьмем их и укомплектуем своими людьми, другая группа попытается захватить два блимпа, пришвартованные вблизи арсенала. Конечно, сначала они организуют оборону около арсенала. Но в корзинах блимпов вы найдете луки и стрелы... а также восемь метателей гарпунов, обращенных к постройкам, — он сделал небольшую паузу и всмотрелся в напряженные лица. — Еще одна группа приложит все усилия, чтобы добраться до частокла. Если мы откроем ворота, освободим заключенных и приведем их на стоянку блимпов, там найдется лук для каждого! И гарпуны, нацеленные на здания... Туда пойду я, Ник, Кадебек, если он захочет, и еще пять или шесть добровольцев, — он снова сделал паузу. — Мы постараемся найти жир, чтобы сделать огненные стрелы. — Возможно, когда мы освободим заключенных, то сможем прорваться на кухню. Она находится в дальнем конце столовой, ближе к утесу.

Джон Кадебек с сомнением проговорил:

— Джеран, ты действительно думаешь, что горстка людей сможет сделать это? — он недоверчиво посмотрел вокруг.

Рааб не дал ему сказать больше.

— Запомни — гарнизон не знает, что нас только горстка! Конечно, нам потребуется удача... но если мы точно выберем время и точно ударим, удача будет на нашей стороне! — он остановился и дал им возможность обдумать его слова. — Какие-нибудь возражения? Кадебек?

Представитель экипажа поднял голову, саркастически выругался, а затем усмехнулся.

— Если у меня есть возражения, я оставлю их при себе. У меня нет альтернативного плана — а ты, Джеран, творишь чудеса. Я только надеюсь, что удача не отвернется от тебя в ближайшее время. Есть только одно сомнение — ты говорил, что атака на тюрьму будет самой отчаянной. Я не думаю, что ты должен участвовать в ней! Почему бы тебе не повести группу на захват блимпов? Там будет лучшая позиция, чтобы руководить боем.

Рааб энергично покачал головой.

— Нет. Большинство людей за частоколом — представители Флота. Они узнают меня, и я сумею организовать их быстрее, чем кто-нибудь другой. Если мы не сможем быстро освободить их и привлечь на свою сторону, то можем проиграть!

Кадебек вздохнул, пожал плечами и молча согласился.

И тут внезапно заговорил Бен. Все глаза немедленно повернулись к нему. Его монотонный голос звучал ровно.

— Рааб, я хочу вести группу, атакующую блимпы.

Рааб с изумлением посмотрел на полного офицера. Эта часть плана тоже была важной — он хотел, чтобы это сделал тот, на кого он мог положиться...

Добавив немного страсти в голос, Бен заговорил снова.

— За моей спиной будут твои люди с нацеленными в меня гарпунами! Если я попытаюсь изменить... — Его лицо внезапно искривилось, и спокойствие исчезло. — Рааб, ты не понимаешь? Я... Я должен что-то доказать! Так же, как ты, когда все думали... — Он поднялся на ноги и с мольбой посмотрел на Рааба. — Сейчас я другой человек! Я знаю это! Я должен доказать...

Рааб глубоко вздохнул. Он знал, что не должен рисковать и ставить на Бена. Еще...

— Ладно, — сказал он, поддавшись непреодолимому импульсу, — ты поведешь эту группу, Бен!

17

Молодой офицер, принесший адмиралу Клайну плохие новости из Столицы, действительно засыпал на ходу. Его серая форма была заляпана грязью, и это было неудивительно, потому что, двигаясь вниз по реке, ему приходилось прятаться в различных болотистых местах.

— Садитесь, младший алтерн, — мягко сказал Клайн, давая возможность этому человеку опуститься на стул и немного перевести дух. — Через несколько минут для вас принесут сэндвичи, а пока скажите — в какой точке вы пересекали реку?

— Около Коултерсвиля, сэр. Я не думал, что ситуация в городе может быть...

Мрачно и больше себе, чем младшему алтерну, Клайн сказал:

— Во всяком случае, мы удерживаем Коултерсвилль довольно прочно! — Он о чем-то задумался. — Вы говорили, что по дороге сюда видели только одну вражескую курицу?

— Да, сэр, только одну. И мне кажется, что все планы были с нее. По крайней мере, могли быть с нее. — Молодой человек подавил зевоту.

Клайн вздохнул. Если бы этот человек знал, что территория к востоку от реки находится в верных руках, он мог бы пройти по прямой. Но в любом случае, несколько сбереженных часов не могли изменить ситуацию.

— Не могли бы вы сказать, когда наши шесть блимпов подошли к Столице, они не были атакованы планерами, которые могли быть посланы с этой курицы на разведку территории вокруг реки? Или, например, для того, чтобы перерезать лодочное сообщение между Столицей и Северной Стоянкой?

— Сэр, когда я понял, что там только одна курица, у меня сложилось мнение, что они не станут этого делать.

Принесли сэндвичи, и Клайн дал возможность молодому офицеру поесть.

— На пути сюда вы не видели боев в прибрежных городах у реки?

— Нет, сэр! Я обходил их стороной. Как уже говорил, я не знал... Клайн кивнул.

— Вы не могли этого знать. Какая часть Столицы находилась в руках Ольвани, когда вы покинули ее?

— Ну, доклады были очень запутаны, сэр. Единственное, что я знаю точно, в его руках находилось Правительственное Здание и несколько прилегающих к нему кварталов. Большого боя там не было — когда туда подошли наши блимпы, там все было практически кончено. Мы высадили группу наземных сил, и они выставили кордон вокруг занятой зоны. Бунтовщики пытались один раз прорваться по Эрлингтон-Авеню, но наши люди успели занять позиции с южной стороны, и мы отбили их атаку. Спустя час мы узнали, что они даже не пытались двинуться в других направлениях. — Он зевнул, видимо, не сумев побороть это, извинился и немного покраснел. Клайн усмехнулся и махнул рукой, как бы говоря, что извинения излишни. Молодой человек откусил сэндвич, прожевал и продолжил рассказ. — Мы не могли сделать большего. В Правительственном Здании их слишком много. Они поставили людей к метателям гарпунов на крышах и кроме того расставили лучников. Капитан Эрлистон решил, что будет разумнее не ввязываться в бой, пока не подойдет подкрепление. Мы точно не знаем, помогает ли Мэдерлинк Ольвани, и решили на случай, если придут вражеские блимпы, оставить экипажи наших кораблей в воздухе.

Клайн вздохнул.

— Конечно, это было правильное решение. Например, вы не могли сбросить горящий жир на крышу Правительственного Здания. В нем находится слишком много заложников. Кроме того, гарпуны продажных бунтовщиков могли пробить баллоны блимпов, а мы с таким трудом набрали гелий. — Он на мгновение задумался. — Я бы много дал, чтобы узнать, знает ли Мэдерлинк, что Ольвани

планировал захватить Правительственное Здание. По вашему мнению, если бы они это знали, они послали бы туда подкрепление! — Он сидел, сдерживая холодный гнев. Конечно, Ольвани обманул их, чтобы самому ударить по Столице. Кто ожидал, что Член Совета сделает подобный выпад в день выборов? Но в этом был здравый смысл! Едва ли что-нибудь могло изменить общественное мнение и свергнуть законное Правительство. И несомненно, это, по мнению Ольвани, давало ему козырь в игре с его полусоюзником Мэдерлинком.

Клайна сейчас интересовало одно, как ему сплотить законно выбранных конгрессменов. Он почти не думал о президенте. Этот слабовольный человек... Но он должен узнать, где находится Вольфан, и, если Ольвани захватил его, попытаться спасти. И хотя в этом не было большой необходимости, можно было вернуть Правительственное здание... Ему не терпелось подняться на ноги; организовать экспедицию к Столице. Но он сдержал себя. Сначала необходимо собрать всю информацию.

— Сейчас я жалею,— полурассеянно сказал он,— что не приказал Эрлисону после высадки наземных сил вернуться сюда! Когда они, распыляя свои силы, двинутся на восток, мы должны сконцентрироваться здесь.

— Сэр, но мы надежно заперли бунтовщиков в Правительственном здании,— с воодушевлением сказал младший алтерн.

Клайн нахмурился.

— Конечно, конечно. Но не исключена возможность, что Мэдерлинк при достаточной поддержке с воздуха двинет свои наземные силы в глубь страны. А мы на их пути можем выставить только партизан. Мы должны знать... Молодой человек, на время мы укрылись в Востокограде! Но у нас нет транспортных блимпов! — Он мысленно встряхнулся.— Младший алтерн, вы сделали все, что нужно. Почему бы вам сейчас не помыться и не отдохнуть? — Он поднялся.

Молодой офицер тоже, но немного задержался.

— Мм... что мы будем делать дальше, сэр?

Клайн угрюмо улыбнулся.

— То, что делали самые древние боевые организации — маршировать! Я сам поведу экспедицию к Столице. Думаю, это единственное, что мы должны сделать сейчас. Но боже, помоги Лоури, если я ошибаюсь!

Клайн спешил найти капитана Линдера. Надо было многое сделать. Возможность поражения и сомнения в своих действиях вызывали ощущение свинцовой тяжести в желудке. Сколько ошибок он сделал? И какая из них может стать роковой? Должен ли он во что бы то ни стало снова укрепить Гору Купола? Должен ли он собирать крупные силы в Столице, чтобы пресекать сумасшедшие

идеи Ольвани? Было только два ярких пятна на сером гобелене происходящих событий: первое — выборы, где они прошли, показали, что большинство населения против Ольвани и против капитуляции; второе — Флот, сколь бы мало ни было у него блимпов и гелия, еще представлял силу. Верные люди, если в нужное их собрать в нужном месте, были готовы сделать свое дело!

Он нашел Линдера и, не заботясь об удобствах, сказал:

— Мэт, мы должны довести до конца то, что решили организовать! Кроме этого, мы должны сделать кое-что еще, включая марш-бросок к...

18

Бен Спрейк-младший лежал на ковре сырых листьев, замаскировавших его среди свисающих со всех сторон ветвей. Стояли глубокие сумерки. Он пытался сдерживать дыхание, потому что он так близко находился от расположения одного из метателей гарпунов, что мог слышать вялый разговор четырех охранников и чувствовать запах табачного дыма. Но он не мог совладать с собой, потому что его сердце билось так сильно, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Даже шум в висках, казалось, мог быть услышан врагами.

Послышалось низкое гудение, как будто кто-то из вражеского отряда задел взведенную резиновую тетиву метателя. Кто-то пошел велился около него, и его напряжение достигло такой точки, что он вообще некоторое время не мог дышать. В этих джунглях обитали довольно большие вездесущие, которые могли атаковать человека, а у него из оружия был только нож. Но атаки не последовало. Чуть дальше снова раздался слабый звук. Вероятно, это один из его товарищей, пробирающийся на позицию, чтобы внезапно напасть на отряд около метателя гарпунов. **БОЖЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ЕЩЕ НЕМНОГО!** — безмолвно молил он. Ему требовалось время, чтобы справиться с подступающей к горлу тошнотой. Но он также боялся промедления — если он не справится с этой тошнотой и громко рыгнет, это может предупредить врага. Зачем он напросился на это? О, каждый знал причину — но все также знали, что Бен Спрейк-младший непригоден для этого. Люди, по крайней мере некоторые, всегда знали! Он очень ясно помнил презрение на лицах курсантов, когда отказывался от грубых игр и развлечений в Академии.

Но он взял на себя эту работу, и он сделает ее. Он проведет атаку на пришвартованные блимпы. **ОН НЕ СТРУСИТ ВО ВРЕМЯ АТАКИ.** Нет, или он не сможет жить после этого!

Нет, он сделает это, во всяком случае сейчас, когда он (и все остальные) узнал об измене отца. Было бы хорошо умереть сейчас и покончить со всем. Но, чтобы умереть, можно было просто уто-

питься в море — это было бы легче и быстрее, подумал он. Не как этот насильственный и кровавый способ! Все инстинкты пронзительно визжали внутри него, выступая против того, чтобы он бросился под град стрел или шел на врага, чей нож поднимется, чтобы поразить его... Подумав о ноже, он вздрогнул. Он не мог без содрогания думать даже о случайно порезанном пальце. Острый край отточенного кремня отрывает кусок плоти; чувство боли; отделяющаяся кожа; бьющая струей кровь...

Он закрыл глаза и вжался лицом в листву. СМОЖЕТ ЛИ ОН СДЕЛАТЬ ЭТО? Сможет ли он заставить свои дрожащие руки, которые, казалось, сейчас вообще не слушались его, оттолкнуть тело от земли? Сможет ли он заставить свои безвольные ноги нести его вперед, а руки действовать?

Я СМОГУ, Я СМОГУ, Я СМОГУ, безмолвно кричал он.

Но не сейчас, еще минуту, секунду, пожалуйста!

И вдруг он услышал впереди топот бегущих ног и первый испуганный вскрик около метателя гарпунов. Казалось, это тянулось вечность, пока он лежал там, и внезапно в его сердце возникла такая боль, что он захотел умереть прямо здесь и немедленно.

Но что-то щелкнуло в его голове, и все инстинкты завершали против того, чтобы он оставался один. Что-то подтащило руки к плечам, заставило опереться их ладонями о землю, выпрямиться и оттолкнуться от земли. Что-то заставило его подняться на ноги. И затем, не веря себе, он сделал шаг по ковру из листьев и побегал, огибая едва видимые стволы деревьев и кусты. Он услышал свой собственный крик — бессвязный, но громкий. Он услышал позади топот ног следующих за ним людей. Он мог слышать проклятья и крики вражеских солдат, не успевших подготовиться к бою и умирающих на маленьких, расчищенных площадках около метателей. Его желудок, словно помогая врагу, пытался остановить его, но ноги продолжали бег. Боль в груди и мучительные судороги, которые, как он понял, были вызваны смертельным страхом, не остановили работу легких. Он бежал.

Он выбежал из джунглей на открытое место, посмотрел вокруг и увидел задержавшихся около блимпов трех или четырех механиков, которые застыли и с изумлением смотрели в их сторону. Позади послышался звон тетивы, и мимо него просвистела стрела, скрывшаяся в груди изумленного механизма. Так быстро, как мог, он побежал к двум выбранным блимпам.

Теперь позади него послышался громкий звон метателей, посылающих гарпуны в сторону зданий, где в дверях появилось несколько человек. Стрелы дугой устремились по направлению к этим людям. Они сбились в кучу, ища укрытие и что-то крича.

Вокруг Бена сформировалась его группа. Кто-то — Вилли Вайнер — обогнал его и вырвался вперед, неистово топая ногами. В его

группе ни у кого не было луков; они найдут их в корзинах блимпов. Дождь стрел, прикрывающий бросок Бена, пронесся над головой и устремился к обороняющимся.

Но вот появились первые стрелы со стороны зданий — вероятно, стреляли из большого арсенала, где полдюжины узких вертикальных бойницы создавали хорошее укрытие для лучников. Бен услышал крик вражеского офицера (слава богу, это был не его отец!), отдающего приказы и организовывающего оборону. Он увидел группы людей, которые, пригнувшись, перебежали к задней стене арсенала и, достигнув ее, быстро ныряли в укрытие. В мерцающем свете ламп они выглядели странно и неестественно. Кто бы ни направил их туда, он не мог укрыть все свои силы в арсенале!

От кромки джунглей, по высокой дуге, над головой проплыли горящие стрелы и упали на крышу арсенала. Их появлялось все больше. Некоторые втыкались, другие скатывались по крутой крыше и падали на землю, не успев зажечь дранку. На миг Бен удивился. Где они взяли для огненных стрел жир? Возможно, они воспользовались жиром, залитым в лампы около метателей гарпунов.

Его легкие горели, словно дранка на крышах, но он, пошатываясь, продолжал бежать. Вайнер — обогнавший его почти на двадцать футов — внезапно споткнулся и упал с криком, который состоял наполовину из испуга и наполовину из яростных проклятий. Мгновение он, корчась, лежал на боку, а затем Бен увидел, как он со злобой сломал древко стрелы, оставив наконечник в бедре. Он снова поднялся и, хромая, двинулся вперед. Бен догнал его, на мгновение приостановился, чтобы помочь, но поняв, что на это нет времени, задышавшись сказал:

— Попробуй добраться до ближайшего! Я возьму второй! — и побежал дальше.

Он пробежал мимо первого блимпа; оглянулся назад и увидел, что Вайнер, пошатываясь, приближается к нему. Кое-как он заставил свои собственные ноги сделать еще несколько шагов. Он добрал до корзины блимпа, к которому стремился; слабо ухватился за перила и с трудом перебрался через них; его ноги подгибались. Он бросился к поднятому метателю; нащупал почти парализованными пальцами удерживающие его веревки; освободил их. Задышающиеся люди из его группы сваливались в корзину. Натренированным движением он автоматически потянулся за гарпуном; вставил его в паз; начал взводить рукоятку.

Вражеский гарпун со свистом пролетел мимо, едва не задев край корзины. Бен перевел взгляд на арсенал. Кто-то додумался установить внутри тяжелое оружие и теперь стрелял через узкую бойницу. Задышавшись, он крикнул своим людям:

— Сосредоточьте огонь на бойницах!

Он взвел рукоятку свой метатель; повернул его на шарнире и

нацелил на одну из бойниц; нажал спусковой рычаг. Он даже не посмотрел, куда попал его гарпун — он заряжал другой. Стрелы, вылетающие из корзины обоих блимпов, сходились у арсенала.

Он бросил взгляд на берег. В свете ламп он увидел смутные фигуры людей, бегущих к частоколу. Он решил, что узнал среди них Рааба и Джона Кадебeka. Слышались крики заключенных. Он увидел, как один из них взобрался на частокол, перебрался через остроколенные столбы и прыгнул на землю. Он даже услышал, как вскрикнул этот человек, когда приземлился на полусогнутых ногах.

Теперь обороняющиеся, скрывшиеся в одном из ангаров, заметили группу Рааба. Раздались крики, и оттуда полетели стрелы. Бен закричал, чтобы привлечь к этому внимание своих людей, и, повернув на шарнире метатель, нацелил его на двери более ближнего ангара. Строевой лес остановит гарпун; но если он попадет в маленькое окошко... Он сделал это и испустил торжествующий крик. Сейчас загорелись крыши и других зданий, но арсенал весь был охвачен огнем. Он слышал, как кто-то кричал внутри, требуя принести ведро воды. Он снова повернулся, чтобы увидеть, что делается около частокола. И в этот момент из арсенала вылетел гарпун и устремился к нему. словно почувствовав это, он повернул голову и увидел его. Мускулы напряглись — если бы он сохранял равновесие, он мог бы увернуться. Но его ноги были широко расставлены и он, наклонившись, схватился за перила одной рукой. И несмотря на то, что он все-таки попытался сделать это, он знал, что не успеет увернуться вовремя; растянувшиеся секунды привели его в ужас, когда он увидел, что гарпун попадет точно.

Гарпун ударил на дюйм или два ниже пояса. Он почувствовал (ему даже показалось, что он услышал это), как острый конец безжалостного снаряда пронзил его тело, разрывая мускулы, и вышел с другой стороны. Он подумал, что гарпун перебил его позвоночник; в спине была невыносимая боль. Или это чувствовали оголившиеся нервы его тела и кожи. В любом случае, он был уверен, что прежде, чем удар отбросил его назад, конец гарпуна вышел из спины. Он почувствовал, как падая, ударился о сплетенное дно корзины. Тяжелое древко, словно рычаг, перевернуло его на левую сторону. Несколько секунд он лежал абсолютно без движения, понимая, что если он пошевелится, это принесет ему еще худшую боль. По тем же причинам, он даже старался сдерживать дыхание.

Но вскоре ему снова пришлось наполнить легкие и стон, вызванный ужасной болью, прорвался через сжатые зубы. Он в высшей степени осторожно двинул рукой, чтобы убедиться, что его мускулы еще действуют, но это слабое движение послало сигнал диафрагме и вернуло назад волну сильной боли.

Он почувствовал, как его горячая кровь пропитывает одежду. На мгновение он подумал: «Я ДОЛЖЕН ПОПРОБОВАТЬ», и обе-

ими руками взялся за древко. Но легкое прикосновение вызвало такие ужасные ощущения — не столько боль (хотя и она тоже), сколько невыносимый ужас от сознания, что в твоём теле пробита дыра и торчит инородный предмет — что он быстро отпустил гарпун.

Над ним склонились люди. Он едва слышно пробормотал, чтобы его оставили одного; и не прикасались к нему. Спустя некоторое время он прислушался к шуму боя. Его уши, казалось, с каждым мгновением слышали все хуже, но он слышал крики, ругань и одобрительные восклицания, свист стрел и стук ударяющих в дерево гарпунов. Он понял, что ужасный бой продолжается. По-видимому, все заключённые уже вооружились; а обороняющиеся, вероятно, отчаянно пытались вырваться из зданий. Мерцающий свет, проникающий сквозь переплетения корзины, говорил о том, что многие здания охвачены огнём. Ему казалось, что он даже слышит шум и треск огня; но этот шум мог родиться в его ушах. Он знал, что потерял много крови, а его сердце старается перекачать каждую оставшуюся каплю от легких к мозгу и обратно. Но не к его конечностям. В его руках и ногах было ощущение холода. И онемения.

В его потускневших глазах все расплывалось. ТАК ВОТ КАКИ Е ЭТО ВЫЗЫВАЕТ ОЩУЩЕНИЯ, притупленно подумал он. Боль сейчас не была такой ужасной, как вначале — он чувствовал её, но она была отдаленной.

Он подумал: «Я УМРУ РАНЬШЕ, ЧЕМ РААБ ПРИДЕТ СЮДА». И затем: «А МОЖЕТ, ОН ВООБЩЕ НЕ ПРИДЕТ СЮДА. ВОЗМОЖНО, ОН СЕЙЧАС ТОЖЕ УМИРАЕТ».

Все это было слишком мучительно. Он слабо зарыдал, и каждое рыдание пробивало дыру в стене между ним и болью. Он закашлялся, и это отозвалось такой сильной болью, что он, совершенно обессиленный, лежал, дрожа от презренного страха, что снова может закашляться. Теперь ему осталось недолго ждать; он надеялся, что как-нибудь выдержит это. Но он желал, чтобы Рааб успел прийти вовремя. Он был несправедлив к Раабу; он поступал, как мерзкий ублюдок. Он не винил Рааба за то, что тот ударил его, хотя ни один офицер не должен бить другого, когда вокруг люди... Но он же не знал! Все думали, что отец Рааба был предателем. Ну, почти все... Он едва сдержался, чтобы не разрыдаться снова.

А затем он слышал, как люди дрожащими, наполненными гордостью голосами говорили: — Капитан! Рааб! Мы сделали это!

Кто-то упомянул имя Бена, кто-то что-то еле слышно пробормотал, и внезапно над ним склонился Рааб. Большая рука мягко опустилась на его плечо. Он попытался сказать:

— Рааб, я... — но слова застряли в его горле.

— Помолчи, парень! — грубовато сказал Рааб странным, словно издалека доносившимся голосом, какие сейчас были у всех.

Затем Бен понял, что он пытался долгое время удерживать в себе

что-то, что пыталось вырваться; он мысленно пробормотал этому последнее «прощай» и отпустил. Он почувствовал, как это выскользнуло из него, и почувствовал облегчение.

У него промелькнуло сожаление — было много вещей, которые он хотел бы увидеть, услышать или попробовать хотя бы еще один раз — но затем сменилось слабым испугом. Но больше всего его наполняла гордость. Он сделал свою работу, как надлежало офицеру Флота. И Рааб был здесь; и между ними все было нормально. И люди стояли тихо и почтительно; после случившегося его не считали трусом! Совсем нет...

19

Бывший талисман «Совы» свернулся на горизонтальной крышке ящика, предназначенного для хранения гарпунов. Он пошевелился, поднял голову, посмотрел через перила правого борта большого незнакомого блимпа и издал звук, напоминающий сталкивание камней. Рааб, всматривающийся вперед, протянул руку и рассеянно похлопал его по чешуйчатой спине между первой парой крыльев.

— Да, дружище, мы возвращаемся домой! Ты понял это, или нет? — Затем, когда тело вездесущего подобралось, словно он намеревался броситься в воздух, он сказал более властно: — Останься! Ты давно не летал на такой высоте. Ты можешь не долететь до края столовой горы!

Сущ с мягким полупротестующим ворчанием затих. Рааб поднялся, подошел к передним перилам и обеспокоенно всмотрелся вперед. Он был уверен, что впереди, в тусклом свете раннего рассвета, неясно вырисовываются очертания зданий Востокограда и построек Восточной Стоянки. Но почему не видно огней?

Он шагнул в сторону, нащупал свистун захваченного блимпа, взял из зажима деревянный молоток и, стукнув по пластине, извлек одну длинную ноту. Он выждал десять секунд и стукнул еще раз. Вилии Вайнер (из-за полученной раны он не мог работать на весле, сидя на корме, отсчитывал ритм) крикнул: — Все весла — стоп!

Рааб взглянул на корму. Он мог слышать приглушенные голоса людей, которых он поставил командовать другими блимпами, повторяющие этот приказ, потому что ясно поняли его сигнал остановиться. Он уже мог видеть в слабом свете рассвета ближайшие блимпы. Остальные двигались сзади в свободном построении, но люди в их корзинах были готовы взвести метатели гарпунов и схватить луки, если им встретятся блимпы вражеской блокады. (Хотя, если учесть количество захваченных блимпов и то, что другая часть находится далеко в стране ущельев, он сомневался, что силы блокады могут составить серьезную угрозу.)

Но сейчас он находился близко к восточному краю Лоури и не исключал возможности встречи с вражескими блимпами — кроме того, Востокоград, обычно довольно оживленный город, сейчас был безмолвен и, по-видимому, покинут. Он выждал несколько минут; затем, понимая, что силуэты блимпов могут быть хорошо видны на фоне рассвета, тихо приказал:

— Убрать пол-оборота сжатия впереди и на корме!

Лучше подняться выше и подойти к городу на недостижимой для гарпунов высоте, а также, если его наихудшие предположения окажутся правдой, исключить возможность внезапной атаки вражеских планеров. Высоко в небе могли парить невидимые курицы! На Медовом острове он забрал все курицы, но, по его подсчетам, у Мэдерлинка оставалось еще пятнадцать куриц, о местонахождении которых он не знал. Некоторые могли быть в стране ущельев, другие — на Мэдерлинке; но, по крайней мере, четыре, если не больше, могли входить в силы блокады.

Его маленький палец начал пульсировать. Пытаясь снять внутреннее напряжение, он глубоко вздохнул. Неужели Лоури уже завоевана? Он привел десять грузовых блимпов, нагруженных гуано; балластные мешки остальных тоже были наполнены этим веществом. Хотя это была только часть того, что требовалось Лоури, но не презренная часть. Он имел боевые корабли, укомплектованные людьми и вооружением, которые способны прорвать блокаду, если нанесут удар прежде, чем Мэдерлинк успеет собрать здесь все остатки своего флота. А главная база блокады находилась сейчас в надежных руках — в руках Кадебeka.

Но неужели он пришел слишком поздно?

Благоразумно это или нет, но он не мог больше ждать.

— Все весла — полный удар!

Они все еще поднимались, и теперь, под сильными ударами тридцати весел, двинулись вперед. Он стукнул по пластине свистуна, передавая очередное сообщение, и услышал голоса, отдающие сменившимся приказ. Светало. Теперь он мог видеть Востокоград; он присмотрелся и заметил отблеск плохо закрытого фонаря.

По крайней мере, в городе был кто-то живой! Но на Восточной Стоянке он не видел признаков присутствия гарнизона. Не было никакого сомнения, что своя или вражеская, если город занят врагом, охрана заметила его блимпы. Но люди пока не показывались.

Как бы он хотел увидеть кого-нибудь, чтобы удостовериться, что внизу нет врагов.

Талисман забеспокоился, и у Рааба появилась идея. Сигнальные свистки могли вызвать сомнение, а спускаться слишком низко, чтобы люди могли узнать его лицо и его голос, он не отважился. Но он мог послать письменное сообщение! Если стоянку оккупировали враги, он не передаст им ничего нового.

Поспешно открыв шкафчик, он достал бумагу и обожженную палочку и написал: «Рааб Джеран привел захваченный флот. Есть в городе адмирал Клайн?» Несмотря на то, что это был довольно серьезный момент, он усмехнулся.

Как закрепить сообщение на вездесущем? Проклятье, он должен был подумать об этом раньше... Шнурок! Он наклонился и расшнуровал ботинок; нетерпеливо выдернул шнурок. Обломил необожженный конец пишущей палочки, обернул вокруг него записку и привязал к шее талисмана.

— Ты должен это сделать, дружище — я не могу отправить сообщение другим способом. Иди! Иди домой! Постарайся не упасть!

С возбужденным криком вездесущий бросился за перила и круто спланировал, набирая скорость. Он мог бы не беспокоиться — существо, рожденное летать, не разобьется при старте с такой высоты. Он слышал его удаляющиеся радостные крики. Как его встретят? Это сейчас беспокоило его, но было уже слишком поздно звать его назад... Прошло несколько минут. Солнце скоро покажет свой край над горизонтом. Проклятье, он должен подняться выше; сверху он увидит все вокруг! И он вдруг приказал:

— Весла правого борта — стоп!

В корзине послышалось вопросительное бормотание, но гребцы правого борта прекратили работу, и блимп начал поворачиваться. Рааб дал ему развернуться на сто восемьдесят градусов.

— Один оборот сжатия впереди! — Нос наклонился вниз. — Триммеры — спускайтесь до той высоты, на которой мы приближались к столовой горе, а затем выровняйте блимп!

Два блимпа медленно сблизились. Когда расстояние между ними стало такое, что можно было переговариваться, он приказал:

— Все весла — стоп! — и крикнул: — Ник! Ник Рус!

— Да, сэр? — послышался ответный крик.

— Возьми все боевые блимпы, поднимись на максимальную высоту и оставайся там! В городе и на стоянке творится что-то странное!

После небольшой паузы послышался обеспокоенный голос Ника:

— Да, сэр. А как быть с грузовыми блимпами?

— Пусть остаются на своем месте в пределах слышимости звуковых сигналов.

— Будет сделано, Рааб!

Рааб услышал, как Ник отдает необходимые команды, а некоторое время спустя — сигнал свистуна с блимпа Ника. Он снова развернул свой блимп и направил его вниз, к стоянке.

Никто все еще не показывался, но сейчас Рааб увидел, что от кухни, где повара должны были готовить завтрак, дым не поднимается. Ощувив внутреннее напряжение, как и на Медовом острове, он подошел ближе, ожидая выпущенных навстречу гарпунов и стрел.

Но вот из здания Штаба вышли две фигуры в серой форме Флота Лоури и остановились, глядя вверх на приближающийся блимп. Пульс Рааба участился. Кажется все нормально! Но...

— Рааб Джеран? — донесся до них слабый крик. — Рааб?

— Да! — крикнул в ответ Рааб и приказал триммерам: — Убрать четверть оборота сжатия! Спуск до высоты тридцати футов!

Заскрипела оснастка, и блимп медленно опустился. Теперь Рааб узнал одного человека, который смотрел вверх, задрав голову.

— Линдер! — Он почувствовал, что немного покраснел от смущения. Прошло так много времени с тех пор, как он обращался к старшему... — Извините, капитан Линдер! Есть в городе адмирал Клайн, сэр?

На лице Линдера отразилась смесь изумления, недоверчивости и подозрительности.

— Что... — Затем он всмотрелся в лица других, узнал некоторых, и его подозрительность сменилась еще большим изумлением. — Милостивый боже! Это вы! И... ради бога, скажите, что вы имели в виду, написав «захваченный флот»?

Рааб, способный только улыбаться, как последний идиот, махнул рукой вверх: — Разве вы не видите его там, сэр? — Он ощутил трепет удовлетворения, какой испытывал однажды на Рождество, когда был еще мальчиком. По каким-то причинам он не надеялся получить подарки, а когда увидел их...

Линдер посмотрел в небо, вздохнул и снова перевел взгляд на Рааба. На его лице было какое-то замешательство.

— Мы видели, но подумали, что это атакующие силы врага! Вы з а х в а т и л и все эти?... — Он снова перевел ошеломленный взгляд на Рааба, а затем на его лице проступило напряжение. — Рааб — они все укомплектованы людьми и вооружены?

— Так точно, сэр! Но почему вы спрашиваете? — Рааб не видел никакого несоответствия.

— Адмирал Клайн взял все наземные силы, какие мы смогли собрать, и повел их к Столице, — объяснил капитан Линдер. — Ольвани захватил Правительственное здание! Западоград тоже в руках врага. Еще они взяли Гору Купола и... Сейчас мы прочно удерживаем только зону к северу от Горы Купола и восточнее Внутренней реки!

Рааб с изумлением посмотрел на него, и в его желудке возникло ощущение холода. — Столица пала?

— Нет, Рааб, только Правительственное здание и несколько кварталов вокруг. Но адмирал боится, что Мэдерлинк пошлет туда войска и займет Столицу полностью! И этот упрямый старик, чтобы удержать и укрепить положение, сам повел туда наши наземные силы! Он собирается прохромать весь путь пешком!

В этот момент Рааб даже не заметил непочтительность капитана к адмиралу Клайну. Его пульс бился в висках. Столица!

— Линдер, можете вы зажечь сигнальные огни или как-нибудь еще сигнализировать моим блиппам, чтобы они следовали за мной? Я прямо сейчас отправляюсь на юг, а по пути попытаюсь подобрать адмирала. О, да, здесь есть десять грузовых блиппов с гуано. Мы уйдем, а они пусть приземлятся здесь. Вы, надеюсь, позаботитесь, чтобы их разгрузили, а затем посадите на борт всех, кого сможете собрать — если понадобится, даже гражданских, кто сможет держать лук в руках — и отправьте вслед за мной! — Внезапно Рааб покраснел. — Сэр, я имею в виду... если вы одобряете это!

Линдер с удивлением посмотрел на него и усмехнулся.

— Разумеется, одобряю. Выше звание или нет, но я не собираюсь спорить с колдуном! Но... что будет, если силы вражеской блокады вздумают атаковать здесь?

— Существует вероятность, — ответил Рааб, — что враги больше не имеют сил блокады, если не считать тех, что они держат на западном крае. Но они не решатся оставить свои наземные силы без прикрытия с воздуха. Я почти уверен, сэр... у меня достаточно гарпунов, стрел и планеров, чтобы позаботиться обо всем, что может случиться здесь в течение ближайших восьми или десяти дней!

20

Впоследствии воспоминания адмирала Клайна об этих лихорадочных днях были немного запутаны. Вероятно, это произошло потому, что он был слишком утомлен.

Он помнил, как начал свой отчаянный марш-бросок по стране, делая только короткие остановки в городах, чтобы собрать больше людей, годных к бою. Его воспоминания об этом были особенно четкими из-за отчаянной боли в ногах.

И он помнил момент, когда мускулы его ног начали сводить судороги так, что он, несмотря на всю силу воли, не мог хромать дальше. О помнил, как бушевал, ругался и чуть не плакал; и в конце концов передал командование экспедицией офицеру, который, как он думал, был способен довести до конца задуманное и который имел пару более молодых ног.

Он помнил, как ушел его отряд... Видел, как они достигли гребня горы, расположенной южнее маленького городка, в котором отказали его ноги, видел, как они один за другим поднимались туда, останавливались и бросали прощальный взгляд на север. Кто-то помог ему подняться на крышу, и он безвольно стоял там, и отчаяние наполняло его старое сердце, когда он увидел то, что, как он думал, было Флотом Мэдерлинка, посланным, чтобы помешать его последней попытке спасти положение. Он удивился, что такая концентрация сил была послана к Восточной Стоянке — это казалось

слишком даже для такого высокомерного противника, как Мэдерлинк. Но, увидев эти блимпы, он узнал корабли Мэдерлинка!

Но после этого он вообще запутался. Он помнил, что довольно долгое время не мог понять, почему на лицах жителей маленького городка появилась радость. Даже когда он увидел в корзине вражеского блимпа лицо улыбающегося Рааба, долго не мог поверить, что это был не выверт сломавшегося наконец сознания или что это не было последней жестокой шуткой Судьбы или всемогущего врага.

И до самого конца компании, пока ситуация полностью не прояснилась, его не покидало чувство совершенного изумления.

Бой в Столице был коротким и жестоким. Окруженные на земле и атакованные с воздуха дьяволом во плоти, который привел блимпы Мэдерлинка, бунтовщики быстро поняли, что сопротивление бесполезно, и сдались.

Но каким-то образом — они так и не узнали как — небольшая группа людей, возглавлявших бунт, ухитрилась просочиться через линию обороны вокруг Правительственного здания. Среди них был и Ольвани. Они взяли с собой заложника — президента Вольфана.

Они так и не узнали, кто на следующий день убил Ольвани. Возможно, это был один из его последователей, по горло насытившийся фантастическими планами Ольвани. Вольфан, которого вскоре отпустили, тоже этого не знал. Тело обнаружил офицер Флота, обыскивавший пустые дома на Эрлингтон-Авеню. Клайн (его ноги снова служили ему, хотя в них еще чувствовалось онемение) ходил туда, чтобы увидеть труп.

Несколько дней спустя он рассказывал об этом Лайле Джеран, навестив ее, чтобы порадовать вестью о сыне, который увел Флот к Оркету для поддержки вспыхнувшего там восстания, пока Мэдерлинк был еще слишком дезорганизован, чтобы подавить его.

— Ольвани закололи в спину, — говорил он, — но никаких признаков борьбы не было. Он лежал лицом вверх с открытыми глазами. На его лице было странное выражение. На нем читалось изумление, недоверчивость и... ну, обида, что ли, словно он внезапно почувствовал, что Судьба изменила ему, но никак не мог этому поверить.

Лайла маленькими глотками пила чай, а Клайн пускал клубы дыма из своей трубки (перед уходом на Оркет Рааб сунул в руки адмирала два маленьких пакета, — чай и табак — обнаруженных им на борту одного из захваченных блимпов).

— Странно, — продолжал Клайн, — но на его лице не было даже признаков гнева или вины, только болезненно недоверчивый взгляд мертвых глаз. — Он снова выпустил клуб дыма. — Я даже посочувствовал ему. Проклятье, он лежал такой маленький и беспомощный!

Лайла поставила чашку на стол и посмотрела на него с некоторым беспокойством.

— Альберт... вы знаете, что он однажды делал мне предложение?

— Нет,— он ошеломленно взглянул на нее.— Он? Вам? До того как вы вышли замуж?

— Конечно, глупый! Раньше, чем я встретила Роула, и даже раньше, как я думаю, чем встретила вас.

Он покачал головой.

— Ну, тогда, вероятно, он был только студентом, не имеющим за душой ничего, кроме крошечной фермы, которую в какой-то день он мог унаследовать у своего отца. А вы были, ну... Королева Столовой Горы! Как же вы отреагировали?

Она вздохнула.

— Конечно, я пыталась быть вежливой, но боялась, что он заметит, что это для меня только развлечение. Я не смеялась над ним, Альберт, честно, нет, но... ну...— Она медленно потянулась за чашкой и сделала глоток чая.— Хотела бы я знать наверняка, что не это послужило причиной, почему он так возненавидел Флот. Мы никогда больше не говорили об этом, хотя не однажды встречались на правительственных приемах. И он... он ненавидел Роула.

— Я не думаю, что вы должны винить себя за это, моя дорогая,— проворчал Клайн.— Он лелеял свою честолюбивую мечту, и кроме этого ничто другое его не занимало. Он, вероятно, даже не помнил, что вы отвергли его когда-то. Ну ладно, я пришел сюда не для того, чтобы говорить о нем. Полагаю, до вас уже дошли сплетни, что Рааб ушел на Оркет?

— Мне кажется странным, что он ушел туда сразу после нашего чудесного спасения. Это было необходимо, Алберт? Как вы думаете, там будет много боев?

— Да, это было необходимо, но я не думаю, чтобы там вообще были бои. На тяжелом грузовом блимпе с Оркета прислали сообщение, что на столовой горе организовано восстание, которое свергло марионеточное правительство, поставленное Мэдерлинком. Вскоре они могут оказаться в такой же ситуации, в какой были мы, то есть будут испытывать недостаток гуано и гелия, а Мэдерлинк находится к ним гораздо ближе, чем к нам. Им потребуются много грузовых блимпов, и они получат их, если предотвратит установление блокады Мэдерлинком. Сейчас для этого самое время. На самом Мэдерлинке тоже возникло что-то вроде восстания — правда, мы не знаем как оно проходит,— и все боевые единицы Мэдерлинка отозваны домой. Разве что в стране ушельев остались небольшие силы, до которых еще не дошло сообщение.

— Выходит, мы остались без защиты? Я слышала, что на Оркет ушли почти все захваченные блимпы и плюс наши собственные, которые еще сохранили способность летать.

— Это не совсем так, моя дорогая. Мы не остались голыми! Но Рааб повел большие силы.— Он попыхивал своей трубкой.— О, в лю-

бом случае, вы сейчас мать командира. В его возрасте и с его званием я даже не мечтал о таком. Хотя некоторые офицеры Штаба — те самые, которые раньше выступали против него — предлагают проигнорировать устав и назначить его вице-адмиралом. Они трусливо чувствуют за собой вину и пытаются сделать все, чтобы отмыться. — Он с минуту наблюдал за ней. Она хорошо восприняла это, подумал он. — Лайла, какие планы на будущее? Вы вернетесь в Столицу?

Она посмотрела на него настороженным взглядом, который, как он помнил, всегда появлялся у нее при особых обстоятельствах.

— Я не думаю, что вернусь туда. Во всяком случае, в ближайшее время... Брат Роула сам может управиться на ферме; думаю, что мы с сестрой останемся здесь, в Востокограде. Знаешь, Алберт... здесь есть и другие причины... только вы должны мне пообещать, что не будете вмешиваться.

— Не вмешиваться? Лайла, почему...

Она улыбнулась и сказала:

— Настоящая причина, почему я хочу остаться со своей сестрой — в том, чтобы Рааб не чувствовал себя связанным заботами о своей бедной, старой вдовствующей матери. Сейчас для него самое благоприятное время найти какую-нибудь хорошую девушку и остепениться. Кстати, та девушка, с которой он был на Балу...

— Дочь Мэта Линдера. Почему вы думаете, что я стану вмешиваться; и как?

— Алберт, я не хочу указывать вам, что делать, а хочу только, чтобы вы не отговаривали его от женитьбы.

Он схватил трубку и, скрывая смущение, снова раскурил ее. Представляя себе блестящее будущее Рааба, он не имел в виду жену и детей.

— Лайла, меня немного обижает, что вы думаете...

— Ерунда. Обещайте мне это, Алберт!

Он раздраженно запыхтел трубкой и пробормотал несколько слов так, чтобы она не расслышала. Затем вздохнул и положил трубку.

— Ладно, все нормально. Но будь я проклят, если понимаю, почему женщины всегда помышляют женить мужчину! Вы не можете спокойно смотреть на парня, уши которого находятся в нужном месте и число рук и ног соответствует норме...

Она посмотрела на него лукаво.

— Алберт, вас я никогда не пыталась заманить в ловушку.

Он почувствовал, что краснеет.

— Лайла, вы прекрасно знаете, что среди нас самый последний зеленый младший алтерн мог...

Она засмеялась.

— Не надо так выкручиваться, чтобы быть галантным! Я знаю, что вы не были женаты. Признайтесь, Алберт — венчальные колокола не звучали в вашу честь, или я ошибаюсь?

Он почувствовал, как теплая волна прокатилась по его лицу, и покраснел еще больше, но тут же заставил себя усмехнуться.

— Ну, в таком случае, вы тоже должны признать кое-что. Вы были наиболее привлекательной девушкой на столовой горе!

— О, в вашей голове всегда было больше гелия, чем в курице, — сказала она. — А теперь серьезно, Алберт — некоторые из вас не хотят связывать себя; и большинство женщин не думают о вас из-за этого хуже. Но муж и семья — самое важное дело в жизни женщины. Если Рааб не захочет, я не стану даже пытаться толкать его на это, но я должна быть уверена, что он не чувствует себя связанным из-за меня. И не хочу также, чтобы вы переманивали его в свой лагерь.

Он вздохнул.

— Я не буду, Лайла. Если быть честным — ну, свобода превосходна и, если бы я получил еще один шанс, то, вероятно, не смог бы жить по-другому, но дожить до старости и не иметь сыновей или дочерей — это не сахар и не пирог с джемом. Человек должен понимать, что единственный путь к бессмертию — дети. Я полагаю, этого достаточно, чтобы составить определенное мнение. Я не буду оказывать влияние на Рааба.

Она улыбнулась и положила руку поверх его руки.

— Благодарю вас, Алберт.

Клайн медленно шел к Восточной Стоянке, размышляя и попыкая своей трубкой. Он надеялся, что чувства Лайлы не во всем совпадают с ее словами, но в одном она была права — вдова не должна цепляться за своего сына. В любом случае, Рааб, вероятно, много времени проведет вдали от столовой горы. Вместе с сестрой ей будет лучше.

Все складывалось довольно хорошо. Президент Вольфан освободился теперь от давления и стал благоразумнее, а население Лоури, по крайней мере, нынешнее поколение, получило поддержку сильного Флота. Многого надо было переделывать, и у него было несколько новых мыслей, заслуживающих внимания. На следующие несколько лет он, Клайн, мог дать событиям правильный толчок.

Во-первых, они должны более внимательно отнестись к внешним базам столовой горы, как, например, на Медовом острове. Мэдерлинк доказал, что им нужны такие базы. И еще три-четыре базы в стране ущельев. И, возможно, какие-то модернизации в строительстве блимпов — хотя идея кривошипного механизма уже скисла.

Он прошел через ворота, рассеянно ответил на приветствие часового, подошел к административному зданию и по ступенькам поднялся в свой офис. Его ноги сейчас были в довольно хорошем состоянии. Он в о о б щ е чувствовал себя хорошо и решил, что отставку можно отложить на пару лет.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Муркок. РИТУАЛЫ БЕСКОНЕЧНОСТИ. Роман.	
<i>Перевод В. Черных</i>	3
Д. Рэнкин. ОПЕРАЦИЯ «ЯМАНАК». Роман.	
<i>Перевод Е. Красильниковой</i>	115
К. Мак-Апп. УЗНИКИ НЕБА. Роман.	
<i>Перевод М. Астафьева</i>	265

Литературно-художественное издание

УЗНИКИ НЕБА

Фантастические романы

Составитель

РЕЗАНОВА Наталья Владимировна

Редактор **Н. В. Резанова**

Худож. редактор **А. В. Гришин**

Технич. редактор **Г. В. Стачева**

Корректоры **Е. В. Карельская, Е. А. Кокорина**

Сдано в набор 10.12.92. Подписано в печать 05.04.93. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная и газетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 25,11. Уч.-изд. л. 29,22. Усл. кр.-отт. 26,5. Тираж 50 000 экз. Заказ № 3899. С 011.

ГИПП «Нижеполиграф»

603006 Нижний Новгород, ул. Варварская, 32

• БУДН ИЖИНС •

